

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМ. А.С. ПУШКИНА

**СЛАВЯНСКАЯ КУЛЬТУРА:
ИСТОКИ, ТРАДИЦИИ,
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
XX КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

*Материалы
Международной
научно-практической конференции
(22–24 мая 2019 года)*

Москва

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А. С. ПУШКИНА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**СЛАВЯНСКАЯ
КУЛЬТУРА: ИСТОКИ,
ТРАДИЦИИ,
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ**
XX Кирилло-Мефодиевские чтения

Материалы Международной
научно-практической конференции
«Славянская культура:
истoki, традиции, взаимодействие.
XX Кирилло-Мефодиевские чтения»
22–24 мая 2019 года

Москва
2019

УДК 8.80
ББК 80.4
С 47

*Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.
Протокол № 4 от 28 января 2019 г.*

Редакционная коллегия:

М. Н. Русецкая (главный редактор); *М. А. Осадчий* (зам. главного редактора); *И. А. Лешутина* (научный редактор); *И. С. Леонов* (ответственный секретарь); *Т. Сырбу* (зам. ответственного секретаря); *Т. Тапилин* (технический редактор); *Н. Зайцев, М. Казикова, А. Почуева, К. Сафарова* (исполнители)

Рецензенты:

О. В. Шаталова, доктор филологических наук, профессор
ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»;
Т. В. Кудярова, кандидат педагогических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина»

*Статьи печатаются в авторской редакции. Ответственность за
содержание и корректность заимствований несут авторы статей.*

- С 47** Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения // материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения» (в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур, 22–24 мая 2019 года) : сборник статей/ гл. ред. М. Н. Русецкая. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2019. ??? с.

ISBN

В сборнике представлены статьи, посвященные актуальным вопросам языкознания, литературоведения, отечественной и мировой истории и культуры. Обсуждаются вопросы методики преподавания филологических дисциплин и русского языка как иностранного, функционирования русского языка в современных медиа. Затрагиваются проблемы лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, истории и поэтики русской и зарубежной литературы. Обсуждается современный литературный процесс и современное состояние славянских языков и культур.

УДК 8.80
ББК 80.4

ISBN

© Государственный институт русского
языка им. А. С. Пушкина, 2019

Азимов Эльхан Гейдарович

СЛОВАРЬ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ФИЛОЛОГОВ. 21

Акимова Эльвира Николаевна, Короткова Анастасия Александровна

РЕАЛИЗАЦИЯ ФУНКЦИЙ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ

В ЗАВИСИМОСТИ ОТ КОНТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА

М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА») 25

Алексиева Елена Павлова

НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СПОНТАННОЙ РЕЧИ

НА МАТЕРИАЛЕ ТОК-ШОУ (ПО ДАННЫМ СЛУХОВОГО АНАЛИЗА) 31

Алиева Севда Джалал кызы

ПРОБЛЕМЫ ПОДБОРА ЭКВИВАЛЕНТНЫХ СООТВЕТСТВИЙ

ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЛИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ 37

Аннушкин Владимир ИвановичТЕРМИН *СЛОВО* В ЭВОЛЮЦИИ ЕГО ЗНАЧЕНИЙ

(НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНИКОВ РИТОРИКИ И СЛОВЕСНОСТИ XIX ВЕКА) . . . 43

Ахмедова Камаля Каландар кызы

ФОРМИРОВАНИЕ УМЕНИЙ И НАВЫКОВ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ

РУССКОЙ РЕЧИ У УЧАЩИХСЯ-АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ 49

Барбун Виктория Викторовна

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН

В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ АВТОМОБИЛЬНОМ ДИСКУРСЕ 54

Бобоха Анастасия Анатольевна, Иняшкин Станислав Геннадьевич

ОЦЕНКА ЧИТАЕЛЬНОСТИ

УЧЕБНИКОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ 60

Богачева Галина Федоровна

ВАРЬИРОВАНИЕ ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО СОСТАВА СЛОВАРЯ

(НА ПРИМЕРЕ СТАНДАРТНЫХ ПАРАМЕТРОВ *ВХОД В СЛОВАРЬ*

И ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА) 64

Боженкова Наталья Александровна, Тюлюкина Юлия Владимировна

КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

НОСИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 70

Борисенко Владимир Иванович

КАДЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 74

Брагина Наталья Георгиевна, Войслова Силвия Симеонова

ТЕМАТИЧЕСКИЙ КЛАССИФИКАТОР

«РУССКАЯ И БОЛГАРСКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В СОПОСТАВЛЕНИИ»:

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ. 79

Буинь Цимике, Ильина Ольга Александровна

ВЫРАЖЕНИЕ ТОЧНОГО ВРЕМЕНИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ . . . 83

Бурмакина Наталья Алексеевна, Хлякин Олег Сергеевич

АКАДЕМИЧЕСКАЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОСТЬ СТУДЕНТОВ

И ЦИФРОВАЯ ЛИНГВОДИДАКТИКА 88

Буявых Виктория Алексеевна, Роговнева Юлия Васильевна

ФИКЦИОНАЛЬНОСТЬ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ

И МОДЕЛИ ВИДЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В НИХ. 92

Буявых Виктория Алексеевна, Роговнева Юлия Васильевна,

Ушакова Марина Леонидовна

РЕГИСТРОВЫЕ КОМПОЗИТИВЫ

И ИХ СООТНОШЕНИЕ В ИНТЕРНЕТ-ОПИСАНИЯХ ОДЕЖДЫ 96

Вальчак Дорота

В ДРЕВНЕРУССКОМ ИЛИ В ВИЗАНТИЙСКОМ СТИЛЕ?

ИДЕАЛ РУССКОЙ ИКОНОПИСИ В КРУГУ КОМИТЕТА

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О РУССКОЙ ИКОНОПИСИ (1901–1917) 100

Веселовская Татьяна Сергеевна

ВИЗУАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ УЧЕБНИКА ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

КАК ИСТОЧНИК СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ 105

Войслова Силвия Симеонова

«МИР КАЖИМОСТИ» В РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ. . . 111

Волкова Анна Геннадьевна

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ АРХЕТИП В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА 115

Вострикова Ольга Владимировна, Гаврилова Лада Владимировна

СТРУКТУРНО-ИНФОРМАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

ДЕТЕКТИВНЫХ ЗАГЛАВИЙ И ЗАГОЛОВКОВ 120

Гезельбаш Нилуфар Гобад, Китанина Элла Анатольевна

НАРУШЕНИЯ КОГЕРЕНТНОСТИ

В РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОГАХ 125

Гетманская Елена Валентиновна

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ СЛОВЕСНОСТИ: НАЧАЛО XX ВЕКА. 128

Глебова Надежда Геннадиевна

МОДЕЛИ ПЕРЕХОДА ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

РУССКИЙ В КАЧЕСТВЕННОЕ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ

ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «РУССКОСТЬ» 133

Голованова Надежда Юрьевна

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СИНЕГО ЦВЕТА

В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л. Н. АНДРЕЕВА. 139

Гончарова Любовь Марковна, Серебrenикова Евгения Сергеевна

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ:

РЕЧЕВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ 142

Горбич Ольга Ивановна, Слепенцева Анна Олеговна

ТЕКСТЫ ПЕСЕН СОВРЕМЕННЫХ РОК-ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

КАК ОСНОВА ДЛЯ ПОДБОРА ЯЗЫКОВОГО

ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В СТАРШИХ КЛАССАХ ШКОЛЫ. 147

Григорьева Татьяна Владимировна, Зайцева Мария Владимировна

КОНЦЕПТ «ДЕНЬГИ» В НАЦИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН. 151

Гусева Алла Ханафиевна

МЕТОДИКА РАБОТЫ НА ИНОЯЗЫЧНЫХ

КОММУНИКАЦИОННЫХ ПЛАТФОРМАХ КАК СРЕДСТВО

ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ. 156

Гуськова Маргарита Дмитриевна, Мамонтов Александр Степанович

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВАХ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА
В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ.....161

Данилович Татьяна Валерьевна

РЕЦЕПЦИЯ ПРИНЦИПОВ ЧИСТОГО ИСКУССТВА
В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ ЭПОХИ ОТТЕПЕЛИ.....166

Двоеглазов Владимир Викторович

В ПОИСКАХ «ИСТИНЫ ВСЕЦЕЛОЙ»:
ПОЭМА И. С. ТУРГЕНЕВА «АНДРЕЙ» 172

Дресвянина Светлана Дмитриевна

РАБОТА С ТЕКСТОМ ЭССЕ
КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ РЕФЛЕКСИИ.....177

Думитру Эмиль, Николаеску Мэдэлина-Александра

ШЕКСПИРОВСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. А. БЛОКА.....183

Елистратова Ксения Александровна

ИНТЕГРАЦИЯ ОСНОВНОГО И ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ
ГУМАНИТАРНОГО ЦИКЛА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ
(ИЗ ОПЫТА УЧИТЕЛЯ) 190

Ерановска Эльжбета

ЯЗЫКОВЫЕ ОШИБКИ ЛЕКСИЧЕСКОГО И СЕМАНТИЧЕСКОГО
ХАРАКТЕРА, ВОЗНИКШИЕ ВСЛЕДСТВИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ
ИНТЕРФЕРЕНЦИИ, НА ПРИМЕРЕ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ
ЛИЦ ПОЛЬСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ПОЛЯКОВ,
НАХОДЯЩИХСЯ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ 198

Ершова Елена Владимировна

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИЗУЧАЮЩЕГО ЧТЕНИЯ
В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ (УРОВЕНЬ А0–А2).....205

Жданова Анна Владимировна

ОСНОВНЫЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ
ВИДОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ 210

Жданович Олеся Андреевна, Лешутина Ирина Анатольевна

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ
В АСПЕКТЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ 214

Закирова Наталия Николаевна, Костицына Наталья Андреевна,**Шиляева Светлана Николаевна**

ЭКСКАРСИЯ ПО ПЕТЕРБУРГУ ДОСТОЕВСКОГО..... 220

Закирова Наталия Николаевна, Скопкарева Светлана Леонидовна,**Чиговская-Назарова Янина Александровна**

ТЕАТР В СИСТЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ГГПИ: ИЗ ОПЫТА ПОДГОТОВКИ
УЧИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ (К 80-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ
ПЕДВУЗА УДМУРТИИ В ГОД ТЕАТРА В РОССИИ) 225

Зачиняева Мария Петровна

«ЛЕВША» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ МУЗЫКАЛЬНОМ ТЕАТРЕ XX–XXI вв. 231

Золтнер Ольга Владимировна

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСЕМЫ *ЯНДЕКС* (YANDEX) 237

Иванчук Ирина Анатольевна

СЛОЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ
КАК ЭТАП СТРУКТУРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ,
РУССКИХ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ
(ПРОЦЕССЫ РЕФОРМАТОРСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ИХ РОЛЬ В НРАВСТВЕННОМ
И КУЛЬТУРНОМ ВОСПИТАНИИ ОБЩЕСТВА)..... 243

Изместьева Ирина Алексеевна

ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ О ЛЮБВИ 249

Иняшкин Станислав Геннадьевич

ПОКОЛЕНИЕ Z В РОССИИ 254

Монахиня Иоанна (Сизикова Елена Витальевна)

АЗЫ ПРАВОСЛАВИЯ В ДЕТСКИХ САДАХ 258

Кабанкова Юлия Юрьевна

ЭТОС ОБРАЗА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО РИТОРА:

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕГО ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО

КОНТЕКСТА РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАТРИАРХА КИРИЛЛА. 264

Каверина Валерия Витальевна

ОРФОГРАФИЯ КАК ИНДИКАТОР ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ. 268

Калаши Нахидех

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

В ИРАНСКИХ ВУЗАХ 275

Калиновская Марина Михайловна

РУССКИЙ ЯЗЫК ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

И НОВЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ 280

Калугина Татьяна Васильевна

НАРЕЧИЯ ОБРАЗА, СПОСОБА И КАЧЕСТВЕННОЙ

ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОЦЕССА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ

ЯЗЫКОВОГО СМЫСЛА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ). 283

Канкан Чжан

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

В ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ 290

Карпенко Илья Евгеньевич

ВЛИЯНИЕ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

НА ФОРМИРОВАНИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ КОННОТАЦИЙ

В ОТНОШЕНИИ К ЯЗЫКУ: ЯЗЫКОВАЯ ИДИОСИНКРАЗИЯ 295

Каташов Алексей Анатольевич

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ВОЕННОГО

ДУХОВЕНСТВА. ВОЗРОЖДЕНИЕ ИНСТИТУТА. 301

Кафарова Гюльнар Абульфаз кызы

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДОВ «КИТАБИ ДЕДЕ КОРКУДА»

В ТРУДАХ РУССКИХ ВОСТОКОВЕДОВ. 306

Кириллова Анастасия Александровна

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ В ОБУЧЕНИИ РКИ 312

Киров Евгений Флорентович, Цэцэгмаа Хонгорзул

ФОРМУЛЫ ПРИВЕТСТВИЯ В РУССКОМ И МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ 317

Клубничкина Дарья Александровна

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНГЛИЦИЗМОВ

ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ СЛОВ,

СВЯЗАННЫХ С ПОНЯТИЕМ «КРАСОТА» 321

Кожухарова Пенка Петкова

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ

ПРИ ДИАГНОСТИКЕ НАЧАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ К ШКОЛЕ. 328

Конева Наталья Николаевна, Жигульская Дарья Антоновна

КОММУНИКАТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОБУЧЕНИЯ

РЕЧЕВОМУ ОБЩЕНИЮ. ЯЗЫК БИЗНЕСА В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ 334

Коннова Мария Николаевна

ВРЕМЕННОЕ И ВЕЧНОЕ

В СТИХОТВОРЕНИИ Б.Л. ПАСТЕРНАКА «БАЛЬЗАК» 340

Коновалова Лилия Павловна

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР РОЛИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ 346

Коробейник Дарья Николаевна

ЧИТАТЕЛЬСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ НРАВСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ 350

Кулибина Наталья Владимировна

ИНТЕРАКТИВНЫЙ УРОК КАК ФОРМА УЧЕБНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В ЭЛЕКТРОННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ РЕСУРСЕ 354

Куприна Ирина Викторовна

СИНТЕТИЧНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ 360

Лапошина Антонина Николаевна, Купрещенко Ольга Федоровна

ФОРМУЛИРОВКИ ЗАДАНИЙ В УЧЕБНИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА
ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕТОДИЧЕСКИХ
ОСОБЕННОСТЕЙ ПОСОБИЯ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ. 6

Лешутина Ирина Анатольевна

ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС КАК НЕОБХОДИМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ РКИ. 6

Ли Хунчин

АНАЛИЗ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО НА ФОНЕ «ПОЯС И ПУТЬ» 6

Ли Цзин

ЦВЕТОВАЯ КАРТИНА МИРА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ:
НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ИМЕНАМИ ЦВЕТА
КРАСНЫЙ / 红 6

Линь Сяюе

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ КИТАЙСКОГО УЧАЩЕГОСЯ
НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ОБУЧЕНИЯ 6

Литневская Ольга Андреевна

АНГЛИЦИЗМЫ В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ РЕКЛАМЕ:
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА 6

Лобова Ирина Викторовна

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ
СОВРЕМЕННОГО УЧЕНИКА ОБЫЧНОЙ ШКОЛЫ 6

Логвинова Ирина Владимировна

М.П. ПОГОДИН О ДЕТСТВЕ, ВОСПИТАНИИ
И ПЕРВЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОПЫТАХ Н.М. КАРАМЗИНА 6

Лю Айхуа

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ «РЕБЕНОК»
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И «孩子» В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ 6

Лю Юй

ЛОГОЭПИСТЕМА КАК ЕДИНИЦА ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В ОПИСАНИИ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ	6

Ляшенко Татьяна Михайловна

МОТИВ ЖЕНСКОЙ ИНИЦИАЦИИ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ «ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ»	6

Ма Лян

ПЕРЕВОД И ИЗУЧЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д. РУБИНОЙ В КИТАЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	6

Макарова Анна Анатольевна

К ВОПРОСУ О МЕТОДИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ АУТЕНТИЧНЫХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ (УРОВЕНЬ В2–С1).....	6

Мамонтов Александр Степанович

РЕКЛАМНЫЙ ДИСКУРС В АСПЕКТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	6

Мамонтов Александр Степанович, Маркович Люба Бранковна

РЕКЛАМНЫЙ ДИСКУРС КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ)	6

Маркачева Полина Андреевна, Матрусова Александра Николаевна

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБДИСКУРСА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СТАРТАПОВ	6

Матвеева Елена Олеговна

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ МЕДИАТЕКСТА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ.....	6

Матрусова Александра Николаевна, Кочеткова Светлана Витальевна

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ СКРЫТЫХ СМЫСЛОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ ФИЛЬМОВ)	6

**Матрусова Александра Николаевна, Ракич Ружица,
Соломонова Анастасия Александровна**

ОСОБЕННОСТИ ПРЕЗЕНТАЦИИ ОСНОВНЫХ КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ
В ЯЗЫКЕ ПЕСЕН ВОСТОЧНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН 6

Матрусова Александра Николаевна, Цзян Наталия Юнпиновна

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ «СКРЫТЫХ СМЫСЛОВ»
ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ..... 6

Метликина Людмила Сергеевна

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ ПО ПОДБОРУ СИНОНИМОВ
В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ 6

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна,

Ходжиматова Гулчехра Масаидовна

СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО УРОКА РУССКОГО ЯЗЫКА
В ШКОЛАХ С ТАДЖИКСКИМ ЯЗЫКОМ ОБУЧЕНИЯ 6

Наговицына Наталья Валерьевна

ЯВЛЕНИЯ «КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИНОНИМИИ»
В ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ПАТРИОТИЗМ» 6

Науменко Юлия Михайловна

РУССКОЕ СЛОВЕСНОЕ УДАРЕНИЕ
В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (ФОНЕТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА) ... 556

Нгок Лонг

РЕЧЕВОЙ ЖАНР «ИНТЕРНЕТ-ОТЗЫВ ТУРИСТА О МОСКВЕ» 6

Недялкова Наталья

О СИСТЕМАХ ЛОКАТИВНЫХ НАРЕЧИЙ
В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ 6

Нестерова Татьяна Вячеславовна, Мартышко Татьяна Васильевна

ТРАНСПОНИРОВАННОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ЭТИКЕТНЫХ РЕЧЕВЫХ
АКТОВ С ИНТЕНЦИЕЙ БЛАГОДАРНОСТИ В ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТАХ ... 556

Нестерова Татьяна Вячеславовна, Серовская Дарья Валерьевна

АМЕРИКАНИЗМЫ В ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТАХ
(МОЛОДЕЖНЫЙ ДИСКУРС) 6

Николова Дияна Георгиева

СПЕЦИФИКА АДАПТАЦИИ И АССИМИЛЯЦИИ ЕДИНИЦ СФЕРЫ ИТ 6

Николова Надка НиколоваРОЛЬ ЯЗЫКОВОГО ПУРИЗМА В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО
БОЛГАРСКОГО И СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКОВ. 6**Орехова Ирина Александровна**ВИРТУАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ СРЕДА,
РЕАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ СРЕДА И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ 6**Острякова Анна Геннадьевна, Тельпов Роман Евгеньевич**ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗА ЗОЛОТОГО
КОЛЬЦА И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ 556**Иеромонах Паисий (Новоженков)**

НАГЛЯДНОСТЬ В ПРЕПОДАВАНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ 6

Пашков Александр Витальевич, Илькина Екатерина Андреевна

ОБРАЗ ОППОЗИЦИОНЕРА В РОМАНЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА «САНЬКА» . . . 556

Петкова-Калева Стефка ЯнчеваСЕМАНТИКА УДАЛЕНИЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
В КОНТЕКСТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ. 6**Пожидаева Елена Валерьевна, Осауленко Никита Алексеевич**РОЛЬ СЕМАНТИЧЕСКОГО КАЛЬКИРОВАНИЯ
В ПОПОЛНЕНИИ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА. 6**Полежаева Светлана Серафимовна**«ЛИТЕРАТУРА РОДНОГО КРАЯ»
КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕДИНСТВА ПОЛИЯЗЫЧНОГО СООБЩЕСТВА 6**Пьявченко Елизавета Владимировна**

ПОЭЗИЯ ГОРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ В. БРЮСОВА 6

Радбиль Тимур БеньюминовичОККАЗИОНАЛИЗМЫ НА БАЗЕ НЕОЛЕКСЕМЫ ХАЙП
В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
ОСВОЕНИЯ ИНОКУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ. 6

Савченко Татьяна Константиновна

ГРУЗИНСКИЙ КОД ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА И БОРИСА ПАСТЕРНАКА. . . 556

Сайгин Вадим Викторович

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КОНЦЕПТА «ИСКУПЛЕНИЕ»
 В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ
 И СВЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ 6

Самсонова Александра Владимировна

ПИСЬМЕННЫЕ УПРАЖНЕНИЯ В РУССКОЙ ГИМНАЗИИ:
 ИСТОРИЯ ВОПРОСА. 6

Сандакова Марина Всеволодовна, Ибо Наталья Евгеньевна

СОЧЕТАЕМОСТЬ НАРЕЧИЯ *КРАЙНЕ*
 В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ 6

Сатина Татьяна Васильевна

ТЕНДЕНЦИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ «ЦЕНТРИЗМА»
 ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА. ХОРОШО ИЛИ ПЛОХО? 6

Свиридова Тамара Михайловна

А.М. СЕЛИЩЕВ: ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ
 ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ В МАКЕДОНИИ 6

Сильченкова Людмила Семеновна

О ПРАВИЛАХ ЧТЕНИЯ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ. 6

Сироткина Татьяна Александровна

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РОССИЯН В МЕМУАРНОМ РОМАНЕ
 Е. ГРИШКОВЦА «ТЕАТР ОТЧАЯНИЯ. ОТЧАЯННЫЙ ТЕАТР» 6

Сичинава Нелли Гарриевна

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
 ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В РОМАНЕ
 А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ» 6

Скворцов Константин Викторович

И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ О РУССКОМ ПРАВОПИСАНИИ. 6

Сомаййех Замани

ИСТОРИЯ ДЕЛОВЫХ ИРАНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

(С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XXI вв.) 6

Спатарь Яна Юрьевна

КАК НЕ УПУСТИТЬ ВРЕМЯ?

АКТУАЛЬНОСТЬ СОЗДАНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО КУРСА ПО РКИ

ДЛЯ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ОБУЧЕНИЯ (ЭТАП ПРЕДВУЗОВСКОЙ

ПОДГОТОВКИ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧАЩИХСЯ) 6

Степаненко Виктория Евгеньевна,**Матрусова Александра Николаевна**

НЕФИКЦИОНАЛЬНЫЕ ОПИСАНИЯ ЧЕЛОВЕКА НА ФОТОГРАФИИ. 6

Стойкова Надежда

КОММУНИКАТИВНЫЕ УСТАНОВКИ ГОВОРЯЩЕГО

ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НЕПОЛНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В ФАТИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ 6

Сун Тао

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ПИСЬМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ (СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ)..... 6

Тапилин Татьяна, Лешутина Ирина Анатольевна

КОМИКС КАК ПОЛИКОДОВЫЙ ТЕКСТ И СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ 6

Таранова Наталия Васильевна

РОССИЯ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА 556

Татаринова Наталия Васильевна, Белихина Елена Николаевна

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ

КОМПЕТЕНЦИИ У ИНОСТРАННЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ 6

Телкова Валентина Алексеевна

ТВОРЧЕСТВО ЛУКИ ЕФРЕМОВА В СИСТЕМЕ

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ 6

Теплова Елена Феликсовна

РАЗГОВОР О ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ

ЦЕННОСТЯХ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ПОКОЛЕНИЯ Z..... 6

Терзиева Татьяна Васильевна

СМЫСЛОВАЯ УСТРОЕННОСТЬ СОСТАВНЫХ ТЕРМИНОВ
НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОВ АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИЯ 6

Томан Инга Бруновна

ОБРАЗЫ РУССКОЙ УСАДЬБЫ В ЖИВОПИСИ С.Ю. ЖУКОВСКОГО. 6

Травников Сергей Николаевич

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ
В «ПЕЛГРИМАЦИИ» ИППОЛИТА ВИШЕНСКОГО 6

Травников Сергей Николаевич, Июльская Елена Геннадиевна,**Петривная Елена Капитоновна**

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА МУХИ В АНТИЧНЫХ,
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ БАСНЯХ 6

Третьякова Ирина Анатольевна

НОВЕЙШИЕ ТЕХНОЛОГИИ
В КОНТЕКСТЕ «ГЛОБАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ» 6

Третьякова Ирина Анатольевна, Чугайнова Анна Сергеевна

РАЗВИТИЕ СЕРВИСОВ ПЕРСОНАЛЬНЫХ РЕКОМЕНДАЦИЙ.
MEDIUM И ЯНДЕКС.ДЗЕН: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ С ТОЧКИ
ЗРЕНИЯ КРОССКУЛЬТУРНОГО АСПЕКТА 6

Труханова Дарья Сергеевна

МИТИГАЦИЯ В СИТУАЦИИ СООБЩЕНИЯ НЕГАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ . . 556

У Анна

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ ВЫСКАЗЫВАНИЯ СУБЪЕКТА
В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ОТКРЫТОЙ
И ЗАКРЫТОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ 6

Ушакова Марина Леонидовна, Роговнева Юлия Васильевна

ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ЧЕШСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ НАПИТКОВ 6

Федорова Елена Леонидовна

ГОРОД КАК ВНУТРЕННЕЕ ПРОСТРАНСТВО ПЕРСОНАЖА
В РАССКАЗЕ «ПИТЕРЩИК» А.Ф. ПИСЕМСКОГО 6

Федорова Мария Александровна

РАЗВИТИЕ УСТНОЙ РЕЧИ ПОСРЕДСТВОМ ИГРОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ
«IMAGIDICE» В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО
ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)..... 6

Фэн Юэ

ИМЕНА РОДСТВА В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ
ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА 6

Христова Христина Стоянова

КОНЦЕПТ „ПРАЗДНИК“ В РУССКОЙ
И БОЛГАРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА..... 6

Цзоу Хуэйли

ТРУДНОСТИ ОБУЧЕНИЯ РУССКИМ БЕЗЛИЧНЫМ
ПРЕДЛОЖЕНИЯМ В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ 6

Цзэн Ялинь

СОЦИАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ 556

Чафонова Альбертина Германовна, Ратников Максим Олегович

РАБОТА С РЕЧЕВЫМИ ОБРАЗЦАМИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ
ЯЗЫКУ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ВИРТУАЛЬНОГО ГОЛОСОВОГО ПОМОЩНИКА «АЛИСА» 6

Чернышева Елена Николаевна

ПОНЯТИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ: ЕСТЬ ЛИ РАЗНИЦА?..... 6

Чжао Янь, Катышев Павел Алексеевич

КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ
ИНАУГУРАЦИОННОЙ РЕЧИ РОССИЙСКОГО ПРЕЗИДЕНТА 6

Чэн Дяньмэй

МЕТОДИКА «CLOSE READING»
В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КИТАЙСКИХ ВУЗАХ 6

Шамсутдинова Регина Ринатовна

СИНКРЕТИЧНАЯ ЕДИНИЦА *САМ НЕ СВОЙ*
КАК МАРКЕР СОСТОЯНИЯ СУБЪЕКТА 6

Югансон Ольга Николаевна

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНАЯ КОМПОЗИЦИЯ «КНЯГИНЯ ОЛЬГА» 6

Яковлева Ольга ВасильевнаУСАДЕБНЫЙ ПРАЗДНИК: О ТРАДИЦИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ
НА МУЗЕЙНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ. 6**Якушева Галина Викторовна**ХРИСТИАНСКИЙ ФАУСТ XX ВЕКА: О ГЕРОЕ РОМАНА
М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» 6

Словарь лингводидактических терминов в системе средств обучения иностранных филологов

Статья посвящена характеристике словаря лингводидактических терминов. Внимание уделяется трудностям и проблемам, которые связаны с изучением лингводидактической терминологии. Описывается структура словаря, особенности словарных статей и указателей. Формулируются методические рекомендации по использованию словаря как средства обучения иностранных студентов-филологов.

Ключевые слова: лингводидактика; лексикография; лексикология, лингводидактическая терминология, методика обучения иностранным языкам, русский язык.

Возникновению новых терминов способствуют изменения в системе образования, формирование новых методических теорий, развитие смежных наук. Важным источником информации являются словари методических терминов, среди которых следует выделить «Современный словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)» [1]. К сожалению, в лингводидактической терминологии наблюдается ряд негативных процессов: терминологический аппарат состоит из разрозненных единиц, устаревшей терминологии, ненужных заимствований, а также профессионального жаргона [2]. Все эти проблемы отчасти ставятся и решаются в новом издании словаря лингводидактических терминов. Методическую терминологию можно рассматривать в двух аспектах – широком и узком. В узком значении к лингводидактической терминологии относятся те термины, которые связаны только с теорией и практикой обучения языку. Это прежде всего обозначения методов обучения, особенностей овладения языком, упражнений и заданий, связанных с обучением языку, систем тестирования и контроля. В широком смысле (такого подхода придерживаются авторы словаря) в словарь входят те термины, которые обозначают различные аспекты изучения языка и обучения ему. Тогда в круг исследуемой лексики входят лингвистические, психологические, социолингвистические, термины педагогики и дидактики. Включение таких терминов позволяет в определенной степени упорядочить систему терминов педагогики, лингвистики, психологии в рамках курсов психолого-педагогического цикла для филологов-русистов. Необходимо помнить, что многие термины (например, *тест, упражнение, мотивация, умение* и др.) часто употребляются не только в методике преподавания языков, но и в других науках.

Лексикографическая работа (отбор терминов, толкование и др.) предполагает учет различных типов источников: 1. словарей и энциклопедий, 2. официальных документов (программ, стандартов, требований), связанных с образованием, 3. новых учебных материалов, используемых в процессе преподавания иностранных языков, 4. научной литературы, связанной с преподаванием языков и др. В круг источников входят также психологические, педагогические, лингвистические словари и энциклопедии.

Межпредметные связи нашли отражение и в структуре словарной статьи. Большинство словарных статей снабжается ссылками на библиографические источники, что дает читателю возможность расширить знания по заинтересовавшей его проблеме. Словарные статьи, посвященные родовым понятиям, снабжены библиографией, видовые понятия включают информацию библиографического характера в более сжатом виде или вовсе ее не включают. Видовые понятия связаны с родовыми с помощью перекрестных ссылок. Это позволяет понять внутрисистемные связи в лингводидактической терминологии. Например, в словарной статье *прямой метод обучения* есть ссылка на термин *методы обучения*, а в словарной статье *методы обучения* есть ссылка на термин *подход к обучению* и т. д.

Чтобы читатель мог яснее понять место каждого определяемого понятия, обозначенного термином, в словаре есть указатели – алфавитный, тематический, предметный, а также указатель авторов, которые упоминаются в словаре. Словарь включает более 3000 словарных статей. Проблема выбора термина и его толкования связана с существованием в современной методике различных направлений и течений. В ходе работы над словарем приходится учитывать различные методические концепции, которые все еще вызывают споры и обсуждения. Предпочтение отдавалось устоявшимся концепциям, получившим распространение в практике преподавания языков. Как известно, толкование многих терминов междисциплинарного характера не является однозначным, например: *компетенция*, *компетентность*, *компетентностный подход*. Споры вызывает соотношение терминов *текст* и *дискурс*, *лингвострановедение* и *лингвокультурология* и др. Например, наблюдаются разные трактовки соотношения терминов *метод*, *подход*, *прием*, *технология*. В словаре описаны, например, следующие технологии: *обучение в сотрудничестве*, *проектные технологии*), *технология «case study»*, *дистанционные технологии* компьютерные технологии, игровые технологии и др.

В русском языке формируется свой понятийный аппарат, используются термины, которые не всегда имеет соответствие в других языках; к ним относятся, например, *лингводидактика*, *языковая (речевая) личность*, *логоэпистема*, *лингвокультурема*, *лингвострановедение*, *фоновая лексика* и *фоновые знания*, *иноязычное образование*, *этнометодика* и др. Особую группу составляют термины, которые обозначают новые направления в теории

обучения языку, например, *этнометодика*, *этноориентированное обучение*, *компьютерная лингводидактика*.

Толкование термина часто может меняться в зависимости от той концепции обучения, которую выбирают авторы научно-методических исследований. В словарной статье *обучение* приходится учитывать разные значения терминов в зависимости от метода обучения: *обучать языку* (грамматико-переводной метод), *обучать языку как средству общения* (сознательно-практический метод), *обучать общению на иностранном языке* (коммуникативный метод), *обучать межкультурной коммуникации*, *формировать вторичную языковую личность* (разновидности коммуникативных методов на основе социокультурного подхода). Это относится и к толкованию, например, термина *владение языком*, оно будет различным в зависимости от той или иной методической концепции обучения языкам. Не имеют однозначного толкования в литературе термины *носитель языка*, *способности к языку*, *языковая личность* и другие.

Структура словарной статьи достаточно традиционна. Полу жирным шрифтом представлен заголовочный термин (в скобках варианты номинаций), перевод, далее представлена дефиниция или определение. Близкие значения отделяются запятой, более далекие – точкой с запятой, различные значения цифрами. В словарных статьях представлена система перекрестных ссылок (выделяются курсивом) между статьями. Это позволяет читателю получить информацию о связях терминов, о родовидовых отношениях в той или иной тематической группе слов.

К ключевым терминам в конце каждой словарной статьи приводится список основной литературы, которая поможет лучше понять значение термина. Важную роль в словаре выполняют индексы и указатели. Уже отмечалось выше, методика преподавания языков широко привлекает данные лингвистики, социологии, педагогики, психологии, она находится на стыке с этими науками. В словарь включены собственно лингводидактические термины, термины из смежных наук, слова общелитературного языка, которые используются как термины (*ошибка*, *сравнение*, *слух*). Тематический индекс в словаре дает информацию о том, к каким разделам методики преподавания (выделены, например, разделы – *контроль*, *средства обучения*, *формы обучения*, *методы обучения* и др.), а также смежным областям знаний относятся термины, например: психология (*память*, *абстракция*, *мотив*, *восприятие*), социология (*аккультурация*, *социальный стереотип*, *социализация*), дидактика (*образовательные технологии*, *открытое образование*, *развивающее обучение*) и др.

В алфавитном указателе выделены все термины, которые рассматриваются в словаре. В предметном указателе ключевых слов выделены наиболее важные с точки зрения теории и практики преподавания языков термины. Система толкования, перекрестные ссылки, указатели позволяют достаточно полно

24 | раскрыть значение того или иного термина, а также показать особенности употребления термина в психолого-педагогических дисциплинах.

Материалы словаря могут быть успешно использованы при обучении научному стилю речи. Например, при написании статьи или реферата по той или иной теме рекомендуется найти определение ключевого термина или понятия, с помощью перекрестных ссылок определить связи этого термина с другими понятиями, учесть особенности тематической группы слов, в которую входит данный термин.

Таким образом, словарь является не только справочным пособием для широкого круга людей, интересующихся проблемами обучения языкам, но и средством обучения студентов – будущих преподавателей иностранных языков.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Современный словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Русский язык. Курсы, 2018. – 495 с.
2. Пассов Е.И. Терминосистема методики, или Как мы говорим и пишем. – СПб.: Златоуст, 2009. – 124 с.

Azimov E. G.

Pushkin State Russian Language Institute

THE DICTIONARY OF LANGUAGE TEACHING AND LEARNING AS MEANS OF TEACHING FOR FOREIGN STUDENTS

The article analyzes the features of the dictionary of language teaching and learning. The difficulties and problems associated with the study of language teaching and learning terminology are considered, and various methods of explanation terms in the new edition of the dictionary are shown. Special attention is paid to problems of the use of terms in language courses for foreign students.

Keywords: applied linguistic, lexicography, lexicology, dictionary, terminology, language teaching, Russian.

Реализация функций несобственно-прямой речи в зависимости от контекста (на материале романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»)

В статье анализируется функционирование конструкций с несобственно-прямой речью в контекстах-реакциях на ситуацию или предшествующее высказывание. Подтверждено предположение, что основная стилистическая функция подобных конструкций заключается в том, чтобы среди целой группы ощущений выделить те, которые заключают в себе скрытую или явную эмоциональность.

Ключевые слова: несобственно-прямая речь, контекст-реакция на ситуацию или предшествующее высказывание.

В романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» несобственно-прямая речь (далее – НПР), которую мы анализировали прежде в структурно-семантическом аспекте [3], представлена большей частью в форме самостоятельных восклицательных, вопросительных, незаконченных предложений, несущих эмоционально-экспрессивную нагрузку. НПР передает эмоционально-психологическое состояние модального субъекта, регулярно вводит информацию, объясняющую причины того или иного состояния, что позволяет рассматривать данную семантику как контекстную мотивацию последующего раскрытия психологического состояния субъекта НПР. Следовательно, конструкции с НПР являются своеобразным отражением душевного состояния персонажей. Мы также можем предположить, что основная стилистическая функция подобных конструкций заключается в том, чтобы среди целой группы ощущений выделить те, которые заключают в себе скрытую или явную эмоциональность. Тогда и функционирование конструкций с НПР возможно только в определенных контекстах. Мы выделяем следующие контексты:

1. Контексты-реакции на ситуацию или предшествующее высказывание;
2. Контексты-размышления о высказывании или событии.

Основное отличие этих контекстов друг от друга заключается во временном аспекте: в первом случае – реакции – мгновенное или лишь немного отсроченное во времени явление НПР, во втором – размышлении – явление,

тяготеющее к воспоминанию, т.е. происходящее через довольно большое время после событий, послуживших причиной его появления. Кроме того, отличаются НПР в этих контекстах по объему и характеру повествования: реакции как правило короткие и эмоциональные, размышления – длиннее, экспрессии в них меньше. Подобная классификация несколько условна, но примеры доказывают ее правомерность, т.к. основные функции НПР (языковые и речевые) наиболее отчетливо раскрываются в определенных контекстах, более того, именно от характера контекста зависит большее или меньшее проявление той или иной функции.

Рассмотрим в данной статье контексты-реакции на ситуацию или предшествующее высказывание.

Несправедливый приговор и сам процесс казни Иешуа вызвали внутреннее потрясение у Левия Матвея, ученика Иешуа. Данный контекст-реакция на ситуацию отражает душевную трагедию Левия Матвея, которая усугубляется чувством вины:

*Но Иешуа почему-то заспешил, сказал, что у него в городе неотложное дело, и ушел около полудня один. Вот в этом и заключалась первая ошибка Левия Матвея. **Зачем, зачем он отпустил его одного!** [1, с. 544].*

Функция НПР по Л.А. Новикову – экспрессивная (лексический повтор *зачем, зачем*, риторическое восклицание), по Л.А. Соколовой – средство раскрытия душевного состояния персонажа и средство выражения главных мыслей произведения (предательство (намеренное и невольное) как необратимый поступок, имеющий трагические последствия). Авторское описание разъясняет читателю, в чем заключалась вина ученика Иешуа. Но даже находясь в состоянии глубокого отчаяния, Левий Матвей продолжает размышлять о возможном спасении учителя:

*И вот, когда процессия прошла около полуверсты по дороге, Матвея, которого толкали в толпе у самой цепи, осенила простая и гениальная мысль, и тотчас же, по своей горячности, он осыпал себя проклятиями за то, что она не пришла ему раньше. **Солдаты шли не тесной цепью. Между ними были промежутки. При большой ловкости и очень точном расчете можно было, согнувшись, проскочить между двумя legionерами, дорваться до повозки и вскочить в нее. Тогда Иешуа спасен от мучений. Одного мгновения было бы достаточно, чтобы ударить Иешуа в спину... А если бы бог благословил еще одним свободным мгновением, можно было бы успеть заколоться и самому, избежав смерти на столбе. Впрочем, последнее мало интересовало Левия, бывшего сборщика податей** [1, с. 545].*

Функция НПР по Л.А. Новикову – коммуникативная (герой общается сам с собой, строя план по спасению Иешуа) и частично экспрессивная (парцелляция), по Л.А. Соколовой – средство раскрытия душевного состояния персонажа («рубленный» синтаксис говорит о готовности и твердых намере-

ниях Левия Матвея) и средство выражения главных мыслей произведения (жертвенность и гуманизм как главный принцип человеческой жизни). Сопоставив два отрывка, содержащих НПР Левия Матвея, можно сделать вывод: хотя обе конструкции имеют разные структурно-семантические признаки, их функциональные особенности направлены на одно: передать крайнюю степень отчаяния этого героя и одновременно твердую его решимость исправить вину, что соответствует приведенным выше функциям по двум разным классификациям.

Функциональные особенности НПР в контексте-реакции на ситуацию можно проследить и на примерах другой сюжетной линии – «Воланд и его свита в Москве». Проанализируем НПР финансового директора Варьете Римского:

*Римский вынул часы, увидел, что они показывают пять минут третьего, и совершенно остервенился. **В самом деле! Лиходеев звонил примерно в одиннадцать часов, сказал, что придет через полчаса, и не только не пришел, но и из квартиры исчез!*** [1, с. 678]

НПР в данном случае передает бурную реакцию Римского на сложившуюся ситуацию – исчезновение Степы Лиходеева. По классификации Л.А. Новикова функция НПР – экспрессивная (риторическое и конкретное восклицание) и частично коммуникативная (Римский «сообщает» читателю предысторию исчезновения Лиходеева, что объясняет его эмоциональную реакцию), по Л.А. Соколовой – все три пункта: средство раскрытия душевного состояния персонажа, частично средство выражения главных мыслей произведения (исчезновение под влиянием нечистой силы как метафора реальных необъяснимых исчезновений в период репрессий) и средство создания речевого облика персонажа (восклицание *В самом деле!*). Исчезновение Лиходеева чрезвычайно взволновало Римского, что проявилось и в следующих конструкциях с НПР. Проследим за изменением душевного состояния финансового директора Варьете:

Положение финдиректора было очень затруднительно. Требовалось тут же, не сходя с места, изобрести обыкновенные объяснения явлений необъяснимых.

*Прищурившись, финдиректор представил себе Степу в ночной сорочке и без сапог влезающим сегодня около половины двенадцатого в какой-то невиданный сверхбыстрый самолет, а затем его же, Степу, и тоже в половине двенадцатого, стоящим в носках на аэродроме в Ялте... **черт знает что такое!***

Может быть, не Степа говорил с ним по телефону из собственной квартиры? Нет, это говорил Степа! Ему ли не знать Степиного голоса! Да если бы сегодня и не Степа говорил, то ведь не далее чем вчера, под вечер, Степа из своего кабинета явился в этот кабинет с этим дурацким

договором и раздражал финдиректора своим легкомыслием. Как это он мог уехать или улететь, ничего не сказав в театре?

...*Лицо финдиректора было буквально страшно* [1, с. 478–479].

Мы не приводим НПР Римского в полном объеме, т. к. цитата довольно обширна. Функция конструкции по Л.А. Новикову – экспрессивная (риторическое восклицание *Черт знает что такое!* и др., риторические вопросы, многочисленные лексические повторы), частично – коммуникативная (рассказ о событиях, произошедших накануне исчезновения Лиходеева), по Л.А. Соколовой – средство раскрытия душевного состояния персонажа, средство создания речевого облика персонажа. По речи автора в препозиции, по вопросно-ответной форме построения НПР мы можем сделать вывод, что сложившаяся ситуация не только раздражала финдиректора, но и вызывала в нем пока еще не совсем сформировавшееся чувство тревоги. По мере того, как «обыкновенных объяснений явлений необъяснимых» становилось все меньше, речь автора в постпозиции также становится несколько тревожной, о чем свидетельствует отбор лексических средств.

Мы также выделяем НПР большого количества людей – толпы. Речь толпы оформлена теми же структурно-семантическими типами предложений, что и речь одного человека. Рассмотрим подобный пример с точки зрения функциональных особенностей. Одна из таких конструкций возникает в повествовании после сеанса черной магии, который устроили потусторонние силы в Варьете:

Нужно сказать, что следствию на каждом шагу приходилось преодолевать непредвиденные трудности. Ниточка то и дело рвалась в руках.

Афиши-то были? Были. Но за ночь их заклеили новыми, и теперь ни одной нет, хоть убей. Откуда взялся этот маг-то самый? А кто ж его знает? Стало быть, с ним заключали договор? [1, с. 553].

Авторское описание находится в препозиции и в какой-то мере разъясняет природу вопросов в НПР: их задает следователь или группа следователей, адресат же представляет собой не конкретное, а обобщенное лицо, т. е. адресат – это очевидцы сеанса черной магии в Варьете. Вопросно-ответная форма построения НПР, неоднократно применявшаяся автором для характеристики эмоционального состояния персонажей, в этом случае представляет собой не размышления, а допрос, т. е. рассматриваемую конструкцию можно воспринимать и как аллюзию – современникам М.А. Булгакова и без конкретизации было понятно, кто и зачем задает вопросы.

В данном примере по классификации Л.А. Новикова подходят все функции: экспрессивная (слова с частицей *-то* (*афиши-то, маг-то*), лексические повторы, разговорные конструкции *хоть убей, стало быть, кто ж*, аппеллятивная и коммуникативная). По Л.А. Соколовой – средство раскрытия душевного состояния персонажа (смятение толпы), средство создания речевого облика персонажа (той же толпы).

Контекст-реакция на предшествующее высказывание встречается в произведении довольно редко. Так как действие романа развивается динамично и насыщено событиями, появление НПР чаще всего обусловлено определенной ситуацией. Но высказывания такого персонажа как Воланд, не могли не вызвать эмоциональный отклик, проявившийся в форме НПР, у Берлиоза и Бездомного. Функционирование НПР в рассматриваемом контексте имеет характерную особенность: конструкции с НПР постоянно перемежаются конструкциями с прямой речью. Рассмотрим несколько примеров:

А профессор прокричал, сложив руки рупором:

– Не прикажете ли, я велю сейчас дать телеграмму вашему дяде в Киев?

И опять передернуло Берлиоза. Откуда же сумасшедший знает о существовании киевского дяди? Ведь об этом ни в каких газетах, уж наверно, ничего не сказано. Эге-ге, уж не прав ли Бездомный? А ну как документы эти липовые? Ах, до чего странный субъект. Звонить, звонить! Сейчас же звонить! Его быстро разьясят! [1, с. 420].

В телеграмме, которую предлагал отослать Воланд, должно было содержаться известие о гибели самого Берлиоза, поэтому невинное, на первый взгляд, предложение профессора и вызвало у героя такую бурную реакцию. Функция НПР по Л.А. Новикову – экспрессивная (риторические и конкретные восклицания и вопросы, междометия *эге-ге, ах*, частица *уж*, разговорная конструкция *а ну как*) и апеллятивная (герой ведет диалог с самой собой), по Л.А. Соколовой – средство раскрытия душевного состояния персонажа и средство создания речевого облика персонажа.

Приведем еще один пример:

Неожиданная, нелепая гибель Берлиоза подкосила Ивана Бездомного. Вывел его из этого состояния разговор двух женщин:

Из всего выкрикнутого женщиной в расстроенный мозг Ивана Николаевича вцепилось одно слово: «Аннушка»...

– Аннушка... Аннушка? – забормотал поэт, тревожно озираясь, – позвольте, позвольте...

К слову «Аннушка» привязались слова «подсолнечное масло», а затем почему-то «Понтий Пилат». Пилата поэт отринул и стал вязать цепочку, начиная со слова «Аннушка». И цепочка эта связалась очень быстро и тотчас привела к сумасшедшему профессору.

Виноват! Да ведь он же сказал, что заседание не состоится, потому что Аннушка разлила масло. И, будьте любезны, оно не состоится! Этого мало: он прямо сказал, что Берлиозу отрежет голову женщина?! Да, да, да! Ведь вожатая-то была женщина?! Что же это такое? А?

Сделав над собой великое усилие, Иван Николаевич поднялся со скамьи и бросился назад, туда, где разговаривал с профессором [1, с. 423].

Функция НПР по Л.А. Новикову – экспрессивная (риторические восклицания, лексические повторы, разговорные выражения *виноват, а, будьте*

любезны, слово с частицей *-то* (*вожатая-то*), апеллятивная (герой обращается сам к себе), по Л.А. Соколовой – средство раскрытия душевного состояния персонажа и средство создания речевого облика персонажа.

Литература

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Собр. соч.: в 5 т. / М.А. Булгаков; редкол. Г.С. Гоц, А.В. Караганов, В.Я. Лакшин [и др.]. Т. 5. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 383–749.
2. Короткова А.А., Акимова Э.Н. Структурно-семантические особенности несобственно-прямой речи в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения», 23–25 мая 2018 года: сборник статей. – М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. – С. 366–370.
3. Новиков А.И. Семантика русского языка. – М.: Высш. шк., 1982. – 272 с.
4. Соколова Л.А. К вопросу о несобственно-прямой речи // Ученые записки Томского педагогического института. Т. XVI. – Томск: Изд-во Томского университета, 1957. – С. 97–134.

Akimova E.N., Korotkova A.A.

Pushkin Russian Language State Institute

REALIZATION OF FUNCTIONS OF NON-PROPER DIRECT SPEECH DEPENDING ON CONTEXT (ON THE MATERIAL OF M. BULGAKOV'S NOVEL "THE MASTER AND MARGARITA")

The article analyzes the functioning of non-proper direct speech constructions in contexts-reactions on a situation or a previous statement. It confirms the assumption that the main stylistic function of such structures is to highlight the senses that contain a hidden or obvious emotionality among the whole group of them.

Keywords: non-proper direct speech, context-reaction on a situation or a previous statement.

Некоторые характеристики спонтанной речи на материале ток-шоу (по данным слухового анализа)

Результаты слухового анализа предварительного исследования видео- и аудиофайлов ток-шоу показали, что они содержат основные характеристики спонтанной речи и могут послужить материалом для исследования и их последующего использования материалов в целях обучения и понимания спонтанной речи на русском языке, т.е. речи достаточно близкой к естественным условиям бытового диалога.

Ключевые слова: фонетика, спонтанная речь, аудирование.

В условиях усвоения иностранного языка вне языковой среды актуальной является проблема понимания спонтанной речи. Сформированные умения и навыки речевого общения на иностранном языке, в том числе и на русском, в реальных жизненных ситуациях представляют собой один из важных показателей качества владения языком. Для решения этой задачи преподавание иностранного языка должно быть подчинено принципу речевой направленности, при котором иностранный язык используется студентами как средство общения в условиях, максимально приближенных к жизни. [7]. По мнению И.И. Халеевой, многолетняя педагогическая практика показывает, что значительное количество студентов языкового вуза даже к выпускному курсу не овладевает на должном уровне умениями понимать на слух аутентичную речь (особенно тексты диалогического характера) разных носителей языка в незамедленном темпе, не говоря уже о темпе ускоренном [13, с. 9]. Важной задачей, сформулированной еще в конце прошлого века, является необходимость обучения диалогической речи на слух на всех этапах обучения, особенно в языковом вузе, а процесс обучения аудированию – строить на аутентичных текстах [1, с. 5]. Для создания эффективной методики обучения слушанию и пониманию спонтанной речи необходимо исследование ее особенностей с учетом стратегий слушания и распознавания речевых сегментов разной длительности обучаемыми, в данном случае – носителями болгарского языка. Для исследования и последующей работы с образцами спонтанных текстов в иноязычной аудитории возникает вопрос о выборе материалов для исследования и отбора подходящих образцов спонтанной речи в целях обучения.

Спонтанная речь, как пишет Н.Д. Светозарова, – это речь неподготовленная по форме и свободно порождаемая в процессе говорения без опоры на письменный текст или память. Можно говорить о разной степени спонтанности: по жанру (дружеский разговор, рассказ, интервью, ответ на уроке, на экзамене и т.д.; по ситуации и характеру отношений между говорящими (дома, в школе, в транспорте, на работе, в суде); по количеству участников (монолог, диалог, полилог); по степени подготовленности/неподготовленности (неподготовленная как по форме, так и по содержанию, неподготовленная по форме, но хорошо продуманная по содержанию); по фонетическому качеству (более тщательная или небрежная) [8, с.7]. Е. И. Галяшина [6] предложила следующую шкалу убывания спонтанности, в соответствии с которой к спонтанной речи относятся только спонтанный диалог и спонтанный монолог, а такие виды устной речи как интервью/ответы на вопросы и монологический рассказ на известную тему так же, как и обдуманная речь по заранее составленному плану, относятся к квазиспонтанной речи.

В последнее время в качестве материала для исследования спонтанной речи все чаще используются видео- и аудиозаписи различных телевизионных передач (интервью, ток-шоу и т. п.). Материалы ток-шоу характеризуются чередованием фрагментов спонтанного монолога, спонтанного диалога и квазиспонтанного монологического рассказа на известную тему. Учитывая фактор эмоциональности при продуцировании монологического рассказа на известную тему можно предположить, что эмоционально окрашенные тексты, даже при монологическом рассказе на заранее известную тему максимально приближаются к параметрам спонтанной речи.

Целью настоящей работы является выборочное исследование спонтанной и квазиспонтанной речи на материале ток-шоу.

Задачи, которые решаются в данной работе, состоят в проведении слухового анализа с орфографической разметкой и транскрипцией материалов, включающих монолог (рассказ на заранее известную тему) и элементы диалога. Для анализа были выбраны материалы ток-шоу «Спросите доктора». Ведущий (доктор), является наивным носителем русского языка, не вынужденный профессионально следить за своей речью.

Были прослушаны и анализированы видео- и аудиотексты с продолжительностью звучания 49 минут. Орфографическая расшифровка звучащего текста была произведена с целью получить данные о семантике и синтаксической структуре исследуемых текстов, тексты транскрибировались с целью фиксации особенностей речи ведущего в сравнении с рекомендуемыми орфоэпическими нормами. На базе анализируемого материала удалось выявить характеристики, характерные для спонтанной речи в естественных условиях повседневного общения как паузы хезитации и отсутствие пауз, где они предполагаются, в соответствии с правилами синтагматического членения,

сбои в употреблении грамматических форм и порядка слов, «оборванные» отдельные слова и фразы, повторы, перебивы и переход на другую тему, оговорки, запинания. На сегментном уровне наблюдались количественные и качественные изменения гласных и согласных вплоть до их полного выпадения, редукции целых слогов и сегментов слов, а также реализация так называемых «стертых слов». Данные наблюдения находятся в соответствии с данными ряда исследователей русской спонтанной речи [Л. В. Бондарко, Н.Д. Светозаровой, Е.В. Сомовой, Н.В. Богдановой-Бегларян, О.Б. Болотовой, П.А. Скрелина и др.]. Термин *редукция* понимается нами как изменение артикуляционных и акустических характеристик звука (гласных согласных и сегментов большей протяженности), вызванное сокращением их длительности или ослаблением напряженности [Бондарко 1977]. Относительно ослабления артикуляторных усилий и сокращения разных звуковых сегментов вплоть до их полного выпадения используются различные термины, отличающиеся от термина *редукция*. Кроме случаев полной редукции (выпадения) гласных сюда можно отнести «выпадение» согласных, так называемые непроизносимые «немые» согласные, синкопу (выпадения группы звуков, или даже целого слога в середине слова), афери́зу (выпадение звука или слога в начале слова и апокопу (от др. греч. ἀποκοπή «усечение») – выпадения звука или нескольких звуков в конце слова. Все перечисленные явления можно обобщить термином **редукционные процессы**, поскольку они постоянно происходят в живой речи носителей языка.

В данной работе наше внимание было направлено также на различные случаи редукции гласных, согласных, а также различных по длительности сегментов слов.

При стирании границ между словами – *стяжение* (когда оказываются в соседстве два гласных или согласных): [j'a з д'эствлбъжáj'у ко́шѣк] (я с детства обожаю кошек); [этлфлр'инцып'ѣ.н'ив'ьрсáл'нѣ] 'ѣ л'икáрсѣв] (это в принципе универсальное лекарство); [мы мо́жым j'эс':в'ин'ину] (мы можем есть свинину); [клшáч'и] 'ѣ ш'э́рст'ипителий] (кошачья шерсть и эпителий); [пáт'их'о́н'ич'куч'лáвэ́к љ'иерг'ии н'ѣ б́у'ит] (потихонечку у человека аллергии не будет); [лáт г'ип'ьртáн'ии, он распр'áдвáл кáт'áт] (от гипертонии он распродал котят); [j'a этáт сл́уч'ѣ ч'áст спáм'инá] 'у] (я этот случай часто вспоминаю); [дá, вóд'áд' этвáпш'э] (да, вот дядя – это вообще); [мнóг'и] 'ѣ знá] 'ут шó лна д'иств'ит'ил'нѣ лáкáиит] (многие знают, что она действительно успокаивает); [у т'иб'áсклр'áj'ѣтцѣ п́ул'с] (у тебя ускоряется пульс).

Другой важной характеристикой СР на сегментном уровне являются различия в редукции безударных гласных. Для спонтанной речи характерна большая степень количественной редукции предударных гласных. Эмоциональной квазиспонтанной речи характерна практически редукция предудар-

ных гласных: [гвар'ítъ] (говорить); [гвар'ú] (говорю); [ч'эснѣгвар'á] (честно говоря); [ч'в'отъ] (чего-то); [жв'отнѣ'] (животное); [н'имлькá н'ид'царáпѣт'] (ни молока, ни поцарапать); [пклн'áл'ис'] (поклонялись); [хрлшó] (хорошо); [празнѣму] (по-разному); [птамú што] (потому что); ч'лавэк (человек); [псмлтрú] (посмотрю), [н'и млькá] (ни молока).

Полная редукция гласных происходит также в первых заударных слогах, в позиции между одинаковыми по качеству, либо месту и способу образования согласными: [самм, дель] (в самом деле); [н'икковá] (никакого); [д'еллá] (делала); [н'иккопóл'зы] (никакой пользы [ктóръ'ъ] (которая); [крут'цѣ] (крутятся); [дкázнѣ] (доказано); [кл'ич'ствѣ] (количество); [лпш'á]тцѣ] (общаются); [ч'лав'экъ] (человек).

Выпадения слогов встречаются чаще всего в позиции конца слова, но встречаются и середине слова и в позиции начала слова, где часто происходит эллипсис безударного гласного, например: [н'ир'с'ít'ет] (университет) [ѣргѣм'инт'ырнѣ'] (аргументированная); [рлск'зѣ] (рассказывать). Отмечается также редукция гласного в первом заударном слоге: [кл'ич'ствѣ] (количество); [т'ѣмп'ѣратúръ] (температура).

В области согласных наблюдаются редукции в начале слова, в середине слова в интервокальной позиции, упрощение групп согласных или ассимиляция с предшествующим согласным: [згл'át] (взгляд); [сплм'ина́]у] (вспоминаю); [спомн'им] (вспомним); [отт'е] (вот те); [ес'и] (если), [псмóр'им] (посмотрим), [нас'игдá] (навсегда), [клáдá] (когда), [от] (вот), [л'икáрсѣв] (лекарство), [т'и'á] (тебя), [бú'ит] (будит), [с'и'á] (себя), [нл'ернѣ] (наверное), [смлр'áлч'ивó] (смотря от чего), [j'á бѣ, склáл] (я бы сказал), [н'и бú'ит] (не будет); [влш'э] (вообще); [от с'ич'áс] (вот сейчас). [нлэрнѣ]ъ] (наверное); [шó члав'эк] (что человек); [у нио пáдѣ]ът т'ѣмп'ѣратúръ] (у него падает температура); [еси за тр'итцѣт'в'ос'иѣм' т'ѣмп'ѣратúръ] (если за тридцать восемь температура). Происходит выпадение отдельных звуков и слогов, затрудняющих обучение иностранцев русскому языку, как и их произношение: [прал'нѣ] (правильно), [каѣцѣ] (кажется) *щас* (сейчас), *тыща* (тысяча). Среди редуцированных форм слова выделяются *слова-компрессивы* [Да, вот тот д'áд'á, эт, влпшѣ] (да, вот то дядя – это вообще...); [насамдел'] (на самом деле); [ч'вотъ] (чего-то); [н'икко] (никакой); [оттóкъ] (вот только); [ктóръѣ] (которые); [прал'нѣ] (правильно); [ш'áс] (сейчас); [клатѣм] (когда там); [токъ] (только); [эт клк] (это как). Часто встречаются компрессии суффиксов: [пр'ид'эрж'у]уѣ] (придерживаются); [крут'ц'ѣ] (крутится); [въл'ивá]цѣ] (выливаются); [д'иѣ]ств'ит'нѣ] (действительно); [внуш'ýt'л'ных] (внушительных); [ѣрглм'иѣнт'ырвнѣя] (аргументированная); [сѣмлч'ýст'и]ъ] (самочувствие).

Проведенный слуховой анализ показал, что фрагменты монологической речи на заранее известную тему (определяемой выше как квазиспонтанная речь), содержат большинство характеристик спонтанной речи, в том числе

случаев редукации различных по длительности звуков и звуковых сегментов. Этот факт, по-видимому, можно объяснить темой изложения, определяющей эмоциональное состояние ведущего. Таким образом граница между квази-спонтанной и спонтанной речью оказывается размытой и зависит во многом от темы и эмоционального состояния участников коммуникативного акта.

Литература

1. Алексеева И.Н. Взаимодействие рецепции и продукции при обучении аудированию / И.Н. Алексеева // Современные направления в зарубежной методике преподавания иностранных языков: сб. научн. тр. – Москва, 1989. – С. 4–12.
2. Богданова-Бегларян Н. Живые фонетические процессы русской речи. Учебно-методическое пособие. Студенческая библиотека. – Филологический факультет СПб ГУ 2001. – 188 с.
3. Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977. – 175 с.
4. Бондарко Л. В. Спонтанная речь и организация системы языка // Бюллетень фонетического фонда русского языка. Фонетические свойства русской спонтанной речи. – №8. – 2001. СПб-Vochum. – С. 17–23.
5. Болотова О.Б. Опыт описания свойств спонтанной речи// Бюллетень фонетического фонда русского языка. Фонетические свойства русской спонтанной речи. – №8. – 2001. СПб-Vochum. – С. 45–58.
6. Галяшина Е.И. Проблема дифференциации спонтанной и подготовленной речи. // Труды международного семинара Диалог-2-002 по компьютерной лингвистике и ее приложениям [Электронный ресурс] URL: <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=7287&y=2002&vol=6077> (дата обращения: 25.01.2019).
7. Каргина Е. М. Развитие спонтанной иноязычной речи в процессе обучения иностранному языку в техническом вузе // Молодой ученый. – 2015. – № 8. – С. 948–950. – [Электронный ресурс] URL: <https://moluch.ru/archive/88/17363/> (дата обращения: 19.02.2019).
8. Светозарова Н.Д. Некоторые особенности фонетики русской спонтанной речи // Бюллетень фонетического фонда русского языка. Фонетические свойства русской спонтанной речи. – №8, – 2001. СПб-Vochum.
9. Скрелин П.А., Сомова Е.В. Реализация сочетаний согласных в связной речи (наблюдения и слуховой анализ) // Бюллетень фонетического фонда русского языка. Фонетические свойства русской спонтанной речи. – №8, – 2001. СПб-Vochum. – С. 25–31.
10. Сомова Е.В. Фонетические особенности реализации групп согласных в спонтанной речи и в чтении // Фонетический лицей. – СПб. 2004. – С. 112–134.
11. Фонетика спонтанной речи / под. ред. Н.Д. Светозаровой. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1988. – 223 с.

12. Фонология спонтанной речи / Отв. ред. Л.В. Бондарко. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2000. – 56 с.

13. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. / И.И. Халеева. – Москва, 1989. – 237 с.

Aleksieva Elena Pavlova

Ep. Konstantin Preslavski University of Shumen

**SOME CHARACTERISTICS OF SPONTANEOUS SPEECH ON
TALK SHOW MATERIAL (ACCORDING TO AUDITORY ANALYSIS)**

The results of the auditory analysis of a preliminary study of video audio talk show showed that they contain the main characteristics of spontaneous speech and can serve as material for research and their subsequent use of materials for the purpose of teaching and understanding spontaneous speech in Russian language, i.e. speeches close enough to the natural conditions of everyday dialogue.

Keywords: phonetics, spontaneous speech, auditing.

Проблемы подбора эквивалентных соответствий при переводе лирических произведений

В статье исследуется проблема подбора эквивалентных соответствий при переводе лирических произведений как с русского языка на азербайджанский язык, так и с азербайджанского языка на русский язык. Это результат многолетней переводческой деятельности автора статьи. Переводческая деятельность сама по себе трудный, кропотливый и многогранный процесс. Перевод лирических произведений требует не только глубокие знания или иного языка, он также требует знания культуры, традиций и истории народа языка оригинала и языка перевода. В статье рассматриваются некоторые моменты, когда автор при переводе был вынужден найти необходимое эквивалентное соответствие какого-либо понятия у языка оригинала и языка перевода (в данном случае с русского на азербайджанский язык). Для наглядного примера автор приводит перевод стихотворения «Жди меня» К. Симонова. Переводчик наткнулся на подводный камень при подборе следующих строк: «Выпьют горькое вино На помин души. Жди, и с ними заодно Выпить не спиши». Азербайджанский народ, наоборот, в траурных церемониях избегает спиртных напитков. Чтобы, сохранив смысл стихотворения, можно было бы передать грусть и скорбь выраженное в стихотворения, автор подбирает ему эквивалентное соответствие в азербайджанском языке «яс сахламаг» и тем самым Азербайджанский читатель принимает и соответствует лирическому герою. Аналогичный пример дается в статье при переводе с азербайджанского языка на русский язык стихотворения Залимхана Ягуба – известного азербайджанского поэта. В произведении З. Ягуб сравнивает свою возлюбленную со священным напитком «гюлаб», который приготавливают из отвара лепестков роз, специального сорта. Каждый азербайджанец с лобового и благоговением относится к «гюлабу». Поэтому при подборе эквивалентного соответствия этому слову автор подбирает слово «аленький цветочек», упоминание о котором вызывает у русского человека всплеск эмоций, т.к для русского человека аленький цветочек – это сказка, это вера в добро и любовь. Удачный подбор эквивалента не только обогащает перевод, он делает перевод понятным, близким и родным для носителей языка перевода: Для наглядности в статье дается пример: "Стать ли аленьким цветком у тебя на пути!? Как мне в душу твою дорогу найти." В статье анализированы и исследованы проблемы подбора эквивалента при переводе лирических произведений и сделаны выводы:

- А) перевод должен вызывать те же чувства и эмоции, что и оригинал,
- Б) подбор эквивалента – это кропотливый труд переводчика, который вынужден находить авторские синонимы к нужным словам,
- В) переводчик должен иметь глубокие знания литературы языка перевода и языка оригинала.

Ключевые слова: эквивалентное соответствие, перевод, язык перевода, язык оригинала, лирическое произведение.

Основоположник лингвистической теории перевода А.В. Федоров считал, что «успешное сочетание теории и практики перевода возможно лишь на широкой филологической основе». В условиях развития и прогресса отношений между народами узловые вопросы лингвистической теории перевода, имеющие прямое отношение к переводческой практике являются объектом повышенного внимания всех переводчиков. В процессе перевода сопоставляются лексико-грамматические и стилистические особенности русского и азербайджанского языков, и в процессе и переводчик раскрывает все новые логико-семантические основы возможных языковых преобразований.

В современных условиях вопрос перевода лирических произведений имеет важное значение в связи с тем, что сближение и духовное родство между народами является важным звеном их сотрудничества в экономическом и политическом плане. Лирическое произведение в более сжатой и в более выразительной форме выражает духовный мир, философское мировоззрение другого народа, его оценку окружающей действительности.

При переводе художественного текста, особенно стихов, важное значение имеет творческое родство и психологическая совместимость, как автора, так и переводчика. Их духовное родство помогает создать новое произведение, которое проходит через сито переводимого языка, подчиняется законам другого народа (языка). Чтобы понять и, как говорится «приватизировать» произведение другого языка, необходимо переводчику заново пройти процесс создания такого же шедевра, таких же творческих мучений, которые прошел автор оригинала. Переводчику предстоит двойная работа, он еще более страдальчески выполняет свою миссию тщательным образом подбирая языковые эквиваленты, метафорические сравнения, свойственные языку перевода. Для этого на примере перевода стихотворения З. Ягуба рассмотрим соответствие языковых эквивалентов оригинала и перевода.

Үакышмы уағдырым, шеһәми дөнүм?

Шимшәк кими чахдырым, меһәми дөнүм?

Гапында гул олум, шаһама дөнүм?

Чәмәним, чичәуим, күлүм, күлабым!

Сәнин үрәуинә нечә уол тапым?

Кечәләри шам кими әритдин мәни,

Күндүзләр уол үстә гурутдун мәни

Аглада-аглада гурутдун мэни!
Гапалы дэфтэрим, бағлы китабым!
Сэнин үрәуинә нечә уол тапым?
Бурю липоднять, ветерком ли мне стать?
Дождем к тебе литься, росинкою стать?
Рабом тебе быть, царем ли остаться?
Стать ли аленьким цветком у тебя на пути!
Как мне в думу твою дорогу найти?
Ночами долгими, как лучинка я таю
Ожидая тебя, очерствела душа!
По дорожке к тебе от тоскивысыхаю
Сокровенные мысли и думы мои ты прочти
Как мне в душу твою дорогу найти?

Таким образом, языковые соответствия должен подобрать сам переводчик. Он должен подобрать такое слово в языке перевода, чтобы переводимый материал бы полностью воспринят новой аудиторией.

Слово «gülab» – «цветочный отвар» не существует в быту русского народа, для них это просто напиток. Для азербайджанцев он не идет в сравнение ни с каким-либо другим напитком. Чем же можно заменить это слово при переводе, чтобы сохранить эту святость, но при этом перевод стал бы родным и для русского человека. Творческие мучения привели меня к выводу о том, что необходимо найти такое адекватное слово, которое затронет душу русского читателя, и я остановилась на слове «аленький цветок», т.к. этот цветок для русского человека является символом чистоты, загадочности. Это сказочный цветок, который любят и почитают все славянские народы. Таким образом, русские читатели смогут понять и оценить всю глубину чувств поэта, ведь он сравнивает свою возлюбленную с самым сокровенным, т.е. «аленьким цветком».

Никакой словарь не может предусмотреть все разнообразие контекстуальных значений, реализуемых в речевом потоке, точно так же, как он не может охватить все разнообразие сочетаний слов. В процессе перевода выстраиваются «три категории соответствий: 1) эквиваленты, установившиеся в силу тождества обозначаемого, а также отложившиеся в традиции языковых контактов; 2) вариативные и контекстуальные соответствия и 3) все виды переводческих трансформаций». В нашем случае все три варианта не подходят – это тот исключительный случай, когда отказ оправдан особыми условиями контекста или обстановки. Например, при переводе строк стиха К. Симонова «Жди меня»:

Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня.
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино...

На помин души
Жди, и с ними за одно
Выпить не спеши.

Дословный перевод этих строк не будет воспринят Азербайджанским читателем, так как он не может принять и понять традицию русского народа «выпить на помин души». Поэтому при переводе пришлось отказаться от эквивалента в силу особого условия контекста и заменить его традиционным для нашего народа словосочетанием «*uas saxlamaq*».

Үохлукума инансын, гоу анам, оғлум
Көзләмәкдән безсин гардашым, достум
Онларла бирликдә сән уас сахлама
Үенә дә, уенә дә сән мәни көзлә.

Если переводчик выполнил задачу, передав средствами другого языка целостно и точно содержащие подлинника сохранив его стилистические и экспрессивные особенности, то полученный перевод можно считать удачным. При этом перевод иногда может соперничать с оригиналом на уровне воздействия на читателя. Приведем пример такого перевода стихотворения А.С. Пушкина «Ты» и «Вы»:

Пустое «Вы», сердечным «Ты»
Она обмолвись заменила,
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила...
Гәфилдән «Сән» дедин «Сиз» әвэзинә
Чалмагла гәлбими оунатдын гүлүм
Арзулар күл ачды «Сән», һәвәсинә
Талеум дәуишди бу сөзлә күлүм
Пред ней задумчиво стою;
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: «Как, Вы милы!»
И мыслю: «Как Тебя люблю!»
Гаршында дауандым дилсиз-ағызсыз
Көзләрин көлүндә боғубдур мәни
Ашкарда деуирәм: «Мәһрибансыныз»
Үрәум һау чәкир: «Севирәм сәни!»

Единство формы и содержания на новой языковой основе является основным при переводе лирического произведения. С такой проблемой я столкнулась при переводе стихов Н. Гасанзаде «Лестница». В данном случае при переводе необходимо сохранить и форму, сохранить и уровень психологического воздействия на читателя. Сравним оригинал с переводом:

Дүнуа бир нәрдивандыр
Галханда – чох мөһрибан
Енәндә – нә уамандыр!
Көрүшдүк пилләләрдә

уолун уарысында биз.
Сән галхырдын уухары
мән енирдим хәбәрсиз.
Сәни арзуларына галдырырды нәрдиван
Мәни – хатирәләрә ендиридди бу заман.
Галха билмәздим даһа нә о күч, нә о тагәт
Сән дә енә билмәздин һағлы-һағсыз вермишди!
Өз һөкмүнү тәбиәт! бу көрүш һеч дүшмәуәуди
Кәрәк һеч дә арауа уа сән әввәл кәләудин
Үа мән сонра дүнуауа!

Жизнь – словно лестница:
При подъеме она сладка,
При спуске – как она горька!
Встретились с тобою мы
в середине пути.
Мне от судьбы такой
никуда не уйти.
Тебя поднимала лестница
к мечтам твоим.
Я же спускался вниз,
прошлым гоним.
Подниматься за тобою?
не могу я – нету сил,
Обижаюсь на природу
За ненужностью перил!
Судьба усмехнулась над нами,
Улыбнулась не вовремя нам.
Или я задержался с годами,
Или ты появилась не там.

Таким образом, мы еще раз убеждаемся в том, что перевод лирических произведений требует глубоких знаний русской и азербайджанской поэзии, традиций и обычаев обоих народов, т. к. это очень серьезный и изнурительный процесс.

Литература

1. Мамедли А.М. Языковая картина мира и перевод. // Русский язык и литература в Азербайджане. № 2, 2014.
2. Мубариз Юсифов. Мирза ШафиВазех – 220.
3. Салман Мумтаз. Мирза ШафиВазех. Баку-1926.
4. Виноградов В.С. Введение в переводоведение. М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001.
5. Гончаренко С.Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность. Тетради переводчика. № 24. М., 1999. С. 108–111.

**PROBLEMS OF SELECTING EQUIVALENT CONFORMITY IN
TRANSLATION OF LYRICAL WORKS**

The article examines the problem of selecting equivalent correspondences when translating lyric works from both the Russian language into the Azerbaijani language and the Azerbaijani language into the Russian language. This is the result of many years of translation work of the author of the article. Translation is in itself a difficult, painstaking and multifaceted process. Translation of lyric works requires not only deep knowledge of another language, it also requires knowledge of the culture, traditions and history of the people of the original language and translation language. The article discusses some moments when the author was forced to find the necessary equivalent correspondence of any concept in the original language and the target language (in this case, from Russian into Azerbaijani). For illustrative example, the author cites the translation of the poem "Wait for Me" by K. Simonov. Translation stumbled upon the pitfall in the selection of: the following lines: "Drink a bitter wine. Napamil soul. Wait, and with them at the same time. Drink not sleep. The Azerbaijani people, on the contrary, in mourning ceremonies avoid alcoholic beverages. In order to preserve the meaning of the poem, it would be possible to convey the sadness and grief expressed in the poems, the author selects for him an equivalent correspondence in the Azerbaijani language «Yas Sahlamag» and thus the Azerbaijani reader accepts and matches the lyrical hero. A similar example is given in the article when translating from the Azerbaijani language into Russian the poem of Zalmikhan Yagub, a famous Azerbaijani poet. In the work Z. Yagub uses comparing his beloved with the sacred drink "Gulab", which is prepared from a decoction of rose petals, a special variety. Every Azerbaijani with a frontal and reverent attitude to the «Gulab». Therefore, when selecting the equivalent correspondence to this word, the author selects the word "scarlet flower", for the mention of which causes a surge of emotions in a Russian person, because for a Russian person a scarlet flower is a fairy tale, it is faith in good and love. Successful selection of the equivalent not only enriches the translation, it makes the translation understandable, close and dear to native speakers of the translation language: For clarity, the article gives an example! "Do you have a scarlet flower on your way !? How can I find your way into your soul?"

The article analyzes and studies the problem of choosing the equivalent when translating lyric works and concludes:

- A) the translation should evoke the same feelings and emotions as the original
- B) the selection of the equivalent is the hard work of a translator who is forced to find the author's synonyms for the right words.
- B) the translator must have a deep knowledge of the literature of the target language and the source language.

Keywords: equivalent correspondence, translation, translation language, original language, lyrical work.

Термин *слово* в эволюции его значений (на материале учебников риторики и словесности XIX века)

Статья посвящена рассмотрению эволюции значений термина *слово* в русской филологической традиции. Автор отталкивается от изначального евангелического смысла «Слова» и рассматривает его в понимании русских классических авторов, писавших о языке и слове, при этом выясняются своеобразные значения этих основных терминов филологической науки, не всегда наблюдаемых в современных исследованиях.

Ключевые слова: слово, язык, словесность, словесные науки, литература.

С началом христианства понятие «Слово» приобрело колоссальное значение и вес в европейской научно-философской и богословской традициях. Основная фундаментальная идея европейской философии и филологии оказалась сконцентрированной в первых строках Евангелия, написанных простым рыбаком, апостолом Иоанном Богословом: «В начале было Слово. И Слово было у Бога. И Бог был Слово. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит и тьма не объяла Его» (Ин. 1, 1–5).

Ученые-филологи и литераторы любят цитировать афористичную строку Евангелия «В начале было Слово», говоря о значимости слова в жизни общества, о роли языка и речи как основного инструмента организации деятельности людей, о приоритетах правильной и выразительной литературной речи. В сущности, они правы в таком разностороннем историко-культурном развитии изначального содержания, однако надо иметь в виду, что создатель данного текста апостол Иоанн Богослов вкладывал в эти строки гораздо более глубокий и значительный смысл.

Слово Божие, по словам евангелиста Иоанна, лежит «в начале» всего сущего, Оно само явилось инструментом творения и нашло отражение в человеке – создании разумном и словесном. Под Словом Божиим понимается воплотившийся Господь Иисус Христос, Сын Бога Отца, второе лицо Святой Троицы, нераздельной и единосущной. Вот как говорит об этом в одной из своих проповедей Святитель Лука, архиепископ Симферопольский и Крымский, объясняя первые строки Евангелия от Иоанна:

«В самом начале своего Евангелия святой апостол Иоанн именует Второе Лицо Святой Троицы, Господа нашего Иисуса Христа, Словом. Что значит это именование? Самые разные слова живут в уме и сердце человеческом и исходят из них – слова истины и лжи, слова добрые и злые. Слово человеческое – то, что исходит из существа человеческого; то, что являет нам духовную сущность человека. Господь наш Иисус Христос называется Словом, потому что через него было открыто и возведено миру учение о Святой Троице. Из ума Божиего излилось слово проповеди Господа Иисуса Христа. Он был словесным Выразителем тайн Божиих и воли Божией» [6, с. 74–75].

Для исследования термина **слово** были выбраны тексты университетско-гимназических учебников пушкинского и послепушкинского времени (словари, учебники грамматики, словесности, риторики). Основным термином в них является логосически понимаемое **слово**. Слово есть движущая, творящая сила, воплощаемая в самой способности, даре человека мыслить и оформлять мысль в сознательных речениях и звуках. Когда учитель Пушкина Н.Ф. Кошанский начинает курс филологического учения словами «Ничто столько не отличает человека от прочих животных, как сила ума и дар слова», то очевидно, что речь идет о том, что образ Божий с Его Божественным Разумом и всесовершенным Словом воплотился в образе человека, которому даны в пользование и совершенствование ум и слово: «Сии две способности неразлучны; они образуются вместе, взаимно и общими силами ведут человека к совершенству, к великой Небом ему указанной цели» [5, с. 39].

Слову в значении «отдельное понятие, отрезок текста» в конце XVIII – начале XIX веков продолжает соответствовать вариативный концепт «речение» (хотя точнее, может быть, говорить о борьбе двух лексических вариантов), а слово, в основном, понимается в соответствии с его библейским смыслом.

От слова в его логосическом понимании следует прямой ход к логике («сила ума открывается в понятиях, суждениях и умозакключениях: вот предмет логики»), словесности («дар слова заключается в прекраснейшей способности выражать чувствования и мысли: вот предмет словесности»), словесным наукам (*studia literarum*), которые Н.Ф. Кошанский делит на «грамматику, ретику, поэзию. Все они рассматривают дар слова, силы его и действия: но каждая имеет свой предмет, свою цель, свои пределы. Каждая, как наука, имеет свою теорию, и как искусство, свою практику» [5, с. 39].

Педагогическое славословие Слову вместе с попытками научно формулировать роль и значение слова как инструмента общения, контакта, орудия, благоустраивающего жизнь человека и общества, находим у большинства современников А.С. Пушкина:

«Слово составляет важнейшее орудие, посредством которого человек содействует счастью ближнего» (И.И. Давыдов 1837: 25). Обратим внимание на орудийно-инструментальное, а не ограниченно лингвистическое значение

слова как отрезка текста. Слово получает значение и логоса и практической речи (ср. наблюдение В.В. Колесова, увидевшего в текстах Кирилла Туровского подобные семантические перспективы в отношении к лексеме слово: Слово 1 есть Логос, слово 2 есть речь» [4, с. 43]).

Заметим, что во всех учебниках говорится о совершенствовании человеческого слова или о таком слове, которое «способствует счастью ближнего». Это значит, что при отсутствии современного понятия «норма» существует понятие правильности, совершенства – и достижению этих понятий способствовали усилия человека, обучающегося слову и творящего слово.

Неслучайно и возникновение на русской почве науки словесности. Наиболее популярный учебник для юных современников Пушкина – «Правила словесности» Я.В. Толмачева 1915 г. достаточно ясно, в соответствии с традицией, сложившейся в конце XVIII века и идущей от Словаря Академии Российской, объяснял структуру словесных наук и словесности (см. более подробно в нашей статье «Словесные науки в Словаре Академии Российской» к переизданию Словаря – [2, с. 14–26].).

Вначале словесность понимается только как «природная способность человека изъяснять мысли и чувствования голосом членораздельным» (Толмачев 1915: 3). Под словом ясно понимается некоторое «логосическое» единство мысли и слова=текста, совокупность знаков реализованной мысли, мысль, воплощенная в тексте: «Слово есть воплощенная мысль: посему объясняя, украшая, усовершеншая выражения, придаем чрез то самое и мыслям ясность, красоту и совершенство. Следовательно, наука словесности непосредственно содействует образованию всех душевных способностей, особливо ума, воображения и чувствования» (цит. по: [1, с. 289]).

К пушкинскому времени термин словесность проделал путь от первого значения «знание» в Словаре Академии Российской до значения «наука словесности». К 30-м годам XIX века этот термин стал основным в филологической науке того времени. Профессор Московского университета И.И. Давыдов разделяет «науку словесности» на *объективную* и *субъективную*. Объективная словесность включает 3 больших раздела: 1. теория языка; 2. теория изящной речи; 3. теория слога. К объективной словесности принадлежат грамматика и риторика, рассматриваемые применительно к конкретному языку или народу. Субъективная словесность занимается «творчеством человеческого духа» – ее воплощением являются тексты словесности (это уже не «наука»!); поэзия и красноречие. Разделение последних базируется на дихотомии «словесные произведения мира действительного и мира идеально-возможного, гармонии и идеалов с чувственными образами, духовного подражания природе в слове». Родами красноречия являются история, философия, ораторская речь, родами поэзии – эпос, лирика, драма [1, с. 34–344].

Вторая половина XIX века стала не только началом научного языкознания в России, но в это время постепенно уходит в прошлое прежнее понимание

классических “словесных наук”, которые ряд ученых пытается еще сохранить. Так, профессор Ришельевского лицея К.П. Зеленецкий в 40–50-е годы декларирует рождение нового предмета – “науки о Слове”. Начав свое основное теоретическое сочинение с похвалы теоретикам риторики древности и критики ее достижений со стороны нынешних “самостоятельных обработчиков”, К.П. Зеленецкий совершенно определенно заявил о начале нового века в науке: “Только в последнее время, когда здание словесных наук распадается само собой, когда его заменяет Наука о Слове (курсив везде мой – В.А.), зная которой, на развалинах теории словесности первый у нас водрузил профессор Давыдов, когда труды свои посвящают этому предмету мужи, каковы В. Гумбольдт и Бопп, риторика как часть науки о слове может надеяться получить полное право гражданства в сфере наук точных, положительных; может сбросить свою схоластическую одежду и принять вид более естественный, более согласный с духом и с направлением нашего времени” [3, с. 9].

Характерна система «лингвистических» терминов К.П. Зеленецкого (слово «лингвистика», на наш взгляд, впервые встречается в сочинениях именно этого ученого): «речения» (не слова!) изучает лексикология, предложения – синтаксис, период – стилистика, речь – риторика. Сама же наука называется «наукой о Слове». Таким образом, видим, как на заре языкознания в переходный период ученик И.И. Давыдова К.П. Зеленецкий пытается сохранить прежнюю терминологию в составе уже новой, нарождающейся «лингвистической» теории.

Конечно, отношения языка и слова как синонимических понятий нередко смешиваются, что наблюдается уже в фольклоре. Вот Н.Ф. Кошанский допускает такие формулировки: «Язык или дар слова (*vox articulata*) есть дар свыше, которым Творец отличил любимое сознание свое от всех бессловесных...» Однако язык определенно понимается всего лишь как инструмент создания устной речи: «Язык — значит ныне изустное употребление дара слова или хотя и письменное, но писанное для удовлетворения первой нужды человека, сообщать мысли и чувствования другому.

Область языка ограничивают ныне знанием грамоты и, может быть, грамматики и употреблением безыскусственной прозы — первым, необходимым образованием человека.» [5, с. 144].

От языка как орудия создания устной речи или «безыскусственной» прозы отличается литература:

«Литература — значит ныне произведения языка, утвержденные письмами и, может быть печатанием, как для современников, так и для потомства; и притом произведения, удовлетворяющие второй потребности человека — просвещению ума, наслаждению вкуса» [5, с. 145].

Итак, язык, первичный дар свыше, должен развиваться в литературу. С помощью языка создается первичный вид словесности – устная речь («изустное

употребление дара слова»), а литература начинается там, где вступает в дело письменная речь – литеры, или письмена. Обратим внимание на то, что литературой охватываются все словесные тексты культуры (и догматика, и наука, и документальная проза, и ораторская проза), а не только художественная литература, как это стало после реформы середины XIX века.

Выражение «литературный язык» невозможно в пушкинское время. Другой учитель А.С. Пушкина А.И. Галич в «Теории красноречия» 1830 г. напишет главу «об ораторском языке или выражении» и «общих свойствах ораторского языка», где ясно сказано, что оратор пользуется «изустной речью», создаваемой с помощью орудия устной речи – «языка». Когда тот же А.И. Галич будет писать о литературе, ему придется говорить о «литературном произведении», поскольку последнее создается с помощью «литер» [1, с. 322–324].

Развитие термина *язык* происходит уже в новой науке второй половины и конца XIX века, не обремененной дополнительными коннотациями слова-логоса. Язык понимается и как орудие общения, средство коммуникации, и как система знаков, кодирующих мысль на разных уровнях языковой системы.

Термины *слово* и *словесность*, впрочем, сохраняют свои прежние логические значения в курсах теории и истории русской словесности. Чтобы подтвердить эту мысль достаточно бегло просмотреть учебники словесности второй половины XIX – начала XX веков. Термин *слово* несомненно сохраняет в своей культурной истории до настоящего времени все предыдущие значения:

- способность человека выражать мысль в звуках;
- совокупность текстов данной культуры («произведения русского слова»).

Значение термина-концепта *язык* несомненно развилось в науке языкознания. Язык стал метафорой для обозначения знакового выражения мысли в разных областях деятельности, поэтому говорят о «языке танца» или «языке живописи».

Развитие филологической (словесной) и языковедческой культуры требует ясного понимания исторического развития данных терминов с тем, чтобы, освоив их содержательное богатство, творчески развивать и применять их возможности в современной науке и общественно-речевой практике.

На наш взгляд, следует говорить и об особой области *философии слова*, которая несомненно будет иметь несколько иное значение, нежели *философия языка*, поскольку под термином «слово» не может пониматься только система языка или язык как инструмент общения, но нечто большее и глубокое.

Литература

1. Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия: Учебное пособие. 2-е издание, исправленное и дополненное. Для студ. гуманитарных факультетов вузов. – М., Флинта: Наука. – 2002.

2. Аннушкин В.И. Словесные науки в Словаре Академии Российской // Словарь Академии Российской. Репринтное издание. – М., 2003. Т. IV. – С. 14–26.

3. Зеленецкий К.П. Исследование о риторике в ее наукообразном содержании и в отношениях, какие имеет она к общей теории слова и к логике. – Одесса, 1846.
4. Колесов В.В. История русского языкознания: Очерки и этюды. – СПб., 2003.
5. Кошанский Н.Ф. Риторика. Издание подготовили Аннушкин В.И., А.А. Волков, Л.Е. Макарова. – М., Русская панорама; Кафедра, – 2013.
6. Святитель Лука, архиепископ Симферопольский и Крымский. Избранные творения. – М., Сибирская благовонница, – 2009.
7. Трубецкой С.Н. Учение о Логосе в его истории: философско-историческое исследование. – М.: Харьков, 2000. – 656 с.

Annushkin Vladimir

Pushkin State Russian Language Institute

THE TERM *WORD* IN EVOLUTION OF ITS VALUES (ON MATERIAL OF TEXTBOOKS OF RHETORIC AND LITERATURE OF THE 19TH CENTURY)

Article is devoted to consideration of evolution of values of the term *word* in the Russian philological tradition. The author makes a start from initial evangelic sense of «Word» and considers it in understanding of the Russian classical authors writing about language and a word, at the same time peculiar values of these main terms of philological science not always observed in modern researches are investigated.

Keywords: word, language, literature, verbal sciences, literature.

Формирование умений и навыков произносительной русской речи у учащихся-азербайджанцев

Эффективность обучения русскому языку в азербайджанской школе во многом определяется правильной организацией учебного процесса, соблюдением рационального соотношения между видами разнообразных работ, нацеленных на развитие устной речи. Современный русский литературный язык является одним из развитых мировых языков, обладающий совершенными, неизменными нормами. Внутреннее строение языка образуется из его звукового состава, лексики и грамматики. Нормам литературного языка соответствуют: фонетические нормы; лексические нормы; грамматические нормы. Сама по себе фонетическая норма делится на две части: а) орфоэпическая норма; б) орфографическая норма. Орфоэпическая и орфографическая нормы были созданы на основе фонетических и грамматических (морфологических) норм языка. Принадлежность азербайджанского языка к типу агглютинативных языков определяет характер и типологию его литературных норм. Произносимый вариант слова в литературном языке называется орфоэпической нормой. Эти нормы отражены в орфоэпических словарях. Орфоэпические нормы языка составляют основу правильной речи. От того, насколько ясно и правильно говорит человек, зависит, как его будут воспринимать окружающие. Правильное произношение слов, точная интонация, верно расставленные ударения свидетельствуют о высоком интеллектуальном уровне человека. Это очень важно для будущих учителей русского языка в азербайджанской школе. Следовательно, орфоэпические нормы являются важной составляющей устной речи. Этим обусловлена актуальность изучения орфоэпических норм современного русского языка учащимися-азербайджанцами. При изучении русской орфоэпии важно: а) уточнить понятие «языковая норма», «орфоэпия», «орфоэпическая норма»; б) рассмотреть основных признаков языковой нормы; в) анализировать нормы произношения гласных и согласных звуков, постановки ударения в современном русском языке.

Ключевые слова: языковая норма; орфоэпия; орфоэпическая норма; основные признаки языковой нормы.

Орфоэпические нормы представляют собой комплексное понятие, которое включает правила произношения звуков и постановки ударения. Орфоэпические нормы сложились всего исторического периода развития. Анализ

теоретических источников показывает, что орфоэпические нормы имеют преимущественное значение для устной речи. Владение орфоэпическими нормами дает возможность учащимся азербайджанской школы правильно и точно выражать свои мысли, избежать непонимания, двусмысленности речи. Соблюдение орфоэпических норм русского языка свидетельствует о грамотности человека. Кроме того, владение орфоэпическими нормами позволяет сделать процесс общения более эффективным. Таким образом, орфоэпические нормы языка являются неотъемлемой составляющей языковой нормы, владение которой необходимо носителю русского языка. В последнее время вопросам обучения учащихся-азербайджанцев правильному произношению и ударению – одному из важных компонентов правильной устной речи – стали уделять особое внимание. Отношение к нормам литературного произношения и ударения, или орфоэпии, свидетельствует об общем культурном уровне носителя языка и имеет немаловажное значение, чем отношение к нормам письменной речи. Следует учитывать соотношение произношения и правописания, потому что нередко звучащие и написанные слова различаются, что приводит к соответствующим ошибкам. Целесообразно на уроках русского языка в азербайджанской школе использовать упражнения двух видов: 1) когда произношение и написание слов совпадают; 2) произношение и написание слов не совпадают. Приобретенные на уроках русского языка орфографические умения и навыки помогут учащимся-азербайджанцам в работе над следующими орфографическими правилами: правописание твердого и мягкого знаков; правописание безударных гласных в морфемах разных частей речи. Развитие речи на уроках русского языка определяется, как работа, проводимая в связи с изучением основных разделов курса, чтобы учащиеся приобрели произносительные, лексические, морфологические, синтаксические умения и навыки, научились выражать свои мысли в устной и письменной форме с использованием необходимых языковых средств и в соответствии с целью содержания и условиями общения [1].

Словарный состав азербайджанского языка очень богат. Качество лексических норм азербайджанского литературного языка определяют национальные слова. Лексическая норма требует от всех хорошего ознакомления со значением или же значениями слова, а также его уместного и правильного употребления. Слова языка приобретают, определенные значения в результате исторического развития. Употребление слов в несвойственном им, нетрадиционном смысле и значении, введение в текст в ненужном виде является дефектом речи. Если слово используется и употребляется в нехарактерном для него смысле, это означает, что мысль будет невразумительно. Таким образом, лексическая норма будет нарушена, т.е. будут нарушены требования культуры речи. Работа над литературным произношением имеет большое значение в развитии речи учащихся. Овладевая орфоэпическими навыками,

учащиеся правильно понимают звуковой состав слов, являющийся средством превращения мышления в реальность, выражают свои мысли в ясной, понятной всем форме. Нормы произношения играют такую же большую роль в правильности речи, какую играют орфографические правила в борьбе за грамотное письмо. Литературное произношение является одним из основных факторов, технически обуславливающих выразительное чтение. На занятиях по произношению учащиеся знакомятся с особенностями звучания устной речи (интонацией, паузой, тоном голоса, тактом речи, логическим ударением и т. д.), овладевают умением пользоваться ими. На занятиях по орфоэпии учащиеся применяют в речи полученные знания об отношениях между звуком и буквой, устной речью и письменной речью, о звуковых значениях букв в различных фонетических условиях, а это придает их разговору и чтению живость и естественность. Работа над литературным произношением оказывает положительное влияние и на развитие у учащихся орфографических навыков. Немалую роль в возникновении и закреплении орфоэпических ошибок играет недостаточный уровень развития речевого слуха, под которым понимается «психолингвистическая способность человека при восприятии речи улавливать слухом и одновременно воспроизводить во внутренней речи все фонологические средства языка, артикулируя и интонируя слышимую речь» [2]. Знание типичных орфоэпических ошибок в речи учащихся и их причин помогает определить задачи обучения русскому литературному произношению и ударению в азербайджанской школе. Исправление орфоэпических ошибок, свойственных разговорному языку, способствует устранению орфографических ошибок, порожденных неправильным произношением, а объяснение связи между написанием и чтением помогает предупреждению и устранению ошибок, имеющих место от правильного произношения. Таким образом, культура произношения является составной частью общей борьбы, проводимой в школе за культуру речи. Следует отметить, что в настоящее время обучение нормам русской орфоэпии в азербайджанской школе связано со значительными трудностями в расхождении орфоэпических норм русского и азербайджанского языков. Большинство односторонне расценивает развитие речи, считая, что оно заключается только в обучении грамотному письму. Главное при изучении русской орфоэпии – выявить недостатки в области привития орфоэпических навыков и определить их причины. При этом следует точно определить наиболее рациональные способы и пути, помогающие устранению этих ошибок, облегчающих и ускоряющих привитие орфоэпических навыков. Работу по развитию навыков правильного русского произношения следует начинать с младших классов. Она должна опираться на определенную научную основу, т.е. есть теоретические сведения о звуковой системе нашего языка и на морфологические сведения. В этом отношении в формировании навыков литературного произношения уроки фонетики и морфологии, имеют

большое значение. В азербайджанском языке в словах, заимствованных из русского языка, встречаются и двойные согласные с разными согласными. Такие пары состоят из звонкого и сонорного согласных (групп, телеграмм), из глухого и сонорного; (трактор, план, плов, пленум), из двух глухих (спирт, станция), из двух сонорных (elm – наука, əmr – приказ). Нарушая правильное произношение заимствованных слов, это положение ослабляет воздействие речи, а также затрудняет дело овладения русским языком, как иностранным. Здесь наряду с повторением учащимся сообщаются необходимые теоретические знания о произношении ряда грамматических форм, благодаря чему у учащихся создаются нужные речевые навыки. В процессе формирования и совершенствования орфоэпических умений и навыков могут быть использованы различные виды упражнений. Работу целесообразно начинать с орфоэпического анализа. Проводить его рекомендуется регулярно в целях исправления и предупреждения произносительных ошибок. Учащимся предлагается следующий порядок орфоэпического разбора: 1. Подумать и решить, произносится ли данное слово всегда и всеми одинаково, или его произносят по-разному. 2. Справиться в словаре, какое произношение считается верным. 3. Произнести слово вслух правильно.

Литература

1. Иванова С.Ф. Речевой слух и культура речи: Пособие для учителей. М., 1970.
2. Ладыженская Т.А. Методика развития речи на уроках русского языка, М., 1980.

*Ahmedova Kamala Kalandar
Ganja State University*

FORMATION OF SKILLS AND ABILITIES OF PRONUNCIATION RUSSIAN IN STUDENTS OF AZERBAIJANIS

The effectiveness of teaching Russian in the Azerbaijani school is largely determined by the proper organization of the educational process and the observance of a rational relationship between the various types of work aimed at developing oral speech. Modern Russian literary language is one of the developed world languages, possessing perfect, invariable norms. The internal structure of the language is formed from its sound composition, vocabulary and grammar. The standards of the literary language correspond to: phonetic norms; lexical norms; grammatical norms. But in itself, the phonetic norm is divided into two parts: a) the orthoepic norm; b) spelling norm. Orthoepic and spelling norms were created on the basis of phonetic and grammatical (morphological) norms of the language. The belonging of the Azerbaijani language to the type of agglutinative languages determines the character and typology of its literary norms. A pronounced version

of a word in a literary language is called the orthoepic norm. These norms are reflected in the orthoepic dictionaries. Orthoepic norms of the language form the basis of correct speech. It depends on how clearly and correctly the person speaks, how others will perceive him. Correct pronunciation of words, accurate intonation, correctly placed emphasis indicate a person's high intellectual level. This is very important for future teachers of the Russian language in the Azerbaijani school. Consequently, orthoepic norms are an important component of oral speech. This explains the relevance of the study of the orthoepic norms of the modern Russian language by Azerbaijani students. When studying Russian orthoepy, it is important: a) to clarify the concept of "language norm", "orthoepy", "orthoepic norm"; b) consideration of the main features of the language norm; c) analyze the norms of pronunciation of vowels and consonants, stress in the modern Russian language.

Keywords: language norm; orthoepy; orthoepic norm; main properties of the language norm.

Функционирование прецедентных имен в современном русском автомобильном дискурсе

Массовая автомобилизация каждого члена социума сделала потенциальным участником автомобильного дискурса. Рядовые носители языка общаются на автомобильную тематику в самых разных перспективах: бытовой, публицистической, правовой, художественной и культурной. Автор статьи рассматривает лингвокультурный потенциал прецедентных единиц современного русского автомобильного дискурса на материале средств массовой коммуникации.

Ключевые слова: лингвокультурный потенциал, автомобильный дискурс, прецедентное имя.

Человеческая культура формируется в языке, более того, язык реализует национальную картину мира, аккумулирует и транслирует накопленные знания следующим поколениям в виде культурно маркированных единиц: логозпистем (по терминологии В.Г. Костомарова), прецедентных текстов (по терминологии Ю.Н. Караулова), коллокаций (по терминологии У. Фулера), культурных концептов (по терминологии С.А. Аскольдова), культурных констант (по терминологии Ю.С. Степанова), состоящих из культурно значимых слов, паремий, метафорических высказываний, киноцитат, крылатых выражений, отрывков из песен и др.

Автомобильный дискурс (далее АД) в этом отношении имеет значительный лингвокультурный потенциал, поскольку включается в контекст многочисленных символов и смыслов. На его основе рождаются и входят в общее употребление не только отдельные слова, но и разного рода прецедентные тексты. Например, надпись у арок на тротуаре – *«Берегись автомобиля!»*; о богатых людях с иронией – *«Наши люди в булочную на такси не ездят!»*; оценка человека по его автомобилю – *«Какой водитель, такая и машина»*; оправдание больших расходов на приобретение необходимых вещей — *«Автомобиль не роскошь, а средство передвижения»*; квалификации плохой техники — *«Будь проклят тот день, когда я сел за баранку этого пылесоса. Выродок в славной семье двигателей внутреннего сгорания! Да отсохнет его карбюратор во веки веков!»*; призыв к переменам и борьбе с чем-либо – *«Ударим автопробегом по бездорожью и разгильдяйству!»*.

Прецедентные имена (далее ПИ) АД, отражая социальный опыт, занимают ядерное положение в коллективном языковом сознании современного человека, поэтому их исследование становится чрезвычайно актуальным. Рассмотрим их функционирование на конкретном материале.

ПИ **Шумахер**, будучи окруженным ореолом положительных ассоциаций и являясь символом победоносности и успеха, в русской коммуникации, наделяется негативно эмоциональной характеристикой и употребляется в значении *лихач, водитель, превышающий скоростной режим*. Данное имя, как правило, используется в контексте описания аварий и ДТП, тем самым, становясь символом потенциальной угрозы на дороге: *«Этот Шумахер устроил Формулу 1 на городском транспорте! Наказать и лишить прав!» [1]; Если такой «шумахер» подрезал ваш автомобиль или нагло пытается втиснуться в ваш ряд – не пытайтесь с ним «бодаться» или «учительствовать» [2]* – употребление имен знаменитостей для обозначения водителя с определенными качествами (быстрое вождение). В результате транспозиции имя собственное утрачивает свою главную функцию идентификации лица, приобретая в качестве основной функцию характеристики.

Другое ПИ – **Ники Лауда** также ассоциируется с неприятностями на дороге. В 1976 г. на соревнованиях легендарный гонщик попал в жуткую аварию. *«У НАС в России про лихачей на дорогах обычно говорят: гоняет, как Ники Лауда... [3]; «Не дай Бог такого Лауду повстречать на пути!» [4]*. Данное ПИ обладает меньшей степенью рекуррентности по сравнению с ПИ Шумахер.

Статус ПИ получило название автомобильных гонок **Формула-1**: *«Не водитель, а Формула 1! Куда так гнать нужно? ... И не говори! На прошлой неделе сцетился с такой Формулой 1 на перекрестке. Отделался царапинами на морде» [5]*. В данном случае ПИ Формула-1 употребляется в качестве узуального субстантива и выполняет экспрессивно-оценочную функцию.

Отрицательная коннотация рассмотренных выше ПИ объясняется тем, что доминантные характеристики, положенные в основу автоспорта (риск, драйв, скорость, победа любой ценой) в реалиях повседневной автомобильной коммуникации расцениваются как отрицательные.

За выдающимися деятелями автопроизводства закрепляется исключительно положительная репутация. Так, например, ПИ Кулибина, изобретателя первой отечественной самокатки называют изобретателей-энтузиастов без специального образования: *«Наш «Кулибин» за рулем»* – статья о жителе Назрани, который создал систему запуска автомобиля с кнопки [6].

Что касается ПИ из мифологии и художественной литературы то по своим функционально-семантическим характеристикам они сближаются с именами нарицательными. Так, например, искусного водителя зовут именем мифологического героя, возницы Ахилла – **Автомедоном**. См., например: *«Восхищаюсь смелостью Автомедонов. Погода против них, а им 350 км/ч не скорость» [7]*.

Именем из романа Ильфа и Петрова **Адам Козлевич** называют таксистов: *«Все профессии важны, все профессии нужны! Мой папа козлевичем 10 лет работал. Сложно быть таксистом, с его слов»* [8].

«От Адама до наших дней» – заголовок статьи («Автопилот» от 07.11.2016), который создает эффект обманутого ожидания на основе омонимии имени первого человека, сотворенного Богом и имени литературного персонажа из романа Ильфа и Петрова. Читатель, декодируя фразеологизм «от Адама», вправе предположить, что в публикации пойдет речь о древности, однако содержание статьи об автопробеге по маршруту Адама Козлевича, опровергает подобного рода предположения [9].

Наименование машины, на которой ездил великий комбинатор, также стало нарицательным. «**Антилопой-гну**» называют старый, подержанный автомобиль, давно снятый с производства: *«Купил подержанный автомобиль. Через каждые 2 недели ремонт! Даже и не знаю, что делать с этой Антилопой-Гну?»* [10].

В разных контекстах журналистами используется ПИ **Юрий Деточкин**, которое актуализирует в сознании читателя образ бессеребренника: *«На недели врезался в ВАЗ! Отделался тысячей! Предлагал больше, но за рулем Деточкин оказался. Не хотел ничего брать с меня!»* [11].

ПИ «**королева бензоколонки**» и его возможные вариации типа «**король бензоколонки**», «**короли бензоколонок**» употребляется в СМИ как перифраз слов «нефтемагнат», богач и сотрудник заправок: «*Короли бензоколонок* – новостной заголовок о мошенничестве столичных запращиков [12].

Наиболее продуктивным в АД оказался класс ПИ связанных с наименованиями марок автомобилей. Разнообразные народные прозвища и марочные названия машин фиксируют актуальный смысл для окружающих, вбирают в себя сумму определенных представлений, соотносимых с эпохой бытования автомобиля.

ПИ **Копейка** (ВАЗ-2101) вербализует такие семы как «советская эпоха», «народный автомобиль», «ветхость», «плохое качество», «доступность», «дешевизна»: *«Считаем «копейки». Мы собрали все поколения классического семейства автомобилей ВАЗ»* [13].

«Влетел в копейку» – заголовок блога, в котором реализуется языковая игра, построенная на контаминации прямого и переносного значений: 1) «изрядно потратиться» на ремонт автомобиля; 2) «на высокой скорости врезаться в ВАЗ-2101» [11].

ПИ, связанные с автомобильными марками можно расположить на хронологической шкале следующим образом: «**Копейка**», «**Жигули**», «**Бобик**», «**Уазик**», «**Рафик**», «**Горбатый**», «**Запорожец**», «**Пирожок**», «**Иж**», «**Волга**», «**Победа**», «**Чайка**», «**Москвич**» – имена-символы советской эпохи; «**Девятка**», «**Мерс**», «**Шестисотый**», «**БМВ**» «**Бумер**», «**Бэха**», «**Джип**» – «лихие 90-е»;

«Лада-Калина», «Гугломобиль», «Тесламобиль», «розовое такси», «женское такси», «детское такси», «зоотакси», «еврейское такси», «православное такси», «трезвое такси» – современные наименования автомобилей, отражающие развитие автомобильного производства, науки и общества в целом.

Еще один важный момент, касающийся ПИ, связан с тенденцией раскрытия их символики, заложенной во внутренней форме слова-имени. Проиллюстрируем сказанное на примере текста «автомобильного гороскопа»:

«Уважаемые Драйвовчане, представим, что наши автомобили – это яркие точки на звездной карте от Альфа ромео до Омега опель! По марке вашего авто предлагаю шуточный автомобильный гороскоп на первый месяц 2018 года:

– водители «Горбатого» – ваше упрямство может довести до могилы, поэтому будьте гибче и мягче в Новом году, одним словом, исправляйтесь! (отсылка к фразеологизму «могила исправит» и русской поговорке «упрямого исправит дубина, а горбатого могила»);

– водители «Победы» – постарайтесь избежать фиаско в бизнесе (контекстуальный антоним победы);

– водители «Волги» – не горячитесь и не принимайте поспешных решений, иначе вас пошлют по «матушке» (отсылка к тексту русской народной песни «Вниз по матушке по Волге»);

– водители «Чайки» (ГАЗ-14) – вас может накрыть волна пессимизма, не хороните себя преждевременно, ведь жизнь прекрасна! (вспоминается диалог Медведенко и Маши из пьесы А.П. Чехова «Чайка»: «– Отчего вы всегда ходите в черном? – Это траур по моей жизни» [14: 432]. Пессимистичным настроениям героини соответствует цвет автомобиля: обе модели ГАЗ-14 выпускались траурного цвета;

– водитель «Икаруса» – не обожгись в любви. Твои мечты могут разбиться (реминисценция мифологического сюжета о Дедале и Икаре);

– водители «Копейки» – делайте необходимые покупки, включайте голову, берегите деньги (отсылка к поговорке «копейка рубль бережет, а рубль голову стережет»);

– водители «Лады Калины» – займитесь ремонтом авто, нежели он будет дышать на ладан. Лады? (игра слов Лада – ладан – лады);

– водители «Порше» – начните жизнь с белого листа, дерзайте! Все-таки лучше «Порше», чем никогда! (отсылка к поговорке «лучше поздно, чем никогда»);

– водители «Хендай» – будьте бдительны за рулем! Новогодняя феерия сулит вам столкновение с желтой собакой и выписку штрафа в эквиваленте китайской грамоты (языковая игра, построенная на градации восточных символов: китайское авто, желтая собака – тотемное животное китайского календаря 2018 года, китайская грамота – непостижимость новогоднего чуда) [15].

Таким образом, ПИ насыщают АД символами. Адресант обращается к ПИ с целью создания игрового момента и стимулирует интеллектуальную деятельность реципиента, вызывая тем самым разнообразные ассоциации.

Результаты лингвистического анализа ПИ АД позволяют выделить следующие области заимствования: 1) реальные имена выдающихся личностей – автогонщиков (Шумахер, Лауда), деятелей автомобилестроения (Кулибин, Бенц, Даймлер, Форд, Мишлен, Феррари, Крайслер, Додж, Шевроле); 2) вымышленные, мифологические, авторские имена собственные и нарицательные (Автомедон, Адам Козлевич, Деточкин, «Антилопа Гну», Королева Бензоколонки); названия чемпионатов мира по автогонкам (Формула-1); 3) названия марок автомобилей (Копейка, Горбатый, Победа и мн. др.).

Литература

1. Маршрутчики: хамство на дороге // DRIVE2RU: автомобильный портал. 2016. – URL: <https://www.drive2.ru/l/7401888/> (дата обращения 15.02.2019).
2. Типичные аварии, в которые регулярно попадают даже опытные водители: форум // АвтошколаЛидер. 2018. – URL: <http://avtolider73.ru/tipichnye-avarii-v-kotorye-regulyarno-popadayut-dazhe-opytnye-voditeli/> (дата обращения 15.02.2019).
3. За штурвалом – Ники Лауда: электрон. газета «АиФ Европа», № 4. – 25.12.2003. – URL: <http://www.aif.ru/archive/1704109> (дата обращения 15.02.2019).
4. Лихачей ждут // DRIVE2RU: автомобильный портал. 2015. – URL: <https://www.drive2.ru/c/1505810/> (дата обращения 15.02.2019).
5. ДТП: только вперед! форум // AUTOMPV.RU. 2011. – URL: <http://autompv.ru/forum/topic/27-dtp-tolko-vpered-video/?p=2838> (дата обращения 15.02.2019).
6. Наш «Кулибин» за рулем: электрон. газета «Сердало», № 32-33 01.03.2014. URL: <http://serdalo-gazeta.livejournal.com/476376.html> (дата обращения 15.02.2019).
7. Айртон Сенна – раллийный гонщик! // DRIVE2RU: автомобильный портал. 2018. URL: <https://www.drive2.ru/b/479996475103773070/> (дата обращения 15.02.2019).
8. Жизнь таксиста // DRIVE2RU: автомобильный портал. 2015. – URL: <https://www.drive2.ru/b/1708606/> (дата обращения 15.02.2019).
9. От Адама до наших дней: электрон. журн. «Автопилот», № 8. – 07.11.2016. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3134122> (дата обращения 15.02.2019).
10. Как правильно выбрать поддержанный автомобиль // DRIVE2RU: автомобильный портал. 2016. – URL: <https://www.drive2.ru/b/2710524/> (дата обращения 15.02.2019).
11. Влетел в копейку! // DRIVE2RU: автомобильный портал. 2018. URL: <https://www.drive2.ru/b/490348926835097676/> (дата обращения 15.02.2019).

12. «Короли» бензоколонок // Телеканал «Canal3.MD». – 15.11.2017. – URL: http://www.canal3.md/ru/koroli-benzokolonok_56973.html (дата обращения 15.02.2019).

13. Считаем «копейки» // AvtoTut: автомобильный портал. – 24.10.2016. – URL: <https://auto.tut.by/news/exclusive/513382.html> (дата обращения 15.02.2019).

14. Чехов, А. П. Избранные сочинения. – М.: Художественная литература, 1988. – 640 с.

15. Автомобильный гороскоп на январь 2018 // DRIVE2RU: автомобильный портал. 2018. – URL: <https://www.drive2.ru/b/490391258032767049/> (дата обращения 15.02.2019).

Barbun V.V.

Pushkin State Russian Language Institute

THE FUNCTIONING OF PRECEDENT NAMES IN MODERN RUSSIAN AUTOMOBILE DISCOURSE

Due to global automobilization every member of society has become a potential participant of an automobile discourse. Native speakers use different perspectives while talking about cars: private, public, legal, artistic and cultural. The given article focuses on a precedent names of the modern Russian automobile discourse on the basis of mass media material.

Keywords: linguocultural potential, automobile discourse, precedent name.

Оценка читабельности учебников по русскому языку для начальной школы

В данной статье рассматривается проблема исследований взаимосвязи движений глаз и человеческого сознания с помощью средств айтрекинга, метода регистрации направления взгляда. В статье раскрывается феномен айтрекинга, его краткая история и примеры возможных результатов, полученных в процессе его применения. В ней также показано преимущество данных исследований в сфере методики образования и лингводидактики и чего авторы статьи хотят достичь по окончании эксперимента над оценкой читабельности учебников по русскому языку для начальной школы с использованием технологии айтрекинга.

Ключевые слова: айтрекинг, движение глаз, читабельность, учебники по русскому языку, начальная школа.

Проблемой взаимосвязи движений глаз и человеческого сознания интересуются на протяжении нескольких столетий. Концепция изучения того, куда мы смотрим и почему, существует с 1800-х годов, и сегодня современная технология отслеживания глаз позволяет собрать обширное количество информации о человеческом разуме. Исследования проводились, начиная от практического наблюдения за окуломоторной активностью человека и заканчивая новейшими технологиями для ее фиксации и анализа. Так, в 1974 году Р. Купер впервые продемонстрировал, что в процессе чтения зрочки фиксируют объекты, к которым относятся отдельные слова на сопровождающем тексте. Испытуемые с большей вероятностью направляли свой взгляд на изображение собаки, когда читали слово «собака», а не на несвязные между словом и образом картинки [5, с. 2]. Ученый назвал этот принцип «привязки» движений глаз к языковой деятельности «гипотезой взаимосвязи мышления и визуальной перцепции» [3, с. 89].

Наибольшее влияние на развитие айтрекинговых исследований оказали, в начале его пути, труды в области физиологической оптики (Ибн аль-Хайсам, Г. фон Гельмгольц, Л. да Винчи), эксперименты и первые попытки создать аппарат для регистрации движений глаз (Р. Купер, М. Ламар, Э.Б. Делабарр, Б. Эрдман, Р. Додж, М.А. Тинкер, Дж. Бузвел, А.Л. Ярбус) и исследования

с использованием современного оборудования и применение данного метода в узких областях (О.В. Федорова, К. Рейнер) [1, с. 8].

Благодаря появлению новейших средств видеорегистрации отслеживания глаз – айтрекерам – метод регистрации движений глаз, который также известен под названием «айтрекинг» (eye-tracking), становится все более доступным в различных областях его применения, включая человеко-компьютерное взаимодействие, маркетинг и медицину. Педагогика и методика обучения также являются дисциплинами, использующими технологию айтрекинга в своих исследованиях для получения ясного представления о визуальном внимании учащихся. Например, какие учебные элементы привлекают и удерживают интерес, а какие отвлекают или остаются незадействованными в процессе восприятия материала. Результаты анализа отслеживания глаз, подобные этим, могут эффективно применяться для улучшения дизайна средств обучения, используемых в классе и за его пределами [4, с. 10]. С лингвистической точки зрения применение технологии айтрекинга при чтении позволяет высчитать такой показатель, как коэффициент сложности текста по анализу длительности остановок на конкретных фрагментах и длительности возврата взгляда к ранее прочитанному фрагменту. Также благодаря айтрекингу появляется уникальная возможность исследования восприятия креализованного текста, состоящего из двух компонентов – визуального и вербального, который преобладает в современном информационном мире. В процессе анализа таких текстов возможно рассмотреть особенность их восприятия и разработать стратегии взаимодействия с ними [2, с. 242].

Данные области применения метода регистрации движений глаз и являются сферами нашего научного интереса. В данный момент ведется подготовка исследования по теме «Оценка читабельности учебников по русскому языку для начальной школы», цель которого – это определение стратегий композиции текстового и визуального компонента данных учебников для носителей языка с дальнейшей возможностью использовать результаты исследования в работе над учебниками по русскому языку как второму родному и по русскому языку как иностранному.

Научная гипотеза проводимого исследования с применением метода айтрекинга состоит в том, что регистрация и анализ движений глаз, которые являются индикатором различных сторон познавательных психических процессов человека, таких как деятельность или коммуникация, позволяет с точностью определить трудности, связанные с восприятием цельной картины учебного материала, состоящей из текста и изобразительных элементов на странице учебника. Так как движения глаз при чтении представляют собой чередование остановок (*фиксаций*) и быстрых переходов (*саккад*) из одной точки фиксации в другую (Рисунок 1), то можно предположить, что чем дольше фиксация на определенном месте в тексте, то есть, чем дольше задерживался взор на

конкретном интервале, тем вероятнее, что эта остановка будет обозначать трудность восприятия для испытуемого. При чтении также наблюдаются возвраты (*регрессии*) к уже прочитанным местам в тексте, что характеризует фрагмент как наиболее труднопониимый или как пропуск данного фрагмента из-за отвлекающих факторов (шрифт, размер шрифта, цвет текста, выделение отдельных слов в тексте, плохое расположение на странице учебника, присутствие изображений, не влияющих на содержание текста и т. д.).

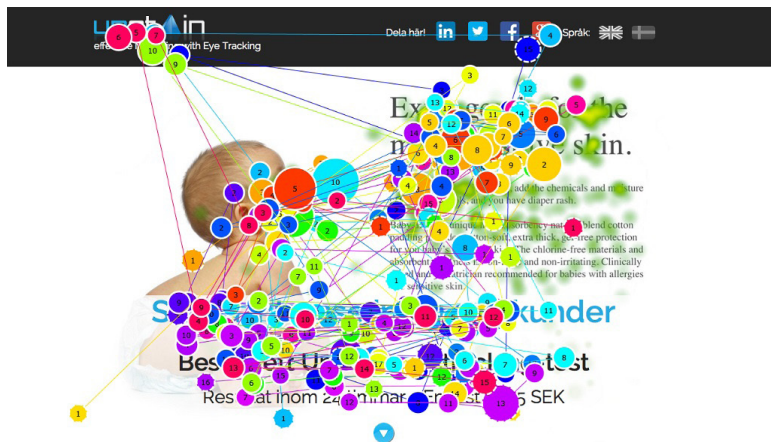

Рисунок 1. Пример данных, полученных с помощью видеорежистратора, содержащие координаты взгляда наблюдателя (фиксации и саккады).

Для проведения практического эксперимента в научный центр нейрокоммуникативных исследований «Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина» будут приглашены учащиеся начальной школы для регистрации движений глаз при оценке читабельности учебников по русскому языку как родному для начальной школы (серия учебников «Русский язык» 1–4 классы, Чураковой Н.А.). В качестве средства регистрации окуломоторной активности младших школьников будет использован айтрекер типа стационарной установки, в которой предъявление изображения осуществляется на экране монитора, при этом позиция регистрирующей камеры находится на определенно фиксированном расстоянии, а испытуемый должен неподвижно сидеть перед экраном в процессе эксперимента. Данный аппарат построен по принципу автоматического считывания вектора направления движения взгляда при распознавании расположения зрачка и хрусталика человеческого глаза. Исследование будет проводиться на материале текстов на русском языке из учебников, используемых в российских школах для обучения учащихся начальных классов. Метод айтрекинга позволит точно идентифицировать и проанализировать трудно воспринимаемые элементы учебника для опреде-

ления стратегий построения текстового и визуального материала учебников по русскому языку как родному.

В ходе эксперимента над оценкой читабельности учебников по русскому языку для начальной школы будет проверено, как параметры движений глаз отражают специфику восприятия текстового и визуального компонента учебников по русскому языку, влияют ли визуальные элементы на странице учебника на эффективное восприятие и понимание текста, какие визуальные факторы дезориентируют читателя и мешают эффективному и комплексному восприятию текста, как неоднозначность в тексте влияет на процесс его восприятия и понимания. Проверка данных установок с помощью метода айтрекинга позволит нам определить особенности когнитивного восприятия младших школьников учебника по русскому языку как цельного компонента представления учебного и воспитательного материала через вербальные и визуальные средства.

Литература

1. Барабашиков В.А. Айтрекинг: Методы регистрации движений глаз в психологических исследованиях и практике. – М.: Когито-Центр, 2014. – 128 с.
2. Пучкова А.Н. Технология регистрации движений глаз в контексте лингвистических и кросс-культурных исследований. – М.: Изд-во ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2018. – С. 241–243.
3. Cooper R.M. The control of eye fixation by the meaning of spoken language // *Cognitive Psychology*. – 1974. – Issue 6. – P. 84–107.
4. Fransworth B. *Eye Tracking: the complete pocket guide*. – 2018. – 32 p.
5. Huettig F., Altman G.T.M. Word meaning and the control of eye fixation: semantic competitor effects and the visual world paradigm. – York: Department of Psychology, 2004. – 10 p.

Bobokha Anastasiya Anatolievna, Inyashkin Stanislav Genadievich

Pushkin State Russian Language Institute

EVALUATION OF THE READABILITY OF THE PRIMARY SCHOOL TEXTBOOKS ON THE RUSSIAN LANGUAGE

This article studies the correlation of eye movements and human consciousness with the help of eye tracking, the method to register eyesight direction. The article describes the phenomenon of eye-tracking, its brief history and ways of possible results obtained in the process of its application. Along with this, it shows the advantage of these studies in the field of teaching methods and linguodidactics with the authors' goal in the evaluation of the readability of Russian language textbooks for primary school using the eye-tracking technology.

Keywords: eye-tracking, eye movement, readability, textbooks on Russian, primary school.

Варьирование параметрического состава словаря (на примере стандартных параметров *Вход в словарь* и *Грамматическая характеристика*)

В статье рассматриваются вопросы варьирования параметрического состава словаря в процессе его конструирования. Параметры подразделяются на стандартные (универсальные), стандартные второго порядка (присущие многим словарям) и уникальные (использованные в некоторых словарях). На примере стандартных параметров *Вход в словарь* и *Грамматическая характеристика* рассматривается зависимость информационной насыщенности и вида параметра от типологических и адресатных свойств лексикографического произведения.

Ключевые слова: лексикографический параметр, вариантность параметра, конструирование словаря.

Понятие лексикографического параметра, предложенное Ю.Н. Карауловым [4, с. 51], имеет следствием рассмотрение словарного произведения как рационально организованной совокупности конструктивных блоков, взаимодействие и взаимосвязь которых являются основой успешности словаря как в отношении отражения собственно лингвистической составляющей его содержания, так и в отношении соответствия ожиданиям и запросам потенциальной целевой аудитории.

Это значит, что одной из основных задач практического конструирования словаря является отбор и оценка параметров, необходимых для решения поставленных перед ним содержательных и пользовательских задач.

Отбор и оценка соответствия лексикографического параметра проектируемому словарю включаются в процесс его создания уже на этапе разработки концепции словаря и далее сопровождают все подготовительные процедуры вплоть до окончательного оформления теоретических и практических характеристик словаря в его проспекте. Иными словами, процедура параметризации словаря есть одна из основ лексикографической деятельности. Рассмотрим указанную процедуру более подробно, предварив рассмотрение заявленной темы необходимыми, на наш взгляд, замечаниями относительно понятия лексикографической деятельности.

Понятие лексикографической деятельности интерпретируется лексикографами – как теоретиками, так и практиками – несмотря на различия в определении этапов создания словаря, их важности, количества и последовательности – в основном сходно. В общем в лексикографической деятельности можно выделить три определяющих этапа: подготовительный, состоящий в выработке теоретических основ словаря и практических инструментов для их воплощения в словарном виде; основной – собственно создание словарного произведения; и заключительный, включающий доработку созданных словарных материалов, усиление и углубление их взаимосвязи и подготовку к изданию. Так, необходимость обязательной проработки лингвистической составляющей словаря отмечают (в разной форме), например, П.Н. Денисов [2, с. 208–209], Б.Ю. Городецкий [1, с. 11] и В.В. Дубичинский [3, с. 371], взгляды которых на лексикографию никак нельзя назвать совершенно идентичными. Вполне согласуются их воззрения и относительно собственно лексикографической теоретико-практической стороны создания словаря – это, к примеру, определение единиц описания словаря и способов их семантизации, построение макро- и микроструктуры словаря, объем дополнительной информации и способы ее введения, определение адресата и области использования словаря и мн. др. Представляя собой некоторое организованное информационное единство, каждый из элементов конструкции словаря предполагает использование того или иного лексикографического параметра, их совокупности или оказывает влияние на глубину его представленности в словаре. Поскольку практическое конструирование словаря невозможно без «строительного материала» – параметров, процедура их отбора и вариантов и способов их сочетания заканчивается главным образом на подготовительном этапе; для этапа практической реализации словарного проекта (написание словарных статей и пр.) введение новых параметров нежелательно (это может привести к замедлению работы из-за необходимости переработки уже готового материала), хотя и возможно (в процессе словарного описания единиц может возникнуть необходимость использования нового параметра – в целях углубления интерпретации заголовочных единиц или включения дополнительной информации); наконец, заключительный этап вполне допускает незначительные и технически несложные параметрические дополнения.

В силу высокой степени традиционности словарной формы описания существует определенный стандартный набор параметров, присутствующих практически в каждом словаре. Обычно это вход в словарь, заголовочное слово, орфографический, акцентный, грамматический, комплекс семантизирующих параметров (дефиниция, экспликация парадигматических связей, сочетаемость и др.), параметр многозначности. Существуют и другие стандартные параметры, которые, однако, могут быть задействованы либо в определенного типа словарях, либо в качестве дополнительных средств описания заголовочных

единиц (например, орфоэпический, словообразовательный, фразеологический, этимологический и др.). При определенном направлении развития словарной теории и словарного дела стандартные параметры второго порядка имеют шанс приобрести общелекسیкографический статус. Наличие стандартных параметров естественно предполагает и появление нестандартных – уникальных, используемых либо в одном словаре, либо в серии произведений одного автора (авторского коллектива), либо в словарях, созданных в рамках единой лингвистической и/или лексикографической концепции (например, прагматический, страноведческий, библиографический и др. параметры). Уникальный лексикографический параметр является потенциально стандартным – если его введение улучшает словарь в каком-либо отношении, то, вне всяких сомнений, его примут на вооружение и при создании других лексикографических произведений.

Отбор параметров для конкретного словаря, очевидно, должен начинаться с безусловно стандартных, присутствующих в любом словаре. Но даже стандартные и, казалось бы, вполне неизменные параметры, могут изменяться и корректироваться в зависимости от многих причин. Так, существенное влияние на параметр *Вход в словарь* оказывает другой параметр – *Единица описания* и то, каким образом планируется размещать в словаре единицы, соответствующие данному параметру: в порядке следования алфавита или иным образом – в составе лингво-логических и логико-понятийных групп, лексических объединений синонимического, антонимического, деривационного и т.п. характера. Если для интерпретации предназначены заголовочные единицы сами по себе, т.е. вхождение таких единиц в какие-либо объединения либо игнорируется, либо находится не в фокусе описания, то обычно в словаре они располагаются по алфавиту, а сам словарь ограничивается одним входом (как в привычных нам «классических» толковых словарях) – параметр *Вход в словарь* в данном случае представлен одним вариантом. Если заголовочная единица является частью группы (идеографические и тематические словари) или группой (словари синонимов, антонимов и др.), данный параметр может выражаться в нескольких вариантах (соответственно и словарь имеет несколько входов): например, идеографический или тематический словарь имеет, как минимум, два входа: во-первых, это синопсис (понятийная классификация) предметной области, покрываемой некоторой совокупностью лексических единиц, вошедших в словарь, а во-вторых, алфавитный индекс этих единиц с указанием групп, в которые они входят. Если заголовочной единицей служит лексическое объединение (синонимический ряд, словообразовательное гнездо и т.п.), то входов в словарь, как правило, также бывает два: алфавитный (по доминанте синонимического ряда, например) и алфавитный индекс (указатель), в который входят все описываемые единицы с отсылкой к определенной словарной статье.

При наличии в словарных статьях каких-либо параметров другой специализации, через которые возможно войти в словарь к искомой единице непосредственно или через минимальные промежуточные шаги, им также можно найти применение в качестве дополнительного входа в словарь: так, в качестве такого входа допустимо использовать приложения, в которых собраны и организованы заголовочные единицы с одинаковыми характеристиками. Так, через демонстрирующую часть «Объяснительного словаря русского языка: Структурные слова», представляющую словник словаря в группах, сформированных по их частеречной принадлежности, можно сразу обратиться к статье, возглавляемой, например, союзом что, а не омонимичным ему местоимением [6, с. 407–422].

Отметим, что второй вход возникает при введении в словарь группировок заголовочных единиц, иначе говоря, есть основание предположить существование зависимости варьирования параметра от присутствия / отсутствия в словаре разного рода объединений (как входящих в основной массив словаря, так и образующих приложение к нему).

Определенное влияние на поиск возможности увеличения вариантов входа в словарь может оказать учет предполагаемого адресата словаря. Понятно, что чем больше имеется входов в словарь, тем удобнее им пользоваться. Следствием данного факта может стать использование в словаре параметров, опираясь на которые можно было бы расширить репертуар пользовательских характеристик словаря. Так, в словаре для изучающих русский язык как иностранный словарная статья могла бы быть усилена параметром Переводной эквивалент, который, с одной стороны, является семантизирующим, а с другой – позволяет добавить новый вход в словарь, сформировав иноязычный индекс с отсылкой к соответствующему русскому слову.

Стандартный общий параметр *Грамматическая характеристика* (здесь он рассматривается как совокупность частных параметров, отражающих множество грамматических свойств той или иной единицы) в значительной степени зависит от конкретных характеристик словаря и в силу этого факта обладает высокой вариабельностью. Общая для большинства словарей часть грамматического параметра – прямая или опосредованная информация о частеречной принадлежности. Для каждого класса единиц приводится необходимый минимум сведений, которые однозначно говорят об отношении заголовочного слова к определенной части речи: для существительных – это указание рода, прилагательных – указание флексий, глаголов – указание вида; наречий, местоимений, союзов – частеречная характеристика и т. п. Как правило, только этими сведениями словари не ограничиваются – «костяк» грамматического параметра обрывается дополнительными характеристиками, с тем чтобы охарактеризовать заголовочную единицу как слово безусловно той или иной части речи, а также поместить ее в пределы той или иной сло-

воизменительной парадигмы (если таковая у слова есть): существительным приписывают показательные падежные формы; при прилагательных указываются краткие формы, что сразу придает им дополнительную квалификацию, относя к категории качественных и тем самым отграничивая от относительных прилагательных; глаголы сопровождаются показательными личными формами и указанием на переходность / непереходность. Тех сведений, которые традиционно формируют грамматический параметр, вполне хватает, чтобы отнести слово к определенному грамматическому классу и уточнить его место внутри частных грамматических подразделений. Таково информационное наполнение грамматического параметра, минимально необходимое для словарей, во-первых, используемых носителями языка, во-вторых, фокусирующихся прежде всего на иных (не грамматических) аспектах языка, в-третьих, не предполагающих поддержку активного использования языка, т. е. продукцию речи.

Как только в число задач словаря вносятся иные пункты или сами задачи расширяются и модифицируются, это приводит к появлению вариантов грамматического параметра. Расширение адресации словаря – включение в число пользователей учащихся – как носителей языка, так и иноязычных обучающихся – предполагает и расширенное представление грамматических свойств заголовочных единиц, что ведет к включению в словарь полных словоизменительных парадигм. Разновидности демонстрации парадигм выражаются а) в приведении каждой словоформы непосредственно при заголовочном слове (как в «Словаре русского языка» Д.В. Дмитриева [7]) и б) в отсылке к полной регулярной парадигме, расположенной в присловарной части словаря, с помощью которой можно самостоятельно образовать любую форму заголовочного слова, в то время как показательные и иррегулярные формы располагаются в присловной части грамматической характеристики (это решение использовано в «Большом универсальном словаре русского языка» [5]).

Необходимость включения в словарь полного перечня словоизменительных форм слова и/или механизма их образования может иметь и другие причины помимо адресатных. При ориентации словаря на активные виды речевой деятельности, т.е. на поддержку продукции речи, словарь должен содержать максимум инструментов для создания речевых произведений и не в последнюю очередь таких, которые позволяют делать их грамматически корректными. В состав подобных инструментов могут входить, например, указания на грамматические ограничения в употреблении отдельных ЛСВ, рекомендации по согласованию заголовочной единицы в роде и числе с другими словами и т. д. Среди первых, названных назовем, к примеру, запрет на употребление определенных форм, указание на преимущественное употребление той или иной формы, а среди вторых – рекомендации о совместном употреблении существительных мужского рода – названий профессий и глаголов-сказуемых в форме прошедшего времени: *Врач сказал* и *Врач сказала*.

Таким образом, можно сделать предположение о вполне выраженной зависимости информационного качества и количества словарных параметров в лексикографическом произведении от его типологических и адресатных характеристик. Любой из проверенных временем стандартных лексикографических параметров может выступать в виде варианта, содержание и формальное выражение которого определяется теоретическими и практическими установками конкретного словаря.

Литература

1. Городецкий Б.Ю. Проблемы и методы современной лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV: Проблемы и методы лексикографии. – М.: Прогресс, 1983. – с. 5–22.
2. Денисов П.Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. – М.: Изд-во Московского университета, 1974. – 256 с.
3. Дубичинский В.В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. – М.: Наука; Флинта, 2008. – 432 с.
4. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / отв. ред. С.Г. Бархударов. – М.: Наука, 1981. – 366 с.
5. Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В.В. Морковкина. – М.: Словари XXI века; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. – 1456 с.
6. Морковкин В.В., Луцкая Н.М., Богачева Г.Ф. и др. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова. – М.: Астрель; АСТ, 2002. – 432 с.
7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. – М.: Астрель, 2003. – 1578 с.

Bogacheva G.F.

Pushkin State Russian Language Institute

VARYING OF THE PARAMETRIC COMPOSITION OF THE DICTIONARY (BY THE EXAMPLE OF STANDARD PARAMETERS DICTIONARY ENTRY AND GRAMMAR CHARACTERISTIC)

The article deals with the varying of the parametric composition of the dictionary in the process of its design. The parameters are divided into standard (universal), standard second order (inherent in many dictionaries) and unique (used in some dictionaries). The dependence of information richness and type of parameter on the typological and audience properties of a dictionary is considered using the example of standard parameters *Dictionary entry* and *Grammar Characteristic*.

Keywords: lexicographic parameter, parameter variability, dictionary design.

Концепт «счастье» в языковой картине мира носителя русского языка: лексикографический аспект

Авторами рассматривается концепт «счастье» как один из центральных для русского языкового сознания. Особое внимание уделяется репрезентации языковых компонентов концепта «счастья» в лексикографических источниках.

Ключевые слова: концепт; ядро концепта; счастье; русская языковая картина мира.

Как известно, в конце XX века современная лингвистика вступила в новый этап своего развития – когнитивно-дискурсивную парадигму основной метаединицей которой является термин «концепт». Сам термин «концепт» получил в лингвистической литературе распространение в начале 1990-х годов благодаря научным трудам Ю. С. Степанова и Д. С. Лихачева.

Ю. С. Степанов характеризует концепт как культурно-ментально-языковое образование, или сгусток культуры в человеческом сознании, рассматривая его как «пучок» представлений, понятий, знаний и воображений, которым сопровождается слово [5, с. 14]. По мнению ученого, в форме концепта культура мыслительно воспринимается человеком; с другой стороны, как считает Ю. С. Степанов, посредством концепта «человек сам входит в культуру, иногда и оказывает влияние на нее» [5, с. 43]. Приобретенный человеком опыт трансформируется в концепты, которые, логически связываясь между собой, образуют концептуальную систему; система конструируется, модифицируется и уточняется человеком непрерывно. При этом ученые-лингвисты справедливо считают, что существует ряд универсальных концептов, отражающих общие для различных этносов ценности и единый для всех когнитивный процесс. К таким универсальным концептам относятся 'совесть', 'правда', 'дружба', 'любовь', 'счастье' и др. важнейшими аксиологическими компонентами человеческой культуры, они по-разному актуализируются в лингвоуниверсуме. Как писал Д.С. Лихачев, «человек не успевает либо не может выразить значение полностью, иногда понимает его по-своему в зависимости от социальных особенностей и условий» [3, с. 281].

Более того, даже в условиях одной культуры и одного языка одного языка, представления носителей о содержании концептов будет отличаться. Так, на-

пример, Ф.М. Достоевский считал, что «нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием». И.А. Бунин писал, что «если человек не потерял способности ждать счастья – он счастлив. Это и есть счастье». Л.Н. Толстой говорил о том, что «счастье есть удовольствие без раскаяния». А.П. Чехов утверждал: «Работать для науки и для общих идей – это-то и есть личное счастье».

Этимологические источники также расходятся в толковании данной единицы. М. Фасмер в своем словаре утверждает, что возникновение в праславянском языке лексемы *счастье* (**szęšťьje*) связано с древнеиндийскими корнями **su* – ‘хороший’ + **cešťь* – ‘часть’, то есть ‘хороший удел’ [6, 816]. Н.М. Шанский считает, что слово *счастье*, образованно с помощью префикса *съ* в значении ‘хороший’ и суффикса *-иѣ* от ‘часть’ (через юс малый) [8, 310], а само слово *счастье*, по его мнению, буквально означает ‘хорошая часть’. Именно такая трактовка в большей степени закрепились в этимологических словарях.

Следует отметить, однако, что значимость концепта ‘счастье’ для русской лингвокультуры столь велика, что способов его языковой репрезентации и семасиологических нюансов чрезвычайно много. Рассмотрим словарные статьи в ряде толковых словарей, чтобы проследить основные этапы развития семантики концепта ‘счастье’.

В «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля отмечаются многочисленные семантические аспекты слова *счастье* и производных от него: **Счастье** – «1. Рок, судьба, часть и участь, доля. 2. Случайность, желанная неожиданность, талант, удача, успех, «спорина в деле», не по расчету. 3. Благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная, насущная жизнь, без горя, смут, тревоги; покой и довольство; вообще, все желанное, все то, что покоит и доводит человека, по убеждениям, вкусам и привычкам его» [2; 620].

Обращает на себя внимание тот факт, что в словарной статье В.И. Даля в 3 значении раскрывается суть счастья – благоденствие, благополучие, земное блаженство, жизнь без горя, смут, тревоги, покой, довольство и т.д. Однако первое и второе значения слова свидетельствуют о случайности счастья, о том, что у каждого оно свое (*всякому свое счастье, в чужое счастье не заедешь*). Кроме того, прослеживается связь счастья со здоровьем, семьей (*лады в семье – большое счастье; даст Бог здоровья – даст и счастья*), одновременно подчеркивается ненадежность счастья (*счастье что вешнее ведро*), что оно дороже ума, богатства, очень важно в боях.

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой мы находим следующие толкования лексемы «счастье»:

1. Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения. *С. созидания. Стремление к счастью. Семейное с.*

2. Успех, удача. Во всем с. кому-н. *Не бывает бы счастья, да несчастье помогло* (посл.). **К счастью* или *по счастью*, вводн. сл. – выражает удовлет-

ворение по поводу чего-н. На счастье – 1) вводн. сл., то же, что к счастью. *На мое счастье, все кончилось благополучно*; 2) чтобы была удача. *Дай руку на счастье* [4, 953].

Таким образом, на основе анализа словарных статей ряда толковых словарей можно выделить основные компоненты семантики ядра концепта ‘счастье’ – ‘чувство и состояние полного удовлетворения, успех, удача’; счастье в функции сказуемого – ‘хорошо, удачно, повезло’. К приядерной части концепта счастье относятся ‘судьба, доля, участь; состояние радости’. Значимым оказывается тот факт, что постепенно фокус внимания был перемещен с неподвластных человеку внешних факторов на внутреннее состояние человека, являющееся определяющим фактором счастья, поскольку оно (счастье) зависит от его воли, от восприятия окружающего мира и своего позиционирования в нем, от собственного понимания благополучной, безоблачной жизни, чувства удовлетворенности своей жизнью.

Названные семасиологические особенности наглядно эксплицируются в паремиологическом фонде русского языка: в языковом сознании русского человека концепт счастье представлен довольно широко, лексема счастье относится к высокому регистру и содержит в себе большой эмоциональный компонент. Анализ русских пословиц и поговорок позволил выделить несколько групп, актуализирующих разные зоны семантического пространства концепта ‘счастье’:

1) Счастье-недолговременная, непостоянная категория: *«Легко найти счастье, а потерять и того легче»*, *«Счастье что волк, обманет и в лес уйдет»*, *«счастье в руки не поймаешь»*, *«Не верь счастью – на пестром коне ездит»*, *«В один дом по два раза счастье не ходит»*, *«Счастье – не рыбка, удочкой не поймаешь»*.

2) Счастье-удача: *«Не было ни гроша, да вдруг алтын»*, *«Коли повезет, так и бык теленка принесет»*.

3) Счастье рукотворно, зависит от усилий, приложенных для его достижения: *«Счастье придет, да на печи найдет»*, *«Счастье не кляча, хомута не наденешь»*, *«Счастье вольная птичка, где захотела, там и села»*, *«Всякий кузнец своего счастья»*, *«Счастье не в воздухе вьется, а руками берется»*, *«Счастье не ищут, а делают»*, *«Счастье всегда на стороне отважных»*, *«Кто за счастье борется, к тому оно и клонится»*, *«Хочешь жить счастливо — паши не лениво»*.

4) Счастье важнее красоты, богатства, ума: *«Не родись красивым, а родись счастливым»*, *«Правда – хорошо, а счастье – лучше»*.

5) Несчастье неотъемлемая составляющая счастья: *«Не было бы счастья, да несчастье помогло»*, *«Счастье с несчастьем через межу живут»*, *«Бояться несчастья – так и счастья не видать»*, *«Не отведая горя, не познаешь и счастья»*.

Таким образом, можно утверждать, что в русской языковой картине мира счастье относится к сфере идеального, недостижимого в реальности и, находясь где-то рядом со «смыслом жизни» и другими фундаментальными и недостижимыми категориями бытия, является одним из основополагающих концептов для носителя русского языка.

Литература

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово / Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1980.
2. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание: в 4 т. Т. 4 / В. И. Даль. – М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2006. – 1152 с.
3. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. – М., 1997. С. 280–287.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70.000 слов/Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1996.
5. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т.2 / под ред. Б.А. Ларина. – М.: Прогресс, 1967. – 673 с.
7. Толковый словарь русского языка: в 3 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935. – 836 с.
8. Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – М.: Прозерпина: Школа, 1994. – 400 с.

Bozhenkova N.A., Tyulyukina Y.V.

Pushkin State Institute of Russian Language

THE CONCEPT OF 'HAPPINESS' IN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD OF RUSSIANS NATIVE SPEAKERS: LEXICOGRAPHIC ASPECT

The article aims to the concept of 'happiness' as a one of central term for Russian language picture of the world. Authors pay special attention to language representation of the concept of «happiness» in lexicographic sources.

Keywords: concept; the core of the concept; happiness; Russian language picture of the world.

Кадетское образование в современной России

Статья посвящена общей характеристике кадетского образования в Российской Федерации. При этом в центре внимания – изменения в количественном и качественном составе учебных заведений кадетского типа в последние годы как в России в целом, так и в Москве в частности.

Ключевые слова: кадетские, суворовские, нахимовские училища, корпуса, классы.

Данная статья посвящена такому важному сегменту образовательной системы Российской Федерации как кадетское образование. Она продолжает серию статей о системе образования в России [1].

Появление военных учебных заведений в России связано с деятельностью Петра I, основавшего Школу математических и навигацких наук, Инженерную и Артиллерийскую школы. История кадетского образования в России началась 17 февраля 1732 торжественным открытием в Санкт-Петербурге Первого кадетского корпуса (учрежден 29 июля 1731 г. Указом императрицы Анны Иоанновны). В царской России в разные годы существовало около пятидесяти кадетских корпусов, после Октябрьской революции за пределами России их количество сократилось до пяти.

В СССР традицию дореволюционных кадетских корпусов продолжили суворовские и нахимовские училища, созданные Постановлением СНК СССР от 21 августа 1943 г. В них обучались и воспитывались дети военнослужащих Красной Армии и партизан, рабочих и колхозников, которые погибли во время Великой Отечественной войны.

Сегодня в Российской Федерации существует около 200 военно-учебных заведений общего образования: суворовские, нахимовские, кадетские, морские кадетские, казачьи корпуса, училища, школы, классы. В 2015/2016 учебном году в России действовало 197 таких учебных заведений. Из них 157 общеобразовательных организаций были подчинены Министерству образования и науки РФ (в настоящее время Министерство просвещения РФ), 40 – другим министерствам и ведомствам.

В группу общеобразовательных учреждений, подведомственных Минобрнауки, в 2015/2016 учебном году в 71 субъекте РФ входили 157 общеобразовательных организаций: 101 кадетская школа, 31 кадетский (морской

кадетский) корпус, 25 казачьих кадетских корпусов, в которых обучалось около 50 тыс. воспитанников [7].

Из 101 кадетской школы – 1 школа (Ростовская область) имеет статус федеральной, 59 школ учреждены субъектами РФ, 41 – муниципалитетами. Обучение в них проходило около 36 тыс. учеников. В число 31 кадетского (морского кадетского) корпуса, в которых обучалось более 8 тыс. воспитанников, входят 2 федеральных (Омская и Самарская области), 28 организованы субъектами России, 1 муниципалитетом. Из 25 казачьих кадетских корпусов, где обучение проходили более 5 тыс. учащихся, 2 корпуса были учреждены федеральным центром, 21 – субъектами РФ и 2 – муниципальными образованиями.

Отдельную большую группу составляют кадетские и казачьи классы в общеобразовательных организациях. В 2015/2016 учебном году в России было 7 343 таких классов, в которых обучалось более 161 тыс. учеников [3].

В 2015/2016 учебном году 40 кадетских школ находились в ведении других министерств и ведомств. 26 из них относились к Министерству обороны, 7 – к МВД, 3 – к МЧС, по 1 школе – к Федеральной службе безопасности, Следственному комитету, Росгвардии, МИД [4].

Довузовское профессиональное образование Минобороны РФ в 2017 году включало 29 образовательных учреждений. Среди них 6 Президентских кадетских училищ, 10 суворовских военных училищ, 5 кадетских корпусов, Нахимовское военно-морское училище и 3 его филиала, Московское военно-музыкальное училище, 3 школы для одаренных детей при высших военно-учебных заведениях. В 2017/2018 учебном году в них обучалось более 2670 воспитанников в том числе более 800 девушек [2].

Абсолютное большинство воспитанниц в 2017/2018 учебном году (740) обучалось в открытом 21 июля 2008 г. уникальном для России образовательном учреждении – Пансионе воспитанниц Министерства обороны. Воспитанницами Пансиона являются дочери действующих военнослужащих из отдаленных военных гарнизонов, из неполных и многодетных семей, дочери погибших военнослужащих и удостоенных наград участников боевых действий. Программа обучения включает как предметы обязательной школьной программы, так и дополнительного образования: четыре иностранных языка, спортивное, художественное и музыкальное образование, занятия танцами. Работают более 50 кружков, школ и секций по различным направлениям [8].

За 10 лет своего существования это учебное заведение добивалось высоких результатов по всем направлениям деятельности — в обучении, спорте, духовно-патриотическом воспитании. Три года подряд (12/13 – 14/15) оно становится лучшим довузовским учебным заведением МО РФ [6].

Особое место в системе кадетских училищ занимают Президентские кадетские училища (ПКУ), созданные согласно Указу Президента Российской Федерации от 12 ноября 2009 г. в каждом федеральном округе РФ. Во

исполнение этого Указа были созданы Оренбургское (2010), Ставропольское (2011), Краснодарское (2012), Тюменское (2013), Кызылское (2014), и Петрозаводское (2017) ПКУ [9]. Следует отметить, что Севастопольский и Владивостокский филиалы Нахимовского военно-морского училища имеют статус ПКУ. Статус Президентского имеет также Московское кадетское училище Росгвардии. Главная задача новых учебных заведений – подготовка всесторонне образованных, развитых и патриотически настроенных молодых людей, нацеленных на несение военной и гражданской службы.

В начале 2016 г. при Минобрнауки РФ был создан Совет по кадетскому образованию, призванный обеспечить нужную этому виду образования господдержку. В состав Совета включены депутаты Госдумы, представители федеральных округов, субъектов РФ, силовых министерств и ведомств страны (Минобороны, МЧС, МВД, ФСБ), а также общественных и образовательных организаций. Возглавил Совет министр образования и науки России.

Цель Совета – системное развитие кадетского образования. Первоочередными задачами Совета стали разработка концепции развития кадетского образования в Российской Федерации, а также внесение изменений в ФГОСы основного общего и среднего общего образования в части кадетского образования [3].

Кадетское движение динамично развивается в большинстве субъектов Российской Федерации. Так в Москве действуют 12 кадетских школ-интернатов. Пять из них – учреждения федерального подчинения: Московское военное суворовское училище, Московское президентское кадетское училище войск национальной гвардии РФ, кадетское училище Следственного комитета РФ, Пансион воспитанниц Министерства обороны РФ, Московское военно-музыкальное училище Минобороны РФ. Также в эту группу входит семь городских кадетских школ-интернатов. В 168 школах Москвы действуют кадетские классы. Всего кадетское образование в столице России получают 15 тысяч воспитанников.

Московские кадеты добиваются высоких результатов в учебе. В 2016/2017 учебном году около 30 школьников вошли в число победителей общероссийских олимпиад, более 1000 учеников стали победителями творческих конкурсов городского уровня, около 300 человек – российского уровня, более 50 кадет победили в творческих состязаниях на уровне международном. Заметны успехи кадет и в спортивной подготовке. Более 4 тыс. кадет стали обладателями серебряного и золотого знаков отличия физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и Обороне» (ГТО).

В 2017 году абсолютное большинство выпускников кадетских образовательных учреждений поступило в высшие учебные заведения, причем больше половины из них (65 %) в вузы Министерства обороны РФ и других силовых ведомств страны [5].

Кадеты Москвы ежегодно принимают участие в городских патриотических акциях: торжественном марше на Красной площади 7 ноября, посвященном параду 7 ноября 1941 года; параде кадет Москвы, посвященном Победе в Великой Отечественной войне; Московском городском форуме кадетского образования, посвященном Дню защитника Отечества и др.

Ежегодно с 2016 г. в Москве в Московском Гостином Дворе проводится Международный Кремлевский кадетский бал (МККБ), целями которого являются возрождение традиций и воспитание уважения к истории Отечества. МККБ организуется Министерством обороны России и поддерживается Администрацией Президента РФ, а также федеральными министерствами и различными общественными организациями.

Международный Кремлевский кадетский бал традиционно проводится в декабре и приурочен ко Дню Героев Отечества, отмечаемому 9 декабря. С каждым годом мероприятие приобретает все более масштабный характер. Если в первом (2016 г.) МККБ приняло участие более 800 кадет и суворовцев со всей России, то во втором (2017 г.) и третьем (2018 г.) бале участвовало 1500 воспитанников российских кадетских образовательных учреждений, а также гости из стран СНГ и других молодежных зарубежных организаций.

Последние годы в России уделяется большое внимание развитию кадетского образования. Растет количество и спектр образовательных организаций этого типа, совершенствуются их образовательные программы. Выпускники кадетских учебных заведений получают отличное образование и в большинстве своем поступают в высшие учебные заведения силовых ведомств Российской Федерации.

Литература

1. Борисенко В.И. К вопросу о возникновении университетского образования в России. // Российское университетское образование в первом веке его существования (1755–1885). Сборник научных статей XVIII Всероссийской научной конференции филологического факультета. – 2017. – С. 11–19.

2. Военное образование в цифрах и фактах. // Сайт Министерства Обороны РФ. – URL: <http://xn--80ahclcogc6ci4h.xn--90anlfbebar6i.xn--p1ai/multimedia/infographics/gallery.htm?id=44431@cmsPhotoGallery> (Дата обращения 23.11.2018).

3. В Минобрнауки России создан Совет по кадетскому образованию. // Сайт Минобрнауки Российской Федерации. – URL: <https://минобрнауки.рф/m/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/7797> (Дата обращения 23.11.2018).

4. В России подготовлена Концепция кадетского образования. // Российское образование. Федеральный портал. – URL: <http://www.edu.ru/news/education/v-rossii-podgotovlena-konceptiya-kadetskogo-obrazo/> (Дата обращения 24.11.2018).

5. В столице открылся форум кадетского образования // Официальный сайт Мэра Москва. – URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/15299/4605050/> (Дата обращения 25.11.2018).

6. Пансион воспитанниц Министерства Обороны признан лучшим довузовским учебным заведением Министерства Обороны // Образование в Москве. – URL: https://obrmos.ru/go/go_kad/Articles/go_kad_art_pans.html (Дата обращения 24.11.2018).

7. При Минобрнауки России образован Совет по кадетскому образованию // Гарант.Ру. Информационно-правовой портал. – URL: <http://www.garant.ru/news/693028/> (Дата обращения 24.11.2018).

8. Сайт воспитанниц МО РФ. – URL: <http://pansion.mil.ru/> (Дата обращения 25.11.2018).

9. Среднее общее образование. Сайт Минобороны России. – URL: http://ens.mil.ru/education/secondary/presidential_cadet_school.htm (Дата обращения 25.11.2018).

Borisenko V.I.

Pushkin State Russian Language Institute

CADET EDUCATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

The article is devoted to the general characteristics of cadet education in the Russian Federation. At the same time, the focus is on changes in the quantitative and qualitative composition of cadet-type educational institutions in recent years, both in Russia as a whole and in Moscow in particular.

Keywords: Cadet, Suvorov, Nakhimov, schools, corps, classes.

Тематический классификатор «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении»: основные принципы составления

В статье излагаются общие принципы составления словаря нового типа, целью которого является сравнительное описание двух близкородственных лингвокультур: русской и болгарской. Приводится модель словарной статьи для фразеологизмов с опорным компонентом сон/сън.

Ключевые слова: тематический классификатор; русская лингвокультура; болгарская лингвокультура.

Тематический классификатор (ТК) «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении»: общие положения. Тематический классификатор (ТК) – это словарь, который предполагает создание модели описания «культурного айсберга» [3] на основе сопоставления русской лингвокультуры с любыми другими лингвокультурами. Подробно структура тематического классификатора была рассмотрена в [2, с. 33].

Единицей классификатора выступает **тема** (вербальная или невербальная), которая включает в себя элементы «само собой разумеющегося» знания, или совокупность очевидных смыслов, сформированных и закрепленных в данной лингвокультуре и структурирующих общее знание ее представителей.

ТК описывает лингвокультурные смыслы, а также фиксирует элементы, провоцирующие непонимание у представителей другой лингвокультуры.

В случае сопоставительного описания близкородственных лингвокультур фиксируются (преимущественно) общие культурные смыслы. Это положение является определяющим для ТК «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении».

ТК – это экспериментальный проект. В него включены разноструктурные единицы. Каждая единица (тема) описывается с помощью определенного набора параметров. Аналогичным образом могут быть описаны также другие единицы данного класса. Словарные статьи ТК являются образцами для описания других единиц данного типа / данной группы. Иными словами, в ТК предложены модели лексикографического представления разноструктурных единиц, которые

иллюстрируются с помощью описания конкретных единиц (тем). ТК, таким образом, создает **матрицу** для более широких словарных описаний.

Идеальной формой воплощения ТК является интернет-словарь: его можно дописывать, редактировать, а также дополнять, создавая по предложенной в ТК модели описание других лингвокультур.

Отбор тем, принципы описания, состав словника, структура ТК «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении».

Отбор тем для ТК осуществляется на основании нескольких критериев: наличие у темы *прагматических свойств* (например, обращения в русской и болгарской лингвокультурах); наличие у темы *коннотаций*, закрепляющих оценочное (стереотипное) представление о ком-чем-л. (например, зоонимы в русской и болгарской лингвокультурах); *общая культурная специфичность* темы (например, фразеологизмы с опорным компонентом X в русской и болгарской лингвокультурах (X – лексический концепт)); смысловая непрозрачность темы с *плохой / неполной культурной переводимостью* (например, жесты согласия и несогласия в русской и болгарской лингвокультурах).

ТК предлагает описание того, как данная единица функционирует в русской лингвокультуре и как она переводится и интерпретируется в болгарской лингвокультуре. Описываются также зоны непонимания: что может удивлять русских в болгарской лингвокультуре и болгар в русской лингвокультуре, что может порождать неверные / некорректные интерпретации. У близкородственных лингвокультур зоны непонимания не столь очевидны и значительны, однако, они есть и им уделяется особое внимание.

Структурно ТК состоит из: синопсиса тем, организованных по семантическому принципу; словарного описания разноуровневых единиц (тем); алфавитного перечня единиц; общего списка использованной литературы.

Объектом описания ТК являются: 1) лексические концепты, фразеологизмы; 2) единицы речевого этикета; 3) единицы, описывающие модели (речевого) поведения в двух лингвокультурах; 4) единицы, стереотипно представляющие «себя» и «другого» в двух лингвокультурах (этностереотипы; гендерные стереотипы; стереотипы возраста; стереотипы внешности); 5) единицы, описывающие невербальную коммуникацию (жесты; мимика; тактильные контакты); 6) единицы, описывающие невербальный фон (ценности: отношение к семье; романтические отношения, сексуальное партнерство; отношение родители – дети; отношение к еде/деньгам/работе/юмору /здоровью/гостеприимству и др). Каждая тема описывается с помощью фиксированного набора параметров.

Ниже будет представлена модель описания фразеологизмов с опорным компонентом сон / сън. (словарная статья дается в сокращении). Эти фразеологизмы были подробно рассмотрены в работе [1].

Параметры представления русских и болгарских фразеологизмов: написание; толкование; синонимы; иллюстрации; этимология; комментарий.

НАПИСАНИЕ:

мертвый сон / мъртвешки сън; спать сном праведника / спя праведен сън; не смыкать (сомкнуть) глаз / сън не ми идва; на сон грядущий

ТОЛКОВАНИЕ:

мертвый сон / мъртвешки сън ‘об очень крепком, глубоком сне’
спать сном праведника / спя праведен сън ‘спать очень спокойным, безмятежным и глубоким сном’

не смыкать (сомкнуть) глаз / сън не ми идва, не ме лови сън ‘о полном отсутствии сна’

на сон грядущий / 0 ‘перед сном’.

Спокойной (доброй) ночи / Сладки сънища, лека нощ ‘пожелание хорошего сна’

СИНОНОМЫ:

Р. *Спать мертвым сном* – *спать как убитый, как убитая;*

Б. *спя мъртвешки сън* – *спя непробуден сън, спя като заклан;*

Р. *спать сном праведника* – *спать как младенец, спать сном младенца;*

Б. *спя праведен сън* – *спя дълбоко;*

Р. *Спокойной (покойной) ночи* – *Доброй ночи;*

Б. *Сладки сънища* – *Лека нощ.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Р. Пятеро тут же засыпают *мертвым сном*, а двое не спят. (Ч. Айтматов. Плаха).

Б. Петима тутакси се унасят в *дълбок сън*, а двама остават будни. (Ч. Айтматов. Голгота) (М. Златанова).

Р. Пожелал он мне *спокойного сна*, и пошел я к себе. (А. Стругацкий,

Б. Стругацкий. Парень из преисподней).

Б. Пожела ми *приятни сънища* и се прибра в стаята си. (А. Стругацкий,

Б. Стругацкий. Човекът от преизподнята) (М. Златарова)

ЭТИМОЛОГИЯ:

Праслав. *съпъ из *сърпъ, родственного *сърати (см. спать), а также лит. sãpnas «сон, сновидение», sãpnis – то же, лтш. sarnis «сновидение», др.-инд. svãrnas «сон, сновидение»

КОММЕНТАРИЙ:

При описании сна, особенно крепкого сна, используется метафора **глубины**: Р. *глубокий, мертвый сон; проваливаться, падать, погружаться в мертвый сон*; Б. *дълбоко; потъвам в сън.*

Сон (крепкий сон) описывается как **неконтролируемое состояние**:

Р. *мертвый сон одолевает, охватывает*. Б. *мъртвешки сън, унасям се.*

Спокойный сон соотносится с идеей **безгрешности**: Р. *спать сном праведника / младенца; спать как младенец*; Б. *спя праведен сън; спя като бебе*

Формулы-пожелания хорошего сна в болгарском языке могут реализовать метафоры **сладости, чистоты и уюта, светлой ночи**: *Сладки сънища; Сладко спане; Лека нощ; Да спя като къпан.*

В обеих лингвокультурах значение 'крепкого сна' передается с использованием метафоры смерти: мертвый сон / мъртвешки сън. Сон также может выступать как эвфемизм смерти: Р. спать вечным /могильным сном и Б. да спя вечния си сън / непробуден сън.

Итоги. ТК «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении» – это новый оригинальный проект, в котором предпринимается попытка синтезировать большой и разноплановый опыт в области межкультурной коммуникации. Он может помочь в создании модели параметрического описания разных лингвокультур. Перспективы его использования достаточно широки. Он будет полезен переводчикам, при изучении русского языка болгарскими учащимися, изучающим русский язык и русским учащимся, изучающим болгарский.

Литература

1. Брагина Н.Г., Делева Н., Войславова С. «Ментальный образ и физиологическое состояние по материалам русской и болгарской фразеологии: фразеологизмы с компонентом сон и мечта» // Чуждият език и съвременното висше образование» сборник с доклади, VIII Международна научна конференция – Варна, 2017. – С. 273–276.
2. Bragina N., Caspers O. Тематический классификатор лингвокультурных моделей и возможности его применения в преподавании русского языка и культуры // Wiener Slawistischer Almanach. – 2018. – №81. – С. 33–55.
3. Hall, Edward T. Beyond Culture, NY: Anchor Books Editions: 1976, 1989.

Bragina N.G., Voyslavova S.S.

Pushkin State Russian Language Institute

IDEOGRAPHIC CLASSIFIER «RUSSIAN AND BULGARIAN LINGUOCULTURES IN COMPARISON»: THE MAIN PRINCIPLES OF COMPILATION

The article describes the general principles of compiling a new type of a dictionary. Its purpose is a comparative description of two closely related linguocultures, i.e. Russian and Bulgarian. We also propose a model of a dictionary entry. This model is presented by means of the Russian and the Bulgarian phraseological units with a dream (сон/сън), as a reference component.

Keywords: thematic classifier; Russian linguoculture; Bulgarian linguoculture.

Выражение точного времени в русском и китайском языках

Статья посвящена анализу способов выражения точного времени в русском и в китайском языках в аспекте преподавания русского языка в китайской аудитории. Рассматриваются сходства и различия в логике номинации точного времени в русской и китайской лингвокультурах, выявляются синтаксические особенности оформления конструкций, передающих значение точного времени суток и обозначения момента события.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, грамматика русского языка, преподавание русского языка в китайской аудитории, этнометодика.

Большой контингент китайской аудитории, вовлеченной в процесс изучения русского языка как иностранного, актуализирует задачу создания этноориентированных учебных материалов, помогающих преодолевать интерференционные сложности, вызванные несовпадением столь далеких друг от друга лингвистических систем – русского и китайского языков. Грамматический аспект русского языка, как показывают многочисленные исследования [1, 2, 4, 6], требует в китайской аудитории особой методической интерпретации, основанной на сопоставительном анализе строя двух языков. Целью написания данной статьи является представление результатов сопоставительного анализа языковых конструкций, использующихся в русском и китайском языках для обозначения точного часового времени и момента времени, в который происходит определенное событие.

В русском и китайском языках существуют два варианта лингвистического оформления идеи выражения точного времени – официальный и неофициальный. Официальный вариант вербализации точного времени в русском и китайском языках одинаково предполагает использование только 24-часовой системы исчисления суточного времени. Это значит, что, например, время 14.00 по-русски и по-китайски в официальной ситуации оформляется одинаково – «четырнадцать часов» и «十四点» (*кит.* четырнадцать часов).

Рассмотрим китайские языковые модели для официального предъявления часового времени.

5.00 – «五点» (*кит.* пять часов);

5.05 – «五点五分» (*кит.* пять часов пять минут);

5.15 – «五点十五分» (*кит.* пять часов пятнадцать минут);

5.30 – «五点三十分» (*кит.* пять часов тридцать минут);

5.45 – «五点四十五分» (*кит.* пять часов сорок пять минут).

Из представленного выше материала следует, что официальная традиция вербализации точного времени в Китае совпадает с русской. Однако нужно отметить, что в некоторых случаях русская традиция допускает отсутствие слов «час» и «минута» при вербальном обозначении времени, т.е. допустима модель «пять пятнадцать» (5.15), что невозможно в китайской лингвокультуре.

В неофициальном варианте выражения точного времени в обоих языках одинаково возможна и 12-часовая система исчисления суточного времени, и в случае, если контекста речевой ситуации недостаточно для указания точного периода суток, то конструкции времени могут сопровождаться уточняющими словами «утро» – «早上» (*кит.* утро), день – «上午/下午» (*кит.* первая половина дня / вторая половина дня), вечер – «晚上» (*кит.* вечер), ночь – «凌晨» (*кит.* ночь). Например,

9 часов утра – «早上九点» (*кит.* утро девять часов);

4 часа дня – «下午四点» (*кит.* вторая половина дня четыре часа);

10 часов вечера – «晚上十点» (*кит.* вечер десять часов);

2 часа ночи – «凌晨两点» (*кит.* ночь два часа).

Приведенные выше примеры показывают логическое сходство в способах выражения времени в двух языках в неофициальном варианте, однако грамматическая разница заключается в последовательности элементов языковых моделей: в русском языке в начальной позиции находится группа числительного, а в завершающей слово-маркер периода суток, в китайском же языке ситуация противоположная: в начальной позиции слово-маркер периода суток, в конечной позиции группа числительного.

Отдельного внимания заслуживает вербальное выражение времени «один час» (01.00). В русском языке в неофициальной ситуации при обозначении данного времени числительное «один» обычно выпускается из построения фразы и сохраняется слово «час» либо конструкции «час дня» или «час ночи». Китайский язык требует обязательного использования числительного в данной ситуации по причине того, что, как было сказано выше, слово «час» является неотъемлемым структурным компонентом языковой модели для выражения точного времени, поэтому в китайском языке в этой ситуации используется модель – 一点 (*кит.* один час) [5, с. 77].

При выражении минутного времени в неофициальной ситуации китайцы используют иные по сравнению с русским языком модели. Для выражения минутного времени первой половины часа в китайском языке не существует специальной лингвистической модели, как в русском языке, в котором используется модель «сколько минут какого (следующего) часа», например, 5.05 «пять минут шестого». В данной ситуации в китайском языке действует только официальная модель – 5.05 «五点零五» (*кит.* пять часов пять ми-

нут). Для носителя китайского языка, изучающего русский язык, сложность заключается в необходимости осознать, что в русском языке упоминается следующий за указанным цифровым способом час.

Особых комментариев заслуживает языковое выражение получасового времени в неофициальной ситуации в китайской лингвокультуре, поскольку оно отличается от принятого в русском языке, где оно оформляется по модели минутного времени первой половины часа – «сколько минут какого (следующего) часа», например, 5.30 – половина шестого или полшестого. В китайском языке, хотя минутное время первой половины часа выражается с помощью модели официального стиля, тем не менее получасовое время может оформляться особым способом – «五点半», что дословно переводится как «пять часов половина». Таким образом, при вербальном оформлении идеи выражения времени 5.30 не используется и не мыслится числительное «шесть», как в русском языке.

Для выражения минутного времени второй половины часа в китайском языке существует специальная лингвистическая модель, аналогичная русской модели «без скольких (минут) сколько (часов)». Например, 6.55 – по-русски «без пяти семь», а по-китайски вербальное обозначение этого времени выглядит как «七点差五分» (*кит.* семь часов без пяти). Таким образом, при общем для двух лингвокультур логическом подходе обозначать минутное время второй половины часа посредством указания количества минут, оставшихся до наступления следующего часа, последовательность элементов в лингвистических моделях тем не менее разная: в китайском языке на первом месте всегда стоят часы, а на втором минуты, при этом обязательным компонентом является непосредственно слово «час».

Следует обратить внимание на различие способов выражения четвертного времени в русском и китайском языках. Если в русском языке выражение четвертного времени осуществляется в соответствии с моделями выражения минутного времени первой и второй половины часа, то в китайском используются следующие модели:

5.15 – «五点一刻» (*кит.* пять часов четверть);

5.45 – «五点三刻» (*кит.* пять часов три четверти).

Само слово «четверть» в китайском языке является более частотным по сравнению с русским, и обе модели продуктивны.

В реальном речевом процессе модели обозначения времени востребованы коммуникантом чаще всего в двух ситуациях: при обозначении точного времени и при обозначении момента времени, в который происходит событие. В первом случае речевую ситуацию может сопровождать следующий контекст – *сейчас два часа дня*, во втором случае – *встреча состоится в два часа дня*. Рассмотрим, каковы особенности синтаксического оформления этих конструкций в русском и китайском языках.

С целью вербального обозначения точного часового времени в китайском языке используется синтаксическая конструкция с обязательным включением вспомогательного слова «是» [3, с. 67]. Так, например,

сейчас 01.00: Сейчас час – 现在是一点 (*кит.* Сейчас 是 один час);

сейчас 04.04: Сейчас четыре часа четыре минуты – 现在是四点四分 (*кит.* Сейчас 是 четыре часа четыре минуты);

сейчас 15.00: Сейчас три часа дня – 现在是下午三点 (*кит.* Сейчас 是 день три часа);

сейчас 16.30: Сейчас полпятого вечера – 现在是下午四点半 (*кит.* Сейчас 是 вечер четыре часа половина).

Приведенные примеры свидетельствуют о разнице в оформлении одного и того же речевого замысла синтаксическими средствами: китайская грамматика в конструкции «сколько сейчас времени» требует обязательную связку в виде вспомогательного слова, в то время как в русском языке вспомогательные компоненты отсутствуют.

Абсолютно противоположная закономерность в синтаксическом оформлении конструкции наблюдается при обозначении момента времени, в который происходит событие: служебное слово в виде предлога «в» появляется в русском языке, а в китайском, наоборот, дополнительные элементы отсутствуют. Например,

встретимся в 15.00: Встретимся В три часа дня – 我们下午三点见面 (*кит.* Мы вторая половина дня три часа встретимся);

у нас урок начинается в 8.00: У нас урок начинается В восемь часов утра – 我们早上八点开始上课 (*кит.* Мы утро восемь часов начинаем урок).

Сопоставление синтаксических конструкций, употребляемых в русском и китайском языках при обозначении точного времени и момента времени, в который происходит событие, выявило противоположные грамматические закономерности использования вспомогательных синтаксических средств. В русском языке они используются при обозначении момента времени события, в китайском – при обозначении часового времени.

Выявленные в русском и китайском языках закономерности в обозначении точного времени и обозначении момента времени, в который происходит событие, привели к определению возможных интерференционных и транспозиционных зон в данной теме, которые должны быть учтены в процессе их преподавания русского языка китайцам.

Литература

1. Бальхина Т.М., Чжао Юйцзян От методики к этнометодике: обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления. – М.: РУДН, 2010. – 344 с.

2. Баранова И.И., Чуваева К.М. Учет межъязыковой интерференции при обучении студентов из Китая русскому языку // Вестник РУДН. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2012. – №1. – С. 56–62.
3. Ли Ван. Основы китайской грамматики. – М.: Издательство иностранной литературы, 1954. – 262 с.
4. Новикова А.К. Преподавание русского языка в Китае: этнометодические и этнокультурные особенности // Вестник РУДН. Вопросы образования: языки и специальность. – 2011. – №1. – С. 68 – 75.
5. Чжоу Чуньсян. Практическая грамматика русского языка. – Шанхай: Шанхайский переводческий издательский дом, 2007.
6. Щелокова А.А. Преодоление трудностей в обучении русской грамматике китайских студентов // Концепт. – 2018. – № 2 . – С. 1–5.

Buyin Qimike, Ilyina O.A.

Pushkin State Russian Language Institute

THE PRECISE EXPRESSION OF TIME IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

The article is devoted to the analysis of ways to express the exact time in the Russian and Chinese languages in the aspect of teaching Russian in the Chinese audience. The similarities and differences in the logic of the nomination of the exact time in the Russian and Chinese linguistic cultures are considered, the syntactic features of the designations of structures that convey the value of the exact time of day and the designation of the moment of the event are revealed.

Keywords: Russian as a foreign language, grammar of the Russian language, teaching of the Russian language in the Chinese audience, ethnomethodics.

Академическая недобросовестность студентов и цифровая лингводидактика

В статье рассматриваются последствия массовой фальсификации учащимися высшей и средней школы домашних заданий путем обращения к решебникам и других видов злоупотребления современными электронными технологиями.

Ключевые слова: методика обучения русскому языку, фальсификация, мошенничество.

Данная статья будет посвящена рассмотрению проблемы, которая мешает результативному преподаванию русского языка, как, впрочем, и любого иного предмета в условиях электронного обучения. Широкое внедрение информационных технологий ведет к более широкому распространению явления, которое в западной методике получило название «академическая недобросовестность студентов» [1].

Одним из следствий исчезновения СССР с точки зрения рядового учителя явилось то, что в продаже появились так называемые «решебники», пособия с готовыми ответами на домашние задания школьных учебников. В настоящее время эти пособия переключались в интернет и стали абсолютно бесплатны и доступны для любого ленивого школьника. Такие сайты как <http://gdz-putina.me/>, <http://resheba.com/>, <http://slovo.ws/>, <http://onlinegdz.net/> публикуют готовые ответы на задания российских, украинских и белорусских учебников для средней и высшей школы. Л.В. Горбов и С.В. Чигрин выразились об этом явлении так: «Только в России списывание считается среди студентов чуть ли не доблестью» [4].

Едва ли не единственной формой домашнего задания по русскому языку, которую сегодняшний школьник (студент) не сможет фальсифицировать с помощью решебника, становится разучивание наизусть правила либо стихотворения.

Сложность заключается в том, что программа вуза предполагает формирование взрослой 18–20-летней языковой личности, которая имеет интеллектуальную базу, у которой сформированы коммуникативная, культурологическая, языковая и языковедческая компетенции. Практика показывает, что возрастает доля первокурсников, языковая личность которых соответствует языковой

личности младшего школьника, испытывающего трудности в технике осмысленного чтения и письма. Такая языковая личность развивалась благодаря семилетней имитации интеллектуальной деятельности с помощью решебников и упражнений, связанных с проставлением в пропуски нужных вариантов ответов. Поэтому осуществить языковую подготовку студентов в соответствии с госстандартами не представляется возможным, даже если вуз обеспечит такие условия, при которых невозможно фальсифицировать обучение.

Особенностью вузовского курса «Русский язык и культура речи» является то, что учебный материал не дублирует школьный курс, как это происходит, с предметами «История» и «Иностранный язык». Одной из его задач является помощь студенту, который может овладеть функционально-стилевой дифференциацией норм, жанрово-ролевым и статусно-ролевым своеобразием современной коммуникации [6, с. 76]. Но подобное становится возможным лишь при наличии языковой компетенции, присущей лицам с высшим профессиональным образованием.

Как отмечает А.К. Григорьева: «Формирование языковой компетенции... осуществляется на основе развития операциональных структур словесно-логического (понятийного) мышления и может рассматриваться как процесс овладения денотативно-сигнификативной структурой слова, как переход от установления предметно-понятийных соответствий к формированию и развитию межпонятийных связей и отношений» [3, с. 210]. В процессе выполнения домашней и аудиторной работы по русскому языку и иностранным языкам школьник начального и среднего звена должен овладеть операциональными структурами понятийного мышления.

По мере все более широкого распространения информационных технологий языковая личность среднего студента вуза перестает отличаться от младшего школьника. Мы полагаем, что 7 лет средней школы (4–11 классы) становятся семью годами имитации языкового образования. Цифровая лингводидактика фактически возрождает дидактические приемы античности и Средневековья, возвращает учителя и школьника в эпоху, когда ученик нес в школу деревянную доску и мел вместо тетрадки из дешевой бумаги. Границы этой эпохи мы можем обозначить лишь приблизительно. Воспитанники придворного царскосельского лицея времен Александра I могли себе позволить писать в тетрадах. А вот могли ли позволить себе иметь тетради их современники в крестьянской церковно-приходской школе? Мы предполагаем, что образование в Царскосельском лицее было с дидактической точки зрения близким к требованиям советской школы. При этом разновидности домашней работы в церковно-приходской школе 200 лет назад могли сильно напоминать античные аналоги: чтение и заучивание учебного материала. Все виды письменных заданий требовалось выполнять в учебной аудитории мелом на доске. Бумагу использовали исключительно для обучения навыкам письма. Сегодня препода-

ватели вынуждены возвращаться к методикам «дотетрадных» времен: студенты и школьники дома заучивают наизусть лексико-грамматические правила, учат наизусть тексты для пересказа. Причиной является массовая фальсификация учащимися домашних заданий с помощью решебников из интернета.

Исходя из вышеизложенных фактов, мы попытались найти в иностранных источниках возможные пути решения возникших проблем в дидактике.

Если мы набираем английский перевод русского слова «мошенничество» – cheating в официальном поисковике scopus на сайте elsvier.com мы попадаем на сотни ссылок по данной тематике. Часть из этих ссылок будет касаться поведения дошкольников и школьников, часть поведения взрослых людей на работе в различных ситуациях, но большое количество будет касаться поведения студентов при выполнении учебных заданий в аудитории и во внеклассной обстановке.

Возможно, это является весьма слабым утешением, но проблемы списывания, не добросовестного выполнения домашней работы, фальсификации результатов электронных тестов и тому подобных нарушений широко освещаются в зарубежной научной литературе.

Опыт борьбы с такого рода правонарушениями также описывается одним из руководителей американского университета, где онлайн-обучение идет с 1994 г., а количество студентов, обучающихся на онлайн-курсах, составляет 5000 человек [7]. Перечислим некоторые из них. Вся электронная переписка студента с преподавателями хранится в служебном компьютере в течение всего срока обучения; все ответы студента проверяются на плагиат. Из задач преподавателя является отслеживание резких перемен стиля написания ответов в ходе обучения. У нас создалось впечатление, что в BakerCollege не практикуется система оценивания студентов, когда студенту для прохождения теста нужно выбрать правильный ответ из нескольких вариантов, а предлагается развернутый письменный ответ на вопрос. Далее автор статьи предупреждает, что перечисленные меры не являются достаточными в силу наличия в англоязычном интернете (данные за 2002 год) 225 сайтов, которые он называет papermills. Посетителям таких сайтов предлагаются готовые ответы на задания всевозможных школьных и вузовских учебников, тестовых заданий, собрания авторефератов, курсовых и дипломных работ и (или) предлагается написание работ, выполнение каких-либо заданий за деньги силами некими анонимными лицами.

Более подробный обзор деятельности подобных сайтов дается в работе Medway, D. Roper, S. Gillooly, L. Contract cheating in UK higher education: A covert investigation of essay mills [8]. Эти британские ученые описывают хорошо знакомую российским преподавателям ситуацию, когда студенты, которым следует выполнить курсовую (дипломную) работу, нанимают третьих лиц [2, 5] для написания учебных работ.

Цифровая лингводидактика в настоящее время страдает теми же проблемами, которыми страдает цифровая дидактика вообще, и за рубежом, и у нас. Для устранения причин этих проблем недостаточно усилий конкретного преподавателя на конкретном уроке. Нужны меры со стороны государственных чиновников образования, направленные на то, чтобы фальсификация студентами домашних и иных видов учебной работы была приравнена к коррупции со всеми вытекающими из этого последствиями.

Литература

1. Анашкина Е.В., Валяева Е.Ф. Проблема нарушения академических норм при компьютерном контроле знаний в высших учебных заведениях // *Educationsciencesandpsychology*. – 2014. – № 6. – С. 27–37.
2. Бурмакина Н.А., Хлякин О.С. К проблеме фальсификации студентами результатов обучения путем злоупотребления интернет-технологиями // *Проблемы современного педагогического образования*. – 2018. – № 58–2. – С. 50–53.
3. Григорьева А.К. Речевые ошибки и уровни языковой компетенции // *Интеграция образования*. – № 1–2, 2005. – С. 209–216.
4. Горбов Л.В., Чигрин С.В. Новые приемы списывания при компьютерном тестировании и способы борьбы с ними // *Международный журнал экспериментального образования*. – 2013. – № 4. – С. 93–96.
5. Тюрина Т.В. Хлякин О.С. К вопросу фальсификации студентами медицинских специальностей домашней работы по латинскому языку // *Проблемы современного педагогического образования*. – 2017. – № 56–5. – С. 217–223.
6. Чуканова И.Ю. Речевые ошибки в ракурсе проблемы социализации личности // *Вестник Челябинского государственного ун-та*. – № 1 т. 2, 2004. – С. 75–78.
7. Heberling M. Maintaining academic integrity in online education // *Online Journal of Distance Learning Administration*. – 2002, Vol. 5, № 1. – [Electronic resource]. – URL: <https://www.learntechlib.org/p/92517> (дата обращения: 20.01.2019).
8. Medway D., Roper S., Gillooly L. Contract cheating in UK higher education: A covert investigation of essay mills // *British Educational Research Journal*. – 2018. – № 44. – URL: <https://doi.org/10.1002/berj.3335> (дата обращения: 20.01.2019).

Burmakina Natalia Alekseevna, Khlyakin Oleg Sergueevich
Prof. V.F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University,
Krasnoyarsk, Russia

ACADEMIC DISHONESTY STUDENTS AND DIGITAL LINGUODIDACTICS

The article discusses the implications of the massive fraud by students of homework by using e-versions of textbooks' answer-books and other forms of misuse of modern electronic technology.

Keywords: methodology of Russian language teaching, falsification, cheating.

Фикциональность энциклопедических описаний и модели видения действительности в них

В статье доказываемая фикциональная природа энциклопедических описаний (на примере описаний одежды и животных), анализируется соотношение информативной и репродуктивной моделей видения действительности и них, в результате чего выделяются два типа репродуктивности.

Ключевые слова: фикциональность, нефикциональность, текст, модель видения действительности.

Обращение к оппозиции фикциональности/нефикциональности и текстовой реализации этого противопоставления является основой анализа языкового материала в коммуникативно-функциональных исследованиях последнего времени. В [3] обозначена разница между фикциональными и нефикциональными текстами, описано соотношение этих категорий и категорий информативности и репродуктивности, которые представляют собой первичные модели видения действительности, однако предложенные там результаты еще нуждаются в проверке и уточнении. Все выводы, которые делались в упомянутых выше работах, были получены в результате анализа однотипного языкового материала, при отборе которого учитывались различные денотативные и коммуникативные ситуации (например, [4]), однако сами эти тексты были созданы говорящим при непосредственном наблюдении описываемого объекта реально или в воображении: описание соседа по парте, станции московского метро, пропавшего животного и т. д. Эта группа текстов, которая в [3] характеризуется как нефикциональные, то есть невымышленные, отражающие реальную действительность.

В этой статье мы обратимся к текстам иной природы, которые функционируют в условиях других коммуникативных ситуаций. Это энциклопедические и словарные статьи, в которых, с одной стороны, представлено то же самое описание, но с другой стороны, это описание не конкретной вещи, наблюдаемой в данный момент на соседе по парте или представленной в Интернет-каталоге, а абстрактное описание вещи вообще, необходимое, для того чтобы предоставить о ней информацию, определить эту вещь. Например, описание рубашки в Интернет-каталоге любого магазина является более конкретным и актуальным: в тексте даются характеристики именно той рубашки, кото-

рую выбирает покупатель. А статья в энциклопедическом словаре о рубашке сообщает нам о том, что такое рубашка вообще и какие ее самые общие, отвлеченные от конкретного момента времени характеристики. Такая цель уже задает информативную модель видения действительности для целого текста: в нем описывается абстрактный объект действительности, которому приписываются обобщенные, типичные, наиболее регулярные свойства и качества. Рассмотрим на примерах, как такое важное условие фикциональности всего текста выражается в выбираемых автором языковых средствах.

1. *Джинсы – (англ. jeans) мужские или женские брюки из плотной хлопчатобумажной ткани, окрашенной индиго, дающим на хлопке глубокий бархатистый цвет, а также иными красителями в голубой, черный и др. цвета. Название восходит к английскому написанию итальянского г. Генуя (Genoa), где производился этот вид ткани для парусов. Второй европейский центр по производству этой ткани – г. Ним во Франции определил другое название – «деним». В 1853 в США выходец из Германии Леви Страусс (Levi Strauss или Levi's) предложил ковбоям и золотоискателям брюки принятого у них спортивного кроя, но из новой гигиеничной парусиновой ткани. В дальнейшем джинсы получили широкое распространение во всем мире* (Большой Энциклопедический словарь).

2. *«Бананы» /разг./ – свободные брюки без стрелок, расширяющиеся по линии бедер и колен и постепенно суживающиеся к щиколотке, напоминая по форме банан. Наибольшей популярностью пользовались в начале и середине 1980-х* (Мода XX века. Энциклопедия).

Поскольку главная цель автора энциклопедических текстов – дать представление об описываемом предмете, очевидно, что он старается отбирать языковые средства репродуктивного регистра, который помогает читателю визуализировать предмет, что особенно актуально при отсутствии рядом изображения. Разумеется, репродуктивный регистр может соединяться с информативным, которым автор передает необходимую ненаблюдаемую информацию о предмете. Так и наши тексты можно условно разделить на 2 фрагмента, в одном из которых представлены наблюдаемые характеристики, во втором – ненаблюдаемые, в тексте 1 информативная часть объемнее, в тексте 2 она сводится к одной монопредикативной конструкции, сообщающей об эпохе, в которую «бананы» были популярны. Репродуктивные части в двух текстах по своему составу и типовому значению (в данном случае типовое значение качества) не отличаются от способов представления репродуктивности в нефикциональных текстах с актуальным хронотопом, что позволяет нам взять это энциклопедическое описание «бананов» и поместить его, например, в Интернет-каталоге, где представлена уже конкретная модель брюк. Однако в Интернет-каталоге или при описании соседа по парте появятся более конкретные детали, которые будут характеризовать уже конкретную вещь: цвет,

длина, карманы, особенности кроя и т.д. В энциклопедическом описании такой конкретики нет, но она и не нужна, поскольку речь идет о «бананах» вообще. В тексте 1 каноническая нефикциональная репродуктивность разрушается конструкциями с союзом *или*, который вводится говорящим, для того чтобы показать возможные варианты уже реальных джинсов, а такая вариативность в свою очередь поднимет все описание на более высокий уровень абстракции. Все это позволяет нам сделать вывод о том, что репродуктивность энциклопедических описаний отличается от канонической репродуктивности актуального хронотопа большим уровнем абстракции и меньшей детализацией.

Рассмотрим, подтверждается ли эта гипотеза в энциклопедических описаниях животных. В пределах одной статьи, к сожалению, невозможно представить полные их описания, поэтому мы ограничимся только наиболее интересными для заявленной темы фрагментами.

3. *Цвет и узор кошачьей шкуры весьма разнообразны. Основные типы окраса – полосатый, однотонный, черепаховый (черно-рыжий) и подпалый, т.е. с более темной окраской выступающих частей тела – морды, ушей, ног и хвоста. Белый цвет обозначает просто отсутствие пигмента. Другие цвета практически полностью зависят от количества и распределения в волосе пигмента, называемого меланином. Он существует в одной из двух основных форм: черного или бурого эумеланина и желтого или рыжевато-го фео-меланина* (фрагмент статьи о домашней кошке в энциклопедии «Кругосвет»).

4. *Порода отличается округлой головой с достаточно хорошо развитыми и выраженными щеками, широкая в области скул. Шея толстая и короткая. Короткий нос имеет широкую и прямую форму, а также составляет вертикаль с сильным и ровным подбородком. Уши небольших размеров, с закруглением, широко и низко посаженные на голове. Глаза больших размеров, круглой формы, хорошо открытые и достаточно широко посаженные. Окрашивание глаз зависит от особенностей основного окраса* (Фрагмент из описания Британской кошки на сайте «Простая фауна»).

Оба фрагмента из описаний животных выполнены в репродуктивном регистре с привлечением информативных элементов (например, последние предложения в двух текстах), однако они также представляют собой неканоническую репродуктивность, свойственную для высшего уровня абстракции в описаниях. Этот вид репродуктивности проявляется на уровне конструкций (синтаксис) и отдельных слов (лексика). Текст 3 автор начинает с перечисления основных окрасов кошек, и используемые им конструкции с однородными членами сразу показывают читателю, что речь в данном случае идет о кошке вообще, а не о конкретном животном в актуальном хронотопе. Эта тактика наблюдается во всем фрагменте, репродуктивности, которая может быть актуальной, здесь нет. Текст 4 создает впечатление, что в нем речь идет о конкретной кошке, которую он видит перед собой: в этом

описании нет перечисления возможных вариантов (кроме последнего предложения), каждая характеристика точна, конструкции лаконичны. Однако уровень детализации описания в этом тексте достаточно минимален, что несвойственно канонической актуальной репродуктивности. Несмотря на то что здесь характеризуется каждая часть кошки, в тексте нет конкретной характеристики и конкретных качеств животного.

Анализ энциклопедических описаний показывает, что намеченная оппозиция нефикциональности / фикциональности верна, а ее дальнейшее изучение необходимо, поскольку от этого первичного различия зависят и другие, в том числе и различные языковые облики текстов. С другой стороны, этот анализ показывает, что введенное Г.А. Золотовой в [1], [2] понятие репродуктивности неоднородно, пока что мы можем говорить о канонической актуальной репродуктивности, свойственной нефикциональным текстам, и о неканонической неактуальной репродуктивности, свойственной текстам фикциональным. Эти типы репродуктивности соотносятся с двумя типами имперфективной функции предикатов: имперфективно-процессуальной с актуальным предикатом и имперфективно-характеризующей с узуальным предикатом [1]. Представляется также интересным соотношение этих типов репродуктивности с репродуктивностью художественного текста.

Литература

1. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
2. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Издательство Московского университета, 1998. – 521 с.
3. Роговнева Ю.В. Нефикциональность и фикциональность в тексте. Нефикциональный текст // Русский язык за рубежом. – 2018. – №6. – С. 93–97.
4. Сидорова М.Ю. Система коммуникативных регистров и типология коммуникативных ситуаций. // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. / Материалы XI Международной научной конференции (Владимир, 29 сентября – 1 октября 2015 года). – Владимир: Транзит-ИКС, 2015. – С. 480 – 484.

Buyavyykh V.A, Rogovneva Yu.V.

Pushkin State Russian Language Institute

FICTIONNESS OF ENCYCLOPEDIA DESCRIPTIONS AND MODELS OF REALITY VISION IN THEM

The article proves the fictional nature of encyclopedic descriptions (using an example of clothing and animals descriptions), analyzes the ratio between informative and reproductive models of reality vision in them, and as a result the authors discover the two types of reproduction.

Keywords: fictionness, non-fictionness, text, model of reality vision.

Регистровые композитивы и их соотношение в интернет-описаниях одежды

В статье анализируется соотношение репродуктивности и информативности в текстах-описаниях одежды, размещенных на сайте наиболее популярных Интернет-магазинов; выделены три тактики, которые выбираются копирайтерами для привлечения внимания к товару.

Ключевые слова: композитив, регистровый блок, текст, модель видения действительности.

В настоящее время все большей популярностью у покупателей пользуются Интернет-магазины, в которых можно совершить покупку онлайн. Такой способ приобретения товара отличается от так называемого традиционного тем, что покупатель ограничивается только визуальным его восприятием на фотографии, а об остальных качествах товара или его параметрах он узнает из текста-описания. Именно поэтому анализ таких текстов представляется необходимым для изучения тактик его составителей, с одной стороны, а с другой – для выведения общего алгоритма создания подобного рода текстов. В статье мы обратимся к регистровым характеристикам этих текстов, которые показывают, какая модель видения действительности (или же соединение нескольких моделей в пределах одного описания) лежит в основе создаваемого образа товара. Для анализа мы выбрали 15 примеров, размещенных на трех популярных сайтах Интернет-магазинов одежды: «Wildberries», «Lamoda», «Voprix». Все эти тексты представляют собой регистровые композитивы, или регистровые блоки – фрагменты, объединенные общей темой в пределах одной модели видения действительности [1], [2]. В этом случае неоднозначным представляется соотношение понятий текст и фрагмент текста. Очевидно, что традиционные определения текста, сформулированные на материале в основном художественной литературы, не всегда применимы к объекту другой природы – невымышленным текстам, которые создаются говорящим в условиях конкретной коммуникативной ситуации. В [3] и других работах автора предпринята попытка подойти к определению текста с позиции коммуникативно-функциональной грамматики, для которой

текст является главным объектом исследования. Однако для завершения этой работы необходимо обращение к различному языковому материалу, функционирующему в поле категории нефикциональности. Анализируемые в этой статье описания в Интернет-магазинах являются нефикциональными, поскольку в них изображено то, что действительно существует – товар, который может приобрести потенциальный покупатель, и его наблюдаемые и ненаблюдаемые качества и свойства.

Принцип представления одежды в Интернет-магазине не отличается от других товаров. Здесь выделяются две части: во-первых, изображение, которое должно максимально соответствовать реальному облику покупаемого товара. Это изображение берет на себя функции репродуктивного регистра: покупатель видит наблюдаемые характеристики того предмета, который его интересует. Вторая часть – это непосредственно текстовое описание, которое, в зависимости от выбранной автором тактики, может содержать различную информацию. Так, в тексте могут повторяться, а вместе с тем и дополняться наблюдаемые характеристики (*брюки цвета морской волны с ярко-розовыми карманами по бокам*), могут быть указаны размеры предмета одежды (*длина по внутреннему шву – 80,5 см*), наконец, в тексте может быть представлен абстрактный образ человека, которому идеально подходит этот предмет одежды. Очевидно, что эти различные тактики представляют разные регистровые композитивы.

Так, из проанализированных нами 15 текстов только 1 описание оказался чисто репродуктивным: *Облегающий, зауженный книзу силуэт, простроенные стрелки, высокая линия талии, передние карманы* (описание брюк-чиносов бренда «I.B.W.» в магазине «Wildberries»). Здесь представлена наблюдаемая информация, которая дублирует изображение, обращая внимание покупателя на некоторые особенные детали, которые отличают эти брюки от других (*стрелки, линия талии, карманы*). Такое короткое описание абсолютно объективно, оно не убеждает, что этот товар лучше, чем подобные, оставляет выбор за самим покупателем. Еще 2 текста из 15 мы можем отнести к преимущественно репродуктивным, но с информативными вставками, например: *Джинсы Dorothy Perkins Maternity выполнены из плотного денима. Модель прилегающего кроя. Детали: вставка-бандаж, эластичные вставки внутри пояса для регулирования объема, застежка на молнию и пуговицу, шлевки, карманы* (описание джинсов марки «Dorothy Perkins Maternity» в магазине «Lamoda»). Включение в описание вещи характеристики по материалу, из которого эта вещь была изготовлена (*выполнены из плотного денима*), не позволяет отнести данный текст к чисто репродуктивным, поскольку не для всех носителей языка это качество будет репродуктивным. В этом случае можно обратиться к изображению, которое показывает, что такое деним. Регистрово неоднозначной является и приложение бандаж при характеристике вставки.

Для покупателя это будет понятная характеристика, только если ему известно, что такое бандаж. К таким же регистрово неоднозначным (или регистрово неопределенным) стоит отнести и сами названия моделей, например джинсы boyfriend, girlfriend, mom и т.д., которые будут понятны только для тех, кто знает, что это такое, а соответственно, не нуждается в их описании. В целом же тексты, которые дублируют информацию на изображении, но вместе с тем добавляют к нему качества, которые изображение не может передать, можно считать наиболее удачной тактикой автора.

Описаний информативных или же информативных с репродуктивными элементам значительно больше. Примером информативного текста может послужить следующий (всего их – 4): *Модные вельветовые брюки-стретч от bpc с актуальными узкими штанинами превосходно подойдут как для неформального стиля в сочетании с пуловерами, свитерами и сапогами, так и для шикарного делового стиля с блейзером и лодочками на каблучке. Классические четыре кармана и чуть заниженная линия талии предоставляют дополнительные удобства во время носки. Качество вельвета, годного для машинной стирки, с волокнами эластана делает брюки чрезвычайно комфортными. Подчеркивающая фигуру форма с зауженными книзу штанинами позволяет продемонстрировать красивые бедра и ноги, а необычный нежно-розовый цвет изделия выгодно выделит вас из толпы* (описание брюк-стретч в магазине «Bonprix»).

Автор этого текста выбирает иную тактику: он привлекает покупателя, обращаясь к невидимому образу товара и создавая некий отвлеченный образ человека, которому этот товар подойдет. Текст наполнен абстрактными и оценочными словами, цель которых – выделить представляемый предмет одежды и выгодно преподнести его потенциальному покупателю. Однако и здесь присутствуют элементы репродуктивности – то, что позволяет нам визуализировать образ данной вещи хотя бы частично (например, *форма с зауженными книзу штанинами*).

Довольно распространенным приемом является полностью информативное начало, не прикрепленное к актуальному хронотопу, с последующим переходом к актуальной действительности: *Необходимое условие для отдыха и занятий спортом – комфорт. Его гарантируют спортивные брюки-стретч от bpc. Они представлены в различных цветах и по бокам украшены контрастными лампасами. Эта модель простого кроя акцентирует женственные формы, плотно облекая фигуру. В кулиску на поясе продет эластичный шнур, а внизу брючин сделаны разрезы, что создает дополнительное удобство* (описание брюк-стретч в магазине «Bonprix»). Первые две предикативные части последнего предложения являют собой репродуктивные вставки в текст информативного регистра.

На примере анализа 15 описаний одежды в наиболее популярных интернет-магазинах мы показали, какой может быть тактика автора и как в различных текстах, объединенных одной стратегией, соединяются две первичные модели

видения действительности – репродуктивная и информативная. В результате мы пришли к выводу, что чисто репродуктивные композитивы отличаются объективностью и краткостью описания, однако они практически не востребованы ни автором, ни покупателем, поскольку в них дублируется та информация о предмете одежды, которая есть на изображении. С другой стороны, не совсем удачным описанием будет полностью информативный текст, в котором автор создает отвлеченный, не привязанный к актуальному моменту образ. Очевидно, что для наиболее полного представления предмета одежды необходимо соединение информативности и репродуктивности в описании.

Зафиксированное нами преобладание информативности над репродуктивностью можно объяснить тем, что такого рода тексты являются не просто рекламными, но креолизированными рекламными, то есть имеют два плана выражения – вербальный и невербальный. В данном случае невербальная часть представляет собой изображение товара – обтавку, lookbook или фотографию модели, снимаемой в одежде данной марки на белом фоне. Необходимая репродуктивность уже продиктована изображением и, таким образом, становится необязательным компонентом текста; все, что остается автору – включать в текст элементы информативности либо полностью переводить его в область информативного регистра. Однако зачастую он добавляет в свой текст элементы репродуктивности, соотнося тем самым описание и изображение. Однако сейчас отмечается тенденция к отсутствию в каталоге текста как такового. Представление товара ограничивается только его изображением, наименованием модели, указанием ее стоимости и прочих характеристик (цвет, размер, состав).

Литература

1. Г. А. Золотова Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
2. Г. А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Издательство Московского университета, 1998. – 521 с.
3. Роговнева Ю. В. Нефикциональность и фикциональность в тексте. Нефикциональный текст. – Русский язык за рубежом. – 2018. – № 6. – С. 93–97.

Buyavyykh V. A., Rogovneva Yu. V., Ushakova M. L.

Pushkin State Russian Language Institute

THE REGISTER UNITS AND THEIR RATIO IN ONLINE CLOTHING DESCRIPTIONS

The article analyzes the ratio of the reproduction and the informativeness in the texts-descriptions of clothes posted on the website of the most popular online stores; three tactics are chosen by copywriters to attract attention to the product.

Keywords: register units, register block, text, model of reality vision.

В ДРЕВНЕРУССКОМ ИЛИ В ВИЗАНТИЙСКОМ СТИЛЕ? ИДЕАЛ РУССКОЙ ИКОНОПИСИ В КРУГУ КОМИТЕТА ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О РУССКОЙ ИКОНОПИСИ (1901–1917)

В настоящей статье исследуются источники иконописных образцов для нового сакрального искусства, формировавшегося в кругу основанного Николаем II Комитета попечительства о русской иконописи (1901 – 1917). Автором проводится подробный анализ протоколов заседаний и изданий Комитета, в результате которого устанавливаются два важнейшие направления художественных инспирации и выявляются идейные функции использования именно этих образцов.

Ключевые слова: Комитет попечительства о русской иконописи, иконопись, иконописный подлинник, Николай II, Н. П. Кондаков.

Официальной целью учреждения императором Николаем II Комитета попечительства о русской иконописи (1901 – 1917) было предотвращение того надвигающегося кризиса, который, по мнению многих представителей российских интеллектуальных элит, напрямую угрожал русскому иконописному искусству [2]. Беспокойство государственных властей и Русской Православной Церкви вызывали два популярнейших в это время явления: с одной стороны, это были небрежно написанные и уродливые «краснушки» и так называемые «фолежные иконы», массово создаваемые в иконописных селах владимирской губернии, а с другой – те иконы, которые напрямую подражали западноевропейским образцам и печатные образки, которые зачастую копировали ту же католическую иконографию. Неофициальной же целью создания Комитета стало желание Николая II создать наподобие византийско-русского стиля в архитектуре новый, «императорский» стиль русской иконописи, также основанный на византийских и древнерусских образцах.

В настоящей статье мы задаемся целью проследить те древнерусские и византийские инспирации, которые попечительства о русской иконописи, а также указать их художественные и идейные функции. Нам кажется, что в этом смысле особо показательным будет провести анализ той дискуссии, которая велась внутри Комитета вокруг вопросов, связанных с выбором иконописных образцов для создаваемого им Лицевого Иконописного Подлинника. Известные с XVI века подлинники составляли что-то вроде иллюстрированных

учебников для иконописцев, часто кроме технических и иконографических указаний, содержащих также и готовые образцы иконописных композиции, предназначенные для непосредственного копирования. В конце XIX века в России подлинники нередко издавались в печати. Как справедливо отмечает О. Ю. Тарасов, «в издании нового подлинника видели одно из главных условий сообщения массовой иконе действительного православного символа и усиления ее обоживающего начала» [4, с. 261].

Вопрос о содержании собственного Лицевого Иконописного Подлинника (т. е. того, какую модель иконописи он предлагал) вызвал сильнейшие эмоции уже на втором заседании Комитета попечительства о русской иконописи, на что недвусмысленно указывают протоколы заседания, опубликованные в периодическом издании «Известия Высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи».

В приложениях к I тому «Известий...» свое мнение по данному вопросу представили все важнейшие деятели Комитета – В. М. Васнецов (1848–1926), Н. П. Лихачев (1862–1836), Н. П. Кондаков (1844–1925), Н. В. Султанов (1850–1908) и Н. В. Покровский (1848–1917). За исключением художника-живописца Васнецова, который считал, что «греческие» (византийские) образцы могут использоваться «исключительно в качестве дополнения к основным древнерусским образцам», все они подчеркивали необходимость поместить в подлиннике примеры византийских икон как первоисточник отечественной иконописи [1, I, с. 38–42].

Ученый-византист Николай Петрович Лихачев отстаивал необходимость воспроизведения в подлиннике произведений византийской иконописи, в качестве основного аргумента выдвигая тот факт, что интересующая Комитет русская иконопись происходит непосредственно от византийского искусства. «Так как русское иконописное искусство в основе своей имеет искусство византийское с одной стороны и южно-славянскую переработку его с другой, причем композиции русских икон являются нередко в отношении копии к греческим оригиналам, – писал он – то нет основания в образцах подлинника ограничиваться русской иконописью, а вполне уместно воспользоваться фресками и мозаиками, находившимися в Турции, Греции и Италии» [1, I, с. 43].

Другой выдающийся византист, а заодно и управляющий делами Комитета, Никодим Павлович Кондаков, также считал включение в подлинник византийской иконописи делом вполне естественным. Кондаков подчеркивал, что иконографический идеал стремиться достичь «догматической непреложности», «достоверности подлинника или предания», «эстетического вкуса», «священного приличия в изображении» и «его воздействия на возвышенные помыслы и религиозное чувство», то «в этом смысле образцами могут служить столько же вся область древнерусского искусства до XVII века включительно, сколько вся византийская иконография в пределах IX–XV веков» [1, I, с. 50].

Согласно известному академику, издание в подлиннике византийских икон является очень и очень желательной, поскольку именно византийское искусство стало своего рода эталоном для древнерусского искусства. «Примером служит в этом случае сама древняя Русь, с таким предпочтением обращавшаяся к византийскому подлиннику и не раз к нему возвращаясь, как к своему чистому источнику» [2, I, с. 52 – 53] – с силой утверждал ученый. Своего рода «лекарством» на засилье западных, католических иконографических образцов Кондаком считал «реэдукацию» иконописцев при помощи классических византийских икон.

Активный архитектор и видный проводник византийско-русского стиля в русской архитектуре конца XIX века, Николай Владимирович Султанов также признавал необходимостью включить в подлинник образцы греческой иконописи, хотя и обращал внимание на связанные с ней некие технические трудности. «Памятники византийского искусства не могут дать столько оригиналов, сколько нужно для Лицевого Подлинника в том смысле, как мы должны понимать его теперь. А отсюда ясно, что пробелы неизбежны» [1, I, с. 67 – 68] – констатировал Султанов. Тем не менее, архитектор оставался горячим сторонником византийских образцов, защищая их перед обвинениями в схематичности и иерархичности. «Западные историки искусства и разные поверхностные наблюдатели из категории мало подготовленных путешественников привыкли обвинять византийское искусство в неподвижности; но для всякого, кто серьезно изучил его произведения в Венеции, Равенне, Сицилии, Греции, в монастырях Афона, в Царьграде, в Киеве, Новгороде и Пскове, – писал архитектор – но это обвинение является не имеющим никакого основания; наоборот, произведения византийского искусства ярко различаются между собою в зависимости от времени и места, а потому снимки со многих из них несомненно внесут очень заметную пестроту в издание Подлинника» [1, I, с. 68].

Неудивительно, что и византинист Николай Васильевич Покровский подчеркивал значение византийского искусства как главного источника для древнерусской иконописи. Как замечал Покровский, «русская иконопись сложилась на основе тех древних преданий, которые нашли свое первое полное выражение в живописи византийской, и которая изначала проникли в церковное веросознание» [1, I, с. 71 – 72]. Ученый отождествлял «греческую» и древнерусскую иконопись, считая, что так первая, как и вторая «в своем постепенном росте наглядно выражают постепенное развитие религиозной мысли, обряда, потребностей, запросов» [1, I, с. 72]. Обратив внимание на постепенно сглаживающиеся различие между «иконой» – объектом почитания и «картиной» – предметом эстетической контемплации, Покровский ставит риторический вопрос о значении византийской и древнерусской богословской мысли об иконе: «Византия и Русь целыми столетиями созидали это дело [богословие иконы – Д. В.], в духе церковности, охраняли его от профанации,

сложили его в целую грандиозную систему: неужели этот исторический опыт не стоит нашего внимания?» [1, I, с. 77].

21 марта 1902 г. Николай II утвердил решения Комитета, относящиеся к содержанию будущего подлинника. Согласно указу царя, в подлиннике должны были публиковаться так византийские, как и древнерусские иконы, с тем, что этих последних должно быть намного больше. «Византийские памятники принимаются преимущественно в период после иконоборчества и до падения Византии, и к ним присоединяются, по выбору, произведения новогреческой иконописи до конца XVII века, в стенных росписях и иконах. Древнерусская иконопись принимается за все время своего исторического существования» [1, II, с. 40] – читаем в документе.

В 1905 г. вышел в печати первый и – как потом оказалось – единственный том Лицевого Иконописного Подлинника: «Иконография Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа» под редакцией Н. П. Кондакова. Уже на афише, рекламирующей новое издание хорошо видны византийские инспирации. Верхнюю часть рекламного плаката украшает фотография византийского барельефа с изображением Деисуса из Базилики Св. Марка в Венеции. Издание насчитывает 213 страниц, в том 116 иллюстрации и исторический и иконографический очерки Кондакова. Дальше автор описывает процесс становления важнейших иконографических типов византийского искусства – Спаса Вседержителя и Спаса Нерукотворного, исследуя их дальнейшие судьбы в искусстве Западной и Восточной Европы. Ученый посвятил много места и внимания тому явлению, которым был постепенный отход от византийских канов христологической иконографии, утверждая, что данный процесс был по сути трагической ошибкой. «Уже первый опыт освобождения от иконописных типов, в лице гениального итальянского мастера Джотто, отзывался явным уменьшением в образе Спасителя, как будто это освобождение, поведя за собою возвышение реального мира, одно и само по себе понизило исконное влечение искусства к представлению высшего религиозного идеала» [3, с. 57] – пишет знаменитый ученый.

Хотя данные слова и появляются в контексте западноевропейской живописи, нам кажется, что их можно отнести и к современной Кондакову русской иконописи, которую хотел возродить Комитет попечительства о русской иконописи. Кондаков, будучи выразителем взглядов целого Комитета, подчеркивает значение византийского искусства как источника для древнерусского искусства и главный иконографический образец, которому должны следовать русские иконописцы. Мнение это он повторит и в изданной на средства Комитета монографии «Иконография Богоматери: Связи греч. и рус. иконописи с итал. живописью раннего Возрождения», но независимо от факта, что в историческом очерке речь идет исключительно об византийской иконописи, сам подлинник (образцы для копирования) состоит из древнерусских икон, относящихся прежде всего к XV и XVI вв. Читателя

104 | может удивить и факт, что во всем издании появляется только одна рублевская икона – Св. Троица, несмотря на факт, что здесь как раз и просвечивается определенная тенденция. По-видимому, новое сакральное искусство круга Комитета попечительства о русской иконописи должно было основываться все-таки не на византийских образцах (хотя с точки зрения наблюдавшейся в византийском искусстве сакрализации власти это было бы желательным), но на образцах, относящихся ко времени процветания Великого княжества Московского и развития эсхатологически-политической концепции «Москвы – Третьего Рима». Неслучайно многие иконы в подлиннике относятся ко времени царствования мецената искусства Алексея Михайловича, примеру которого явно хотел следовать Николай II, но нельзя не согласиться с О. Ю. Тарасовым, что «являя собой одну из самых интересных страниц в истории культуры Серебряного века, обширнейшая программа Комитета попечительства о русской иконописи во главе с императором Николаем II остается лишь напоминанием о романтических устремлениях русского модерна» [5, с. 481].

Литература

1. Известия Высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи. Т. 1 – 2, С.-Петербург: Комитет попечительства о русской иконописи, 1902 – 1903.
2. Ковалева М.Д., Шипунова М.В. Комитет попечительства о русской иконописи (1901 – 1918): История и деятельность. «Вестник РГГУ», Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение», 2014, № 17 (139), с. 70–81.
3. Кондаков Н.П. Иконография Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа. С.-Петербург: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1905. 97 с.
4. Тарасов О.Ю. Икона и благочестие. Очерки иконного дела в Императорской России, М.: Прогресс-Культура Традиция, 1995. 495 с.
5. Тарасов О.Ю. Русская икона в Серебряном веке. Из истории Комитета попечительства о русской иконописи (1901 – 1918), „Искусствознание”, 2010, № 3 – 4, с. 161 – 185.

Walczak D.

University of Warsaw

IN OLD RUSSIAN OR BYZANTINE STYLE? THE IDEAL OF RUSSIAN ICON PAINTING IN THE CIRCLE OF THE COMMITTEE OF GUARDIANSHIP OF RUSSIAN ICON PAINTING (1901–1917)

In this article, the sources of iconographic samples for the new sacral art, formed in the circle of the Committee on Care on Russian Icon Painting (1901–1917), were analyzed. The author conducts a detailed analysis of the minutes of the meetings and publications of the Committee, the result of which establishes two major areas of artistic inspiration and identifies the ideological functions of using these particular samples.

Keywords: Committee on Care on Russian Icon Painting, icon painting, iconic podlinnik, Nicholas II, Nikodim Kondakov.

Визуальный компонент учебника для начальной школы как источник социокультурной информации

Статья посвящена исследованию визуального компонента учебников для начальной школы на предмет отражения социокультурной информации. Приводятся статистические данные об объеме и разнообразии культурно-маркированных изображений, анализируются способы использования такого рода иллюстративного материала в структуре учебника, а также в заданиях для младшеклассников.

Ключевые слова: русский язык, учебник русского языка, корпус учебников, иллюстративно-текстовый корпус, визуализация, культурно-маркированный материал.

Учебник является ведущим средством обучения в современной системе российского образования. В школьном учебнике информация представлена как в текстовом формате, так и в визуальном. В работе внимание сосредоточено на исследовании иллюстративного материала, отражающего социокультурную информацию. Материалом исследования послужили разные параллели (1–4 класс) учебников по русскому языку для начальной школы, входящие в Федеральный перечень учебников [10].

Анализ культурного компонента в структуре школьных учебников представлен достаточно широко применительно к изучению иностранных языков [14]. Также отдельно изучается образ России и русских в учебниках по русскому как иностранному (РКИ) [5], [7]. Тем не менее учебник по русскому языку как родному как источник социокультурной информации специальным образом не исследовался. При этом в Государственном стандарте есть прямые предписания о включении сведений о культуре и стране в учебный процесс: при получении начального образования у учащихся должно осуществляться «становление основ гражданской идентичности», принятие «национальных ценностей» [8]. Однако у авторов нет четкого понимания, какие именно лингвокультурные единицы, в каком объеме и формате (текстовом и иллюстративном) необходимо представлять в учебниках. Очевидно, что в целом социокультурная информация должна быть дозирована и структурирована, предъявлена с учетом нахождения внутри осваиваемой культуры. Ведь именно в этом возрасте у детей проходят естественные процессы инкультурации и социализации: посредством родного

106 | языка дети осваивают особенности миропонимания и нормы поведения внутри своего культурного пространства [11]. С одной стороны, учебник может способствовать приобретению основополагающих фоновых знаний, а с другой – может стать источником автостереотипов. В этой связи влияние не только текстовой, но и визуальной информации, полученной из учебника по русскому языку, на формирование образной картины мира младшеклассника, а затем и взрослого человека кажется весьма существенным. Особенно актуален данный тезис для современных детей, которые погружены в визуальный контекст и взаимодействуют постоянно с поликодовыми текстами (в том числе в цифровой среде) [12]. Более того, образы, подкрепленные изображениями, усваиваются и воспринимаются легче всего именно в период старшего дошкольного и младшего школьного возраста в силу превалирования наглядно-образного мышления в этот период [2]. Также это подтверждают современные методы анализа восприятия информации (айтрекинг). В проведенных экспериментах большинство детей сначала обращают внимание на иллюстрации, фиксируют на них взгляд, а затем начинают читать текст [1]. Таким образом, в начальной школе визуальная составляющая учебников потенциально играет особо значимую роль не только и не столько как дополнение к текстовому компоненту, но и как самостоятельный источник информации. Интересно посмотреть, как решается задача включения визуальной культурной информации в структуру учебника разными авторскими коллективами, как иллюстрации используются в учебном процессе.

Одним из способов получения объективных данных о визуальном наполнении учебников является применение корпусных методов для анализа коллекции учебных текстов. В рамках проекта РФФИ был создан (и продолжает пополняться) иллюстративно-текстовый корпус учебников, включающий разметку по лингвистическим и паралингвистическим параметрам.

В данной работе будут изложены результаты первых шагов в анализе культурно-маркированного иллюстративного материала двух полных параллелей учебников русского языка (1–4 класс). Для удобства визуализации и описания данных здесь и далее мы обозначим параллель под редакцией В.П. Канакиной и В.Г. Горецкого [4] как *Канакина* и параллель под редакцией М.Л. Каленчук и Н.А. Чураковой [9] как *Чуракова*. В Таблице 1 представлен общий объем всех проанализированных на данный момент изображений: 4460.

Отдельно следует оговориться об условности параметра *культурная маркированность* визуальных единиц, так как все единицы, включенные в контекст конкретной лингвокультуры, передают культурные смыслы в той или иной степени и не могут быть абсолютно нейтральными. Здесь речь идет о прототипичности образов [13]. Так, в учебнике представлены не просто дом, солнце, медведь, заяц или лиса, а собирательные образы этих объектов и животных с закрепленными именно для русской картины мира характеристиками. Параметр *культурная маркированность* подразумевает некоторую

градиацию, шкалу. Иными словами, какие-то изображения в большей степени соотносятся с конкретной лингвокультурой и в большей степени являются культурно-маркированными (например, изображение *Змея Горыныча* или *печи*), а какие-то можно считать условно нейтральными (например, детали природы: *дерево, дождь*; бытовые объекты: *стол, лампа, машина*).

Параллель (1–4 класс)	Общ. кол-во иллюстраций	Низкая культурная маркированность	Высокая культурная маркированность
Канакина	2946	2500	446
Чуракова	1514	1458	56

Таблица 1. Сводная таблица всего иллюстративного материала по параллелям

При анализе данных Таблицы 1 видно, что иллюстраций с *высокой культурной маркированностью* во всех учебниках в целом по параллелям представлено мало. Это может быть, с одной стороны, связано с общей тенденцией составления учебников, в которых не уделяется должного внимания данному аспекту, а с другой стороны, такое соотношение может оказаться сбалансированным при учете использования ограниченного количества иллюстраций, а также текстового материала, не содержащего социокультурных феноменов. Например, в учебниках *Чураковой* очень много иллюстраций животных, которые в большей степени тяготеют к нейтральности, не отражают культурную информацию. Также разметку затрудняет отсутствие четких критериев *культурной маркированности*. Пока точки на шкале легко определяются только в крайних значениях. Так, изображения, апеллирующие к известным прецедентным феноменам русской культуры, распознаются легко. Обычно в учебниках они сопровождают аутентичные отрывки из произведений русской художественной литературы и фольклора. Также очевидна *культурная маркированность* репродукций известных картин, являющихся частью культурного наследия России (например, «Золотая осень» И.И. Левитана). При этом изображения, которые в большей степени являются нейтральными, обычно представляют собой единичные объекты, реалистичные детали природы, животных и птиц. Срединное положение по параметру культурная маркированность занимают объекты, присутствующие как в русской, так и в других культурах. В учебниках они показаны «русскими глазами», например, типичный среднерусский пейзаж, деревня, изба, девочки поливают цветы, мальчики мастерят скворечник. Такие иллюстрации нельзя однозначно назвать специфичными. В определении наличия имплицитно выраженной культурной информации помогает текст, к которому конкретная иллюстрация относится.

Проведенный анализ не показал устойчивую корреляцию между увеличением количества культурно-маркированных изображений и переходом в старший класс. Тем не менее интересно посмотреть, какой тип иллюстра-

108 | ций чаще является культурно-маркированным. Для этого была детально проанализирована *параллель Канакиной*. Данные представлены в Таблице 2. Подробнее о выделенных типах иллюстраций изложено в статье Т.С. Веселовской и О.Ф. Купрещенко [6].

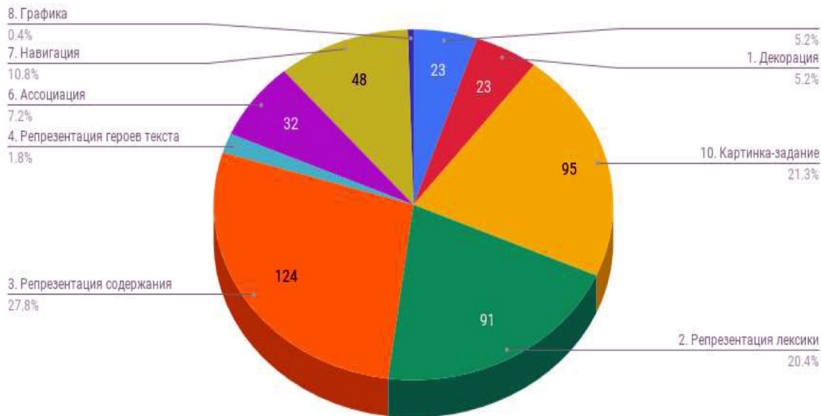

Таблица 2. Соотношение культурной маркированности по типам иллюстраций в Канакиной

Репрезентация содержания и репрезентация лексики показывают наибольший процент иллюстраций с культурной маркированностью (27,8%). Это связано с присутствием в большом количестве аутентичных текстов в учебниках *Канакиной*. Интересно, что навигационные картинки-иконки также могут быть культурно-маркированными. Этот тип достаточно широко представлен в учебниках (10,8 % – без учета повторяющихся изображений). В *Канакиной* все тексты справочной информации сопровождаются небольшим изображением совы как символа мудрости, а письменные задания – изображением гусиного пера как символа усердного письма. Тем не менее данные навигационные значки могут быть не расшифрованы детьми адекватно и требуют отдельного комментария. Закономерно большой процент иллюстраций с культурной маркированностью присутствует у типа ассоциация, так как зачастую к абстрактным лексическим единицам художник приводит русские ассоциации: смелый – богатырь, столица – Москва (и изображение Кремля как символа Москвы).

Раньше визуальный материал был вторичен по отношению к текстовому и носил в большей степени развлекательный характер, выполняя декоративные и навигационные функции [3]. В настоящее время функционал иллюстративного материала стал значительно шире. Они помогают учащимся в усвоении и запоминании учебного материала (мнемоника), репрезентуют лексику, автора и содержание текста, а также выступают в роли отдельного

источника важной информации. В частности, репродукции относятся к типу иллюстрации картинка-задание, который подразумевает наличие одного или нескольких заданий не с текстом, а непосредственно с изображением. Вполне закономерно данный тип иллюстраций имеет высокую степень культурной маркированности (21,3 %).

В методических рекомендациях для учителей включены советы по использованию иллюстративного материала. Например, *Опишите картину. Скажите, какое впечатление произвела на вас картина. Рассмотрите репродукцию картины*. Также ученикам предлагается вспомнить названия известных сказок по иллюстрациям, составить рассказ по картинкам, разгадать кроссворд на основе картинок. Автоматический анализ формулировок заданий показывает, что лемма *рассмотреть* встречается 190 раз в *Канакиной*, что делает работу с изображениями высокочастотной наряду с чтением, говорением и письмом. Также в текстах заданий частотны отсылки к визуальному материалу: *рисунок* (221), *картина* (137), *картинка* (14). Обычно такие задания сопровождают именно культурно-маркированные иллюстрации. Таким образом визуальный компонент активно используется в учебном процессе, активизируя разные навыки и умения.

Предварительные аналитические сведения по корпусу учебников русского языка для младшей школы показывают сравнительно небольшое количество культурно-маркированных изображений в учебниках. Однако заданий с таким типом иллюстраций достаточно много. Это позволяет наметить перспективные направления для дальнейшего исследования и экспериментальной работы со школьниками. Для более полной картины необходимо посмотреть на корреляцию изображений с текстовым материалом (в частности, прецедентными текстами).

Информация, которую младшеклассники получают из учебников, влияет на их представление о себе как представителях конкретной лингвокультуры. Важно исследовать, на каком материале обучаются дети, какой образ России и русской культуры транслируется, как этот образ соотносится с данными по учебникам РКИ. Также кажется немаловажным говорить о сложности восприятия разных типов иллюстраций. Это ставит вопросы об «оптимальности» визуального материала. Влияет ли культурная маркированность на восприятие иллюстрации и текста? Как считают младшеклассники образы, которые имплицитно отражены в изображениях? Для этого нужно проводить отдельные эксперименты (в том числе с айтрекингом).

Литература

1. Айтрекинг в психологической науке и практике / Отв. ред. В.А. Барбанщиков. – М.: Когито-Центр, 2015. 410 с.
2. Выготский Л.С. Проблема возраста. – М.: Педагогика, 1984. 280 с.

- 110 | 3. Гранин Г.Г. и др. Когда книга учит. – М.: Педагогика, 1988. 192 с.
4. Канакина В.П. Русский язык. Коллекция учебников 1–4 класс. Учеб, для общеобразоват. организаций с прил. на электрон, носители / В.П. Канакина, В.Г. Горецкий. 5-е изд. – М.: Просвещение, 2013–2014 гг.
5. Куликова Л.В. Миссия учебника по РКИ в формировании позитивной концептуальной картины мира о России // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2017. – Вып. 1 (61). – С. 53–59.
6. Купрещенко О.Ф., Веселовская Т.С. Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – Вып. 6. Материалы VI РОПРЯЛ (г. Уфа, 11–14 октября 2018 года). – СПб.: РОПРЯЛ, 2018. – С. 1405–1410.
7. Милославская С.К. Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012.
8. Приказ Минобрнауки России от 06.10.2009 N 373 (ред. от 31.12.2015) «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.12.2009 N 15785).
9. Чуракова Н.А., Каленчук М.Л. Русский язык. Коллекция учебников 1–4 класс: учебник / Н.А. Чуракова, М.Л. Каленчук, Т.А. Байкова, О.В. Маляховская. – М.: Академкнига/Учебник, 2013–2017 гг.
10. Федеральный перечень учебников, рекомендованных к использованию при реализации программ общего образования. – URL: <http://www.fpu.edu.ru/fpu/> (дата обращения: 12.02.2019).
11. Herskovits M. Cultural Anthropology. N.Y., 1995.
12. Kress G.R. Literacy in the New Media Age. Psychology Press, 2003. 186 p.
13. Rosch E. H. Natural Categories // Cognitive Psychology. 1973. Vol. 4. No 3. P. 326–350.
14. Tomalin B., Stempleski S. Cultural Awareness. Oxford University Press, 1994.

Veselovskaya T.S.

Pushkin State Russian language Institute

THE VISUAL COMPONENT OF A TEXTBOOK FOR PRIMARY SCHOOL AS A SOURCE OF SOCIO-CULTURAL INFORMATION

The article is devoted to the study of the visual component of textbooks for primary school in order to reflect socio-cultural information. The statistical data on the volume and diversity of culturally-marked images are given, the ways of using this kind of illustrative material in the structure of the textbook, as well as in the tasks for junior pupils are analyzed.

Keywords: Russian language, Russian textbook, textbook corpus, text-image corpus, visualization, culturally-marked material.

«Мир кажимости» в русской и болгарской лингвокультурах

В статье исследуется поле «мир кажимости», показано каким образом моделируется «мир кажимости», очерчиваются его границы. Материал для описания был получен на основе сплошной выборки одноязычных и двуязычных русских и болгарских словарей.

Ключевые слова: лингвокультурология; «кажимость»; русский язык, болгарский язык.

Сопоставительные работы представляют большой интерес для целей межкультурной коммуникации. Именно при сопоставлении двух языков выявляются те «белые пятна» на семантической карте языка, которые незаметны изнутри, например, человеку, владеющему только одним языком.

Каждый язык имеет свои способы концептуализации реальности, которые отчасти универсальны, отчасти национально специфичны, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков.

Понятие языковой картины мира включает две связанные между собой, но различные идеи. Первая: картина мира, предлагаемая языком («наивная картина мира») отличается от «научной» и вторая, каждый язык описывает свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки. Языковая картина мира является «наивной», во многих отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. «Наивность» связана с отражением бытового восприятия вещей в противоположность научному их объяснению и пониманию.

Реконструкция языковой картины мира составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики. [1, с. 766], а одна из современных наук лингвокультурология изучает взаимосвязи и взаимодействие культуры и языка в процессе их функционирования. Сама дисциплина включает исследование речевого поведения, речевого этикета, взаимодействия культуры и языка и текста. Анализируя «мир кажимости», мы понимаем, что через кажимости познается не только видимый мир – таким образом познается человек.

Что есть *кажимость*?

В статье мы попробуем описать, как моделируется «мир кажимости», определить понятийное, семантическое поле – кажимость, очертить его границы, описать, что мы включаем внутри поля. Материал для анализа и сравнения был взят из одноязычных и двуязычных русских и болгарских словарей (толковых, переводных, этимологических, фразеологических).

Во-первых, рассмотрим глагол *казаться*.

Большой толковый словарь (БАС), дает нам следующее значение:

Казаться – безл. кому. Представляется воображению, мысли. Мне кажется, что мы уже где-то встречались. / безл. Чудиться, мерещиться. Ей казалось сейчас, что в доме кто-то ходит;

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой:

Казаться – 3. Являться, возникать в мыслях, в воображении. Ему все время кажутся всякие ужасы, небылицы. Стучат? — Нет, это тебе кажется.

В болгарском языке трудно найти точное переводное соответствие русскому слову – *кажимость*. Самый точный перевод *кажимости* на болгарский язык, можно передать с помощью фразы: «Струва ми се, възделение».

В болгарской лингвистике в отличие от русской семантическое поле кажимости до последнего времени не являлось объектом рассмотрения.

Кажимость – это одна из семантических основ внутреннего мира человека. Значение совпадает с видением мира воображаемого и реального, с видением человека в рамках реальности и фантазии, миром его снов, грез, фантазии. Это – возможный мир между реальностью и ирреальностью. «Мир кажимости» позволяет моделировать мир не таким, каким он есть в реальности, а таким, каким он есть для конкретного субъекта в определенный момент восприятия, то есть каким он кажется, например, мир в его мечтах, воображении.

Э. Кассирер подчеркивает, что теоретическое построение картины мира начинается с того момента, как сознание впервые проводит ясную границу между видимостью и истиной, между просто воспринимаемым или представляемым и истинно сущим, между субъективным и объективным [4, с. 279]. Таким образом, кажимость возникает в условиях неполноты восприятия мира человеком, разного рода «сбоев в восприятии» в действительности.

В языке выделяются категории с различной степенью отклонения от истины: мечта, воображение, фантазия, неискренность, ложь. Среди многообразия форм осмысляемого небытия выделяются такие явления, как сон, сновидение, бред, грезы, искусство. Основной онтологической характеристикой лингвистического феномена кажимость является ее двойная денотативная соотносительность, отражающая две денотативные ситуации – реальную и кажущуюся [5, с.105].

Мы полностью придерживаемся мнения Н.Д. Арутюновой, которая отмечает, что модальность *кажимости* «маркирует то, что не видно, а привиде-

лось, не слышно, а послышалось. Для нее характерен ситуативный антураж сумерек и тумана, снов и сновидений» [2, с. 896].

В работе «Лексико-фразеологическое поле сон/сън – мечта/мечта: русско-болгарские параллели» мы описали лексико-семантическое *сон–мечта*. *Сон* определяется как ‘то, что снится, сновидение’, ‘о том, о чем мечтает человек, то, что воспринимается как нечто нереальное’.

Глагол *сниться* имеет значение как мнимая действительность, «кажимость»: в том или ином виде входит значение несоответствия наблюдаемой картины и действительного положения вещей (грезить, воображать, сниться, мерещиться) [1, с. 762].

Между *мечтой* и *сном* существует и промежуточное *грезы*. Слово *греза* толкуется как ‘мечта, блажь, мнимое видение, игра воображения во сне’. Ему в болгарском соответствует тоже слово, занимающее промежуточное место между ‘*сън и мечта – блян*’, ‘нечто желаемое, возникающее в воображении, мечты’. В Толковом словаре В. Даля слово *греза* толкуется как ‘мечта, блажь, мнимое видение, игра воображенья во сне, речи во сне’. Слово *греза* и мн. ч. *грезы* занимает промежуточное место между синонимами *сон* и *мечта* в их значении ‘сильно желать’. Эти существительные и в русском, и в болгарском языках связаны с однокорневыми глаголами ‘*сниться, мечтать, грезить* и *сънувам, мечтаю, бленувам*’.

Анализ семантического поля *мечта*, в которое также входят синонимы *надежда, чаяние, иллюзия*, показал, что *мечта* – это пожелание относительно будущего, это образ желанного будущего, надежда на лучшее будущее, но в достижимости желаемого нет уверенности. Здесь можно соединить мечту и надежду: *мечта–надежда*, как нечто ожидаемое. *Надежда* – свидетельствует о том, что желание индивида поддерживается верой в его осуществление. Не на последнем месте в поле входит и воображение. «Воображение может концептуализироваться как деятельная часть памяти, участвующая в появлении и вспоминании. Воображение – способность воображать, это мысленное воспроизведение чего-нибудь (мечта, фантазия)» [3, с. 628].

Исходя из сказанного, можем очертить «мир кажимости» следующим образом:

Воображение
Мечта
Сон
Надежда
Фантазия

Тесные исторические связи между русским и болгарским языками предопределяют наличие множества общих мест в лексических единицах и, таким образом, облегчают процесс восприятия другой культуры. Русская и болгарская лексика содержат очень много генетически тождественных слов,

114 | сохраняющих и в наше время большее или меньшее формальное и смысловое сходство [6, с. 157].

Данное описание является одним из начальных этапов разработки семантического представления «мира кажимости» и его сопоставительного анализа по теме диссертации «Мир кажимости в русской и болгарской лингвокультурах: опы лексикографического описания».

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 766 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Брагина Н.Г. И к былям небылиц без счету прилыгал. О границах между памятью и воображением. // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2008. – С. 624–636.
4. Кассирер Э. Собрание сочинений. Т. 2. Мифологическое мышление. – М., СПб: Университетская книга, 2002. – 279 с.
5. Семенова Т.И. Лингвистический феномен кажимости, Дис. канд. филол. наук. – Иркутск, 2007. – 103 с.
6. Червенкова И.В. Об интерференции в области лексики близкородственных языков. – Praga, Sbornik, 1976. – С. 155–159.

Voyslavova S.S.

Pushkin State Russian Language Institute

WORLD OF SEEMINGNESS IN THE RUSSIAN AND BULGARIAN LINGUOCULTURES: EXPERIENCE LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTION

The article explores the «seemingness», describes how the «seemingness» is modeled, outlines its boundaries. The material was obtained of monolingual and bilingual Russian and Bulgarian dictionaries.

Keywords: linguoculturology; seemingness; Russian; Bulgarian.

Рождественский архетип в русской поэзии XX века

Статья посвящена анализу отдельных стихотворений Серебряного века, а также середины и второй половины XX в. с точки зрения теории пасхального и рождественского архетипов мировой культуры. Русская поэзия оказывается разомкнутой в молитвенную традицию Православной Церкви, без знания которой невозможна полная рецепция и интерпретация лирических текстов.

Ключевые слова: молитва, архетип, Серебряный век, Рождество, культурный тип.

Классическое понимание архетипа содержится в психологии: К.Г. Юнг, используя это понятие позднеантичной философии, обосновал свою гипотезу о коллективном бессознательном, состоящем из «мощных психических образов, так называемых архетипов» [5, с. 200]. Таким образом, архетипы представляют собой «врожденные идеи или воспоминания, которые predisполагают людей воспринимать, переживать и реагировать на события определенным образом» [5, с. 200–201]. Согласно другому определению исследователя-литературоведа, архетипы связаны с культурными особенностями: «архетипы... коллективные представления, которые формируются и обретают определенность в том или ином типе культуры» [3, с. 12].

Западнохристианская и восточнохристианская культура отличаются акцентами на различных архетипах: «В западном варианте христианской культуры акцентируется не смерть и последующее Воскресение Христа, а сам Его приход в мир, рождение Христа, дающее надежду на преображение и здешнего земного мира... Приход Христа в мир позволяет надеяться на его обновление и просвещение... пасхальное спасение прямо указывает на небесное воздаяние» [3, с. 21]. Таким образом, рождественский архетип предполагает изменение мира здешнего, в то время как пасхальный – движение от смерти к Воскресению, к миру горнему.

В исследовательской литературе существует точка зрения, согласно которой русская литература в целом строится на пасхальном архетипе: «Русская словесность... имеет православную соборную доминанту, являющуюся выражением пасхального архетипа» [3, с. 115]. В качестве примера приводятся произведения Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, среди поэтических

116 | текстов – стихотворения А.С. Пушкина, который уже незадолго до гибели пришел к своему осмыслению смерти, свободы, покаяния и Воскресения, что и было им выражено в Каменноостровском цикле. Однако, как отмечает уже процитированный выше И.А. Есаулов, русская литература начала XX века изменила эту доминанту: в частности, Серебряный век характеризуется «смещением литургического акцента в сторону Рождества» [3, с. 30]. Поэтика лирики Серебряного века, а также лирики, хронологически выходящей за рамки Серебряного века, строится на стремлении преобразить этот мир через пришествие в него Истины, Добра, Красоты, олицетворением которой является Христос; соответственно, сюжет Рождества выходит на первое место по сравнению с пасхальным сюжетом.

Рождественский архетип выражается в различных литературных формах: начиная с мотива, сюжета, хронотопа и заканчивая рождественским рассказом как особым типом повествования, имеющим особую композицию и средства художественной выразительности. Если речь идет о поэзии, то с точки зрения рождественского архетипа анализируются сюжет, мотив, хронотоп, а также образная система, которая иногда на имплицитном уровне может отсылать к событию Рождества и всему, что с ним связано.

Одним из поэтов Серебряного века, наследовавшим рождественской поэтике, был А.А. Блок (1880–1921). Его стихотворения «Ночь на Новый год», «Три светлых царя из восточной страны...», «Был вечер поздний и багровый...», «Кто плачет здесь? На мирные ступени...», «Сочельник в лесу», «Рождество» (все написаны с 1901 по 1912 гг.) [4, с. 49–56] представляют собой рождественские стихи по тематике, проблематике, изобразительно-выразительным средствам. В контексте представления о рождественском архетипе в культуре из перечисленных показательны два стихотворения: «Кто плачет здесь? На мирные ступени...» (1902) и «Сочельник в лесу» (1912). В первом из них показано то самое преображение здешнего мира, о котором шла речь выше:

Кто плачет здесь? На мирные ступени
Всходите все – в открытые врата.
Там – в глубине – Мария ждет молений,
Обновлена Рождением Христа. <...>
Здесь места нет победе жалких тлений,
Здесь все – Любовь. В открытые врата
Входите все. Мария ждет молений,
Обновлена Рождением Христа [4, с. 52].

В стихотворении «Сочельник в лесу» действие переводится из план земного в план небесный: земное преображение – это прежде всего преображение души, следование истинному пути:

Так легко, как снежный пух,
Рождества крылатый дух
Озаряет небеса,
Сводит праздник на леса,
Чтоб от неба и земли
Светы встретиться могли,
Чтоб меж небом и землей
Загорелся луч иной,
Чтоб от света малых свеч
Длинный луч, как острый меч,
Сердце светом пронизал,
Путь неложный указал [4, с. 53–54].

В этом стихотворении Рождество представляет собой событие встречи, воссоединения неба и земли: когда ранее говорилось о рождественском хронотопе, речь шла именно об этом – если хронология здесь ясна (день Рождества), то топос словно раздваивается, чтобы потом вновь соединиться. Небесный гость – ангел, «Рождества крылатый дух» – «реет лесом», преображая земное пространство; свет земной и небесный встречаются, и между небом и землей появляется новый свет, о котором не говорится напрямую, что это именно Христос. Это характерная и очень интересная черта рождественских стихотворений А.А. Блока – отсутствие Христа на эксплицитном уровне, но при этом Его незримое присутствие. В связи с этим необходимо кратко коснуться поэмы Блока «Двенадцать»: именно ее приводит И.А. Есаулов как пример рождественской поэтики и выражения рождественского архетипа в поэзии начала XX века, указывая на рождественский хронотоп поэмы: «время действия [поэмы] – художественный аналог литургического времени от Рождества до Крещения» [3, с. 292]. Кроме того, исследователь также указывает не просто на отсутствие Христа, но на Его амбивалентность у Блока: «отсутствует как благословение, так и заклятие – именно потому что раздваивается, теряет свою онтологическую цельность сам блоковский образ Христа» [3, с. 307].

Если говорить далее о поэзии XX века, то рождественская доминанта отчетливо прослеживается в поэзии И.А. Бродского, и при том что поэтика его рождественских стихотворений отличается от рассмотренных выше, он все же наследует тому восприятию мира, которое характерно для рождественского архетипа: у Бродского все происходит в земном измерении. Отсюда происходит одна из основных черт его поэтики – эффект фотографичности как попытка запечатлеть настоящее. Рождественские стихи Бродского также фотографичны, так как в них пристальное внимание уделяется предметам, свету (точнее – источнику света), деталям, а также точке зрения в прямом смысле этого слова, потому что стихотворения строятся именно с тех пози-

118 | ций, с которых можно увидеть событие Рождества. И каждый раз это разная точка зрения, угол зрения.

Так, в стихотворении «Рождественская звезда» (24 декабря 1987 г.) первая строфа поэтического текста строится с точки зрения Младенца Христа, в то время как вторая – с точки зрения извне, снаружи:

Ему все казалось огромным: грудь матери, желтый пар
из воловьих ноздрей, волхвы – Бальтазар, Каспар,
Мельхиор; их подарки, втащенные сюда.
Он был всего лишь точкой. И точкой была звезда.

Внимательно, не мигая, сквозь редкие облака,
на лежащего в яслях ребенка, издалека,
из глубины Вселенной, с другого ее конца,
звезда смотрела в пещеру. И это был взгляд отца [1, с. 362].

Однако при внимательном прочтении текста видно, что здесь есть и еще один субъект речи, который видит и Младенца, и звезду одновременно: «Он был всего лишь точкой. И точкой была звезда».

В другом рождественском стихотворении 1989 года поэт прямо призывает читателя представить, визуализировать то, что произошло в ночь Рождества [1, с. 403]:

Представь, чиркнув спичкой, тот вечер в пещере <...>
Представь, чиркнув спичкой, ту полночь в пещере,
огонь, очертанья животных, вещей ли,
и – складкам смешать, дав лицо с полотенцем –
Марию, Иосифа, сверток с Младенцем.

Представь трех царей, караванов движение
к пещере; верней, трех лучей приближенье
к звезде, скрип поклажи, бренчание ботал...

Интересно, что в стихотворении заключен призыв не только к визуализации («Представь, чиркнув спичкой...»), но и обращение к другим органам чувств, то есть действует все то же земное измерение – осязание, вкус, слух: «используй, чтоб холод почувствовать, щели», «...чтоб почувствовать голод – посуду», «скрип поклажи, бренчание ботал», «колокол с эхом в сгустившейся сини». При этом у Бродского выстраивается не вертикаль, а горизонталь: «Господь в Человеческом Сыне / впервые Себя узнает на огромном / впотьмах расстояньи: бездомный в бездомном».

Представленный обзор текстов начала и второй половины XX века, разумеется, является кратким: перспективы более полного анализа рождественского архетипа в поэзии подразумевают также обращение, например, к поэзии Б.Л. Пастернака, которая была скорее ориентирована на пасхальное

мировосприятие: «Если символистам был более близок рождественский культурный архетип, то пасхальный архетип выразился в поэзии Б.Л. Пастернака (в частности, в цикле стихов романа «Доктор Живаго»), не принадлежавшего ни к одному из многочисленных литературных направлений начала XX в.» [2, с. 25]. При этом важно помнить, что речь идет не о «правильности» или большей значимости одного из праздников, но о различных культурных доминантах, свойственных западнохристианскому и восточнохристианскому мировосприятию.

Литература

1. Бродский И.А. Часть речи: Избранные стихотворения. СПб.: Азбука-классика, 2005. – 464 с.
2. Волкова А.Г. Изучение мифопоэтики Серебряного века в духовной семинарии: христианский подход // Христианская педагогика в современном мире. Пензенская духовная семинария; под общей редакцией протоиерея Вадима Ершова. Пенза, 2018. С. 21–27.
3. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. – М.: Крутъ, 2004. – 560 с.
4. Рождественские стихи русских поэтов. М.: Никея, 2014. – 288 с.
5. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб.: Питер, 2008. – 607 с.

Volkova A.G.

Kaluga Orthodox Theological Seminary

CHRISTMAS ARCHETYPE IN RUSSIAN POETRY OF THE 20TH CENTURY

The article contains the analysis of some poems of Russian Silver Age and also of the middle and the second part of the 20th century. The analysis is taken from the point of view of theory of Easter and Christmas archetypes of world culture. The poems use texts of orthodox prayers and the perception and interpretation of them is impossible without getting to know these prayer texts.

Keywords: prayer, archetype, Silver Age, Christmas, cultural type.

Структурно-информативные особенности детективных заглавий и заголовков

Заглавия и заголовки детективных произведений обнаруживают сходные и отличительные черты. Сходные черты обусловлены канонами детективного жанра. Различия, помимо авторского стиля и сюжетной линии, гипотетически могут быть объяснены ожиданиями целевой аудитории, зависящими от культурно-исторической среды.

Ключевые слова: заглавие; заголовок; детектив; структура; читательские ожидания.

Названия произведений детективного жанра в сравнительном аспекте на сегодняшний день имеют невысокую степень изученности. Это может быть обусловлено тем, что актуальность детектива как художественного текста, требующего изучения, возникла не так давно. Несмотря на большое количество почитателей детектива, такие произведения до сих пор считаются второстепенными, «вокзальными».

Материалом нижеследующих наблюдений послужили заглавия и заголовки популярных детективов «Азazelь» Бориса Акунина и «The Hound of the Baskervilles» («Собака Баскервилей») Артура К. Дойля. Обычно название книги именуют «заглавием», а «заголовком» — название отдела или главы, хотя две номинации допустимо употреблять как синонимы.

Упомянутые произведения помимо принадлежности детективному жанру связывает схожий объем и структура (17 и 15 глав соответственно).

Различают их помимо авторов время написания (соответственно — конец 1990х гг. vs начало XX в.), страны создания (Россия vs Великобритания), что влияет на стилистику и тематику (преобладающих в эпоху) типов жанра (конспирологический vs классический детектив), принадлежность различным форматам (роман vs повесть), отдаленность хронотопа произведений от времени и места написания (1876 г. Лондон, Москва, Санкт-Петербург vs 1889 г., графство Девоншир) и т. д.

Синтаксически оба заглавия номинативные. Согласно классификации А.В. Ламзиной, соотносящей заглавия с темой, проблематикой, сюжетом, системой персонажей, деталями, временем и местом действия произведения, заглавия обоих произведений относятся к «кульминационным», т. е. не просто

«задающим сюжетную перспективу произведения», но и «выделяющим важнейший с точки зрения развития действия момент» [5, с. 66]. Заглавие детектива Акунина многозначно и аллюзивно (имя демона, название организации). Многозначность же заглавия повести Дойла (собака – орудие преступления и собака как мифологическое проклятие рода) заключено в рамках произведения. Отметим, что буквальный перевод ‘hound’ – ‘гончая’, ‘охотничья собака, преследующая жертву для изнеможения’, в русской версии не используется, вероятно, в виду положительных коннотаций «аристократизм», «неустанность», присущих содержанию русскоязычного концепта.

Что касается заголовков составляющих частей произведений, в обоих случаях они отражают схему текстовой структуры детектива как вида нарратива, который у У. Лабова и Дж. Валетского включает шесть компонентов: резюме, ориентацию, осложнение, оценку, решение, итог [цит. по 2].

Такие Содержания мы обнаружим, если откроем эти книги:

Б. Акунин «Азazel»	A.C. Doyle «Hound of the Baskervilles»
Глава первая, в которой описывается некая циничная выходка	Chapter 1. Mr. Sherlock Holmes
Глава вторая, в которой нет ничего кроме разговоров	Chapter 2. The Curse of the Baskervilles
Глава третья, в которой возникает «зутулый студент»	Chapter 3. The Problem
Глава четвертая, повествующая о губительной силе красоты	Chapter 4. Sir Henry Baskerville
Глава пятая, в которой героя подстерегают серьезные неприятности	Chapter 4. Three Broken Threads
Глава шестая, в которой появляется человек будущего	Chapter 6. Baskerville Hall
Глава седьмая, в которой утверждается, что педагогика – главнейшая из наук	Chapter 7. The Stapletons of Merripit House
Глава восьмая, в которой нектати вылезает пиковый валет	Chapter 8. First report of Dr. Watson
Глава девятая, в которой у Фандорина открываются хорошие виды на карьеру	Chapter 9. The Light upon the Moor
Глава десятая, в которой фигурирует синий портфель	Chapter 10. Extract from the Diary of Dr. Watson
Глава одиннадцатая, в которой описана очень длинная ночь	Chapter 11. The Man on the Tor
Глава двенадцатая, в которой герой узнает, что у него вокруг головы нимб	Chapter 12. Death on the Moor
Глава тринадцатая, в которой описаны события, случившиеся 25 июня	Chapter 13. Fixing the Nets

Глава четырнадцатая, в которой повествование поворачивает совсем в иную сторону	Chapter 14. The Hound of the Baskervilles
Глава пятнадцатая, в которой убедительнейшим образом доказывается важность правильного дыхания	Chapter 15. A Retrospection
Глава шестнадцатая, в которой электричеству предвещается великое будущее	
Глава последняя, в которой герой прощается с юностью	

Таблица 1. Заголовки частей детективных произведений

В обоих столбцах мы видим заголовки родо-нумерационно-тематического типа [6, с. 11], т. к. они включают в себя определение рода рубрики, самого номера главы и названия темы. Структурно и информативно заголовки разительно отличаются. В романе «Азазель» автором преимущественно используются сложные предложения-заглавия, представленные «союзными формантами сложных предложений» [3, с. 17]. Данные заголовки интригующие, намекающие на события, иногда трудности, переживаемые героями в главе. Большинство заголовков несут эмоциональную и/или оценочную коннотацию. «Глава третья, в которой возникает «зутулый студент», гипотетически передает речевые характеристики немецкоязычного персонажа. (Справедливости ради отметим, что такого типа заголовки характерны для меньшинства книг цикла о Фандорине и автора в целом).

Заголовки английского детектива, единственной детективной повести автора, лаконичны, четки и эмоционально бесстрастны. Краткие номинативные заголовки дойловских глав, имеющие форму слов (N (prop)) и словосочетаний (N (com) + N (prop); N + N; N + of N; N on the N) больше акцентируют наше внимание на месте и времени происходящих событий, на именах героев, на некоторых деталях: «Mr. Sherlock Holmes» / «Мистер Шерлок Холмс» (здесь и далее перевод Н. Волжиной), «Sir Henry Baskerville» / «Сэр Генри Баскервиль», «Baskerville Hall» / «Баскервиль-Холл», «The Stapletons of Merripit House» / «Стэплтоны из Меррипит-Хаус». Следовательно, по классификации А.В. Ламзиной, заголовки «Азазеля» представляют основную тему или проблему и задают сюжетную перспективу, а «Собаки Баскервиль» / «The Hound of the Baskervilles» обозначают время и пространство либо являются персонажными.

Развернутые заголовки романа Бориса Акунина похожи на витиеватые загадки, которые читатель понимает и разгадывает, приближаясь к главной – тайне, которую нам освещает заглавие всей книги – тайны «Азазеля». А у Артура Конан Дойля это детали, которые читатель отложит у себя в голове, чтобы впоследствии сложить из них паззл целиком и попытаться вычислить преступника. Здесь символические, метафорические или эмоциональные заголовки редки.

Возвращаясь к культурно-историческим обстоятельствам возникновения произведений, было отмечено следующее. Повесть «Собака Баскервилей» была написана для целевой массовой аудитории английского среднего класса, а отсюда должна была учитывать ее вкусы и такие ценности как практицизм, пост-викторианская сдержанность в проявлении эмоций, энергия, трезвость, пунктуальность. Не следует забывать также ежемесячный журнальный формат первого издания повести [8].

Феномен книг Б. Акунина в целом и цикла об Эрасте Фандорине в частности дискутируется и требует беспристрастного осмысления в будущем, как и эпоха, когда циклу было положено начало и написан роман «Азazel». На данный момент критиками, социологами и деятелями искусства выделяются такие читательские парадоксальные ожидания, как комбинация искусства и развлечения; динамика событий и устойчивость бытия; эмоциональность и даже страстность, совмещенные с интеллектуализмом и аллюзивностью; необходимость в чувстве патриотизма и осознание трудности жизни в России; интерес к дореволюционному прошлому страны, «которую мы потеряли»; романтизм, слабость и сверхчеловечность главного героя и т. п. [9].

Рассматривая заглавие/заголовок как «свернутый» текст, а любой текст – как «высказывание, включенное в цепь культуры» [4, с. 128], осмелимся предположить культурную обусловленность размера, структуры и семантики заглавия произведений и заголовков глав. Но это предположение требует дальнейшего пристального внимания и изучения.

Литература

1. Акунин Б. Азazel. – М.: ИД Мещерякова, 2013. – 320 с.
2. Андреева К.А. Текст-нарратив: опыт структурно-семантической интерпретации: Учеб. пособие. – Тюмень: ТГУ, 1993. – 110 с.
3. Бахарев Н.Е. Структурно-функциональное развитие заголовков (на материале заголовков из газет и журналов за 1903–1907, 1935–1939, 1965–1970 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата. 1971. 26 с.
4. Корниенко Е.Р. Текст сквозь призму философии М.М. Бахтина // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. – С. 128–133.
5. Ламзина А. В. Заглавие // Введение в литературоведение / под ред. Л.В. Чернец. – М.: Академия, 1999. – 368 с.
6. Мильчин А. Э., Чельцова Л. К. Справочник издателя и автора. – М.: Олимп; АСТ, 1998. – 173 с.
7. Doyle A.C. The Hound of the Baskervilles / ред. В.А. Львов. – М.: Айрис-Пресс, 2016. – 320 с.
8. Викторианская эпоха // Википедия – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Викторианская эпоха](https://ru.wikipedia.org/wiki/Викторианская_эпоха) (дата обращения: 12.01.2019).
9. Сеанс.py – URL: <https://seance.ru/n/23-24/strelyayte-v-pianista-akunin/seansu-otvechayut-9/> (дата обращения: 12.01.2019).

*Vostrikova O.V., Gavrilova L.V.**Pushkin State Russian Language Institute***STRUCTURAL AND INFORMATIONAL PECULIARITIES IN
DETECTIVE TITLES AND HEADINGS**

The titles and headlines of detective works of fiction reveal similar and distinctive features. Similar features are due to the canons of the detective genre. Differences, in addition to the author's style and storyline, can be hypothetically explained by the target audience's expectations contingent on the cultural and historical environment.

Keywords: title; heading; detective; structure; reader's expectations.

Нарушения когерентности в российских политических блогах

В статье рассматриваются нарушения прагматической когерентности в российских политических блогах. Автор дает краткий обзор основных подходов к категории когерентности в отечественной и зарубежной лингвистике на примере политического текста выявляется роль рассматриваемой категории.

Ключевые слова: прагматическая когерентность; политический блог; коммуникация; текст; дискурс.

Блог, как и все остальные средства массовой информации, основанные на языке и языковых знаках, имеет свои особенности, собственный стиль и соответствующую ему лексику. Российский политический блог сочетает в себе основные черты стиля интернет-коммуникации политического дискурса, что важно учитывать при анализе языка политических блогов. Мы рассматриваем нарушения когерентности в российском политическом блоге.

Как отмечает Арутюнова Н. Д., дискурс есть текст плюс коммуникативно значимые обстоятельства, в которых этот текст актуализируется [1, с. 137]. Данное понимание дискурса ведет к прагмалингвистическому анализу рассматриваемого понятия, поскольку прагмалингвистика изучает речь в ситуации реального, в частности интернет-коммуникация. Дискурс в таком случае рассматривается как последовательность речевых актов, как коммуникативное взаимодействие участников общения. На первый план при таком подходе выходят ситуативные характеристики общения и, прежде всего, характеристики участников общения. Если акцент делается на незавершенности коммуникативного акта по сравнению с целым, правильно построенным текстом, то тогда дискурс трактуется как факт устной речи (а текст – как факт речи письменной).

Когерентность определяется в работах Р. Де Боугранда и В. Дресслера как «целостность сознания» и «взаимный доступ и релевантность в конфигурации понятий и связей». По мнению этих авторов, создаваемая в тексте реальность не обязательно должна соответствовать реальному миру, однако все же в текстовой реальности идеи (как в реальном мире) должны быть связаны логически. Это необходимо для того, чтобы читатель или слушатель имели возможность воспроизведения в своем сознании целостности этой реальности [7, с. 84].

Важную роль в российской политической коммуникации сегодня играют социальные медиа, способные стимулировать гражданскую активность в политической жизни. Рассматривая блоги российских политиков, можно заметить, что в последние годы тенденция к профессионализации блогов становится особо заметной. Так, топовые блогеры в сфере политики (Михаил Прохоров, Борис Немцов) использовали помощь профессиональных авторов или коллективов авторов, которые пишут тексты на необходимую тематику [6, с. 29].

Так, если говорить о прагматической когерентности в российских политических блогах, можно заметить, что зачастую стиль и лексика политического деятеля не соответствуют лексическому составу его блога, а, следовательно, можно говорить о нарушении прагматической когерентности блога.

Так, если автор блога имеет конкретную цель, например, баллотируется на важный государственный пост, а его блог содержит информацию, которая не способствует желанию избирателей голосовать за данного политика, или, напротив, информация блога и реальные действия автора этого блога расходятся по значению, то, несомненно, абсолютной прагматической когерентности в блогах политиков, которые ведут свой блог самостоятельно, быть не может. Однако если написанием блога занимаются посторонние лица, например, профессионалы-редакторы, то когерентность более чем возможна.

Не без удивления прочитал сегодня интервью Рифата Шайхутдинова в газете «Известия». Не знал, что в его обязанности на посту председателя федерального политического комитета «Гражданская платформа» входит чтение моих мыслей (блог Михаила Прохорова, Москва, 21.12.2018).

В целом эта запись не отвечает целям политического блога. Политический блог в большей степени направлен на продвижение идей автора и пропаганду оппозиционных ценностей, однако эта запись носит, в некоторой степени, диалогический характер (диалог с указанным лицом).

Планированием своего политического будущего занимаюсь сам и информировать общественность тоже буду самостоятельно (блог Михаила Прохорова, Москва, 21.12.2018).

Блог Бориса Немцова также можно отнести к интернет-коммуникации, в нем также нарушена прагматическая когерентность. Так, в следующей записи очень некорректно выбраны слова для передачи идеи – автор одновременно и хочет и не хочет обвинить соотечественников.

Я уже давно заметил, что любые правозащитные акции малочисленны. Можно долго обвинять соотечественников в бездушии, черствости, близорукости или равнодушии, но факт остается фактом (блог Бориса Немцова, Москва, 20.12.2018).

Таким образом, в текстах российских политиков, и в особенности в текстах тех политиков, которые ведут свои блоги самостоятельно, можно найти

примеры нарушения прагматической когерентности. «Изменился сам стереотип речевого поведения» [3, с.239]. Текст с нарушениями когерентности встречается тогда, когда текст пишется или группой авторов, или автором самостоятельно, но без учета специфики собственного блога, его цели, а также выбранной и возможной аудитории.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. Китанина Э.А. Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей I Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 8–9 февраля 2017. С. 216–223.
3. Китанина Э.А., Божинская Т.Л. Проблема неоднородности общества и социальная дифференциация языка на рубеже XX–XXI вв.//Теория и практика общественного развития. 2009. № 3–4. С. 239.
4. Немцов Б. Е. Россия накануне больших перемен // «Эхо Москвы», запись от 31.12.2014. – URL: <https://www.obozrevatel.com/blogs/95871-rossiya-nakanune-bolshih-peremen.html> (дата обращения: 20.12.2018).
5. Прохорова М. Д. Прохоров удивлен слухами о своем политическом будущем // Блог Михаила Прохорова, запись от 20.10.2014. – URL: <https://mdprokhorov.livejournal.com/126946.html> (дата обращения : 21.12.2018).
6. Щипицина Л.Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск: Поморский университет, 2009. 238 с.
7. De Beaugrande, Robert; Dressler, Wolfgang. Introduction to Text Linguistics. New York, 1996. P. 84–112.

Kitanina E.A., Ghezlbash Niloofar Ghobad

Pushkin State Russian Language Institute

COHERENCE DISORDERS IN RUSSIAN POLITICAL BLOGS

The article discusses disorders of pragmatic coherence in Russian political blogs. The author gives a brief overview of the main approaches to the category of coherence in domestic and foreign linguistics; the example of a political text reveals the role of the category in question, and the author explores the problem of text coherence.

Keywords: pragmatic coherence; political blog; communication; discourse.

Проблемы преподавания словесности: начало XX века

В статье анализируются вызовы времени, с которыми столкнулось литературное образование в России на рубеже XIX–XX веков. По мере развития историко-литературного процесса менялись методы и приемы преподавания словесности как в гимназиях, так и в университетах; трансформировалась методология преемственности обучения от средней к высшей школе. В начале XX века были сформулированы смысловые различия изучения словесности в гимназиях и университетах. Высшая школа опиралась на принцип исторической полноты курса, гимназии – на изучение вершинных произведений, несущих юношеству «нераздельные чувства добра и красоты».

Ключевые слова: литературное образование, вызовы времени, историческая модель преподавания словесности.

В ряду ключевых противоречий, которые пыталась разрешить методика начала XX века, были гипертрофированный курс древнерусской литературы и чрезмерное, а порой, и прямо нежелательное сближение историко-литературных курсов школы и университета. К началу XX века активно формировалась методика преподавания словесности, и развивались сами историко-филологические факультеты, но на протяжении XIX века так было не всегда. Если заглянуть в 50-е годы, то в этот период на филологических факультетах обучались лишь около 7 % от общего числа студентов [1, с. 175]. Не в последнюю очередь это происходило потому, что своеобразным пропуском на факультет была четверка за гимназическое сочинение и оценка «хорошо» за самый сложный гимназический курс классических языков. К началу XX века ситуация меняется, классические языки уходят из средней школы, их замещают новые европейские языки, но уже не в том объеме, что греческий и латинский.

В 1905 году гимназическая программа старших классов отводила на словесность 3 часа в неделю. За 2 года до окончания начиналось чтение и подробный разбор произведений; главной задачей учащегося устанавливалась способность оценивать литературные произведения со стороны логической и эстетической [6, с. 69–71]. За год до окончания гимназии начинался курс истории русской словесности, в принципах подачи и в содержании ощутимо близкий университетскому курсу. Не все в гимназической методике было совершенным: прежде всего, она опиралась на так называемый «сжатый

очерк». Преподавателю не рекомендовалось вдаваться в биографические подробности о писателях; и при критических разборах произведений предлагалось «указывать, прежде всего, их хорошие стороны» [3, с. 230]. Что следовало считать «излишними подробностями», какие стороны были «хороши» или «нехороши» в Программе не упоминалось. Распределение материала в программе было в значительной мере архаичным: в пред выпускном классе изучался курс всей древней русской словесности и авторы до Д.И. Фонвизина; в выпускном – от Н.М. Карамзина до А.Н. Островского. В то же время, в программе 1905 года не было ни раннего М. Горького, ни «Степи» А.П. Чехова, вышедшей в свет в 1888 году. Тем не менее, объем историко-литературного курса в гимназиях расширился. Сопоставление гимназических учебных планов словесности 1872 и 1912 гг. свидетельствует о том, что в начале XX века с пятого класса изучение отдельных художественных произведений сменилось систематическим историко-литературным курсом. По материалам 7-го класса можно судить о том, что в первые десятилетия XX века окончательно меняется содержательное ядро словесности – появляется курс новой отечественной литературы. Материал по русской словесности увеличился, количество часов осталось прежним; учебники, вследствие этого расширения материала, походили, скорее, на энциклопедии. Нежелательность такой энциклопедичности отмечал В.М. Фишер [8, с. 117]. С его точки зрения, проповеди, летописи, сочинения Ивана Грозного не отвечали задачам школьного изучения литературы. Самым важным было развитие в юношестве «нераздельных чувств добра и красоты», и выбор для этого лишь главных, художественно-высоких произведений.

К 1915 году школа созрела для реформы: основным мотивом реформирования стало придание образованию «национального облика». В проекте министра Просвещения П.Н. Игнатьева в средней школе выдвигался новый предметный «локомотив», сменивший классические языки – русский язык и словесность. В проекте отмечалось, что главной задачей является «обогащение учащихся известным запасом литературной начитанности в области, главным образом, отечественной литературы как выразительницы высоких национальных заветов» [4, с. 11]. В проекте 1915 года появляется тезис, который отчасти дифференцировал задачи школы и университета, и на который и теперь опирается методика средней школы – тезис о *нравственной основе* изучения литературы в средней школе. Вместе с тем, в проекте подчеркивалось: история литературы – наука, и должна изучаться в школе путем историко-литературного анализа, способствующего выработке историзма мышления [4, с. 29]. Таким образом, научная направленность преподавания литературы в гимназии напрямую связывалась с методами изучения истории русской литературы уже в университете.

В Российском государственном архиве сохранилась рукописная программа словесности для выпускного класса гимназии, представленная учителем

130 | Гельсингфорсской женской гимназии Марией Бычковой [7, л. 185–187]. Программа рассчитана на 4 часа в неделю; годовое количество часов на словесность – 128. При этом следует иметь в виду, что длительность одного урока в 1917 году составляла 60 минут. В программу введены лучшие произведения русских классиков 60-х гг. XIX века (Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева).

Переходя к особенностям преподавания историко-литературного курса в высшей школе, следует отметить, что до 60-х годов XIX века предмет «словесность» присутствовал на всех факультетах, кроме медицинского. К началу XX века словесность была удалена с «нефилологических» факультетов. Это привело к тому, что отечественная литература потеряла массовую студенческую аудиторию. На рубеже XIX–XX вв. поднимался вопрос о возвращении курса литературы на все факультеты. В частности, профессор Санкт-Петербургского университета А.И. Боргман, писал: «Нет сомнения, что если бы в каждом высшем учебном заведении были открыты курсы словесности, которые давали бы разъяснения для всех сомнений, возникающих в сердцах юношей, то лекции посещали бы с большим интересом. И ничего, кроме аккуратных посещений лекций не требовалось бы: здесь совершенно излишни какие-нибудь экзамены. При этом, – писал ученый, – сами собою бы устранились те затруднения, которые являются при преподавании новейшей литературы в средней школе» [2, с. 69]. Ученый справедливо полагал, что не проясненные в школе вопросы остаются без ответа уже навсегда. Кроме того, А.И. Боргман имел в виду отсутствие логики в том, что обширный историко-литературный гимназический курс не имел никакого продолжения в высшей нефилологической школе. Тем не менее, методологические связи преподавания филологических дисциплин в гимназиях и университетах были очевидны. Так, например, В Московском университете в 1907 году предметы на филологическом факультете разделялись на пропедевтические, основные, практические и вспомогательные. *Пропедевтические курсы* «восполняли» общее среднее образование и готовили к специальному обучению [5, л. 64]. Точным «измерителем» содержания филологических дисциплин были также выпускные испытания. Надо сказать, что такие экзамены проводились комиссиями из преподавателей, не имевших отношения к данному факультету и, соответственно, независимых в своих оценках и суждениях. Архивные данные позволили сопоставить перечень экзаменов для отделения русского языка и словесности Московского университета за 1907 и 1909 гг. В перечне экзаменов за оба года отсутствуют древние языки, и в движении от 1907 к 1909 году очевидным становится расширение литературных дисциплин (имеется в виду появление в экзаменах 1909 года истории западноевропейской литературы) [5, л. 8].

Пользуясь терминологией Л. Гумилева, мы определяем филологическое образование начала XX века как время «цветущей сложности», время активного формирования методики филологических дисциплин. В ряд первостепенных характеристик методики преподавания литературы в средней и высшей школе этого периода должны быть включены следующие:

1. изменение статуса литературы как школьного предмета по отношению к классическим языкам. Лидирующее положение греческого и латинского последовательно заняла русская словесность, меняя предметные приоритеты филологического образования;
2. использование двух подходов к преподаванию словесности в старших классах: нравственно-эстетического и научно-образовательного, призванных соединить гимназическую и университетскую методику;
3. отказ от гипертрофированного курса древней литературы в средней и высшей школе; изменение пропорций курса древней литературы в пользу современной словесности.

Литература

1. Getmanskaya E.V., Mironova N.A., Popova N.A. Literary Education in Russia: Problems and Trends // *Mediterranean Journal of Social Sciences* (MC SER Publishing, Rome-Italy) November 2015, Vol 6 No 6 S1, P. 170–177. – URL: <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/8004>. (дата обращения: 02.02.2019).
2. Боргман А.И. Какие изменения желательны в современной постановке преподавания русского языка и словесности в реальных училищах. – М., 1896. – 72 с.
3. Гетманская Е.В. Преемственные связи среднего и высшего литературного образования в российской методической традиции: диссертация... доктора педагогических наук: 13.00.02. Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2013. – 407 с.
4. Материалы по реформе средней школы // Журнал Министерства народного просвещения. – 1915. Ноябрь. – Часть LX. – С. 1–144.
5. Программы испытаний в историко-филологической испытательной комиссии применительно к учебным планам от 18 января 1907 года (Проект, выработанный ист.-филол. факультетом Московского ун-та). – М.: Тип. Моск. унта, 1909. – 34с. // ЦИАМ, Ф. 363. Оп. 1. Д. 90. Л. 62–79а.
6. Сборник правил и подробных программ для поступления во все учебные заведения на 1907–1908 г. / Сост. Маврицкий В. – М.: Типо-Литогр, 1907. – 298 с.
7. Учебный план по истории литературы для VIII класса // ГАРФ. Ф. 2315. Оп. 1. Д. 10. Л. 185–187.

- 132 | 8. Фишер В.М. О преподавании литературы в средней школе // Педагогическое обозрение. 1912. № 3. – С. 116–132.

Getmanskaya E.V.

Moscow state pedagogical University

**PROBLEMS OF TEACHING LITERATURE:
THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

The article analyzes the challenges of time, which literary education in Russia at the turn of the XIX–XX centuries was faced. As the development of historical-literary process changed methods and techniques of teaching literature in high schools and universities; methodology of continuity of education from secondary to high school was transforming. In the early twentieth century, semantic differences in the study of literature in schools and universities were formulated. The higher school was based on the principle of historical completeness of the course, the gymnasium – on the study of the top works that carry the youth «inseparable feelings of goodness and beauty».

Keywords: literary education, challenges of time, historical model of teaching literature.

Модели перехода относительного прилагательного *русский* в качественное как средство языковой объективации концепта «русскость»

В работе рассматривается роль моделей перехода относительного прилагательного *русский* в качественное прилагательное в формировании концептуального содержания и ценностного потенциала концепта «русскость» в пространстве русской культуры. На материале лексикографических источников, данных Национального корпуса русского языка и Интернет-мониторинга показано, что, став качественным, прилагательное *русский* начинает обозначать духовные и ценностные признаки, присущие русскому национальному характеру.

Ключевые слова: концепт «русскость», прилагательное *русский*, относительные и качественные прилагательные, лингвокультурология, русский язык.

Работа продолжает предпринятое нами исследование концептуального содержания и языкового воплощения концепта «русскость» в пространстве русской культуры [4, с. 25–37]. В настоящем исследовании мы подробно остановимся лишь на одном аспекте языковой объективации данного концепта, который имеет, на наш взгляд, существенную значимость, а именно – на лексико-грамматических процессах, участвующих в формировании концептуального содержания.

Цель исследования – рассмотреть модели перехода относительного прилагательного *русский* в качественное как средство языковой объективации концепта «русскость». Методологической основой исследования выступают принципы анализа языковой концептуализации мира, изложенные в работах [1; 3; 9; 10; 13]. Непосредственным методом исследования является процедура комплексного поуровневого описания концептов, разработанная нижегородскими исследователями [5; 11; 12]. Исследование проводится на материале лексикографических источников, данных Национального корпуса русского языка и проведенного автором Интернет-мониторинга.

Переход относительных прилагательных в качественные является в русском языке одной из стандартных общеязыковых моделей переходности, развиваясь уже с второй половины XVIII века, в основном на основе метафорического

134 | переноса [см. 14 и др.], и активно распространяясь на современном этапе [7]. Важно, что, применительно к интересующей нас теме, этот переход для прилагательного *русский* имеет существенную концептуальную значимость, являясь основой для формирования базовых репрезентаций концепта «русскость».

Исходная лексико-грамматическая характеристика прилагательного *русский* – его вхождение в лексико-грамматический разряд относительных прилагательных, в ряду других прилагательных, обозначающих национальную принадлежность человека (*чешский, английский, китайский* и пр.), с базовым значением «имеющий отношение к восточнославянскому народу, составляющему основное население России». Однако в системе языка, в узусе и в речи это прилагательное получает иные семантические характеристики, связанные с обозначением свойств и признаков психологического, нравственного, ценностного и нормативно-регулятивного типа, присущих русскому национальному характеру. Иными словами, *быть русским* – это свойство человека, могущее осмысляться в большей или меньшей степени, это даже оценка человека по значимым духовно-нравственным основаниям. Все эти смысловые приращения возможны только при условии, когда *русский* функционирует как качественное прилагательное. Именно это мы наблюдаем в ряде контекстов парадигматических и синтагматических особенностей функционирования прилагательного *русский*, в которых возникают вторичные переносные значения слова *русский* в адъективном употреблении в соответствии с механизмами семантической деривации, описанными в работах [6; 8].

В речевой практике носителей русского языка наблюдается языковая реализация аксиологически значимых оппозиций по линии «свой» – «чужой» посредством развития качественно-оценочного потенциала признака *русский* в плане использования его в национальных авто- и гетеростереотипах.

Так, русским можно не только быть по праву национальной принадлежности, но и делаться / становиться русским (русским по духу), делать русским другие лица или объекты. Ср, например, следующие контексты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ): *Можно сказать, что я уже стал русским* (НКРЯ – Георгий Маковецкий. «Хочется в будущем стать не менее успешным тренером, чем игроком» // Известия, 2014.05.15).; *Мне казалось, он вообще стал русским по духу* (НКРЯ – Бодров А.. Экс-полузащитник сборной ЮАР и «Ростова» Джафет Зване: Любить Россию научил Бобо // Советский спорт, 2010.06.17). В этих контекстах, на наш взгляд, слово *русский* нельзя трактовать как субстантив (нельзя стать русским, англичанином, китайцем и пр.). Такие модели употребления возможны только для качественных прилагательных.

Еще одним признаком оценочного «окачества» прилагательного *русский* как выразителя национально-культурных ценностей является возможность его сочетаемости с наречиями качественной оценки (*истинно*

русский S, чисто русский S). Ср. по этому поводу примечание Е.Л. Березович: «У русскости есть и этико-этикетное измерение — **«людскость», умение жить в обществе, общительность**: морд. *расейский* «общительный, доброжелательный» [2, с. 18]. Очень частотны в этом плане коллокации *истинно русский человек; истинно русское сердце* и пр. См. также в Национальном корпусе русского языка: *Это и есть, по их мнению, наш чисто русский путь развития* (НКРЯ – Ирина Прусс. Парты для среднего класса // «Знание-сила», 2013). Сходная модель переходности из относительного прилагательного в качественное реализована в сочетаемости адъектива *русский* с усилительным употреблением определительного местоимения-прилагательного *такой*: «*Мир искусства*» — *изящный, тонкий, благородный и такой русский — в Париже!* (НКРЯ – Виктор Некрасов. Взгляд и Нечто (1977)); *Цель такая высокая, повод такой многозначительный, такой русский, а все эти добрые наши чувства не получают у нас до сих пор ни малейшего русского оттенка...* (НКРЯ – К. Н. Леонтьев. Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 года (1880)).

Также признаком оценочного «окачества» прилагательного *русский* как выразителя национально-культурных ценностей является возможность его сочетаемости с наречиями меры и степени (*очень русский S, совершенно русский S, совсем русский S, почти русский S* и под.): — *Прости, отец, но это какой-то очень русский разговор* (НКРЯ – Зиновий Юрьев. Смертельное бессмертие // «Наука и жизнь», 2007); *Поэтому большинство наших скоробогатых коммерсантов сделало для себя совершенно русский, традиционный вывод: если захотят, то все равно убьют — никакая охрана не поможет* (НКРЯ – Сергей Козлов. Волшебники-недоучки (2004) // «Боевое искусство планеты», 2004.03.11); *Весна совсем русская, тугая, упорная, затяжная, медлительная* (НКРЯ – К. А. Куприна. Куприн – мой отец (1979)); *Софи Марсо холодна и рассудочна, зато натура, снятая в России, кажется поэтичной, а музыка Рахманинова, Чайковского и Прокофьева сообщает фильму почти русский дух* (НКРЯ – Почти смешные кошмарики. Телекино в выходные (2002) // «Известия», 2002.07.12).

Ряд контекстов сочетаемости для вторичных качественно-оценочных употреблений у адъектива *русский* демонстрирует негативную оценочность, означая:

(1) нечто нарушающее норму, отклоняющееся от стандарта, неправильное, но обычно присущее русскому человеку (*русское пьянство; русская тоска*): *Он сказал, что понял, в чем заключается настоящее русское пьянство* (НКРЯ – Сергей Лукьяненко. Ночной дозор (1998)); *И эта русская тоска в сочетании с русским «авось», по-моему, губит нас, делает все безнадежным* (НКРЯ – Владимир Молчанов, Консуэло Сегура. И дольше века... (1999–2003));

(2) небрежное, безответственное отношение к чему-либо, обычно присущее русскому человеку (*русская лень*); *Авtodороги, новые подходы к хозяйст-*

136 | вованию, истощение природных запасов традиционного топлива и сырья, да и просто врожденная русская лень сделали свое дело (НКРЯ – Николай Михайлов. Переславская узкоколейка // «Наука и жизнь», 2009);

(3) невежественный, некультурный, неквалифицированный (*русский Ваня, русская работа*): *От эстонцев я как-то услышал: «русская работа»* (НКРЯ – Проценко Александр экономический обозреватель 'Труда'. Я ВАЗ ЛЮБЛЮ // Труд-7, 2002.08.03).

К словообразовательным признакам качественных прилагательных относится возможность образовать антоним с НЕ и его эквивалентами (*веселый* → *невеселый*, *богатый* → *небогатый* и пр.). Это в норме невозможной для относительных прилагательных – неправильно **недеревянный, невчерашний, некийтайский*. Однако на базе прилагательного *русский* весьма частотны антонимические образования с НЕ- (*нерусский*). Это слово развивает ироническое, стилистически сниженное, метафорическое по природе значение «*Ирон. Неправильный, непривычный, плохой, непонятный*», – которое является типично качественным: *Чего-то ты сегодня нерусский какой-то, жена, что ли, с грузином ушла* (Интернет – «Словарь русского арго» В.С. Елистратова. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/russian-argo/fc/slovar-205-4.htm#zag-7574>).

Причем в производном слове *нерусский* «качественность» еще даже усиливается, что подтверждается возможностью сочетаемости с наречиями степени качества: *совсем нерусский, слегка нерусский* и пр., а также окказиональным образованием превосходной степени *самый нерусский*. См. пример из Национального корпуса русского языка: *Бальмонт, самый нерусский из поэтов, чужестранный переводчик... иностранное представительство от несуществующей фонетической державы...* (НКРЯ – И.Г. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Книга 2 (1960–1965)).

Орфографически это закономерно выражается в слитном написании НЕ с прилагательным. Обратим внимание, что, когда слово *русский* выступает как относительное прилагательное, например, для обозначения национальности (т.е. не переходит в качественное), НЕ с ним, так же закономерно, пишется раздельно: *На свадебном пиру в Грановитой палате Кремля зрелище Марины с вилкой в руках <...> послужило одним из серьезных оснований подозревать, что Лжедмитрий — вообще не русский человек* (НКРЯ – Ольга Бурмина. Удобнее, чем есть руками // «Зеркало мира», 2012): — *Отец Павел нам так и сказал: есть одна девочка в детдоме, хорошая, но не русская* (Дмитрий Виноградов. Родители поневоле // «Русский репортер», № 15 (143), 22–29 апреля 2010, 2010).

В целом проведенное исследование продемонстрировало значительное разнообразие моделей перехода относительного прилагательного *русский* в качественное, что позволяет ему существенно расширить свой семантический потенциал для выражения культурно значимых смыслов и ценностных

приоритетов русского народа. Это, свою очередь, обуславливает базовую роль адъектива *русский* в языковом воплощении концепта «русскость».

Литература

1. Арутюнова Н.Д. От редактора: Вступительная статья // Логический анализ языка: Культурные концепты: Сб. научн. трудов / ИЯ АН СССР; Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991. – С. 3–5.
2. Березович Е.Л. Деривационная семантика русского в русских народных говорах // Русский язык в научном освещении. – 2011. – № 2 (22). – С. 5–32.
3. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз; авт. вступ. ст. Е.В. Падучева. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.
4. Глебова Н.Г. Коннотативно–оценочный потенциал слов–репрезентантов концепта РУССКОСТЬ в современном русском языке // Научный диалог. – 2017. – № 11. – С. 25–37.
5. Горшкова Т.М., Ручина Л.И. Изучение концептов в русской народной сказке (лингвистический аспект) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2003. – № 1. – С. 124–130.
6. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
7. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: кол. монография / Т.Б. Радбиль, Е.В. Маринова, Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева, А.В. Шуმიлова, Е.В. Щеникова, С.Н. Виноградов; под ред. Л.В. Рацибурской. – М.: Флинта; Наука, 2014. – 304 с.
8. Падучева Е.В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. ст. / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 395–417.
9. Радбиль Т.Б. «Семантика возможных миров» в языке Андрея Платонова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. – 1999. – № 13. – С. 137–153.
10. Радбиль Т.Б. Языковая аномальность в русской речи: к проблеме типологии // Русский язык в научном освещении. – 2006. – №1 (11). – С. 77–100.
11. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. – 4-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2016. – 328 с.
12. Радбиль Т.Б., Сайгин В.В. Когнитивные признаки и языковая объективация концепта «добродетель» в современном русском языке // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2 (26). – С. 5968–5971.
13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Академпроект, 1997. – 989 с.
14. Сулименко Н. Е. Современный русский язык: к изучению семантики имен прилагательных: учебное. – Санкт–Петербург: Политехнический университет, 2008. – 240 с.

Glebova N.G.*National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*

**MODELS OF TRANSITION OF THE RELATIONAL
ADJECTIVE RUSSKIY (RUSSIAN) TO QUALITATIVE ONE AS
A MEAN OF THE CONCEPT “RUSSKOST” (“RUSSIANNESSE”)
LANGUAGE OBJECTIFICATION**

The work considers the role of certain models of transition of the relational adjective *russskiy* (Russian) to qualitative adjective in forming of conceptual content and evaluative potentiality of the concept “*Russkost*” (“*Russianness*”) in Russian culture space. On the materials of lexicographic sources, the data of Russian National Corpus and Internet-monitoring the author shows that, while becoming qualitative adjective, the adjective *russskiy* (Russian) began to designate spiritual and evaluative features which are innate to Russian national character.

Keywords: concept “*Russkost*” (“*Russianness*”), adjective “*russskiy*” (“*Russian*”), qualitative and relational adjectives, *linguo-culturology*, Russian language.

Лексическая репрезентация синего цвета в художественных произведениях Л. Н. Андреева

В статье рассматриваются лексические репрезентанты синего цвета в художественных произведениях Л.Н. Андреева, выявлены и проанализированы лексемы: синий, синеватый, синева, синеть, отражающие описание природы, пейзажа, характеристики персонажей, их состояния.

Ключевые слова: лексические репрезентанты, цветообозначения, цвет, языковая картина мира.

Цвет имеет огромное значение для человека, потому что связан с эстетическим и философским восприятием мира. К изучению цвета обращаются исследователи разных направлений – это специалисты естественнонаучных областей знания, архитекторы, дизайнеры, филологи, психологи и др.

Особенный вклад в исследование цвета и его значений внесли лингвисты. Они изучали состав цветообозначающей лексики, ее значение, стилистические функции, проводили сравнительно-исторический анализ цветовых репрезентантов. Цветообозначения могут выступать как отражение языка культуры, отображать национальные особенности.

Стоит отметить особое отношение самого писателя к цвету. Л.Н.Андреев серьезно относился к живописи, сам рисовал картины, иллюстрации к печатным изданиям, а также позировал художнику для создания портрета.

Цель данного исследования – выявление и анализ лексических репрезентантов синего цвета в художественных произведениях Л.Н. Андреева, определение их семантики и основных функций и роли в произведениях автора.

Репрезентантами синего цвета, функционирующими в художественных произведениях Л.Н. Андреева, являются лексемы, относящиеся к таким частям речи, как:

- прилагательное: *синий, синеватый*;
- существительное: *синева*;
- глагол: *синеть*.

Данные нормативных словарей свидетельствуют о том, что значения лексем в словаре совпадают со значениями лексических репрезентантов синего цвета у автора.

Синий – лазоревый, темноголубой, цветом гуще, темнее голубого [1].

Синева – ы, ж. синий цвет, синеватая окраска [2, с. 717].

Синеть – становиться синим, принимать синету, синий цвет [1].

По своему значению репрезентанты синего цвета могут быть представлены несколькими группами.

К первой группе относятся **цветообозначения, использующиеся для создания образа природы**, а конкретизируется синий цвет в образе неба: «Маленькая она стала <...> смотрит на небо, широко открывшее свой *синий* рот, смотрит на кругленькое солнце...» [3, с. 257], «Над головою беззвездное небо мутнело голубым, а на западе <...> *синими* тяжелыми свитками перекинулись неподвижные тучи» [4, с. 9], «Высокое предвечернее небо белесо, и еле проступает на нем *синева*...» [5, с. 318]). В рассмотренных примерах ярко выражена негативная окраска образа неба.

Ко второй группе относятся **цветообозначения, использующиеся для выражения мертвенности человека или близкого к этому состояния**: «По дорожкам расхаживал с палкой *ярко-синий* сторож...» [6, с. 141], «Когда Петька оделся, то был *синий* от холода, как мертвец...» [6, с. 145], «И, страшно бледный, почти *синий*...» [3, с. 278]. А также цветообозначения, являющиеся признаком пьянства: «<...> от постоянного пьянства и от холода нос у псаломщика был *багрово-синий*» [6, с. 534], «<...> иногда мелкие служащие или рабочие, часто подозрительные лица с опухшими или *синеватыми* пьяными физиономиями» (6, с. 145), «<...> изгибаясь с нечеловеческой силой, тянулась к нему *синими* руками и *синим* вздутым лицом. Другого бы напугало это страшное *синее* лицо...» [5, с. 84].

В отдельную группу выделяются **цветообозначения, описывающие предметы одежды**: «По виду Владимир Мазурин был скорее похож на рабочего, чем на студента, носил пиджак поверх *синей* рубахи...» [5, с. 489], «<...> потянулись в церковь и пушкарки, чистые, благообразные, в пиджаках и жилетах поверх красных и *синих* шерстяных рубах» [6, с. 58].

При рассмотрении адъектива *синий*, использующегося для описания одежды, необходимо обратиться к истории русского костюма. Одежда является не только частью внешнего мира, но и мира внутреннего, связана с духовной его составляющей, а также является символом национальной культуры.

Рубаха – атрибут национального русского костюма, ее цветовая гамма связана с определенными, характерными для того времени, особенностями и условиями жизни. Так, синие удлиненные рубахи, обычно дополненные поясом, носили простые люди.

Стремление походить на простого человека отражено в картине «Лев Толстой пашет» Ильи Репина, изображающей графа Льва Толстого в синей мужицкой рубахе во время работы.

Л.Н. Андреев использует в своих художественных произведениях цветовые репрезентанты, чтобы читатель мог полно и ясно представить себе

не только картину событий, но и эмоционально пережить их. Лексические репрезентанты играют важную роль в создании образов героев, описании их эмоционально-чувственного состояния, являются значимым языковым средством, служащим для реализации авторских идей, а также отражают индивидуально-авторскую картину мира. Рассмотренные лексические репрезентанты синего цвета в художественных произведениях Л.Н. Андреева используются автором для описания природы, характеристики персонажей, их состояний.

Литература

1. <http://slovardalja.net/word.php?wordid=37641>.
2. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 стр.
3. Андреев Л. Н. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 2. Рассказы; Пьесы. 1904-1907 / редкол.: И. Андреева, Ю. Верченко, В. Чуваков; Сост. и подгот. текста Е. Жезловой; Коммент. А. Богданова. – М.: Худож. лит., 1990. – 559 с.
4. Андреев Л. Н. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 5. Рассказы; Пьесы 1914-1915; Сатирические миниатюры для сцены 1908–1916 / редкол.: И. Андреева, Ю. Верченко, В. Чуваков; сост. и подгот. текста В. Александрова и Е. Жезловой; коммент. М. Козьменко. – М.: Худож. лит., 1995. – 511 с.
5. Андреев Л. Н. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 6. Рассказы; Повести; Дневник Сатаны. Роман; 1916–1919; Пьесы 1916; Статьи / редкол.: И. Андреева, Ю. Верченко, В. Чуваков; сост. и подгот. текста В. Александрова и В. Чувакова; коммент. Ю. Чирвы и В. Чувакова. – М.: Худож. лит. 1996. – 720 с.
6. Андреев Л. Н. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 1. Рассказы 1898–1903 гг. / редкол. И. Андреева, Ю. Верченко, В. Чуваков; вступ. статья А. Богданова; Сост. и подгот. текста В. Александрова и В. Чувакова; коммент. В. Чувакова. – М.: Худож. лит., 1990. – 639 с.

Golovanova Nadezhda Yurevna

Voronezh State Technical University

LEXICAL REPRESENTATION OF THE BLUE COLOR IN ART WORKS BY L.N. ANDREEV

The article deals with lexical representations of the blue colour in the works of art by L.N. Andreev, the following lexemes are identified and analyzed: blue, bluish, to turn blue, reflecting the description of nature, landscape, characteristics of the characters and their condition.

Keywords: lexical representations, color terms, color, language picture of the world.

Рекламный текст: речевая экспликация эмоциональных проявлений

В статье рассматриваются цели и задачи рекламного текста. На актуальном материале текстов глянцевого журналов выявляются и анализируются способы эмоционального воздействия, используемые рекламодателем в отношении потребителя.

Ключевые слова: реклама, рекламный текст, рекламодатель, потребитель, эмоции.

Реклама сегодня стала неотъемлемой частью нашей жизни, видом деятельности, преследующим основные цели – привлечь внимание и увеличить количество продаж. Сегодня принято говорить о рекламе как о многогранном социально-коммуникативном явлении, сочетающем в себе и языковые, и социокультурные, и психологические, и маркетинговые аспекты. Это «динамично развивающаяся многоступенчатая деятельность, которая включает в себя изучение потребителей, товара или услуги, которые предстоит рекламировать, и рынка, который предстоит освоить; стратегическое планирование целей, определение границ рынка, разработку творческого подхода и планов использования средств рекламы; принятие тактических решений по смете расходов при выборе средств рекламы, разработку графиков публикаций и трансляции объявлений, и наконец, составление объявлений, включая написание текста, подготовку макета, художественного оформления, и их производство» [1, с. 21]. Действенная и эффективная реклама должна выполнять следующие функции: информирование потребителей о предмете рекламирования, формирование имиджа торговой марки, убеждение в необходимости приобретения данного товара среди аналогичных и конкурирующих, напоминание о рекламируемом объекте и т. д. Таким образом, говоря об изучении рекламной коммуникации, необходимо подчеркнуть, что влияние экстралингвистических факторов (интенциональности рекламы в зависимости от ее адресации, коммуникативной ситуации, канала передачи и др.) определяет необходимость коммуникативно-прагматического подхода.

Сегодня имеется немало моделей рекламной коммуникации, которые созданы на основе общих коммуникационных моделей. Например, «модель, описываемая в «Риторике» Аристотеля, состоит из этоса (адресанта), патоса (эмоций потребителя от получаемой информации) и логоса (аргументации).

В 1948 г. американский ученый Г. Лассуэлл предложил свою модель коммуникации, ставшую сегодня «классической»: «кто сообщает? о чем? по какому каналу? для кого сообщение? с каким эффектом?». В модели коммуникации лингвиста Р. Якобсона содержится шесть компонентов: адресат, адресант, сообщение, контекст, код и канал связи» [3, с. 76–77]. Однако эти модели не отражают должным образом процесс рекламной коммуникации с точки зрения упомянутого коммуникативно-прагматического подхода. По мнению Гончаровой Л.М., схема значительно усложняется и включает в себя ряд дополнительных составляющих дискурса, где должен быть обозначен «коммуникативный фон» участников процесса. Кроме того, в рекламной коммуникации обратная связь существует в виде реакции, некоего итога – от ментального действия (ободрение, удивление, улыбка, смех, запоминание, принятие к сведению, раздражение и пр.) до реального (совершение покупки). Учитывая эти особенности, модель рекламной коммуникации представляется нам следующим образом (рисунок 1):

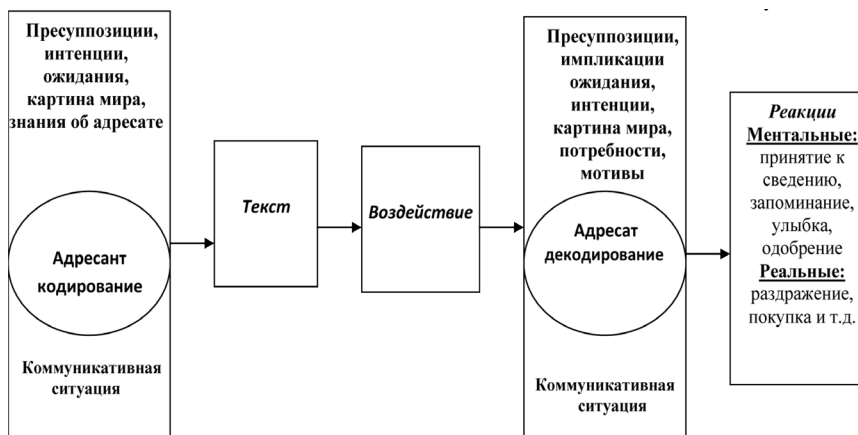

Рисунок 1. Модель рекламной коммуникации

Адресант/рекламодатель должен предвидеть, насколько его текст сможет затронуть потенциального потребителя, «зацепившись» за имеющийся у него опыт, его познавательные, эстетические и прочие запросы. Все это требует определенной информации: об адресате и критериях общения с ним, знания пресуппозиций и пр., с одной стороны, а с другой – предвидение перлокутивного эффекта в процессе коммуникации с адресатом. Вместе с тем, речевые факторы специально закладываются в сообщение рекламодателем, чтобы оказать стимулирующее воздействие на коммуниканта – отсюда использование приемов языковой игры, включение в тексты тропов, применение речевых тактик, использование невербальных средств и т. п. [3, с. 36].

Люди разных возрастов, доходов и профессий, живущие в разных регионах, имеют разные потребности, ценностные ориентиры, как следствие они будут по-разному восприимчивы к аргументации. Однако нередко взаимоотношения покупателя и любой торговой марки строится на эмоциях. Эффективность рекламы зависит от эмоций, заложенных речевой экспликацией. Эмоции управляют решениями, осознанными и неосознанными, влияют на поведение – совершится ли покупка рекламируемого товара или нет. Реклама формирует моду, многие потребности – в любви, в самоутверждении и желании ощутить свою значимость, в романтических отношениях, в потребности в безопасности и т. д.

Мы проанализировали рекламу автомобилей, размещенную в печатных СМИ, выделив несколько типов рекламного текста: информационный, напоминающий и убеждающий. Для анализа взяты печатные глянцевого журналы для женщин и мужчин «Glamour» – ежемесячный глянцевый женский журнал, предназначенный для обеспеченной и высокообеспеченной аудитории в возрасте от 16 до 45+ лет, и «Esquire» – ежемесячный глянцевый журнал, предназначенный для мужчин 25–45 лет с высоким доходом.

Рассмотрим в качестве примера рекламу автомобиля Kia Picanto (Glamour, август 2018). Яркий и дружелюбный заголовок-призыв *“Будем вместе”* олицетворяет автомобиль и представляет его перед читательницей незаменимым другом. Для женской целевой аудитории автомобиль – сложная техника для управления и полного понимания всех деталей. Именно данную мысль хотел развеять рекламодатель, сняв речевую экспликацию *“страха управлять автомобилем в мегаполисе”*, подчеркнув, что с *“Kia Picanto на дороге ты сможешь все”*. В основной части текста нам встречаются следующие языковые средства привлечения внимания: *модное авто – главный аксессуар для горожанки; покрасуешься на дороге; изящный и напористый – настоящий хит; отличный обзор и управляемость; разнообразие вариантов отделки салонов; Kia Picanto – надежный спутник на пути к обновлениям. Ведь он расходует так мало бензина; парковаться в городе – одно удовольствие; самый удобный; боковые зеркала с электрорегулировкой помогут занять удобное местечко; ты бриллиант, которому просто не обойтись без оправы*. Задача рекламодателя – описать то, что хочет получить потребитель, соответственно, необходимо ответить на вопросы *“Что же важно для женщины, которая хочет сесть за руль? Какой это автомобиль? Что в нем должно быть?”*. Анализируемый рекламный текст представлен в виде неформального обращения. Автор описывает автомобиль и его преимущества не только понятным языком, но и делает комплименты будущей владелице. В тексте с помощью языковой игры проиллюстрированы бытовые ежедневные ситуации, связанные с автомобилем (отправиться на шопинг, поехать по делам, парковаться у дома и т. д.), которые создают гармоничную образную картинку реальной жизни.

В анализируемом рекламном обращении используются интенции, закладывающие следующие идеи: исполнение мечты, получение приятных эмоций, доступность, безопасность, прочность, комфорт, красота, экономичность, надежность. Рекламный текст вызывает положительные эмоции: воодушевление, уверенность, доверие, умиление, решительность, чувство безопасности и заботы, предвкушение. Автор текста не только тонко подмечает детали жизни женщины, но и представляет потребительницу как самодостаточную и стильную, напоминая, что автомобиль – главный аксессуар, которого не хватает для завершения образа и идеальной жизни в городе.

Далее рассмотрим в качестве примера рекламу автомобиля Mercedes-Benz E-Класса (Esquire, сентябрь 2018). Заголовок-парцелляция “Новый E-Класс. Интеллектуальная элита” используется для подчеркивания ключевой характеристики автомобиля и придания фразе большей выразительности. В автомобильной рекламе, рассчитанной на мужскую аудиторию, доминирующую позицию занимают внешние и внутренние характеристики автомобиля, которые обеспечивают функциональность и надежность, безопасность, удобство и комфорт: *интеллектуальная революция; бизнес-седан; абсолютный комфорт; широкоэкранный дисплей с комбинацией приборов; рулевое колесо с сенсорными кнопками; высокотехнологичный интерфейс с интуитивным сенсорным управлением; адаптивный круиз-контроль*. Воздействие на социальные установки используется (*бизнес-седан*), чтобы подчеркнуть высокий статус владельца. Покупатель Мерседес-Бенц – уверенный, самодостаточный, интеллектуальный, разбирающийся в машинах мужчина, который желает управлять лучшим автомобилем. Марка входит в топ-10 автомобильных марок и в течение многих лет поддерживает высокий уровень на рынке мировых автопроизводителей. Рекламируемый товар не нуждается в ярких средствах выразительности и описательности, поскольку ключевым является усовершенствование основных технических параметров, что и вызывает положительные эмоции: восхищение и понимание, что автомобиль данного класса подчеркнет статус и идеально впишется в жизнь занятого и обеспеченного владельца. Наиболее сжатый, но максимально полный текст завершается эффектной эхо-фразой “Mercedes-Benz. The best or nothing” (Мерседес-Бенц. Лучшее или ничего), придающей значимость заголовку и подчеркивая уникальность и содержательность этого товара.

Проведенный краткий анализ показал, что рекламные тексты автомобилей для женщин отличает эмоциональный подход, наличие описаний ежедневных ситуаций, простой язык; тексты для мужчин более сдержаны, рациональны и информативны по внутренним параметрам. Необходимо помнить, что не существует универсального подхода к потребителю, как не существует и среднестатистического потребителя. Рекламный текст – это мощное оружие, которым можно влиять на эмоции и манипулировать потребителем

146 | в том случае, если копирайтер знает четкие ответы на вопросы «какая цель у торговой марки» и «кто ее целевая аудитория» и использовать их с учетом всем существующих правил рекламы.

Литература

1. Бердышев С.Н. Рекламный текст. Методика составления и оформления. – М.: Дашков и Ко, 2008. – 252 с.
2. Гончарова Л.М. Рекламная коммуникация сферы туризма: Монография. – М.: ИНФРА–М, 2016. – 158 с.
3. Назайкин А.Н. Эффективный рекламный текст в СМИ. – М.: Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2011. – 480 с.

Goncharova L.M., Serebrenikova E.S.

Pushkin State Russian Language Institute

ADVERTISEMENT TEXT: SPEECH EXPLICATION OF EMOTIONS

In the article there is analysis of the main goals and objectives of advertising text. On the actual material of the texts of glossy magazines are identified and analyzed advertiser's methods to influence the consumer and of creation certain emotions.

Keywords: advertisement, text of an advertisement, advertiser, consumer, emotions.

Тексты песен современных рок-исполнителей как основа для подбора языкового иллюстративного материала на уроках русского языка в старших классах школы

В статье рассматриваются тексты песен современных российских рок-групп, созданных в 1980–1990-х гг. XX века, в качестве иллюстративного материала для урока на тему «Изобразительно-выразительные средства русского языка» в старших классах.

Ключевые слова: урок русского языка, тексты песен, рок-группы.

Принятые ФГОС нового поколения предполагают внедрение современных подходов при определении содержания предмета русский язык в школе. Это означает, что нужно, сохранив все лучшее, что накоплено в методике преподавания за предыдущие годы, направить устремления на подбор и использование на уроке русского языка нового, интересного современным школьникам материала.

В данной статье представлены идеи работы на уроке русского языка в старших классах с материалом песен современных рок-исполнителей. Тема урока: «Изобразительно-выразительные средства русского языка» очень важна для старшеклассников, так как материал по ней включен в ЕГЭ. Примеры тропов и стилистических фигур были взяты из текстов песен российских рок-групп, созданных в 1980–1990-х гг. XX века.

Принимая во внимание то, что анализ уже существующих материалов к урокам по предложенной теме показал однообразие, а часто цитирование одних и тех же текстов из урока в урок, мы считаем возможным говорить о том, что отсутствие ярких примеров, одинаковый подбор материала из классической литературы XVIII–XX вв. снижает интерес учеников к эмоционально и интеллектуально значимым ценностным явлениям родного русского языка. И как следствие, урок часто проходит рутинно и однообразно в том числе и потому, что тексты классиков русской поэзии и прозы XVIII–XX вв., кажутся ученикам чем-то далеким и неактуальным. Другое дело – исполнители авторской рок-песни, которые сейчас живут рядом с нами, на концерты которых мы можем сходить.

Наш выбор пал на произведения российских рок-групп 80–90-х гг. XX века, так как они уже стали классикой советской и постсоветской песенной поэзии, частью русской культуры. Эти песни являются связующим звеном поколений, живущих во времена достаточно сложного момента для русского языка и литературы. Но при всех трудностях для нас несомненным является факт постоянного обогащения и развития русской словесности, к которой старшеклассники должны приобщаться, в том числе и через тексты современных авторов-песенников, которые являются важной страницей русской литературы.

Далее в нашей статье мы хотим представить план урока для старших классов по теме «Изобразительно-выразительные средства русского языка (на материале текстов песен современных рок-групп)».

Учитель приветствует учеников, озвучивает тему урока. Он напоминает, что изобразительно-выразительные средства языка делятся на синтаксические фигуры и тропы. Учитель спрашивает класс, что такое тропы. (*Ученики отвечают*). Учитель предлагает вспомнить виды тропов, которые были изучены ранее. (*Ученики называют виды тропов*). Учитель предлагает разобрать тропы на примере песен российских рок-групп 80–90-х годов XX века.

Сравнение

Туман над Янцзы.

Душистый, *как шерсть*

Небесной лисы. (Песня «Туман над Янцзы» группы «Аквариум»)

И ты в песке, *как будто в бронзе* (Песня «П.М.М.Л.» группы «Земфира»)

Метафора

«От края до края *небо в огне* сгорает

И в нем исчезают все надежды и мечты,

Но ты засыпаешь, и ангел к тебе слетает,

Смахнет твои слезы, и во сне смеешься ты.

Засыпай на руках у меня, засыпай,

Засыпай *под пенье дождя,*

Далеко, там, где неба кончается край,

Ты найдешь потерянный рай» (Песня «Потерянный рай» группы «Ария»).

Олицетворение

«И есть чем платить, но я не хочу победы любой ценой.

Я никому не хочу ставить ногу на грудь.

Я хотел бы остаться с тобой, просто остаться с тобой,

Но высокая в небе *звезда зовет меня в путь*» (Песня «Группа крови» группы «Кино»)

Гипербола

«Выпивали моря из лужи» (Песня «Галя, ходи» группы «ДДТ»)

Эпитеты

«Под *небом голубым* есть *город золотой,*

С прозрачными воротами и яркою звездой.

А в городе том сад, все травы да цветы;

Гуляют там животные невиданной красоты.

Одно – как **желтый огнегriвый лев**,

Другое – **вол, исполненный очей**;

С ними **золотой орел небесный**,

Чей так светел **взор незабываемый**) (Песня «Город» группы «Аквариум»)

«Осенняя буря шутя разметала

Все то, что душило нас пыльной ночью.

Все то, что давило, играло, мерцало

Осиновым ветром разорвано в клочья

В последнюю осень) (песня «В последнюю осень» группы «ДДТ»)

Далее учитель переходит к работе по осмыслению стилистических фигур в художественных текстах. Классу задается вопрос, что такое стилистические фигуры, какие виды стилистических фигур ученики помнят. (*Ученики отвечают*). Учитель предлагает проанализировать примеры.

Оксюморон

«Ты дарила мне розы – розы пахли полынью»

«Ты любила холодный обжигающий виски» (Песня «Ты дарила мне розы» группы «Ночные снайперы»)

Анафора

Белая как выпавший снег,

Белая как темная ночь,

Белая как сакура весной,

Милосердная, но не может помочь (Песня «Белая» группы «Аквариум»).

Параллелизм

«Потому что другие здесь не вдохновляют

Ни на жизнь, ни на смерть, ни на несколько строк;

И один с изумлением смотрит на Запад,

А другой с восторгом глядит на Восток) (Песня «Электрический пес» группы «Аквариум»)

Учитель обращает внимание на то, что чаще всего в произведении встречается не одно, а несколько изобразительно-выразительных средств, предлагает найти их в тексте песни «Поколение дворников» группы «Аквариум».

«И наши отцы никогда не солгут нам.

Они не умеют лгать,

Как волк не умеет есть мясо,

Как птица не умеет летать».

Ответ: ирония, оксюморон, сравнение.

После повторения и закрепления различных тропов и синтаксических фигур учитель предлагает выполнить задание: соединить названия изобразительно-выразительных средств и пример (здесь дано уже готовое задание).

Сравнение

«Я свободен, **словно птица в небесах**,

Я свободен, я забыл, что значит страх.

Я свободен с диким ветром наравне,
Я свободен наяву, а не во сне!» (Песня «Я свободен» группы «Ария»)

Эпитеты

«Есть одно слово,
Которое сложно сказать
Но скажи его раз, и *железная клетка* пуста
Останется ночь, останется *снежная степь*
Молчащее небо и северная звезда» (Песня «Еще один раз» группы «Аквариум»).

Метафора

«Вместо тепла – *зелень стекла*, вместо огня – дым,
Из сетки календаря *выхвачен день*.
Красное *солнце сжигает дотла, день догорает* с ним,
На пылающий город падает тень» (Песня «Перемен» группы «Кино»).

Олицетворение

Первая звезда мне сказала: «Ты первый».
Ветер научил меня ходить одному.
Поэтому я до сих пор немножечко нервный –
Когда мне говорят: «Смотри – счастье»,
Я смотрю туда и вижу тюрьму (Песня «Брод» группы «Аквариум»).

Оксюморон

«Снова за окном инфернальный век
Бродит по земле мертвый человек
Машет кистенем кто еще живой
Фары глаз горят во тьме, *вертит головой*» (Песня «Мертвый человек» группы «ДДТ»)

В конце урока учитель предлагает ученикам в качестве **домашнего задания** проанализировать текст песни любимого исполнителя, найти в ней все стилистические фигуры и тропы.

Литература

1. Гребенщиков Б. Песни БГ. – М., 2018. – 800 с.
2. Лиходеев В., Бархударов А. Эта музыка будет вечной. – М., 2000. – 65 с.
3. Кормильцев И., Бутусов В., Самойлов Г., Умецкий Д. Поэты русского рока. – М., 2004. – 496 с.

Gorbich O.I., Slepentseva A.O.

Pushkin State Russian Language Institute

LYRICS OF MODERN ROCK ARTISTS AS THE BASIS FOR THE SELECTION OF LANGUAGE ILLUSTRATIVE MATERIAL IN THE RUSSIAN LANGUAGE LESSONS IN HIGH SCHOOL

The article deals with the lyrics of the songs of modern Russian rock bands, created in the 1980–1990s XX century, as an illustrative material for a lesson on the theme «Graphic and expressive means of Russian language» in high school.

Keywords: Russian language lesson, lyrics, rock bands.

Концепт «Деньги» в национальном языковом сознании восточных славян

Статья посвящена лингвокогнитивному исследованию ассоциативной сферы «Деньги» в русском, белорусском и украинском языковом сознании по лексикографическим данным Славянского ассоциативного словаря.

Ключевые слова: лингвокогнитивный анализ, концепт, деньги, языковое сознание, ассоциаты.

Энциклопедические, толковые, финансовые и экономические словари дают определение денег как экономической и финансовой категории, но они не вполне отражают обыденное сознание людей и их отношение к деньгам. Ю.Н. Караулов, основатель ведущей научной школы «Русская языковая личность», писал, что ассоциативный словарь “дает картину сочетаемости слов в живой речи носителей языка, <...>, в нем можно найти элементы наивной языковой картины мира и черты национального характера” [6, с. 2].

Задачей нашего исследования будет выявить общее и различие в речемыслительной деятельности исторически братских восточнославянских народов — русских, белорусов и украинцев. В данной работе мы рассмотрим и проанализируем в рамках лингвокогнитивной концептологии научной теоретико-лингвистической школы Воронежского университета [4] языковые реакции носителей (ассоциаты, симиляры [4, с. 44], лексемы) на стимульное слово «деньги». Источником исследования послужили лексикографические данные Славянского ассоциативного словаря (САС) [8].

Мы исследуем лингвокультурный концепт «Деньги» в русском, белорусском и украинском языковом сознании, исходя из того, что “языковое сознание — опосредованный языком образ мира той или иной культуры” [8, с. 6]. Мы отнесли концепт «Деньги» к лингвокультурному концепту, основываясь на ценностном отношении к нему носителей восточнославянских языков [4, с. 77]. Используя основные методы исследования концептов (описательный метод, метод полевого моделирования, лингвокогнитивный анализ) Воронежской научной школы когнитивной лингвистики [4], мы проанализируем, как множество языковых реакций на стимул «деньги» отразили индивидуальное и общее сознание и национальную культуру восточнославянского народа.

Основу исследования составили письменные ответы испытуемых — носителей восточнославянских языков, участвовавших в массовом

152 ассоциативном эксперименте в конце прошлого столетия (1998–1999 годы) [8, с. 5].

Итак, концепт «Деньги» сформировал ядро национального сознания восточных славян, также как и «жизнь», «человек», «любовь», «радость», «друг», «счастье», «добро», «смерть», «большой» [8, с. 7]. То есть, стимульное слово («деньги») вызвало в ответах испытуемых большое число языковых реакций и по частотности вошло в первую десятку слов, вызвавших наибольшее количество ассоциатов.

Ассоциаты	Частотность ассоциатов		
	в русских языковых реакциях	в белорусских языковых реакциях	в украинских языковых реакциях
Много	45	28	17
Богатство	30	51	25
Зло	26	12	14
Большие	25	14	30
Власть	24	6	22
Кошелек	17	23	11
Мало	14	20	7
Доллары	11	21	5
Зеленые	10	5	9
Золото	10	11	1
Нужны	10	4	5
Время	9	—	—
Жизнь	8	8	6
Счастье	8	4	2
Радость	2	7	5
Работа	4	7	3
Достаток	4	4	7
Бумага	5	7	3

Таблица 1. Частотность ассоциатов на слово «деньги» в русских, белорусских и украинских языковых реакциях

Анализ табличных данных выявил схожесть ответов испытуемых, что свидетельствует об их языковой общности. Несущественные различия показателей абсолютной частотности в языковых реакциях носителей указывают на социально-экономические особенности жизни в разных государствах — России, Беларуси и Украине.

Применив метод полевого моделирования ко всей совокупности ассоциатов денег, мы получили три полевые модели структуры концепта «Деньги».

Структура концепта	Ассоциаты русских	Ассоциаты белорусов	Ассоциаты украинцев
Ядро	Много	Богатство	Большие
Околяядерная зона	Богатство, зло, большие, власть	Много, кошелёк, доллары, мало	Богатство, власть
Ближняя периферия	Кошелёк, мало, доллары, зеленые, золото, нужны	Большие, добро, зло, золото	Много, зло, заработанные, грязные, кошелёк
Дальняя периферия	Время, хорошо; жизнь, рубли, счастье; бумажные, мусор, нет, все, грязные; бабки, бумага	Жизнь, нет, не хватает; покупки, бумага, работа, радость; доллар, копейки, необходимость, власть,..., благосостояние, достаток, несчастье, счастье,...	Зеленые, бумага; достаток, мало; жизнь, малые, мои, несчастье; благосостояние, доллары, нужны, радость, ...
Крайняя периферия			

Таблица 2. Полевые модели структуры концепта «Деньги» в русском, белорусском и украинском языковом сознании

Лингвокогнитивный анализ и моделирование структуры ключевого концепта выявили, что общим для восточнославянских народов является оценочная интерпретация денег в их общем и индивидуальном сознании и устойчивая связь денежной ценности с их большим количеством. В полевой структуре концепта выявляются общие для всех, повторяющиеся лексемы — *много, большие, богатство, власть, кошелёк, зло, золото, доллары, радость, добро* и т.д. Стоит отметить принадлежность этих и других ассоциатов к разным слоям в структуре концепта. Так, если у русских и украинцев центральная ядерная зона представлена количественными симилярами — *Много, Большие*, то для белорусов важна качественная оценка денег. В их сознании деньги, в первую очередь, связаны с *Богатством*, а не с их количеством. Преобладание такой однозначной оценки денег в языковых реакциях носителей, как *власть*, также сближает мышление украинцев и русских, а для белорусов важно оценить — *много* или *мало* денег, деньги — *добро* это или *зло*.

Многообразие индивидуальных признаков в языковых реакциях носителей, представленных единичными примерами объективизации в крайней периферийной зоне структуры концепта, свидетельствует о ценностном отношении народа к деньгам. Сохраняется противоречивость в обыденном сознании по отношению к деньгам [2, с. 81–82], проявившаяся в разного вида оппозициях: *много – мало; жизнь – смерть; радость – скорбь; счастье – горе, беда; свои – чужие; есть – нет; заработать – потратить; добро – зло; все – ничего; любовь – ненависть; богатство – бедность, нищета; богач – банкрот; свобода – зависимость* и др.

Общим в ассоциациях русских и белорусов является наличие устойчивых выражений со словом «деньги» — паремий. По мнению белорусов, “чем больше (денег), тем лучше; счастлив не тот, у кого много, а тот, кому хватает; счастья без них не может быть” [8, с. 86]. У русских деньги — это время, бешеные (деньги), “на ветер”, “на бочку”. Для украинцев обладание деньгами связано с ощущением счастья, также как у русских и белорусов, но для них важнее душа [8, с. 87] человека. В сознании испытуемых деньги метафоричны. В славянском народном мышлении они связаны прежде всего с *водой, рекой* — “*текут и уплывают*”, как вода, а также и с *горой* (у русских и белорусов) — *сыпятся, с ветром* (у украинцев). Однозначна ассоциация денег с мусором у всех восточных славян. Номинативное поле денег в языковом сознании устойчиво в ассоциациях, обозначающих названия национальных валют: *рубли и доллары*, белорусские *зайчики* и украинские *гривны*. Все опрошенные отмечают любовь к деньгам и спокойствие у их обладателя, сходятся во мнении, что деньги — это роскошь, средство существования, заработать, жизнь, машина (автомобиль) и прочие жизненные блага.

Единичные языковые реакции, встречающиеся у представителей одной народности, следующие: у русских — эквивалент (обмена), море, муж, богатство и сила, декабрь, у белорусов — приходят и уходят, у президента, зависть, кровавые, капитал, риск, курс, новый белорус, кризис, банкрот, бомж, у украинцев — душа, война, перспектива, бунгало, скорбь, фантики, ветер, согласие. Они свидетельствуют о национальных и культурных различиях в общественно-экономической жизни русских, украинцев и белорусов.

Проведенный нами анализ выявил много общих (схожих и одинаковых) языковых реакций на стимульное слово «деньги» у представителей восточнославянских народов, что указывает на их исторические родовые корни, а также на прежний общий алфавит, происходивший из первой славянской азбуки, созданной Кириллом и Мефодием.

Литература

1. Белазаp. Русско-белорусский онлайн-переводчик. [Электронный ресурс]. – URL: <http://belazar.info/> (дата обращения 31.01.2019).
2. Григорьева Т.В., Зайцева М.В. Когнитивная интерпретация концепта «Деньги» в русском языковом сознании конца XX века // «Межкультурная ↔ Интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода»: материалы VII Международной научно-практической конференции (Уфа, 6–7 декабря 2018 г.). – Уфа, 2018. – С. 79–82.
3. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. — Воронеж, 2001. — С. 75–80.

4. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: учебное издание. – М., АСТ: «Восток–Запад», 2007. – 314 с.
5. Проблемы организации внутреннего лексикона человека: учебное пособие / Залевская А.А. – Калинин: КГУ, 1977. – 83 с.
6. Русский ассоциативный словарь. Том 1. Часть I. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. – Сер. Ассоциативный тезаурус современного русского языка / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др. — М.: 1994. – 224 с.
7. Скарник. Электронный русско-беларусский словарь. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.skarnik.by/belrus/> (дата обращения 31.01.2019).
8. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. – М.: 2004. – 792 с.
9. Электронный учебный украино-русский словарь [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dict.com/> (дата обращения 31.01.2019).

Grigoryeva T.V., Zaitseva M.V.

Bashkir State University

THE CONCEPT OF «MONEY» IN THE NATIONAL LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF THE EASTERN SLAVS

The article is devoted to the linguocognitive research of the associative sphere of «Money» in the Russian, Belorussian and Ukrainian language consciousness according to the Slavic associative dictionary's lexicographic data.

Keywords: linguocognitive analysis, concept, money, language consciousness, associates.

Методика работы на иноязычных коммуникационных платформах как средство формирования языковой личности

В работе рассмотрена методика обучения прикладной переводческой деятельности с использованием профессиональных и социальных медиа, приведена классификация иноязычных коммуникационных платформ. Описана практика внедрения средств цифровой дидактики в образовательный процесс вуза, сформулированы основные понятия дисциплины «Компьютерное обеспечение переводческой деятельности», приводится текст входного анкетирования студентов по вопросам владения коммуникационными технологиями.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, коммуникационные технологии, коммуникативная ситуация, профессиональные компетенции переводчика, иноязычное речевое общение.

В эпоху цифровой дидактики преподаватели вузов разрабатывают интерактивные системы контроля знаний, реализованные в специализированном программном обеспечении, что способствует повышению мотивации освоения специализированных переводоведческих дисциплин. В контексте обучения корректной межкультурной коммуникации, являющейся важнейшей профессиональной компетенцией переводчика, иноязычные коммуникационные платформы выступают одним из основных средств совершенствования умения работы с устным текстом, а также формирования навыков перевода интервью и полилога.

Приведем пример образовательного модуля «Компьютерное обеспечение переводческой деятельности» («КОПД»), разработанного для студентов 4 курса Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета (направление 45.03.02 «Лингвистика. Перевод и переводоведение»), один из разделов которого посвящен освоению современных иноязычных коммуникационных платформ, а также прикладной (переводческой, редакторской) деятельности в области языковой, профессиональной и социокультурной коммуникации. В соответствии с практико-ориентированной концепцией освоения программы задания выполняются студентами в последовательном либо параллельном режимах по блок-схемам, передаваемым в электронном виде: комментированные интерактивные глоссарии,

лексикографические базы данных, эссе-презентации, компаративный анализ и типологизация корпусов текстов, устный перевод с использованием ПО.

Очертим семантическое поле данной публикации, уточнив, что «в настоящее время разграничиваются межкультурная коммуникация как теоретическая наука (теория межкультурной коммуникации) и межкультурная коммуникация как прикладная наука, ориентированная на формирование межкультурной коммуникативной компетенции носителей того или иного языка» [2, с. 231]. Согласимся с формулировкой Э.Г. Азимова и А.Н. Щукина, определившими понятие коммуникации через коммуникативную ситуацию как «конкретную ситуацию общения, в которую входят партнеры по коммуникации; определяющую речевое поведение, способы реализации коммуникативной интенции и являющуюся неречевым компонентом процесса общения» [1, с. 99]. Для дисциплины «КОПД» имитация коммуникативной ситуации как ситуации профессиональной коммуникации переводчика рассматривается как общение с иноязычным коммуникантом, «порождающим высказывания (тексты) и интерпретирующим их».

В современном понимании компьютерное обеспечение переводческой деятельности подразумевает цифровые материалы следующих типов: информация (иноязычные электронные ресурсы), коммуникация (аутентичные коммуникационные платформы) и специализированное программное обеспечение переводчика (системы CAT и MAT, лексикографические базы данных и т.д.). Приведем классификацию электронных систем В.Н. Шевчука, необходимых для освоения и профессионального использования лингвисту и переводчику: «информационные – системы, которые обеспечивают автоматический поиск лингвистической и экстралингвистической информации в Интернете, а также управление информационными потоками (энциклопедии, электронные библиотечные каталоги, банки терминов, серверы поиска и т. д.); переводческие – системы машинного перевода типа PROMT, Translation Memory, StyleWriter, Transcheck и т. д.; коммуникационные – системы, которые обеспечивают общение переводчика с заказчиком через электронную почту и с коллегами через переводческие порталы и сайты» [3, с. 18].

Остановимся на иноязычных коммуникационных платформах – ресурсах для общения с носителями языка, приобретения знаний по лингвокультурологии, а также формирования и совершенствования таких профессиональных компетенций переводчика, как коммуникативное аудирование, симультанная трансформация и устный перевод. На практических занятиях по дисциплине «КОПД» (раздел 2: «Онлайн коммуникация на иностранном языке») студенты изучают перечисленные далее ресурсы.

Приведем примеры изучаемых многоязычных коммуникационных платформ, которые условно можно разделить на 3 типа: образовательные, профессиональные и социальные медиа.

1. Международный проект «InterPals Penpal» (<https://www.interpals.net/>) является открытым сетевым ресурсом, разработанным для изучения иностранных языков. Преимущество проекта состоит в том, что пользователи имеют возможность не только переписываться на изучаемых языках, но также общаться в режиме видеосвязи, разяснять друг другу социокультурные реалии и сложные случаи перевода терминов и понятий. Следует отметить, что в процессе коммуникации можно услышать различные варианты языка, диалекты, фонетические особенности и составить представление о лингвистической карте мира. 2. Для студентов, имеющих высокий уровень владения устной речью, будет интересен и полезен коммуникационный ресурс «Sharedtalk.com» (<https://www.rosetastone.eu/>) – социальная сеть, предназначенная для пользователя, предпочитающего онлайн режим общения и предоставляющая возможность оптимального выбора собеседника по профилю – параметрам возраста, пола, образования, интересов и т.д. Несомненно, ресурс полезен студентам-лингвистам. 3. Социальная сеть «Italki» (<https://www.italki.com/home>) содержит платформу для разработки инструментов интерактивного тестирования и креативных заданий. Пользователи имеют возможность создавать тематические группы, выступать в роли преподавателя и студентов, вступать в онлайн коммуникацию в формате чатов и форумов. Необходимо отметить, что ресурс строго контролируется с точки зрения тематики сообщений (лингвистика, перевод и изучение СК реалий), а создание групп администрируется.

Безусловно, до начала работы на данных коммуникационных платформах проводится входное анкетирование по вопросам владения коммуникационными технологиями. На основании полученных данных для каждой группы студентов разрабатывается образовательный маршрут и создается банк коммуникационных инструментов и ресурсов. Далее приводятся основные вопросы анкеты, позволяющие определить уровень знаний и мотивацию освоения раздела 2 «КОПД» (Таблица 1).

I	Какой тип онлайн-коммуникации Вы предпочитаете для профессионального общения?
1	Мгновенную переписку (e.g. WhatsApp)
2	Отложенную переписку (e.g. Gmail)
3	Общение на форумах
4	Голосовое общение (e.g. Viber)
5	Общение в видеоформате (e.g. Skype)
II	Какова цель Вашего онлайн-общения на иностранном языке?
1	Улучшить навыки письменной речи
2	Улучшить навыки аудирования/говoreния
3	Познакомиться с разговорным языком и современным сленгом
4	Лучше понять культуру и менталитет страны изучаемого языка
5	Найти новых собеседников за рубежом

III	На каком иностранном языке у Вас есть опыт онлайн-общения?		
1	английском	немецком	
2	французском	испанском	
3	итальянском	китайском	
4	японском	другое	
IV	Какой способ Вы используете для общения?		
1	Переписка по email		
2	Переписка в социальных сетях (Facebook, ВКонтакте)		
3	Переписка в мессенджерах (WhatsApp, Line, etc.)		
4	Общение на форумах		
5	Голосовое общение (Skype)		
6	Случайный онлайн чат (Chatroulette)		
V	Какими программами, приложениями и социальными сетями Вы пользуетесь для онлайн-общения на иностранном языке?		
1	Skype	Snapchat	LinkedIn
2	WhatsApp	Facebook	LiveInternet
3	Viber	В Контакте	Tumblr
4	Hangouts	Instagram	Email
5	Line	Twitter	Anonymous online chats (Omegle)
6	WeChat	Одноклассники	Другое
VI	С какого устройства на базе какой операционной системы Вы осуществляете онлайн-коммуникацию?		
1	Персональный компьютер	iOS	
2	Смартфон	Android	
3	Ноутбук	Windows	
4	Планшет	Другое	
VII	Чем обусловлен Ваш выбор программы, приложения, соцсети?		
1	Удобный интерфейс (навигация)		
2	Красивый интерфейс (дизайн)		
3	Возможность пересылки файлов различного формата (видео, аудио и т. д.)		
4	Возможность голосового общения		
5	Возможность видеосвязи		
6	Качественная коллекция emoji / стикеров / смайликов		
7	Доступность на всех необходимых типах устройств (компьютер, планшет, смартфон)		
8	Возможность персонификации аккаунта		
9	Возможность создавать групповые чаты		

Таблица 1. Анкетирование «Средства межкультурной коммуникации»

Как и все социальные медиа, указанные ресурсы имеют регистрационный доступ и регулярно администрируются во избежание контактов не по теме группы, а их главным преимуществом является коммуникация как устная, так и письменная, способствующая развитию профессиональных компетенций переводчика и позволяющая социализироваться в среде изучаемого языка, общаться с носителями языка на интересующие профессиональные темы.

В заключение следует отметить, что электронные ресурсы должны использоваться лишь в комплексе с традиционными источниками информации, в первую очередь, образовательной литературой, что обусловлено концептуально новыми факторами образовательного процесса – как индивидуального, внеаудиторного, так и коллективного, аудиторного. Владение инновационными методиками преподавания иностранных языков, практики перевода, различных теоретических дисциплин по переводоведению и лингвистике позволяет преподавателям разработать разнообразные методические концепции и интерактивные дидактические механизмы, позволяющие студенту изучать преподаваемую дисциплину заинтересованно и досконально.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.
2. Стернин И.А. «Межкультурная коммуникация» – без коммуникации? // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. Воронеж: ВГУ. – 2005. – № 1. С. 231–236.
3. Шевчук В.Н. Информационные технологии в переводе. Электронные ресурсы переводчика 2. М.: Зебра Е, 2013. 384 с.

Guseva Alla H.

Russian State University for the Humanities (RGGU)

WORKING TECHNIQUE IN FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATION PLATFORMS AS A MEANS OF FORMING A LANGUAGE PERSON

The paper discusses the methodology of teaching applied translation activities using professional media, provides a classification of foreign language communication platforms. The practice of introducing digital didactics into the educational process of a higher education institution is described, the basic concepts of the “Computer support of translation activities” discipline are formulated, the text of the input questionnaire for students on communication technology is given.

Keywords: intercultural communication, communication technologies, communicative situation, professional competence of a translator, foreign language speech communication.

К вопросу о языковых средствах создания образа в рекламном дискурсе

В данной статье с точки зрения языкового аспекта подробно анализируются тексты наружной социальной рекламы, а также видеоролики, посвященные актуальным социальным проблемам.

Ключевые слова: социальная реклама, слоган, эхо-фраза, метафорика, язык рекламы, императив.

Как известно, реклама сегодня играет в жизни человека значительную роль. При этом, став личностно ориентированными, а также более емкими, лаконичными, рекламные сообщения, по справедливому, на наш взгляд, мнению Е. Ю. Ильиновой, стали составной частью технического прогресса и экономических процессов, связанных с глобализацией [2, с. 38].

При этом метафорика, языковая игра являются привычными явлениями для современной рекламы. Чтобы призвать зрителя к действию, активно используются императивные формы (например, «Помни и живи!», «Стань донором теплой одежды»). Одновременно часто встречаются конструкции с хэштегами [1] (пример использования особых лингвистических конструкций в языке рекламы): «#тысильнее без алкоголя»; «#лидируйвалидируй»; «#artnight», «#ночьискусств». Напомним, что социальная реклама — это реклама, направленная на изменение моделей социального поведения и привлечение внимания к общественно значимым явлениям и проблемам [3]. В рекламе предпочтительнее формы первого лица, поскольку информационный посыл чаще всего направлен на каждого конкретного человека, предпочтителен разговорный стиль речи.

По нашему мнению, социальная реклама в целом делится на две большие группы: 1) реклама, призывающая человека отказаться от определенных действий; 2) реклама, призывающая человека действовать определенным образом. Приведем несколько примеров социальной рекламы, которые можно отнести как к первой, так и ко второй группе.

1. Социальная реклама. Коррупция (2017)

Основной текст: «Число жертв возгорания в городском кафе достигло десяти человек. В их числе один ребенок. Десятилетняя девочка находится в больнице в крайне тяжелом состоянии. За ее жизнь сейчас борются врачи. По подозрению в причастности к пожару арестованы соучредитель, испол-

162 | нительный директор и арт-директор кафе-бара, всем им предъявлены обвинения. *Между тем в ходе следствия были выявлены серьезные нарушения в работе кафе.* Так, технический паспорт заведения мог быть подделан».

Слоган: «Скажи коррупции «нет»! Спаси свою жизнь и жизнь своих близких!» [9]

Предложения, представленные в рекламе, лаконичны. В рекламе четко прослеживается латентный смысл – это намек на халатность, повлекшую за собой трагедию и гибель людей. И одновременно – призыв к ответственности. Подобный ролик заставляет задуматься о мере ответственности – на месте пострадавшей девочки мог бы оказаться ребенок любого из зрителей данной рекламы. Акцент, сделанный на числительных («число жертв <...> достигло десяти человек»; «десятилетняя девочка»), подчеркивает важность трагедии. Использование императивных конструкций («скажи „нет!“»; «спаси») усиливает степень воздействия данного видеоролика на адресата.

2. Социальная реклама «Все равно?!»

Основной текст – 1: «Родите ли? Курение вызывает бесплодие»

Акция призывает людей задуматься о своем социальном поведении. Активно используется «языковая игра». Текст написан большими печатными буквами (супраграфемика), чем активно привлекает внимание прохожих. Номинатив «родители» обыгрывается в форме риторического вопроса «родите ли?» (V+Particula) и призывает беременных женщин задуматься о здоровье будущего ребенка. Дым играет роль своеобразного пробела (прием синграфемики). В данном случае в рекламе задействован концепт «нездоровый образ жизни». Многими россиянами данная акция была воспринята негативно – отмечалось, что реклама вызывает депрессию [4].

Заголовок: «Все равно?!»

Основной текст – 2: «Семья из 2-х банок снимет мусорный бак. Чистоту гарантируем»

Слоган: «У мусора есть дом»

Слоганом данного рекламного сообщения можно считать фразу: «У мусора есть дом». В рекламе обыгрывается образ семьи. В первом предложении предикативная конструкция строится по типу N1 – Vfin. Во втором предложении опущено подлежащее, конструкция Praeter (дополнение) – Vfin.

3. Социальная реклама против СПИДа

Заголовок: «Против СПИДа»

Основной текст – 1: «Берешь количеством? Я тоже!» СПИД (первое предложение является неполным)

Основной текст – 2: «Измена переводит тебя в группу риска»

Основной текст – 3: «Любовь и верность своему партнеру – твоя защита от СПИДа» (номинативные модели)

Дополнительная информация: сайт рекламной кампании spid.ru.

В первом варианте текста рекламы от лица СПИДа задается вопрос «Берешь количеством? Я тоже!» (V fin Praeter? N1 Adv!). Второй текст сообщает, что измена переводит человека в группу риска; ключевое слово – измена (N1) (N1 Vfin Praeter). Третий текст сосредоточен на том, что любовь и верность являются защитой от СПИДа (N1 и N2 – N3). Номинативная модель, в которой стержневым компонентом является существительное в именительном падеже, согласно Т. Н. Колокольцевой, является одной из наиболее востребованных синтаксических моделей [5, с.152]. Можно сказать, что в данной рекламе фраза «Против СПИДа» является как слоганом, так и эхо-фразой одновременно.

Перейдем к другому примеру.

4. Социальный проект «Занимайся чтением!» (при поддержке правительства Москвы)

Эхо-фраза: «Занимайся чтением!»

Основной текст – 1: А. С. Пушкин: «Начинай с небольших текстов, постепенно увеличивай нагрузку. Занимайся чтением»

Основной текст – 2: Л. Н. Толстой: «Не сдавайся – на 500-й странице откроется второе дыхание. Занимайся чтением».

Основной текст – 3: А. П. Чехов: «3 подхода по 7 страниц ежедневно и результат заметен через неделю. Занимайся чтением».

Социальный проект «Занимайся чтением!» при поддержке Правительства Москвы необычен по форме. Мы видим трех великих писателей – Пушкина, Толстого и Чехова, которые словно символизируют три эпохи. Императивные формы глаголов во фразах знаменитых русских писателей усиливают воздействующий рекламный эффект. Эхо-фраза «Занимайся чтением!» является одновременно и эхо-фразой, и слоганом (девизом) данной рекламной кампании. Тексты напоминают призывы заниматься спортом. Числительные «500-я страница», «3 подхода по 7 страниц» (Num) акцентируют внимание на рекламных плакатах. Категоричные императивные конструкции (V fin) способны побуждать субъекта к активному действию.

5. Социальная реклама: «Помни и живи!»

Основной текст:

Ветеран: «Спасибо тебе»

Юноша-караульный: «Вам спасибо» (междометие)

Слоган: «Помни и живи!» [8]

Видеоролик «Помни и живи» лаконичен по своему содержанию, однако в данном случае лаконичные фразы акцентируют внимание зрителя на самом главном – важности сохранения и передачи традиций будущим поколениям, памяти о прошлом страны.

Слоган данной рекламы, на первый взгляд, звучит несколько категорично, так как основан на императивах, обладая при этом значительным воспитательным потенциалом.

6. Социальная реклама «Национальность – человек»

Заголовок: отсутствует

Эхо-фраза: «Национальность – человек»

Основной текст рекламы:

«Я очень похож на своих родителей. Так же делю все на плохое и хорошее, черное и белое. Но для меня мир выглядит чуточку иначе, и все вокруг сияет миллионами красок, где каждый цвет имеет значение. Но какого цвета мои родители, значения не имеет. *Моя национальность – человек*» [7].

В рекламном сообщении активно используются противопоставления «плохое» и «хорошее», «черное» и «белое». Герой рекламы похож на своих родителей, а также на любого взрослого, для которого характерно деление мира на четкие категории. Эхо-фраза в последнем предложении выполняет две функции – придает рекламному тексту заверченный вид и усиливает основную мысль, выраженную в основном рекламном тексте (об этих функциях пишет в своей работе Т. Б. Колышкина [6, с. 331]). Посыл данного рекламного сообщения таков, что каждый из нас важен и уникален, цвет кожи не влияет на человека как на личность.

Таким образом, реклама способствует процессу социализации, дает темы для обсуждения. Языковые средства рекламы способствуют привлечению внимания клиента, базируются на общеизвестных понятиях, связаны с разговорностью. Воздействие рекламного дискурса усилено риторическими вопросами, лаконичными предложениями. Наиболее востребованным оказывается использование номинативных моделей со стержневым компонентом в качестве имени существительного, а также упомянутых нами глагольных моделей с императивом.

Литература

1. Богуславская В. В., Богуславский И. В. Медiateкст и хэштеги: цифровая трансформация СМИ. – Гуманитарный вектор. Т. 12, № 5. Чита: Заб. ГУ, 2017. С. 51–58.
2. Ильинова Е. Ю. Рекламный дискурс: ценности, образы, ассоциации // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / науч. ред. Колокольцева Т. Н. – 2-е изд., стереотип. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 296 с.
3. Индустрия рекламы. Социальная реклама // URL: <http://adindustry.ru/doc/1132> (дата обращения: 20.01.19).
4. Кампания «Все равно?!» – URL: <http://vse-ravno.net/campaigns/health/rodite-li> (дата обращения: 18.01.19).
5. Колокольцева Т. Н. Слоган как ключевой компонент рекламного текста // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / науч. ред. Колокольцева Т. Н. – 2-е изд., стереотип. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 296 с.

6. Колышкина Т. Б. Функции эхо-фразы в рекламном тексте // Теория коммуникации и рекламы. Проект «Актуальные процессы в социальной и массовой коммуникации». С. 331–334.

7. Социальная реклама «Национальность – человек» – URL: https://www.youtube.com/watch?v=i_eM1GOoaBs (дата обращения: 20. 01.19).

8. Социальная реклама «Помни и живи!» – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HA8BhfiDIU0> (дата обращения: 13.01.19).

9. Социальная реклама «Скажи «нет» коррупции!» – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Gw23kULr2Kgo> (дата обращения: 13. 01. 19).

Guskova M.D., Mamontov A.S.

Pushkin State Russian Language Institute

On the issue of language means of creating an image in advertising discourse

In this article from the point of the linguistic aspect are analyzed texts of outdoor social advertising as well as videoclips devoted to actual social problems.

Keywords: social advertisement, slogan, echo phrase, metaphoric, advertising language, imperative.

Рецепция принципов чистого искусства в советской литературной критике эпохи оттепели

На материале статей, опубликованных в ведущих советских литературно-художественных и общественно-политических журналах («Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Звезда» и др.), раскрываются основные аспекты и особенности осмысления «искусства для искусства» в литературной критике оттепельного времени. Выявляется традиционное и новое в интерпретации принципов чистого искусства в обозначенную эпоху.

Ключевые слова: чистое искусство, «искусство для искусства», творческая свобода, аполитичность, принцип партийности искусства, поэт-гражданин.

Повышенное внимание к концепции чистого искусства в советской литературной критике позднесталинской эпохи, вызванное докладом А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» и постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г., в оттепельное время исчезает. Но даже в тех случаях, когда концепция чистого искусства и не становится непосредственным предметом осмысления, она зачастую незримо присутствует как объект отгалкивания, в противостоянии которому отстаиваются эстетические ориентиры советского искусства.

Тема, в рамках которой наиболее отчетливо проявляется противодействие критики установкам «искусства для искусства», – взаимоотношения художественной реальности и политики. Первостепенный для сторонников чистого искусства принцип аполитичности творчества, который в литературно-критических статьях эпохи оттепели понимается в духе укоренившейся традиции как дистанцирование художника от общественно-политических вопросов, воспринимается в штыки.

Аргументация, направленная на развенчание этого принципа, разнообразна. Большинство доводов в статьях оттепельного периода взято из арсенала советской критики предшествующих лет. В числе этих аргументов мысль о том, что отстаивание принципа аполитичности «на деле есть самая неприкрытая, самая яростная политика» [11, с. 238]. Возникновение концепции чистого искусства нередко тоже объясняется политическими уловками. Так, критик М. Гус утверждает, что первые выступления противников идейности

искусства относятся ко времени, когда буржуазия, ощутив опасность крушения капиталистического строя, попыталась противостоять этому: «Чтобы заглушить могучий голос жизни, была провозглашена теория безыдейного, абстрактного, не связанного с жизнью “искусства для искусства”» [3, с. 190].

По-прежнему актуальным доводом в борьбе со сторонниками чистого искусства остается суждение о том, что во времена общественно-политической напряженности или природных катаклизмов и катастроф художник не имеет права быть в стороне от происходящего. В период оттепели этот аргумент нередко озвучивается со ссылкой на новые реалии времени, связанные с осознанием масштабов опасности ядерного оружия. По убеждению советских критиков, «искусству для искусства» нет места в современном обществе в силу возникновения угрозы атомного уничтожения человечества и необходимости объединения художников в борьбе за мир. В связи с этим концепцию чистого искусства некоторые критики рассматривают в качестве анахронизма. «Башен из слоновой кости давно уже не воздвигают, и самому утонченному снобу не придет в голову строить себе атомное убежище из слоновой кости», – утверждает в статье Р. Орловой и Л. Копелева «Потерянное поколение холодной войны» [16, с. 228].

Не утрачивает злободневности принцип партийности литературы, интерпретируемый как основа советской эстетики и искусства [2, 4, 8, 15]. Наряду с этим появляются отдельные статьи, в которых озвучиваются мысли о том, что ленинская работа «Партийная организация и партийная литература» имеет внутрипартийное и чисто историческое значение, что она предназначена только для литераторов-партийцев [19, 18]. Сторонников этой точки зрения А. Дементьев обвиняет в упрощенном понимании принципа партийности литературы [4].

Как и ранее в советской критике, культивируется идеал поэта-гражданина. Его укорененность в сознании писателей Д. Большов рассматривает как «результат партийного воспитания нашего художника в качестве активного участника общественной жизни» [2, с. 192]. Критик убежден, что только «с верных и четких идейных позиций художник может правильно осмыслить жизненные наблюдения» [2, с. 192].

Доводы в защиту идеала поэта-гражданина касаются утверждения не только общественной плодотворности такого рода творческой деятельности. Доказывается отсутствие ущерба и даже польза альянса литературы и политики для первой. Так, В. Дементьев, заявляя об обязанности поэта быть «политпропагандистом ведущих, передовых идей своего века», отмечает, что не обращаться к политике, «не находить для выражения этой важнейшей стороны нашего бытия поэтических средств и образов – значит обкрадывать самих себя» [5, с. 205]. Н. Абалкин утверждает, что политическая острота комедий Аристофана, отраженные в пьесе «Горе от ума» Грибоедова патриотические

168 | устремления декабристов, «воинствующее отстаивание позиций передовой идеологии» в драматургии Горького не ставят под сомнение художественности перечисленного [1, с. 189]. «Жизненность» советской драматургии критик видит в том, что «в лучших ее пьесах идейность и художественность слиты воедино, открыто и страстно отстаиваются идейные принципы боевой партийности литературного творчества...» [1, с. 189]. У сторонников чистого искусства как о творчестве Аристофана и Горького, так и об официальной советской литературе, встречаются суждения иного рода: они упоминаются как пример того, какой вред искусству наносят попытки его идеологизации.

Тема чистого искусства нередко затрагивается в ходе актуальной для периода оттепели дискуссии о реализме. Защищая реалистическое искусство, отстаивая его большие жизнеспособность и художественные возможности, в сравнении с модернизмом, советские критики чаще всего рассматривают «искусство для искусства» на одном полюсе с последним. В этом свете интересен обратный факт. В. Днепров в защиту реалистической эстетики апеллирует к точке зрения адептов чистого искусства, отмечая: «Даже писатели, защищавшие старину, бога или теорию “искусства для искусства”, не решались отойти от реализма – было слишком ясно, что только произведения, созданные этим методом, могут рассчитывать на доверие и влияние» [7, с. 184]. Собственную позицию критик пытается сделать более убедительной за счет указания на актуальность реалистического метода не только для собственных единомышленников, но и эстетически и идеологически чуждых писателей, в том числе приверженцев чистого искусства, оставляя в стороне то обстоятельство, что художественные искания последних осуществлялись не только в рамках реализма.

В оценке творческой деятельности русских писателей и литературных критиков, причисляемых к апологетам «искусства для искусства», сильна традиция их порицания. По-прежнему встречаются уничижительные ноты в характеристике творческого наследия А. Фета, хотя и приправленной реверансами художественному мастерству поэта. Согласно С. Маршаку, именно ориентация на «искусство для искусства» не позволяет Фету войти в число первых фигур русской литературы. «Замечательным поэтом был Фет, – пишет С. Маршак, – но недостаток альтруизма, гражданственности, равнодушие к бедам и нуждам поработанного народа – вот что не дает ему права стоять рядом с Пушкиным, как бы превосходны ни были его стихи о природе» [12, с. 237]. Данное противопоставление Пушкина Фету по идейной направленности творческих исканий равносильно причислению первого к ряду противников «искусства для искусства».

Восприятие Пушкина в качестве «своего» в русской критике встречается как у сторонников чистого искусства, так и у их оппонентов. Каждый из лагерей абсолютизируют одну из граней творческих устремлений поэта,

присваивая его себе. В советской критике пушкинское имя в контексте темы «искусства для искусства» долгие годы упоминалось преимущественно в ряду противников этой концепции. Как пример подобной интерпретации в период оттепели можно привести суждения В. Назаренко, который причисляет Пушкина к разряду «художников-гуманистов, воинствующе противопоставлявших эстетскому тезису “искусство для искусства” – подлинный смысл творчества: искусство для народа» [13, с. 178]. Продолжателями этих традиций критик считает представителей литературы социалистического реализма, которые рассматривают «действенность произведений как важнейший и неотъемлемый критерий художественности» [13, с. 178]. При этом не берется в расчет пушкинское суждение противоположного характера: «Поэзия выше нравственности – или по крайней мере совсем иное дело» [17, с. 380].

В плане особенностей восприятия концепции чистого искусства в оттепельную эпоху показателен и взгляд на «эстетическую» критику второй пол. 1850-х гг. В то время как в советском литературоведении творческое наследие представителей революционно-демократической критики становится объектом повышенного интереса, идеи их оппонентов оказываются на периферии исследовательского внимания. Однако предпринимаются отдельные попытки утвердить право на изучение литературной критики сторонников чистого искусства. С. Машинский отмечает, что иные литературоведы критикуют А. Дружинина, В. Боткина, П. Анненкова, «но при этом не дают себе труда выяснить существо их идейной и эстетической позиции» [13, с. 230]. Такая установка, убежден С. Машинский, «мешает исследованию процесса развития русской литературы во всем его сложном и противоречивом многообразии» [13, с. 231].

Суждения о чистом искусстве встречаются и в размышлениях советских критиков о литературной жизни других государств. Характеризуя тенденции развития литературы в капиталистических странах, Д. Большов расценивает попытки «очищения» искусства от политики как способ «отвлечь художника от противоречий капитализма» [2, с. 195]. Одобрительные отзывы получают зарубежные писатели, отвергающие концепцию чистого искусства и отстаивающие эстетические установки, родственные принципам официального советского искусства. Критик А. Исбах хвалит Л. Арагона за неприятие «бесплодных теорий “искусства для искусства”», и утверждение о том, что “французские писатели могут творить в русле социалистического реализма”» [9, с. 248]. В. Дмитриевский поддерживает писателей Азии и Африки, выступающих против распространения концепции чистого искусства в творческой среде своих стран, получивших независимость в результате распада колониальной системы. Считая принцип тенденциозности неперемennым условием творческой деятельности писателя, который стремится «выполнить свой долг перед народом и перед человечеством» [6, с. 176], критик утверждает,

170 | что в настоящее время нет арабских писателей-патриотов, которые не были бы погружены в происходящие события, не поддерживали волнующие каждого араба лозунги арабского национального освобождения. Приверженцы «искусства для искусства» характеризуются В. Дмитриевским как писатели, избравшие неверные эстетические ориентиры. Критик выделяет не только категорию писателей, искренне следующих концепции чистого искусства, но и тех, кто использует ее для отстаивания определенных политических интересов. «В башню чистого искусства, – пишет В. Дмитриевский, – ныне заточают себя либо потерявшие почву под ногами эстеты, либо верные прислужники империализма, превращающие башню из слоновой кости или комнату с пробковыми стенами в дот, откуда ведется идеологический обстрел подлинного прогресса» [6, с. 175].

Таким образом, укоренившееся в советской литературной критике начиная с первой пол. 1930-х гг. негативное отношение к «искусству для искусства» в период оттепели по-прежнему доминирует. В концепции чистого искусства критикам видится «антисовесткое». Вместе с тем предпринимаются отдельные попытки расширить область разрешенного в плане осмысления творческой деятельности ее приверженцев в русской культуре, что продолжится в последующую эпоху.

Литература

1. Абалкин Н. Содержание темы // Октябрь. – 1957. – № 8. – С. 188–196.
2. Большов Д. Высокое призвание // Октябрь. – 1963. – № 8. – С. 189–198.
3. Гус М. Ленинская партийность и ее критики // Октябрь. – 1958. – № 6. – С. 190–206.
4. Дементьев А. Заметки критика // Новый мир. – 1958. – № 11. – С. 228–241.
5. Дементьев В. Поступь времени // Октябрь. – 1957. – № 9. – С. 203–209.
6. Дмитриевский В. Писатели Азии и Африки в борьбе за мир и национальную независимость // Звезда. – 1958. – № 7. – С. 175–179.
7. Днепров В. В защиту реалистической эстетики // Звезда. – 1957. – № 8. – С. 184–196.
8. Дымшиц А. По велению души // Звезда. – 1957. – № 12. – С. 202–205.
9. Исбах А. На линии огня // Новый мир. – 1957. – № 9. – С. 245–254.
10. Караганов А. Черты творческого метода // Новый мир. – 1957. – № 11. – С. 250–269.
11. Кузнецов М. Социалистический реализм и модернизм // Новый мир. – 1963. – № 8. – С. 220–245.
12. Маршак С. Молодым поэтам // Новый мир. – 1965. – № 9. – С. 230–252.

13. Машинский С. В борьбе за классическое наследие // Новый мир. – 1958. – № 3. – С. 216–239.
14. Назаренко В. Мастерство и коммунистическое воспитание // Звезда. – 1960. – № 8. – С. 178–191.
15. Озеров В. О пролетарском гуманизме и абстрактном морализаторстве // Новый мир. – 1958. – № 6. – С. 232–240.
16. Орлова Р., Копелев Л. Потерянное поколение холодной войны // Новый мир. – 1959. – № 1. – С. 219–230.
17. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 10 т. – Л.: Наука, 1978. – Т. 7. – 543 с.
18. Старец С. Нужна ясность // Дон. – 1958. – № 1. – С. 120–129.
19. Строчков Я. О статье В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» // Вопросы истории. – 1956. – № 4. – С. 29–37.

Danilovich T. V.

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

RECEPTION OF PURE ART PRINCIPLES IN SOVIET LITERARY CRITICISM DURING THE KHRUSHCHEV THAW

On the materials of the leading Soviet literary-art and socio-political magazines («Novy mir», «Oktyabr», «Znamya», «Zvezda» and others) the main aspects and features of the pure art interpretation in Soviet literary criticism during the Khrushchev Thaw are determined. The traditional and the new in understanding of the «art for art» principles in the designated era is revealed.

Keywords: pure art, «art for art», creative freedom, apoliticism, principle of literature's partyness, poet-citizen.

В поисках «Истины всецелой»: поэма И. С. Тургенева «Андрей»

В литературоведении отмечено, что творчество И.С.Тургенева связано, прежде всего, с решением этико-философской проблематики. В раннем творчестве художника-мыслителя это решение испытывает влияние предшественников. Однако автор стремится выразить личную правду на своем пути познания онтологической истины. Смысловое наполнение истины, ее художественная форма в ранней поэме писателя – цель данной статьи.

Ключевые слова: творчество И.С. Тургенева, этико-философская проблематика, нравственная правда.

Этическая проблематика – центральная в творчестве И.С. Тургенева. Ее рассмотрению посвящены «любовные» повести, романы, драматические сочинения писателя; многие «стихотворения в прозе» отмечены авторским размышлением над ситуацией выбора, требующей проявления ценностных ориентаций («У-а...у-а!», «Воробей», «Мы еще повоюем!» и др.).

Уже в ранний период, характеризующийся выбором пути, Тургенев исследует проблему нравственного самоопределения человека в разных условиях существования (поэмы «Параша», «Разговор», повести «Андрей Колосов», «Три портрета»). И во всех случаях автор, творчески следуя за предшественниками (отличаясь попытками стиливого взаимопроникновения романтического и реалистического в изображении жизни), обнаруживает свою «личную правду» и стремится к познанию «Истины всецелой» [4, П., Т.3, С. 138].

Сосуществование, взаимопроникновение романтического и реалистического отличает раннюю поэму «Андрей» (1845). Автор затрагивает этическую проблематику в аспекте «невиновной вины», возникающей из-за любовного чувства. Тема «высокого страдания», заявленная намеком в «Параше», получает свое образное воплощение.

Художник продолжил наблюдение за рождением сложного человеческого чувства и усилил показ его преобразующего воздействия на человеческую личность. Возвышенная красота искренней, взаимной любви замужней Авдотьи Павловны и молодого помещика Андрея Ильича показана в соотноении с тайной жизнью природы:

С начала самого любовь должна
Расти неслышно, как во сне глубоко
Дитя растет... огласка ей вредна:

Как юный гриб, открытый зорким оком,
Замрет, завянет, пропадет она...

<...>

Но первый страх и трепет сердца, стук
Его внезапный, первое страданье
Отрадно-грустное, как первый звук
Печальной песни, первое желание,
Когда в огне неожиданных слез и мук
С испугом просыпается сознание
И вся душа заражена тоской...

Как это все прекрасно, боже мой! [4, С., Т.1, С. 124–125]

Но теплоте отношений, душевной радости оказалась противопоставлена прозаическая действительность. С неподдельным чувством переданы мучительные сомнения и поиски заглавным героем выхода из сложившейся ситуации:

Андрей героем не был... и напрасно
Страдать – свободы ради – наш чужак
Не стал бы; но, как честный малый, ясно
Он понимал, что невозможно *так*
Им оставаться; что молчать – опасно;
Что надобно помочь беде... но как?
Об этом часто, долго, принужденно
Он думал и терялся совершенно.
Им овладело горькое сомненье...
И в тишине томительных ночей
Бессонных – в нем печальное решение
Созрело, наконец; он должен с ней
Расстаться...» [4, С., Т.1, С. 137]

Находясь в ситуации выбора, герой сознательно отдается силе нравственности, способной сберечь репутацию любимой женщины и, возможно, устранить личные душевные переживания. В минуту объяснения причины решительного разрыва Дуняша лишь внешне соглашается с Андреем, сознательно подчиняется его воле:

Она сидела молча, замирая,
С закрытыми глазами. Перед ней
Вся будущность угрюмая, пустая,
Мгновенно развернулась... и, со всей
Собравшись силой, медленно вставая,
Она сказала шепотом: «Андрей,
Я понимаю вас... Вы не лукавы...

Я благодарна вам... Вы правы... правы!» [4, С., Т.1, С. 140].

Однако драматическая глубина страданий, горестного сожаления передана в сцене пения Авдотьей Павловной прощального романса. Художник вопреки сложившимся обстоятельствам отстаивает право человека на личное счастье. Он доверяет эту мысль героине, отправляющей письмо главному герою через три года после расставания. Усиливается звучание слов, выражающих непростую участь человека, попавшего в круг совершенно чуждых его душевной организации обстоятельств и лишенного возможности соприкосновения с поэзией жизни:

Занятий нету... нет детей...

Книг нету...душно, страшно душно...

Попросишь мужа – равнодушно

Проговорит он: «Погоди,

Зайдет разносчик»... впереди

Все то же – до могилы...

О господи, пошли мне силы!!!» [4, С., Т.1, С. 149]

Любовь к Андрею, воспринимающаяся первоначально как страстное чувство, становится равносильной понятию деятельности, полноценной жизни. Поэтому неслучайно исследователи рассматривают личное чувство тургеневской девушки как школу жизни и мысли [1]. Отсюда – философское начало поэмы, связанное с этической проблематикой.

Обнаруживается попытка преодоления драмы жизни и героиней. С этим преодолением автор связывает внутреннюю свободу личности. При этом неугасимая сила стихии душевной жизни признается Авдотьей Павловной. Сохранение чистоты нравственного чувства показывается как сознательный акт, сложно соприкасающийся с душевной сферой, вступающей в борьбу с этой сферой (на это указывают эмоционально взволнованные, прерывающиеся отточиением в пределах строки прощальные фразы). Героиня входит в сферу идеала высокой, светлой любви, готовой к самопожертвованию:

Среди волнений жизни новой

Об участи моей суровой

Вы позабудете... Но вас

Я буду помнить – вечно... вечно...

И в каждый светлый, тихий час

Благодарить вас бесконечно.

Прощайте, добрый, старый друг...

Какое горькое мгновенье!

Мучительно расстаться вдруг...

Но страшно долгое томленье...

От полноты души моей

На жизнь обильную, святую...

И даже – на любовь иную

Благословляю вас, Андрей!» [4, С., Т.1, С. 151]

Примирительное начало приобретает в тексте идейное значение. В завершающем компоненте второй части поэмы автор дарует героям новую встречу, своеобразную, развернутую речевым способом. Эта новая встреча отмечена формой психологической пластики: исповедальным письмом и реакцией героя на его содержание. По всей видимости, автора волнует новое состояние Дуняши и Андрея, его качественная характеристика в контексте проблемы воли человека: самоустранение Андрея, первоначально мотивированное потребностями нравственного сознания, приобретает особое, «тургеневское» значение необходимости слияния этического с эстетическим (в данном случае с естественной красотой взаимной любви). Однако в поэме это слияние невозможно, потому как торжествует нечто более высокое – добро–любовь –, просветляющее человеческую жизнь, создающее особое новое состояние человека, исполнившего долг:

Он жадно пробежал письмо глазами...

Исписанный листок в его руках

Дрожал... Он вышел тихими шагами

С улыбкой невеселой на губах....

Так, через изображение душевно-духовного сближения центральных персонажей, передается попытка ощущения истины.

Специалисты отметили, что в ранних поэмах Тургенева «в предельно романтизированном и обобщенном виде, как бы с птичьего полета, или, говоря словами Пушкина, как “сквозь магический кристалл”, даны основные темы и проблемы почти всего будущего творчества Тургенева» [2]. Отмечается существенная связь любовной коллизии «Андрея» с сюжетным ходом повести «Фауст» и атмосферой личного чувства в романе «Дворянское гнездо». Идейный спор героев поэмы «Разговор» предвещает конфликт поколений в «Отцах и детях» [4, С., Т.1, С.436]. Главная героиня поэмы «Параша» «по праву занимает одно из видных мест в поэтической галерее героинь тургеневских повестей и романов» [3].

Однако кроме автоинтертекстуальных компонентов поэтики творчества, центральных мотивов, важнейшей стороной художественного дарования Тургенева уже на раннем этапе становится этико-философский пафос, который проявляется в попытке показать сложную диалектику жизни, сплав борьбы противоречивых начал и обнаружить ту сторону реальности, которая становится выражением «примирения» и гармонии в поиске жизнеутверждающей «цельной правды».

Литература

1. Курляндская Г.Б. Эстетический мир И.С. Тургенева. – Орел, 1994. – С. 21.
2. Цит. по: Пустовойт П.Г. И.С.Тургенев – художник слова. – М., 1980. – С. 69.

- 176 | 3. Пустовойт П.Г. И.С.Тургенев // История русской литературы XIX века. 40–60-е гг. / под ред. В.Н. Аношкиной, Л.Д. Громовой. – М., 2001. – С. 240.
4. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – М., 1978 – издание продолжается. В тексте работы произведения Тургенева цитируются по этому изданию с указанием соответствующего раздела (С – сочинения, П – письма), тома и страницы.

Dvoeglazov Vladimir Viktorovich

Vyatka State University

**IN SEARCH OF «THE COMPLETE TRUTH»:
POEM BY I.S. TURGENEV «ANDREY»**

The work of Turgenev is associated primarily with the solution of ethical and philosophical problems. In the early work of the writer and philosopher, this decision is influenced by predecessors. However, the author seeks to illustrate personal truth on his way to cognition of ontological truth. The semantic content of truth, its artistic form in the early poem of the writer are the purpose of this article.

Keywords: Turgenev's works, ethical and philosophical problems, moral truth.

Работа с текстом эссе как способ формирования личностной рефлексии

В статье рассматриваются вопросы текстовой деятельности в школьной речевой практике. Представлены эффективные приемы работы с текстами эссеистики на примерах эссе А. Костюнина «Сострадание» и З. Прилепина «Мещанство приятное и последовательное: о внутренней канарейке». Выявлены требования к образцовым профессиональным и непрофессиональным «неподготовленным» текстам эссеистики. Работа с жанром эссе способствует развитию у обучающихся письменно-речевой деятельности продуктивного характера, формированию личностной рефлексии.

Ключевые слова: жанр эссе, текст эссе, текстовая деятельность, письменно-речевая деятельность продуктивного характера, личностная рефлексия.

Обучение текстовой деятельности в федеральном государственном образовательном стандарте среднего общего образования определено одним из требований к результатам изучения предметной области «Филология». Необходимость развивать у школьников письменно-речевую деятельность продуктивного характера обусловлена важностью социокультурного воспитания выпускников школы, потребностью совершенствовать коммуникативные умения обучающихся, необходимые для их личностного развития, для успешной социализации в обществе. Выпускник должен владеть «умением анализировать текст с точки зрения наличия в нем явной и скрытой, основной и второстепенной информации <...> представлять тексты в виде тезисов, конспектов, аннотаций, рефератов, сочинений различных жанров» [6].

В отечественной методике преподавания русского языка в школе обучение пониманию, истолкованию и продуцированию текста обозначено важнейшей задачей (Т.А. Ладыженская, Н.А. Ипполитова, Н.С. Болотнова, А.Д. Дейкина, Т.М. Пахнова и др.). Так, Н.А. Ипполитова отмечает необходимость текстовой деятельности при обучении школьников устному и письменному связному высказыванию, так как, только наблюдая за логикой авторских текстов, анализируя их структуры и содержание, обучающиеся «учатся воспринимать и создавать коммуникативно ориентированные тексты» [2, с. 32].

Выбор в качестве предмета обучения эссе обусловлен все возрастающей значимостью этого жанра не только для учебно-научной деятельности старшеклассников, но и для будущей социально-общественной практики выпускника школы как активного члена современного общества. Эссе – один

178 | из актуальных и востребованных жанров общественной коммуникации, который используется в электронных средствах информации, в телекоммуникационных и сетевых формах общения.

Востребованность жанра эссе в современной школьной и общественной речевой практике объясняется рядом причин: вседоступность, открытость этого жанра для всех желающих в независимости от сферы деятельности, статуса, личностное начало, обхват широкого круга вопросов без обязательного окончательного вывода, свободная форма изложения, небольшой объем, многообразие тематики, ориентация на разговорную речь, субъективность и др.

Своеобразие работы с текстом эссе на уроках русского языка обусловлено его специфическими признаками. «Эссе (фр. *essai* – попытка, очерк) – прозаическое сочинение небольшого объема и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу или вопросу и заведомо не претендующее на определяющую или исчерпывающую трактовку предмета» [3, с. 1246–1247].

Исследователи подчеркивает активный, деятельностный характер жанра. Эссе можно отнести к «живым, динамичным, развивающимся видам письменно-речевых высказываний» [4, с. 284], предполагающим свободу и раскрепощенность даже в рамках определенного языкового материала. Текст эссе как коммуникативная форма высказывания провоцирует читателя на активную речевую деятельность. Насколько необычно и нестандартно автор подошел к проблеме, насколько выразителен и афористичен его язык, зависит интерес читателя к эссе. Эссе может считаться состоявшимся только в том случае, если в нем присутствует неожиданная мысль, внезапная догадка, открытие. Хороший текст эссе обязательно порождает вторичный текст.

Благодатные свойства жанра эссе позволяют не только научиться понимать и оценивать точку зрения другого, но и познавать себя. Особенно важна работа, направленная на размышление и самонаблюдение, в старших классах при подготовке к итоговой аттестации по русскому языку и литературе. В связи с этим, нельзя не упомянуть новые требования к комментированию исходного текста на едином государственном экзамене по русскому языку, введенные в 2018 году и предполагающие более внимательное прочтение, комментирование исходной текстовой информации, личностную оценку авторской позиции.

В нашем опыте эссе рассматривается как текст – объект речевой деятельности и как ее результат при подготовке к итоговому сочинению и единому государственному экзамену по русскому языку и литературе. При этом «особая роль принадлежит хорошим образцам («безукоризненным образцам», по словам Л.В. Щербы): ведь именно они создают ту речевую среду, которая нас учит, развивает и воспитывает» [5, с. 8]. Современные исследователи (Т.А. Ладыженская, Н.А. Ипполитова, Н.С. Болотнова, Т.М. Пахнова и др.),

отмечая особую роль текстовой деятельности в школьной практике, справедливо подчеркивают, что развивающая речевая среда на уроках формируется благодаря грамотному и целенаправленному отбору текстов и заданий к ним. В то же время мы убеждены: целесообразно знакомить обучающихся также и с непрофессиональными «неподготовленными» текстами эссеистики, что обеспечивает более полное понимание специфики эссе как жанра [1].

Анализ методической литературы, опыт учителей-практиков позволил нам сформулировать требования к текстам эссеистики:

- «– текст, порождающий вторичный текст, должен быть актуальным по тематике, оригинальным; иметь диалоговую основу, быть дискуссионным и вызывать у обучающихся желание создавать собственный текст;

- в тексте должны преобладать авторская модальность, оценочность, он должен отличаться оригинальной композицией, совмещать различные жанровые варианты;

- правильный литературный язык текста должен быть образным, афористичным (наличие авторских изобразительно-выразительных средств, ассоциативных связей, подобий, аналогий, сравнений и т.п.), что позволит обогащать и совершенствовать речь школьников» [1, с. 88].

В практике обучения эссе используются тексты как известных русских писателей (М. Цветаевой «Мой Пушкин», «Два слова о театре», И. Анненского «Книга отражений», В. Розанова «Уединенное», А. Битова «Эссе о так называемых неприятных словах», В. Набокова «Николай Гоголь», С. Залыгина «Мой поэт», К. Паустовского «Чехов», Ф. Искандера «Слово о Пушкине», Д. Лихачева «Письма о добром и прекрасном», Д. Быкова «Календарь. Разговоры о главном», А. Костюнина «Сострадание», З. Прилепина «Мещанство приятное и последовательное: о внутренней канарейке» и др.), так и непрофессиональных писателей («... для всех ты – Крым, а мне ты – Родина, мой дом, судьба моя и боль» (В. Субботенко)) В. Турчаненко и др.), в которых находит отражение морально-нравственный воспитывающий аспект.

Остановимся подробнее на отдельных приемах методического сопровождения анализа текстов эссе А. Костюнина «Сострадание», З. Прилепина «Мещанство приятное и последовательное: о внутренней канарейке».

Анализируя данные тексты, обучающиеся приходят к выводу, что *«индивидуальность – самое главное в эссе», «важно показать самого себя, свой мир»*. Эссе – это непременно диалог – с читателем и с самим собой.

Уточняем, что в обоих текстах как таковых нет ни вступления, ни заключения. Как правило, тема эссе не претендует на исчерпывающий ответ, она лишь является началом или продолжением начатого разговора о специфике отношения человека к себе и к обществу, о соотношении «личного мира» и «мира общественного». Неожиданное начало, необычные сцепления, парадоксальный вывод – отличительные черты жанра эссе.

Обращаемся к заголовкам эссе. Название эссе «Сострадание» четко указывает на *«определенную черту человека, и мы приблизительно знаем, о чем пойдет речь»*. В заголовке эссе З. Прилепина «Мещанство приятное и последовательное: о внутренней канарейке» «понятна первая часть названия» и «смущает», «заставляет задуматься» вторая часть – «о внутренней канарейке». Говорим о том, что заголовки отражают особенности мыслительного процесса эссеиста, его индивидуальный взгляд: автор пытается понять, где оправданное «чувство своего дома», а где проходит «грань» недопустимого в «канареечном» сознании.

Обучающиеся говорят, что «поражает «открытость», даже «интимность» повествования А. Костюнина «Сострадание». Боль старенькой бабушки – «его боль, его рана»: «Спустя много лет ты воспринял ее боль как свою собственную. С тех пор эти воспоминания для твоей Души – открытая рана». Оправданно привлекаемые автором эпитеты, метафоры, сравнения передают «детский» «поступок бездуховного Тела»: «яркий ролик из неприятных воспоминаний», «детство – сон Разума и Души», «это – своеобразный тест, предложенный свыше». Автору важно понять, «как поступать в подобных ситуациях впредь», во взрослой жизни: «Пусть действительно не изменить судьбу книжного героя и поступок бездуховного Тела не скорректировать задним числом. (Прошлое неподвластно никому, даже Богу.) Но есть еще настоящее и будущее». Для писателя важно «пробудить сострадание именно в тебе, читатель».

Эссе З. Прилепина для многих обучающихся стало настоящим откровением, потому что «многие современные люди думают и мечтают о «таком мещанстве, но бояться признаться в этом», «каждый из нас немного или много мещанин».

Внимание обучающихся привлекает яркая метафора «внутренняя канарейка». Птица канарейка – символ мещанской жизни советской власти – у З. Прилепина приобретает иной смысл. В результате обсуждения приходим к пониманию авторской позиции. Об этом говорят учащиеся: герой «бережет свой прекрасный уголок с канарейкой», у него развито «чувство ответственности, он неустанно заботится о себе и своих близких». «Внутренняя канарейка» – ощущение семьи, семейственности – это, когда «угораздило родиться счастливым человеком».

Мысли писателей о человеческой душе, о внутреннем состоянии наводят обучающихся на интересные размышления о собственном отношении к миру и к окружающим. Примечательно, что позиции обучающихся по проблеме эссе А. Костюнина «Сострадание» совпадают: «нет оправдания «бездуховному» поступку героя по отношению к старенькой бабушке», «пожилой человек всегда уязвим, часто беззащитен», «в человеке много злого, нужно заглушать это в себе», «всем нам нужно учиться доброте».

По отношению к содержанию эссе З. Прилепина «Мещанство приятное и последовательное: о внутренней канарейке» развернулась дискуссия, были высказаны противоположные точки зрения: «для человека важнее всего семья, дом», «я хочу такое «семейное мещанство», «мещанство – это плохо, мы все стали сейчас потребителями», «главная ценность сегодня – это деньги», «в семье важна духовность», «мещанство не может принести счастья – ни семейного, ни личного» и т.д. Это еще раз доказывает, что хороший текст эссе должен «провоцировать» читателей, приглашать к диалогу: обращаться к своему внутреннему миру, высказывать собственную точку зрения на проблему.

Безусловно, тексты произвели определенное впечатление на старшеклассников. В последующих работах обучающихся мы находим интересные попытки самостоятельных критических размышлений. По мнению обучающихся, «ключевое слово этих эссе – «душа». В сочинениях звучали высказывания о том, что «человек должен заботиться о своем внутреннем мире», «думать о душе», приводились слова Н. Заболоцкого «душа обязана трудиться». Работы школьников поражают глубиной и взрослым отношением к жизни.

Безусловно, работа с жанром эссе способствует мобилизации внутренних ресурсов личности, формирует образы собственного Я как индивидуальности. Дискуссионный, проблемный характер текста эссе вынуждает обучающегося рефлексировать, пропускать через свой внутренний мир, оценивать и на основе этого формировать собственные образы и смыслы жизни, личностные ценности.

Литература

1. Дресвянина С.Д. Обучение старшеклассников сочинению-эссе на уроках русского языка на основе коммуникативно-деятельностного подхода : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / С.Д. Дресвянина. – Москва, 2018. 254 с.
2. Ипполитова Н.А. Текст в системе обучения русскому языку в школе : учеб пособие для студентов пед. вузов / Н.А. Ипполитова. Москва : Флинта : Наука, 1998. 176 с.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт науч. информации по общественным наукам РАН. – М: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 с.
4. Руженцева Н.Б. Прагматическая и речевая организация русского литературно-критического эссе XX в. : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01. – Екатеринбург, 2001. – 471 с.
5. Русский язык и литература. 10–11 классы: рабочие программы : учебно-методическое пособие / сост. Е.И. Харитоновна. – 2-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2015. 167 с.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (10–11 кл.) [Электронный ресурс] // Министерство

Dresvyanina S. D.

Vologda State University

**WORKING WITH THE TEXT OF ESSAY AS A WAY TO BUILD
PERSONAL REFLECTION**

The article deals with the issues of textual activity in school speech practice. The effective techniques for working with essay texts on examples of A. Kostyunin's essay "Compassion" and Z. Prilepin "Meshchananstvo pleasant and consistent: about the inner canary" are presented. The requirements for exemplary professional and unprofessional «unprepared» texts of essays are identified. Working with the essay genre contributes to the development of students' productive writing and speech activities, the formation of their personal reflection.

Keywords: the genre of essay, the text of essay, textual activity, the productive writing activity, personal reflection.

Шекспировские мотивы в творчестве А. А. Блока

Важную роль в становлении «культа Шекспира» в русскую литературу сыграл А.А. Блок. В статье прослеживаются шекспировские мотивы в произведениях А.А. Блока. Изучение театрального творчества Блока и блоковских трактовок классических пьес, особенно трагедий Шекспира, важно не только для уяснения его связей с развитием театра начала XX века – оно необходимо и при анализе его лирики, как и всей его поэтической системы в целом.

Ключевые слова: У. Шекспир, А. Блок, мистерия, лирика, драма.

По мнению исследователей русского шекспиризма, начиная с 1780-х годов в русской литературе стал набирать силу процесс шекспиризации, более того «произведения Шекспира стали одним из важнейших иноязычных источников формирования русской национальной культуры» [5, 2008]. В истории восприятия Шекспира в России особое место занимают М.Н. Карамзин, А.А. Петров, А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, А.П. Чехов, А.А. Блок, М.И. Цветаевой и др.

В этой статье мы не будем обращаться к широким историко-литературным параллелям, ограничившись частным вопросом – проблемой восприятия Шекспира в воображении А.А. Блока. Не следует упускать из виду тот факт, что Блок английского языка не знал, его Шекспир – это «русский Шекспир» переводов Кронеберга и Вейнберга. Особенности перевода во многом обусловлена специфика трансформации шекспировских мотивов в произведениях Блока.

Шекспир отвечал требованиям символистского сознания Блока. Маньеризм Шекспира, который отражал кризис идеалов Ренессанса, и символизм Блока – типологически сходные течения, ставшие художественным выражением сходных порубежных эпох. По мнению А.Н. Горбунова, для символизма, как и для маньеризма, характерна субъективность, большая степень рефлексии, драматизм сознания, воспринимающего мир в системе оппозиций: вселенная и человеческое «я» (макрокосм и микрокосм); хаос земного бытия и гармония небесных сфер, мрак и свет; два полюса – спиритуализм и гедонизм; амбивалентность, игра контрастами, причудливое взаимопроникновение добра и зла. [3, с. 6]. Развивает эту идею И.С. Приходько, которая считает, что «промежуточным звеном в этой типологической цепи является романтизм,

184 | также возникший на рубеже веков, на переломе, выразивший то же ощущение разлада, истощенности, трагической опустошенности и жажды новой жизни, с той же склонностью к контрастам и антитезам в их вечном противостоянии и взаимодействии. В романтизме еще раз сошлись Блок и Шекспир: интерес Блока к романтизму, родственность романтического мироощущения и эстетики Блока, интерес романтиков к Шекспиру, соответствие Шекспира романтическому пониманию искусства» [8, с. 6].

После А.С. Пушкина в России только А.А. Блок с такой полнотой воспринял У. Шекспира, чувствовал его «своим». В дневниковых записях Блока есть определение «мой Шекспир», в воспоминаниях о Блоке находим своеобразное признание «...люблю его (Шекспира) глубоко», а в своей лирике поэт отождествляет себя с Гамлетом («Я – Гамлет. Холодеет кровь»). Личные мысли и эмоции поэта, по мнению Т.М. Родиной, растворяют в себе миф о Гамлете, образуя гамлетовский комплекс мироощущения. «Гамлет для него необъясним ближайшим бытом, средой и психологией. Он объясним для Блока лишь с точки зрения реальной необходимости выбора своего мироотношения, своей системы жизни: в принципе и в целом» [10, с. 117].

Блок вошел в поэзию в переломное время, когда в литературе и в обществе происходили процессы, связанные с поиском новых путей развития, назревали общественные катаклизмы. Пересечение театра и поэзии вообще органично отражается в творчестве великого поэта, драматурга и театрального деятеля, верующего в то, что насыщенное ожиданием грандиозных социальных взрывов время, начавшееся во всем мире, и есть время расцвета театра. Не только юношеская мечта стать актером тянет его к этой сфере, «Блока влечет к театру его общественная интуиция, активный, склонный к заострению противоречий, тип художественного сознания. Именно поэтому театр оказывается необходим Блоку во все кризисные, поворотные моменты общественного – и его собственного – развития» [10, с. 88].

По мере его творческого созревания он связывает с театром основные темы своего творчества. Поэзия становится сферой деятельности театральных масок, вбирает в себя традиционные образы и мотивы старинного народного театра – *commedia dell'arte*, русского балагана, Петрушки. В 1906 году Блок пишет свои первые драмы: «Балаганчик», «Незнакомка» и «Король площади», вышедшие отдельным изданием с общим заголовком «Лирические драмы». Блок первым сознательно соединил лирику и драму, сначала вводя в лирическое стихотворение драматический элемент, а затем – лирическое начало в драму, (примером служит стихотворение Балаганчик, перерастающее в одноименную драму) [9, с.96]. Корни этой драмы есть и в стихотворении «Балаган», где изображаются те же персонажи – Арлекин, Пьеро, Коломбина – но совсем в другой, высокой манере. Странный эпиграф «Ну старая кляча, пойдем ломать своего Шекспира!» заимствованный Блоком из драмы

А.Дюма, посвященной знаменитому английскому актеру, сыгравшему многих шекспировских героев, говорит о честном исполнении профессионального долга: «Тащитесь траурные клячи! / Актеры, правьте ремесло, / Чтобы от истины ходячей / Всем стало больно и светло!»

«Балаганчик» положил начало яркому и новому явлению, как театр Блока, это пьеса оказавшая влияние на развитие русского театра XX века. Таким образом, Блок входит в круг современных ему театральных исканий, сближается с В. Э. Мейерхольдом, в период 1906–1908 гг. принимает близкое участие в работе и судьбе Драматического театра В. Ф. Комиссаржевской, завязывает отношения с Московским Художественным театром и К. С. Станиславским, выступает как театральный критик, как автор статей о современном театре и драме, размышляет над судьбами современного театра и классического репертуара, в последние годы жизни занимал пост председателя Режиссерского управления Большого драматического театра. Он, как и Шекспир, был человеком театра. Театр, театральная рампа предстают в сознании Блока в качестве той «лunii огня», на которой происходит встреча жизни и искусства.

Важной чертой культуры эпохи Блока становится театрализация жизни, игра в костюмы и маски, возрождение маскарада. Сознание символистов, несущие идею неподлинности здешнего мира, условности его декораций, неизбежно театрализует этот мир. Наряду с шекспировской метафорой «жизнь – театр» («Весь мир – театр»), мистерийность приобретает огромное значение в лирике Блока, которая в совокупности представляет драму человеческой жизни. Мистерийностью отмечена и поэма «Двенадцать». Блоковские размышления о мистерии, мистерийное прочтение жизни связаны с Шекспиром. В трагедии «Отелло» за психологической драмой современности Блок увидел яркую символику, окружающие главных героев мистерийные ореолы: «необыкновенное сияние» «несказанной сущности» Дездемоны и «темный огонь», который «светится изнутри» Яго. Блок впервые сказал о том, что в драме «Отелло» есть «все элементы мистерии», по Блоку же отношения Отелло и Дездемоны – мистерия. В 1919 году вступив в дирекцию Большого Драматического Театра, Блок вынужден был толковать пьесу и выступить перед труппой с докладом «Тайный смысл трагедии Отелло». Таким образом, он делает вывод, что мистерия бытия, заключенная в этой трагедии, и составляет ее «тайный смысл». Отелло – хаос, Дездемона – гармония, а темные силы руководят действиями Яго, поскольку этот «мир устроен так, что не могут не выступить на сцену темные силы там, где началась мистерия» [2, с.150]. История об Отелло в глазах Блока превращается в борьбу человеческого хаоса за свою душу против темных сил, стремящихся эту душу погубить. Блок думает, что если бы актеры смогли донести до зрителей «тайный, скрытый в трагедии Шекспира, смысл», то «зрители достигли бы того катарсиса, который требуется от трагедии» [2, с.151].

Для постановки «Короля Лира» того же Большого драматического театра Блок выступает опять с толкованием перед началом репетиций в июле 1920 года. «Ряд ужасных сцен создан, – по убеждению Блока, – Шекспиром вовсе не для театральных эффектов, а во имя высшей правды, ему открывшейся». Задача театра – дать возможность зрителю понять беспощадную правду о человеке и о жизни. Лир проходит крестный путь познания и прозрения, постепенного морального очищения и возрождения: «Страданием учись», – этим древним высказыванием завершает свою статью о «Лире» Блок, формулируя, таким образом, основную мысль трагедии. Для Блока Лир становится архетипом, образом, выражающим его главную идею и цель – «вочеловечение». Страдание ведет шекспировского героя к познанию истинного положения вещей в мире, истинных ценностей и самого себя [2, с. 154].

Блок проникнул сквозь многие слои шекспировской драмы – исторический, социальный, психологический, семейно-бытовой – в «тайный», мистериный смысл шекспировской трагедии. «Макбет» наряду с «Королем Лиром» и «Гамлетом», – трагедия-спутник поэта с ранних лет. К «Макбету» у Блока было особое отношение (об этом же – в воспоминаниях М.А. Бекетовой и Е.Ф. Книпович). Устойчивый образ – символ в сознании Блока – герой в крылатом шлеме с мечом в руке, – по убеждению Е.Ф. Книпович, навеян иллюстрацией к «Макбету» в издании С.А. Венгерова [7, с. 76]. Кроме того, для первого цикла второго тома стихотворений «Нечаянная Радость» Блок не случайно выбрал выражение «Пузыри земли», встречающееся в трагедии «Макбет», а в качестве эпиграфа использовал также и отрывок из трагедии Шекспира: «Земля, как и вода, содержит газы, / И это были пузыри земли». Важное упоминание о них содержит и стихотворение 1908 года «Она пришла с мороза» и статья того же года «О театре», свидетельствуя о том, что образы и текст «Макбета» постоянно присутствовали в сознании Блока.

Шекспир – лейтмотив блоковского мировоззрения, пронизывает все его творчество временами выходя на поверхность в виде прямых обращений, монологов, ссылок сопоставлений, цитат, но постоянно давая о себе знать в организации поэтического творчества, в работе над драмами и в раздумьях о театре, актерском искусстве и художественной миссии актера. Как вспоминают родственники поэта, «Блок еще подростком с интересом читал шекспировского «Гамлета» и называет Гамлета своим любимым героем» [1, с. 253]. Он мечтал стать актером, занимался декламацией – любил декламировать гамлетовские монологи, изучал роль Ромео, участвовал в любительских спектаклях. Домашний спектакль 1898 г. в Боблове с участием Блока в роли Гамлета и Любови Дмитриевны Менделеевой, сыгравшей Офелию, стал для обоим роковым моментом – началом их романа – событием, «полным едва ли не мистического смысла» [10, с. 99]. Таким образом, пара Гамлет – Офелия для Блока ассоциируется с его увлечением Л.Д. Менделеевой, дочерью

знаменитого ученого, ставшей в 1903 году женой поэта. Соотнесенность литературного сюжета и реальной жизни («биографический подтекст») отражается во многих стихотворениях молодости Блока. Так, в декабре 1898 года Блок пишет стихотворение «Мне снилась ты, в цветах на шумной сцене...», где воплотились впечатления от домашнего спектакля в Боблове: «А я, повергнутый, склонял свои колени, / И думал: «Счастье там, я снова покорен!»/ Но ты, Офелия, смотрела на Гамлета/ Без счастья, без любви, богиня красоты,/ А розы сыпались на бедного поэта, /И с розами лились, лились его мечты...». Трагическую тональность этому стихотворению придает именно сюжет о неразделенной любви героя-поэта. Наряду с шекспировскими мотивами – страсть, безумие, цветы, ива, смерть – мотив сна, мотив театра, мотив безответной любви обогащают мир блоковского стихотворения и позволяют намечать семантическое отличие от шекспировского сюжета: герой-поэт лишен любви героини.

Большую часть стихотворений, в которых используются гамлетовские мотивы, поэт позднее объединит в цикл «Ante lucem», предшествующий «Стихам о Прекрасной Даме». Мистическое отношение Блока к Л.Д. Менделеевой как к воплощению философской идеи В.С. Соловьева («Душа Мира», пришедшая в образе земной женщины) возвышает земную любовь поэта.

О.Ю. Казмирчук, в своем исследовании (2005г.), утверждает, что сюжетная линия, связанная с Офелией и Гамлетом привлекает поэта, в разные годы он пишет два стихотворения, названных «Песня Офелии». «Первая» «Песня Офелии» («Разлучаясь с девой милой...») датируется 1899 г. Стихотворение представляет собой развернутое обращение Офелии к возлюбленному: «Разлучаясь с девой милой, / Друг, ты клялся мне любить!.../ Уезжая в край постылый, / Клятву данную хранить!». В блоковском стихотворении край, в который «отправляется» возлюбленный Офелии, наделен атрибутами мира смерти («край постылый», мгла, сердитый вал, слезы воды), а в последней строфе категорически отрицается возможность возвращения героя, Офелия предвидит его смерть: «Милый воин не вернется, / Весь одетый в серебро... / В гробе тяжело всколыхнется / Бант и черное перо...». В 1892 году Блок создает еще одну «Песню Офелии», в которой трактует тему Офелии как сюжет о девушке, преданной, покинутой любимым. В отличие от первой песни, здесь присутствуют мотивы безумия и предвидения своей судьбы (метафорой плакучей ивы): «Я не нашла лилий в поле, / Я не искала плакучей ивы/ плакучей ивы».

В стихотворении 1914 года «Я Гамлет. Холодеет кровь» происходит полное отождествление героя со своим литературным архетипом: «Я – Гамлет. Холодеет кровь, / Когда плетет коварство сети, / И в сердце – первая любовь/ Жива – к единственной на свете. / Тебя, Офелию мою,/ Увел далеко жизни холод,/ И гибну, принц, в родном краю,/ Клинком отравленным заколот».

188 Гамлета убивают «коварство», «жизни холод», эти же враждебные силы «увели» от него Офелию. Шекспировская коллизия здесь расширена до подлинно шекспировских масштабов, и только теперь, прямо и просто, «Блок производит отождествление: «Я – Гамлет». Это – конец театрального маскарада. Уподобление преодолевает маску, что становится, однако, возможным только в конце развития гамлетовской темы» [10, с. 231].

Особое место занимают раздумья Блока над «Гамлетом», отраженным в его заметках. Проблематика этих раздумий центральна для Блока, образ Гамлета проходит через все его творчество, поскольку Гамлет принадлежит к числу художественных ипостасей авторского «я». Постоянное возвращение к Гамлету раскрывает процесс собственного духовного и творческого формирования. Переход Блока от лирического восприятия Шекспира на почве бобловских переживаний к восприятию драматической сути Шекспира ведет его к оспариванию традиционной точки зрения на трагедию Шекспира. В своих заметках он решительно высказывается против мнения Гете, согласно которому в основе характера Гамлета лежит противоречие между слабостью воли и сознанием нравственного долга возмездия. Блок утверждает, что Гамлет обрушивался под собственной тяжестью, потому что в душу принца врывается реальный мир с его неразрешимыми противоречиями. Вопрос «быть или не быть» возникает у Гамлета не в результате душевного смятения и «слабости воли», но поставлен им перед собой предварительно, как вопрос, предreshающий все остальное. Блок склонен думать, что Гамлет решает этот вопрос. Во всяком случае, у него появляется «надежда» на его решение. Гамлету внезапно открылся иной, новый взгляд на жизнь.

Литература

1. Бекетова М.А. Воспоминания об Александре Блоке. – М.: Правда, 1990. – 700с.
2. Волков Н.Д. Александр Блок и театр. – М.: ГАХН, 1926. – 157с.
3. Горбунов А.Н. Шекспир и литературные стили его эпохи // Шекспировские чтения – 1985. – М.: Наука, 1987. – С. 5–14.
4. Захаров Н.В. Шекспиризм как явление русской литературы // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение», – 2008. – № 5.
5. Иванов В.В. Крэг, Шекспир и мы (по поводу книги Т.И. Бачелис «Шекспир и Крэг») // В.В. Иванов // Избранные труды по семиотике и истории культуры. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – Т. III. Сравнительное литературоведение. Всемирная литература. Стиховедение. – С. 456–469.
6. Казмирчук О.Ю. Интерпретация образов Гамлета и Офелии в русской поэзии «Серебряного века» // Новый филологический вестник – М.: Издательство Ипполитова – 2005. – № 1. – С. 56–65.

7. Книпович Е.Ф. Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии. – М.: Советский писатель, 1987. – 178 с.

8. Приходько И.С. Шекспир Александра Блока // Шекспировские штудии, 2013. – № 4. – С. 39–145.

9. Сорокина Л.М. Маски Пьеро и Арлекина в лирической драме А.А. Блока «Балаганчик» // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра. Филологическая наука и проблемы межкультурной коммуникации. – М.: Московский Гуманитарный Институт им. Е.Р.Дашковой, 2013. – С. 96–108.

10. Родина Т.М. Александр Блок и русский театр начала XX века. – М.: Наука, 1972. – 312 с.

Dumitru E.

Nicolaescu Madalina-Alexandra

University of Bucharest, Romania

SHAKESPEARE'S MOTIFS IN BLOK'S WORKS

An important role in the development of the «cult of Shakespeare» in Russian literature was played by A.A. Blok. The article traces Shakespearean motifs in the works of A.A. Blok. Researching the theatrical works of Blok and his interpretations of classical plays, especially the tragedies of Shakespeare, is important not only to clarify his connection with the development of the theater of the early twentieth century, it is also necessary when analyzing his lyrics, as well as his entire poetic system as a whole.

Keywords: W. Shakespeare, A. Blok, mystery-play, lirica, drama.

Интеграция основного и дополнительного образования на примере преподавания предметов гуманитарного цикла как фактор повышения лингвокультурной компетенции обучающихся (из опыта учителя)

В настоящей статье представлен опыт интеграции основного и дополнительного образования предметов гуманитарного цикла для расширения лингвокультурного потенциала обучающихся.

Ключевые слова: интеграция, основное и дополнительное образование, воспитательное событие, урок.

В Законе Российской Федерации «Об образовании» сконцентрированы Основные идеи и принципы школьной реформы: самоопределение личности, создание условий для ее самореализации и интеграции в мировую и национальную культуру [1: с. 3]. Обозначенные положения ориентируют образовательную среду на современные и перспективные виды деятельности, стимулирующие создание разнообразных форм интеграции основного и дополнительного образования.

Согласно нормативным документам последних лет, основное образование – целенаправленный процесс обучения и воспитания в интересах личности, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) определенных государством образовательных уровней (образовательных цензов). Дополнительное образование – феномен и процесс свободно избранного обучающимся освоения знаний, способов деятельности, ценностных ориентации, направленных на удовлетворение интересов личности, ее склонностей, способностей и содействующих ее культурной самореализации и адаптации, выходящей за рамки стандартов общего образования. Сходство данных определений в том, что оба вида образования призваны обучить и воспитать школьников, а различия – в степени индивидуализации и дифференциации.

Организация учебно-воспитательного процесса на основе интегративных связей может касаться как отдельных уроков, тем, подчиненных решению

межпредметной проблемы, так и целостных воспитательных событий. В нашем случае интеграция в образовательном пространстве осуществляется в рамках урочной и внеурочной деятельности гуманитарной направленности как средство формирования лингвокультурной компетенции обучающихся.

Целевая аудитория – обучающиеся-кадеты 6–8-х классов АОУ ВО «Образовательный центр-кадетская школа «Корабелы Прионежья» имени Героя России Ю.Л. Воробьева».

Объект исследования – образовательный процесс кадетской школе и сфера дополнительных обучающихся событий, обучающихся в их взаимодействии.

Предмет исследования – влияние интеграционных тенденций гуманитарной направленности в образовании как средство повышения лингвокультурной компетенции обучающихся-кадет.

Цель настоящей работы – определить уровни интеграции основного и дополнительного образования гуманитарной направленности, содействующие лингвокультурному развитию личности ученика.

Первый уровень интеграции – *на уровне дисциплин одного предметного цикла.*

Известно, что современные обучающиеся в силу объективных причин имеют дискретное представление о мире, которое при такой ситуации усугубляется существованием разных дисциплин одного надпредметного блока. Уточню: литература должна быть литературой, а обществознание – средоточием социологии, экономики, политологии и т.д. Однако есть смысл делать интегративные срезы: происходит уточнение, фокусирование целостного мировидения.

Так, совместно с педагогом по истории и обществознанию мы провели интегрированный урок в 8-х классах по литературе и заявленным гуманитарным дисциплинам. Предварительно (за месяц) обучающиеся получили перечень вопросов по истории и культуре России XIX века. Казалось бы, вновь классика. Однако третье задание было лишь анонсировано: будет предложен фрагмент художественного произведения, сюжет которого опирается на историческое (-ие) событие (-я). Необходимо выполнить задание, которое в филологической науке называется реальный комментарий. В результате такое взаимодействие дисциплин позволило ученикам погрузиться в близкую, но принципиально иную науку об истории и культуре. Особый интерес вызывали тексты, где словесный художественный образ камуфлировал событие. И здесь истинно филологическое мастерство анализа тропа или фигуры способствовало иллюстрации реального комментария.

Без отклика обучающихся на богатый мир художественного произведения, без их причастности к культурному контексту невозможно качественно организовать учебный процесс. Одним из эффективных способов решения проблемы полноценного восприятия произведения является интеграция читательской и иных видов деятельности на уроках литературы, то есть обращение

192 | к изобразительному, музыкальному, театральному искусству и к кино. К тому же, ни одно серьезное классическое произведение не может быть освоено современным обществом и школьниками, если оно не адаптировано экраном. Молодое поколение не мыслит себя без компьютера. Поэтому современный урок должен использовать мультимедийные возможности. И в этом смысле неэффективно отказываться от использования кинематографа, анимации, музыки при изучении отечественной и мировой классики, ибо это может стать качественным дополнением, фоном, своеобразным иллюстративным материалом и прежде всего поможет визуализировать образы персонажей. Традиционный для методики путь от словесного произведения к его кино-аудио- или театральной интерпретации сегодня не дает желаемого результата, поскольку из цепочки выпадает основное, первое звено – чтение. Но вполне реально превратить кинематограф и музыку из соперников литературы в ее союзников. В 7-х классах при изучении новеллы-сказки «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери урок можно начать со знакомства с экранизацией литературного произведения как одной из его интерпретаций (песочная анимация Елены Храмовой «Маленький принц» (ТРК Альтаир-ТВ). Небольшой, 9-минутный ролик позволил обучающимся восстановить сюжетную линию, выявить соответствие между эпизодами текста и анимационными кадрами. Музыка также в большой степени углубила, усилила воздействие литературных произведений – сказанное относится как к инструментальной, так и к вокальной музыке. Для иллюстрации эпизодов анимации можно прослушать тексты Татьяны Алешиной «Песня Лиса» (к тому же в анимации линия «Маленький принц – Лис» может проблематизирована и рассмотрена более подробно: «...и с каждым новым своим появлением / немного ближе ко мне подходи»: эпизод анимации, где Принц трижды приходит к Лису, каждый раз на малую долю сближая расстояние между ними, и лишь на третий раз они вместе сидят на холме). Кроме того, учитывая тот факт, что тема Маленького принца в современной культуре фактически лейтмотивизирована, в качестве домашнего задания обучающимся было предложено задание по поиску этого лейтмотива в различных сферах современной культуры: балеты, фильмы, мультфильмы, мюзиклы с подобным названием, а также различные песенные тексты современной эстрады: ср. альбом «Маленький принц» (1980) рок-группы «Машина времени»; песня Александра Дольского «Маленький принц»; песня «Маленький принц» группы «Otto Dix», строки из песни «Никогда» группы «Fleur» «Расскажи мне о смерти, мой Маленький принц...» (создание проекта-презентации по теме «Маленький принц сегодня», где обучающимся проведен сопоставительный анализ эпизодов текста-прототипа и его вторичных репрезентаций).

Второй уровень – интеграция основного и дополнительного образования. Именно эта форма интеграции позволяет мне, как учителю, классному ру-

ководителю, развивать и в дальнейшем формировать диалог мировоззрений и культур.

В рамках дополнительного курса «Мир вокруг нас» обучающиеся-кадеты формируют и развивают в себе умения и навыки постигать не только мировую, но и региональную литературу и культуру. Рассмотрение и изучение современной поэзии и прозы Вологодского края мотивировано тем, что 1), во-первых, она, будучи частью общего культурного макротекста, оказывается источником, способным восполнить пробелы культурного образования в сознании молодежи; 2) во-вторых, для нее характерно отсутствие исторической и психологической дистанций с читающей молодежной аудиторией. С точки зрения поэта, литературного критика Бориса Кутенкова, «условный «мониторинг» российских городов с целью выявления литературоцентричности мог бы наградить Вологду одним из первых и вполне заслуженных мест» [2]. Это положение вполне объяснимо: литературная студия Галины Щекиной «Ступени», фестивали «М-8», «Плюсовая поэзия», поэты, уже успевшие заявить о себе в «толстожурнальном» и книжном пространстве (Ната Сучкова, Антон Черный, Лета Югай, Мария Суворова и др.), литературно-художественный журнал «Вологодский Лад» (издание о культурном, историческом, общественном, экологическом феномене, которым является наш Вологодский край, весь Русский Север).

При рассмотрении темы «Русский фольклор» наряду с литературными жанрами (загадки, частушки, сказки, пословицы и поговорки, обрядовый фольклор) обучающимся были предложены для сравнения литературные произведения вологодского поэта Леты Югай. В данном случае необходимо предварительно обзорно познакомить школьников с биографией и творчеством автора, можно предложить творческую работу – создание литературной странички вологодского поэта Леты Югай. И уже после того как ученики познакомились с биографией и творчеством поэта, для сравнительно-сопоставительного изучения предложить стихотворения Леты Югай из цикла «Записки странствующего фольклориста». Заметим, что сам поэт занимается изучением обрядового вологодского фольклора, ею успешно защищена кандидатская диссертация по данной тематике («Ключевые образы плача: на материале похоронных и поминальных причитаний Вологодской области»). Само название цикла заставляет школьников обратиться к определению «фольклор», вспомнить основные жанры фольклора, что было изучено ранее. Стихи Леты Югай знакомят обучающихся с такими малыми жанрами фольклора, как колыбельная, заговор, гадание, заклички. В данном случае ученикам необходимо найти и подготовить сообщения не только о самом жанре, но и определить его признаки в текстах Леты Югай.

Например, в стихотворении «Колыбельная» автором сохраняются элементы оберега: «Мама от рук своих не отведет глаз...», «Будешь здоровым

194 | и сильным, — думает, — но о том — молчок. Чтоб не спугнуть твоё счастье, и так двоих не уберегла»; таинственный враждебные силы: «по морю переполохов», «смерть заглядывает в окно, птичьим глазом косит»; пугающий персонаж: «серенький волчок». Перекрестная рифма сохраняет мерный ритм колыбельной песни. В стихотворении «Гадания» сохраняется структура обряда: «А на Васильевский девушки заперлись в избе / Закидывать удочки, говорить судьбе... / ... / Если выпадет хлеб — будет и дом, и хлеб, / И сундук, и жар в печи, на шкафу — виноград и лев. / Выйдет кольцо — под подушкой шкатулка, в шкатулке — желанье... / ... / Выпадет крест — значит, гроб / ... / Печина — к печали: в голову, в печень — грусть и заботу...». Данное стихотворение можно сопоставить как с описанием самого обряда гадания, так и его репрезентации в балладе В.А. Жуковского «Светлана» (интеграция знаний с произведением русской литературы XVIII века). Каждая поэтическая строчка — код, который позволяет учащимся развивать навыки анализа и исследования поэтического текста. Так, например, «А на Васильевский девушки заперлись в избе...» заставляет школьников обратиться к словарям, справочникам, интернет-ресурсам, чтобы узнать, что такое «Васильевский» (в данном случае речь идет о Васильевом дне, празднике ...).

Стихотворение «Заговор» можно анализировать, сопоставляя с заговорами, представленными в проекте «Русские заговоры и заклинания» (проект «Русский фольклор в современных записях») под редакцией В.П. Аникина. Обучающиеся таким образом знакомятся с видами заговоров и их назначением (детские, любовные, семейные, хозяйственные, промысловые, лечебные), определяют, к какому бы заговору можно было бы отнести описание обряда, представленное в стихотворении Леты Югай.

Каждое стихотворение из цикла автора сопровождается справочными топонимическими комментариями, позволяющими лучше узнать Вологодский край, например — ойконимами: «Колыбельная» — д. Андронов Вологодской области, «Гадания» — д. Нефедов Вологодской области, «Заговор» (баня) — д. Якшинская Вологодской области; кроме того, ее тексты насыщены гидронимами: «У нас сейчас в Яхренге русалок нет. / Русалки-ти в больших реках, в Сухоне все...». Обучающиеся-кадеты в рамках занятий дополнительного курса «Мир вокруг нас» составляли лингвотопонимическую карту Вологодского края на материале современной прозы и поэзии. Кадеты самостоятельно искали материал об упомянутых микротопонимах, располагали объекты на картах Вологодской области. Такая работа позволяет школьникам лучше узнать географию Вологодского края.

Кроме этого, Лета Югай пишет свои стихи, стараясь передавать диалектные особенности северного наречия: мягкое цоканье «Кому сбудетце, не минуетце» («Гадания»), «нацальника» («рюшица»); еканье «будет», «никакие» («Заговор» баня); «ксти» («рюшица») — стяжение согласных; «бес-от»

(«Случай»); «Русалки-ти» («Русалка»). Большинство текстов Леты Югай позволяют школьникам узнать то, чем ценен Вологодский край. При изучении стихотворения «Росписи» одному из учащихся был предложен доклад на тему «Вологодские росписи». Именно таким образом, как сам ученик, так и его одноклассники узнали, что на Вологодской земле зародилось много замечательных народных промыслов. Особое место среди них занимает роспись по дереву. Особенно любимым предметом для украшения среди крестьян была прялка. Далее школьники находили в тексте Леты Югай: «С прялок, с домов с нарисованными часами, / С досок икон неуклюже спрыгивают впотьмах / Львы лупоглазые с вытянутыми носами, / С куцыми челками, с розами на хвостах...». Автор текста совмещает одновременно язычество и православие: «Иконописец по кости вывел святых и диво, / Чудо морское с кудрявою головой...», южную экзотику и северный климат: «И приручить, увить резными кустами / Южного зверя на северной полосе... Вечный покой, кто может его представить? / Кто видел льва в наших широтах?».

Второй раздел цикла Леты Югай называется «Надписи на прялках». Авторское предупреждение объясняет школьнику, о чем же здесь пойдет речь. Учащиеся узнали, что «прялка (или пряслица, как называют на Вологодчине) сопровождала женщину всю жизнь, дарилась в знак ухаживания мужчины за женщиной, передавалась по наследству. Часто мужчины вырезали и расписывали прялки для своих любимых. Как отмечает сам поэт, «эти стихи – попытка, вживаясь в имена и скупые знаки, вычитанные на прялках, достроить смыслы, вкладываемые в эти надписи» [3]. Каждое стихотворение отличается лаконичностью и емким смыслом. На занятии класс был распределен на группы, каждой из которых досталась по одному тексту из раздела. Задача обучающихся – зафиксировать специфические черты региональных текстов Леты Югай в разделе «Надписи на прялках»: 1) предельная лаконичность (4–5 строк), 2) необычное графическое оформление («Х Крестик», где первые два слова – имитация предмета: «Хвоя / Хорошая защита от зайцев...»), по такому же типу построено стихотворение «О (Круг)»: О / фото / в овале...»), 3) необычное деление стиха: «дома/ водой/ изозераумываться/ землю/ рукамивodelьвать/ ногамиисхаживать/ огонь / деревьямикормить/ назаслонкузапирать/ воздух/ ложкамиесть». На примере стихотворения «От Ивана Анне» учащиеся закрепляют тему звукописи (понятия ассонанса и аллитерации): «Ангел лег нА / Небо колоколеН / На дон, но даН / Акорд рокА: / АннА, АннА / Начала чаН / Нот нежен тоН / А ты раскрытА / Аня —тайнА / Но взора звоН / На думу даН / Ах, и ты тихА».

В 8-х классах для анализа можно предложить прозаические тексты Наты Сучковой. Небольшой рассказ «Лисенок» позволяет ученикам увидеть многогранность таких категорий, как время и цвет. Воспоминания сопровождаются «спокойным мелированием-колорированием». Если время в повествовании

196 | медленно идет в воспоминаниях назад, то цвет волос героини возвращается к исходному природному. Учащимся по ходу комментированного чтения можно предложить составление опорных схем, где можно фиксировать временные и цветовые изменения персонажей. Анализ функций времени и цвета в тексте помогает развить навыки критического анализа, расширить литературоведческий тезаурус, что пригодится в старших классах при изучении и дальнейшей интеграции знаний с текстами из русской литературы – М.М. Булгакова «Мастер и Маргарита», Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Посредством дополнительного образования обучающиеся не только расширяют свою лингвокультурную картину мира, но и развивают лингвострановедческие навыки. Так, совместно с обучающимися 7–8-х классов создается видеокурс «Нескучный русский для всех», в рамках которого ученики составляют энциклопедические справки с видео- и аудио-контентом о словах, которые являются заимствованными из английского, немецкого и китайского языков. Кроме этого, обучающиеся стараются подбирать лексемный ряд по определенной тематике: «На земле, в небесах и на море». Выпуск 1 (Что такое «шхуна»?); «На земле, в небесах и на море». Выпуск 2 (Корабли и каравеллы); «На земле, в небесах и на море». Выпуск 3 («Дельтаплан и вертолет»); «На земле, в небесах и на море». Выпуск 4 («Дельтаплан и вертолет»); «На земле, в небесах и на море». Выпуск 5 («Дельтаплан и вертолет»); «На земле, в небесах и на море». Выпуск 6 («Дельтаплан и вертолет»); «Ягода-малина...» Выпуск 7 («Оказывается, с латинского вишня – это «птичий клей»). Созданный видеоряд станет основой тематической программы летней смены «Общение без границ».

Иными словами, интеграция основного и дополнительного образования гуманитарного направления позволяет ощутить цельное и целостное представление о мире, чтобы позднее практически по образу и подобию создать свое. И так каждый участник образовательного процесса на основном и дополнительном уровне не просто учится пониманию и постижению, но обретает совершенно иное восприятие происходящего: все во имя развития человека и человечества!

Литература

1. Александрова Т.К. Формирование межпредметных умений, учащихся как средство осуществления интеграции в естественнонаучном образовании. – СПб., 1993. С. 3.
2. Кларин М.В. Инновационные модели обучения. – М., 2013.
3. Маранцман В.Г., Белова А.В., Гуйс И.Н. Литература. Методические рекомендации. 7 класс. – М., 2011.
4. Югай Лета. Записки странствующего фольклориста. [Электронный ресурс] – URL: <http://magazines.russ.ru> (дата обращения: 20.02.2019).

5. Сучкова Ната [Электронный ресурс] – URL: <http://belaya.livejournal.com> (дата обращения: 20.02.2019). 197

Elistratova K.A.

*Educational center-cadet school “Shipbuilders of Prionezhie”
named after the Hero of Russia Yu.L. Vorobyov*

**INTEGRATION OF BASIC AND ADDITIONAL EDUCATION
EDUCATION ON THE EXAMPLE OF TEACHING THE
SUBJECTS OF THE HUMANITARIAN CYCLE AS A FACTOR
OF INCREASING LINGUO-CULTURAL COMPETENCE OF
TEACHERS (FROM TEACHER’S EXPERIENCE)**

The article presents the experience of integrating basic and additional education in humanitarian subjects to expand the linguocultural potential of students.

Keywords: integration, basic and additional education, educational event, lesson.

Языковые ошибки лексического и семантического характера, возникшие вследствие межъязыковой интерференции, на примере письменной речи лиц польского происхождения и поляков, находящихся в русскоязычной среде

В статье указана классификация лексических ошибок, возникших вследствие межъязыковой интерференции в письменной речи, под которой подразумевается всякое отклонение от нормы польского языка, обусловленное взаимодействием с русским языком. Основным источником для настоящего исследования являлся язык прессы и публикаций польского национального меньшинства в Санкт-Петербурге. Исследование интерференции ограничено в основном лексико-семантическими аспектами.

Ключевые слова: польский язык, русский язык, языковая норма, языковая ошибка, межъязыковая интерференция.

Статья является частью работы автора об интерференционных процессах в устной и письменной речи петербуржцев польского происхождения и поляков, проживающих в Санкт-Петербурге. Целью исследования был поиск закономерностей в явлениях межъязыковой интерференции близкородственных языков.

Источником исследования для настоящей статьи являлся язык прессы и публикаций польского национального меньшинства, то есть польскоязычные тексты, напечатанные в номерах с 1 по 46 «Gazeta Petersburska». Кроме этого, использованы фрагменты из книги Т. Жепы и Я. Леонского «Polacy w Rosji» (Rzepa, Leoński 1994), где напечатаны интервью с поляками, проживающими в Санкт-Петербурге и петербуржцами польского происхождения. Также удалось использовать несколько архивных номеров периодического издания «Polonus». Изучение интерференции ограничено в основном лексико-семантическим и лишь частично грамматическим аспектами, поскольку именно лексика является наиболее подвижным элементом языковой структуры, то есть наиболее подвержена иноязычным влияниям.

Лексика доминантного языка может воздействовать на словарь подчиненного языка и наоборот различными способами. Классификация видов этой лексической интерференции зависит от позиции исследователя. Так, У. Вайнрайх выделил следующие группы лексической интерференции:

1. Прямое перенесение из одного языка в другой последовательности фонем в отдельно взятом слове. Ср., напр., пенсильванское немецкое *holišmok* (англ. литературное *Holy smoke(s)!*) 'боже мой!; вот те на!'.
2. Расширение употребления исконного слова данного языка в соответствии с моделью другого, воздействующего на него, например, под влиянием английского языка русс. *уровень* начинает употребляться в конкретном и абстрактном значениях. В польском языке прилагательное *ekologiczny* 'экологичный' первоначально обозначало связь внешних условий с жизнью зверей и растений, а сейчас под влиянием английского языка обозначает также здоровый, не загрязняющий окружающую среду стиль жизни и создает следующие фразеологические сочетания: *żywność ekologiczna* 'экологичные продукты', *material ekologiczny*, 'экологичный материал', *pralnia ekologiczna* 'экологичная прачечная'. Другой пример: носители польско-русского двуязычия расширили употребление польского *tylko*, таким образом, что оно охватывает все значения сходного с ним русского *только*, причем вм. *dopiero wczoraj* употребляется ненормативное *tylko wczoraj* по образцу русского 'только вчера'.
3. Буквальный перевод всех компонентов анализируемой исходной формы. Например, словосочетание *conscientious objectors* 'лица, отказывающиеся от военной службы' (по религиозным или политическим мотивам), заимствуется в испанский язык Флориды в виде *objetores conientes* [3].

Все компоненты могут быть воспроизведены путем семантического расширения. Этот вид интерференции обычно называется калькой и подразделяется на три подвиды: собственно, кальки (напр. франц. *avoir droit* по образцу немецкого *recht haben*), кальки-толкования (напр. англ. *Loan renditions*, нем. *Lehnschöpfungen*), кальки-образования (напр. англ. *sibling*, нем. *geschwister*).
Перенесение отдельных элементов и воспроизведение других гибридных единиц, напр. в немецком языке штата Висконсии *Grundfloor* 'первый этаж' (англ. *Ground floor*) и др.

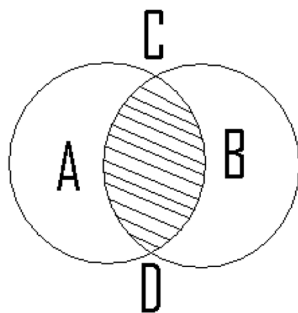
Разумеется, задача классификации лексических ошибок интерференционного характера может решаться иначе. Так, в книге «Развитие национально-русского двуязычия» (Дешериев Ю.Д.) [4] лингвисты провели исследования влияния национальных языков на русский язык среди детей и молодежи в азербайджанских, литовских и эстонских школах. Двуязычие, в зависимости от степени владения русским языком, разделили на четыре ступени. В 4-й ступени двуязычия – свободное владение русским языком студентами и выпускниками вузов – лексические ошибки были подразделены на погрешности, связанные со структурированием лексических средств (т.е.

200 | перенос слов и словосочетаний из одного языка по моделям другого, напр.: помощатель вм. помощник (вследствие переноса эстонской словообразовательной модели) и ошибки в воспроизведении русских словообразовательных структур под влиянием эстонского языка, напр.: мы пугали вм. испугались), а также ошибки в выборе слова.

Языковая норма рассматривается обычно как совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации. Норма, как совокупность стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом, является специфическим признаком литературного языка национального периода [1, с. 337].

Языковую ошибку следует понимать как отступление от определенной социальной нормы, которую устанавливает норма литературного языка и узус. Причиной языковых ошибок является умственная пассивность [7, с. 9–25], последствием которой является чрезмерное использование тождественности какого-то языкового элемента, инерционное расширение границ этой тождественности. Если, например, звуковая и смысловая тождественность двух выражений будет представлена в виде кругов, то языковую ошибку мы сможем проиллюстрировать при помощи представленной ниже схемы:

Рис.2. Схема возникновения языковой ошибки по В. Дорошевскому

Поле C–D представляет общие элементы накладываются выражений или форм. Физиологический элемент ошибки заключен в том, что элемент круга A, находящийся в поле C–D, тянет за собой весь круг A в сторону того движения, которое совершает круг B, например, Onmniestale dumpinguje (вм. dopinguje) – ошибка, появившаяся в результате звукового сходства.

Не следует считать ошибкой каждое отступление от общепринятой нормы. Ведь можно сознательно выбрать форму, которая в действительности не соответствует норме, но подходит функционально и стилистически; иногда

она не принимается обществом, но согласуется с принципами языковой системы [9, с. 72]. Это явление часто встречается в языке поэзии, напр.: *bezprzyczynnydzień* ‘беспричинный день’ (Юлиан Тувим), *lassierozptaszał* ‘лес расптичился’ (Мельхиор Ванькович).

Для рассмотрения лексических ошибок была принята следующая классификация:

I. Буквальный перенос (калькирование) значения русских слов на близкие по форме польские слова.

II. Калькирование значения фразеологических оборотов или словосочетаний на близкие по форме польские обороты и словосочетания, сопровождающееся искажением построения словосочетаний фразеологических оборотов. Используются примеры с разной степенью семантической связи компонентов: от полновесных идиом до самой слабой степени связанности.

III. Ошибочное употребление слов или выражений как следствие недостаточного понимания значений употребляемых слов или слов, похоже звучащих, и употребление их в несоответствующем контексте. К этой группе причисляются также ошибки, возникающие в результате словообразовательных ассоциаций.

В результате анализа собранного материала выделяются следующие виды лексико-семантической интерференции:

1. Заимствование и калькирование значения русских слов на близкие по форме польские слова. Эти кальки представляют собой ошибки с точки зрения норм польского языка, происходящие в тех случаях, когда говорящий, не зная польского эквивалента для русского слова, просто заимствует его, придавая этому слову или обороту польское звучание и морфологическую форму.

• *Jedynie pamięć i tradycje ... napominają (wm.przypominają) te dalekie, drogie mojemu sercu Boże Narodzenie* [5, №12, с. 6]. Здесь имеет место полонизация русского глагола напоминать. Между тем, в польском языке глагол *napominać* означает ‘обращать чье-то внимание, поучать’.

• *Nie pamiętam w jaki sposób okazałam się (wm. znalazłam się) w bramie więzienia*. Калька с рус. оказалась.

2. Калькирование значения фразеологических оборотов или словосочетаний на близкие по форме польские обороты и словосочетания, сопровождающееся искажением структуры этих словосочетаний.

Рассмотрим наиболее типичные примеры.

• *Za kilka мгний (wm. za chwilę или za moment) inne panie też usadowiły się obok* [5, № 22, с.18]. Калька с рус. за несколько мгновений.

3. Ошибочное употребление слов на основании их формального подобия, напр.:

• *Barwy narodowe to biel i czerwiec*. [5, № 42, с.12].

Czerwiec – это название шестого месяца в календарном году. В этом случае существительное ошибочно было применено вместо *czerwień*, рус. ‘красный’.

Наблюдаются также ошибки, возникающие в результате словообразовательных ассоциаций с русскими образцами, напр.:

Bo nasza pani okazała się dzielną sportówką [5, № 22, с.19]. Калька с рус.: спортсменка. Несмотря на то, что в польском языке для термина sportowiec ‘спортсмен’ имеется женская форма sportsmenka, все же Nowy słownik poprawnej polszczyzny [11] подчеркивает, что лучше использовать термин zawodniczka.

4. Употребление слов или оборотов, являющихся языковыми архаизмами.

• Rodzice planowali dla niej małżeństwo z Wilhelmem Habsburgiem, atoli po śmierci ojca zmieniono plany małżeństwa [5, №6, с.4]; здесь арх. atoli употреблено в значении ‘но, однако, несмотря’, вм. современного jednak.

Калькирование как образование нового фразеологизма, слова или нового значения слова путем буквального переноса соответствующей иноязычной языковой единицы не было отделено от словообразовательных и семантических калек. Однако приведенные примеры однозначно показывают, что большинство интерференционных ошибок, возникших вследствие калькирования, вызваны словообразовательными кальками.

В большинстве приведенных примеров калькирование происходит, очевидно, неосознанно, автоматически. Однако обнаруживается немало случаев, когда автор письменного текста осознает, что он не может подобрать правильный эквивалент русского слова. В этом случае он прибегает к различного рода обходным маневрам, пытаясь преодолеть свой языковой дефицит. Напр., пишущий полностью заимствует русский оборот, употребляя его в кавычках как цитату: *Chińczyk „grał doupadu”* (вм. *grał doupadłego*), *oklaskomniebyłokońca* [5, № 29, с.2].

Таблица 1. Соотношение ошибок, относящихся к группе I–IV

Название лингвистических объектов	Количественные характеристики	
	F	f [%]
Заимствования или буквальный перенос значения калькирования русских слов на близкие по форме польские слова	52	51,49
Калькирование значения фразеологических оборотов или словосочетаний на близкие по форме польские обороты и словосочетания, искажение построения словосочетаний и фразеологических оборотов	16	15,84
Ошибочное употребление слов или выражений и ошибки, возникающие в результате словообразовательных ассоциаций	27	26,73
Употребление слов или оборотов, являющихся языковыми архаизмами	6	5,94
Всего	101	100,0

Здесь: F – абсолютная частота, а N – объем выборки

$f=(F/N) - 100\%$ относительная частота = частность в процентах

Данные табл. 1 показывают, что самой многочисленной группой ошибок является группа, содержащая лексико-семантические ошибки, полученные вследствие калькирования, то есть буквального перевода слов или словосочетаний с русского на польский язык. На втором месте располагаются ошибки, возникающие в результате словообразовательных ассоциаций. Наименьшее число ошибок дают выражения, которые в современном польском языке вышли из употребления, а также искажение постоянных фразеологических оборотов и нарушение связей внутри фразеологизма.

Наконец, надо подчеркнуть, что ошибки, принадлежащие к двум последним группам, не всегда являются следствием интерференции, но отражают тот факт, что многие, уже пожилые лица польского происхождения, усвоившие польский язык в детстве, были отрезаны от динамики польского языка за последние полвека.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Ярцева В. Н. (главный ред.). – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.
2. Большой польско-русский словарь. Гессер Д. Стыпула П. (отв. ред.). – W.: WiedzaPowszechna, 1998.
3. Вайнрайх У., Языковые контакты. Пер. с англ. – Киев: Изд. при Киев. университете, 1979.
4. Дешериев Ю.Д. (отв. ред.), Развитие национально-русского двуязычия. – М.: Наука, 1976.
5. Ерановска-Грончевска Э., Польский язык «GazetyPetersburskiej» // IV славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова, Материалы международной конференции, 12–14 сентября 2002 г. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2003.
6. Doroszewski W., Istota i mechanizm błędów językowych//Rozmowy o języku-Warszawa-Kraków – W.: Radiowy Instytut Wydawniczy, t. 18, 1951.
7. Doroszewski W., O poprawności językowej, błędach językowych i kryteriach poprawności tych pojęć // Słownik poprawnej polszczyzny. Doroszewski W, Kurkowska H. (red.) – W.: PWN, 1977.
8. Janicki K., The foreigner's language in a sociolinguistic perspective. – Poznań: UAM, 1982.
9. Kozłowska Z., O błędach językowych w tekstach polskich przekładów // Język rodzimy a język obcy – komunikacja, przekład, dydaktyka. Kopczyński A., Zaliwska-Okrutna U. (red.). – W.: Wydawnictwa UW, 2001.
10. Leoński J., Teresa Rzepa T, Polacy w Rosji: studium psychosocjologiczne Polaków z Sankt-Petersburga: – W.: Impresje, 1994.
11. Nowy słownik poprawnej polszczyzny. Markowski A. – W.: PWN, 1999.

**LEXICAL AND SEMANTIC ERRORS CAUSED BY LINGUISTIC
INTERFERENCE ON THE EXAMPLE OF INDIVIDUALS
WITH POLISH ORIGIN AND POLES STAYING IN A RUSSIAN-
SPEAKING ENVIRONMENT**

The article presents the classification of errors caused by linguistic interference in a written language, understood as any deviation from the Polish language standard conditioned by the influence of the Russian language. The main source of the research was the language of press and publications of the Polish minority in Saint Petersburg. Basically, the study on the interference was limited to lexical and semantic aspects.

Keywords: the Polish language, the Russian language, language standard, error, linguistic interference.

Когнитивные механизмы изучающего чтения в учебной деятельности иностранных студентов-нефилологов (уровень А0–А2)

В статье автор рассматривает когнитивно-речевые особенности изучающего чтения в учебной деятельности иностранных студентов-нефилологов, а именно основные когнитивные действия, психологические механизмы и операции, обеспечивающие обработку письменной информации при чтении специальных текстов на начальном этапе обучения иностранцев русскому языку.

Ключевые слова: когнитивные механизмы, изучающее чтение, речевая деятельность, специальный текст.

Предмет нашего исследования – когнитивно-речевые особенности изучающего чтения в учебной деятельности иностранных студентов-нефилологов (уровень А0–А2).

Цель исследования – рассмотреть основные действия, психологические механизмы и операции, обеспечивающие обработку письменной информации при чтении специальных текстов на начальном этапе обучения иностранцев русскому языку (далее: РЯ), а также предложить оптимальную систему организации содержания обучения (текстового материала) при формировании умений изучающего чтения у интересующего нас контингента (студентов-нефилологов уровня А0–А2).

Как известно, обучение русскому языку иностранных учащихся-нефилологов обусловлено преимущественно их будущей профессиональной деятельностью на РЯ. Практические задачи нефилологов в профессиональной сфере общения зависят, в том числе, и от сформированности умений чтения как вида речевой деятельности (РД), обеспечивающей адекватную переработку поступающей информации. Безусловно, при формировании навыков и умений изучающего чтения, в частности, при обучении чтению литературы по специальности в целях дальнейшей продуктивной деятельности, необходимо учитывать многие специфические особенности данного чтения как вида РД.

Достижение поставленной цели мы видим в опоре на психологические, психолингвистические и лингводидактические модели изучающего чтения

206 | как вида РД. Данные модели разрабатывались как отечественными, так и зарубежными специалистами.

В соответствии с пониманием деятельности, характерным для отечественной психологической школы (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия) чтение рассматривается как целенаправленная деятельность, обеспечивающая восприятие и осмысление информации, содержащейся в письменном тексте.

При этом восприятие представляет собой опосредованный процесс отражения предметов и явлений в их связях и отношениях, а осмысление – процесс раскрытия и установления выраженных словами связей и отношений речевого общения, обусловленный намерениями, памятью, жизненным и речевым опытом читающего.

В современных психологических и психолингвистических исследованиях процесс чтения трактуется как сложная интеллектуальная – мыслительная – деятельность чтеца по переработке информации, которая включает ряд когнитивных процессов и операций, среди них: восприятие, распознавание информации, память, внимание, мышление.

Приведенные выше данные понимания процесса чтения не противоречат друг другу, а находятся в отношениях взаимодополнения.

По мнению когнитологов, завершающими в цепи обработки информации, в частности, письменной информации, являются такие когнитивные процессы как мышление, формирование понятий, принятие решений. Данные процессы относятся к познавательной деятельности «высшего уровня», то есть глубинного уровня.

Современная когнитивная психология трактует мышление как процесс, с помощью которого формируется новая мыслительная репрезентация. Это происходит путем преобразования информации в результате сложного взаимодействия мыслительных операций анализа, синтеза, обобщения, абстрагирования, рассуждения и принятия решений. Мышление когнитивно, оно представляет собой процесс, при котором в когнитивной системе происходит некоторая манипуляция знаниями.

Как известно, мышление зависит от более фундаментальных компонентов процесса обработки информации, среди них распознавание информации, восприятие, память, которые в процессе обработки информации возникают, естественно, ранее. Следует уточнить, что указанные компоненты когнитивной модели не изолированы друг от друга, ранние стадии обработки информации не отделены от более поздних, а интегрируют в общую модель обработки информации.

Можно предположить, что деятельность, связанная с рецепцией информации, содержащейся в любом микротексте по специальности, представлена следующими когнитивными операциями: 1) перцепция – зрительное восприятие текста, переработка информации на поверхностном уровне;

2) декодирование информации – осмысление и переработка информации на смысловом уровне, предполагающее вычленение «смыслов» из текста, компрессию, сохранение информации.

Итак, в фазе рецепции информации осуществляется сложная умственная деятельность чтеца, которая включает ряд когнитивных операций, заключающихся в процессах интериоризации.

При чтении пусковым механизмом являются оптические сигналы в виде букв, под воздействием которых начинается зрительное декодирование – зрительное восприятие. Оно осуществляется во время остановок движений глаз вдоль строки, когда глаз получает всю необходимую информацию, которая подвергается перцептивной и смысловой обработке.

После перцептивной обработки сигнала начинаются процессы различения и узнавания: различение предполагает дифференцировку воспринимаемого объекта, выделение его существенных признаков, их объединение; при узнавании происходит сличение со следами памяти «эталонами» и устанавливается их совпадение и несовпадение. Заметим, что узнавание протекает в двух формах: в форме мгновенного узнавания – симультанное узнавание; в форме поэлементного сличения – суксессивное узнавание.

При суксессивном узнавании происходит сличение последовательно предъявляемых признаков, основанное на аналитико-синтетической деятельности. В результате тренировки число признаков, предъявляемых для сличения, сокращается, а сам процесс автоматизируется и ускоряется, то есть узнавание носит более свернутый характер и переходит в симультанное узнавание, при котором объект узнается по признакам. Установлено, что в результате сличения выясняется, относится ли данный объект к определенной категории или нет. Если в процессе сличения устанавливается тождественность признаков предмета с признаками эталона, хранящимися в долговременной памяти, то наступает узнавание и происходит следующий прием информации. Если нет, то имеет место рассогласование. В таком случае читающий вынужден возвращаться назад к читаемому тексту. Следовательно, узнавание представляет собой аналитико-синтетическую обработку воспринятого зрительного сигнала.

Далее реализуется стадия смысловой переработки рецептивной информации. На данном этапе происходит установление значений воспринимаемых единиц, их соотнесение со значениями других единиц и со смыслом предложения, смыслового куска, всего текста, а также осуществляется организация поступающей информации и ее оценка. Итак, фаза смысловой переработки рецептивной информации – сложный многоуровневый когнитивно-психологический процесс.

Рассмотрим фазы – этапы процесса изучающего чтения на примере восприятия и понимания носителем языка (подготовленным читателем) микротекста «Ткани, органы и системы органов».

«В организме человека насчитывают более 200 различных типов клеток, которые объединяют в четыре основные группы тканей: эпителиальные, соединительные, мышечные и нервная.

Ткань – это совокупность клеток и межклеточного вещества.

Эпителиальные ткани покрывают поверхности тела, выстилают слизистые оболочки внутренних органов, образуют большинство желез».

1 этап – зрительное восприятие – декодирование текста, когда взгляд читающего перемещается вдоль строки, эти движения чередуются с остановами-паузами.

2 этап – зрительно воспринятый материал подвергается смысловой обработке, когда из долговременной памяти извлекаются соответствующие эталоны, обеспечивающие оптимальную ориентировку реципиента в структурной и содержательной информации текста. В нашем случае в роли этих маркеров – эталонов выступают:

1. конструкции: ЧТО объединяют во ЧТО; Что разделяют на ЧТО.

Данные конструкции актуализируют смысловой блок «Состав, строение объекта».

2. конструкция: N1 это N1, – смысловой блок «Определение объекта».

3. конструкция: N1 покрывают, выстилают, образуют N4 – смысловой блок «Функции объекта».

Таким образом, подготовленный читатель, в сознании которого имеются соответствующие когнитивно-речевые структуры, оптимальным образом способен декодировать информацию, выделять смысловые элементы текста, устанавливать связи между ними, что обеспечивает полноту и точность понимания информации, содержащейся в тексте. Однако неподготовленный иностранец в целях оптимального чтения нуждается в специальной методике, формирующей специальные функциональные системы РД изучающего чтения на неродном, русском, языке.

Литература

1. Васюхно Л.П. Учет катафорической функции падежной формы при обучении чтению студентов-нефилологов (начальный этап обучения). – М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 1996. – 257 с.
2. Когнитивная психология / Р. Солсо. — 6-е изд. — СПб.: Питер, 2006. — 589 с.
3. Кулик А.Д., Мухаммад Л.П. К вопросу об отборе и организации учебного материала на начальном этапе обучения иностранных студентов-гуманитариев (будущих политологов и дипломатов уровня А1–А2). // Российский научный журнал. 2014. – № 2 (40). – С. 169–176.
4. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Мысль, 1997. – 285 с.
5. Мухаммад Л.П. Описание русских падежей в аспекте современной лингводидактики (начальный этап обучения). // Вестник Российского универ-

ситета дружбы народов. / Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2014. № 3. С. 11–16.

6. Щукин А.Н. Методика обучения речевому общению на иностранном языке. – М., Икар, 2011. – 454с.

Ershova E. V.

Russian Academy of National Economy and Public Administration

**COGNITIVE READING LEARNING MECHANISMS IN
LEARNING ACTIVITIES OF FOREIGN STUDENTS –
NON-PHILOLOGISTS (LEVEL A0–A2).**

In the article, the author considers the cognitive-speech features of the student of reading in the educational activities of foreign non-philologists students, namely the main cognitive actions, psychological mechanisms and operations that ensure the processing of written information when reading special texts at the initial stage of learning foreigners in Russian.

Keywords: cognitive mechanisms, studying reading, speech activity, special text.

Основные лексико-грамматические способы передачи видовых значений в русском и испанском языке

В статье рассматриваются лексико-грамматические способы передачи вида в русском и в испанском языке. Видовые характеристики в русском языке выражаются самим глаголом, а не временными формами и глагольными конструкциями, как это происходит в испанском языке. В испанском языке временные формы и глагольные конструкции, взаимодействуя с контекстом и лексическим значением глагола, могут выражать разнообразные актуальные оттенки.

Ключевые слова: категория вида, видовые значения, категория времени, совершенный вид, несовершенный вид.

При анализе видовых значений в русском и испанском языках нужно учитывать, что они принадлежат к разным языковым группам, что, в свою очередь, “предопределяет своеобразие образования и функционирования в них категории вида” [3, с. 330]. В русском языке следует различать грамматическую категорию вида и взаимодействующую с ней лексическую категорию способа действия. В романских же языках вид является лексической категорией глагола. Глаголы, при этом, рассматриваются, с точки зрения наличия в них моментальности, повторности, длительности, начала или завершения.

При рассмотрении категории вида в испанском языке нужно исходить из того, что испанский, как и другие романские языки, развивался на базе латинского языка. В латыни категория вида не имела специальных морфем для своего выражения, а такие способы глагольного действия, как завершённое (перфективное), повторяющееся (итеративное), начинающееся (инкоативное), были оформлены при помощи аффиксов. Например, перфективность в латинском языке передавалась префиксами *ex-*, *con-*, *per-*, *ob-*, которые передавали значение вида с добавочными смысловыми оттенками: *facere* – *делать*, *perficere* – *завершать*.

В испанском языке данные перфективные приставки теряют свою продуктивность, при этом испанский глагол *hacer* может иметь значение ‘*делать*’ и ‘*сделать*’ (‘*Mañana voy a hacer los deberes* / *Завтра я сделаю – буду делать домашние задания*’) в зависимости от контекста. Значение ‘завершать что-либо делать’ выражается глагольными перифразами *terminar de hacer*, *acabar de hacer*.

Латинские аффиксальные формы выражения способа действия в испанском языке, как и в других романских, были заменены грамматикализированным сочетанием «фазовых» глаголов с инфинитивом и герундием. Глаголы движения используются в глагольных конструкциях, или перифразах, которые выражают: преддверие действия (непосредственное будущее): исп. *ir*+inf.; протекание действия: исп. *ir* + *gerundio*; окончание действия: исп. *acabar de* + inf.; вхождение в действие: исп. *comenzar a* + inf.; повторение действия: исп. *volver a* + inf.; завершение действия: исп. *terminar de* + inf.; состояние как результат действия: исп. *estar* + *participio*. Данные формы выражения характера протекания действия обязательно соотносятся с конкретным процессом, локализованным во времени и в пространстве.

Таким образом, в латинском и испанском языке вид как словоизменятельная категория глагола существует лишь в составе временной парадигмы, где видовые значения «завершенности» – «незавершенности» служат основанием для противопоставления некоторых глагольных времен.

Отличительной чертой русского языка является то, что глаголы образуют так называемые видовые пары, компоненты которых тождественны по лексическому значению. Видовые пары могут оппозиционно соотноситься по признаку законченности, завершенности и, с другой стороны, незаконченности, незавершенности действия не по отношению к моменту речи, а в связи с внутренней характеристикой самого действия. Например, *ходить* – *приходить*, *ехать* – *приехать*. Также глаголы могут объединяться в пары на основе противопоставления признака однократности действия с признаком его количественной неопределенности. Например, *выходить* – *выйти*, *уходить* – *уйти*. Данные семантические характеристики формируют категорию вида глагола и позволяют выделить в русском языке два вида: совершенный и несовершенный.

Русские глаголы совершенного вида указывают на результат/однократность действия, не могут выражать действия в момент речи (не передают значения настоящего времени), поэтому имеют значения только прошедшего и будущего времен. Глаголы несовершенного вида не содержат указания на результат/однократность действия и имеют значения в трех временных формах: прошедшего, настоящего и будущего времен. В русском языке, в отличие от испанского, есть так называемый «механизм», позволяющий образовывать при помощи добавления аффиксов к глаголам совершенного вида глаголы несовершенного вида и наоборот. Например, *читать* – *прочитать*, *дочитать*; *мыть* – *помыть*, *промыть*, *домыть*. Также значение видового противопоставления взаимодействует с лексическим значением глагола, с грамматической характеристикой глагольной словоформы и с общими знаниями собеседников о конкретной ситуации общения и о реальной действительности.

Признаки вида присущи, прежде всего, временам испанского глагола. Так, например, испанская система времен включает в себя понятия ограниченности

212 | и неограниченности времени действия, длительности и однократности действия, кратности и точечности действия, предельности и неопределенности действия.

Многие испанские грамматисты считают, что, за исключением времени *Pretérito Indefinido* (простой формы прошедшего времени), все остальные простые времена указывают на незавершенное действие и в них отсутствует значение ограниченности времени действия. В свою очередь, все сложные времена и простое прошедшее время передают ограниченное во времени законченное действие, поэтому в их значении содержатся оттенки совершенного вида. Если мы будем сравнивать русские глаголы с их переводом на испанский язык, мы увидим, что невозможно найти прямые эквиваленты «Совершенный вид – сложное время» и «Несовершенный вид – простое время». Например, глагол идти – *ir* может употребляться в простом времени и в разных контекстах при переводе указывает на совершенный и несовершенный вид соответственно: '*Esta semana iremos a la fiesta* – На этой неделе мы пойдём/идем на праздник'. Таким образом, оппозиция между простыми и сложными временами в испанском языке служит для выражения аспектуальных оттенков. В испанском языке видовая окраска присуща временным формам и системе времен глагола, а не самому глаголу, как происходит в русском языке.

Кроме того, в испанском языке, как мы уже видели, распространены глагольные конструкции, содержащие видовые оттенки, так называемые, перифразы или обороты. Глагольные конструкции часто употребляются в разговорной речи и употребляются в разговорно-обиходной речи, главными «конструктивными» чертами которой являются “экспрессивность и эмоциональность” [2, с. 119]. К глагольным конструкциям можно отнести перифразы с герундием *ir + gerundio*, *andar + gerundio*, *seguir / continuar + gerundio* выражают продолжительное, развивающееся действия, которое обладает характеристиками русского несовершенного вида. Глагольные обороты с причастиями обычно выражают состояние, например, конструкция *estar + participio*. В другой конструкции с причастием *tener + participio* сохраняется связь с действием, что связывает ее с русским совершенным видом. Конструкция *tenemos hechas las maletas / ‘У нас собраны чемоданы’* синонимична испанскому сложному времени *Pretérito Perfecto*: '*Hemos hecho las maletas*' / '*Мы собрали чемоданы*'.

Испанские начинательные (инкоативные) обороты *empezar/comenzar a + infinitivo* содержат видовые оттенки, которые в зависимости от времени глагола и лексического значения инфинитива близки к несовершенному виду или к совершенному виду: '*Los estudiantes empezaron a leer el libro / Студенты начали читать книгу*'. Другой инкоативный оборот *ponerse/ echarse a + infinitivo* содержит указание на резкое, внезапное начало действия и соответствует русскому совершенному виду: '*El perro se puso a correr / Собака бросилась бежать (побежала)*'.

Испанские терминативные обороты *acabar/terminar/dejar/cesar de + infinitivo* обозначают только что законченное действие совершенного вида, несмотря на то, что в подобных конструкциях в русском языке употребляется инфинитив несовершенного вида: *'Pedro acaba de leer el periódico / Педро только что закончил читать журнал = Педро прочитал журнал'*. Таким образом, в испанских начинательных и терминативных оборотах нет видového выбора для инфинитива, а видовой оттенок выражает весь оборот, в то время как в русском языке подобные сочетания подчинены правилам согласования, а инфинитив может быть замещен лишь глаголом несовершенного вида.

Таким образом, в системе испанского языка невозможно найти прямых соответствий русской категории вида. Отсутствие формально выраженной категории вида в испанском языке компенсируется различными средствами. Вид в испанском языке выражается с помощью развитой системы флективных и аналитических видовременных форм, а также большого количества глагольных конструкций, которые "взаимодействуя с контекстом и лексическим значением глаголов, могут отображать те или иные видовые оттенки" [4, с. 333].

Литература

1. Васильева-Шведе О.К., Степанов Г.В. Теоретическая грамматика испанского языка: Морфология и синтаксис частей речи. – М.: Высшая школа, 2004. – 112 с.
2. Жданова А.В. Стилистические особенности употребления фразеологизмов с концептом «Gato» в испанском языке. // Вестник Тверского государственного университета. / Серия: Филология. 2017. – № 1. – С.199–123.
3. Жданова А.В. Особенности функционирования глагольной категории вида в произведении Г. Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» (на материале перевода Н.Бутыриной и В.Столбова). // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. – № 92 (87). – Ч. 2. – С. 329–334.
4. Фирсова Н.М. Грамматическая стилистика современного испанского языка. – М.: Высшая школа, 2005. – 352 с.
5. Menéndez Pidal R. Manual de gramática histórica española. 19-a ed. Madrid, Editorial Espasa Libros, 1999. – 368 pp.

Zhdanova A.V.

Pushkin State Russian Language Institute

THE LEXICO-SEMANTICAL REPRESENTATION OF RUSSIAN AND SPANISH ASPECTUAL MEANINGS.

This article deals with the peculiarities of the verbal aspect category functioning in Russian and Spanish. The aspectual characteristics of the Russian verb are expressed by the verb itself and not by tense forms and verbal constructions as it is in Spanish. In Spanish tense forms and verbal constructions interact with the context and the lexical meaning of the verbs representing aspectual nuances.

Keywords: category of aspect; aspectual meanings; verbal constructions; perfective aspect; imperfective aspect.

Перспективные направления изучения когнитивных стилей в аспекте обучения русскому языку как иностранному

Когнитивно-стилевой подход является в настоящее время одной из актуальных тем исследования в междисциплинарных областях. Однако в аспекте РКИ он до сих пор не получил достаточного освещения. В статье обосновывается необходимость учета индивидуальных когнитивных особенностей учащихся при обучении русскому языку как иностранному и намечаются возможные пути дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: русский как иностранный, когнитивные стили, личностно-ориентированный подход, дифференцированное обучение.

Несмотря на то, что изучение когнитивных стилей [далее – КС] в последнее время привлекает все большее количество исследователей, в среде методистов и преподавателей русского как иностранного эта тема недостаточно освещена. Кроме того, необходимость опоры на когнитивные стили в процессе обучения иностранных учащихся русскому языку не вполне обоснована, неясен вопрос о том, в каких направлениях могут производиться дальнейшие исследования когнитивных стилей в аспекте РКИ. В настоящем исследовании производится попытка решить данные проблемы.

В качестве рабочего прием определено М.А. Холодной: «когнитивные стили – это индивидуально-своеобразные способы переработки информации о своем окружении в виде индивидуальных различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации, оценивании происходящего» [8, с. 38]. Отметим, что понятие когнитивного стиля пришло в педагогику из психологии, но уже как концепция с иным практическим назначением.

Более подробно о понятии «когнитивный стиль» и связанных с ним терминами «познавательный стиль», «когнитивный стиль языковой личности», «персональный познавательный стиль», «индивидуальный стиль деятельности», «стиль учения» см., например, [1; 2; 6].

Стоит отметить, что когнитивный стиль «представляет собой подсистему индивидуального стиля деятельности, отражающую его гностические компоненты» [6, с. 128], и в центре нашего исследования находится не индивидуальный когнитивный стиль, то есть КС отдельной личности, а его стандартизированный, упрощенный вариант.

В настоящее время в российских вузах распространено обучение РКИ на профессиональной основе с опорой на специфику родной культуры учащихся. К сожалению, когнитивно-стилевой подход не введен в общую практику. Его применение требует больших затрат от преподавателя, но и дает более высокие результаты (см.: [7]).

Перспективность изучения индивидуальных различий в когнитивной сфере в аспекте РКИ была отмечена некоторыми отечественными учеными (Авдеева И.Б., Байдашева Э.М., Сельверова Л.О., Фурсов Д.Е., Черенкова Б.В. и др.).

Учет когнитивных особенностей может быть полезен в рамках индивидуального, дифференцированного подхода к обучению. Общеизвестно, что иностранный студент, изучающий русский язык в языковой среде, испытывает культурный шок. Кроме того, ему необходимо также осуществить некоторую когнитивную перестройку, чтобы приспособиться к изучению русского языка. У обучающегося может даже возникнуть некоторая паника из-за того, что у него лишь с большим трудом получается выполнить определенные упражнения. Причина таких неудач может быть и в том, что задания не подходят когнитивному стилю учащегося.

На начальных этапах изучения языка трудности воспринимаются особенно болезненно и могут поддерживать восприятие студентами русского языка как «слишком сложного». Однако если упражнения подобраны с учетом когнитивного стиля студента, это облегчает для него процесс обучения, та энергия, которая могла быть потрачена на когнитивную адаптацию, используется уже собственно для изучения языка. Не испытывая чрезмерных сложностей, студент привыкает, что трудности преодолимы, успех возможен, а это в свою очередь повышает мотивацию обучающегося. А осознание студентом того факта, что обучение подобрано под его персональные способности и потребности, повысит его самостоятельность, дисциплинированность.

Таким образом, с помощью внедрения когнитивно-стилевого подхода в область преподавания РКИ можно повысить уровень психологического комфорта, способствовать «активизации мотивационно-познавательной сферы» [6, с. 131], в итоге, сделать процесс обучения эффективнее.

Кроме того, нельзя игнорировать прямую связь самооценки обучения и успешности студентов. Так, студенты с высокой самооценкой обучения более успешны в учебной деятельности (см.: [5]).

Среди прочего возникает вопрос о том, стоит ли признать удачным в аспекте РКИ «биполярное измерение» [8, с. 40] когнитивных стилей, то есть представление их как одного из крайних полюсов, например, ригидности / гибкости познавательного контроля. На наш взгляд, диагностика когнитивных стилей в целях дальнейшего обучения русскому языку как иностранному требует большей дробности шкалы, например, измерение развитости какого-либо параметра может производиться по шкале от 0 до 5. В этом

216 | случае 0 обозначал бы абсолютную невыраженность признака, например, полнезависимости (термин Г. Уиткина), то есть умения личности быстро выделять нужное из «поля»/ текста.

Мы исходим из предположения, что существует некий набор когнитивных стилей, сопутствующий успешности учащегося в освоении иностранного языка. Выяснив этот набор, мы могли бы прогнозировать, с одной стороны, степень успешности студента в данном виде деятельности, с другой, подбирать для него те виды упражнений, которые удаются ему лучше всего, с третьей, включать упражнения на развитие тех когнитивных стилей, которые в принципе требуются для овладения иностранным языком. Мы считаем, что градуальная шкала более, чем биполярное измерение, подходит для осуществления данной стратегии.

Для методиста РКИ могут быть полезны психологические исследования, посвященные корреляциям между когнитивными стилями. Информация о том, как КС связаны между собой, находятся ли какие-то из них в отношениях несовместимости или, наоборот, взаимодополнения, была бы практически значима для внедрения когнитивно-стилевого подхода в РКИ. Так, «обнаружены базовые (ведущие) стили, ответственные за проявление индивидуального стилевого индекса в сторону либо «аналитичности», либо «синтетичности» и «периферические стили», которые подкрепляют векторное направление ведущих» [4, с. 176–177].

Интересно, что «определенный набор познавательных процедур может оказаться типичным для целой группы похожих, или, наоборот, отличных людей» [6, с. 128]. В связи с этим встает вопрос о том, стоит ли, возможно ли разделять учащихся на гомогенные группы по когнитивным стилям, или, наоборот, лучше обучать всех вместе, сохраняя в аудитории условия коммуникации, максимально приближенные к естественным.

Во всяком случае, мы полагаем, что основная часть упражнений должна быть подобрана под когнитивный стиль учащегося, и малая часть заданий должна развивать те когнитивные параметры, которые способствуют успешному изучению РКИ.

Важно упомянуть еще и то, что при работе в группе когнитивное поведение осуществляется по другим законам и зависит уже и от многих других сложных факторов, в том числе от размера группы, от места индивида в ней. Различия в когнитивном поведении индивида во время самостоятельной работы, с преподавателем, а также в группе при обучении РКИ также могли бы стать интересной основой для дальнейшего исследования.

Необходимо понимать, что когнитивный стиль индивида не является неизменным. Наоборот, он способен подстраиваться под требования внешней среды, и можно предположить, что у людей с хорошей обучаемостью и высокой культурой самообразования он особенно гибок. Под влиянием

изучаемого предмета когнитивный стиль постепенно трансформируется. Перспективным было бы проследить эволюцию когнитивных стилей у студентов, изучающих РКИ. При этом важно учесть происходящие возрастные изменения в познавательном поведении учащихся (см.: [9]).

В этой связи также было бы целесообразно ввести практику периодического тестирования на текущие когнитивные параметры; с привлечением уже имеющихся психологических исследований и специальных экспериментов определить необходимую частоту такого тестирования, т.е. выяснить, как быстро меняется когнитивный стиль у молодых людей, у нашей целевой аудитории.

Разумеется, мы не можем поставить перед собой такую радикальную и едва ли выполнимую задачу, как разработка упражнений для каждого учащегося отдельно. Такая стратегия применима только в рамках индивидуальных занятий. В условиях же рабочей группы актуально выделить несколько основных когнитивных стилей, которые отражали бы разные способы овладения иностранным (в частности русским) языком. Далее было бы логично выяснить, какие виды упражнений и типы работы предпочтительны для каждого стиля, после чего разработать соответствующие комплексы упражнений. Таким образом, возникает задача разработки учебно-методических комплексов с учетом когнитивного аспекта.

В осуществлении внедрения когнитивно-стилевого подхода в практику преподавания РКИ могут быть полезны следующие опросники: «Опросник стилей деятельности» П. Хони и А. Мэмфорда, «Опросник имплицитных теорий и целей обучения» К. Двек, «Опросник стилей учения» М. Эрман и Б.Л. Ливер, диагностика стилей познания по модели VARK Н. Флеминга, диагностика по методу Дж. Брунера.

Важнейшая задача в дальнейшем изучении когнитивно-стилевого подхода в аспекте РКИ заключается в том, чтобы выделить набор когнитивных параметров, которым обладают студенты, успешные в изучении русского языка как иностранного.

Применение когнитивно-стилевого подхода в РКИ повлечет за собой как «усиление роли самостоятельности в учебном процессе» [3, с. 104], так и повышение сознательности и самомотивации учащегося.

Таким образом, с точки зрения когнитивно-стилевого подхода, можно сформулировать направление деятельности преподавателя РКИ так: подавляющая часть упражнений должна максимально соответствовать когнитивному стилю учащегося, а остальные упражнения должны быть направлены на развитие когнитивных параметров, которыми обладают успешные в изучении русского языка студенты.

Работа преподавателя РКИ, помимо всего прочего, направлена и на развитие гибкости когнитивного стиля учащихся, на усовершенствование тех

218 когнитивных навыков, которые необходимы для успешного овладения русским языком как иностранным.

Литература

1. Богданова Е. А. Стиль учения как проявление персонального познавательного стиля ученика // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – № 73–2. – С. 18–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stil-ucheniya-kak-proyavlenie-personalnogo-poznavatel'nogo-stilya-uchenika> (дата обращения: 20.02.2019).
2. Болотнова Н.С. К вопросу о понятии «Когнитивный стиль языковой личности» // Вестник ТГПУ. – Томск: ТГПУ, 2012. – № 10 (125). – С. 164–168. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-kognitivnyy-stil-yazykovoy-lichnosti> (дата обращения: 20.02.2019).
3. Бухтеева Е.Е. К проблеме формирования персонального познавательного стиля // Вестник РМАТ. – Химки: Российская международная академия туризма, 2014. – №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-formirovaniya-personalnogo-poznavatel'nogo-stilya> (дата обращения: 20.02.2019).
4. Жбанкова Н. В., Лукьянченко Н. В. Особенности структурной организации когнитивных стилей личности // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. – Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2006. – № 1. – С. 175–182. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-strukturnoy-organizatsii-kognitivnyh-stiley-lichnosti> (дата обращения: 20.02.2019).
5. Корней Н.В., Лобанов А.П. Стили обучения мышления успешных и неуспешных студентов с разным профилем обучения // БГПУ, 2015. – С. 78–87.
6. Обдалова О.А., Соболева А.В., Найман Е.А. Понятие когнитивного стиля и его роль в функционировании познавательной сферы личности при обучении иностранному языку // Вестник ТГУ. – Томск: ТГУ, 2013. – №366. – С. 126–131. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kognitivnogo-stilya-i-ego-rol-v-funktsionirovanii-poznavatel'noy-sfery-lichnosti-pri-obuchenii-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 20.02.2019).
7. Токтарова В.И., Маматов Д.Р. Реализация модели адаптивного обучения на основе познавательных стилей // Теория и практика общественного развития. – Краснодар: ХОРС, 2015. – № 8. – С. 242–246. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-modeli-adaptivnogo-obucheniya-na-osnove-poznavatel'nyh-stiley> (дата обращения: 20.02.2019).
8. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. — СПб.: Питер, 2004. — 384 с.
9. Черноморова О.Н. Индивидуально-психологические и возрастные особенности студентов при обучении иностранному языку // Известия ЮФУ. Технические науки. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2011. – № 10. – С. 143–150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualno-psiologicheskie-i-vozzrastnye>

Zhdanovich O., Leshutina I.A.

Pushkin State Russian Language Institute

**THE PERSPECTIVE DIRECTIONS OF COGNITIVE STYLES
RESEARCH IN THE AREA OF TEACHING RUSSIAN AS
A FOREIGN LANGUAGE**

The cognitive styles approach is currently one of the relevant topics in interdisciplinary researches. However, in the area of RFL, the cognitive styles approach was not sufficiently covered. The article substantiates the necessity of the application of the cognitive styles approach in the RFL training and outlines possible fields for further research in this area.

Keywords: Russian as a foreign language, cognitive styles, person-centered approach, differentiated teaching.

Экскурсия по Петербургу Достоевского

В статье представлена информация по истории русской литературы и литературному краеведению на материале прозы Ф.М. Достоевского. В формате заочной экскурсии анализируется роман «Преступление и наказание» в географическом аспекте. Следование за автором по улицам, площадям, квартирам героев, и исследование соотношений этих маршрутов и жилых объектов в литературном тексте и в реальности в прошлом и современности, выявление роли городского пейзажа в петербургском тексте помогают выявить психологизм, реалистичность (документальность), социально-философскую сущность романа через диалог города с его обитателями, вскрыть оригинальность геопоэтики писателя.

Ключевые слова: русская литература, Петербург, Ф.М. Достоевский, литературное краеведение.

Литературные экскурсии имеют колоссальный познавательный и эстетический эффект, а для обучающихся они обладают еще и воспитательным потенциалом.

При изучении творчества Ф.М. Достоевского в 10 классе можно практиковать литературные экскурсии, например, по месту проведения городскую, по содержанию литературно-биографическую, или монографическую. Литературно-художественная, или поэтико-текстовая экскурсия познакомит с местами, нашедшими художественное отражение в истинно петербургском романе «Преступление и наказание».

Петербург – город, возведенный на болотах, построенный на костях тысяч людей, порождения сверхчеловеческого гения великого Петра, дерзнувшего бросить вызов самой природе.

В настоящее время большинство из нас и российских туристов знает северную столицу, как храм искусств, средоточие достопримечательностей: дворцов, площадей, музеев и соборов. «Санкт-Петербург называют фантастическим, непостижимым городом. Гуляя по улицам и проспектам города, можно почувствовать ту глубинную основу, которая некогда побудила Петра I именно здесь создать новую столицу Российского государства. Задуманный великим реформатором город стал уникальным явлением в жизни России и выдающимся произведением градостроительного искусства» [3, с. 7].

Петербург – частотный топос в русской классике. [1] Он выступает то фоном и местом действия, то важным и полноценным «героем» произведений. Свой «портрет» и собственная, построенная на контрасте, геопоэтика этого локуса в наследии Ф.М. Достоевского.

«Петербург Достоевского – это отвратительные трущобы, грязные расписочные и дома терпимости, узкие улочки и мрачные закоулки, тесные дворцы-колодцы и темные задворки. Здесь душно и нечем дышать от вони и грязи; на каждом углу попадаются пьяные, оборванцы, продажные женщины. В этом городе постоянно происходят трагедии: с моста на глазах у Раскольникова пьяная женщина бросается в воду и тонет, под колесами щегольской барской коляски гибнет Мармеладов, на проспекте перед каланчой кончает жизнь самоубийством Свидригайлов, на мостовой истекает кровью Катерина Ивановна, а на бульваре Раскольников встречает молоденькую девушку, которую “где-нибудь напоили, обманули, да так и пустили на улицу”» [4, с. 126]. Петербург Достоевского болен, не здоровы и его герои: кто нравственно, кто физически.

Автор документально точно ориентирует нас в городской местнографии. Район, где живут герои романа и происходят основные события, это – Сенная площадь и прилегающие к ней «серединные» улицы: Садовая, Вознесенский проспект, Гороховая, три Мещанских – Малая, Средняя, и Большая, Столярный и Таиров переулки. Они и сегодня числятся на карте Санкт-Петербурга, правда, подавляющее большинство из них теперь переименованы.

Названия улиц:

Прежнее	Современное
1. Сенная площадь	1. Площадь Мира
2. Садовая улица	2. Садовая улица
3. Вознесенский проспект	3. Проспект Майорова
4. Малая Мещанская	4. Казначейская улица
5. Средняя Мещанская	5. Гражданская улица
6. Большая Мещанская	6. Улица Плеханова
7. Столярный переулок	7. Улица Пржевальского
8. Таиров переулок	8. Переулок Бринько

А.Г. Достоевская в 1907 году на полях одного из экземпляров «Преступления и наказания» сделала уточняющие примечания, расшифровав ряд сокращенных обозначений. «Оказалось, что «С-й переулок» – Столярный переулок, «К-й мост» – Кокушкин мост, «В-й проспект» – Вознесенский проспект, «-ский мост» – Вознесенский мост» [2, с. 45].

Начнем маршрут с *Сенной площади*, именно здесь в голову Раскольникова и закралась мысль об убийстве старухи-процентщицы. «Площадь стала называться Сенной еще в 1730 году. Тогда здесь был открыт рынок, где торговали скотом, овсом, дровами и пр. Площадь убиралась очень редко, была покрыта отбросами, в воздухе пахло гнилью. Долгое время Сенная площадь была

222 | мостом публичных наказаний. Здесь по указанию господ били плетью провинившихся крепостных. (Об этом, например, стихотворение Н.А. Некрасова «Вчерашний день, в часу шестом...»). На площади стояла церковь – в народе ее называли «Спасом на Сенной» [4, с. 169–170]. Церковь эта была одним из самых богатых храмов Петербурга. Ее посещали купцы, делавшие большие вклады, но постоянными прихожанами были и бедняки, которых в этой части города было множество. Салтыков-Щедрин в «Современной идиллии» говорил о том, что Сенная – это единственное место в центре города, где полиция не требует даже внешней благопристойности. Главный элемент уличной толпы состоит из простонародья разного звания и занятий. Один из этой толпы – Раскольников.

С Сенной площади движемся к дому Родиона через *Кокушкин мост*, который мог сократить путь. Здесь, по левую сторону от набережной канала Грибоедова, сегодня располагается «Достоевский квартал» с домами Сонечки Мармеладовой и Родиона Раскольникова.

Остановимся на углу одной из улиц, которую пересекает герой. Встанем на перекрестке и посмотрим по сторонам. Всюду глаз упирается в стену. Для Петербурга с его великолепными набережными, площадями, проспектами, открывающими далекие перспективы, эти улицы необычны. «Они короткие, узкие, упираются одна в другую под различными углами, напоминающими тупики. Дома теснятся длинными сплошными рядами разной протяженности, высоты и окраски. Архитектура фасадов пестра и в то же время однообразна. Это «доходные» дома. Тех, кто строил эти дома, не волновали удобства и красота. Единственным требованием владельцев к строителям было – приспособить дом к наиболее плотному заселению жильцами, чтобы выжать как можно больше платы за квартиру. Дома эти с небольшими комнатухами были густо заселены людьми. В них жили портные, сапожники, мебельщики, часовщики, слесари, белошвейки и прочий ремесленный люд» [2, с. 46–47].

От Кокушкина моста к дому Раскольникова ведет *Столярный переулок*. В газете «Петербургский листок» об этом переулке сообщалось следующее: «В этих шестнадцати домах помещается 18 питейных заведений, так что желающие насладиться подкрепляющей и увеселительной влагой, придя в Столярный переулок, не имеют даже никакой необходимости смотреть на вывески: входи в любой дом, даже на любое крыльцо – везде найдешь вино» [4, с. 48].

В романе пятиэтажный дом Раскольникова стоит на углу. Время изменило облик здания. На современной фотографии оно четырехэтажное. Причина в том, что это здание в конце XIX века было перестроено. Пятый этаж, где находилось под самой кровлей низенькие каморки, был оборудован под фотографию, а позже превращен в чердак. Единственным украшением дома служат редкие скучные наличники на третьем этаже. Балкон второго этажа превращен в фонарь в позднейшее время, но и от него уже веет чем-то очень старым. Такие дома Ф.М. Достоевский характеризует как лишенные «всякой архитектуры».

Зайдем во двор дома, где жил герой. Перед нами двор-колодец, тесный и давящий. Кажется, сюда никогда не проникает солнце. Нас окружают темные улицы, непроницаемые грязные серые стены, как бы напоминая о тупиках и безнадежности всего существования живущих здесь людей. Романист описывает даже лестницы, по которым поднимался Раскольников. Например, в доме старухи: «Лестница была темная и узкая, «черная»... в такой темноте даже и любопытный взгляд был опасен».

В полицейской конторе также «лестница была узенькая, крутая и вся в помоях. Все кухни всех квартир во всех четырех этажах отворялись на эту лестницу и стояли так почти целый день. Оттого была страшная духота». Лестница, по которой каждый день ходил Раскольников, тоже узкая, крутая, темная, с полукруглыми проемами. Стопнанные каменные ступеньки. Они ведут под самую кровлю дома, в каморку героя, которая «походила более на шкаф», «каюту», «гроб», «конуру», «сундук», чем на квартиру» [4, с. 174].

В романе говорится, что вблизи дома Раскольникова находилась и полицейская контора, где следователь Порфирий Петрович допрашивал Раскольникова. «Контора была от него с четверть версты. Она только что переехала на новую квартиру, в новый дом, в четвертый этаж... Раскольников прошел прямо на -ский мост, стал на середине, у перил... В контору надо было идти все прямо и при втором повороте взять влево: она была тут в двух шагах... Войдя под ворота, он увидел направо лестницу. На плане Петербурга, составленном в 1849 году большим знатоком города Н. Цыловым, съезжий дом в районе Сенной площади – «полицейская контора» – отмечен на углу Садовой и Большой Подъяческой улиц. В адресной книге Петербурга за 1862 год этот дом значится по Большой Подъяческой улице под №26. Здание сохранилось по сей день и под тем же номером» [4, с. 173–174].

В двух шагах от дома Раскольникова живет Соня Мармеладова – в квартире портного Капернаумова, на канаве у -ского моста. Мы читаем в романе, что Соня, выйдя от Раскольникова, дважды поворачивает направо и выходит на канаву. Путь ее лежит по Столярному переулку к сенной площади, на Екатерининский канал, в сторону Вознесенского моста. Так сам текст позволяет расшифровать адрес героини. До нашего времени *на канале Грибоедова*, на углу Казначейской улицы, неподалеку от Вознесенского моста, стоит *дом № 73*. Один фасад этого дома выходит на набережную, другой под тупым углом – на Казначейскую. Еще до недавнего времени дом Сони был в три этажа и сохранял светло-зеленую окраску. Теперь в здании надстроен четвертый этаж, оно желтого цвета. Жилище Сони так же мрачно и убого, как жилище Раскольникова. «Сонина комната походила как будто на сарай, имела вид весьма неправильного четырехугольника, и это придавало ей что-то уродливое. Стена с тремя окнами, выходившая на канаву, перерезывала комнату как-то вкось, отчего один угол, ужасно острый, убежал куда-то вглубь, так что его, при слабом освещении, даже и разглядеть нельзя было хорошенько...»

Еще один адрес, где совершил убийство Раскольников – дом старухи-процентщицы. Три раза Родион ходил к дому Елизаветы Ивановны: «Идти ему было немного, он даже знал, сколько шагов от ворот его дома, ровно семьсот тридцать». Дом старухи был «преогромнейшим», одной стеной он выходил на канаву, другой в ...-ю улицу. «Дом стоял весь в мелких квартирах и заселен был всякими промышленниками – портными, слесарями, кухарками, разными немцами, девицами, живущими от себя, мелкими чиновничеством и проч. Входящие и выходящие так и шмыгали под обоими воротами и на обоих дворах дома... Много окон, выходивших на этот огромный квадратный двор, было отперто в эту минуту, но он не поднял головы – силы не было». Дом старухи-процентщицы сохранился. Им считается **дом № 104 по каналу Грибоедова**. Он угловой и по Средней Подъяческой имеет № 15.

Именно таким образом входил в сознание героев градоведа и психолога Достоевского столичный Петербург, так воспринимал его сам писатель. В самом воздухе Петербурга словно растворена какая-то губительная и нездоровая страсть. Санкт-Петербург XIX века дал возможность великому классику поднять ряд важных социальных, этических и философских проблем. Не зря, когда Санкт-Петербург превратился в одну из блестящих европейских столиц, Ф.М. Достоевский назвал его «самым умышленным» и «самым отвлеченным городом» [3, с. 5].

Литература

1. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. – М.: Бертельсманн Медиа Москау АО, 2014. – 400 с.
2. Волкова Л.Д. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в школьном изучении. – Л.: Просвещение, 1977. – 175с.
3. Санкт-Петербург. Альбом (на русском языке). – С.-П.: Альфа-Колор. – 2012. – 159 с.
4. Сарухунян Е.П. Достоевский в Петербурге. – Лениздат, 1970. – 264 с.

*Zakirova Natalia Nikolaevna, Kostitsyna Natalya Andreevna,
Shilyaeva Svetlana Nikolaevna*

Glazov State Pedagogical Institute named after V.G. Korolenko

EXCURSION ACROSS ST. PETERSBURG DOSTOYEVSKY

Information on history of the Russian literature and literary study of local lore on material of prose of F.M. Dostoyevsky is provided in article. In a format of the correspondence excursion the novel «Crime and punishment» in mestnograficheskyy aspect is analyzed. After the author on streets, squares, apartments of heroes and a research of ratios of these routes and inhabited objects in the literary text and in reality in the past and the present, identification of a role of a city landscape in the St. Petersburg text the psychologism, realness (documentation), a social and philosophical entity of the novel through dialog of the city with its inhabitants help to reveal following, to open originality of geopoetics of the writer.

Keyword: Russian literature, St. Petersburg, F.M. Dostoyevsky, literary study of local lore.

Театр в системе формирования профессиональных компетенций студентов ГГПИ: из опыта подготовки учителей словесности

(к 80-летнему юбилею педвуза Удмуртии в Год театра в России)

В статье дан обзор театральных традиций в Глазове и в старейшем и единственном в Удмуртии педвузе – Глазовском государственном педагогическом институте им. В.Г. Короленко. Приведены примеры межпредметной интеграции видов искусства в системе учебной и воспитательной работы на филологическом факультете ГГПИ. Отмечена роль в разработке методики изучения русской драматургии и организации студенческого театра доцента С.И. Софроновой и других преподавателей кафедры русского языка и литературы и воспитательного отдела института.

Ключевые слова: русская литература, драматургия, театр, методика, Глазовский педагогический институт им. В.Г. Короленко.

Северная столица Удмуртии – Глазов, культурный и образовательный центр региона, город имеет богатую историю и мощные культурные корни. И они бережно сохраняются нашими земляками. Творческая интеллигенция, научное и педагогическое сообщество города широко используют в своей деятельности ценные культурные традиции края, давшего миру такие имена, как семьи Чайковских, Катаевых, Книппер... [3].

Культурологическая модель образования, основанная на аксиологическом подходе к воспитанию и просвещению обучающихся осуществляется при интеграции изучения литературы и других видов искусства (театр, живопись, музыка). Так в содружестве глазовских школ с городским муниципальным театром «Парафраз», с Народным театром в ОКЦ «Россия», с музыкальной студией «Глазовчанка», с театральными гостиницами в краеведческом музее, в Доме дружбы народов, в ПНБ им. В.Г. Короленко и с другими действующими театральными коллективами города и гастролирующими театрами юные

226 | Глазовчане приобщаются к духовным ценностям мировой и отечественной драматургии прошлых веков и современности.

Театр находится на стыке формального (урочного) литературного образования и внеурочного обучения литературе. Комплекс «литература – театр» привлекает внимание как теоретиков школьного литературного образования, так и педагогов-практиков.

Не случайно в школах и ссузах города идет своя театральная жизнь, помогающая формированию у обучающихся эстетического вкуса и комплекса компетенций гуманитарного плана. Ясно, что и в педагогическом институте, прежде всего на филологическом факультете, изучение художественной литературы целесообразно проводить в тесной связи с театральным искусством.

В Глазовском педагогическом институте им. В.Г. Короленко, насчитывающем 80-летнюю историю, в разные годы на филологическом факультете изначально имелись драматические кружки, велись факультативы, специальные курсы и ДПВ театральной направленности. Так с 1960-х годов ведущими преподавателями: Л.А. Чешковой, С.Я. Пашковой, Ю.П. Деминой, В.В. Захаровым в вузе регулярно проводились литературно-музыкальные вечера, театральные гостиные, композиции, имевшие широкий резонанс в городе. А доцентом С.И. Софроновой, возглавившей эту работу, был разработан спецкурс «Литература и театр», который продолжает вызывать интерес у будущих учителей словесности и сегодня. [6] В его цели и задачи входят: развитие художественного восприятия студентов; постижение литературного произведения, авторского видения окружающего мира, человеческих характеров; формирование навыков вести дискуссию и аргументировать свою точку зрения; приобщение к театральному искусству; знакомство с историей театра XIX века; изучение драматического произведения с двух сторон: как художественное произведение с позиций литературоведческой науки и как драматическое произведение, созданное для сцены, т.е. по законам театрального искусства [7].

Студенты должны: повторить и освоить сведения по теории и истории литературы; прочитать и изучить драматическое произведение; уметь сопоставлять первоисточник и его сценическое воплощение; овладеть культурой чтения драматического произведения; овладеть театральными и сценическими терминами; выразительно читать фрагменты произведений; принимать участие в постановке спектаклей литературного театра; уметь оценить произведение с позиций современности; уметь выступить с докладом или сообщением; написать рецензию на спектакль.

Содержание курса основано на изучении драматических произведений А. Грибоедова, А. Пушкина, Н. Гоголя, И. Тургенева, А. Островского, Л. Толстого, А. Чехова, на примере которых выявляются закономерности развития русской литературы XIX в., особенности реалистического метода в драматургии.

Большое внимание уделяется рассмотрению идейного содержания, проблематики, общественно-нравственного звучания классических произведений русской драматургии, и их художественной формы (жанр, композиция, стиль, язык, художественные тропы, система образов, приемы типизации и т. д.).

Особенность курса заключается в том, что он предусматривает возможность погрузиться в атмосферу произведения, почувствовать историческое время, понять писателя, позицию героев. Произведения детально анализируются с различных точек зрения: с позиций автора, режиссера, критика, художника, актера, зрителя.

Данный курс состоит из двух частей: 1-я – теоретическая: изучение драматических произведений XIX века; 2-я часть – практическая: организация литературного театра и участие в нем студентов.

Цель литературного театра – не столько в достижении зрелищности, сколько в приобщении студентов к культуре через искусство слова и сценического действия. Участие студентов в работе литературного театра способствует развитию речи, образного и вербального мышления, расширению кругозора. Кроме того, участвуя в подобных литературно-театральных проектах, студенты учатся характеризовать нравственно-эстетические идеалы писателей, интерпретировать художественную идею на основе авторской позиции и не только выражать отношение к прочитанному, но и давать ему эмоционально-эстетическую оценку. Собственная театральная деятельность имеет положительное влияние на развитие интеллекта, на сферу чувств, на умение свободно держаться на публичном выступлении, на выработку правильной, ясной и богато интонированной речи, на формирование коллективного творчества.

Литературный театр в ГГПИ существует с начала 1970-х годов. С 2007 г. на филологическом факультете образовался театр «Прометей». За десятилетия через него прошли поколения студентов и сложился солидный репертуар: были поставлены спектакли по пьесам А. Блока («Балаганчик»), М. Лермонтова («Маскарад»), Н. Гоголя («Ревизор» и «Женитьба»), А. Островского («Женитьба Бальзаминова», «Доходное место», «Свои люди сочтемся»), И. Тургенева («Месяц в деревне», «Провинциалка»), А. Чехова («Три сестры»); И. Крылова («Урок дочкам»), Е. Шварца («Золушка»), Л. Филатова («Про Федота стрельца, молодого удальца»), проведены литературно-музыкальные композиции с элементами театрализации: «В мире А.Н. Островского», «Музы А.С. Пушкина», «Страницы любви» (по творчеству Тургенева), «Встреча поэзии и любви» (Ф. Тютчев, А. Фет, А. Некрасов), «По страницам «Войны и мира» Л.Н. Толстого», сцены по произведениям Ф.М. Достоевского.

Среди выпускников ГГПИ, прошедших через театральные подмостки «Прометей» и ежегодного фестиваля «Весна ГГПИ» есть известные в Удмуртии актеры, режиссеры, ведущие радио и телекомпаний, сотрудники

228 | Центрального телевидения (К. Софронов, Р. Касимов, И. Мальцев, Д. Салимзянов, Т. Симанова, П. Вершинин), певцы (П. Быков, Ю. Валеева и др.), организаторы театральной работы в школах города и районов Удмуртии (Р.А. Касимова, С.Г. Селиванова-Макарова, В.М. Разжавина, Д. Булдакова, Н.И. Кутергина, М. Шкляев и мн. др.). Театр пользуется успехом у студентов и школьников, является эффективным средством работы с потенциальными абитуриентами вуза. Каждый год в театр приходят новые студенты. Сейчас в театре более 40 человек.

Свою историю имеет выросший из институтской «театральной мастерской» коллектив преподавателей ГГПИ, воплотивший на сцене литературного камерного театра спектакли: «Писатель и актриса», «А душу твою люблю...», «Миррэлия», «А все-таки смерти нет!» Этот опыт стал основой организации в Глазове Книппер-Чеховского движения, связавшего наш город с МХАТом и потомками актрисы [4; 5].

И сегодняшние студенты активно участвуют в театральных фестивалях, смотрах-конкурсах, международных акциях «Наш Чехов», «Читаем “Войну и мир”!», разыгрывают на сцене страницы тургеневских романов, с упоением вчитываются в переписку нашей великой землячки О.Л. Книппер с А.П. Чеховым [10; 11]!

«Драма живет только на сцене», – писал Н.В. Гоголь, – без нее она как душа без тела» [2, с. 224]. Такой позиции придерживались и А.И. Островский, А.П. Чехов. А В.Г. Белинский был убежден «... чтобы понять вполне лицо, мало знать, как оно действует, говорит, чувствует, – надо видеть и слышать, как оно действует, говорит» [1, с. 305].

Е.С. Раговер в пособии «Проблемы эстетического образования на уроках литературы в средней школе» замечает, что на уроках литературы возможно также углубленное рассмотрение драматического элемента в эпических произведениях [7, с.: 197]. Например, критик Н. Страхов говорил, что в «Анне Карениной» Л. Толстого «голого рассказа нет, все на сценах». Сам Л.Н. Толстой называет многие эпизоды своего романа «сценами». А. Сабуров в работе «Война и мир» Л.Н. Толстого. Проблематика и поэтика» замечает, что в романе «Война и мир» присутствуют своеобразные «сценические эпизоды» [8, с. 408]. На это надо обратить внимание при изучении «Войны и мира» Л. Толстого. Поэтому можно использовать при изучении эпических произведений в школе практическую «драматизацию» (Е.С. Раговер) – создание своеобразных инсценировок при изучении произведений Гончарова, Тургенева, Достоевского, Толстого. Инсценирование обнажает в прозаических произведениях динамику действия, пантомимическую сторону, диалогическую сущность.

Система изучения литературы может быть с включением следующих форм театрализации: чтение по ролям; инсценировки сказок, басен, фрагментов или отдельные сцены из произведений; разработка «режиссерского

комментария» к драматическому произведению или отдельной сцене; «театр у микрофона»; викторина, составленная из отдельных реплик, отрывков речи персонажей пьесы; урок-спектакль; «маска» героя и др.

А выводом о целесообразности использования театрального искусства на учебных занятиях по литературе и во внеаудиторной работе по подготовке современного педагога могут послужить вдохновенные слова красноречивого отклика о театре «Прометей» выпускницы ГГПИ Екатерины Бабушкиной, ныне учителя-словесника одной из школ Удмуртии: «Театр для меня – это особый мир, особая атмосфера сопереживания и дружбы. Каждая новая репетиция у нас не была похожа на предыдущую: это постоянный творческий поиск, новые находки, интересные обсуждения. Театр – это, конечно, дружная сплоченная команда единомышленников. Когда ты чувствуешь, что все ребята объединены единым замыслом, все стремятся сделать свой спектакль удивительным по своей силе и неповторимости, ты бежишь на репетицию с огромным удовольствием, забывая про личные дела и проблемы. Все вместе мы становимся не просто друзьями, а настоящей семьей, в которой существует общее дело, единые стремления. Прикоснуться к творчеству писателя, заглянуть в глубины его мыслей и переживаний, представить реально описанный им мир – все это удавалось нам при постановке спектаклей.

Театр – это способ дотронуться до души каждого зрителя, попробовать сделать ее чище и прекраснее. Когда ты видишь, что зрители после спектакля расходятся с просветленными лицами, с улыбками и искоркой в глазах, ты понимаешь, что все это не зря, что труд твой не напрасен. Поэтому я очень рада, что имею возможность играть в театре «Прометей», общаться с замечательными людьми и делать мир чуть ярче и интереснее. Театр – это духовное развитие!»

Литература

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. 2. – М., 1953. – с. 305.
2. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 6 т., Т. 6. – М., 1950. – с. 224.
3. Гущина Н.Н. Из истории театральной жизни Глазова // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность: Тез. докл. регион. науч. конф. – Глазов, 1995. – С. 85–87.
4. Закирова Н.Н. Чеховиана в местнографическом аспекте // Эстетико-художественное пространство мировой литературы: Матер. Междунар. научно-практич. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIV Кирилло-Методиевские чтения» 14 мая 2013 г. – М. – Ярославль: РЭМДЕР, 2013. – С. 306–310.
5. Закирова Н.Н. Книппер-Чеховское общество // Многонациональная сценическая культура Удмуртии: Энциклопедический справочник / гл. ред. А.Е. Загребин; сост. А.П. Сидорова. – Ижевск: Удмуртия, 2014. – С. 111–112.

6. Пашкова И.А. Вклад С. И. Софроновой в становление и развитие студенческого литературно-драматического театра на базе филологического факультета ГГПИ им. В. Г. Короленко// Короленковское наследие в самосознании XXI века: сб. матер. Междунар. научно-практич. конф. «Одиннадцатые Короленковские чтения», посвящ. 165-летию В. Г. Короленко. – Глазов: ГГПИ, 2018. – С. 256–260.

7. Роговер Е.С. Проблемы эстетического образования на уроках литературы в средней школе: Учеб. пособие. – Л., 1974. – 208 с.

8. Сабуров А. «Война и мир» Л.Н. Толстого. Проблематика и поэтика. – М., 1959. – 600 с.

9. Софронова С.И. Сценические формы изучения литературы в вузе и школе// Инновационные процессы в системе образования: матер. нпк филиала ГГПИ им. В.Г. Короленко. – Ижевск, 2009. – С. 134.

10. Диалог России и Германии: на одной этноволне [Электронный ресурс]. – URL: skif.ggpi.org/?p=1171 (дата обращения 30.01. 2019).

11. Чехов жив! [Электронный ресурс]. – URL: skif.ggpi.org/?p=1171 (дата обращения 30.01. 2019).

*Zakirova Natalia Nikolaevna, Skopkareva Svetlana Leonidovna,
Chigovskaya-Nazarova Yanina Aleksandrovna*

The Glazov State Pedagogical Institute named after V.G. Korolenko

**THEATER IN THE SYSTEM OF FORMATION OF PROFESSIONAL
COMPETENCES OF STUDENTS OF GGPI: FROM EXPERIENCE
OF TRAINING OF TEACHERS OF LITERATURE (TO 80-YEAR
ANNIVERSARY OF TEACHER TRAINING UNIVERSITY OF
UDMURTIA IN A YEAR OF THEATER IN RUSSIA)**

In article the review of theatrical traditions in Glazov and in the teacher training University, oldest and only in Udmurtia, – the Glazov state teacher training college of V.G. Korolenko is given. Examples of intersubject integration of art forms in the system of educational and educational work at philological faculty of GGPI are given. The role in development of a technique of studying of the Russian dramatic art and the organization of student's theater of associate professor S.I. Sofronova and other teachers of department of Russian and literature and educational department of institute is noted.

Keywords: Russian literature, dramatic art, theater, technique, The Glazov State Pedagogical Institute named after V.G. Korolenko.

«Левша» в отечественном музыкальном театре XX–XXI вв.

На примере опер Ан. Новикова и Р. Щедрина рассматривается музыкальная интерпретация сюжета и образа главного героя знаменитого произведения Н. Лескова.

Ключевые слова: Н. Лесков, Левша, праведник, современная опера, Ан. Новиков, Р. Щедрин.

Николай Семенович Лесков (1831–1895) – известный русский писатель второй половины XIX века. Уроженец Орловской губернии оставил внушительное творческое наследие (11 томов полного собрания сочинений), наиболее известными сочинениями которого стали: роман «Некуда» (1865), очерк «Леди Макбет Мценского уезда» (1865), легший в основу одноименной оперы Д. Шостаковича, роман «На ножах» (1870–1871), хроника «Соборяне» (1872), повесть «Очарованный странник» и рассказ «Запечатленный ангел» (1873), сказ «Левша» (1881).

Положение Лескова как писателя, публициста и мыслителя в обществе с четко выраженными политическими и гражданскими позициями казалось неоднозначным. С одной стороны, он не пропагандировал радикальных взглядов на современное общество, за что его жестко критиковали революционные демократы во главе с Д. Писаревым и В. Зайцевым. С другой стороны, Лесков воспринимал окружающий мир с позиции глубоко верующего православного человека, отчего именно с его творчеством в русской литературе связаны такие понятия, как *соборность*, *духовность*, *праведничество*.

Праведничество, *праведность* занимает центральное положение в творчестве Лескова. По аналогии с «маленьким человеком», «тургеневской девушкой» в отечественном литературоведении также выделяют художественный тип *праведника*. Именно Лесков ввел это слово в светский обиход и обозначил им тех людей, которые жили по своим особым духовным законам, отличавшимся от обычного мещанского восприятия мира [5]. Праведником мог стать человек любого сословия, и его главная цель выражалась в абсолютно альтруистических поступках и бескорыстной помощи даже под угрозой отклонения от общепринятых норм. Праведник – человек, обладающий особым высшим даром Бога – способностью любить ближнего.

232 | Праведников Лескова можно легко встретить в «Соборях» (1872), «Запечатленном ангеле» и «Очарованном страннике» (1873), «Павлине», «Однодуме» (1879), «Левше» (1881), «Инженерах-бессребренниках», «Человеке на часах» (1887), и все они обладают общим комплексом характерных черт [4, 679–681]:

- Главная идея (как в Евангелие – о любви и добрых делах) – «деятельное и самоотверженное добро»;
- «имея высокий идеал, ничего не уступают условиям времени и необходимости» (Лесков) [4, 679];
- Значимость народных преданий, власти, сословных границ, христианской морали и нравственности;
- Этические законы возобладают над законами власти имущих;
- Полное отсутствие эгоизма и культа собственной личности;
- Смирение как проявление силы и твердости духа;
- Независимость от душевных переживаний, праведники не честолюбивы и не чувствуют свою избранность, особую духовную привилегированность;
- Главный удел праведника – обреченность на забвение, одиночество, молчание, непонимание со стороны общества;
- Стоицизм в решении житейских трудностей, бедности, личной и общемировой греховности.

Самым ярким образцом типажа праведника является главный герой знаменитого сказа «Левша». Крупнейший исследователь творчества Лескова Лев Анненский максимально подробно изучил историю создания сочинения и его дальнейшей судьбы [3]. На наш взгляд, интересно обратить внимание, как сюжет гениального тульского мастерового вышел за пределы рамок художественной литературы и оказался на просторах отечественной музыкальной сцены.

Нам удалось обнаружить следующие произведения по сказу Лескова:

- Балет Б. Александрова – «хореографическое представление в двух частях» (1954). Либретто П. Аболимова и К. Сергеева [2].
- Опера Ан. Новикова – «русская музыкальная комедия в 3 действиях» (1957). Либретто Р. Галиата-Валаева по мотивам Н. Лескова [6].
- Детская опера Ан. Александрова – «опера, или трагикомическое представление в двух действиях с пением, танцами и разговорами, симфонической музыкой и подкованной блохой» (1978). Либретто Р. Сац-Карповой, стихи В. Викторова [1].
- Опера «Левша» Р. Щедрина (2013). Автором либретто стал сам композитор [7].

Остановимся на опере Анатолия Новикова и Родиона Щедрина как наиболее контрастных образцах музыкальной интерпретации лесковского сюжета.

А. Г. Новиков (1896–1984) получил известность как автор «Смуглянки» и «Эх, дороги...». Безусловно, стилистика советской песни повлияла на музыкальный язык его первой из шести музыкальных комедий.

Премьера «Левши» Новикова состоялась в ноябре 1957 года в Иркутском театре Музыкальной комедии под руководством режиссера А. Орлова и дирижера А. Кулешова [6]. Сочинение обладает ясной тональной драматургией, номерной структурой (3 действия, 7 картин и 37 номеров). Подобно немецкому зингшпилю между музыкальными номерами присутствуют разговорные диалоги, что вполне соответствует жанру музыкальной комедии как разновидности комической оперы.

Симметрия – главный принцип драматургии «Левши» Новикова, действующий на уровне либретто (его композиции), тональной и интонационной сферы оперы. По сюжету ключевые картины (№ 1, 4, 7) происходят в Туле, им контрастируют лондонские картины (№ 2, 6), а их в свою очередь оттеняют петербургские картины (№ 3, 5).

Сюжет оперы сильно отличается от литературного первоисточника, и духовность как таковая отсутствует как в образе главного героя, так и духе сочинения в целом (что легко объяснимо спецификой советской идеологии, временем написания сочинения). В развязке Левша (автор дал ему имя Алеша) сбегает к любимой Тане (новый персонаж) и тульский умелец остается жив. Присутствуют новые сюжетные линии и персонажи:

- любовная (Таня и многочисленные второстепенные герои, связанные с ее сватовством с купеческим сыном, например, Первый купчик),
- английская (несколько чиновников, фрейлины-интриганки, Леди с арфой, английские мастера),
- петербургская (множество персонажей, от двух свистовых до аптекаря).

С точки зрения музыкального тематизма присутствует прокофьевский принцип разнообразности на разных структурных уровнях:

1. повтор целых номеров без изменений:

- Танец блохи (№ 13, 16),
- Куплеты Аптекаря (№ 15, 19);

2. повтор целых номеров с изменениями (по масштабу или в другой тональности):

- Хоровод (свадебная песня про ивушка) (№ 1, 5): во второй раз увеличена в объеме,
- первая песня Левши «Звездочка» (№ 3, 36): в разных тональностях (e-moll, f-moll), второе проведение сокращено;

3. повтор небольших тем, мотивов:

- плясовая тема Блохи-балерины («Танец сломанной блохи», № 27, и «Песня Левши с арфой», № 32),

- бег тройки («Интерлюдия», № 6, «Интермедия “Карета”», № 7, Финал второго действия, № 24),
- песня свистовых (№ 6, 7).

Образ Левши в музыкальной комедии Новикова драматургически трактован просто, хотя и обладает богатым тематическим и мелодическим материалом: помимо трех песен главного героя, он участвует в ансамблевых и хоровых сценах.

Оригинален подход Новикова к трактовке образа Блохи: ее партию исполняет балерина, «немой» персонаж. Блоха не произносит ни единого слова и даже не обозначена в списке действующих лиц оперы, что свидетельствует о восприятии ее автором как малозначительного персонажа. Она – просто механизм, ничто человеческое ей не присуще, а ее образная трансформация показана музыкально-стилистическими средствами: полонез как характеристика чужеземцев (подобно польской образной сфере в «Иване Сусанине» М. Глинки) в сверкающем A-dur сменяется русской плясовой сначала в другом, минорном ладовом наклонении (cis-moll), а затем в последний, третий раз, окончательно тонально «ассимилируется» русской среде, проходя в f-moll – тональности русской образной сферы.

Иной подход во всем в опере последнего русского классика современной оперы Родиона Щедрина [7]. Его «Левша» насквозь наполнена духовностью и глубоким содержанием. Опера была специально заказана Мариинским театром к юбилею маэстро В. Гергиева и впервые исполнена в мае 2013 года труппой театра. Сочинение со сложным музыкальным языком, которому тем не менее присущи и лирические мелодии (лейттема Левши «Аленький цветочек»), цитаты из тональной музыки (в частности русская народная песня «Вдоль по Питерской», гимн Великобритании), сразу было тепло воспринято публикой. Опера имела большой успех как в Санкт-Петербурге, так и в Москве, на «Пасхальном фестивале» 2015 года и впоследствии даже звучала на родине Блохи – Лондоне, в Барбикан-холле.

Фигура Лескова очень значима для Щедрина. Писателя и композитора связывают глубокие духовные связи и в первую очередь – тема образа праведника. С конца 1980-х гг. Щедрин периодически обращается к Лескову. Это и хоровая литургия для смешанного хора, и свирели (флейты) «Запечатленный ангел» (1988), и опера «Очарованный странник» (2002), их различные версии для других исполнительских составов. О глубине увлечения творчеством писателя свидетельствует даже такой факт, как обращение Щедрина в своей последней опере «Двенадцать месяцев» к сказке Божены Немцовой (1820–1862) «Двенадцать месяцев», которую первым, еще до С. Маршака, перевел на русский язык Николай Лесков.

Как и музыкальная комедия Новикова, опера Щедрина имеет номерную структуру (2 действия, 32 номера), повторяющиеся лейтмотивы, лейттемы

и целые номера (например, ария Блохи, колоратурного сопрано, звучит три раза и отличается только языком: изначально поет только на английском, потом на русском и при возвращении на родину – на двух языках; жанровое отличие близко трактовке Новикова: от европейского чопорного танца кадрили-лансье к русской «барыне»; у Щедрина заметна сильная трансформация образа Блохи по мере ее «обрусения»). Но драматургия этого сочинения гораздо сложнее: текст либретто часто не совпадает с интонационной и тембровой характеристикой персонажей, которые его в данный момент поют. И это существенный фактор изменения композиторского мышления Щедрина, у которого во всех операх, начиная с «Не только любовь» (1961) за каждой темой закреплён определенный действующий персонаж и тембр инструмента (-ов).

Щедрин бережно относится к слову Лескова, тонко чувствует текст повести и максимально точно следует за ним, что не мешает ему придумывать новые лексические обороты (слова, фразы) и вводить новых персонажей: Разговорных женщин, сопровождающих Левшу вплоть до его ухода из земной жизни; английскую принцессу Шарлотту, Англицких невест, Английского полшкипера и др. Композитор отходит от персонификации тембров оркестра, закрепления за ними определенных персонажей, он мыслит не конкретными фигурами, а скорее образными сферами: русской, английской (аглицкой), божественной и демонической. Божественное начало, с которым неразрывно связан и главный герой, и сопровождающие его Разговорные женщины, превалирует в опере и отражается в тексте либретто (часто с точным цитированием фраз из Лескова) и композиторских ремарках автора. Исходя из анализа характерных признаков божественной образной сферы, можно говорить о целом комплексе средств, выражающих образ *Левши-праведника*. К ним относятся:

- цитата темы хора из последнего номера «Страстей по Матфею» И. Баха,
- тема Богородицы, Божьего благословения,
- восходящий мажорный диатонический пентахорд (гексахорд),
- тональность As-dur (ассоциация с хором калек-перехожих из «Бориса Годунова» М. Мусоргского), e-moll (тональность первого хора «Страстей по Матфею» И. Баха),
- тембры блок-флейты и всего флейтового семейства.

Обе оперы, Новикова и Щедрина, имеют общие черты в музыкальной драматургии, жанровой и даже тональной интерпретации, но с точки зрения духовной наполненности лидерство остается за последним.

Литература

1. Александров Ан. Левша. – М.: Советский композитор, 1978. – 110 с.
2. Александров Б. Левша. – М.: Советский композитор, 1981. – 121 с.
3. Анненский Л. А. Лесковское ожерелье. – 2-е изд., доп. – М.: Книга, 1986. – 304 с.

4. Дмитренко С.Ф. Праведники и праведничество в творчестве Н. С. Лескова // Н. Лесков. Повести, рассказы / Сост. С. Ф. Дмитренко. – М.: ООО «Издательство АСТ»: «Олимп», 2002. – 688 с.

5. Лесков Н.С. Избранные сочинения / Ред. кол.: Алексеев М. П., Андреев Л. Г., Бердников Г. П., Грибанов Б. Т. и др.; вступ. ст., сост. и примеч. П. Пустовойта. – М.: Художественная литература, 1979. – 558 с.

6. Новиков Ан. «Левша». – М.: Советский композитор, 1960. – 250 с.

7. Rodion Schedrin «Levsha. The Left-Hander». Piano reduction by Erich Hermann. Printed in Germany: SCHOTT MUSIC GmbH&Co. KG, Mainz, 2013. – 351 p.

Zachinyaeva Maria.

The Russian State Specialized Academy of Arts (RSSAA)

**«LEFT-HANDED» IN THE RUSSIAN MUSICAL THEATER OF
XX–XXI CENTURIES**

On examples of operas An. Novikov (1957) and R. Shchedrin (2013) consider the musical interpretation of the plot and figure of the protagonist of the famous work of N. Leskov.

Keywords: N. Leskov, Left-handed, saintlike, contemporary opera, An. Novikov, R. Shchedrin.

Грамматические особенности лексемы *Яндекс (Yandex)*

Целью данной статьи является описание грамматических свойств одного их неологизмов в сфере наименований – названия популярной русскоязычной поисковой системы (интернет-портала) «Яндекс»; в ходе исследования было выявлено, что данное наименование имеет особенности в проявлении морфологических категорий рода, числа и падежа, обусловленные функционированием в письменной среде (имеет разные варианты написания) и разными ассоциациями с родовым наименованием.

Ключевые слова: имя собственное, поисковая система, интернет-портал, морфологическая категория, грамматический род, число, падеж.

Как известно, для идентификации и индивидуализации различных объектов используются имена собственные, которые представляют собой слова или словосочетания, а порой и целые предикативные единицы. Ономастикон неизменно видоизменяется, расширяется, а в конце 20 – начале 21 века он пополняется, в том числе, за счет наименований интернет-сферы. Новые названия представляют научный интерес для ученых-лингвистов с разных сторон их анализа и исследования, в том числе с точки зрения мотивации выбора наименования, словообразовательных, графических и грамматических процессов и закономерностей, в них отраженных. Безусловно, современные наименования отражают новые тенденции, происходящие в языке и языковом сознании носителей языка. Целью данной статьи является описание грамматических свойств одного из таких неологизмов – наименования самой популярной в России поисковой системы (интернет-портала) «Яндекс».

Название поисковой системы *Яндекс* существует в системе русского языка относительно недавно (с начала 1990-х годов) и, как и все неологизмы, обязано встроиться в систему языка, тогда его ждет долгая судьба. По замечанию Е. С. Кубряковой, любое слово представляет собой не только хранилище знания об обозначаемой им вещи, но и о том, «как следует рассматривать эту единицу в системе языка, где она связана тысячью нитей с другими единицами той же системы» [4, с. 306]. Эти «тысячи нитей» – грамматические связи, синтаксические отношения, сочетаемость с другими лексемами. Но для того, чтобы встроиться в систему языка, новое слово должно обладать необходимыми грамматическими и лексическими свойствами, родственными

238 | системе языка-реципиента. Какими же грамматическими свойствами обладает изучаемое нами наименование *Яндекс*?

Отметим характерные качества исследуемой лексемы. Во-первых, данное наименование относится к лексико-грамматическому разряду имен собственных и – более точно – к группе наименований [5, с. 466], поскольку представляет собой название поисковой системы (интернет-портала) (наряду с существующими наименованиями других интернет-систем, грамматический анализ которых также представляет для нас научный интерес: «Одноклассники», Facebook, Google, ВКонтакте и др.; о грамматических свойствах наименования «ВКонтакте» мы писали ранее: [3, с. 63–66]). Во-вторых, название Яндекс ничем не отличается от других существительных с основой на твердый согласный, однако его грамматическое поведение не так однозначно, как могло бы показаться на первый взгляд.

Нами было замечено, что в современном русском языке данная лексема имеет колебания в функционировании: употребляется и как изменяемая (1а,б,в), и как неизменяемая (2а, б, в) [Прим.: все иллюстрации приведены из интернет-СМИ, блогов и Национального корпуса русского языка, далее – НКРЯ]:

(1а) *Чтобы искать в Яндексе, необходимо зайти на сайт <http://www.yandex.ru/> (Yourk.ru).*

(1б) *Внешний вид можно настраивать, если пройти авторизацию, то есть завести себе почту на Яндексе (Yourk.ru).*

(1в) *Если вы хотите пользоваться поиском Яндекса из адресной строки в браузере Google Chrome, то необходимо поправить настройки (Yourk.ru).*

(2а) *Желание работать в «Яндекс» возникло давно и спонтанно («Хабрабр»).*

(2б) *Ищу в yandex, но ничего не нахожу <...> (НКРЯ).*

(2в) *В редакции обозревателя под эгидой Yandex улучшено удобство использования («СофтКаталогInfo»).*

Подобное словоупотребление демонстрирует, как мы видим, вариативность грамматических свойств изучаемого существительного. Вначале рассмотрим морфологические категории, свойственные лексеме Яндекс в ее изменяемом варианте.

Категория рода. Как известно, одним из основных показателей рода являются падежные окончания существительных в единственном числе. В этом случае лексема Яндекс демонстрирует следующее грамматическое поведение:

(3) И. п. *Uber и ЯндексО инвестируют в новую компанию \$225 млн и \$100 млн соответственно, оценивая ее в \$3,725 млрд («Газета.Ру»).*

Р. п. — *Сынок, я занят. Спроси у Яндекса! (НКРЯ).*

Д. п. *Это я в поисках по яндексу нашла (НКРЯ).*

В. п. *Миллионы пользователей, ежедневно приходящие в Рамблер и ЯндексО, на Yahoo! и Google, задают один и тот же вопрос (НКРЯ).*

Т. п. *Как можно, вооружившись яндексом и номером, узнать столько сведений???* (НКРЯ).

П. п. *Рассказывая о Яндексе, невозможно не сказать о его основателях* (www.olegdneprovsky.ru).

Как видно из примеров, данная лексема в единственном числе в целом склоняется по мужской парадигме, что позволяет отнести ее к мужскому роду. Это можно подтвердить также формами согласуемых слов:

(4а) *Новый ИЕ, старый добрый Яндекс (Блог Яндекса).*

(4б) *«Умный» Яндекс (подзаголовок в книге М. Брода «Яндекс для всех» // Google. Книги).*

(4в) *И если государству нужен «Яндекс» такой, какой он есть – развивающийся и приносящий все большую пользу гражданам страны, то нужно понимать, что радикально менять этот организм – значит его разрушить* (из книги Д. Соколова-Митрича «Яндекс.Книга» // Google. Книги).

(5а) *«Яндекс» привлечен к этому делу в качестве свидетеля («SafeUM»).*

(5б) *Быть может, «Яндекс» стал прибыльным (НКРЯ).*

(5в) *«Яндекс» отчитался о безубыточности (НКРЯ).*

(5г) *А Яндекс более силен в обработке информационных запросов* (Из книги И. Ашманова, А. Иванова «Продвижение сайта в поисковых системах» // Google. Книги).

(5д) *Один из выходов — построить модель, в которой «Яндекс» был бы вторым игроком в разных странах (roet.ru).*

Подобное грамматическое поведение интересно тем, что на основе ассоциативного механизма в Им. / Вин. падежах могло бы возникнуть согласование и по женскому роду, так как наименование «Яндекс» относится и к IT-компаниям (ж.р.), и к поисковой системе (ж.р.), и к браузеру (м.р.), и к интернет-порталу (м.р.). Но, как видно из примеров, в этом случае победил формальный род.

Категория числа. Единственное число лексемы Яндекс репрезентируется при помощи флексий и форм согласуемых слов: примеры (4), (5). Как известно, наименования нередко имеют форму только единственного числа, так как выделяют один предмет из класса [2, с. 30]. Но в то же время в русском языке, с точки зрения грамматических возможностей, нет запретов на образование соотносительных форм числа у *singularia tantum*, что подтверждают приведенные примеры с признаками множественного числа изучаемой лексемы (флексия *-ы* в именительном падеже и формы согласуемых слов с соответствующими окончаниями). Однако данные случаи показывают стилистическое использование множественного числа, что придает высказыванию ироничный и несколько эмоциональный характер:

(7а) *Где украинские контакты, яндексы, мейлы, навигаторы?* (livejournal.com)

(7б) *Яндексы и гуглы* (Название записи в блоге // drive2.ru)

(7в) *Фигня все эти яндексы с ими подобными* (livejournal.com)

240 | (7г) Молодильные «Яндексы». Пенсионеры постигают азы компьютерной грамотности (Название статьи в газете «Магниторский рабочий» // <http://www.mr-info.ru/>).

Категория падежа. Склоняемая лексема *Яндекс* имеет полную парадигму изменения по падежам, что было показано в примере (3): формы падежей выражаются окончаниями и предлогами, а также поддерживаются формой согласуемых слов, как в примерах (4а, б, в).

Рассмотрим несклоняемый вариант этой лексемы. В этом случае для определения грамматических категорий доступны лишь синтаксические средства – формы согласуемых слов, а также предлоги. Косвенной причиной несклоняемости можно считать запись лексемы латиницей, однако нами были отмечены несклоняемые варианты и в кириллической записи (см. примеры 2а выше). Перед исследователем встает следующая проблема: считать или не считать случаи типа Умный «Яндекс» выдал и Умный Yandex выдал разными вариантами одного слова? Или это разные слова, отличающиеся грамматическим поведением? Как нам кажется, Яндекс и Yandex следует рассматривать не только как графические варианты одной лексемы, но и как омонимы, так как в письменной форме у них заведомо разное грамматическое поведение, обусловленное тем, что к наименованию на латинице трудно присоединить русские окончания при нормативном написании; на «застывание» грамматической формы также влияет присоединение постчастей: Яндекс. Кошелек, Яндекс. Браузер, Яндекс. Почта и т.п.; в этом случае мы наблюдаем несклоняемость даже при кириллической записи.

Итак, определить род несклоняемой лексемы *Yandex* возможно при помощи синтаксических средств выражения. В примере (8а) мужской род выражен формой согласуемого местоимения в единственном числе именительном падеже, в примерах (8б, в) – формой глагола в прошедшем времени единственном числе. Таким образом, неизменяемая лексема *Yandex* имеет в большинстве случаев грамматический мужской род:

(8а) <...> этого множества никакой Rambler и никакой Yandex не учтут (НКРЯ).

(8б) Осенью 1997 года открылся Yandex (НКРЯ).

(8в) Yandex выпустил браузер на основе Chromium (opennet.ru)

Однако в НКРЯ зафиксированы случаи, когда формы согласуемых слов указывают на женский род изучаемой лексемы, что объясняется ассоциативным соотношением с родовым словом компания:

(9а) Также запланированы визиты в офисы Twitter, Cisco, Apple и российской Yandex (НКРЯ).

(9б) Бывший генеральный директор компании Exxon Mobil Рекс Тиллерсон <...> является акционером голландской Yandex NV, материнской компании российского «Яндекса» (Лента.ру).

Для несклоняемой лексемы *Yandex* характерно употребление только в форме единственного числа, которое выражается, как видно в примерах (8а, б, в), формами согласуемых и координируемых слов; употребление во множественном числе не зафиксировано.

Известно, что для несклоняемых существительных характерна омонимия падежных форм. Средствами выражения падежей в данном случае выступают предлоги и формы согласуемых слов. В качестве способа определения падежей, как известно, служит вопрос от управляющего слова. Отметим, что зафиксировать полную парадигму падежей несклоняемой лексемы *Yandex* нам не удалось, в частности, нам не встретились формы дательного и творительного падежей (хотя потенциально, конечно, они возможны), однако были зафиксированы случаи несклоняемости кириллического варианта лексемы Яндекс:

(10) И. п. <...>этого множества никакой *Rambler* и никакой *Yandex* не учтут (НКРЯ).

Р. п. *Итак, заходите на страницу почты для домена от (кого?чего?) Yandex* [6].

В. п. *Как зайти в Yandex (Яндекс) после запрета в Украине?* [1].

П. п. *А разве они не аутсорсят на (на ком? на чем?) яндекс?* (НКРЯ) (см. также пример 2а).

Итак, можно сделать вывод о том, что лексема *Яндекс*, имея два графических варианта – Яндекс и *Yandex*, функционирует в русском языке в двух вариантах – изменяемом и неизменяемом. Изменяемая лексема характеризуется следующими чертами: 1) принадлежностью к мужскому роду, что выражается флексиями в единственном числе, формами согласуемых и координируемых слов; 2) употреблением в единственном числе, что выражается соответствующими флексиями и формами согласуемых слов; употреблением во множественном числе стилистически маркировано; 3) полной парадигмой изменения по падежам, что выражается при помощи флексий, предлогов, согласуемых слов. Для неизменяемой лексемы *Yandex* характерны такие грамматические свойства: 1) мужской и женский грамматический род, выражаемый при помощи форм согласуемых и координируемых слов; 2) функционирование только в форме единственного числа; 3) нулевое падежное словоизменение; падеж выражается аналитическими средствами. Отдельные случаи неизменяемости зафиксированы и для грамматического поведения кириллического варианта (омонима) лексемы *Яндекс*.

Литература

1. Большой вопрос. – URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2524437-kak-zajti-v-yandex-jandeks-posle-zapreta-v-ukraine.html> (дата обращения: 03.02.19).

- 242 | 2. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. – М., «Просвещение», 1976. – С. 30.
3. Золтнер О.В. О грамматических свойствах некоторых неологизмов русского языка в сфере наименований (имен собственных) // Вестник ОмГПУ. Гуманитарные исследования. – 2018. – № 4 (21). – С. 63–66.
4. Кубрякова Е.С. Категории и концепты // Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М., 2004. – С. 306.
5. Русская грамматика: в 2-х т. Т 1 / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., «Наука», 1980. – С. 466.
6. KtoNaNovenkogo. – URL: <https://ktonanovenkogo.ru> (дата обращения: 03.02.19).

Zoltner O.V.

Dostoevsky Omsk State University

GRAMMATICAL FEATURES OF A WORD ЯНДЕКС (YANDEX)

The purpose of this article is to describe the grammatical properties of one of their neologisms in the field of names – the name of the popular Russian-language search engine (Internet portal) «Yandex»; the study revealed that this name has features in the manifestation of morphological categories of gender, number and case, due to the functioning in the written environment (has different spellings) and different associations with the generic name.

Keywords: proper name, network, morphological category, grammatical gender, number, case.

Сложение национального языка петровской эпохи как этап структурного объединения церковнославянских, русских и западноевропейских элементов (процессы реформаторских преобразований русского литературного языка и их роль в нравственном и культурном воспитании общества)

В статье представлен ряд языковых процессов, порождаемых реформами Петра I, и связанные с ними изменения в общественно-бытовой речи высших слоев общества; определяется отношение реформ к общим тенденциям языкового развития XVIII столетия. Роль заимствованной лексики (славянской и европейской) в формировании норм литературного языка петровской эпохи рассматривается в свете традиций и преемственности. Определяется значимость направляемой Петром I языковой политики государства.

Ключевые слова: Петр I, реформы, русский литературный язык.

На фоне многочисленных нововведений Петра I ярко выделяется редкостное для монарха внимание и забота о развитии русского литературного языка, которому отводилась роль одного из важнейших государственных дел и значимость процесса, служащего для блага народа. Петровские реформы были чрезвычайно важны не только для развития государства, его экономики, для воинских побед, но и для распространения образования, просвещения, развития науки, культуры.

Реформа азбуки как разграничение двух исходных начал языка – русского и старославянского («Ведомости о военных и иных делах» и тенденции изменения газетно-публицистического стиля).

Проведенная Петром I реформа азбуки разграничила сферы двух исходных начал языка – русского и старославянского (введение нового гражданского алфавита для светских текстов и сохранение кириллицы для текстов церковных, культовых). Постоянно развиваемая идея Петра I о простоте языка соответствовала общему процессу расширения роли разговорной речи в письменно-книжном языке XVIII в. Газета «Ведомости о военных и иных

244 | делах» активно освобождается от архаизмов старославянского происхождения (един, сей, оный, токмо, понеже и т.п.); зарождается новый тип лаконичной, синтаксически простой речи – «телеграфный стиль»; используются все реже старые грамматические формы (аорист), отсутствует имперфект. В центре языковых процессов петровской поры оказывается публицистический стиль, в развитии которого велика роль самого Петра I.

Стилистические изменения в жанрах торжественного красноречия.

Высокий жанр торжественной ораторской прозы, бывший образцом славяно-русской традиции, пересматривается: новый его вариант – сочетание противопоставленности и преемственности по отношению к старой (книжно-славянской) традиции. Этот процесс переоценки традиций активно проявляется в жанрах публицистики и, прежде всего, в торжественных речах сподвижников Петра I – Феофана Прокоповича и создателя «Руки риторической» («...*Сочинена убо на латинском языке преосвященным Стефаном Яворским, митрополитом рязанскимъ и муромскимъ. Преведена же на словенский Феофором Поликарповым*») [2, с. 24].

Феофан Прокопович значительно сокращает в сравнении с текстами конца XVIII в. круг архаической лексики и в то же время расширяет состав лексики разговорной, использует иноязычные заимствования, уже утвердившиеся в русском языке и необходимые по тематике. Высокий пафос патриотических речей Петра I созвучен особенностям торжественного красноречия («Слово к армии в канун Полтавского сражения»): «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу отечества. И так, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество, за православную нашу Веру и Церковь. ... Имейте в сражении перед очами вашими правду и Бога, поборающего по вас! [5, с.19]. На фоне простых, обыденных слов появляются, в соответствии со значимостью момента, высокие слова книжно-славянского облика: *отечество, поборающего, очи, ведайте, блаженство, благосостояние*.

Реформы государственного управления и стилистические процессы русского литературного языка конца XVIII века.

Гражданские и военные уставы отличались появлением новой терминологической системы, насыщенной иноязычной лексикой, являвшейся новшеством стиля по сравнению с устаревающим московским ратным укладом (такова «Табель о рангах», ставшая родоначальницей иерархии чинов в России, своеобразным источником формирования культуры подчинения, вводившая новую классификацию служащего люда). В последующие эпохи в России «...именно категория служения, являясь главным принципом самосознания власти..., становится основой культуры повиновения» [1, с.76]. Документооборот и деловая переписка обретают системный регламентированный характер как со стороны внешнего реквизитного оформления, так

и с позиций стилистической наполненности (вводится система коллежского делопроизводства). Активно развивается терминология (финансовая, военная, судебная, статистическая). Язык петровской эпохи знаменует собой усиление значения государственного приказного языка. «...В этом смысле петровская эпоха может рассматриваться как первый этап длительного периода становления и развития русского литературного языка» [11, с.159].

Роль заимствованной лексики (славянской и европейской) в формировании норм русского литературного языка петровской эпохи.

В XVIII в русском языке одним из основных источников заимствований остается (как и ранее, в XVII веке) польский язык, который славился своим аристократическим строем этикетной лексики (*деликатный, куртуазный, авантажный* и т. д.). Появляются и прямые заимствования из европейских языков (из французского – «языка европейской образованности» (П.А. Вяземский): *пассаж, пардон, бал, экипаж, приз, политес* и пр.; голландского; немецкого: *позумент, галстук, шлафор*). Важным процессом XVIII столетия, решающим новые задачи, становится пополнение русского языка европейскими словами, отражающими новые понятия из области воспитания, отношений, светского поведения. Наплыв громадного числа иноязычных слов в русскую речь начала XVIII в. вызвал к жизни потребность в составлении специальных словарей иностранных вокабул. Такой словарь был создан при личном участии самого Петра I, сделавшего свои пометы и пояснения на полях рукописи («Лексикон вокабулам новым по алфавиту», включавший 503 слова иноязычного происхождения). Из материалов лексикографической переводческой деятельности Петра I представляют несомненный интерес документы, связанные с развитием кораблестроения в России (материалы фрагментов словаря, написанные кириллицей, под названием: «Русские фразы и слова с переводом на голландский язык (1679–1698)» [10, с. 682–683]. Иноязычная политика Петра I – серьезный этап, предвещающий напряженную борьбу двух лагерей литературной, культурной и социальной жизни общества России середины XIX столетия – грядущую полемику А.С. Шишкова и Н. М. Карамзина.

Систематизация процессов обогащения русского литературного языка лексикой других славянских языков в последующие эпохи. Традиции и современность.

Высокой ступенью в лексикографических разработках русского литературного языка XVIII–XIX вв. явилось создание (при деятельном участии Е.Р. Дашковой, имевшей одной из главных целей созданной Академии наук исследование русского языка) «Словаря Академии Российской» (1789–1794 гг.); четырехтомного толкового «Словаря церковно-славянского и русского языка» Императорской Академии Наук (1847 г.), содержащего толкования русских и церковнославянских слов; указание на «отечество чужих слов», при-

246 | водимое В. И. Далем в «Толковом словаре живого великорусского языка (1863–1866г.). Проблема описания общего лексического фонда в структуре славянских языков, систематизация славянской лексики привлекали внимание исследователей-славистов с первой половины XIX в. (словарь Самуила Богумила Линде, Варшава, 1807–1814; А.Шлейхер – статья «Всеславянский словарь», 1865 г.; «Краткий словарь шести славянских языков (русского с церковнославянским, болгарского, сербского, чешского и польского), а также французский и немецкий» под редакцией Ф.Миклошича (Санкт-Петербург – Москва – Вена, 1885 г.); значительной вехой XX столетия явились труды ученых Пражской лингвистической школы – создателей одного из направлений структурной лингвистики, объединившего исследователей славянских и германских языков и литератур (1926–1953 гг.). Процессы обогащения русского литературного языка лексикой других славянских языков – белорусского, украинского, польского, словацкого – детально представлены в трудах В.В. Виноградова [3, с. 288–297]. Дифференцированное исследование старославянизмов и их классификация отражены в работах Г.О. Винокура [4, с. 288–297]. Научно-исследовательские традиции в области сравнительного изучения славянских языков, ведущие начало от трудов Ф.Миклошича, А.Шлейхера, И.А.Бодуэна де Куртенэ, Ф.Ф.Фортунатова, В.Вондрака, А.Мейе, А.М.Селищева, С.Б.Бернштейна, С.Ившича, З.Штибера, И.Лекова, А.С. Мельничука, обогащаются сегодня новыми методиками сопоставительного изучения (ареальная лингвистика, сравнительная типология, контрастивная лингвистика, сравнительная транслатология и пр.). Лингвистика конца XX – нач. XXI вв. освещает культурологические аспекты проблемы; созданы комплексные этимологические, лексико-семантические направления изучения отдельных тематических групп родственных славянских языков (напр., группы родства – Б.А. Ларин, Ф.П. Филин, А. Вежбицкая); исторические корни славянской лексики, фразеологии и паремиологии всестороннее отображены в научных этнолингвистических исследованиях В. М. Мокиенко; в публикациях многочисленных международных славистических журналов.

Языковая политика Петра I в сфере овладения нормами светского поведения, этикетным лексиконом, правилами письменного общения.

По инициативе Петра I издаются многочисленные руководства и пособия; наиболее интересны из них – «Юности честное зерцало» и «Приклады, како пишутся комплименты разные» (руководство представляет образцы куртуазного слога, нового письменного этикета, излагаемого характерной для петровской эпохи пестрой смесью элементов приказного языка и старославянизмов): «Понеже мы с Вашею любовью о многих нужных делах собеседовати за великую нужду почитаем, того ради представляем Вашему изволению: изволите ли Вы Вашего прибытия честь в нашем ловчем дворе, где мы в сие осеннее время обретаемся, удостоить, или позволите, чтоб мы

Вам в Вашей резиденции услужили, просим того ради приятносродственно, чтоб ваша любовь о своем мнении к нашему уведомлению чрез сего нарочно-го письменно или изустно, ежели не трудно, уведомить изволили» (частное письмо о встрече) [9, с. 158].

Однако на фоне бесспорного обогащения общественно-бытовой речи высших слоев общества европеизация приводит к утверждению моды в использовании иностранных слов без всякой необходимости (создается пестрый макаронический слог, авторы которого несколько позднее получают от А.П. Сумарокова сатирическое наименование «петиметры») («Дневник князя Б.И. Куракина»): «...аж до сих пор из сердца моего тот атог не может выдти, и, чаю, не выдет, и взял на memoriu ee персону и обещал к ней опять возвратиться...» [6, с. 178].

Результаты языковой политики государства и творческой деятельности выдающихся людей позволяют видеть в языке петровской эпохи не только разрушение старой языковой системы и неупорядоченность, хаотичность стилистики, что утверждает исследователями русского литературного языка (Н.А. Мещерский; А.М. Камчатнов), но и важный этап сложения нового национального языка. Б.А. Ларин оценивает языковые процессы эпохи оптимистичнее: « В петровскую эпоху все три стиля – и высокий, и средний, и низкий уже созданы» (конечно, соотношение этих разновидностей, как показывает автор, иное чем во II половине XVIII в.) [7, с. 287]. Литературный язык петровской эпохи, по справедливому мнению П.А. Якубинского, выработал в более позднее время стройную систему норм, которая была, наконец, закреплена впервые в грамматике М.В. Ломоносова [11]. Прославляя «премудрость» Петра I в «Слове похвальном блаженным памяти государю императору Петру Великому, говоренном апреля 26 дня 1755 года», М.В. Ломоносов восторженно провозгласит: «Чрез сии Петровы дарования приняла новой вид Россия, основаны науки и художества, учреждены посольства и союзы, отвращены хитрые умыслы некоторых держав против нашего Отечества ...» [8, с. 100].

Литература

1. Александров В.Б. Русская социально-философская мысль: темы, идеи, традиции. Изд. 2., дополнительное. – СПб.: Северо-Западного института управления, 2017. – 224 с.
2. Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия. 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 834 с.
3. Виноградов В.В. История русского литературного языка. Избранные труды. – М.: Наука, 1978. – 320 с.
4. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку / Под ред. С. Г. Борхударова. – М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1959 – 489 с.

5. Воронов Ю.С., Любезнова Н.В. Российское военно-политическое красноречие. – Саратов: ИЦ «Наука», 2009. – 130 с.
6. Куракин Б.И. Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина // Архив князя Ф.А. Куракина в Х т. Т. I. – СПб., 1890. – 496 с.
7. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X сер. XVIII в.). – М.: Высшая школа, 1975. – 328 с.
8. Ломоносов М.В. Слово похвальное блаженным памяти государю императору Петру великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года // Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. – СПб.: РХГИ, 2003. – С. 86–105.
9. Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. II. Вып. I. – М.: Учпедгиз, 1949. – 292 с.
10. Письма и бумаги императора Петра Великого. Том I. (1688–1701). – СПб.: Государственная типография, 1887. – 1000 с.
11. Якубинский Л.П. Реформа литературного языка при Петре I. // Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. // Отв. ред. А. А. Леонтьев. – М.: Наука, 1986. – С. 159–162.

Ivanchuk I.A.

*NWIM of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration*

**THE FORMATION OF THE NATIONAL LANGUAGE OF THE
PETER THE GREAT'S ERA AS A STAGE OF STRUCTURAL
UNIFICATION OF CHURCH SLAVONIC, RUSSIAN AND WESTERN
EUROPEAN ELEMENTS (THE PROCESSES OF THE REFORMATORY
TRANSFORMATIONS OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE
AND THEIR ROLE IN THE MORAL AND THE CULTURAL
EDUCATION OF THE SOCIETY)**

The article discusses the number of the linguistic processes, arising from the reforms of the Peter the I, determined by the relationship to the general trends of the linguistic development of the XIII century. The role of borrowed vocabulary (the slavic and the european) in the formation of the norms of the literary language of the petrine era is considered in the light of the continuity traditions. The importance of the language policy of the state directed by the Peter the I is determined.

Keywords: Peter the I, reforms, russian literary language.

Летописная повесть о любви

В статье рассматривается употребление слова любить в произведении «Сѡ оубьєньи Борисовѣ» «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку. Определение значений ключевых слов произведения приводит учащихся к осмыслению любви как основе жизни, обращается внимание на христианское понимание любви. Чтобы раскрыть эту тему, повествователь использует сюжет произведения, цитаты из Священного Писания, нравоучительные вставки, доказывая, что братская любовь является путем восхождения к любви божественной.

Ключевые слова: летописная повесть «Сѡ оубьєньи Борисовѣ», братская любовь, божественная любовь, семантика любви в древнерусском тексте.

Знакомство учащихся с летописной повестью «Сѡ оубьєньи Борисовѣ» [16] показало необходимость работы с различными текстами и словарями, которые помогают понять глубокий нравоучительный замысел повествования, раскрыть тему любви в повести. Для анализа значений ключевых слов повести привлекаются толковый, фразеологический, этимологический и другие словари, фрагменты текста Священного Писания.

Семантика любви достаточно хорошо определена в работах С. Аверинцева [1], С. Апресяна [6], С.Г. Воркачева [3], Ю.С. Степанова [13], С.М. Толстой [14], А.Д. Шмелева [15] и других ученых. Было доказано, что глагол *l'ubiti известен всем славянам, хотя понятие *любить* может выражаться по-разному, слово имеет основное значение «положительное чувство-отношение, которое рассматривается как главная созидательная сила жизни» [6, с. 522]. Особо выделена любовь к Богу. Словари старославянского, древнерусского, церковнославянского языков отмечают значение божественной любви, например: «богъ любы естѣ ижѣ прѣбываетъ въ любѣви въ бозѣ прѣбываетъ» [12, с. 317]; «любите врагы вашѣ, благословите кльнѣщѣхъ вы» [5, с. 81–82]; «Въторая же заповѣдь естѣ. иже любити друуга акы себе» [10, с. 465].

Слова *любовь*, *любить* определяют христианскую картину мира. Единство божественной и человеческой любви описано в Священном Писании, Деяниях и Посланиях апостолов, известны основные признаки любви, которые указаны апостолом Павлом: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь

250 | никогда не перестает» (1 Кор. 13:4–8). Любовь в христианском мире становится неперменным условием общения, отражает религиозно-нравственную сущность христианства, выступает одной из главных христианских добродетелей; любовь есть «излияние божественной благодати, благоволение Бога к человеку и благоговение человека перед Богом»; «чувство глубокой привязанности к людям, расположение, симпатия, проявляющиеся в доброжелательности и бескорыстной помощи им»; «чувство сильной эмоциональной склонности, влечение к человеку противоположного пола, желание быть вместе с ним» [9, с. 105–112].

В летописной повести «*Съ оубъеньи Борисовѣ*» читатель постигает добро и зло, любовь и ненависть, добродетель и грех, приходит к пониманию христианской любви, познает путь воссоединения человека с Богом. Следует обратить внимание учащихся на тот факт, что все персонажи повести получают однозначную характеристику: или при помощи лексемы любить и слов, отражающих значение любви, или слов с обратным значением.

Так, повествование начинается с описания событий утверждения Святополка в Киеве и раздачи даров киевлянам. Летописец сразу указывает на душевный разлад киевлян: «*они же приимаху. и не бѣ срѣце ихъ с нимъ*» (Они же брали, но сердце их не лежало к нему, потому что братья их были с Борисом [7, с. 92–96]). В средневековом сознании *сердце* понимается «как средоточие чувств, переживаний, настроений» [12, с. 621], *сердце* согласно церковнославянскому словарю имеет значение «душа человеческая (Евр. 13, 9). „Слышите сѣя люди буйи и не имущіи сердца“. Сердце означает здесь разум. „Не имущи сердца“ = неразумные» [8, с. 592]. Сердцем Бог познается. Сердце понимается в значении любви: «Сердце бѣ (бысть) с кем-л.» [11, с. 79]. Выражением «не бѣ срѣце ихъ с нимъ» вводится в повесть оппозиция любовь – предательство (помысел Каинов), которая развивается на протяжении всего повествования, как нахождение с Богом или отпадение от Бога. Святополк ищет поддержки у вышгородских мужей с целью убить Бориса: «*приаєте ли ми всѣмъ срѣцмъ*» (Преданы ли вы мне всем сердцем?). По отношению к мужам боярским, посланным на убийство, лексема *сердце* повторяется. Зная о нерешительности бояр, Святополк окончательно склоняет их на свою сторону, в контексте повести лексемой *сердце* обозначен преступный выбор, а участники убийства (Святополк, Путша с вышгородцами, Талец, Еловит, Ляшко, Горясер, Торчин) названы окаянными «проклятыми» («Народная этимология связывает это слово с именем Каина, который, согласно Библии, убил своего брата и был проклят Богом» [4, с. 258]).

Известие о кончине отца Борис принимает близко к сердцу: «*и плакаса по ѿци велми . любимъ бо бѣ ѿцѣмъ своимъ паче всѣхъ*» (И плакался по отцу горько, потому что любим был отцом больше всех). Борис не только любим, он любит, благоговейно относится к отцу и брату, почитает Святополка,

поэтому отказывается идти против старшего брата: «не буди мнѣ възнати руки на брата своего старѣишаго. аще и вѣцъ ми оумре. то съ ми буди въ вѣцѣ мѣсто» (Не подниму руки на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то пусть этот будет мне вместо отца). Святополкъ в свою очередь также говорит о любви к Борису, но в словах о братской любви кроется преступный умысел: «с тобою хочю любовь имѣти ... лъста под нимъ како бы и погубити» (хочу с тобою любовь иметь ..., но сам обманывал его, чтобы как-нибудь его погубить). В устах Святополка выражение любовь имѣти получает значение обмана.

Борись, узнав о приближении посланных убить его, молитвенно обращается к Господу и просит за брата своего прощение: «се же не ѿ противныхъ приимаю . но ѿ брата своего . и не створи юму Ги в семь грѣха» (Я же не от врагов принимаю это страдание, но от своего же брата, и не вмени ему, Господи, это в грех). Жертвенную преданную любовь, подобную сыновней, проявляет и слуга Бориса, защищая его своим телом от рук убийц. Дважды обозначено чувство глубокой привязанности Бориса к отроку: «бѣ бо се любимъ Борисомъ», «... юго же любаше повелику» (Был же он любим Борисом, Был отрок этот родом венгр, по имени Георгий; Борис его сильно любил).

Повествователь вновь подчеркивает братскую смиренную любовь, повествуя о судьбе Глеба, который, понимая, что его ждет участь Бориса, молится и «плачасѣ по вѣцѣ . поче же по братѣ», восклицая: «кдѣ суть словеса твоя . яже глѣ къ мнѣ брате мои любимыи» (Где речи твои, что говорил ты мне, брат мой любимый?). Молитвенный плач, послушливость, мученическая смерть Глеба становятся путем к Богу. Глеб принимает венец царствия Божия, входит в небесные обители, видит там желанного брата своего, «и радовашесѣ с нимъ неиздреченною радостію . юже оулучиста братолубиємъ своимъ» (и радовался с ним неизреченною радостію, которой удостоились они за свое братолюбие).

Так формируется устойчивый образ братской любви, определенный почитанием, уважением, смирением, страданием, душевными переживаниями, разлукой и смертью, дополненный в заключительной части повести радостью и веселием единения друг с другом у церкви святого Василия. Нравственные добродетели, добро и зло осмыслены не только как этические категории, но как христианские принципы жизни. Братолюбие проводит к святости, Борис и Глеб описываются как *ангелы, богомудрые, заступники, мученики, страстотерпцы, блаженные, светильники добрые, как лучи светозарные, светила, светлые звезды*. Устойчивая характеристика актуализирует, с одной стороны, признаки святости, с другой – ориентирует читателя на понимание человека духовного. Братская любовь становится ступенями восхождения к Богу. Святые братья даруют «приходящѣ къ вамъ вѣрою и любовію» исцеление от скорбей и болезней. В похвале содержится обоснование святости

252 | братьев: «възвысила бо есть ваю свѣтоносная любви нбная» (Возвысила вас светоносная небесная любовь). Т.И. Вендина подчеркивает: «Все признаки, атрибутирующие человека как существо духовное, так или иначе оказываются связанными с вселенским конфликтом добра и зла, с вечной и всеобъемлющей реальностью – Богом. Именно этот личностный идеал лежал в основании духовно-этических норм средневекового общества, ценностных ориентаций его культуры» [2, с. 92].

Таким образом, летописная повесть «Сѡ оубѣньи Борисовѣ» помогала усваивать христианские ценности не только средневековому читателю, целенаправленная работа над текстом показывает современному читателю, что значительных семантических изменений в лексике повести не наблюдается, смыслы любви понятны, а выявленные компоненты духовности любви усилены напоминанием о библейском сюжете, молитвенными вставками и похвалой страстотерпцам.

Литература

1. Аверинцев С. София-Логос. Словарь. Собрание сочинений / Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. – 912 с.
2. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского словаря. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.
3. Воркачев С.Г. Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003. Современная антология. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 189–208.
4. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. – СПб.: Полиграфуслуги, 2005. – 432 с.
5. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И.И. Срезневского. Т. 2. Л–П. – СПб., 1902. – С. 81–82.
6. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. – М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. – 1488 с.
7. Повесть временных лет / Пер. с древнерусского Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. Коммент. А.Г. Боброва и др. – СПб.: Вита Нова, 2012. – 512 с.
8. Полный церковнославянский словарь: пособие / сост. свящ. Григорий Дьяченко. – М.: Отчий дом, 2004. – 1120 с.
9. Складаревская Г.Н. Концепт «Любовь» в христианском понимании: попытка лексикографического описания (предварительные заметки) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Вып. 46 / Ред. кол. М.Л. Ковшова, В.В. Красных, А.И. Изотов, И.В. Зыкова. – М.: МАКС Пресс, 2013. – С. 104–112.
10. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. Т. 4. – М.: Русский язык, 1991. – 559 с.

11. Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 24 (Се–Скорый). – М.: Наука, 2000. – 254 с.
12. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин и др. – М.: Русский язык, 1994. – 842 с.
13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2004. – 991 с.
14. Толстая С.М. Лики любви в зеркале славянских языков [Электронный ресурс] – URL: <http://pdf.knigi-x.ru/21filologiya/431901-1-lik-lyubvi-zerkale-slavyanskikh-yazikov-the-facets-love-reflected-slavic-languages-slavic-languag.php> (дата посещения 21.01.2019).
15. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
16. Сѡ оубъеньи Борисовѣ // Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. 1. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 132–139.

Izmestjeva I. A.

Tolyatti State University

CHRONICLES A TALE OF LOVE

The article is concerned with the use of the word «love» in the work «Tale of Boris» («Tale of Bygone Years») according to the Laurentian Codex. There is revealed the value of keywords that help students think about love as the basis of life, attention was drawn to the Christian understanding of love. The narrator used the plot of the work, quotations from The Holy Scriptures, moral inserts to prove that brotherly love is the way to ascend to divine Love.

Keywords: chronicle, Tale of Boris, brotherly love, divine Love, semantics of love in the ancient text.

Поколение Z в России

Работа посвящена изучению современного поколения в России – Поколения Z. В первую очередь, автор проводит обзор зарубежной литературы, посвященной Поколению Z. Выделив ключевые особенности, описываемые западными исследователями, с целью их экстраполяции на Российские реалии, автор провел опрос среди Московских школьников и студентов, давшими ответы на наиболее актуальные вопросы.

Ключевые слова: поколение Z, смартфоны, социальные сети, подростки.

Проблема отцов и детей является не только одной из самых актуальных, но и также самых древних.

Древнегреческий поэт Гесиод, живший в VIII в. до н.э.: «Я не питаю особых надежд по поводу будущего вашего народа, когда он так зависим от легкомысленной молодежи, поскольку вся ваша молодежь безрассудна сверх всякой меры... Когда я был мальчиком, нас учили почитать и уважать старших, но сегодняшние молодые люди думают, что они самые умные и не терпят никаких ограничений».

С тех пор мало, что изменилось. По словам Джейсона Дорси, руководителя исследовательского центра по изучению поколений в США, у двух представителей Поколения Z, например, из США и Индии больше общего, чем у детей и их родителей.

Целью работы является следующее: при помощи методов, используемых в физиологии, психологии, когнитивной лингвистике, педагогике и др. сформировать комплексный образ представителя Поколения Z.

Анализ зарубежной научной литературы показал, что, несмотря на тот факт, что под Поколением Z, как правило, подразумевается поколение, родившееся после 2000 г., ученые сходятся во мнении, что поколения не определяются лишь временными рамками. На каждом из них лежит отпечаток тех или иных событий, изменивших характер каждого человека, относящегося к тому или иному поколению.

Ключевыми событиями, сформировавшими данное поколение, называют:

Во-первых, экономический кризис 2007–2008 гг., породивший высочайший уровень безработицы. Поколение Z, чье детство прошло в эту нелегкую пору, знает цену деньгам.

Во-вторых, важным фактором является то, что Поколение Z не помнит теракт 11 сентября, для них ощущение небезопасности является привычным

с раннего детства. Американский психолог Тил Элмор сравнивает Поколение Z с поколением, родившимся в период между Великой депрессией и Второй мировой войной. По его словам, «Война и тяжелая экономическая ситуация заставит нынешнее поколение вырасти прагматичным и чрезвычайно осторожным» [2].

Третьим фактором, оказавшим значительное влияние на современное поколение, исследователи из разных стран называют бурное развитие рынка смартфонов в 2008г., активное использование которых в раннем возрасте оказывает большое влияние на формирование детского мозга.

Среди особенностей представителей Поколения Z исследователи называют следующее:

1) Проблема с концентрацией, но при этом умение выполнять несколько задач одновременно.

2) Зависимость от технологий и социальных сетей, при этом недоверие к поступающей информации из Интернета. Пользователи социальных сетей, возможно, знают, что сейчас актуальными являются необработанные фотографии без наложений фильтров. Современному поколению нужна правда.

3) Глобалистическое мышление при этом немобильность (подросткам со всего мира нравится одинаковая еда, одежда, у многих есть друзья из разных уголков нашей планеты, при этом они не хотят выйти погулять даже в собственный двор).

Имеют место и крайне пессимистичные точки зрения. Например, в статье с красноречивым названием «Смартфоны уничтожили поколение» автор пишет, что современные подростки любят смартфоны больше, чем людей. Зависимость от социальных сетей привела к тому, что подростки нередко испытывают проблемы со сном, у них возникают депрессии, а статистика самоубийств среди подростков вызывает серьезные опасения. В конце статьи автор приходит к тому, что вскоре дети разучатся корректно использовать мимику. Из-за недостаточного личностного общения, они будут знать, какой «смайлик» подошел бы к данной ситуации, а не выражение лица [6].

В отечественной науке нет общепринятого мнения по поводу Поколения Z: ни с точки зрения событий, породивших новое поколение, ни с точки зрения отрезка времени, с которым могло бы оно могло ассоциироваться. Наиболее распространенным термином, ассоциирующимся с Поколением Z в России, является «клиповое мышление». Учителя, говоря о современных школьниках, отмечают их гиперреактивность, неспособность читать длинные тексты, неумение интерпретировать прочитанное и т. д.

Таким образом, нашей следующей задачей являлось создание опросника, целью которого является получение данных по поводу возраста, с которого современная молодежь начала активно пользоваться смартфонами, а также по поводу интенсивности использования интернета.

Созданный нами опросник состоит из 20 вопросов, некоторые из которых включают в себя нескольких пунктов. Например: «Вы активно пользуетесь гаджетами».

В сумме, респондент должен сделать около 120 кликов мыши для его заполнения.

Мы провели данный опрос среди студентов нашего института, а также учащихся школы №1234. В сумме в опросе приняло участие 361 человек в возрасте от 14 до 25 лет.

Наиболее любопытным результатом опроса стало то, что он подтвердил неумение современного поколения концентрироваться на одной задаче в течение долгого периода времени. Так, наш опрос не смоли пройти 135 из 178 школьников. По словам учителей, контролирующих ход опроса, уже через 5 минут дети стали жаловаться на усталость.

Опрос также показал, что современное поколение пользуется смартфонами практически постоянно. Так, 203 человека дали ответ: «пользуюсь смартфоном практически постоянно», а 209 человек – «захожу в социальные сети практически постоянно/несколько раз в день»

Вызывают опасения ответы на вопрос «Сколько времени вы используете телефон/планшет, лежа в кровати, перед тем, как лечь спать?». Были получены следующие ответы: 61 – «не более часа», 51 – «час и более», вне зависимости от возраста. Таким образом, более половины респондентов использует смартфоны перед сном, как минимум в течение получаса.

Опрос также дал ответы на наиболее актуальные вопросы: когда дети начинают пользоваться смартфонами и интернетом, и как часто они это делают? Так, активность использование интернета увеличивается с возрастом, как представляется, параллельно с ослабеванием родительского контроля. Студенты в среднем проводят в интернете 5 часов в день, школьники – около 3 в день. Первые смартфоны появились у студентов в 2010–2012 гг. (активный рост рынка смартфонов в России). В свою очередь появление первых смартфонов у школьников зависит не от развития рынка гаджетов, а от возраста детей. Так у учеников 7–9 классов они появились в среднем в 10 лет, а у учеников 5–6 классов уже в возрасте 7–8 лет.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что к Поколению Z в России относится поколение, родившееся после 2005 г. Именно данное поколение, активно пользуется гаджетами уже в начальной школе.

Следующим шагом для нас будет проведение эксперимента, направленного на изучение особенностей реакции и концентрации респондентов, за которым последует психологический тест. Результаты данных исследований будут сопоставлены с результатами проведенного опроса, что позволит проследить влияние активного использования гаджетов и интернета на формирование языковой личности.

Литература

1. Beall G. 8 Key Differences between Gen Z and Millennials. 2017. [Электронный ресурс] – URL: https://www.huffingtonpost.com/george-beall/8-key-differences-between_b_12814200.html (дата обращения 20.02.2019).
2. Elmore T. Homelanders: The Next Generation. Translating our message to reach Generation Z, 2016. [Электронный ресурс] – URL: <https://influencemagazine.com/practice/homelanders-the-next-generation> (дата обращения 20.02.2019).
3. Horovitz B. After Gen X, Millennials, what should next generation be? – 2012. [Электронный ресурс] – URL: <http://usatoday30.usatoday.com/money/advertising/story/2012-05-03/naming-the-nextgeneration/54737518/1> (дата обращения 20.02.2019).
4. Howe N. Introducing the Homeland Generation, 2014. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.forbes.com/sites/neilhowe/2014/10/27/introducing-the-homeland-generation-part-1-of-2/#4bd4d4412bd6> (дата обращения 20.02.2019).
5. Törőcsik M., Szűcs K., Kehl D. How Generations Think: Research on Generation Z / Acta Universitatis sapientiae, communicatio, 2014. P. 23–45.
6. Twenge J. Have Smartphones Destroyed a Generation? 2017. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2017/09/has-the-smartphone-destroyed-a-generation/534198/> (дата обращения 20.02.2019).

Inyashkin S.G.

Pushkin State Russian Language Institute

GENERATION Z IN RUSSIA

The article deals with the modern generation in Russia – Generation Z. Firstly, the author reviews foreign scientific literature devoted to Generation Z. Picking out the key peculiarities, written by the scientists, in order to extrapolate them on the Russian realia, the author took a pole among Moscow schoolchildren and students who gave answers to the most important questions.

Keywords: Generation Z, smartphone, social media, teenagers.

Азы православия в детских садах

Содержанием данной статьи являются методические рекомендации для катехизаторов в детских садах.

Ключевые слова: обучение основам православия в детском саду.

Спасем детей – спасем Россию. Афонские старцы считают, что именно сейчас, во время небывалого мощного информационного насилия, так важна борьба за детские души. Нам нужно в этой борьбе объединяться, ибо как раньше, так и теперь мир уводит наших детей от Истины, от Христа, от простоты, от любви, от целомудрия.

В деле православного воспитания маленьких детей большое значение имеет приобщение их к духовным и нравственным ценностям, к церковным Таинствам. Ребенок глубоко и трепетно воспринимает и переживает свои первые впечатления, обретая опыт, который в дальнейшем определит его жизненный путь и нравственный выбор. Важно, чтобы эти первые впечатления раскрывали красоту и величие сотворенного Богом мира, учили беречь его. Что важно в воспитании души? Первое – Таинства Церковные, молитва, Богообщение. Второе – личность педагога, его дух. Педагог, который воспитывает детские души, должен быть харизматической личностью. Дети должны чувствовать, что то, что педагог говорит им о Боге, о любви, он пережил сам.

В 2008 году в Рязанской области при православном сестричестве нами была организована работа с дошкольниками села. Работа с детьми проводилась ежедневно, программа воспитания имела христианскую основу. При таких условиях воспитательная задача упрощалась. Во-первых, с детьми занятия проводились каждый день на своей территории. Можно себе представить – какой мощный заряд получали дети при таких благоприятных обстоятельствах. Была возможность приводить детей в храм к святому Причастию. Дети быстро воцерковлялись, а за ними в храм приходили и родители.

Это была совершенно позитивная практика, дающая максимальные результаты катехизации. Мы становились одной семьей, дружили. У нас были общие праздники: Рождество, Пасха.

В тех условиях, в которых мы с вами находимся, эта задача невыполнима.

Мы приходим в детские сады с беседами о Боге, о спасении, и крайне редко, не чаще одного раза в неделю. У нас нет вспомогательной базы: книг, игрушек, фильмов, – то есть, того, что всегда имеется и хранится на своей территории. Есть и еще одна сложность: дети, с которыми нам придется работать – раз-

ные. Есть дети воцерковленные, которые причащаются, знают молитвы, их не более 5–10 % в группе. Есть такие дети, которые знакомы с Библией, что-то им читали родители, их 30–40 %. Остальные – их большинство – это дети, которые не посещают храм, им ничего не читали родители. Нам дается мало времени, и мы идем к этим детям в гости с беседой о Боге и о спасении души.

Давайте определим основные задачи:

1. Как сделать так, чтобы наши уроки были плодотворными?
2. Как подать материал, чтобы он был доступным и запоминающимся?
3. Как уроки сделать интересными и нескучными?
4. Какие методы можно использовать, кроме рассказа?
5. Какими программами и литературой пользоваться?

Прежде чем рассмотреть каждый из пунктов, отметим еще очень важный момент.

Трудно будет увидеть хорошие результаты и видеть плоды педагогических усилий, если не учтем, насколько возможно фактор семьи. Именно в семье, с родителями протекает основная жизнь наших подопечных, мы лишь помощь. А как быть, если родители не посещают Божий храм, не приучают детей к молитве?

Поэтому наша первоочередная задача – перед началом занятий провести собрание с родителями, получить их поддержку, настроить их внимание к тому, что ребенок будет получать знания о Боге и говорить об этом дома. Нужно объяснить родителям, что они непременно должны проявлять заинтересованность, вместе с детьми читать, учить молитвы, посещать храм.

Еще лучше, если на вашем первом занятии вы посетите храм вместе с детьми, а кто-то из родителей присоединится к вам. Попробуйте найти самых активных родителей и попросить их прийти на занятия, поиграть вместе с детьми. Если у вас получится теплый, семейный контакт, то в дальнейшем можно вместе проводить праздники – Рождество, Пасху.

Теперь, конкретно переходим к основным вопросам – что и как мы будем делать на занятиях с детьми?

ПРИНЦИП ПЕРВЫЙ. Как? Атмосфера, налаживание контакта. Знакомство.

Вы пришли провести первое занятие. Не торопитесь сразу рассказывать тему. Познакомьтесь с детьми. Но не со всеми вместе, а с каждым в отдельности. Для этого нужно сидеть близко. Можно посадить детей полукругом, сидя в центре. Дистанция должна быть самой короткой. В православии, у Христа мы все братья и сестры, у нас один Бог – Отец. Вы проводите с детьми беседу как в кругу семьи – просто, ненавязчиво,

Вы пришли к ним в гости, как близкий и родной человек и будете им рассказывать, как мама, что-то интересное, разговаривать с ними, играть.

Ваша первая беседа и первые вопросы: «Как тебя зовут? А маму? Когда у тебя день рождения? У тебя есть братишка или сестренка? У тебя есть друзья – домашние животные? Чем ты любишь заниматься – рисовать, лепить,

260 | петь?» Они наперебой будут рассказывать о себе. Доверие, которое появится в результате такого общения – это самое главное, что может удерживать внимание ребенка. Если Вам интересна личность ребенка, то и ему будет интересно то, с чем Вы пришли. Сейчас, в век электронных технологий, интернета, происходит изоляция родных душ, вытесняется живое общение. Если на уроках воцарится открытость, доверие, детские сердца будут раскрываться, исчезнет страх, восприятие будет радостным, и вы будете желанным гостем.

ПРИНЦИП ВТОРОЙ. Не только монолог, а диалог. Беседы должны включать в себя диалоги.

Если детям только рассказывать, то они быстро утомляются, перестают воспринимать услышанное, поэтому лучше чаще переключаться на диалоги. Например, рассказ о храме можно дополнить вопросами: «А в какой храм ты ходишь?», «А батюшка там служит молодой или старенький?», «А как зовут батюшку?». Схема беседы такова: монолог – диалог, рассказ – общение, рассказ – видео, рассказ – песня. Нужно самим управлять этим педагогическим процессом. Если видим, что дети устали и не воспринимают информацию, нужно общаться, играть, петь, а затем повторять то, о чем рассказывали.

ПРИНЦИП ТРЕТИЙ. Простота, доступность, простейшая терминология.

Эта задача непростая, требует опыта, находчивости, сообразительности. Сложные церковные понятия, незнакомые слова, рассказы из Священного Писания не нужно бояться объяснить простым детским языком, находить понятные детям слова и определения. Можно и нужно говорить маленьким детям о великих вещах простыми словами. Обучая молитвам «Отче Наш», «Богородице Дево, радуйся», понимаем, что дети не сразу смогут запомнить текст, поэтому правильно и разумно учить их молиться своими словами и о том, о чем они сами хотят попросить Бога: «Господи, вылечи маму», «Господи, помоги папе, он устал на работе», «Господи, дай здоровье бабушке», «Господи, помоги голодным птичкам» и т. д. Дети будут учиться молиться и милосердию. Информации для усвоения должно быть немного, но она должна быть простой, доступной и понят и понятной.

Сравните:

1. В начале Благий Бог существовал, по неизреченной благодати сотворил мир видимый и невидимый.

ИЛИ: Сначала ничего не было, даже света. Закройте глаза. Как темно! Но Добрый Бог был всегда. По своей доброте Бог из темноты, из пустоты сотворил Небо и Землю. Откройте глаза. Свет, растения, люди – все Бог сотворил.

2. Адам и Ева вкусили запретный плод, змей обманул Еву, она уговорила Адама, так они лишились рая за грехопадение.

ИЛИ: Адам и Ева не спросили Бога и без разрешения съели плод. Сначала Ева, а потом Адам. Змей обманул добрых Адама и Еву, после этого им стало плохо, они увидели зло, которого раньше не видели.

Горько стало бедным Адаму и Еве, им пришлось уйти из рая, там больше они жить не смогли, потому что там живут только послушные. Так Адам и Ева были наказаны и ушли с прекрасного светлого места в более темное.

ПРИНЦИП ЧЕТВЕРТЫЙ. Как добиться того, чтобы дети лучше запомнили новые понятия, молитвы. Нужно как можно чаще повторять. Некоторые, увлекаясь программой, забывают повторять. Самая главная задача – научить детей молиться, обращаться к Богу с прошением, благодарением, славословием. Если трудно сразу запомнить «Царю Небесный», «Отче наш», начинаем урок: «Во имя Отца, Сына и Святаго Духа!», Учимся креститься. Вместо молитвы «Достойно есть» в конце занятий мы благодарим словами «Слава Тебе, Господи!».

ПРИНЦИП ПЯТЫЙ. Усвоение материала с помощью музыкального и игрового методов.

Маленькие дети музыкальны, эмоциональны, любят игру. В работе можно и нужно использовать духовные песенки, канты, стихи, видео. Интересно использовать в своей работе кукольный театр.

Можно взять одну куклу, например Ангела, которая будет помогать вам «рассказывать». Куклу можно сделать своими руками из любого материала, это очень оживит ваши уроки.

Можно использовать раскраски, если позволяют условия в детском саду и вам дадут время для этого. Это бывает плодотворно, ярко, интересно.

ИГРОВАЯ ЧАСТЬ. Очень хорошо, если вы в своих занятиях сможете использовать элементы игры. Игру можно придумать самим, если к этому творчески подойти. Например, если был рассказ о Божьем храме, можно предложить детям построить вместе храм. Сначала помолимся: «Господи, благослови!». Распределите детей. Например, Петя и Миша будут водители, подвозить кирпичи для храма, Денис и Павлик выгружать, девочки подметают дорожки, а потом все вместе будем строить. Закипела воображаемая стройка. В конце игры молитва-благодарность «Слава Тебе, Господи, слава Тебе!».

ПРИНЦИП ШЕСТОЙ. Нести свет, добро и радость.

Маленький ребенок эмоционален, сердечен, открыт, доверчив. У педагога, который занимается с детьми должно быть хорошее настроение, радостная улыбка, открытость. Ведь вы приходите с благой вестью о Боге, о храме, о святых. Нужно нести свет, добро, радость – сердца детей это запомнят. Всякий раз настраивать себя положительно, не ходить на занятия по принуждению, без настроения, уставшим от проблем. Это все надо оставить за дверями, а детям принести только радость. Тогда все, что вы говорите о Боге, – будет светом, радостью, добром. Нужно избегать таких выражений «Бог наказал», «последний суд», «геенна огненная», «ад поглотит грешников».

Не нужно говорить маленьким детям о бесах, о дьяволе как о сущностях. Почему? Детская психика у маленького ребенка слабая. Он, как ангел, во

262 | всем видит добро. Даже сказки о бабе-яге, водяном полны сочувствия авторов к нечистой силе, поэтому лучше все-таки избегать раннего просвещения об этом, но если сможете облечь это в нестрашную, сказочную форму.

Маленьким детям, объясняя заповеди Бога, лучше говорить, что на дурные, нехорошие поступки они соглашаются сами, если капризничают, обманывают, берут без разрешения. Это поможет им научиться нести ответственность за свои поступки и исправляться. Наше любимое в народе «бес попутал» всегда оставляет вину за другой сущностью, когда на самом деле виноваты в своих дурных поступках бываем мы сами. Пусть дети живут в добром, чистом мире добрых мыслей, знают Бога и Ангелов, как Добро, Свет, Любовь и учатся преуспевать в добре.

В качестве примера приведем фрагмент занятия «БОГ СОТВОРИЛ ПРЕКРАСНЫЙ МИР». Цель этого занятия – раскрыть детям тайну творения мира, воспитать чувства восхищения, благодарности Богу.

Рассказ педагога.

Мы живем в большом и красивом мире. Нас окружают люди и вещи. Посмотри, что ты видишь, малыши? Это стул, столик, карандаш, краски. Эти предметы сделали люди своими руками. Но откуда взялись небо и земля, дождь и радуга, звери и птицы, деревья и цветы?

Почему наступает лето и зима, весна и осень? Можем ли мы с тобой сами сделать, например, живого попугая или живую собачку? Нарисовать, конечно, сможем и попугая, и собачку. Слепить мы также сможем из пластилина любое животное. Но живое и настоящее мы не сможем сделать с тобой сами, даже если очень постараемся. Видел ли ты, малыши, в деревне живую козочку и корову? Как получается такое чудо? Корова и козочка кушают только травку, но каждый день дают для людей вкусное молоко. Какая чудо-фабрика! А пчелки? Они такие маленькие, но трудятся непрестанно, перелетая с цветка на цветок, собирая сладкий нектар, для того, чтобы люди холодной зимой пили чай с душистым медом. А как прекрасно поют птицы! Разве они учились в музыкальной школе? Кто научил их, маленьких пичужек, нотам? О чем они так радостно поют каждое раннее утро?

Все, что ты видишь вокруг, создал Невидимый Бог. Он – Творец всего живого и прекрасного! Бог сотворил Небо и землю, сотворил животных, сотворил первых людей. Для чего? Для радости. Бог – это Добро, Свет и Любовь. Бог любит все, что Он сотворил, заботится обо всем. Мир, в котором мы живем, – это прекрасный дом, созданный, дети, для нас самим Богом.

Такой необыкновенный дом строился очень долго, миллионы лет. Библия говорит о том, что мир строился за 6 дней. Но это не такие дни как сейчас. Они длились очень-очень долго. Попробуем представить, как это было. Закройте глаза. Вы не видите сейчас ничего. И сказал Бог: «Да будет Свет!» Откройте глаза. И стало светло. Это был первый день. Но еще не

было ни земли, ни неба. Тогда во второй день сотворил Бог небо, которое мы видим у себя над головой голубое, с облаками и дождями. В третий день Бог сотворил прекрасную землю с горами, речками, деревьями и цветами. В четвертый день Бог сотворил солнышко, месяц и прекрасные звездочки, чтобы день сменяла ночь, чтобы мы могли с вами ночью спать, а днем трудиться. В пятый день Бог сотворил живые прекрасные существа – птиц и рыб. Весело стало на земле! Птички поют, щебечут, благодарят Господа. Рыбки в речках и морях плещутся, плавают, радуются, тоже благодарят Бога. Но по земле ничего живое не ходит, травку не щиплет, цветочкам не радуется. Тогда Бог сотворил прекрасных и умных животных, таких разных – и сильных, и слабых. Эти животные жили в мире и не обижали друг друга. Царь зверей Лев дружил с оленями и косялами, тигрята играли вместе с зайцами, слоны хоть и были большими, но никогда не обижали маленьких. Как же хорошо было на земле! Мирно, радостно, спокойно!

Но не хватало чего-то самого главного и прекрасного. И тогда Бог сотворил первого человека Адама, а чтобы Адаму не было скучно, Бог дал ему помощницу Еву.

И поселил Бог первых людей в прекрасном саду, который назывался Раем.

Литература

1. Коробейник Д.Н. Комплексная программа для центров дополнительного образования при православных храмах «Основы русской духовной культуры» // Духовно-нравственное воспитание детей дошкольного и школьного возраста. Сборник программ. – М.: Отдел религиозного образования и катехизации города Москвы. – Этносфера. – 2017. – С. 34–55.

Nun John (Sizikova)

*School named after St. Tikhon of Zadonsk (Orthodox school for girls),
Shuya, Ivanovo region*

THE BASICS OF ORTHODOXY IN KINDERGARTENS

The contents of this article are guidelines for catechists in kindergartens.

Keywords: Teaching the basics of Orthodoxy in kindergarten.

Этос образа современного русского ратора: некоторые аспекты общего экстралингвистического контекста речевой деятельности Патриарха Кирилла

В статье представлена категория риторического этоса как составляющая исследования образа современного русского ратора, входящая в триаду этос–пафос–логос, и рассмотрены некоторые основные аспекты общего экстралингвистического контекста речевой деятельности главы Русской православной церкви Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

Ключевые слова: образ современного русского ратора, риторика Патриарха, риторический этос, экстралингвистический контекст.

Представленная триадой этос–пафос–логос категория образа ратора рассматривается в качестве инструментария при анализе речевой деятельности и особенностей формирования риторического образа конкретной языковой личности. Принципы такого анализа подразумевают, что для составления наиболее полного и целостного представления о факторах, влияющих на формирование риторического образа определенной языковой личности, оптимальным является осуществление анализа речевой деятельности с учетом всех выделенных уровней – этоса, пафоса и логоса, при этом исследование целесообразно проводить в направлении от уровня экстралингвистических условий речи к уровню содержания и формальной лингвистической составляющей речевых произведений, создаваемых ратором.

Предложенные принципы анализа были применены при исследовании публичной речевой деятельности одного из наиболее влиятельных современных раторов – Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Был изучен и систематизирован материал всех публичных выступлений Главы Русской Православной Церкви за период одного календарного года, выделены пять основных видов речи и их особенности, которые определяют характерные черты пяти составляющих единого риторического образа Патриарха Кирилла: 1) проповеди – образ проповедника – духовного пастыря; 2) напутствия – образ наставника священнослужителей-архиереев; 3) обращения общецерковные – образ руководителя церковной организации; 4) обращения к общественности – образ общественного деятеля; 5) выступления в СМИ – медийный образ миссионера.

Во всех выделенных видах речи были определены особенности этоса, пафоса и логоса риторического образа Патриарха Кирилла. Так на уровне риторического этоса были описаны условия осуществления речевой деятельности Патриарха, даны характеристики участников коммуникации и контекста; на уровне пафоса были охарактеризованы особенности замысла и намерений ратора, направленность эмоционального воздействия речи; на уровне логоса – значимые для характеристики образа ратора и его индивидуального стиля особенности изобретения как содержательной стороны логоса, которая формируется из тезиса и риторической аргументации; расположения, как способа построения законченного речевого произведения; элокуции, как формальной стороны логоса (с выделением лексического и синтаксического аспектов) и исполнения, как формы речевого выражения (с выделением просодического аспекта).

В данной статье будет представлен фрагмент исследования, посвященный некоторым основным аспектам общего экстралингвистического контекста речевой деятельности Главы Русской Православной Церкви.

В день интронизации, 1 февраля 2009 года, Патриарх Кирилл произнес речь, в которой отметил: «Нет и не может быть в жизни Патриарха ничего личного, частного: он сам и вся его жизнь без остатка принадлежат Богу и Церкви» [3, с. 276], – и обозначил главные приоритеты своей будущей Первосвятительской деятельности: сохранение внутреннего единства Церкви и чистоты веры, укрепление духовных связей на пространстве «исторической Руси» и сохранение системы ценностей «единой православной цивилизации Святой Руси», «церковная проповедь духовно-нравственных идеалов применительно к реалиям современной жизни», диалог между Церковью, государством и обществом, усовершенствование всеправославного сотрудничества, забота о духовном состоянии молодежи, социальное служение и благотворительность [3, с. 276–279]. Со времени начала Патриаршего служения особое внимание Патриарх Кирилл уделяет вопросам формирования митрополий, увеличения числа епископов и открытия новых епархий, религиозно-образовательной деятельности и формированию целостной системы богословского образования, в рамках которой была создана Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, усилиями Церкви теология утверждена в России как научная специальность, в программу средних общеобразовательных школ во всех регионах России включен предмет «Основы православной культуры». Как одну из важнейших задач Церкви Патриарх определяет развитие миссионерства [4, с. 1].

Предстоятель говорит: «Труден Патриарший крест. <...> Но одновременно Господь сопровождает это служение и великими радостями. И главной радостью для меня является возможность совершать Божественную службу в любом храме Русской Православной Церкви, в любом монастыре, у великих

266 | святынь, посещать замечательные святые места нашей Церкви, соприкасясь с Божественной благодатью, проистекающей от тех святынь, и напоая свой разум и свою душу всем тем, что исходит от реальной церковной жизни, впитывать эти очень важные для Патриарха сигналы, которые идут от народа, от паствы, от архипастырей, от монашествующих» [5, с. 1].

Аудитория, к которой обращается Патриарх Кирилл, многообразна, она включает в себя представителей различных социальных групп и культурных классов современного общества. Свои выступления Патриарх адресует как членам Церкви – пастве, архипастырям и монашествующим, так и широкой общественности – людям, которые не принадлежат церковному единству и тем «кто еще не обрел веру» [3, с. 276], жителям России и соотечественникам за рубежом, народам независимых государств на пространстве «исторической Руси», русским людям и представителям других этносов, всем россиянам и жителям отдельных краев и областей, рядовым гражданам и государственным деятелям, представителям различных профессий и поколений, носителям как традиционных культур, так и существующих в обществе субкультур.

Говоря о культуре российского общества в целом, Патриарх отмечает: «Базисная культура нашего народа сформирована в значительной мере под влиянием Православия. Этот культурологический факт, я думаю, сегодня признают православные и неправославные, верующие и неверующие...» [6, с. 1] Вместе с тем, в обществе существуют различные традиционные культуры, а также субкультуры, одной из которых, в частности, является сложившаяся узкоцерковная субкультура Русской Православной Церкви, но, по мнению Патриарха, «Церковь не является вместилищем одной субкультуры. <...> Задача Церкви состоит в том, чтобы духовно оплодотворять любую субкультуру, за исключением, конечно, антикультур». По словам Патриарха, «подлинной является только такая культура, которая возделывает человеческую личность; если же культура разрушает личность и нравственное начало, то она превращается в антикультуру. <...> Конечно, Церкви не по пути с антикультурой, Церковь призвана ее обличать, но не грозно указывая перстом, а достигая человеческого сознания, воли и чувств, чтобы люди были способны не принимать эту пагубную и разрушительную для их жизни антикультуру» [6, с. 1].

Патриарх отмечает «множественность и противоречивость существующих в обществе взглядов и убеждений» и то, что перед каждым человеком стоят «сложнейшие мировоззренческие и этические вопросы современности», ответы на которые, по мнению Патриарха, людям можно искать, соединяя «православную веру и евангельскую мораль с повседневными мыслями, чаяниями и надеждами» [3, с. 277]. В отношении существования различных взглядов и мнений среди членов Церкви и необходимости сохранения церковного единства Патриарх видит свою задачу в том, чтобы «не допускать

перерастания разномыслий, которым, по слову апостола «надлежит быть» (1 Кор. 11:19), в расколы, нестроения и лжеучения. Патриарх должен заботиться о том, чтобы каждая личность во всей ее неповторимости находила свое место в церковном организме и в то же время чтобы разномыслия не нарушали духа любви и не ослабляли общих усилий по созиданию дома Божия. «В главном – единство, во второстепенном – свобода, во всем – любовь», – эти слова святого Викентия Леринского должны оставаться руководящим принципом церковной жизни» [3, с. 277] – убежден Патриарх.

Литература

1. Аннушкин В.И. Этос // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск, СФУ, 2012. – С. 311–312.
2. Волков А.А. Курс русской риторики. – М., Русская панорама, Кафедра, 2013. – 416 с.
3. Иларион (Алфеев). Патриарх Кирилл: жизнь и мирозерцание / Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев). М.: Эксмо, 2010. С. 276–279.
4. Официальный сайт Московского Патриархата РПЦ. Электронный ресурс URL: <http://www.patriarchia.ru> (дата обращения 22.09.2018).
5. Патриарх Кирилл. Слово после Божественной Литургии в Храме Христа Спасителя в пятую годовщину интронизации 01.02.2014. Электронный ресурс URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3550769.html>; <http://www.patriarchia.ru/db/text/3552232.html> (дата обращения 22.09.2018).
6. Сайт Православие и мир. Электронный ресурс URL: http://www.pravmir.ru/stat-content/sc_printer_4047.html
7. Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. 3-е изд., М.: Флинта: Наука, 2003. – 176 с.
8. Рождественский Ю.В. Теория риторики. – М., Флинта: Наука, 2004. – 512 с.

Kabankova Y.Y

Pushkin State Russian Language Institute

ETHOS OF MODERN RUSSIAN RHETORICIAN'S IMAGE: SOME ASPECTS OF THE GENERAL EXTRA-LINGUISTIC CONTEXT OF PATRIARCH KIRILL'S SPEECH ACTIVITY

This article presents the category of rhetorical ethos as a component of modern Russian rhetorician's image study, which is part of the ethos–pathos–logos triad, and discusses some of the main aspects of general extra-linguistic context of the Russian Orthodox Church Head Patriarch of Moscow and All Russia Kirill's speech activity.

Keywords: Modern Russian rhetorician's image, Patriarch's rhetoric, rhetorical ethos, extra-linguistic context.

Орфография как индикатор общественного сознания

В статье говорится о том, как орфография отражает общественное сознание. Анализ этой взаимосвязи проводится на примере основных этапов развития русской орфографии: второго южнославянского влияния, Петровской реформы 1708–1710 гг., реформы русской орфографии 1917–1718 гг., рубежа XX–XXI вв.

Ключевые слова: русская орфография; история письма; общественное сознание.

Изменения в области орфографии всегда в той или иной мере зависят от экономического и политического состояния общества, отражают общественное сознание. Орфографические преобразования никогда не возникают только из соображений теоретико-лингвистических, а являются составной частью крупных социальных движений, результатом развития общества в целом, а не только языка или тем более науки о языке. Наиболее радикальные предложения по реформированию правописания, как замечено, выдвигаются в моменты серьезных общественных переломов, тогда как в периоды застоя или замедления социального развития обычно преобладают консервативные настроения, возвышаются голоса противников каких бы то ни было реформ, даже самых назревших и своевременных. Примеров тому в истории русского письма немало. Рассмотрим наиболее яркие из них.

Первой попыткой централизованного установления русской орфографии можно считать так называемое второе южнославянское влияние. Реформа литературного языка и орфографии, ориентированная на древние славянские и греческие образцы, началась в конце XIV века в Болгарии, а затем была продолжена русскими книжниками. Это влияние было лишь частью значительного и обширного общественного движения, напоминавшего тот подъем интереса к старине, который предшествовал западноевропейской эпохе Возрождения. Правда на Руси не было столь развитой дохристианской культуры, как западноевропейская античность, и поэтому в роли возрождаемой старины оказалась христианская культура, расцвет которой был прерван татаро-монгольским игом. Так и не переросшее в Возрождение, второе южнославянское влияние тем не менее стало значительным явлением в истории славянской культуры, в котором орфографические изменения

были только частью, причем не главной. Если до XV века орфографическая норма передавалась от учителя к ученику в рамках каждой писцовой школы и варьировалась от школы к школе, то теперь впервые была предпринята попытка централизованного установления правил правописания. На Руси эту инициативу проявил Киприан, болгарин или серб по происхождению, бывший на рубеже XIV–XV вв. московским митрополитом.

Реформа была в значительной степени искусственной и непонятной для русских писцов. В рамках ее получили применение не нужные для передачи звуков русской речи буквы: ж, s, ѳ, ѣ, ѥ, Ѧ; вновь расширилось употребление букв ѡ, ѡ, которые к XIV в. почти исчезли из русских памятников. Под южнославянским влиянием изменились нормы распределения дублетных букв. Заметим, что искусственное правило правописания і и и, первая из которых стала употребляться после гласных и в заимствованиях, просуществовало вплоть до упразднения і в результате реформы 1917–18 гг. Буквы ѳ, ѣ, ѥ, Ѧ, предназначенные в первую очередь для передачи греческих заимствований, появились и в славянских словах: показательно в этом отношении написание формы ‘псам’ – ѡсмъ, отмеченное в памятнике XV века [4, с. 125]. Кроме того, под влиянием южнославянской орфографии возникают искусственные для русского языка написания: трѣгъ ‘торг’, прѣвыи ‘первый’. Во многих рукописях отражено южнославянское правило распределения букв редуцированных – ѣ в середине, а ѥ в конце слова: вољнь ‘волен’. Заимствуется из греческого сложная система надстрочных знаков, из которых для русской графики ценность представляла лишь «краткая» над и – знак, использующийся до сих пор для обозначения звука [j].

Идущая вразрез с основным направлением развития русской орфографии, заключающемся в более последовательном применении фонематического принципа, киприановская реформа терпит неудачу в основных своих проявлениях, хотя некоторые новации того времени и закрепляются в русском письме надолго. Интересно, что сопротивление новому правописанию носило не только стихийный, но и сознательный характер. Так, писатель Нил Курлятев в 1552 году сурово осудил письмо «ино сербски, а ино болгарски» [3, с. 174]. Единообразие русской орфографии в XV веке увеличивается, однако это происходит не благодаря второму южнославянскому влиянию, а потому, что на письме все меньше отражаются различия между местными говорами. Это связано с ростом роли и авторитета Москвы, а вместе с тем и московского говора, в централизованном Русском государстве.

В отличие от первого, неудачного опыта централизованного установления русской орфографии, переход на гражданскую азбуку был тщательно продуман и хорошо организован. Петровская реформа 1708–1710 гг. устранила буквы ѣ, ж, ѡ, ѥ, давно уже не употреблявшиеся в практике письма. Кроме того, Петр собственноручно вычеркнул еще две «лишние» буквы – ѡ, ѡ. Была

270 | введена буква э, а буква ѡ заменена на я. Реформа коснулась и внешнего облика букв. Приближенные к латинским, начертания новой азбуки стали удобнее в скорописи и выглядели более современными. Отступление от греческого образца проявилось и в отказе от надстрочных знаков, причем вместе с ненужными придыханиями и ударениями были устранены точки над і и «краткая» над ѣ, позднее возвращенные с принятием новой азбуки Российским собранием Академии наук (при этом устанавливается написание одной точки над і).

Очевидно, что в основе Петровской реформы были политические мотивы, и в желании Петра приблизить русское письмо к европейским стандартам проявилась его отчетливая прозападная ориентация. Реформа заострила внимание русского общества на противопоставлении кириллического «старинного» и гражданского «нового» письма, что в свою очередь побудило молодую русскую науку к осмыслению принципиальных теоретических основ каждой из систем, к осознанию свершившегося факта обособления русского литературного языка от церковнославянского, оставшегося лишь языком культа. Дальнейшая унификация русского правописания в первой половине XVIII века происходит, по мнению Б.И. Осипова, не без влияния орфографической реформы в Германии, где в основу правописания был положен «словопроизводственный», морфологический принцип [4, с. 182].

Другим переломным моментом в развитии русского письма явилась реформа 1917–1918 гг. И здесь существенную роль сыграл экстралингвистический фактор. Дело в том, что готовившийся не одно десятилетие проект упрощения правописания, обсуждение которого активизировалось вместе с демократическим движением после освобождения крестьян в 1861 г., тормозилось консервативными силами и было осуществлено только после Октябрьской революции, послужившей своеобразным катализатором реформы. В основу постановления, утвержденного циркуляром Временного правительства, был положен последний из многочисленных проектов упрощения письма, предлагавшихся на рубеже веков, – проект, подготовленный в 1912 г. Орфографической подкомиссией Академии наук при активном участии таких видных ученых, как Ф.Ф. Фортунатов, А.И. Бодуэн де Куртене, А.А. Шахматов. В результате из алфавита были устранены оставшиеся «лишние» буквы: ѣ, ѳ, і и ѡ на конце слов, регламентировано правописание приставок на <з> и некоторых падежных окончаний. Однако даже самые революционно настроенные издания не сразу перешли на новую орфографию. Принятый 23 декабря 1917 года декрет Наркомпроса потребовалось подтвердить декретом Совнаркома, чтобы советская и партийная печать наконец обновилась. Применялись даже насильственные меры: из многих типографий были изъяты «контрреволюционные» буквы, в том числе и ѡ, в результате чего в разделительной функции некоторое время использовался апостроф.

Важно отметить, что революция лишь подтолкнула осуществление уже давно подготовленного, широко обсуждавшегося, научно обоснованного и абсолютно своевременного проекта, истоками своими никак не связанного с коммунистическими идеями. Однако в сознании людей эта реформа оказалась прочно связанной с Октябрьской революцией, стала своеобразным «яблоком раздора» между сторонниками и противниками новой власти, приобрела острое политическое звучание. Эмигрантская печать, считавшая новую орфографию «большевистской», так и не приняла реформу, которая была подготовлена задолго до революции и, бесспорно, сделала русскую орфографию легче и рациональнее.

Крайне поучительными и важными для современного этапа развития русского письма можно считать результаты реформы 1917–1918 гг. При том что основная цель ее, как было заявлено, состояла в «облегчении широким народным массам усвоения русской грамоты, поднятии русского образования», грамотность после реформы не повысилась, а снизилась. Причины этого, по мнению выдающегося лингвиста Л.В. Щербы, заключаются в том, что «реформа не сделала орфографию безусловно легкой, зато подорвала ее престиж», поколебав дотоле «незыблемые» ее основания. Из этого ученый делает вывод о том, что «смысл и ценность орфографии в ее единстве», ведь все непривычное замедляет восприятие, безграмотное письмо трудно для понимания [5, с. 56]. Вернуть престиж грамотному письму оказалась нелегко, не помогли ни «орфографический террор» 30-х годов, ни пристальное внимание ЦК ВКП(б), ни работа правительственной комиссии. Даже в самые тяжелые военные годы не прекращалась эта работа: так, приказ Наркомпроса об обязательности употребления буквы Е в школьной практике увидел свет в 1942 г., когда фашисты стояли под Сталинградом. Возобновившаяся после войны орфографическая дискуссия привела к созданию в 1956 г. свода «Правил русской орфографии и пунктуации» – первого полного справочника нового правописания.

Конец XX столетия, отмеченный серьезными политическими потрясениями и социально-экономическими переменами, ознаменовался тенденцией к активизации научной орфографической деятельности, направленной в сторону упорядочения существующей орфографии. Обусловленность языковых процессов процессами социальными совершенно очевидна, и русская орфография рубежа XX–XXI вв. отразила кардинальные преобразования в обществе и общественном сознании. В первую очередь произошли значительные изменения в функционировании «вырвавшегося на свободу» русского языка, языка периода гласности, когда норму-догмат, которая разрешала либо категорически запрещала, сменила норма-выбор, которая допускает и одобряет использование одного из нескольких наиболее подходящих в данном речевом контексте языковых средств. Практика письма рубежа столетий в целом

272 | подчинялась правилам, однако демонстрировала значительную вариантность написаний, большую терпимость по отношению к отступлениям от нормы, признание возможности выбора в пределах нормы. Важнейшая характеристика письма того времени – полизнаковость, признаками которой явились новации в сфере использования прописных букв, употребление элементов дореформенной орфографии и латиницы, параграфемика и случаи видоизменения русской графики (написания типа КиберПочт@, ГЛЮК' © ЗА).

Одной из важных примет времени стала попытка возвращения к дореформенной орфографии, в первую очередь использование особых графических элементов – ь на конце слов, устраненных реформой букв ҃, ъ, ѳ, ѵ и некоторых других. Интересно, что среди возвращаемых букв лидировал конечный ь, от которого в период реформы 1917–1918 гг. в первую очередь и совершенно безболезненно отказалась русская орфография. Стремление «возродить» дореформенную орфографию в большинстве случаев явилось следствием ошибочных представлений о реформе как детище советского правительства. Возникнув в качестве своеобразного символичного вызова событиям 1917 г., элементы дореформенного правописания не всегда использовались грамотно и рационально. Тому свидетельство, в первую очередь, грубо ошибочные написания типа «Старый лекарЪ» (сеть аптек в Москве). Политизированное общественное сознание первых лет перестройки, расценивая реформу 1917–1918 гг. как ненужное вмешательство в историю языка в результате действия некоей темной силы, увидело в современной орфографии отсутствующую в ней политическую составляющую и выразило протест против Октябрьской революции и реформы орфографии как ее последствия и символа. Об этом свидетельствуют многочисленные выступления в периодической печати видных деятелей науки и культуры. Так, А. Вознесенский утверждал, что «репрессированные “твердые знаки” и “яти” были двойниками убитых в подвалах»; архиепископ Аверкий высказал мысль о том, что «провели эту реформу только большевики, почему эта “новая орфография”, по справедливости всей, и должна называться “большевистской”, или “советской”» [2, с. 236]. К числу орфографических антиреформаторов относились Д.С. Лихачев и А.И. Солженицын. Ожидание антидекрета и контрреформы русской орфографии выявило историко-орфографическую некомпетентность современного общества. Эти идеи руководили, к примеру, проведенной в Санкт-Петербурге в мае 1996 г. конференцией «Судьба русской орфографии».

Современный этап развития науки о письме характеризуется стремлением вывести вопросы правописания с периферии в центр научного внимания, поставить «письмоведение» в ряд с другими областями языкознания, тогда как ранее орфографии отказывали в научности, считая ее прикладной дисциплиной, поскольку правописание можно реформировать. Орфографическая практика письменной речи опередила теоретические установки, что проявля-

ется, в частности, в наличии орфографических вариантов в некоторых сферах русского письма, особенно в орфографии новых слов, в области слитных-дефисных-раздельных написаний, употребления прописных букв и ряде других аспектов. Одним из проявлений стремления поднять орфографию до уровня науки является то, что вновь появились серьезные исследования в области теории письма и методики его преподавания, ведется анализ ошибок, поднимаются вопросы о природе орфографической грамотности, и уже есть реальные опыты преподавания на научной основе.

Вместе с тем хотелось бы предостеречь реформаторов от слишком резких движений в сторону изменения правописания. Во-первых, как показывает история, реформы орфографии всегда проходят довольно болезненно для общества и поэтому должны проводиться с учетом состояния лингвистической теории, смежных наук и интересов всей лингвистической и экстралингвистической деятельности общества. Показателен в этом отношении опыт реформы 1917–1918 гг., когда вместо ожидаемого повышения грамотности наблюдалось ее снижение. Попытка устранения орфографических трудностей может привести к возникновению новых проблем. Кроме того, любое, даже незначительное орфографическое преобразование требует от общества с развитой письменностью, реализованной в многочисленных печатных книгах, больших материальных вложений. Перепечатку миллиардов учебников и других изданий с образцовой орфографией трудно назвать первоочередной задачей нашего государства. Анализ орфографической практики показывает, что помимо абсолютно новых, еще не регламентированных языковых явлений, в нашей орфографии мало что создает пишущему реальные проблемы. По данным современных исследований главная трудность современной русской орфографии – написание гласных в безударных слогах, но для решения данной проблемы необходимо принять фонетическое письмо, что вряд ли рационально. Думается, что следует внимательнее отнестись к существующим нормам, исследовать их и научиться ими пользоваться. По словам французского лингвиста Ж. Вандриеса, «мы рабы общественных привычек. Орфография – одна из этих привычек для всякого цивилизованного человека. Ее реформировать можно только с большой осторожностью, опираясь на самый обычай» [1, с. 308].

Литература

1. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. – М.: Социально-экономическое издательство, 1937. – 410 с.
2. Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). – М.: Элпис, 2004. – 456 с.
3. Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго югославянского влияния в России // Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. М., 1960. – С. 152–174.

- 274 | 4. Осипов Б.И. Судьбы русского письма: история русской графики, орфографии и пунктуации. – Омск: Омский науч. вестник, 2010. – 319 с.
5. Щерба Л.В. Безграмотность и ее причины // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 56–62.

Kaverina V.V.

Moscow State University Lomonosov

SPELLING AS AN INDICATOR OF SOCIAL CONSCIOUSNESS

The article talks about how spelling is a public conscience. The analysis of this relationship is carried out on the example of the main stages of the development of Russian spelling: the second South Slavic effect, the Petrine reform of 1708–1710, the Russian spelling reform of 1917–1918, the turn of the 20th–21st centuries.

Keywords: Russian spelling; writing history; social consciousness.

Проблемы современного преподавания РКИ в иранских вузах

Преподавание русского языка как иностранного в Иране имеет уже довольно давние традиции. Однако, несмотря на общие успехи методики преподавания иностранных языков, достигнутые в мире за последние десятилетия, в Иране все еще ведущим методом остается грамматико-переводной. В учебном процессе основное внимание уделено знанию грамматики и чтению. Главными проблемами являются отсутствие современных учебников, средств и способов формирования лингвокультуроведческой компетенции учащихся.

Ключевые слова: методика РКИ в Иране, трудности, перспективы.

Русский язык стал одним из первых иностранных языков, который начал преподаваться одновременно с открытием Тегеранского университета в 1934 году, и в этом отношении он стал вообще одним из первых предметов, вошедших в учебное расписание одновременно с открытием университета [6]. Сначала русский язык преподавали в центре обучения иностранному языку при факультете гуманитарных наук Тегеранского университета, а в 1988 году в Тегеранском университете открылся уже факультет иностранных языков. После победы исламской революции начала работать кафедра русского языка в Университете Азад. В 2001 году кафедра русского языка открылась также в провинции Мазандаран в Мазандранском университете в городе Баболсар, а в 2002 году – в провинции Хорасан в городе Мешхеде (в Мешхедском университете). В 2006 году кафедра русского языка появилась в провинции Гилян в городе Решт (в Гилянском университете). В 2011 году кафедра русского языка появилась в университете Аль-Захра, университете им. Алламе Табатабаи и в университете им. Шахид Бехешти в городе Тегеран. Кроме того, сейчас русский язык также преподают в некоторых частных институтах Тегерана и других крупных городов Ирана. В настоящее время преподавание русского языка в Иране заняло свое вполне достойное место. Почти в 10 вузах по всей стране открылись кафедры русского языка, на которых обучаются, примерно, 1000 студентов, работают свыше 40 преподавателей [2, с. 124].

В Тегеранском университете кроме кафедры русского языка есть также кафедра руссиеведения на факультете изучения мира, где готовят специалистов по русскому языку. Можно сказать, что направление руссиеведения – это комплексная научная дисциплина, соединяющая изучение истории, географии,

276 | экономики, а также социологии и религии России. Россияведение сочетается с общим обучением русскому языку.

В Иране обучение русскому языку не проводится по какому-то отдельному обязательному учебнику. Выбор учебника часто зависит от желания и возможностей преподавателей, которые предпочитают работать либо по авторским пособиям, написанным на персидском языке и изданным в Иране, или по учебникам общего типа, изданным в России.

Сейчас в Иране по специальности русский язык и россияведение можно получить только степень магистра, но в 2019 году собираются открыть и аспирантуру.

В 2012 году в Иране появилась Иранская ассоциация русского языка и литературы, вступившая в Международную ассоциацию преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Ассоциация была создана в целях распространения и развития научного изучения русского языка и литературы, повышения уровня специалистов, а также оптимизации образовательных и исследовательских процессов в области русского языка и литературы. Ассоциация представляет собой некоммерческое учреждение, осуществляющее свою деятельность в рамках научных исследований и научно-технической работы. Она призвана осуществлять методическую поддержку русистов, помогая им в профессиональном совершенствовании, в регулярном обновлении учебной литературы.

Если же говорить об общих педагогических подходах и методах обучения русскому языку, то в большинстве университетов используют грамматико-переводной и сознательно-практический методы обучения РКИ. Занятия по различным дисциплинам обычно представляют собой лекции в рамках грамматико-переводного метода, студенты ориентируются, прежде всего, на получение информации о языке как системе, а уже затем на его практическое применение, то есть коммуникативной компетенции предшествует языковая тренировка и коррекция. Предпочтение в ходе обучения отдается такому виду речевой деятельности, как чтение. На основе чтения, которое обычно сопровождается переводом, формируются и другие виды речевой деятельности. При обучении русскому языку, как правило, грамматика, чтение, перевод преобладают над аудированием и говорением. Предполагается активное использование родного языка учащихся, регулярное сопоставление двух языковых систем, семантизация языкового материала с помощью перевода [5, с. 438].

Иранские университеты довольно хорошо оснащены техническим оборудованием. Занятия обычно проводятся в мультимедиа-аудиториях, представляющих собой комплексно оснащенные учебные аудитории с аудио, видео, компьютерной техникой, в которых каждое рабочее место подключено к сети Интернет. Там можно проводить занятия почти по всем аспектам языка: ау-

дированию, переводу, разговорной практике, чтению газет, базовому курсу, грамматике русского языка и т.д. Однако общий подход к обучению, как уже было сказано, построенный на грамматико-переводном методе в сочетании с сознательно-практическим, пока еще не позволяет вести обучение по современным технологиям, способствующим развитию коммуникативной компетенции учащихся. Отсутствуют подлинно коммуникативные способы тренировки. Персоязычные студенты-филологи часто не способны реализовывать знания системы языка в условиях реальной устной коммуникации, у них наблюдается слабое представление о России, русской культуре, традициях и образе жизни русского народа. Наиболее сложной для них остается даже после завершения обучения в вузе устная коммуникация на русском языке. В иранских аудиториях, как уже было сказано, основное внимание уделяется обучению грамматике, формированию языковой компетенции и слишком мало уделяется времени на формирование социокультурной компетенции [3, с. 10–11].

Однако ситуация постепенно меняется и должна будет меняться. Этому способствует и обучение иранских студентов и аспирантов в российских вузах, когда приходит понимание, что обучиться языку можно только непосредственно участвуя в реальной или симитированной коммуникации. Под коммуникацией понимается социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации, как в межличностном, так и в массовом общении при помощи различных вербальных и невербальных средств коммуникации. Если коммуникация происходит между представителями разных наций, разных культур, то нужно говорить о межкультурной коммуникации. К тому же необходимо учитывать, что характер общения, в том числе и межнационального, определяется сферой общения.

Общение двух людей, один из которых говорит на иностранном языке, есть общение не только межъязыковое, но и межкультурное, поскольку коммуниканты являются представителями разных лингвокультурных сообществ. Обучение иноязычному общению – обучение не просто языку, а коммуникативной деятельности, поэтому для интерактивного обучения первостепенное значение приобретают деятельностные аспекты языка. В связи с этим важным направлением в обучении должно стать выдвижение учащегося как субъекта межкультурной коммуникации и как субъекта образовательного процесса, что определяет перспективу личностного и языкового развития учащегося в этих процессах [1, с. 197].

Лингвокультурологический подход в обучении русскому языку как иностранному должен занять свое важное место в обучении, поскольку он позволяет научить студентов русскому языку не только как средству общения, но и как средству познания культуры русского народа. Кроме этого, мы считаем, что познание русской культуры является поводом для более глубокого понимания

278 | и осмысления нашей родной культуры. Овладение иностранным языком без ознакомления с культурой страны изучаемого языка, с менталитетом людей, говорящих на нем, не может быть полноценным. Иными словами, нужно освоить не только сам язык, но и «образ мира» говорящих на нем: представители иной культуры не должны быть для нас психологически «чужими» [4, с. 22]. В настоящее время современная лингводидактика в качестве основной цели обучения рассматривает формирование у учащихся коммуникативной компетенции, обеспечивающей успешное владение иностранным языком.

Практика преподавания РКИ в Иране показывает, что используемые учебники в современных условиях не отвечают коммуникативным потребностям студентов-русистов и не обеспечивают формирования навыков речевого общения, лингвокультурной и страноведческой компетенций учащихся. Радикальное повышение уровня обучения коммуникации, общению между разными людьми может быть достигнуто только при условии ясного понимания и реального учета фактора межкультурного взаимодействия.

Основными проблемами обучения русскому языку в Иране являются недостаток хороших учебников русского языка, новых словарей (справедливости ради заметим, что есть возможность использования электронных средств обучения), отсутствие стажировок в российских вузах, всего того, что могло бы существенно повысить общий методический уровень преподавания русского языка.

Несмотря на то, что в настоящее время методы изучения русского языка в Иране в какой-то степени изменились, они еще далеки от совершенства. Их необходимо улучшать далее и приближать к целям практического использования полученных учащимися знаний. За последние десять лет в Иране внимание к лингвокультурным и культурно-страноведческим аспектам и формированием социокультурной компетенции в процессе обучения начинает все более увеличиваться. Надеемся, что постепенно университеты Ирана будут выпускать специалистов, которые и хорошо овладеют языком, и хорошо знают культуру изучаемого языка.

Литература

1. Гейхман Л.К. Культура общения как общение культур. – С. 197 // Киберленинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-obscheniya-kak-obschenie-kultur>.
2. Калаши Н. О преподавании русского языка как иностранного в Иране, Вестник ЦМО МГУ – М., 2013. – № 3. – С. 124.
3. Резаи Азин М. Методика обучения устной речи на русском языке с помощью компьютерных технологии иранских студентов-филологов (уровень В1). Автореферат. – М. 2014. – С. 10–11.

4. Формановская Н.И. Культура общения и речевой этикет // Иностранные языки в школе. 2003. № 5. – С. 22.
5. Ханджани Лейла, Русский язык в Иране: история, современное состояние, перспективы развития. – Молодой ученый, 2014, № 12 (71). – С. 438.
6. Яхьяпур Марзие. К вопросу об учебниках и преподавании русского языка в Иране. // Современный учебник русского языка для иностранцев. – М., 2002.

Kalashi Nahideh

Pushkin State Russian language Institute

PROBLEMS OF MODERN TEACHING RFL IN IRANIAN UNIVERSITIES

Teaching Russian as a foreign language in Iran has quite a long tradition. However, despite the general successes of the methods of teaching foreign languages in the world over the past decades, in Iran the grammatical-translational method remains the leading method. The educational process focuses on grammar and reading. The main problems are the lack of modern textbooks, the means and methods of forming the linguistic and cultural competence of students.

Keywords: RCT methodology in Iran, difficulties, prospects.

Русский язык делового общения и новые лексические вызовы

В данной статье говорится о новых терминах, появившихся в языке бизнеса и коммерции. Методисты-русисты должны учитывать новые явления в русском языке.

Ключевые слова: стартап, криптовалюта, биткойн, смарт-контракт, блокчейн.

Завершающиеся два десятилетия 21 века характеризуются дальнейшим процессом заимствований русским языком слов преимущественно из английского языка, американизмов. Многие из них связаны с появлением новых понятий из сферы информационных технологий, IT-процессов, относящихся к экономике, финансам и коммерческой деятельности. Л.П. Крысин в своей статье «Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни» отмечал, что «финансовые и коммерческие термины... заимствуются и входят в употребление ... благодаря ориентации на западную экономическую и банковскую системы и приобщению русских финансистов и коммерсантов к интернациональной терминологии. А ввиду острой общественной актуальности обозначаемых этими терминами явлений и сами термины выходят за пределы профессионального словоупотребления и широко используются в печати, на радио и телевидении» [1, С.145]. Так, например, за последние несколько лет появились такие слова, как: *стартап, бизнес-акселератор, биткойн, блокчейн, блокчейн-технологии, блокчейн-решения, смарт-контракт, хакатон, криптовалюта, коин, токен, майнер, майнинг* и др.

В методике преподавания русского языка делового общения (РЯДО) иностранным учащимся предлагается тема «компания». Это глобальная тема, проходящая через три уровня, – базовый, средний и продвинутый. Данная тема разрабатывалась методистами в конце 90-х и начале 2000-х гг. Сейчас, на наш взгляд, она должна пополниться новыми понятиями. Рассмотрим некоторые из них. Так, в настоящее время широко стало употребляться слово «стартап». Само слово «стартап» произошло от англ. *startup*, букв. «стартующий», оно впервые стало использоваться в августе 1973 года в американском журнале *Forbes*, а затем в 1977 году в американском деловом журнале *Businessweek* для обозначения компаний с короткой историей операционной деятельности [2]. В Универсальном дополнительном практическом толковом словаре И. Мостицкого стартап трактуется как «недавно созданная интернет компания, занимающаяся высокими технологиями, интернетом и нанотехнологиями» [3],

а словарь бизнес-терминов Академик.ру 2001 [4] отмечает, что это «молодая быстро развивающаяся компания». Это слово довольно часто употребляется в средствах массовой информации. Так, например, в газете «Ведомости №40 от 21.12.2018 года в статье «Блокчейн. Возможности для крупного бизнеса» пишется о том, что крупнейшие российские компании уже не первый год создают инициативы и проекты по поддержке стартапов. В этой же статье называется еще одно слово – это *бизнес-акселератор*. Бизнес-акселератор – это модель поддержки бизнесов на ранней стадии, главным образом IT-стартапов (проектов в области современных технологий и коммуникаций), которая предполагает интенсивное развитие в кратчайшие сроки. Для быстрого выхода на рынок проекту обеспечивается инвестирование, инфраструктура, экспертная и информационная поддержка. [5]. Так, в феврале 2018 г. фонд «Сколково» объявил о запуске акселераторов для российских компаний.

Упомянув стартапы в СМИ, говорят и о блокчейне. *Блокчейн* – это цепочка блоков, которая определяется как цифровой реестр, в котором хронологически и публично учитываются все транзакции в сети биткойн. Характеризуя особенности блокчейна, бизнесмены отмечают положительные стороны блокчейна: минимизация бумажного документооборота, ускорение транзакций, прозрачность и публичность. *Майнинг* – процедура структурирования данных о транзакциях в пределах одного блока. Обработка протекает с помощью вычислительных мощностей майнеров, за что они получают награду в виде коинов или токенов. *Майнер* – программа, которая предназначена для того, чтобы зарабатывать криптовалюту от использования вычислительных возможностей компьютера. *Хакатон* – это неформальное мероприятие, позволяющее авторам идей собрать команду программистов, которые работают сообща над решением какой-либо проблемы. Начиная с середины 2000-х хакатоны стали более распространенными и рассматривались инвесторами как способ быстрой разработки новых программных технологий или областей инвестирования. [5] Вот что пишет Ю.Иванов в вышеуказанной газете в ст. «Стартап для завода»: «Несмотря на очевидную привлекательность совместной работы, те, кто ищет инвестиции, и те, кто хочет инвестировать, не всегда могут найти друг друга. Чтобы решить эту проблему, многие компании теперь сами устраивают конкурсы стартапов и хакатоны, создают корпоративные бизнес-акселераторы самостоятельно или совместно с фондом».

Определяя деятельность стартапов, необходимо упомянуть и слово «биткойн». Биткойн определяется как «цифровая валюта, которая позволяет совершать сделки без участия центральных банков». То есть в данном случае, говорится о такой форме оплаты, которую можно определить, как «децентрализованную». Биткойн – самая первая цифровая валюта. В интернете называется имя ее создателя – Сатоши Накамото, однако тут же появляется оговорка, что данная личность засекречена. И не ясно до сих пор, идет ли

282 | речь об одном человеке или о группе людей-создателей этой валюты. Биткойн – это не только цифровая монета, но и платежная система, благодаря децентрализации поддерживающая прямые транзакции без посредников. *Криптовалюта* – цифровой актив, цифровая валюта, которая производится в интернете, аналог ее отсутствует. Термин закрепился после публикации в 2011 году в журнале *Forbes* (*crypto currency*). Распространены также *койн* (от англ. *coin*) – вид цифровых денег, виртуальная монета [6] и *токен* – криптовалюта, выполняет функцию заменителя ценных бумаг в цифровом мире [6].

Тема «Контракт», которая является центральной на среднем и продвинутом уровнях РЯДО, тоже может пополниться за счет появления нового термина «смарт-контракт». Учащимся необходимо объяснить, что слово «смарт-контракт» – это специальный алгоритм, разработанный для поддержки и исполнения блокчейном коммерческих контрактов. В нем прописан полный свод обязательств участников сделки. Смарт-контракт фиксирует выполнение условий сделки и определяет, как необходимо поступить с активом – передать, вернуть или выполнить другое действие.

Эти события современной жизни необходимо отражать на уроках по русскому языку делового общения. Преподаватели русского языка должны стараться подстроиться под новое цифровое время и тем самым стать более убедительными в методике преподавания РЯДО.

Литература

1. Крысин Л.П. «Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни» // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). «Языки русской культуры», М., 1996, с. 142–159.
2. Карта слов и выражений русского языка. – URL: kartaslov.ru (дата обращения: 10.02.2018).
3. Универсальный дополнительный практический толковый словарь И. Мостицкого // Словарь бизнес-терминов // Академик.ру 2001. – URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/business> (дата обращения: 10.02.2018).
4. Словарь бизнес-терминов // Академик.ру 2001. – URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/business> (дата обращения: 10.02.2018).
5. Академик.ру. – URL: dic.academic.ru (дата обращения: 10.02.2018).
6. Крипто новости. – URL: ruscoins.info (дата обращения: 10.02.2018).

Kalinovskaya M.M.

Pushkin State Institute of Russian language

RUSSIAN LANGUAGE OF BUSINESS COMMUNICATION AND NEW LEXICAL CHALLENGES

This article talks about new terms that have appeared in the language of business and commerce. Russian Methodists should take into account new phenomena in the Russian language.

Keywords: Startup, cryptocurrency, bitcoin, smart-contract, blockchain.

Наречия образа, способа и качественной характеристики процесса как средство выражения языкового смысла (на материале Республики Крым)

В статье рассматривается функционирование наречий образа, способа и качественной характеристики процесса в ономасиологическом аспекте. Наречия образа, способа и качественной характеристики процесса относятся к нерасчлененным средствам выражения языкового смысла «образ, способ, качественная характеристика процесса». Проанализирована их ономасиологическая соотнесенность с такими расчлененными средствами выражения языкового смысла, как предложно-падежные формы и лексии. Отмечена соотнесенность данных наречий со сравнительными конструкциями.

Ключевые слова: ономасиология, языковой смысл, наречия образа действия, ономасиологический эквивалент.

Реализуя свой языковой потенциал, говорящий опирается не только на семантические, но и на ономасиологические признаки языковой единицы. С точки зрения ономасиологии в широком смысле термина, осмысляются фрагменты внеязыковой действительности, отраженные в сознании человека в виде языковых смыслов. Е. С. Кубрякова отмечает, что весь объем информации, доступный уму человека на определенном уровне его развития и необходимый для поддержания и продления жизни, с появлением языка отражался в конкретном языке в виде известной совокупности наименований. «Для отражения мира в дискретном виде использовались дискретные классы слов, каждый из которых должен был отличаться от другого особым способом представления действительности в особых речемыслительных категориях. Такими речемыслительными категориями обусловилось возникновение частей речи» [3, с. 26].

Естественными языковыми категоризаторами смысла, по мнению большинства ученых (Н. Ю. Шведова, Ю. Л. Воротников, Е. В. Падучева, З. Д. Попова, А. С. Белоусова, Е. Н. Сидоренко и другие), являются местоимения, несущие исходный смысл языковых множеств. Н. Ю. Шведова определяет языковой смысл так: «Языковой смысл – это самое общее понятие, первично означенное местоименным исходом, средствами местоимений сегментированное по троичному признаку "определенность – неопределенность – непредставлен-

284 ность (отсутствие, несуществование)" и материализуемое при помощи таких разноуровневых языковых единиц, семантика (языковое значение) которых включает в себя соответствующее понятие и объединяет все эти единицы в некое семантическое множество» [7, с. 32].

Мы будем использовать предложенную Е. Н. Сидоренко теорию языковых смыслов, описывающую расчлененные и нерасчлененные единицы наименования, а также вводящую понятие «ономасиологический ряд» [6].

При описании закономерностей, управляющих процессом образования новых лексических единиц, успешно применяется интегративный подход через языковую вертикаль (от уровня общекатегориального значения к лексической конкретике): «Выход к проблемам словообразования через общекатегориальный уровень имеет глубинные основания, поскольку морфология «приспосабливает» к своим требованиям и возможностям общие закономерности и способы образования новых слов; механизм словообразовательной системы подчинен частеречной схеме конкретного языка» [1, с. 94].

Цель статьи – охарактеризовать наречия, функционирующие в публицистических текстах Республики Крым, как нерасчлененные средства репрезентации языкового смысла «образ, способ, качественная характеристика процесса».

Как нами отмечалось ранее, «при ономасиологическом подходе местоимение *как?* является исходным категоризатором языкового смысла «образ, способ и качественная характеристика процесса. Дополнительными смысловыми категоризаторами выступают лексии *каким образом?*, *каким способом?*» [2, с. 253].

Наречия данной группы традиционно принято именовать «наречиями образа и способа действия», хотя они называют качество действия или состояния. Так же определяется их синтаксическая функция в предложении – обстоятельства образа и способа действия. Как обстоятельства они объединяются с другими разрядами синтаксическим значением обстоятельности (признака признака). Как одно из средств выражения языкового смысла они являются самостоятельным целым. Грамматика-80 относит их к собственно-характеризующим наречиям [4, с. 704].

История образования наречия как части речи служит ярким примером вычленения одного языкового смысла из другого: признака процесса из признака предмета. Как известно, основным источником образования наречий служили краткие имена прилагательные в форме среднего рода, единственного числа. С точки зрения словообразования, этот процесс относится к транспозитивной деривации. Причиной перехода является изменение реляционных отношений и синтаксической функции. Средством образования является переход флексийной морфемы в суффиксальную.

Одним из дифференциальных признаков наречий как части речи является их производность. Ядром наречий как части речи можно считать наречия,

образованные от имен прилагательных (непроизводных и производных) при помощи суффикса -о. Они составляют большую часть наречий, активно производятся на новой лексической базе и наиболее легко интерпретируются как наречия в наивной языковой картине мира. И качественные, и относительные имена прилагательные могут служить производящей базой для наречий, но словообразовательный потенциал качественных прилагательных значительно выше по сравнению с относительными.

На базе кратких имен прилагательных образуются наречия: 1) модель «основа краткой формы имени прилагательного среднего рода единственного числа с флексийным суффиксом -о, -е»; 2) модель «предложный префикс *на-* + основа краткой формы имени прилагательного среднего рода единственного числа с флексийным суффиксом -о, -е»; 3) модель «предложный префикс *из-* (*ис-*) + основа краткой формы имени прилагательного мужского рода единственного числа среднего рода с флексийным суффиксом -а»; 4) модель «предложный префикс *с-* + основа краткой формы имени прилагательного мужского рода единственного числа с флексийным суффиксом -а».

На базе полной формы имен прилагательных образуются наречия: 1) модель «основа полной формы имени прилагательного мужского рода + суффикс -и»; 2) модель «предложный префикс *по-* + основа полной формы имени прилагательного мужского рода + суффикс -ски»; 3) модель «предложный префикс *по-* + основа полной формы имени прилагательного + суффикс -ому/-ему»; 4) модель «предложный префикс *по-* + основа полной формы имени прилагательного + суффикс -и»; 5) модель «предложный префикс *в-* + основа полной формы имени прилагательного женского рода единственного числа с флексийным суффиксом -ую».

Модель «основа краткой формы имени прилагательного среднего рода единственного числа с флексийным суффиксом -о, -е» представлена наибольшим количеством лексем и может быть разделена на несколько подгрупп по степени ономаσιологической эквивалентности/безэквивалентности. Основную подгруппу образуют наречия на базе качественных имен прилагательных, не имеющие ономаσιологических эквивалентов: *активно, внятно/невнятно, вольно/невольно, вопросительно, временно, естественно/неестественно, заметно/незаметно, законно/незаконно, значительно/незначительно, искренне* и другие. Например: *Мы незаметно для себя стали фанатами китайского календаря и покупаем десятки петушков, собак, свиней, в зависимости от символа года. Спокойнее всего живет продавец елочных игрушек, гирлянд и других украшений* (8, 29.12.2018). В нее также входят наречия от относительных прилагательных, перешедших в качественные, например, *театрально*.

Вторая подгруппа отадъективных наречий сохраняет ономаσιологические связи с именем существительным, лежащим в основе номинации. В нее входят наречия с префиксами *без-/бес-*, эквивалентные предложно-падежному

286 | сочетанию со значением отсутствия «без + имя существительное в родительном падеже»: *бездобно, безропотно, бессвязно, бесследно, бессмысленно, бесшумно, бесцельно*. Например: *Не стоит также бесцельно бродить по торговым центрам* (8, 29.12.2018).

Отадъективные наречия могут быть ономаσιологически эквивалентны предложно-падежным формам имен существительных. При расчлененном именовании им соответствуют модели «предлог + имя существительное, называющее качество»: *брезгливо, вежливо, внимательно, легко* = *с легкостью* и так далее. Например: *Оказавшись в плену сувенирно-подарочной эйфории, можно с легкостью потратить все до копейки* (8, 29.12.2018).

Эквивалентами отадъективных наречий могут быть словосочетания, построенные по модели «полная форма имени прилагательного в творительном падеже + образом». Например, наречие существенно = существенным образом: *Учитывая, что экономические показатели России растут, это существенным образом будет сказываться и на благосостоянии жителей страны* (8, 29.12.2018).

Не имеют эквивалентов наречия, построенные по моделям: «предложный префикс *на-* + основа краткой формы имени прилагательного среднего рода единственного числа с флексийным суффиксом *-о, -е*» (*наглухо, начисто, наедине*); «предложный префикс *из-/ис-* + основа краткой формы имени прилагательного мужского рода единственного числа среднего рода с флексийным суффиксом *-а*» (*изредка, искоса*); «предложный префикс *с-* + основа краткой формы имени прилагательного мужского рода единственного числа с флексийным суффиксом *-а*» (*снова*); «предложный префикс *по-* + имя существительное в дательном падеже + флексийный суффикс *-и*» (*подолгу*).

Модель «основа полной формы имени прилагательного мужского рода + суффикс *-и*»: *иронически, чертовски*. Эквивалентным наречию *иронически* является предложно-падежная форма *с иронией*. Наречие *чертовски* не имеет ономаσιологического эквивалента.

Модель «предложный префикс *по-* + основа полной формы имени прилагательного мужского рода + суффикс *-ски*». В семантике данной группы отражено значение подобного образа действия, передаваемое предложным префиксом *по*. Ономаσιологическим эквивалентом выступают сочетания подобия, включающие сравнительный союз как: *по-деревенски* = *как в деревне*; *по-мужски* = *как мужчины*; *по-русски* = *как русские*. Второе значение 'говорящий на каком-либо языке': *по-русски* = *на русском языке*, *по-французски*, *по-шведски*: *Одного лишь умения говорить по-русски недостаточно. На русском языке общаются между собой украинские каратели, сеющие смерть и разрушения на донецкой земле* (8, 29.12.2018).

Модели «предложный префикс *по-* + основа полной формы имени прилагательного + суффикс *-ому/-ему*» и «предложный префикс *по-* + основа

полной формы имени прилагательного + суффикс *-и*» префикс *по* могут передавать значение 'каким образом, каким способом' или 'подобным образом, способом': *по-деловому* = как деловые люди, *по-походному* = как в походе, *по-рыбачьи* = как рыбаки. Например: *Дмитрий в комедийной ипостаси по-новому раскрыл свое яркое дарование* (8, 29.12.2018).

Наречия, образованные по модели «предложный префикс *в-* + основа полной формы имени прилагательного женского рода единственного числа с флексийным суффиксом *-ую*», *вплотную, впустую, вслепу* могут иметь ономаσιологические эквиваленты-наречия *плотно, попусту, слепо*: *Но это вовсе не означало, что мы шли вслепу* (8, 29.12.2018).

Отсубстантивные наречия, образованные лексикализацией предложно-падежных форм, падежные формы существительным с категориальным значением наречия и субстантивированные наречия Е. А. Селиванова относит к периферии полей существительного и наречия; отадъективные наречия – к периферии полей прилагательного и наречия [4]. Модель «основа имени существительного в творительном падеже + флексийный суффикс *-ом*»: толком. Например: *Коллеги, с которыми вы толком не общаетесь, и разного рода знакомые скорее всего даже не заметят, что вы ничего им не подарили* (8, 29.12.2018). «Модель «предложный префикс *с-* + имя существительное в родительном падеже + флексийный суффикс *-у*» представлена наречиями *сразу, с размаху*. Модель «предложный префикс *на-* + имя существительное в винительном падеже» представлена наречиями *навыворот, наискось* (от имени существительного *искось* в значении «диагональ»), наконец, *на коротки, наотмашь, нараспев, насмерть*. Еще в XIX веке наречие *наискось* писалось отдельно и, возможно, воспринималось пишущим как предложно-падежная форма имени существительного. Например, в сочинении Ф. К. Ахарда сочетание *на искось* употребляется 5 раз: «II таблицы 8 фиг. представлять ширину ножа съ обѣихъ сторонъ одинаковой толщины съ нарѣзкою на искось» (7, с. 17–18). Модель «предложный префикс *в-* + имя существительное в винительном падеже» представлена наречиями *вслед, вслух* и наречным сочетанием *вряд ли*. Модель «предложный префикс *в-* + имя существительное в винительном падеже + флексийный суффикс *-ах/-ях*» представлена наречием *в сердцах*. Модель «предложный префикс *в-* + *пол-* + имя существительное с флексийным суффиксом *-а*» представлена наречием *вполголоса*. Модель «именительный падеж имени существительного + предложный префикс *в* + винительный падеж имени существительного» представлена сращением *точь-в-точь* из словосочетания *точка в точку*: *И все по накатанной – фасованное куриное филе, сыр, колбаса, овощи и фрукты. Точь-в-точь* (1.12.2018). Эквивалентно наречию *точно*.

Если образованное от имен числительных наречие *заодно* нельзя заметить, то наречия моделей «предложный префикс *по* + имя числительное»,

288 | «предложный префикс *на* + имя числительное» можно заменить словосочетаниями *по сколько кого/чего, на сколько частей*. Например: *Идея разделить славу гитлеровского линкора «Бисмарк», продемонстрировав заодно всему водному миру эффективность разработанной потомками сечевых пловцов тактики «волчья стая», применив ее наизусть (за скудостью ресурсов), сама по себе прекрасна* (8, 1.12.2018).

К отадвербиальным наречиям относится наречие *заранее*, построенное по модели «предложный префикс *за-* + основа наречия ранее в сравнительной степени»: *Родители соглашаются, дарят свиней заранее* (8, 29.12.2018).

От причастий образуются наречия *волнующе, потрясаяще, умоляюще* и другие (модель «основа действительного причастия настоящего времени + флексийный суффикс *-е*») и наречия *заглушенно, заслуженно/незаслуженно, изумленно* и другие (модель «основа страдательного причастия прошедшего времени + флексийный суффикс *-о*»).

Изученный материал позволяет сделать вывод о том, что в публицистических текстах Республики Крым наиболее активно функционируют отадъективные наречия, построенные по модели «основа краткой формы имени прилагательного среднего рода единственного числа с флексийным суффиксом *-о, -е*». Ономастическими эквивалентами наречий могут выступать как нерасчлененные единицы именования – однокоренные наречия, так и расчлененные единицы именования – предложно-падежные формы или словосочетания модели «полная форма имени прилагательного в творительном падеже + образом». Значение «отсутствие признака» передается префиксом *без-/бес-* и его эквивалентом – предлогом *без*. Значение «наличие признака» формируется на базе имен прилагательных и реализуется в нерасчлененных единицах – отадъективных наречиях – и расчлененных единицах – предложно-падежных формах отадъективных имен существительных с предлогом *с*. Значение подобного образа действия, передаваемое предложным префиксом *по-*, реализуется моделью «предложный префикс *по-* + основа полной формы имени прилагательного мужского рода + суффикс *-ски*» и ономастически соотносится со сравнительной конструкцией с союзом *как*. Таким образом, наречия образа, способа и качественной характеристики процесса входят в ядро средств выражения языкового смысла «образ, способ, качественная характеристика действия», так как говорящий отдает им предпочтение перед другими средствами номинации.

Литература

1. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.
2. Калугина Т. В. Реализация языкового смысла «образ, способ и качественная характеристика процесса» в произведениях К. Г. Паустовского //

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2011. – Т. 24 (63). № 1. Ч. 1. – С. 249–254.

3. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1978. – 116 с.

4. Русская грамматика: В 2-х т. – М.: Наука, 1980. – Т. II: Синтаксис / [Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан, В. А. Ицкович и др.], под ред. Н. Ю. Шведовой. – 709 с.

5. Селиванова Е. А. Когнитивная ономаσιология. – К.: Фитосоциоцентр, 2000. – 248 с.

6. Сидоренко Е. Н. Языковые смыслы и ономаσιологические средства их выражения. – Симферополь: Крымчупедгиз, 2008. – 128 с.

7. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. – М.: Азбуковник, 1998. – 176 с.

8. Ахард Ф. К. Выдѣлываніе сыропа и сахара изъ свекловицы, въ видѣ побочной отрасли сельскаго домоводства, каковую всякой помѣщикъ съ выгодою производить можетъ у себя безъ особливыхъ на то строеній [Электронный ресурс] – URL: <https://books.google.com/books?id=HFmAAAAcAAJ&pg=PA54&lpg=PA54&dq=искошь&source=bl&ots=v6P1OjEQPC&sig=yF2t1skiEexOjRMqnmseBhnmMxQ&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwjJ2YHa4cbfAhWDt4sKHcFuAJcQ6AEwDXoECAMQAQ#v=onepage&q=искошь&f=false>. (дата обращения: 23.02.2019).

9. Крымская правда [Электронный ресурс] – URL: <https://c-pravda.ru>. (дата обращения: 23.02.2019).

Kalugina Tatyana Vasilyevna

Crimean engineering pedagogical University

ADVERBS OF IMAGE, METHOD AND QUALITY CHARACTERISTICS OF THE PROCESS AS A MEANS OF EXPRESSING LANGUAGE MEANING (ON THE MATERIAL OF THE REPUBLIC OF CRIMEA)

The article deals with the functioning of the adverbs of the image, method and qualitative characteristics of the process in the onomasiological aspect. Adverbs of the image, method and qualitative characteristics of the process belong to the means of expression of the language meaning «image, method, qualitative characteristics of the process.» Their onomasiological correlation with such dissected means of expressing linguistic meaning as prepositional-case forms and lexis is analyzed. The correlation of these adverbs with comparative constructions is noted.

Keywords: onomasiology, linguistic meaning, adverbs of manner, onomasiological equivalent.

Лексические способы выражения оценочных значений в поздравительной речи

Поздравительная речь – одна из эффективных форм выражения и изучения оценочной семантики единиц русского языка, а именно, положительной оценки слов и высказываний, используемых для выражения глорификации. Данная работа направлена на выделение способов выражения положительного отношения говорящего к предмету или адресату поздравительной речи. Основу исследуемого материала составители социально обусловленные формы поздравления – примеры торжественных текстов, порождаемых российскими руководителями разного уровня по поводу знаменательных событий в отдельной компании или в стране в целом.

Ключевые слова: оценка, оценочные значения, поздравление, перформатив, лексическая семантика, словообразование.

Оценку принято определять как отдельную языковую функцию – «использование языка для выражения положительного, отрицательного или нейтрального отношения к рассматриваемому объекту» [3]. С помощью языка человек имеет возможность выражать свое отношение к окружающей действительности во всем ее многообразии, т. е. выражать оценку. Оценочная семантика языковых единиц в современном языкознании является теоретически значимым объектом изучения: она позволяет реализовывать человеческий фактор в языке, выражать внутренний, субъективный опыт человека, кодировать ценности общества. Основы оценочно семантики представлены в трудах многих ученых начиная со времен античности, и остается эта семантическая проблема остается актуальной для изучения и писания современной лингвистики (см. работы Н. Д. Арутюновой, Е. М. Вольф, Т. В. Маркеловой, Л. Г. Смирновой, А.А. Ивина и др.).

В то же время такие вопросы, как систематизация средств выражения оценки, ее прагматические свойства, коммуникативные функции, не могут считаться достаточно изученными, поскольку данная лингвистическая категория тесно связана с человеком и все обновляющимися видами его деятельности: «Оценка относится к числу собственно человеческих категорий. Она задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием; она задает его мышление и деятельность, его отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства» [1, 1982, с. 5].

Поздравление – это такое речевое действие, в котором человеком утверждается значимость позитивных ценностей его жизни и социума. Это высказывание этикетного характера, специально предназначенное для поддержания позитивного коммуникативного взаимодействия: поздравление – это «наименование этикетной ситуации общения, когда в ответ на благоприятное событие (например, праздник) говорящий посылает адресату благопожелания», при этом событие «может быть как общенародным праздником, так и личным, включая достижения разного рода» [4, с. 481–482]. Таким образом, коммуникативные ситуации поздравления отличаются тем, что они семантически основываются на выражении положительной оценки (кроме случаев выражения иронии).

Изучение способов отражения оценочных значений в русскоязычной поздравительной приобретает особую значимость для изучения и описания семантического явления глорификации в языкознании. Понятие глорификации (от лат. *glorificare*), буквально обозначающее ‘славословие’, ‘прославление’, ‘превознесение’ и состоящее в подчеркнуто положительном отношении к адресату, возвышении тех или иных его качеств [2], в лингвистике используется для обозначения подчеркнуто положительного отношения к кому- или чему-либо. Это понятие рассматривается как эмоциональный фактор коммуникации, заключающийся в повышении самооценки речевых партнеров в результате их общения друг с другом [3, с. 289].

Современная наука считает, что оценка всегда явно или скрыто сопутствует любому высказыванию и по-разному отражается в нем. Для обоснования этого тезиса необходимо рассмотреть возможность реализации оценочного значения разными лингвистическими способами, что определило цель данного исследования. Материалом анализа послужили примеры торжественных выступлений российских руководителей разного уровня (240 текстов), извлеченных из массивов текстов, представленных на официальных сайтах: 1) <http://www.kremlin.ru/>; 2) <https://www.putin-today.ru/>; 3) <https://tass.ru/>; 4) <https://russian.rt.com/>.

Официальное поздравление, так же, как и поздравление в межличностной коммуникации, нами понималось как высказывание с положительной семантикой. Однако официальное поздравление в большей степени соотносится с ценностями общества, в то время как в межличностной коммуникации акцентируются ценности личности. Мы исходим из положения о том, что поздравительная речь может включать эмоционально-экспрессивную окраску (*От всей души /от всего сердца / сердечно / горячо поздравляю*), выражать стилистическую возвышенность выражения (*Разрешите / позвольте поздравить вас / примите мои поздравления* и т. п.), содержать прагматические признаки выражения позитивного отношения говорящего к адресату или предмету речи.

В результате проведенного анализа нами было установлено два способа вербализации положительной оценки, наиболее частотно использующиеся авторами в поздравительных текстах: перформативный глагол (поздравляю, поздравляем); лексика с положительной семантикой.

Перформативы. Известно, что перформатив представляет собой речевой акт, самым речевым выражением осуществляющий указанное действие (Austin, 1962). Глагол *поздравить* в русском языке имеет значение ‘приветствовать по случаю чего-нибудь приятного, радостного’ (Словарь современного русского литературного языка, 2006); *поздравлять (кого, с чем)* – ‘здравствовать, привечать к празднику или при радостном случае, изъявить участие свое пожеланиями’ (Толковый словарь живого великорусского языка, 2000). По своей языковой природе, глагол *поздравить* – это префиксальное образование от здравити, которое, в свою очередь, произведено посредством суффикса *-ити* от *здравъ* – ‘здоровый’. Таким образом, это слово буквально значит ‘пожелать быть здоровым’ [5, с. 349].

Перформатив составляет основу перформативного высказывания. Высказывания с перформативом *поздравляю* (*поздравляет, поздравляем, поздравляют*) представляют собой речевые единицы, которые в момент их произнесения не только описывают какое-либо действие, а осуществляют действие, которое совершает говорящий в этот момент. Официальные поздравления граждан страны по поводу знаменательных событий включают в себя именно перформативные глаголы в качестве обозначения типа, жанра речи: «Поздравляю вас с 55-й годовщиной Великой Победы, победой в войне, ставшей суровым испытанием нашей государственности, испытанием народного духа, сплоченности, воинского товарищества» (Путин В.В., 2000, День победы); «Дорогие друзья! У новогоднего праздника есть своя неповторимая атмосфера. Этот праздник наполнен особой теплотой и искренностью. Через несколько мгновений наступит Новый год. Давайте поздравим друг друга, пожелаем любви и счастья! И пусть сбудутся все наши мечты!» (Медведев Д.А., 2010, Новый год); «Я поздравляю всех вас с Новым годом. Тех, кто встречает его с семьей и друзьями. И тех, кто в новогоднюю ночь находится вдали от родного дома» (Путин В.В., 2002, Новый год). В данных высказываниях перформативы выполняют функцию маркера – указателя на тип речевого действия и его положительную направленность. В ситуациях превалирования перформативного способа обозначения поздравления его экспрессивные формы используются редко. При этом поздравление должно быть дополнено высказываниями иного типа с той же (положительной) семантикой. Так, поздравление обычно сопровождается речевыми действиями приветствия, пожелания, похвалы.

Лексика с положительной семантикой. Коммуникативные ситуации поздравления неизбежно связаны с использованием положительно оценочной лексики, т.к. они связаны с утверждением информации о позитивных ценностях общества и личности человека: *успех, радость, здоровье, счастье, любовь, благополучие, патриотизм, знания, опыт, взаимопомощь, искренность, гордость, совесть, честь, слава* и другие.

Положительная оценка в таких лексемах входит в состав денотативного компонента их семантики:

Успех – 1) удача в задуманном деле, удачное достижение поставленной цели, (Толковый словарь русского языка, 2015), 2) положительный результат чего-либо, общественное признание чего-либо или кого-либо (Большой толковый словарь русского языка, 1998).

Радость: 1) одна из основных положительных эмоций человека, внутреннее чувство удовлетворения, удовольствия и счастья, 2) веселье, усада, наслаждение, утеха, противополож. скорбь, грусть, горе, печаль и пр. внутреннее чувство удовольствия, приятного, вследствие желанного случая (Толковый словарь живого великорусского языка, 2000). Определение *радость* показывает, что в семантике лексемы радость лежит положительная оценка, которая лежит в основе указанных положительных чувств человека.

С помощью данных и подобных лексем положительные в поздравительной речи выражаются оценочные значения: «Дорогие друзья! У новогоднего праздника есть своя неповторимая атмосфера. Этот праздник наполнен особой теплотой и искренностью. Через несколько мгновений наступит Новый год. Давайте поздравим друг друга, пожелаем любви и счастья! И пусть сбудутся все наши мечты! С новым, 2011 годом!» (Речь президента РФ Д.А. Медведева по случаю Нового года, 31 декабря 2010 года); «Они тверже металла, они помогают выходить из любых испытаний, сохраняя совесть и честь, сохраняя гордость за наше прошлое и настоящее, за национальное достоинство державы. Так было, так есть, и так будет. Слава солдатам Великой Отечественной! Слава народу-победителю! Слава нашей армии – армии-освободительнице! С праздником Победы! Ура!» (Речь президента РФ В.В. Путина на Красной площади в честь Дня Победы, 9 мая 2000 года).

В числе лексических средств выражения положительной оценки в поздравлении прилагательные являются наиболее частотным средством их вербализации. Прилагательные выражают степень интенсивности признака, имеющего подчеркнуто положительное значение для говорящего: *добрый* (положительная степень) – *добрее* (сравнительная степень) – *добрейший* (сравнительная степень). С помощью прилагательных в форме превосходной степени выражается положительное оценочное значение: «Уважаемые граждане России! Вот уже 56 лет праздник Победы для нас – самый главный, самый народный, самый родной. Такая победа есть не у каждого народа. Быть ее наследниками – не только высокая честь, это прежде всего ответственность» (Речь президента РФ В.В. Путина на Красной площади в честь Дня Победы, 9 мая 2001 года); «Уважаемые преподаватели, сотрудники, студенты, дорогие друзья! Поздравляем вас с юбилеем, 40-летием со дня рождения института! В день рождения Государственного Института Русского Языка им. А.С. Пушкина, одного из уникальнейших в мире высших учебных заведений, примите самые теплые сердечные поздравления...» (Поздравительный адрес префекта

294 | Юго-Западного Административного Округа г. Москвы Алексея Ивановича Чернышева по случаю 40-летней юбилей Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина, 2006).

Среди имен существительных наиболее частотны лексемы, образованные суффиксальным способом (суффиксы с семантикой ласкательности, уменьшительности, увеличительности, в то числе аффиксы субъективной оценки: <...>, -ок-, -ик-, -чик-, -шек-, -ец-, -(и)ца, -ц(о) и др. [2, с. 274].

Итак, поздравление относится к жанру общения, в котором особенно ярко проявляется доброжелательность, уважение к адресату, выражаются социальные и культурные ценности, а также создаются коммуникативные условия для глорификации как поддержания социального лица адресата. Использование перформативных высказываний и лексики положительной оценки в официальных поздравлениях позволяет говорящим маркировать жанр высказывания, наполнять высказывания типичными положительными смыслами, при помощи которых поздравление семантически и коммуникативно сочетается с другими жанрами положительной коммуникации – приветствием, благодарностью, пожеланием.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1982. С. 5–23.
2. Золотова Г. А. Коммуникативный аспект русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. С. 4.
3. Ивин А.А. Основы теории аргументации: Учебник. — М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 1997. — 352 с.
4. Формановская Н.И. Поздравление // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. – М.:2003. – С. 481–482.
5. Шанский Н.М. Этимологический словарь. – М.,1971.

Zhang Kangkang

The Pushkin State Russian language Institute, Moscow, Russia

LEXICAL WAYS OF EXPRESSING ESTIMATED VALUES IN CONGRATULATORY SPEECH

Congratulatory speech is one of the effective forms of expression and study of the evaluation semantics of the units of the Russian language, namely, a positive assessment of the words and statements used to express glorification. This work is aimed at identifying ways of expressing a positive attitude of the speaker to the subject or recipient of the congratulatory speech. The basis of the material under study is compiled by socially-conditioned forms of congratulations – examples of solemn texts generated by Russian leaders of different levels about significant events in a single company or in the country as a whole.

Keywords: assessment, estimated values, congratulation, performative, lexical semantics, word formation.

Влияние экстралингвистических факторов на формирование отрицательных коннотаций в отношении к языку: языковая идиосинкразия

Исследование посвящено интересному феномену межкультурной коммуникации – языковой идиосинкразии, то есть неприятию реципиентом другого языка (звучащей речи или же его письменной реализации). Рассматриваются примеры лингвистической идиосинкразии в исторической ретроспекции; основные экстралингвистические факторы, которые в современном мире влияют на формирование отрицательных коннотаций в отношении к другому языку (как правило, иностранному или неродному, но не только). В работе предлагается не только новый термин, обозначающий данное понятие, но и некоторая типология данного психолингвистического явления.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, психолингвистика, когнитивная лингвистика, картина мира, культурный код, нейролингвистическое программирование.

Явление языковой идиосинкразии (неприятия, «отторжения» другого языка) – феномен весьма распространенный. Данное явление (просьба не путать его с *лингвофобией* – страхом перед изучением иностранных языков), а скорее, психическое проявление отношения индивидуума к иному языку, имеющее место в процессе межкультурной коммуникации, возникает достаточно часто, однако, надо признать, с такой же частотой и замалчивается. А потому до сегодняшнего дня не существовало ни соответствующего определения, ни серьезных лингвокультурологических исследований, этой теме посвященных.

Как известно, понятие *идиосинкразия* известно со времен Средневековья: *idiosynkrasia* с греческого можно перевести как «свой особый (неповторимый, своеобразный) темперамент (характер)». А как термин из области медицины и психологии – с XVII века, где он обозначал индивидуальную непереносимость организмом некоторых раздражителей.

Поэтому термин *языковая идиосинкразия*, на наш взгляд, как нельзя лучше отражает рассматриваемое явление. Поскольку речь в данном случае идет об острой непереносимости, раздражении, вызванном другим языком (звучащей речью или же его письменной реализацией), продиктованном не

296 | физиологическими факторами (то есть не биохимически, как, например, аллергия с точки зрения медицины), а психологически, эмоционально, оценочно-аксиологически и др.

Итак, речь идет об интересном феномене, возникающем в процессе межкультурной коммуникации. *Языковая идиосинкразия* – это индивидуальная нетерпимость, непереносимость, психологическое неприятие, «отторжение» другого (как правило, неродного) языка. При этом возникает подсознательное внутреннее раздражение в отношении звучащей речи или письменной формы коммуникации на этом языке.

Яркий пример языковой идиосинкразии, причем и на бытовом, и на государственном уровне, – это Болгария. Как известно, Османское иго продолжалось в этой стране почти 500 лет – с конца XIV века и до освобождения Болгарии от турецкого рабства в результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

И в сегодняшней Болгарии, где живет очень много турок (есть даже 36-тысячный город под названием Торговище с преимущественно турецким населением), эта тема окончательно не изжита. Так, людям старшего и среднего поколения памятна кампания по «болгаризации турок», которая развернулась в стране при Тодоре Живкове, в 1984–1985 гг. Тогда правительство Болгарии принудительно заставляло живущих в стране турок менять имена и фамилии: Бахтияр, сам того не желая, становился Бойко, а Севинч – Снежаной...

Кроме того, все права этнических меньшинств были аннулированы, был введен запрет на использование турецкого языка в общественных местах. «Болгаризацию» проводили принудительно, под дулом вооруженных полицейских и армейских подразделений, которые блокировали районы страны, на которых проживало много турок.

По стране прокатилась волна акций протестов, участников которых арестовывали и ссылали на дунайский остров Белене. 31 марта 1985 года было объявлено, что все турки изменили свои фамилии, регистры обновлены, и каждый из них теперь получит новые документы, начиная со свидетельства о рождении и заканчивая медицинскими картами и водительскими правами.

Следующий акт пьесы, ставшей для многих родившихся в Болгарии турок настоящей трагедией, развернулся в конце 1980-х. Ситуация с турецким населением становилась все серьезнее, и в конце мая 1989 года Живков обратился к властям Турции с призывом открыть границы для всех этнических турок, желающих покинуть Болгарию. После чего по стране прокатилась массовая депортация турок, иронично прозванная болгарами «Большой экскурсией» (Голямата экскурзия). В результате более 350 тысяч турок покинули территорию Болгарии, большинство из них – навсегда.

Ситуация с Турками в Болгарии – это типичный пример того, как исторические события «аукаются» потомкам их виновников (инициаторов) через многие десятилетия, создавая своеобразный «эффект бумеранга» (принудительная

смена имен и фамилий; запрет на использование языка). Здесь налицо – исторический, этнический и религиозный факторы, породившие языковую идиосинкразию и ставшие причиной бед для многих турок – граждан Болгарии.

Болгары – очень доброжелательный и толерантный народ. Они спокойно относятся к тому, что в стране много турок работает в сфере производства, строительства или в сельском хозяйстве, считают их добросовестными и профессиональными работниками. Но в частных беседах болгары признаются, что их очень раздражает, когда турецкую фамилию носит врач или, скажем, адвокат. И сами к такому специалисту они никогда бы не обратились...

Но и турки иногда выходят «за рамки приличия», забывая, в какой стране они живут. Например, огромное возмущение в Болгарии вызвал случай, когда в 2011 году в том самом городе Торговище на открытии завода (хоть, правда, и построенного турками) звучал... гимн Турции! Ну, это приблизительно как если бы немецкие нацистские марши исполнялись 9 мая на Красной площади в Москве...

Показательна в свете рассматриваемой темы современная Украина, где даже банальные предлоги «в/на» (Украине, Донбассе) стали политически ангажированными и превратились в средство «маркировки» (как для обозначения, так и для распознавания) позиции «свой/чужой», а сам русский язык – в средство политической борьбы и инструмент для идеологических манипуляций.

Достаточно вспомнить, что поводом к началу гражданской войны в Донбассе весной 2014 года послужило приснопамятное объявление русского языка на территории Украины «вне закона». 23 февраля 2014 года Верховная рада Украины отменила закон «Об основах государственной языковой политики», который предусматривал возможность официального использования двух языков в регионах, где численность национальных меньшинств превышает 10%.

Таким образом, сегодня, по истечении более пяти лет с той печальной даты, мы можем убедиться в том, что запрет языка стал, по сути, одной из причин тысяч человеческих трагедий и смертей. (Согласно данным миссии ООН по правам человека, в результате военного конфликта в Донбассе погибли более трех тысяч мирных жителей, еще почти 9 000 получили ранения.)

По сей день, не утихая, вот уже почти 30 лет с переменным успехом (правда, меньшим количеством жертв) идет «языковая война» против русского языка в странах Балтии – бывших советских республиках Латвии, Литве и Эстонии.

Таким образом, можно выделить несколько основных экстралингвистических факторов, которые могут стать причиной языковой идиосинкразии. К таким факторам можно отнести следующие:

– *исторические*, которые несут в себе память о противостоянии разных наций, народов, государств; они «зарубцевались» в подсознании носителей

298 | различных языков враждебным или просто в той или иной степени негативным отношением к языкам «победителей» (таких примеров очень много у представителей разных народов, стран и континентов – таких, как Армения и Турция, Корея и Китай и др.);

– **этнические**, возникающие тогда, когда в границах одной территории компактно проживают представители разных этносов и народностей, в силу различных причин враждующих между собой (например, армяно-азербайджанский конфликт в Нагорном Карабахе; события в Сумгаите в 1988 году и др.);

– **религиозные** – к сожалению, не счесть примеров религиозной нетерпимости и, в связи с этим, неприятия как звучащей речи, как и письменных дискурсов у представителей противоположных «нелюбимых» конфессий (примером тому – недавно с новой силой вспыхнувший конфликт между индусами и пакистанцами; отношения между православными и мусульманами на территории бывшей Югославии и мн. др.);

– **культурные** факторы, обусловленные различиями в культуре, этике, воспитании и др., соответствующие традициям, но неприемлемые или просто раздражающие носителей иного языка и соответствующих культурных традиций (самый простой пример из практики преподавания РКИ – очень распространенное среди студентов-иностранцев обращение «Тичер» или «Преподаватель», но некорректное с точки зрения носителя русского языка);

– **социальные**, коренящиеся в сложившемся на протяжении длительного времени расслоении общества (скажем, набивший оскомину, но, тем не менее, очень показательный в своих лексических и грамматических особенностях пример – диалект английского языка кокни в лондонском Сити).

При этом разные факторы часто могут «наслаиваться», то есть взаимодействовать, пересекаться друг с другом. Как показал пример Болгарии, события в ней были вызваны историческим, этническим и религиозным факторами; религиозный фактор может сочетаться с нюансами культурными, моральными или этическими (например, ношение хиджаба, бурки или никаба женщинами-мусульманками так же, как и звучащая из уст этих «носительниц» арабская или иная «восточная» речь, отрицательно воспринимаются в странах Европы и вызывают негативную реакцию у европейцев).

Следовательно, причины того, что часть носителей одного языка может «невзлюбить» носителей другого языка (и, соответственно, другой язык в его конкретных репрезентациях – устной и письменной), могут быть самыми разнообразными. Однако самая глобальная и наиболее существенная группа «факторов риска» – это, конечно же, причины **политические**.

Политические реалии (так же, как и «политиканские баталии») неизбежно вносят свои поправки в язык, в устную и письменную формы вербальной коммуникации. Иногда даже доходящие до курьеза, доводимые до абсурда, зачастую юмористически обыгрываемые носителями самого языка. (Вспом-

ним хотя бы вывески на улицах российских городов, названия заведений питания, баров или магазинов: «100LOVEая», «ПивОйл», «Суши весла», «Шашлык-Машлык», «Японский городской», «Блин-Дональдс», появившийся после присоединения Крыма по аналогии с *Римским статутом* алкогольный напиток «*Крымский статут*» и мн. др.)

Однако нужно отметить важную роль не только экстралингвистических (политических, исторических, культурных, социальных, морально-этических, религиозных и др.), но и других, собственно лингвистических факторов, связанных с речевой коммуникацией.

В частности, нейролингвистического программирования (NLP – англ. Neuro-linguistic programming), или, другими словами, «языкового зомбирования клиента» – объекта направленного воздействия, «психоречевой атаки» или даже большой, целенаправленно организованной через телевидение, интернет и СМИ кампании по его «переформатированию». По изменению его культурного кода, аксиологических ориентаций и предпочтений. Формированию иной – то есть отличной от другой, десятилетиями устоявшейся и изначально всеми принятой системы ценностей и его языковой картины мира. То есть от картины мира, одобренной тем или иным социумом (национальным или этническим образованием, государственным объединением), его представителями и, соответственно, носителями определенного языка и определенного языкового кода.

Более того, как наглядно демонстрирует опыт последних лет и десятилетий на той же Украине и во многих странах бывшего социалистического лагеря, это может коснуться не только национального и политического факторов, социального расслоения, изменения религиозных или иных принципов, но даже сексуальных предпочтений носителей того или иного языка.

На фоне поляризации общества, его стратификации возникают сообщества «по сексуальным интересам» (свингеры, ЛГБТ – гомосексуалы, транссексуалы и проч.), проводятся специфические мероприятия с целью манифестации тех или иных сексуальных предпочтений (например, гей-парады), создаются клубы «по интересам». Что накладывает отпечаток не только на язык, но и на специфику словоупотребления, языковую манеру, просодические характеристики речи. И в свою очередь, вызывает соответствующую реакцию у репрезентантов групп, объединенных по иным (культурным, социальным, религиозным, нравственно-этическим или же политическим) основаниям.

Данная проблема – казалась бы, лежащая на поверхности, тем не менее, не подвергалась серьезному лингвистическому исследованию. Полагаем, что в современных непростых геополитических условиях, в русле изучения вопросов лингвокультурологии и межкультурной коммуникации развитие этой темы имеет большое значение.

Литература

1. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб.: КАРО, 2005.
2. Красных В.В. Основы психолингвистики. – М.: Гнозис, 2012.
3. Леонтьев А.А. Психология общения. – Тарту, 1974.

Karpenko I.E.

Russian State Social University

**THE INFLUENCE OF EXTRA-LINGUISTIC FACTORS ON THE
FORMATION OF NEGATIVE CONNOTATIONS IN REGARD TO
LANGUAGE: LINGUISTIC IDIOSYNCRASY**

The study focuses on the interesting phenomenon of intercultural communication, i.e., of linguistic idiosyncrasy or the unacceptance by recipients of another language (the spoken language or its written realisation). The study examines examples of linguistic idiosyncrasy in historical retrospection; basic extra-linguistic factors, which in the contemporary world affect the formation of negative connotations in regard to another language (as a rule, a foreign or a non-native language, but not only). The work offers not just a new term signifying this concept, but also a certain typology of this psycholinguistic phenomenon.

Keywords: intercultural communication, psycholinguistics, cognitive linguistics, world view, cultural code, neuro-linguistic programming.

Современный этап истории русского военного духовенства. Возрождение института

Спустя почти 90 лет в России начал возрождаться институт военного духовенства. Русская православная церковь, а также представители других традиционных религий совместными с Вооруженными силами РФ усилиями работают над созданием необходимых условий для религиозной практики. Религиозная работа в войсках имеет существенный воспитательный эффект.

Ключевые слова: Российская армия; военное духовенство; Русская православная церковь.

В 2019 году исполняется ровно 101 год с приказа № 39 Народного комиссариата по военным делам. Данным решением был ликвидирован институт военного духовенства в России. После увольнения из армии порядка 3,5 тысяч священнослужителей часть из них продолжала свою деятельность в рядах Белого движения и даже из эмиграции в годы Второй Мировой поддерживали Вооруженные силы СССР [6, с. 249].

Упоминания о присутствии священников в войсках встречаются в годы Великой Отечественной войны. На ряде фотографий можно увидеть священников с боевыми наградами на груди в рядах частей РККА и партизанских отрядов. Гораздо большее количество священников-ветеранов – это священнослужители, которые еще в мирской жизни принимали участие в ходе ВОВ, а затем приняли священный сан.

Советская армия в послевоенный период, не смотря на отсутствие гонений на церковь не принимала участия в религиозных мероприятиях. Все офицеры ВС СССР являлись членами Компартии, а согласно пункту «Г» статьи 2 Устава КПСС редакции 1966 г. «Член партии обязан... Вести решительную борьбу с любыми проявлениями буржуазной идеологии, с остатками частнособственнической психологии, религиозными предрассудками и другими пережитками прошлого, соблюдать принципы коммунистической морали, ставить общественные интересы выше личных...» [5, С. 51].

После прекращения существования Советского Союза армия и церковь вновь взяли курс на сближение. С первой половины 1990-х гг. Русская Православная Церковь начинает окормлять военнослужащих, а уже в 1995 году

302 | создается Синодальный отдел при Московском патриархате по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями.

В первые же годы взаимодействия началась плодотворная работа по созданию условий для пастырской и катехизаторской работы духовенства и мирян Русской Православной Церкви – создание молельных комнат и строительство храмов при подразделениях. Ввиду отсутствия военных священников в войска командировались приходские священники, которые вели пастырскую работу в т. ч. и в «горячих точках». По инициативе отдела и командования Вооруженных сил начали основываться факультеты православной культуры при ведущих военных ВУЗах, ставшие базой для реализации дополнительного духовного образования для будущих офицерских кадров Вооруженных сил. В ходе обучения курсанты факультетов знакомятся с православными основами мировоззрения, а также с религиозным подходом к вопросам создания семьи, общества и государства. Проводятся различные тематические конференции.

В 2005 году, спустя более 80-ти лет, указом митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира воссоздается Военное благочиние Санкт-Петербургской епархии с центром в Храме Святой Троицы в Красном Селе. Военный благочиннический округ включает храмы при военных и правоохранительных учреждениях Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Благочинный округа – член Епархиального Совета, заместитель председателя Отдела по взаимодействию с Вооруженными Силами и Правоохранительными учреждениями — архимандрит Алексей (Ганьжин).

Важнейшим этапом в становлении нового русского военного духовенства стало принятое 21 июля 2009 г. историческое решение Президент Российской Федерации о воссоздании в Вооруженных Силах России института военного духовенства. Принятию данного решения поспособствовало коллективное обращение лидеров традиционных религиозных объединений России: Патриарха Московский и всея Руси Кирилл, Верховного муфтия, председателя Центрального духовного управления мусульман России и стран СНГ Талгата Таджуддина, муфтия, председателя Совета муфтиев России Равиля Гайнутдина, муфтия, председателя Координационного центра мусульман Северного Кавказа Исмаила Бердиева, Главного раввина, председателя Федерации еврейских общин России Берла Лазара, Пандито хамбо лама, главы Буддийской традиционной сангхи России Д.Б. Аюшеева. Ключевым фактором, повлиявшим на решение главы государства, стали данные о том, что верующие составляют 70% от общего числа военнослужащих ВС РФ [2, С.12].

Уже в 2010 году в структуре Главного управления воспитательной работы ВС РФ создается Управление по работе с верующими военнослужащими. Главной задачей управления становится организация условий для присутствия в войсках священнослужителей. После 80-ти летнего перерыва вновь начинает формироваться институт войскового и флотского духовенства Вооруженных

Сил Российской Федерации, что расширило возможности и создало условия для удовлетворения религиозных потребностей верующих военнослужащих, гражданского персонала и членов их семей.

Структура органов по работе с верующими военнослужащими имеет три уровня:

1. Управление по работе с верующими военнослужащими в составе Главного Управления по работе с личным составом Вооруженных Сил; отделения в военных округах (во флотах);

3. Должности помощников командиров (начальников) по работе с верующими военнослужащими в дивизиях, бригадах, которые замещаются священнослужителями [4, С. 1–6].

Именно должности заместителей командиров по работе с верующими военнослужащими были созданы для священнослужителей. Силами управления в сотрудничестве с традиционными религиозными объединениями России ведется плановая работа по подбору кандидатов для отправки в войска из числа священнослужителей, обладающих соответствующими профессиональными качествами и опытом работы с военнослужащими.

Стоит отметить, что если в 2013 г. в Вооруженных силах РФ на штатных должностях несли службу 83 священнослужителя, то в конце 2017 г. этот показатель вырос до 176. На внештатной основе армейские и прочие силовые подразделения окормляют 773 священнослужителя.

Помимо организации и проведения обрядов во вверенных подразделениях на плечи капелланов ложиться ряд обязанностей, отраженный в Основах концепции работы с верующими военнослужащими в ВС РФ:

«Органы по работе с верующими военнослужащими в мирное и военное время обязаны:

1. Содействовать формированию у военнослужащих сознательной мотивации исполнения воинского долга в соответствии с Военной присягой, готовности в любой момент выступить на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации;

2. Активно и целенаправленно участвовать в формировании таких качеств у личного состава как патриотизм, долг, честь, дисциплинированность, верность традициям своего народа и Вооруженных Сил Российской Федерации;

3. Организовать духовное просвещение и участвовать в духовно-нравственном воспитании военнослужащих;

4. Проводить индивидуально-воспитательную работу, изучать взгляды, настроения и поведение военнослужащих в различной обстановке;

5. Оказывать помощь командирам в укреплении единоначалия, разъяснении важности решаемых задач, а также в поддержании сознательной воинской дисциплины, профилактике и недопущении негативных проявлений

304 | в армейской среде, а также по отношению к местному населению и военнопленным;

6. Изучать религиозную обстановку в воинских коллективах и местах дислокации войск и сил флота, анализировать ее влияние на выполнение задач в мирное и военное время и готовить соответствующие предложения командованию;

7. Вести постоянную работу по оказанию моральной, психологической и духовной поддержки личному составу в походах, в боевых порядках, а также в лечебных и оздоровительных учреждениях;

8. Активно способствовать поддержанию личного состава в состоянии высокой боеспособности, психологической устойчивости, наступательного духа, мужества, стойкости, терпения, и самоотверженности в бою;

9. Заботиться об оказании необходимой медицинской и психологической помощи раненым и пострадавшим, о достойном погребении погибших и умерших» [3, С. 2].

В сентябре 2018 г. на территории Военно-патриотический парк культуры и отдыха ВС РФ «Патриот» был заложен камень в основание Главного храма Вооруженных сил Российской Федерации в честь Вознесения Христова, который планируется построить к 75-ти летию Победы в Великой Отечественной войне.

Военно-конфессиональные отношения – актуальное сегодня направление государственно-конфессиональных отношений, которое получило свое развитие на фоне возрождения духовной жизни в нашей стране. Основываясь на опыте института русского военного духовенства, совместными усилиями Вооруженных сил и традиционных отечественных религиозных объединений создается новый институт, целью которого является в том числе и сохранение моральных устоев российского общества [1, С.10].

Литература

1. Лукичев Б.М. Военное духовенство в строю // «Красная звезда» – 2012. – № 4 – С. 10.
2. Лукичев Б.М. Военному духовенству Вооруженных сил России – пять лет // Журнал Московской Патриархии – 2014. – № 8. – С. 12.
3. Основы концепции работы с верующими военнослужащими в Вооруженных силах РФ. [Электронный ресурс] / Вестник военного духовенства. – URL: <http://kapellan.ru/osnovy-koncepcii-raboty-s-veruyushhimi-voennosluzhashimi-v-vooruzhennykh-silax-rf.html>. (30.01.2018).
4. Положение по организации работы с верующими военнослужащими ВС РФ: Утв. Министром обороны РФ 24 января 2010 г.
5. Постановление XXIII съезда КПСС о частичных изменениях в Уставе КПСС // XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза.

Бюллетень № 16. Только для делегатов XXIII съезда КПСС – М: Правда, 1966 – 147 с. – С. 51.

6. Приказ Народного Комиссариата по Военным Делах РСФСР от 16.01.1918 № 39. «О расформировании всех управлений духовного ведомства» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. № 16 – М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942 – 1483 с. – С. 249.

Katashov A.A.

Moscow, Russia

**THE MODERN STAGE OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN
MILITARY SPIRITUALITY. REVIVAL OF INSTITUTE**

After almost 90 years, the Institute of Military Clergy began to revive in Russia. The Russian Orthodox Church, as well as representatives of other traditional religions, working together with the Armed Forces of the Russian Federation, are working to create the necessary conditions for religious practice. Religious work in the army has a significant educational effect.

Keywords: Russian army; military clergy; Russian Orthodox Church.

Проблемы переводов «Китаби Деде Коркуда» в трудах русских востоковедов

В духовной истории азербайджанского народа можно выделить ряд этапов: языческий (следы запечатлены в наскальных изображениях), зороастрийский (образцы устного народного творчества в текстах Авесты, культовые сооружения огнепоклонников, элементы быта, празднества), албано-христианский, мусульманский (с принятием ислама). К 11–12 вв. относится формирование в качестве письменного эпического памятника ранее изустно бытовавших сказаний Китаби Деде Коркуд – Книга моего деда Коркуда на языке племени огузов (огузы – это азербайджанцы, туркмены и турки), созданного ритмизованной прозой и оказавшего влияние на последующее развитие азербайджанской литературы. «Китаби деде Коркуд» состоит из прозаического вступления и двенадцати сказаний (песен), каждое из которых имеет самостоятельный сюжет; связывают их некоторые общие персонажи, в частности хан огузов — Баяндур-хан и его главный полководец Салор-Казан со своими богатырями. Сказания в эпосе объединены под общим названием книги деда Коркута, потому что он выступает как бы автором этих сказаний. Но при анализе можно установить, что они сложены разными озанами (ашугами) и в разное время. В «Китаби деде Коркуд» отражены картины хозяйственной и военной жизни, нравы и обычаи, думы и чаяния народа в эпоху патриархально-феодалных отношений. Но это произведение не историческое, а в полном смысле этого слова поэтическое, тесно связанное по своей художественной структуре с богатейшим народным творчеством. «Китаби деде Коркуд», как и большинство былинно-сказочных эпических памятников азербайджанского народа была написана ритмизованной прозой, в которую вкраплены стихотворные фрагменты, большей частью лирического характера. Язык эпоса богат по лексическому составу, очевидно, сказители чувствовали все его тонкости. Высоко и поэтическое мастерство певцов (озанов). Стихотворные диалоги образны; сравнения, звукопись усиливают их художественное воздействие. Оригинал ранней рукописи «Китаби деде Коркуд», попавшей в Дрезден в 1815 г., привлек внимание востоковеда Дица. Он переписал рукопись, сдал в Берлинскую библиотеку, а текст издал вместе с переводом одного из сказаний («О Тепегезе») на немецкий язык. Два списка оригинала «Китаби деде Коркуд» были найдены в Дрездене и в Ватикане; оригинал эпоса несколько раз был издан в Турции. В России и за рубежом

изучением эпоса занимались виднейшие востоковеды. Много нового внесли в изучение эпоса и азербайджанские ученые Г. Араслы и М. Тахмасиб. Статья посвящена героическому эпосу азербайджанского народа «Китаби Деде Коргуд». В ней анализируются исследования известных русских востоковедов.

Ключевые слова: «Китаби Деде Коргуд», героический эпос, дастан, народный сказитель, фольклор.

Один из существенных аспектов истории мировой литературы связан с вопросом о роли в всеобщем литературном процессе эпических фольклорных жанров, среди которых важнейшее место занимает героический эпос, закономерно и своеобразно подводящий итог всему долитературному периоду развития словесности. Первоочередного внимания в решении данной проблемы заслуживают вопросы, связанные с историей распространения и освоения наиболее монументальных образцов мирового героического эпоса в инонациональной обстановке, проблемы их перевода, освоение в критике и литературоведении и изучения носителями другого языка. Восприятие духовного богатства азербайджанского народа, осмысление взаимосвязи его культуры с инонациональной, в частности, с русской было бы неполным без переводов произведений устной народной поэзии на русский язык. В этой связи все острее потребность в исследовательских работах, в которых проблема художественного перевода получила бы максимально полное и конкретное отражение. Это делает очевидной необходимость специального изучения переводческой деятельности советских поэтов А. Адалис, П. Антакольского, К. Симонова, Е. Долматовского, П. Панченко, И. Оратовского, Г. Асинина, В. Кафарова, А. Ахундовой и других переводчиков, творчески обращавшихся к художественному наследию азербайджанского народа. Древнейший азербайджанский эпос – «Китаби Деде Коркуд» – переводился на русский, английский, персидский и другие языки. Каждый издатель, публиковавший «Китаби Деде Коркуд», одновременно был и его исследователем, поскольку без этого издавать данный памятник было бы весьма затруднительно. «Китаби Деде Коркуд» на русский язык первым перевел академик В.В. Бартольд, который, как он сам рассказывает, в 1891–1892 гг., будучи еще студентом, переписал Дрезденскую рукопись и в дальнейшем не раз обращался к ней [5, с. 33]. Памятник азербайджанского народа «Китаби Деде Коркуд» стал смыслом жизни ученого, прославив Бартольда на всем Востоке. Будучи первооткрывателем дастана для русской культуры, В. Бартольд стал и первым серьезным его исследователем. К работе над «Деде Коркудом» ученый приступил в начале 1980-х годов, опубликовал при жизни четыре песни из двенадцати. В процессе перевода В. Бартольду пришлось столкнуться и с неточностями в рукописи, и с архаическими словами, дойти до значения которых приходилось путем исследования других источников.

308 | Перевод всей книги с обширным предисловием был подготовлен В.В. Бартольдом к печати в 1922 году для «Всемирной литературы», издаваемой А. Горьким, но вследствие закрытия издательства перевод этот при жизни Бартольда остался неопубликованным. Труд ученого впервые увидел свет в Баку в 1950 году, подготовленный к печати азербайджанскими дастановедами Г. Араслы и М. Тахмасибом. Публикации В. Бартольда из Книги Коркуда, – отмечал В. Жирмунский, – впервые ознакомили широкие круги, как русских, так и зарубежных ориенталистов с одним из замечательных памятников средневековой тюркской литературы и положили начало его углубленному изучению [4, с. 132]. Сам ученый о своем переводе писал, что «он не может считаться окончательным; прогресс тюркологии, как в смысле открытия нового материала, так в смысле более полного и тщательного изучения старого, несомненно, даст повод ученым еще не раз возвращаться к памятнику такого исключительного значения. Надо надеяться, что и в целом настоящий перевод будет признан устарелым и заменен другим меньше через сто лет» [5, с. 10]. «Заменять перевод В. Бартольда, – писали последователи ученого, В. Жирмунский и А. Кононов, – пока нет оснований, но внести в него поправки, которые теперь можно сделать, опираясь на достижения тюркологии, результаты, добытые многочисленными исследователями памятника, совершенно необходимо» [28, с. 6–7]. Начиная с 1939 года Г. Араслы и М.Г. Тахмасиб внесли уточнения свыше трехсот мест в «Книге», получивших у В. Бартольда иное толкование. Весьма важным в этом смысле представляется работа Ш. Джамшидова «Текстологическое исследование “Китаби Деде Коркуд”», в которой восстановлено свыше 800 слов, выражений и фраз «Книги», из них 150 переистолковано. Павел Антокольский – известный русский поэт двадцатого столетия, тоже приложил свою руку к полному переводу «Китаби Деде Коркуд». Прежде всего следует подчеркнуть его ответственное отношение к проблеме художественного перевода в целом. Характерной чертой его творческой деятельности считается максимальное внимание к мельчайшим деталям подлинника. Как он сам писал: «Искусство перевода грозит превратиться в дилетантизм чистейшей пробы, если его работники будут пользоваться эстетическими нормами. Одним из крайних проявлений такого дилетантизма... является пренебрежение языком оригинала» [6, с. 10]. В то же самое время он принципиально возражал против слепого механического копирования авторских идей: «Буквализм – злейший враг нашего брата, враг номер один» [36, с. 165]. Этих правил Антокольский придерживался на протяжении всей своей жизни. В 1930-м году он опубликовал свой первый перевод из Барбье; несколько позднее приступил к огузскому героическому эпосу, который завершил в 1930-х годах. Современный русскоязычный читатель, бесспорно, должен быть благодарен этому художнику слова за очередную (после Бартольда) попытку прочтения знаменитой Книги. Од-

нако, при всем несомненном таланте Антокольского, сегодня с сожалением приходится констатировать, что основополагающие принципы, продемонстрированные им в процессе перевода «Китаби Деде Коркуд», оказались не вполне удачными. П. Антокольский, безусловно, со всей ответственностью подошел к огузскому памятнику, хорошо изучив весь его стилистический строй; он обратил внимание на рифмованную прозу, на необычные плавные переходы от одного ритмического рисунка к другому. Он также остался максимально точным в передаче эпитетов, которыми в буквальном смысле слова переполнен эпос. Работая в присущем ему стиле, поэт пытался поначалу внести свое субъективное толкование определенных частей стихотворного повествования. Однако в дальнейшем, точнее, в середине 1950-х годов, он изменил своей привычной манере, целиком и полностью переключился на текст авторитетного для него русского академика и в своем основном объеме окончательный перевод выполнил по Бартольду. Большинство отечественных азербайджанских филологов признают, что, scrupulously следуя Бартольду, он, естественно, повторил и его недочеты. Например, у Бартольда: «...затрубили медные трубы с золотым винтом»; у П. Антокольского «... завизжали медные трубы с золотым винтом». Позднее было однозначно установлено – «запели витые – курсив наш – золоченые трубы». Ни о каких винтах здесь и речи быть не может. Одна нелепость, таким образом, повторилась дважды. Или: удручающая тождественность двух переводов. У Бартольда: «... у пастуха была праща с ямкой из кожи трехгодовалого теленка, с боками из шерсти трех коз, с ремнем из шерсти одной козы». У П. Антокольского в этом кратком речевом отрезке совпадают не только слова; идентична даже расстановка запятых. Иногда правка носит незначительный, косметический характер, когда правке подлежит какое-либо одно слово или знак. Например, у Бартольда: «У Казана внутри ворот есть десять тысяч баранов»; у П. Антокольского: «У Казана в загоне десять тысяч баранов» и т.д. Но есть у русского поэта и несомненные удачи: П. Антокольский по сравнению с В. Бартольдом заметно расширил сферу употребления слов с эмоционально-оценочной окраской. Сопоставим несколько отрывков из текста, обратимся к примерам:

Оригинал: *Ay saqqalı ağ qoca, Gözləri domba qoça*,... [1, с. 178]

«О старец с белой бородой!

О, старец с выпуклыми глазами (подстрочный перевод)

В. Бартольд: «О старец с белой бородой!

О, старец с темными зрачками... [2, с. 60]

П. Антокольский: «О старец с белой бородой!

О, старец с темными глазами!»

Оригинал: ... *Gözüm domba igidim bəgənməzsən?*

Gözü göycək qızların-gəlinlərin canın çox almişam! [1, с. 80].

«Почему тебе не нравится выпуклость моих глаз? Сколько душ красивых я отнял» (подстрочный перевод).

В. Бартольд: «Негодный безумец! Почему тебе не нравится, что мои глаза темны? Часто брал я души девушек-невест с синими глазами» [2, с. 60].

Слово *göusək* было воспринято учеными как синий. Однако, между словом *göu* (синий) и *göusək* (красивый) есть большая разница.

Сопоставляя вышеприведенные переводы академика В. Бартольда и П. Антокольского, можно сделать вывод, что перевод первого, со всеми недостатками, все же ближе по смыслу к тексту оригинала, чем перевод второго.

Несомненно, оба перевода открыли новый путь к изучению жемчужины азербайджанского устного народного творчества – эпоса «Китаби Деде Коркуд», и за это мы им благодарны...

Проблемы переводов «Китаби Деде Коркуда» в трудах русских востоковедов

Общепризнанно, что фольклор – важнейшая часть культуры каждого народа. Именно поэтому мудрецы и философы советуют для постижения того или иного народа изучать его фольклор. Изучению же инонационального фольклора служат и способствуют имеющиеся переводы фольклорных образцов. Азербайджанский народ создал большое количество дастанов, большинство из которых переведены на русский язык. Проблема перевода азербайджанских дастанов остается до сих пор наименее разработанной областью нашего переводоведения. Русские востоковеды внесли немалый вклад в решение данной проблемы. Один только перечень имен переводчиков, занимавшихся переложением азербайджанских дастанов, впечатляет. Здесь и академик В. Бартольд, и П. Антокольский, и проживающая в Москве А. Ахундова, и В. Кафаров. В данной статье подчеркивается, что в имеющихся переводах отразилась вся палитра современной науки о переводе, здесь представлены различные способы переложения. Особо оговаривается, что, хотя имеющиеся переводы достаточно адекватны оригиналу, но отдельные моменты и детали нуждаются в дальнейшей доработке и переработке. Статья в меру своих сил и возможностей делает попытку подсказать будущим переводчикам пути более точного воспроизведения в переводе такого рода моментов и деталей.

Литература

1. Антокольский П. Черный хлеб мастерства // Мастерство перевода. – М.: Советский писатель, 1964. – 296 с.
2. Бартольд В.В. Коркуд // Бартольд В.В. Сочинения в 9-ти томах. – Т. 5. – М.: 1968. – С. 236–237.
3. Бартольд В.В. Турецкий эпос и Кавказ // Бартольд В.В. Сочинения в 9-ти томах. – Т. 5. – М.: 1968. – С. 473–486.

4. Деде Коркуд. Азербайджанский эпос. Перевод академика В.В. Бартольда (подготовили к печати Г. Араслы и М.Г. Тахмасиб) – Баку: изд. АН Азерб. ССР, 1950. – 204 с.

5. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос – Л.: Наука, 1974. – 727 с.

Gafarova G.A.

Ganja state university

TRANSLATION PROBLEMS OF KITABI GRANDFATHER KORKUD IN THE WORKS OF RUSSIAN ORIENTALISTS

The folklore is acknowledged universally as the significant part for the every nation's culture. Just so the wise men and philosophers advise to study the folklore in order to figure out one or another nation itself. And the research of the foreign-national folklore is promoted and followed by the available translated versions of folklore patterns. According to the shown actual stuff of master thesis the translators made a lot of russian version for popularization, perception and adoption of the significant genre of azerbaijanian folklore "dastan".

The characteristics of ancient epos "Kitabi Dede Gorgud" in available russian version and heroic epos "Kerogli" developed by both azerbaijanian and russian translators was examined in two chapters of the master thesis. Just the following list of translators engaged in rendering of azerbaijanian dastans to be impressed by: V. Bartold, academician; V. Velichiko, expert on Caucasus; P. Fntakolskie, one of the cornerstones of Russian translation; A. Axundov and V. Kafarov, azerbaijanian translators, residents of Moscow. Thesis emphasizes that the total palette of modern science on translation has been reflected on available translations and herein be shown the very different types of rendering. It is seriously stipulated that though available translations sufficiently equal to originals, to be needed to update and complete individual points and details. Candidate for a degree within the range of possibilities himself to try to reveal for the future translators an exact steps to reproduce such kind of points and detail in translation.

Keywords: folklore, dastan, epos, academician, translators, national.

Краеведческий материал в обучении РКИ

Статья посвящена проблеме отбора краеведческого материала для формирования лингвокраеведческой компетенции у иностранных студентов в процессе обучения русскому языку. В основе современной методики обучения русскому языку как иностранному лежит культурологический подход, согласно которому изучение русского языка неотделимо от знакомства с русской культурой. В рамках данного подхода сформировалось лингвострановедческое направление.

Ключевые слова: лингвокраеведческая компетенция, культурологический подход.

В настоящее время важным для обучения русскому языку иностранных студентов российских вузов является лингвокраеведение. Оно предусматривает включение в учебный процесс лексических единиц с регионально-культурным фоном. В качестве таких единиц выступают безэквивалентные и фоновые слова и выражения, даты, ономастическая лексика (топонимы, антропонимы, хрононимы и др.), связанные с конкретным регионом или городом, в котором живут и учатся иностранные обучающиеся. Данные лексические единицы становятся основой формирования лингвокраеведческой компетенции иностранных студентов, которая представляет собой один из элементов коммуникативной компетенции). Лингвокраеведческая компетенция является совокупностью регионально-культурных фоновых знаний и лингвокраеведческих навыков и умений.

Значимость формирования лингвокраеведческой компетенции именно на этапе предвузовской подготовки обусловлена, в первую очередь, потребностями лингвокультурной адаптации иностранных студентов. В период первого года обучения иностранные обучающиеся попадают в новую социокультурную, академическую и языковую среду. И в этой ситуации они нуждаются в психологической и информационной поддержке, консультировании. Лингвокраеведческая информация представляет одно из необходимых средств установления отношений с новой социокультурной средой, преодоления культурного шока.

Лингвокраеведческая компетенция формируется у студентов из иностранных государств, изучающих русский язык на этапе предвузовской подготовки, посредством использования краеведческого материала. Актуальность темы определена значимостью формирования лингвокраеведческой компетенции

для удовлетворения коммуникативных потребностей иностранных студентов; недостаточной представленностью разнообразия регионально-культурного фона, отражающего специфику историко-культурного пространства места обучения; необходимостью разрешения педагогического противоречия между потребностями иностранных студентов в овладении лингвокраеведческой компетенцией и отсутствием должного удовлетворения этих потребностей в учебном процессе. По нашему мнению, использование краеведческого материала иностранными студентами, изучающими русский язык на этапе предвузовской подготовки, будет более эффективным, если оно будет организовано разнообразными способами, отобранными специально для данного этапа обучения с учетом языкового уровня обучающихся. Нами проанализированы разнообразные способы формирования лингвокраеведческой компетенции у иностранных студентов, изучающих русский язык на этапе предвузовской подготовки, современное состояние включения лингвокраеведческого материала в процесс обучения русскому языку как иностранному и разработки занятий с использованием краеведческого материала. К примеру, лингвокраеведческий проект экскурсии может быть использован при формировании лингвокраеведческой компетенции иностранных студентов, обучающихся в вузе на этапе предвузовской подготовки; различные краеведческие материалы могут быть использованы на практических занятиях по русскому языку как иностранному, при разработке спецкурса по лингвокраеведению для иностранных студентов.

В нашей стране растет количество студентов из иностранных государств. Многие из них очень мало знают как о России, так и о городе, в котором учатся. При обучении РКИ необходимо использовать краеведческий материал, краеведческие знания. В процессе изучения русского языка каждый студент-русист в большей или меньшей степени встречается с местными региональными материалами, которые, несомненно, вызывают его интерес и создают дополнительные мотивации в учебе. При обучении по программе дополнительного образования можно увидеть хорошие примеры использования в преподавании краеведческих материалов. На занятиях иностранные обучающиеся получают системные знания об истории и культуре города, рассматриваются такие темы, как: 1) «Место и роль города в историко-культурном пространстве местности»; 2) «Общая характеристика культурного пространства города: история возникновения, географическое положение, население, наука, образование, СМИ и др.»; 3) «Культурный потенциал города (архитектура и скульптура, театральное и музыкальное искусство, художественное наследие)». Приобретение таких знаний требуется и для успешного общения с носителями русского языка, и для будущей работы выпускников учебных заведений. Важным, конечно, является определение методических принципов обучения РКИ на региональном материале. По

314 | нашему мнению, внимание надо также уделять принципу учета родного языка и культуры студентов, являющемуся одним из актуальных принципов обучения РКИ как в языковой среде, так и вне ее. После изучения этого материала студентам предлагается выполнить упражнения для его закрепления. Приведем некоторые из них. *Вставьте слова в предложения, используя слова для справок. 1. В 2018 году исполнилось ... с даты основания города ... 2. ... – это сражение, получившее большой резонанс в русском обществе. 3. Особую страницу в Русско-японской войне занимает деятельность назначенного командующим флота на Тихом океане вице-адмирала ... 4. ... было первое сухопутное сражение Русско-японской войны и поражение русских войск. 5. Образуйте причастия прошедшего времени от следующих глаголов: происходить – соединить – проиграть – превосходить – приблизить – Объясните, как вы понимаете...*

Национально-культурный компонент в процессе изучения русского языка иностранными студентами играет важную роль. Внедрение национально-культурного компонента содержания образования в учебный план осуществляется как через выделение региональной составляющей в базовых курсах истории, географии, искусства, биологии, трудовой и физической подготовки обучающихся, так и через введение специальных курсов: «Краеведение», «Историческое краеведение», «Региональная география», «Экология региона» [1].

При обучении русскому языку как иностранному создается осознание национально-культурного компонента по иностранному языку через два аспекта: в первую очередь, национально-культурный аспект, что служит обеспечению к приобщению иностранных обучающихся к общекультурным и национально значимым ценностям, осмысления ими национального своеобразия русского языка; а также региональный аспект, что обеспечивает понимание иностранцами, обучающимися в российских вузах и изучающими русский язык, языковых фактов, свойственных определенному региону Российской Федерации.

Национально-культурный компонент лингвистического курса рассматривается как «систематическое и последовательное включение в общеобразовательный курс русского языка как иностранного местного языкового материала, как в тематическом отношении, так и в отношении сугубо лингвистическом». Такой компонент в рамках курса помогает сформировать лингвокраеведческую компетенцию иностранных студентов.

Национально-культурный компонент некоторые ученые рассматривают в качестве лингвокраеведческой работы. Они рекомендуют использовать местный языковой материал на занятиях. В состав национально-культурного компонента курса могут быть включены словосочетания, предложения и тексты, которые охватывают темы природы, материальной и духовной культуры местности. Это могут быть темы, которые раскрывают миропонимание и мироощущение жителей определенного края или региона.

Рассмотрим некоторые социокультурные компоненты содержания обучения иностранному языку. Аудиолингвальный метод сосредотачивает свое внимание на конкретном предложении или фразе, но он, как выяснилось, является недостаточным для подготовки обучающихся к реальному, настоящему, спонтанному общению на иностранном языке, поскольку в реальной жизни имеются социальные и культурные правила и нормы. Если не владеть ими, знания заученных предложений и фраз окажется бесполезным [2]. Популярные западные модели коммуникативной компетенции рассматривают социокультурный компонент в качестве вспомогательного социолингвистической компетенции [5]. Так, знание норм поведения, ценностей, правил общения необходимо для выбора верного речевого регистра. Таким образом, функция культуры сводится только к правильному выбору регистра высказывания, отталкиваясь от роли собеседника, его статуса, места и цели коммуникации. Но этим вовсе не ограничивается роль культуры в процессе иноязычного общения.

Культуроведческая осведомленность необходима для правильного восприятия, интерпретации происходящего в конкретной ситуации в инокультурной среде. Незнание социокультурного контекста и отсутствие стратегий по восполнению информационных пробелов могут оказаться решающими факторами при коммуникации с носителями языка и культуры. Информационные пробелы могут быть преодолены путем переспрашивания – уточнений, объяснений и т. п. Однако носители языка не всегда готовы принять во внимание языковые трудности, с которыми сталкиваются говорящие на иностранных языках [3, 4].

После овладения определенным объемом знаний о культуре и истории страны изучаемого языка на начальном этапе обучения иностранному языку и таким образом повысив свою коммуникативную и лингвострановедческую компетенцию, обучающиеся готовы к ознакомлению с культурой и историей страны на национально-культурном уровне. При этом они формируют лингвокраеведческую компетенцию.

Одной из форм проведения курса в национально-культурном ключе может быть предметно-ситуативная. Ее основу составляют речевые ситуации, которые объединены чаще всего единой сюжетной линией и базируются на предметах речи национально-культурного содержания.

Опыт работы показывает, что наиболее распространенным сюжетом при работе с региональным материалом является посещение группой иностранных студентов данной конкретной местности. Подобная макроситуация включает ряд микроситуаций. Уже в них формулируются коммуникативные задачи. В выборе предметов речи для национально-культурного курса следует опираться на основные сведения о родном крае.

Таким образом, использование национально-культурного компонента на занятиях по обучению русскому языку как иностранному, повышает

316 | качество обучения, служит не только для преподнесения знаний, но и для их контроля, закрепления, повторения, обобщения, следовательно, выполняет все дидактические функции. Национально-культурный компонент на занятиях пробуждает у студентов познавательный интерес к краю, где они обучаются, способствует формированию лингвокраеведческой компетенции. В составе коммуникативной компетенции, которая является конечной целью обучения русскому языку как иностранному, необходимо выделять важный компонент – лингвокраеведческую компетенцию, представляющую собой совокупность регионально-культурных фоновых знаний и лингвокраеведческих навыков и умений.

Литература

1. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. – № 1. – С. 64–72.
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
3. Методика преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе / Г. И. Дергачева, О.С. Кузина, Н. М. Малащенко и др. – М.: Рус. яз., 1989. – 247 с.
4. Филимонова Н.Ю. Лингвокраеведение в иностранной аудитории на начальном этапе обучения русскому языку // Краеведение в обучении иностранцев русскому языку. – Волгоград: Изд-во ВГПИ, 1986. – С. 50–56.
5. Hymes D. On Communicative Competence. New York: Harmondsworth: Penguin, 1972. – P. 269–293.1. Учебная литература.

Kirillova A. A.

Pushkin State Russian Language Institute

LOCAL HISTORY MATERIAL IN THE STUDY OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The article is devoted to the problem of selection of local history material for the formation of linguistic and local studies competence of foreign students in the process of learning the Russian language. The basis of modern methods of teaching Russian as a foreign language is a cultural approach, according to which the study of Russian is inseparable from acquaintance with Russian culture. Within the framework of this approach, a linguistic direction was formed.

Keywords: linguistic and local studies competence, cultural approach.

Формулы приветствия в русском и монгольском языках

В данной статье проанализированы этимологические и лексические сходства и различия выражения вежливости в одном из видов речевого этикета – в приветствии в русском и монгольском языках. Статья предваряется анализом определений термина «языковая картина мира». Рассматриваются специфика приветствий и всякого рода выражений в той или иной ситуации, связанной со встречей людей. Приведены примеры национально специфической культуры поведения в деловом и бытовом общении в социальной жизни. В статье делается вывод, что изучение этих особенностей представляется перспективным и приводит к этнолингвокультурологическому аспекту изучения проблематики.

Ключевые слова: языковая картина мира, речевой этикет, приветствие.

Речевой этикет и культура поведения занимает важное место в социальной жизни общества деловом и бытовом общении.

Речевой этикет – это система социально значимых ситуаций, обеспеченная стереотипами общения и реализующая социально заданные и национально специфические регулирующие правила речевого поведения в обстановке установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их социальными статусом и ролями, ролевыми и личными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения [3, с. 32].

В каждом языке отражается особая картина мира, и языковая личность обязана организовать содержание высказывания в соответствии с этой картиной. В этом и проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке.

Язык есть важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой то, что в различных концепциях называется «языковой промежуточный мир», «как репрезентация мира», «языковая модель мира», «языковая картина мира». В силу большей распространенности мы выбираем последний термин.

Понятие картины мира (в том числе и языковой) строится на изучении представлений человека о мире. Если мир – это человек и среда в их взаимодействии,

318 | то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке. Таким образом, представители когнитивной лингвистики справедливо утверждают, что наша концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним.

«Языковая картина мира – это выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинации изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях представляющего, во-первых, человека, его материальную, духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает, среду, условия его существования, пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум» [4, с. 439].

Фразеологизмы как формулы речевого этикета играют особую роль в создании языковой картины мира. Они – «зеркало нации». Природа значения тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. Фразеологизмы в целом приписывают объектам признаки, которые ассоциируются с картиной мира, подразумевают целую дескриптивную ситуацию (текст), оценивают ее, выражают к ней отношение. Своей семантикой фразеологизмы направлены на характеристику человека и его деятельности.

Любой национальный речевой этикет обязательно начинается с приветствия, но при этом у каждой нации есть своя специфика приветствия.

Специфика приветствий и различных выражений в той или иной ситуации у разных народов идиоматична. Речевой этикет – явление универсальное, в то же время каждый народ сложил свою, национально специфическую систему правил речевого поведения.

Приветствие – это, прежде всего благопожелание. Русское *здравствуйте* этимологически значит пожелание здоровья. У многих народов такие благопожелания отражают национально специфические особенности жизни, быта. Так, в Корее утреннее приветствие звучит как осведомление: *Вы завтракали?* Аналогичное приветствие в Китае, в Монголии. Естественно, что в таких стереотипах общения в значительной мере стерлись исконные значения, и в наши дни они означают просто приветствия [3, с. 87].

Рассмотрим подробнее формы выражения вежливости в одном из видов речевого этикета – в приветствии.

Основной нейтрально-вежливой формой выражения приветствия в русском языке является имплицитно-перформативное выражение *Здравствуй!* (*Здравствуйте!*), в монгольском языке нейтр.-вежл. формой служит *Сайн байна уу?* ‘все ли у вас хорошо?’, *Здравия желаю!* (воен. дореволюц.) — приветствие солдат командному составу. На приветствие командира, старшего по званию, «Здравствуйте товарищи», все военнослужащие (и в строю, и вне его) обязаны ответить: «Здравия желаем». А в монгольском языке – *Амрыг эрье!* (так же).

Приведем пример повышенно-вежливого обращения *Амархан сайн байна уу?*, почтительно-вежл. *Та амар амгалан сайн байна уу?* (устар.). А в русском языке *Приветствую вас!*, *Разрешите приветствовать вас!*, *Рад(а) приветствовать вас!*, *Честь имею (устар.) приветствовать вас.* В данной формуле приветствует компоненты уважительности.

Иногда эти приветствия заменяют пожеланием нейтр.-вежл. формулами: *Доброе утро!* (*С добрым утром!* *Доброго утра!*), *Добрый день!* (*День добрый!*), *Добрый вечер!* Иными словами: я желаю вам доброго утра, доброго вечера и т. п. Их употребление ограничено временем. Формуле *Доброе утро!* адекватны в монгольском языке имплицито-перформативные выражения: *Сайхан амрав уу?* букв. 'хорошо отдохнули?' *Сайн хонов уу?* 'хорошо ночевали?' *Сайн унтав уу?* 'хорошо ночевали?' повышенно-вежливые: *Тавтай сайхан нойрсов уу?* *Амгалан нойрсов уу?* В отличие от русского, эти формулы применяются непосредственно после сна.

Пожилые люди, особенно в сельской местности, приветствуют друг друга легким поклоном головы и приподниманием головного убора над головой. При этом они говорят: *Мое почтение вам!*, *Наше вам с кисточкой!* (разг.). Сокращенные варианты: *Мое почтение!*, *Петру Ивановичу!*, *Мое-вам!* Традиционное приветствие у монголов в сельской местности одновременно является и благопожеланием. Стиль и форма приветствий сложны и разнообразны. Сказанное при встрече слово и ответ на него – сейчас лишь правило этикета, однако приветствие-благопожелание несет в себе древний магический оттенок, потому так важно вовремя сказать то, что нужно, и правильно ответить на приветствие. Например: в монгольском этикете на вопрос-приветствие: *Все ли у вас хорошо?* – нельзя дать ответ: «Нет, у нас все больны» или «Такой-то умер». Об этом можно сообщить уже потом в ходе разговора, но ответная реплика может быть только одна: *Все хорошо, а как у вас?*

В зависимости от времени года возможен следующий вариант диалога: *Хорошо ли проводите осень (зиму, лето, весну)?* – *Хорошо проводим осень (зиму, лето, весну).* – *Проводите ли зиму в изобилии?* – *Зиму проводим в изобилии.* – *Проводите ли лето жирно?* – *Лето проводим жирно.*

В разговорной речи употребляется шутливо-пренебрежительное приветствие: *Мое вам с кисточкой!* (имеется, очевидно, в виду кисточка на шапке). В ответ, как правило, повторяют те же приветствия, только в разных вариантах. В ответ на «Петру Ивановичу!» говорят: «Ивану Петровичу!» Подобных этому примеров в монгольском языке не существует.

Рассмотрим разные формулы приветствия в ежедневной общении у молодежи: *Здорово!*, *Привет!*, *Приветик!* *Как дела?* стилистически сниж. грубовато-прост., *Хай!* (*Хаяшки*) от английского «Hi», *Привет, Бро!* «бро» – сокращенное от английского «brother», обычно так обращаются к самым близким друзьям. Вообще большинство русских сленговых приветствий

320 | происходит из английского языка. У монгольской молодежи употребимы приветственные формулы: *Сайн уу?* ‘привет’, *Мэнд уу?* ‘здоров’, *За, сайн?* ‘ну, здоров?’, *Юу байна?* ‘как дела?’, *Юутайв?* ‘что нового?’, *Мэнд сайн уу?* ‘здоров ли?’, *Хай!* от английского «Hi». Наблюдается, что заимствования из английского языка усиливаются в настоящее время, так как английский язык – это язык международного общения, он широко используется в молодежном сленге. И процесс заимствования англицизмов – один из способов обогащения любого языка, который представляет собой следствие условий социальной и культурной жизни человечества. С другой стороны, англицизмы проникли во все сферы жизнедеятельности человека и прочно в них закрепились, избежать англицизмов невозможно, иногда люди даже не подозревают, что используют не только заимствованные из английского языка слова, но и других языков.

Не утратить и не усилить резкое изменение в современном состоянии языка, а сохранить наследие и передать – это и есть задача лингвистов.

Изучение этих особенностей представляет очень важную задачу лингвокультурологии, можно предложить новое направление в исследованиях такого типа – этнолингвокультурологию, т.е. науку с уклоном в этническую специфику при описании вышеупомянутых проблем. В таком контексте в оппозицию этнолингвокультурологии встает общая лингвокультурология. [1].

Рассмотрение проблематики в подробном ключе представляется более системным, а следовательно, и перспективным.

Литература

1. Киров Е.Ф. Начало концептуально-дискурсивной лингвистики // Система языка и языковое мышление. – М.: 2009. – С. 66–97.
2. Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. 2010. – С. 784.
3. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. – М., Рус.яз., 2002. – 160 с.
4. Шведова Н.Ю. Русский язык: Избранные работы. – М., Языки славянской культуры, 2005. – С. 639.

Kirov E.F, Tsetsegmaa Khongorzul

Pushkin state Russian language Institute

THE FORMULAS OF THE GREETING IN THE RUSSIAN AND MONGOLIAN LANGUAGES

In given article etymological and lexical similarities and politeness expression distinctions in one of the types of speech etiquette – in the greeting in the Russian and Mongolian languages are analysed. Article is anticipated by analysis of definitions of the term “linguistic view of the world”. They are considered specific features of greetings and any sort of expressions in one or another situation connected with the meeting of people. Examples nationally of specific culture of behaviour in business and household dialogue in social li are presented. In article it is drawn conclusion that studying of these features is represented promising and results in ethnolinguocultural aspect of studying of problems.

Keywords: linguistic view of the world, speech etiquette, greeting.

Особенности функционирования англицизмов тематической группы слов, связанных с понятием «красота»

В статье рассматриваются особенности употребления новейших англицизмов, тематически объединенных семей «красота». Предпринимается попытка описать распространение и функционирование данных языковых единиц на примере текстов, созданных пользователями интернета и интернет-СМИ.

Ключевые слова: англицизм, заимствование, функции англицизмов, язык-реципиент.

Языковая система современного русского языка подвижна и постоянно развивается, возникновение новых лексем, их форм и значений не поддается точному исчислению, ведь словообразовательный потенциал русского языка поистине безграничен. Одной из форм пополнения словаря языка является заимствование. Данный термин сложно считать однозначным, так как в отечественной и зарубежной лингвистике он имеет множество значений. Проблемой определения заимствования занимались такие ученые как И.А. Бодуэн де Куртенэ, Е. Хауген, Л.М. Баш, Л.В. Щерба, С.В. Гринев, Е.В. Ларионова и др.

Одной из наиболее удачных классификаций иноязычных слов является созданная Л.П. Крысиным. Ученый выделяет три типа иноязычных слов: заимствованное слово, экзотизм, иноязычное вкрапление. Заимствованные слова представлены следующими тремя группами слов: слова, структурно совпадающие с иноязычными прототипами, т.е. слова, измененные графически и переданные соответствующими фонемными средствами заимствующего языка без каких-либо структурных «добавлений»; слова, морфологически оформленные средствами заимствующего языка; слова с частичной морфологической субституцией [1, с. 102].

Частотность появления в русском языке слов, а также словосочетаний и даже фразеологизмов, образованных от английских языковых единиц обусловлена несколькими факторами, важнейшими из которых, на наш взгляд, следует считать два: 1) на протяжении последних ста лет английский язык носит звание международного языка (результат колониальной политики Британской империи и США); 2) английский язык – язык интернета и новых цифровых технологий (54,1 % сайтов используют английский язык, русский же с большим отрывом – 6 % – занимает второе место).

В качестве термина для обозначения заимствований из английского языка принято использовать понятие «англицизм», которое Малый академический словарь определяет как «слово или оборот речи, заимствованные из английского языка» [6]. Схоже трактуется это понятие и в Большом словаре иностранных слов, однако более удачным определением мы считаем данное в Современном толковом словаре русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой: «Слово, выражение, заимствованное из английского языка, или оборот речи, построенный по модели, характерной для английского языка» [3], так как важным фактором функционирования англицизмов в системе русского языка является именно большое количество слов и выражений, заимствующих аналитическую модель английского языка, не свойственную русской языковой традиции.

Развитие технологий, а вместе с ними и появление новых реалий, новых программ, приборов и пр., созданных в странах, для которых английский язык является основным, неизбежно влияет на количество новых слов, входящих в состав русского языка. Как уже было отмечено многими исследователями заимствований, одна из основных причин – потребность в номинации нового явления, которая не всегда удачно может быть осуществлена в рамках системы языка-реципиента. Следовательно, наибольшее количество англицизмов может быть встречено нами в сферах, напрямую связанных с современными технологиями. Например, практически все термины, относящиеся к таким сферам деятельности как программирование и маркетинг, являются англицизмами. Эта сфера употребления заимствований из английского языка достаточно подробно изучена и на наш взгляд не требует особого внимания как узкопрофессиональная среда, участники которой в основной своей массе знают и используют английский язык в качестве первого иностранного (84% работодателей по данным сайта HeadHunter указывают знание английского языка как одно из основных требований к соискателю).

Предметом же нашего внимания является лексика не столь специфичная, встречающаяся не только в пространстве рабочей деятельности и в сети, но и на уличных вывесках, и в печатных изданиях. Тематическая группа слов иноязычного происхождения, связанных с понятием «красота», достаточно обширна, если рассматривать ее с двух разных полюсов. С одной стороны – слова, семантически объединенные стремлением к красоте и выражающие такие эстетически близкие по значению понятия как молодость, свежесть, свет и пр., с другой же, напротив, слова лишенные семы «красота», но активно используемые деятелями так называемой «индустрии красоты» в качестве маркетинговой приманки для потенциального потребителя. Таким образом, в рамках одного семантического поля реализуются два принципиально противоположных отношения к красоте – красота как личное качество (внутренняя) и красота как объект потребления (внешняя).

Именно на этих двух границах употребления понятия «красота» и связанных с ним лексических единиц англицизмы наиболее частотны и репрезентативны. Это обусловлено тем, что, так как заимствования проникают в язык вместе с новыми реалиями, требующими описания, то те сферы, в которых возникновение новых реалий более частотно будут требовать большего количества новых лексических единиц.

Так, бурное развитие косметической индустрии за последние 15–20 лет дало импульс к появлению новых терминов в этой сфере, то же самое можно сказать о сфере моды, в которой идет постоянная смена направлений, разработка новых фасонов, тканей и т. д. Что же касается образа жизни, который навязывается индустриальными монстрами от косметики, а также слов, описывающих характер и внешность людей, то эта подгруппа стала расти благодаря развитию современных коммуникационных технологий. Социальные сети и общение на уровне мгновенных электронных сообщений размывают границы между разными слоями общества, а также лингвокультурными объединениями, так определенные термины распространяются через социальные сети на английском без перевода на другие языки.

Попытки описать лексемы, заимствованные в данном тематическом блоке, уже были предприняты лингвистами, например, достаточно подробно о них писал А.И. Дьяков в рамках статьи об англицизмах обиходно-бытовой сферы [2, с. 15]. Однако мы позволим себе не согласиться с представленным в данной статье гендерным разделением употребительности тех или иных заимствований, относящихся к индустрии красоты. Например, наименования услуг, а также мест, в которых можно их получить и профессий людей, их оказывающих, могут активно использоваться и мужской частью русскоязычного сообщества, так лексемы *барбер*, *барбершоп* (от англ. barber – «мужской парикмахер» + shop – «магазин»), ставшие популярными относительно недавно, – слова, обозначающие парикмахера и парикмахерскую исключительно для мужчин. Интересно, что данная лексема вытесняет устаревшее синонимичное данному заимствование «цирюльник» (польск. *cyrulik* с греч.), так как совпадает с ним по значению в большей степени, чем с общепотребительным словом «парикмахер», также заимствованным (от ит. *La parrucca*, и нем. *Macher* – создатель париков).

Итак, к выделенной нами тематической подгруппе, относящейся к «красоте» опосредовано, но успешно продающей иллюзию обладания красотой, относятся следующие англицизмы: *антиэйджинг*, *биоревитализация*, *блондирование*, *бондинг*, *пилинг* *детокс*, *минерализация* и др.

Многие вышеперечисленные лексемы имеют нетипичный для русского языка морфологический состав, что указывает на недостаточную освоенность данных единиц русским языком. Так, лексемы *бондинг* и *пилинг*, образованные от отглагольных существительных *bonding*, *peeling*, основами

324 | которых являются английские глаголы *to bond* (связывать) и *to peel* (чистить, счищать), имеют нехарактерный для русского языка постфикс *-инг*. Им же обладает существительное *антиэйджинг*, а также образованное от него прилагательное *антиэйджинговый*, как правило, употребляемый в сочетании с лексемой «терапия». Образована данная лексема от английского отглагольного существительного с корнем *age* (возраст). Таким образом, ее прямым переводом можно считать прилагательное *антивозрастной*, которое также частотно употребляется в сфере косметических услуг и продуктов. Более того, синонимичная лексема *омолаживающий* также не вытесняет до конца лексику *антиэйджинг/ антиэйджинговый*, хотя и является значительно более частотной. В поисках причины данного явления согласимся с А.И. Дьяковым, который отметил, что «англицизмы-наименования выполняют декоративную функцию», так как многие производители находят их более привлекательными для потребителей [2, с. 9].

Лексемы *биоревитализация* и *минерализация*, несмотря на наличие в их составе более прижившегося в русском языке суффикса латинского происхождения *-ция*, являются калькированными англицизмами от лексем *biorevitalization* (инъекционная методика введения активных веществ для омоложения кожи) и *mineralization* (насыщение минеральными солями и другими элементами). Термин *минерализация* в других сферах русского языка (не связанных с тематической группой «красота») значительно более распространен и известен, например, Словарь иностранных слов русского языка 1910 года издания определяет *минерализацию* как «превращение в твердое тело, в ископаемое; образование камней и руд». Однако в отечественной индустрии красоты под минерализацией может пониматься множество разнообразных косметических услуг, например, «минерализация волос – рациональный, высокоэффективный, доступный и безопасный способ восстановить структуру волос, насытить их витаминами, аминокислотами и микроэлементами» [7].

Таким образом, мы можем отметить, что тенденция последних лет к заимствованию все большего количества слов из английского языка также отражается на семантическом значении заимствованных ранее языковых единиц.

Еще одна тематическая подгруппа англицизмов, находящаяся на одном полюсе с подгруппой терминов индустрии красоты – названия предметов одежды, а также понятия связанные с модой. Наглядным примером большого количества заимствований в данной тематической подгруппе служит данное сверхфразовое единство: «*Бридж-бренды* (англ. *bridge* – «мост») – марки в относительно недавно выделенном сегменте *фэшн-рынка*, располагающегося на стыке *прет-а-порте* и *масс-маркета*. Бренды предлагают изделия высокого качества в средней ценовой категории. Иногда к данному сегменту рынка относят *диффузные линии* и *бренды от селебрити*» [8]. В данных предложениях представлены заимствования не только из английского, но

и из французского языка (*prêt-à-porter*), однако данное заимствование нельзя назвать новым, так как оно встречается в отечественной прессе уже более 30 лет. Интересно отметить, что сложные существительные *бридж-бренд* и *масс-маркет* образованы полностью от английских корней (*brand* – марка, разновидность; *fashion* – мода; *mass-market* – рынок товаров массового спроса). Тогда как существительное *фэшн-рынок* заимствует только первую часть, синонимичная лексема «фэшн-маркет» практически не употребляется и была найдена нами только в написании «*fashion-маркет*», а также использовалась в качестве названия компании. Прилагательное *диффузный* словари иностранных слов определяют как «рассеянный (о свете)» [4]. В Современном толковом словаре русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой находим значение «неопределенный, расплывчатый, нечеткий» [3]. Эти значения не соответствуют тому, которое подразумевается в приведенной выше цитате, согласно источнику, *диффузный бренд* (диффузная линия; англ. *diffusion lines* – «линии распространения») – вторая или третья линия бренда, являющаяся переходной между премиальным и более низкими классами, а также узкофункциональная линия. Данный пример показывает, что заимствования могут дополняться новыми значениями, распространяясь из научного в публицистический стиль речи.

Наконец, рассмотрим третью подгруппу англицизмов, описывающую образ жизни и внешность человека. К этой категории можно отнести следующие заимствования: *бьютиголик*, *биохакинг*, *бодипозитив*, *селфи-культура*, *трендсеттер*, *селебрити*, *фэшиониста* и др. Эта группа заимствований особенно интересна, в связи с тем, что употребление данных лексем часто носит оценочный характер и имеет специфическую смысловую нагрузку, в зависимости от намерений коммуникантов. Одним из новейших англицизмов, набирающим большую популярность в последние несколько лет, стал термин *бодипозитив*. От него также образуется адъектив бодипозитивный, который может быть использован как характеристика явления или человека, например, *бодипозитивная модель*, *бодипозитивное движение*, *бодипозитивный показ* и др. Образована данная лексема от двух английских слов *body* (тело) + *positive* (положительный), то есть бодипозитивный – позитивно относящийся к телам, вне зависимости от их веса, роста, сложения и т.д. Однако данный новый термин начал трансформироваться в русскоязычной интернет-среде. На настоящий момент прилагательное бодипозитивный активно используется интернет-СМИ и блогерами как эвфемизм по отношению к понятию «толстый», которое считается грубым при использовании в качестве характеристики человека. Приведем несколько примеров: «Бодипозитив отстаивает право толстых людей выглядеть как им хочется»; «Нет, толстые люди не прикрываются бодипозитивом» [9]; заголовок статьи на портале *lady.tut.by* «Ты жирная, а не бодипозитивная: битва толстых и тон-

ких». Помимо эвфемизации, стоит отметить, что лексема *бодипозитив* и ее производные выполняют также функцию социального маркера. Наиболее часто данные единицы в своем первоначальном значении встречаются на сайтах таких интернет-изданий как wonderzine.com, knife.media, meduza.io [10, 11], основную аудиторию которых составляют читатели в возрасте до 35–40 лет, проживающие на территории центральной России. Однако вместе с ростом популярности изменилась и эмоциональная окраска данной лексемы, например, встречаются такие высказывания интернет-пользователей: «Привет, я бодипозитивная, у меня сахарный диабет, артрит и ишемия»; «Ты можешь любить свои 120 кг сала и быть бодипозитивной, но быть жирной и находиться в группе риска уймы заболеваний, связанных с ожирением, ты не перестанешь» [12]. В данных примерах проявляется добавочная негативная семантика – бодипозитивный = больной ожирением, не заботящийся о своем здоровье человек. Популярность термина *бодипозитив* обусловлена ростом интереса к феминизму в российском обществе, одной из задач которого является пропаганда нейтрального отношения к любому телу. Кроме того, в рамках словообразовательной системы русского языка создать благозвучный термин с похожей семантикой представляется трудновыполнимым, поэтому есть все основания полагать, что эта лексема будет активно использоваться, пока в обществе есть интерес к данному движению.

Итак, проанализировав тенденции к использованию англицизмов в тематической группе слов, относящихся к понятию «красота», мы отметили несколько особенностей их функционирования. Во-первых, данная группа англицизмов постоянно пополняется, что связано с непрерывным развитием индустрии красоты, а также развитием коммуникационных технологий. Во-вторых, англицизмы имеют свойство вытеснять более ранние заимствования, а также дополнять их новыми значениями. В-третьих, некоторые англицизмы могут выполнять прагматическо-лингвистические функции, например, выражая дополнительные оценочные оттенки значений. И наконец, многие англицизмы продолжают осваиваться русским языком и использоваться в качестве более презентабельной альтернативы исконно русской лексеме (или более раннему заимствованию).

Литература

1. Геранина И.Н. О термине «заимствование» // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2008. № 10.
2. Дьяков А.И. Особенности функционирования англицизмов тематической группы «Обиходно-бытовая лексика» // Язык и культура. 2012. № 4 (20).
3. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. – М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.

4. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний. – М.: Азбуковник, 2003.

5. Саакян Л.Н., Нгуен Тьен Динь. Неузальные способы словообразования в современном русском языке (прагмалингвистический аспект) // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом № 1, 2016. С. 64–68.

6. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А—Й. — 702 с.

7. РуКомфорт [Электронный ресурс] – URL: <https://ru-comf.ru/blogs/blog/mineralizatsiya-volos-sekretы-protsedury> (дата обращения: 25.01.2019).

8. Энциклопедия моды [Электронный ресурс] – URL: <https://wiki.wildberries.ru/glossary/%D0%B1%D1%80%D0%B8%D0%B4%D0%B6-%D0%B1%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B4> (дата обращения: 25.01.2019).

9. «Русский бодипозитив: 8 активисток о теле, дискриминации и стандартах» [Электронный ресурс] – URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/237975-feminism> (дата обращения: 25.01.2019).

10. «Тотальный бодипозитив: как не зайти слишком далеко, требуя от женского тела несовершенства» [Электронный ресурс] – URL: <https://knife.media/bodypositive-or-not/> (дата обращения: 25.01.2019).

11. «Похудей или закопают. Кому в России мешают полные люди» [Электронный ресурс] – URL: <https://meduza.io/feature/2017/04/28/pohudey-ili-zakopayut> (дата обращения: 25.01.2019).

12. Портал tut.by [Электронный ресурс] – URL: <http://talks.by/showthread.php?t=14334834&pagenumber> (дата обращения: 25.01.2019).

Klubnichkina D.A.

National Research University “Moscow Power Engineering Institute”

**PECULIARITIES OF THE FUNCTIONING OF ANGLICISMS
BELONGING TO A THEMATIC GROUP OF WORDS RELATED TO
THE CONCEPT OF BEAUTY**

The article discusses the features of the use of the latest anglicisms, thematically united by the concept of «beauty», and describes the distribution and functioning of these language units by the example of texts created by Internet users and online media.

Keywords: anglicism, borrowing, anglicism functions, recipient language.

Исследование языкового развития детей-билингвов при диагностике начальной готовности к школе

В статье представлены результаты диагностики готовности к школе детей-билингвов. Исследование проведено с 348 учениками первого класса на основе стандартизированной методики. Установлено, что дети цыганского и турецкого этносов усваивают на более низком уровне элементарные понятия, связанные с ориентацией в двухмерном пространстве, отношениями между объектами и временной последовательностью. В статье предлагаются направления для языкового развития детей дошкольного возраста и поддержки в процессе обучения в школе.

Ключевые слова: готовность к школе, двуязычные дети, билингвальный, неуспеваемость.

Значительная часть детей-билингвов при поступлении в первый класс сталкивается с затруднениями при усвоении учебного материала и даже к концу начальной образовательной ступени не достигает необходимого уровня функциональной грамотности. Результаты исследования чтения с пониманием, проведенного среди учеников-билингвов с 4 по 8 класс демонстрируют статистически значимые различия между учениками с родным языком болгарским, турецким и цыганским [11]. Существенным условием для успешного обучения является достигнутый ребенком уровень готовности к школе. Данным понятием обозначается определенный фиксированный стандарт физического, когнитивного, социального, эмоционального развития и специальной подготовки, которые должен иметь ребенок при поступлении в школу [2, с. 12], [9, с. 35]. Это дает основание для противоречивых точек зрения по поводу того, насколько эффективными являются действующие сейчас программы дошкольного воспитания в межнациональной среде, какова преемственность образовательных требований к первоклассникам и каковы эффективные подходы взаимодействия с родителями этих детей [6], [15]. В данном контексте, готовность к школе имеет несколько аспектов: готовность ребенка, готовность школы приспособиться к нуждам ребенка и опыт поступивших в нее детей, а также заинтересованность и поддержка родителей в процессе воспитания и языкового развития ребенка. Чтобы установить готовность учеников-билингвов, поступающих в первый

класс, и наметить аспекты преодоления их отставания в школе в 2017/2018 учебном году, было проведено исследование с 348 детьми из областей Варна, Добрич и Шумен. Была использована стандартизованная методика диагностики готовности к школе, разработанная Г. Бижковым и Ф. Стояновой [2]. Диагностический инструментарий включает пять субтестов, констатирующих развитие мелкой моторики, элементарных понятий, количественных представлений, умений определять образцы и осуществлять сравнение.

Полученные данные демонстрируют, что подпороговые показатели имеют результаты 28,7 % учеников. Распределение результатов по половому признаку показывает, что ниже уровня готовности к школе находятся 18,2 % девочек и 27,4 % мальчиков. Констатируются значимые различия в готовности к школе между детьми различных этносов. В исследуемой группе подпороговые показатели имеют 72,35 % учеников цыганского этноса, 28, 12 % турецкого, 15, 37 % ученики болгарского и 21, 14 % других этносов. Производит впечатление высокий процент детей цыганского этноса, которые не готовы к обучению в школе. Показатели критерия «Студент» между этой группой и учениками болгарского этноса составляют $t = 11,98$ при $tp = 3,33$ ($p < 0,001$). В качестве одной из причин более низких результатов учеников цыганского этноса представляется билингвизм [10, с. 9], [3].

В настоящей статье будут проанализированы результаты субтеста «Элементарные понятия». Целью теста является установление уровня развития пассивного словаря ребенка в связи с пространственными, количественными и временными отношениями между объектами. Прилагается болгарская адаптация теста Л. Верховена. Подобные термины используются очень часто учителями в процессе обучения с презумпцией, что они знакомы и понимаемы детьми [2, с. 49–50].

Средние арифметические показатели указывают на более низкий уровень владения элементарными понятиями детьми-билингвами. У учеников болгарского этноса ($M = 25,37$ при $SD = 1,22$) показатель близок к максимальному количеству баллов (28), в то время как у учеников цыганского этноса ($M = 14,92$, $SD = 3,75$) и турецкого этноса ($M = 17,25$, $SD = 2,27$) наблюдаются подпороговые показатели (25 баллов).

Умение ориентироваться в двухмерном пространстве и отношение между объектами устанавливается посредством заданий на употребление предлогов, местоимений, числительных и наречий. Результаты исследования демонстрируют, что это задания, в которых дети турецкого и цыганского этноса допустили большее количество ошибок. Подпороговые показатели имеют 79,3 % детей цыганского этноса, 46, 3 % детей турецкого и 5, 3 % болгарского этноса.

В турецком языке отсутствуют предлоги, синтаксические отношения между словами в предложении выражаются посредством так называемых

330 «постфиксов», которые ставятся после знаменательных частей речи. В цыганском языке предложная система передается посредством предлогов или постфиксов. Вследствие чего встречаются частые ошибки детей, связанные с пропуском предлога, неправильной заменой одного предлога другим, неправильным его местом, соединением со знаменательными частями речи [10, с. 15–20]. При решении теста 65,27 % детей цыганского этноса и 56, 23 % турецкого допустили ошибки в заданиях на употребление предлога «под» и 47,56 % цыганского и 32,4 % турецкого этноса – предлога «зад». Подобные результаты получены и в других исследованиях. Дети цыганского этноса дошкольного возраста лучше всего владеют сравнительными степенями прилагательных, менее владеют предлогами, хуже всего – качественными прилагательными [10].

Самой трудной для преодоления оказывается морфологическая интерференция. Отсутствие грамматической категории рода при именах в турецком языке затрудняет изучение болгарского языка [3, с. 56]. В турецком языке личные местоимения имеют только одну форму, а в болгарском – в третьем лице единственного числа существуют родовые формы. Личные и притяжательные местоимения в турецком языке имеют только полную форму, в болгарском – полную и краткую. Предпочтение отдается последней, но, по аналогии с турецким языком, дети-билингвы используют обычно полную форму. В болгарском языке употребляются глаголы, требующие прямого дополнения, выраженного формой винительного падежа личного местоимения. В турецком языке подобная закономерность отсутствует [4, с. 15–21]. Этим объясняются ошибки, допускаемые большинством детей в заданиях на употребление личных местоимений: «Той ги пръска с вода» (Он брызгает их водой) и «Тя го обува» (Она обувает его). Личные и притяжательные местоимения определяются правильно в среднем одной третью детей цыганского этноса.

Более половины детей цыганского этноса столкнулись со сложностью при определении слов, связанных с расположением в пространстве и направлением: «най-късо» (короче всего) «най-близо» (ближе всего), «в началото» (в начале), «в края на реда» (в конце строки), «последната дума» (последнее слово), «буквата, с която завършва думата» (буква, на которую заканчивается слово). Приблизительно половина детей обоих этнических меньшинств допустили ошибки в заданиях, где присутствуют наречия места «между», «в края» (между, в конце), местоименные наречия количества и степени «толкова», «колкото» (столько, сколько), сочетания с числительным, предлогом и наречием «едно срещу друго» «едно до друго» (один против другого, рядом друг с другом).

Предполагаем, что полученные результаты являются следствием отсутствия достаточного чувственного (эмпирического) опыта в ориентировании в пространстве. Исследования подтверждают существование определенной последовательности в усвоении «пространственной терминологии». Ранее

всего в речи ребенка появляются предлоги и наречия типа «в», «на», «около», «под», «един зад друг» (в, на, под, один за другим). Усвоение противоположных им значений таких, как «над», «зад», «между», «срещу» (над, за, между, напротив) и т.д. происходит несколько позже, на основе сравнения с первыми. Предлогами «под» и «на» дети долгое время обозначают два различных вида пространственных отношений, включающих позиции «зад» и «над» (за и над) объектами [1, с. 104–105]. В динамичной познавательной деятельности слова появляются до возникновения соответствующих смысловых узлов в семантической памяти ребенка. Е. Герганов указывает на то, что опережающее их появление ускоряет формирование познавательных структур, но игнорирование данными закономерностями, недооценка трудностей овладения ребенком пространственных отношений, отсутствие специальных программ, эпизодическая работа учителя в этом направлении значительно затрудняют детей-билингвов [5].

Как показывают данные корреляции между субтестами, самыми значимыми являются зависимости между «Элементарными понятиями», «Установлением образов» и «Сравнением» (Табл. 1). У этих субтестов есть и хорошие прогнозирующие показатели в обобщении результатов готовности детей к школе.

№	Субтест	1	2	3	4	5
1.	Мелкая моторика (ММ)	1				
2.	Элементарные понятия	,481(**)	1			
3.	Установление образов	,546(**)	,669(**)	1		
4.	Сравнение	,337(**)	,657(**)	,624(**)	1	
5.	Количественные представления	,284 (*)	,425(**)	,582(**)	,512(**)	1
6.	Обобщенный результат	,611(**)	,853(**)	,869(**)	,819(**)	,638(**)

Таблица 1. Корреляции между субтестами

(*) $p < 0,05$, (**) $p < 0,001$

В других разработках, по данным зависимости между субтестами при установлении готовности детей к школе, теснее всего ассоциированы начальные языковые и математические умения [7, с. 91].

В результате проведенного исследования можно сформулировать вывод о том, что дети цыганского и турецкого этносов усваивают на более низком уровне элементарные понятия, связанные с ориентированием в двухмерном пространстве, с отношениями между объектами и временной последовательностью. Данное состояние в развитии детской речи может спровоцировать затруднения при восприятии учебного содержания и инструкций со стороны учителя и повлиять на успеваемость учеников в процессе обучения.

Овладение грамматической основой современного болгарского языка детьми-билингвами видится в качестве продолжительного процесса, кото-

332 | рый требует постепенности и повторяемости. Болгарский язык в качестве официального литературного языка усваивается цыганами и турками преимущественно в условиях школы. При поступлении в школу значительная часть этих детей является скорее монолингвами, чем билингвами, как это предполагается. Чтобы овладеть системой второго языка, усвоить его закономерности и развить способность включать элементы болгарской языковой системы во фразы на болгарском языке, характерные для данной ситуации и предметной области, следует целенаправленно обучать детей моделированной и минимизированной речи [10], [14]. Знакомство с конкретными языковыми фактами должно осуществляться на основе эмпирического познания, а затем посредством воспроизведения слов и предложений [12], [13]. Все это требует нового учебного материала и его осмысления посредством разнообразных по содержанию и виду упражнений, направленных на развитие восприятия и коммуникативных компетенций детей [8, 62–63 с.]. В процессе обучения детей-билингвов необходимо дополнительно вводить упражнения на понимание прочитанного текста [6].

Подбор учебного содержания, использование нужных методов и форм работы, взаимодействие между учителем и родителями обеспечат создание соответствующей учебной среды и окажут влияние на речевую активность детей, что будет способствовать более эффективному усвоению лексических, фонетических, морфологических и синтаксических особенностей речи и создаст предпосылки для успешного обучения детей-билингвов в школе.

Литература

1. Ананьев, В., Е. Рыбалко. Особенности восприятия пространства у детей. – М., 1964.
2. Бижков, Г., Ф. Стоянова. Тест за диагностика на готовността на децата за училище. – С., 2004. – С. 49–50.
3. Върбанова, Р. Коригиране на устната и писмена реч на деца билингви // Български език и литература. – 2007, № 5. – 56 с.
4. Георгиева, М. Обучението по български език в условията на билингвизъм. – Ш., 2004.
5. Герганов, Е. Билингвизмът в началното образование // Начално образование. – 1994. – №7.
6. Йочева, К. Дизайн на ограмотяването. – Ш.: УИ „Еп. Константин Преславски“. – 2016.
7. Калчев, П., Готовност за обучение в училище. Тест за оценка на когнитивни аспекти. С.: Парадигма. – 2005. – 91 с.
8. Касимова, Р.Т. Формирование лексической компетенции учащихся-билингвов на основе понятийной и семантической категоризации // Дидактическая филология. – 2016. – № 1. – С. 59–65.

9. Кожухарова, П. Изоставащите ученици. Причини за затрудненията. Диагностика. Образователни стратегии. – Ш., 2008.
10. Кючуков, Х. Овладяване на трудни граматически категории в българския език от учениците билингви // Начално образование, 1998, кн. 9–10. – С. 15–20.
11. Кючуков, Хр. Четенето с разбиране в условия на билингвизъм. Сп. Български език и литература (електронна версия), 2007, № 5.
12. Лозанов, Г. Сугестопедия – десугестивно обучение. Комуникативен метод на скритите в нас резерви. – С., 2005.
13. Попова, В. Психолингвистика на развитието. Когнитивни аспекти на синтактичната компетенция. – Ш.: Унив. изд. "Еп. Константин Преславски", 2000.
14. Терзиева, М. Билингвизъм и литературно обучение. – Бургас, 2017.

Kozhuharova P. P.

Konstantin Preslavsky University of Shumen

STUDY OF THE LANGUAGE DEVELOPMENT OF THE BILINGUAL CHILDREN AT THE DIAGNOSTICS OF READINESS FOR SCHOOL

The diagnostics of bilingual children preparation to start school was made based on the standardized methodic. The study was conducted with 348 children in the first grade. The research led to the conclusion that there are considerable differences in the primary school preparation among children of Roma, Turkish and Bulgarian ethnic origin. There is a trend of late development of the bilingual children in the tests, which evaluate the forming of basic terms, quantitative concepts and awareness of comparison.

Keywords: school readiness, bilingual children, language development, low academic achievement.

Коммуникативное содержание обучения речевому общению. Язык бизнеса в китайской аудитории

Выбор темы статьи обусловлен растущей популярностью русского языка в Китае, а также интересом китайских учащихся к языку делового общения. В статье подробно рассматривается коммуникативное содержание обучения речевому общению. Приведены примеры заданий для китайских учащихся, изучающих русский язык делового общения.

Ключевые слова: общение, речевое общение, мотив, коммуникация, ситуативная позиция, язык бизнеса, деловое общение.

Сложно представить жизнь человека без общения. Человек – существо социальное, постоянно нуждается в общении. Единственным способом, с помощью которого можно удовлетворить свои потребности, является общение. Именно желание общаться становится одним из мотивов, который побуждает людей к взаимодействию. Без общения человек не сможет сделать ничего.

Совершенно достаточно напомнить, что еще в 1998 году Н.И. Формановская акцентировала внимание на том, что общение – явление сложное. Автором были выделены следующие типы общения: 1) контактно-дистантное; 2) непосредственное – опосредованное; 3) устное – письменное; 4) диалогическое – монологическое; 5) межличностное – публичное – массовое; 6) частичное – официальное; 7) свободное – стереотипное; 8) кооперативное – конфликтное; 9) речевое и текстовое общение; 10) информативное – фатическое; 11) нарративный и коммуникативный режимы речи [4: с. 19]. Н.И. Формановской был предложен коммуникативно-прагматический подход к языку, в поле зрения ученого – коммуникативный режим речи, что связано с теорией речевых актов, лингвистикой общения в целом. Мы полагаем, что практически все вышеуказанные типы общения имеют место в языке бизнеса.

Человек вступает в общение, если для этого у него есть мотив. Мотив может быть осознаваем или неосознаваем, но он связан с какими-либо ком-

понентами общения. Поэтому следует говорить, по мнению Е.И. Пассова, о коммуникативной мотивации, в основе которой лежит потребность двух видов: 1) потребность в общении как таковая; 2) потребность в совершении конкретного речевого поступка, стремление создать данную ситуацию общения речи [3: с. 20].

Оба эти вида взаимосвязаны, но не однозначны. Первый вид называют коммуникативной мотивацией, он является фоном для второго вида мотивации. Второй вид – это ситуативная мотивация, которая создает постоянную мотивационную готовность – важный фактор успешного участия в общении. Человек вступает в общение с целью сообщить или получить определенную информацию.

Так как общение является непосредственным участником совершенно разных процессов жизнедеятельности человека, соответственно и функций общения немало. Но до сих пор единого мнения у ученых нет. Обычно выделяют следующие функции: социальные, социально-психологические, информативно-коммуникативные, регуляционно-коммуникативные, познавательные, эмоциональные и воспитательные. В процессе общения все эти функции переплетаются и взаимодействуют друг с другом.

Следует сказать, что социальные функции человека регламентируют содержание и форму коммуникации. Именно социальная роль коммуниканта определяет, что и как он будет говорить. Такой вид общения как раз характерен для деловой коммуникации.

Для речевого общения главным условием является наличие двух и более собеседников (сторон), между которыми возникает потребность к определенным взаимоотношениям. Они выбирают один из трех способов общения (информационный, интеракционный, перцептивный) для дальнейшего взаимодействия. С помощью говорения, аудирования, чтения, письма, письменной речи и перевода стороны достигают своих целей.

В процессе взаимодействия сторон именно интерпретация полученной информации, которая влияет на дальнейшие взаимоотношения. В результате их взаимодействия возникает что-то новое – новые знания, мысли, чувства, новые интенции и речевые задачи. Это новое может оказывать воздействие на общающихся и определять их тактику в рамках задуманной стратегии.

Модель процесса общения, как считает Е.И. Пассова, выглядит следующим образом:

- Предмет общения – взаимоотношения общающихся;
- Единица общения – акт социального взаимодействия;
- Средства общения – вербальные и невербальные;
- Способы общения – информационный, интеракционный, перцептивный;
- Продукт общения – интерпретация информации;
- Результат общения – изменение взаимоотношений.

Чтобы возникла потребность в общении, нужна какая-то проблема, тема или предмет обсуждения, которые будут интересны каждому участнику коммуникации. Автором, с которым нельзя не согласиться, представлено 10 предметов обсуждения: 1) общественное событие; 2) поступок; 3) массовое явление; 4) спорное субъективное утверждение; 5) понятия, которые мы истолковываем по-разному; 6) объективная сентенция; 7) общественный факт; 8) факт из чьей-либо деятельности; 9) «ненормированное» поведение; 10) «ненормальное» положение [3: с. 12–13].

Ученый утверждает, неважно, что обсуждает, читает или слушает человек, он все равно столкнется с одним из выше перечисленных предметов обсуждения. Предмет говорения и есть тот мотив, который побуждает нас к речевому общению.

Как известно, прежде чем вступать в общение с другим человеком, необходимо определить свои интересы, соотнести их с интересами партнера по общению, оценить его как личность, выбрать наиболее подходящую технику и приемы общения» [2: с. 438].

Речевое общение, в первую очередь, выполняет коммуникативную функцию – передает информацию от говорящего к слушающему. Во время обучения иностранному языку, в том числе РКИ, любое общение учащегося должно выполнять определенные коммуникативные функции: говорящий должен осознавать, о чем и для чего он говорит, с учетом этого он должен правильно построить свою речь. А собеседник должен уловить задачу говорящего, не только правильно, но и вовремя отреагировать. Соответственно коммуникативную задачу говорящего собеседник сможет понять, если общение будет доступным по содержанию и форме.

Для речевого общения характерно наличие ситуации общения. Чтобы возник акт общения, необходима ситуация, которая подтолкнет участников общения к обмену мыслями.

Е.И. Пассов вводит термин «ситуативная позиция», как основа создания ситуации речевого общения. Он называет 22 компонента ситуативной позиции, которые являются элементами реального общения. Например, вид деятельности, область деятельности, форма деятельности, предмет обсуждения, нравственные отношения и т.д. [3: с. 56].

Как пишет Т.А. Чеботникова: «Речевое общение напрямую зависит от коммуникативной ситуации и обуславливается ей. Определенность ситуации общения и адекватное понимание ее участниками и есть одно из условий успешности общения» [5: С. 76].

Нами выделяются три аспекта ситуативности: 1) функциональная сторона речи (наличие в произносимых фразах речевой задачи, цели высказывания); 2) ситуативная отнесенность фраз, т.е. их соотнесенность с системой взаимоотношений собеседников; 3) идентичность логического, смыслового контакта,

создаваемого фразой. Ситуация может определить речевое поведение как говорящего, так и слушающего в пределах одного акта общения. В зависимости от ситуации один и тот же человек может вести себя по-разному [1: с. 52].

В учебном процессе возможны варианты развития взаимоотношений общающихся через создание и организацию комплексов ситуативных позиций. При установлении взаимосвязей компонентов ситуативных позиций с определенными типами ситуаций можно создавать предсказуемые взаимоотношения субъектов речевого общения и строить процесс обучения как процесс реального общения.

Кратко охарактеризовав коммуникативное содержание обучения речевому общению, остановимся на следующем важном аспекте: ведение бизнеса иностранцев в России является одной из причин изучения русского языка. Предмет «Русский язык делового общения» пользуется большим спросом среди иностранцев, особенно среди китайских учащихся. Как известно, Россию и Китай в настоящее время объединяют политические, культурные и экономические связи. Возрастает количество китайских бизнесменов, желающих общаться с партнерами из России на русском языке.

Деловое общение является самым востребованным и необходимым видом речевого общения: организация производства, жизнь трудового коллектива, заключение разного рода сделок, договоров, оформление документов и т. д. – все это давно стало неотъемлемой частью нашей жизни.

Следует сказать, что в Китае изданы учебники, содержащие материалы по языку бизнеса на русском языке: Юйпин Чжан (张玉萍) И.В. Родина, Т.Е. Лишманова «Русский язык для делового общения. Развитие устной речи» (经贸俄汉口语). – Пекин, 2015; «Курс делового общения» (商务交际俄语教程) под редакцией Ся Мэна (孟霞) и Н.Ю. Царевой. – Пекин, 2016.

Мы считаем, что обучение деловому общению невозможно представить без опоры на знания о стране изучаемого языка. В учебнике «Русский язык для делового общения. Развитие устной речи» много лексики, которая связана с китайскими реалиями. Например, Кантонская ярмарка, Торгово-промышленный банк Китая, министерство коммерции КНР, Китайская национальная комиссия развития и реформ и т.д. Однако практически отсутствует лингвострановедческая лексика, которая необходима для ведения бизнеса в России. Основываясь на анализе изучаемой лексики и содержании диалогов урока, мы можем сделать вывод, что, скорее всего, этот учебник написан для тех, кто собирается работать с русскими клиентами на территории Китая.

Как показывает анализ учебника «Курс делового общения», в нем достаточно не только профессиональной лексики, но и той лексики, которая соответствует реалиям России. Этот учебник не только научит языку делового общения, но и познакомит с особенностями деловой жизни России. Эти знания необходимы и китайскому бизнесмену, который хочет установить

338 | сотрудничество с Россией, и китайскому переводчику, который будет работать на переговорах между русскими и китайскими бизнесменами.

Мы, как преподаватели-практики, заинтересованы в том, чтобы разрабатывать упражнения с учетом родного языка учащихся в дополнение к существующим учебным материалам по деловому общению, ориентированных на китайскую аудиторию.

Приведем некоторые примеры.

Языковые упражнения.

Задание. Образуйте по аналогии с образцом.

仿照例子造词。

Образец: крупный – крупнейший

Видный, важный, богатый, новый, старый, известный.

Составьте словосочетания с существительными: фирма, компания, производитель, предприятие, экспортер, импортер

Образец: крупнейший – крупнейшая компания

Упражнения на перевод.

Задание. Переведите словосочетания на китайский язык.

用汉语翻译一下。

1. вести коммерческие переговоры;
2. делать бизнес;
3. привлекать клиентов;
4. деловые контакты;
5. деловые связи

Задание. Переведите словосочетания на русский язык.

用俄文翻译一下。

1. 私有企业
2. 广交会
3. 销量好
4. 现代化的企业
5. 环保合成材料

Речевые упражнения.

Задание. Подготовьте выступление про китайскую или российскую компанию по следующему плану:

- чем занимается?
- когда была создана?
- кем была создана?
- с кем сотрудничает?
- в каких проектах участвует?
- выберите компанию, с которой могла бы сотрудничать фирма, которую Вы представляете.

Задание. Разыграйте ситуацию.

Вы коммерческий директор китайской компании «Сяоми», вы хотите начать сотрудничать с российским сотовым оператором и звоните в «МегаФон», чтобы установить деловые отношения. В телефонном разговоре необходимо: представиться, сказать, с кем вы хотели поговорить, сообщить цель звонка, предложить встретиться и обсудить возможности сотрудничества.

Подводя итоги, мы можем резюмировать: включение современных российских реалий бизнес-коммуникации в учебные материалы по языку делового общения с опорой на родной язык учащихся способно активизировать процесс обучения в китайской аудитории.

Литература

1. Конева Н.Н. Методические основы обучения аудированию деловых людей в сфере профессионального общения (В условиях ограниченного использования русской речевой среды). Дис. канд. пед. наук. – М., 2001. – 294 с.
2. Немов Р.С. Общие основы психологии. Книга 1. – М.: Просвещение. Владос, 1994. – 571 с.
3. Пассов, Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. – М.: Русский язык. – 1989. – 277 с.
4. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц обучения. – М.: 1998. – 292 с.
5. Чеботникова Т.А. Речевое общение как предмет и объект изучения. Вестник Оренбургского государственного университета. – Оренбург, 2005. – С. 75–79.
6. Юйпин Чжан (张玉萍) И.В Родина., Т.Е.Лишманова. Русский язык для делового общения. Развитие устной речи (经贸俄汉口语). – Пекин.: 2015. – 270 с.
7. Курс делового общения (商务交际俄语教程) / под редакцией Ся Мэна (孟霞) и Н.Ю. Царевой. – Пекин: 2016. – 308 с.

Koneva N.N.

Pushkin state Institute of Russian language

Zhigulskaya D.A.

Moscow state University

COMMUNICATIVE CONTENT OF TEACHING SPEECH COMMUNICATION. THE LANGUAGE OF BUSINESS IN THE CHINESE AUDIENCE

The choice of the topic of the article is stipulated by the growing popularity of the Russian language in China and due to the interest of Chinese students in Russian business language. The article describes communicative content of speech communication. There are examples of exercises for Chinese students.

Keywords: communication, speech communication, motive, communication, situational position, language of business, business communication.

Временное и вечное в стихотворении Б. Л. Пастернака «Бальзак»

Исследуются средства словесной объективации темпоральных смыслов в стихотворении Б.Л. Пастернака «Бальзак» (1927 год). Показывается, что темпоральные образы актуализируются в языке посредством индивидуально-авторских метафор, окказиональных метонимических ассоциаций, контекстуально переосмысленных фразеологических оборотов библейского истока.

Ключевые слова: время, вечность, Б.Л. Пастернак, «Бальзак».

Цель настоящей статьи состоит в исследовании особенностей актуализации временных и вневременных смыслов в стихотворении Б.Л. Пастернака «Бальзак».

Начальные строфы символически характеризуют художественную реальность романов О. де Бальзака (1799–1850) – это образ мира, всецело погруженного во время:

Париж в золотых тельцах, в дельцах,
В дождях, как мщенье, долгожданных.
По улицам летит пыльца.
Разгневанно цветут каштаны.

Стихотворение начинается с библейской аллюзии – «Париж в золотых тельцах». Источником ее является 32 глава ветхозаветной книги Исхода, повествующая об отступлении израильского народа от Бога: «Когда народ увидел, что Моисей долго не сходит с горы, то собрался к Аарону и сказал ему: встань и сделай нам бога, который бы шел перед нами <...> И весь народ вынул золотые серьги из ушей своих и принесли к Аарону. Он взял их из рук их и сделал из них литого тельца, и обделал его резцом. И сказали они: вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской!» (Исх. 32: 1, 3–4). Ветхозаветная аллюзия служит «тематическим ключом» (термин Р. Пиккио) [2], который переключает повествование из предметного в иносказательный уровень, соотнося образы романов О. де Бальзака с вневременными нравственными идеалами Священного Писания. Содержащаяся в сочетании в золотых тельцах имплицитная отсылка к заповеди «Не сотвори себе кумира» (Исх. 20: 4) указывает на Декалог – систему аксиологических координат, в которой мыслит и от которой отталкивается в своем изображении пороков современного ему общества О. де Бальзак.

Максимальная временная обобщенность, присущая образу Парижа в начальном номинативном предложении, оттеняет его типичность, «всевременность»: то, что произошло с народом израильским, происходит вновь и вновь в Париже О. де Бальзака. «Париж в золотых тельцах» являет собой собирательный образ языческого мира, отступившего от Бога и забывшего о вечности. Форма множественного числа – *в тельцах* – подчеркивает многоликость страстей, господствующих в сердцах людей, забывших Бога.

Второе из череды однородных определений – *в дельцах* – именует главных действующих лиц романов О. де Бальзака. Максимально созвучное сочетанию *в тельцах*, оно уточняет этот ветхозаветный образ, метонимически указывая на богатство как главный фетиш эпохи. Предлог *в*, традиционно употребляемый для описания внешнего вида (напр., *в шелках*), реализует значение множественности, подчеркивая, что ростовщики, банкиры, нотариусы и стряпчие «слишком уж многочисленны в бальзаковском мире» (Б. Брюнетьер). Присущее предлогу *в* значение состояния (напр., *в раздумье*) преломляется как значение всеобщности, подчеркивая всепроникающий характер таких пороков, как алчность и корыстолюбие.

Определение второго стиха – *в дождях* – противопоставляет прагматизму городской цивилизации естественность природного мира. Антитеза этих двух миров – мира людей и мира природы – структурно объединяет третий и четвертый стихи первой строфы. Эмоциональная нейтральность узкозначного термина *пыльца* («По городу летит пыльца»), отражающая равнодушное, урбанистическое восприятие бытия, контрастирует здесь с экспрессивной насыщенностью оксюморона «Разгневанно цветут каштаны». Определение *разгневанно* служит отсылкой к аллюзивному пространству прецедентного ветхозаветного текста начального стиха, точнее, к его посттексту – библейскому повествованию о праведном гневном пророка Моисея на поклонявшихся золотому тельцу израильтян: «Когда же он приблизился к стану и увидел тельца и пляски, тогда он воспламенился гневом и бросил из рук своих скрижали и разбил их под горою; и взял тельца, которого они сделали, и сжег его в огне» (Исх. 32: 19–20).

Во второй строфе идея всепроникающей жажды обогащения находит свое зримое воплощение в картине непрестанной гонки:

Жара покрыла лошадей
И шелканье бичей глазурью
И, как горох на решете,
Дрожит в оконной амбразуре.

Метонимически указывающий на быстрый, долгий бег образ взмыленных, покрытых соленой испариной (глазурью) лошадей актуализирует идеи погони, соревнования-соперничества, спешки. Сочетание *шелканье бичей*, воспроизводящее звуковой облик большого города, оттеняет грубость, жесто-

342 | кость нравов. В третьем стихе уподобление как горох на решете привносит ассоциации с гадалщиками, выманивавшими деньги у публики предсказыванием будущего по расположению разноцветных зерен гороха, высыпаемых в решето и затем встряхиваемых. Это сравнение, этимологически тождественное присказке *чудеса в решете*, обозначает нечто ложное и несурзное, наводя на мысль об бесплодности погони за богатством. «Военная» метафора в *оконной амбразуре* усиливает резкость звучания строфы, подчеркивая враждебность наполненного суетой и противостоянием мира. Она указывает на исторический подтекст творчества О. де Бальзака, ставшего очевидцем падения Наполеона, Реставрации, революций 1830 и 1848 годов.

Мотив гонки конкретизируется в третьей строфе, где *тильбюри* («открытая двухколесная карета, легкая и быстрая в передвижении») становится символом всецелой погруженности в настоящее:

Беспечно мчатся тильбюри.
Своя довлеет злоба дневи.
До завтрашней ли им зари?
Разгневанно цветут деревья.

Смещенный эпитет *беспечно*, вынесенный в сильную позицию начала строфы («Беспечно мчатся тильбюри»), актуализирует идею бездумной жизни. Эта мысль раскрывается во втором стихе «Своя довлеет злоба дневи», представляющем собой инвертированный вариант евангельского изречения: «Довлеет дневи злоба его» (Мф. 6: 34). В словесной ткани Нагорной проповеди (V–VII главы Евангелия от Матфея) это высказывание выступает смысловым завершением предыдущих стихов: ц.-сл. *Ищите же прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам. Не пецйтесь убо на утрей, утрений бо собою печется* (Мф. 6: 33–34). Синкретичное наречие времени и порядка прежде намечает ценностные ориентиры традиционной аксиологической шкалы, структурирующей восприятие бытия. Вынесенный в сильную начальную позицию глагол меры – *Довлеет* (рус. «Довольно, достаточно») – оттеняет ограниченный, конечный характер забот о материальном благосостоянии, указывая на их вторичное, подчиненное место в системе евангельских ценностей. Временное, метонимически обозначаемое собирательным существительным *злоба*, подчинено вневременному, вечному, именуемому сочетанием *Царствие Небесное*.

В словах *Довлеет дневи злоба его* (Мф. 6: 34) существительное *злоба* выступает аналогом многозначной греческой лексемы *κακία* («испорченность; порок; бедствие»), именующей различные проявления зла как отрицательной, противоестественной силы. В анализируемом контексте лексема *злоба* употребляется в метонимическом значении «заботы, неотложного дела». Предельно обобщенно именуя тяготы и невзгоды жизни, способные «озлобить и сокрушить» [3, с. 187], она подчеркивает противо-природный, в «небытие»

устремленный характер чрезмерного беспокойства о потребностях телесных, житейских, бытовых.

В стихотворении Б.Л. Пастернака евангельская цитата трансформируется. Инверсия помещает в акцентированную позицию возвратно-притяжательное местоимение *свой* («собственный»), вследствие чего все изречение начинает актуализировать уже иной, не евангельский императив – «не думать о будущем». Ограниченность временного горизонта пространством настоящей минуты подчеркивается звучащим как отрицание риторическим вопросом следующего стиха «До завтрашней ли им зари?». Его образный строй отсылает к начальной части 34 стиха VI главы Евангелия от Матфея в русскоязычном, Синодальном переводе: «Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем» (Мф. 6: 34). Если Евангелие предостерегает от излишнего беспокойства о будущем (завтрашнем дне), то в стихотворении акценты смещаются: будущее нивелируется, вытесняемое мгновением «здесь и сейчас».

В IV–IX строфах стихотворения предметом поэтической рефлексии Б.Л. Пастернака становится образ самого Бальзака – как писателя (IV–VI строфы) и как личности (VII–IX строфы). С особой силой эксплицируется вводимая в IV строфе идея несвободы:

А их заложник и должник,
Куда он скрылся? Ах, алхимик!
Он, как над книгами, поник
Над переулками глухими.

Слова *заложник* и *должник*, объединенные аллитерацией группы *-[ол]жник*, выражают общее значение физической и(ли) материальной зависимости. Указывая на противоположные причины утраты свободы – личную волю (должник) и внешнее принуждение (заложник), эти контекстуальные синонимы передают мысль о чрезвычайной, всецелой привязанности писателя к миру. Во втором стихе мотив несвободы усиливается метафорическим именем *алхимик*. Отсылая к способности О. де Бальзака предельно точно воплощать на страницах своих произведений воображаемую им действительность, слово *алхимик* одновременно указывает и на страстную увлеченность, и на упорный труд, и на конечную безрезультатность титанических усилий писателя создать «историю нравов». Актуализируя идею отступления от Бога в поисках таинственного «философского камня», способного превращать неблагородные металлы в золото, это слово метонимически отсылает к *златым тельцам* – библейской аллюзии начальной строфы.

В этой строфе, построенной в форме автодиалога, слышится голос самого Б.Л. Пастернака: вздох сожаления, эксплицитно выраженный междометием *Ах!*, повторяется в созвучиях *-ах-* / *-их-* в трех стихах строфы (А их, алхимик, глухими).

344 | Смысловым центром всего стихотворения «Бальзак» становится заключительная десятая строфа, которая сообщает тексту вневременное измерение:

Когда, когда ж, утерши пот

И сушь кофейную отвеяв,

Он оградится от забот

Шестой главою от Матфея?

Десятая строфа представляет собой риторический вопрос – эмфатическое утверждение, эксплицирующее пресуппозицию, которая лежит в основе авторского видения мира Б.Л. Пастернака. Двойной повтор вопросительного слова *когда* и усилительно-выделительная частица *ж* («Когда, когда ж...») отражают здесь недоумение поэта по поводу того, что приходится говорить об известном, очевидном.

Существительное *пот*, реализующее метонимическое значение изнурительного труда, отсылает к ветхозаветному повествованию об изгнании Адама из рая: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3: 19). В этом контексте деепричастие *утерши пот* можно рассматривать как указание на открывающуюся в Новом Завете возможность преодоления отрицательной детерминированности труда – последствия отпадения первого человека от Бога.

Деепричастие второго стиха – «И сушь кофейную отвеяв» – реализует несколько взаимосвязанных смыслов. Определение *кофейный* в буквальном прочтении напоминает о привычке О. де Бальзака пить крепкий кофе во время напряженной работы, продолжавшейся, как правило, с полуночи до рассвета. В идиолекте Б.Л. Пастернака *сухость* (*сушь*) как отсутствие воды тождественно отсутствию вдохновения. Созвучие окказионализма кофейная сушь устойчивому выражению *кофейная гуща* (ср. гадать на кофейной гуще) привносит мысль об иллюзорности надежд писателя на временный, преходящий мир как единственный источник вдохновения. Глагол *отвеять* (напр., отвеять мякину от зерна) актуализирует иносказательное значение «отделять подлинное от ложного, значимое от ничтожного». Насыщенный ассоциативными смыслами, второй стих строфы звучит как призыв к преодолению всецелой увлеченности земным и временным для обретения свободы творчества.

Пресуппозиция, свидетельствующая об источнике этой свободы, формулируется Б.Л. Пастернаком в виде интертекстуального включения последних стихов: «[Когда, когда ж] Он оградится от забот / Шестой главою от Матфея?». Эллиптическое имя первого из четырех канонических Евангелий – «от Матфея» – актуализирует мысль об основании той «необъятной надежды» [1], которая пронизывает заключительную строфу стихотворения. Точное указание границ прецедентного евангельского текста – шестая глава – не

случайно. В шестой главе Евангелия от Матфея содержится часть Нагорной проповеди, в которой дается совершенный образец молитвы («Отче наш...»). Имеющая своим предметом Бога как «единственный источник жизни, и всякого благобытия, и блаженства, и смысла, и цели всего существующего», эта молитва отвлекает «от земли, отрывает от привязанности к ней и от многозаботливости» [1, с. 11–13], противопоставляя беспокойным и томительным поискам благ временных веру в промыслительное попечение всеведущего и всемогущего Отца.

Анализ стихотворения Б.Л. Пастернака «Бальзак» позволяет заключить, что в нем эксплицируются два темпоральных плана. Это время, ограниченное кратким пространством настоящего, моментом «здесь и сейчас», и вечность, в которой преодолевается трагическая детерминированность земного мира и открывается телеологическая перспектива человеческого бытия. «Тематическим ключом» к пониманию авторских особенностей категоризации темпорального опыта становятся аллюзии на прецедентные тексты Священного Писания.

Литература

1. Митрополит Вениамин (Федченков). Молитва Господня. Из творений митрополита Вениамина (Федченкова). – Издательство «Родник», 1998. – 224 с.
2. Пиккио, Рикардо. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. – М.: Знак, 2003. – 720 с.
3. Святитель Иоанн Златоуст. Год со святителем Иоанном Златоустом / Сост. Н. Малахова. – М.: Московское подворье Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 2013. – 400 с.

Konnova M.N.

Immanuel Kant Baltic Federal University

TIME AND ETERNITY IN BORIS PASTERNAK'S "BALZAC"

The article focuses upon lexical and textual means of expressing opposed notions of time and eternity in Boris Pasternak's "Balzac". We prove that temporal and atemporal meanings are objectified in vivid metaphors and striking metonymic associations as well as contextually modified phraseological expressions of Biblical origin.

Keywords: time, eternity, Boris Pasternak, "Balzac".

Исторический обзор роли русского языка в Турецкой Республике

Данная статья называет основные причины появления интереса к русскому языку в Турецкой Республике. Дается исторический обзор роли русского языка в турецком обществе с установления политико-экономических отношений между странами в XV веке до 80-х годов XX века. Особое внимание уделяется русско-турецким переводам: в статье указываются первые подобные работы и раскрываются основные этапы развития этого направления.

Ключевые слова: русский язык, Турция, русско-турецкий перевод.

Российская Федерация и Турецкая Республика являются геополитическими соседями, что определяет их неизбежное историческое взаимодействие и противостояние, названное одним из исследователей «беспокойным соседством» [2, с. 5]. Первое письменное упоминание о связи Руси и Османской Империи принадлежит концу XV века (послание князя Ивана III султану Баязету II по решению вопроса морских торговых споров). Официальные же русско-турецкие отношения были установлены в 1701-м году, т. е. более трех веков назад, когда в Константинополе открылось российское посольство [5].

С первых лет политической связи до начала XIX века Российская и Османская Империи поддерживали отношения через греков, армян и иудеев, проживающих на территории Турции, которые выступали в роли как дельцов, так и переводчиков. Интересный факт: при осуществлении перевода упомянутые люди по определенным причинам иногда совершали умышленные искажения смысла документов. Это, в частности, явилось одной из причин введения изучения русского языка в светской школе Турции в XVIII веке. Русский язык изучался также в некоторых религиозных заведениях, например, в медресе «Иптида-и Дахиль и Сахн» [3, с. 114].

Другой весомой причиной для начала изучения русского языка в Турции были военные конфликты. Довольно длительный период, между XVI и XIX веками, характеризовался обостренными отношениями между Российской и Османской империями, о чем свидетельствовали двенадцать разразившихся русско-турецких войн. В XIX веке русский язык был введен в обязательную программу изучения для слушателей военных училищ. [1, с. 55].

Однако интерес к русскому языку диктовался не только политической и военной необходимостью. В XIX веке начался период трансформации традиционного восточного общества к более современному укладу путем

приобщения к западным ценностям. Французская, английская и русская культуры были приняты за образец. Интерес к европейским ценностям повлиял, прежде всего, на увеличение количества визитов турецкой интеллигенции за рубеж. Стали активно печататься материалы о культурной и социальной жизни других стран и выполняться переводы художественной литературы и публицистики на турецкий язык. В XIX веке в Турции было открыто Государственное бюро переводов.

Первым документально зарегистрированным переведенным и опубликованным в Турции произведением русской классики стала комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» в 1884-ом году. Пьеса была с воодушевлением встречена турецкой интеллигенцией, так как содержала в себе мысль о борьбе нового и старого строя, такую близкую по духу настроениям в Турции того времени. Что примечательно, комедия была переложена на турецкий язык с языка-оригинала, в то время как основной корпус русских произведений вплоть до середины XX века переводился с языка-посредника, что снижало достоверность мысли и индивидуальность слога. Этот феномен стал возможным благодаря происхождению переводчика «Горе от ума» М. Мурада (1853–1917 годы). Он родился в Дагестане и проходил обучение в Севастополе, поэтому в совершенстве владел русским языком. Иммигрировав в возрасте двадцати лет в Турцию, он построил там свою карьеру филолога, уделяя внимание, среди прочих работ, русско-турецким переводам.

Первым поэтическим произведением, переведенным с русского на турецкий язык, стало опубликованное 14-го апреля 1887-го года в газете «Мизан» стихотворение М.Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...». Однако стихотворение было определенным образом отредактировано и не полностью отражало оригинал. К первому переведенному прозаическому произведению можно отнести рассказ «Старый дед и внук» Л.Н. Толстого (переводчик Р. Вахьи, 1891-й год).

Значительную роль в распространении русского языка в конце XIX века сыграла востоковед Лебедева О.С., которая знала в совершенстве турецкий, персидский и арабский языки. Свои работы она выполняла под турецким псевдонимом Гюльнар Ханым («Мадам Гюльнар»), что было связано, скорее всего, с цензурными трудностями. Переводы О.С. Лебедевой печатались как в местных газетах (например, «Терджуманы Хакикат»), так и отдельными изданиями. К перу переводчика относятся повести А.С. Пушкина («Метель» в 1891-м году и «Пиковая Дама» в 1893-м году), проза Л.Н. Толстого («Семейное счастье», «Два старика» в 1893-ем году и др.), а также ее собственные монографии о жизни и творчестве этих писателей, а также книга по истории русской литературы (первый подобный труд на турецком языке). По возвращении на родину О.С. Лебедева организовала Востоковедческое общество, открытие которого состоялось в 1900-м году.

В 1923-м году в Турции было провозглашено республиканское правление, приведшее к падению халифата. Именно в этот период значительно возрос интерес турецкого общества к жизни другого молодого государства – РСФСР. В 1921-м году было подписано соглашение «О дружбе и братстве» между Турцией и Советским Союзом. Начиная с 1920-ых годов, в турецкой периодике печатались множественные статьи о жизни и культуре Советского государства, о народном образовании в СССР. По просьбе Турции, направленной Всесоюзному обществу культурных связей с заграницей, был получен большой объем советской педагогической литературы. Также Турция организовывала делегации в СССР для ознакомления с делом народного образования.

Знание русской классики стало обязательным атрибутом образованного человека в Турции в первой половине XX века. Турецкие писатели посещали Советский Союз, что находило свое отражение в их дальнейшем творчестве. Русские классические произведения оказывали значительное влияние на турецкую литературу. Например, турецкий филолог Э. Гюней провел анализ влияния русской драмы на турецкую и назвал шесть русских пьес («Недоросль» Д.И. Фонвизина (пер. Н.Я. Талуй), «Ревизор» Н.В. Гоголя (пер. Э. Гюней и М.Д. Андай) и «Чайка» (пер. Н.Я. Талуй и К. Кая), «Три сестры» (пер. Эдиз), «Дядя Ваня» (пер. Г. Гюней), «Вишневый сад» (пер. Э.Г. и Ш.С. Ильтер) А.П. Чехова), нашедших наибольшее отражение в творчестве турецких коллег: «Все они глубоко воздействовали на турецкое театральное искусство и, указывая на правильный путь, способствовали его стремительному развитию» [4, с. 338].

В первой половине XX века переводы русской классики на турецкий язык значительно увеличились в объемах. Советскими и турецкими переводчиками осуществлялись совместные работы как на русском, так и на турецком языках. Стоит заметить, что отбор художественных произведений для перевода в период с конца XIX века до 30-х годов XX века не имел систематического характера. Государственный заказ не просматривался. Произведения отбирались по личным эстетическим или политическим предпочтениям лингвистов-переводчиков. Существовала и проблема неточности перевода. Так, некоторые статьи в журнале «Терджюме» указывали на «недобросовестность» отдельных переводчиков, которые допускали в своих работах вольности, адаптации, неточности, пользовались языками-посредниками или переводами с русского на западные языки, что сказывалось на качестве перевода и порождало значительное искажение по сравнению с оригинальными текстами.

К середине XX века было найдено решение: ситуация была поставлена под государственный контроль. Уже последующее десятилетие после публикации серии упомянутых критических статей появились образцы блестящего перевода литературных произведений с русского на турецкий язык, ставшие

и остающиеся классикой на территории Турции. К 70-м годам формируется целая когорта профессиональных филологов-русистов, выпускников кафедры русского языка и литературы Анкарского университета, открытой в 1936-м году (магистерская программа по соответствующему направлению появилась в 1940-м году, а докторантура – в 1971-м). Были учреждены профессиональные сообщества переводчиков высшей квалификации. В 1953 году были изданы турецко-русский и русско-турецкий словари военных терминов. К самым видным специалистам переводческого дела того времени можно отнести имена Х. А. Эдиза (1904–1972), Н.Я. Талуя (1900–1968), З. Баштымара (1905–1973) и некоторых др.

Новая волна интереса к жизни и литературе СССР обозначилась в конце 60-х годов. Прогрессивно настроенная молодежь придерживалась демократических, а порой и революционных взглядов. В этот период переиздавались старые и новые переводы русских классических произведений и делались переводы новейшей литературы (Р.Г. Гамзатова, Ч.Т. Айтматова, Е.А. Евтушенко, А.А. Вознесенского, и др.). В период 1940–1980-х годов среди русских писателей были впервые или повторно переведены А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.И. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, М. Горький, М.А. Шолохов, С.А. Есенин, В.В. Маяковский, Б.Л. Пастернак, В.С. Гроссман и др.

Уверенно можно сказать, что в XX веке русская литература, русский язык занимали весьма значительное место в культурном пространстве Турции.

Литература

1. Гюлер А., Акгюль С. Военные школы в истории Турции. – Анкара, 1999.
2. Стародубцев И.И. Россия-Турция: 500 лет беспокойного соседства. – М.: Эксмо, 2017. – 300 с.
3. Эргин О. История народного просвещения Турции. – Стамбул, 1939. – Т. 1.
4. Güney, E. Rus klasikleri // Tercüme. – Istanbul, 1946. – № 28.
5. История российско-турецких отношений // Генеральное консульство Российской Федерации в Стамбуле – URL: <https://istanbul.mid.ru/aktual-naa-informacia-o-rossijsko-tureckih-otnoseniah/> (дата обращения: 20.02.2019).

Konovalova L.P.

Yasar University, Izmir, Turkey

HISTORICAL REVIEW OF THE ROLE OF RUSSIAN LANGUAGE IN TURKISH REPUBLIC

This article lists the main reasons for the appearance of interest to Russian language in Turkish Republic. The historical review of the role of Russian language in Turkish society from the setting of the political and economical relationships between the countries in XV century till the 80-th of the XX century is given. Special attention is paid to the Russian-Turkish translations: the first works of this type are shown and the main stages of the development of this field are described.

Keywords: Russian language, Turkey, Russian-Turkish translation.

Читательское восприятие нравственной проблематики художественных произведений

Статья содержит обзор ряда исследований, посвященных вопросам восприятия нравственной проблематики художественных произведений.

Ключевые слова: читательское восприятие нравственной позиции автора, нравственная проблематика художественных произведений.

Восприятие читателем нравственной проблематики художественных произведений связано с двумя взаимосвязанными явлениями: влиянием нравственных интенций автора, с одной стороны, и самостоятельностью читательского сознания – с другой.

Еще в XIX веке А.А. Потебня отмечал такую особенность читательского восприятия, как самостоятельное развитие идеи автора в творческом сознании читателя [6:182–182]. Ученый также писал о том, что читатель может постичь идею произведения даже лучше самого автора.

Эти взгляды А.А. Потебни нашли продолжение в трудах Д.Н. Овсяннико-Куликовского, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.М. Шкловского, В.М. Жирмунского, В. Изера, Х.-Р. Яусса и др.

В 20-е гг. XX века А.И. Белецкий, рассматривая вопрос самостоятельности читательского сознания, отмечал, что читатель так же, как и автор – носитель понимания идей произведения [2].

В 60-х гг. XX века идеи о самостоятельности творческого сознания читателя легли в основу в определенной степени провокационной концепции французского литературоведа Р. Барта о «смерти автора». Эта концепция связана с утверждениями Барта о исчезновении «мифа о писателе как о носителе ценностей», а также о том, что истинную власть над произведением имеет воспринимающий это произведение читатель [1]. Концепция Барта верна в той своей части, что автор не является «владельцем» глобальных смыслов и ценностей произведения, но с другой стороны, бесспорно то, что именно живой автор создает образ, в котором воплощены смыслы и ценности произведения. Об образе, созданном автором, писал, в частности, М. Фрайзе [9, с. 25].

А.М. Левидов отметил, что созданный автором художественный образ – точка соприкосновения автора и читателя, начало их диалога: «Автор – образ –

читатель – единая система, в центре которой находится художественный образ, важнейшая промежуточная “инстанция” в общении читателя с автором, когда он читает, автора с читателем, когда он творит. Именно здесь – в художественном образе – встречаются их творческие пути» [5, с. 326].

Таким образом, бесспорно, что, «читателя все же ведет автор». (А.П. Скафтымов) [7, с. 142] Ведет, передавая свои представления, смыслы и идеи.

Искусство, писал В.Ф. Волков, «передает человеку в процессе его общения с художественным произведением внутреннюю духовно-эмоциональную направленность художественного содержания, его пафос. Непосредственно при восприятии произведений литературы это проявляется в том, что читатель заражается авторской ненавистью к одному герою, любовью – к другому, старается, особенно в ранней юности, во всем походить на своего любимого героя» [3, с. 67]. И далее: «Воспринимая конкретное содержание художественного произведения, человек непосредственно «заражается» и той общественной позицией, которую занял художник в процессе творческого освоения жизни» [3, с. 67].

И.Ф. Волков отмечал, что произведение создается на основе принципов «расширенного воспроизведения духовно-практического опыта» [3, с. 67] автора. И эти принципы, воспринятые читателем, по мысли ученого, оказывают влияние на принципы его деятельности, направленной на совершенствование окружающей его действительности и на самосовершенствование.

Особое место в литературоведении занимает вопрос читательской интерпретации художественного произведения, то есть постижения читателем смысла произведения (и в том числе нравственной проблематики). По А.Б. Есину, читательская интерпретация основывается на впечатлении и понимании прочитанного произведения, при этом «часто оставаясь в виде переживания, настроения, чувства» [4, с. 164]. Читательская интерпретация произведения – это всегда «лично пережитое» [4, с. 165].

В.Е. Хализев указал на очень важный аспект вопроса читательского восприятия: «Непосредственные импульсы и разум читателя соотносятся с творческой волей автора произведения весьма непросто. Здесь имеют место и зависимость воспринимающего субъекта от художника-творца, и самостоятельность первого по отношению ко второму» [10, с. 112].

И это соотношение определяет то, что художественное произведение, для читателя, по В.Е. Хализеву, «одновременно и «вместилище» определенного круга чувств и мыслей, принадлежащих автору и им выражаемых, и «возбудитель» (стимулятор) его собственной духовной инициативы и энергии» [10, с. 113].

Изучению вопросов, связанных с темой читателя-реципиента, или адресата, посвящена возникшая в 70-х гг. XX в. Германии рецептивная эстетика. В рамках исследований этой научной школы развилась теория восприятия,

352 | основанная на мысли о том, что в центре произведения находится читатель-адресат, к которому обращено творчество автора. Иными словами, художественное произведение – это послание автора читателю. В этом послании заложен определенный потенциал, который творчески осваивается адресатом. Читательские рецепции способствуют развитию идей, являющихся основой художественного произведения. В рамках рецептивной эстетики Х.-Р. Яуссом и В. Изером, была разработана теория о том, что литературное произведение не имеет смысла, если оно не прочитано читателем. Таким образом, реальное бытие произведения – результат коммуникации между автором и читателем, причем в ходе этой коммуникации читатель осваивает отраженные в произведении идеи и смыслы писателя [8].

Опираясь на идеи рецептивной эстетики, Л.В. Чернец сформулировала мысль о том, читатель – это необходимая часть функционирования художественного произведения [11].

Изучение и анализ литературоведческих работ, посвященных вопросам читательского восприятия, позволили нам сделать выводы о том, что принятие или непринятие нравственных идей автора – всегда результат действия свободной воли читателя и итог его личного нравственного выбора. Но, по нашему убеждению, процесс освоения нравственных идей автора, вне зависимости итогов от нравственного выбора читателя, всегда будет способствовать углублению представлений читателя о духовно-нравственных ценностях, на которых основываются идеи автора.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Белецкий А.И. Об одной из очередных задач историко-литературной науки. Изучение истории читателя/ Е.С. Романичева // Литература. – 2006. – № 1. [Электронный ресурс] А.И. Белецкий. – URL: <http://lit.lseptember.ru/article.php?ID=200600117.htm>. (дата обращения: 22.02.2019).
3. Волков И.Ф. Теория литературы. Учебное пособие для студентов и преподавателей. – М.: «Просвещение». – 1995. – 256 с.
4. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 1998. – С. 164.
5. Левидов А.М. Автор – образ – читатель / А.М. Левидов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – 348 с.
6. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М. – 1976.
7. Скафтымов А.П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // Русская литературная критика. Саратов, 1994. С. 142.

8. Современное зарубежное литературоведение: энциклопедический справочник. Страны западной Европы и США: концепции, школы, термины / отв. ред. А.Е. Махов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Интрада, 1999. – 317 с.
9. Фрайзе М. После изгнания автора. Литературоведение в тупике? // Автор и текст. Вып. 2. СПб, 1996. С. 25, 28, 32.
10. Хализев В.Е. Теория литературы. – М. – 1999.
11. Чернец Л.В. «Как слово наше отзовется...». Судьба литературных произведений: Учебное пособие / Л.В. Чернец. – М.: Высшая школа, 1995. – 239 с. – (100 спецкурсов по филологии).

Korobeynik Darya Nikolaevna

**READERS' PERCEPTION OF THE MORAL PROBLEMS
OF WORKS OF ART**

The article contains an overview of a number of studies devoted to the perception of the moral problems of artistic works.

Keywords: reader's perception of the moral position of the author, moral problems of works of art.

Интерактивный урок как форма учебного взаимодействия в электронном образовательном ресурсе

В статье описывается структура и особенности построения инновационного образовательного электронного ресурса – интерактивного авторского курса «Уроки чтения – праздник, который всегда с тобой»: мультимедийный сценарий, специфика организации виртуального диалога с учащимся, интерактивный урок как единица учебного взаимодействия и др.

Ключевые слова: открытая образовательная среда; электронный ресурс; мультимедийность; интерактивный онлайн-урок; обучение чтению художественной литературы.

Инновационный обучающий ресурс «Интерактивные авторские курсы Института Пушкина» <http://ac.pushkininstitute.ru/index.php>, размещенный на портале «Образование на русском», представляет собой открытую образовательную среду, в которой представлены электронные ресурсы по обучению различным аспектам практического курса русского языка [2].

Одним из таких ресурсов (наиболее разработанным на сегодняшний день) является интерактивный авторский курс «Уроки чтения – праздник, который всегда с тобой» <https://ac.pushkininstitute.ru/kulibina1.html>, представляющий собой единый учебный комплекс по обучению чтению (пониманию) художественной литературы. В соответствии с «Общоевропейскими компетенциями владения иностранным языком» «понимание» является важнейшим аспектом владения языком и включает (помимо чтения) также аудирование, или понимание устных текстов [4].

Как и другие курсы проекта «Интерактивные авторские курсы Института Пушкина», этот ресурс является авторским, т.к. в нем реализована авторская (созданная на основе обобщения и осмысления результатов многолетней педагогической практики автора) методика формирования и совершенствования навыков понимания письменных (аутентичных художественных) текстов.

В целях удобства ориентации пользователя (навигации по курсу) и в соответствии с методической целесообразностью содержательный контент электронного образовательного ресурса – интерактивного авторского курса – организован по модульному принципу.

Модули курса по обучению чтению художественной литературы – тематические серии уроков – организованы с учетом особенностей текстового

материала: время создания («Русская литература XXI века»), целевая аудитория («Уроки чтения не только для детей»), литературный жанр («Читаем сказки русских писателей»), а также персоналии («Читаем Солженицына»).

В интерактивных онлайн-уроках курса использованы художественные тексты как классические, так и современные: для детей (от русской народной сказки «Рукавичка» до крохотки А.И. Солженицына «Утенок») и взрослых (от стихотворения Г.Р. Державина до притчи Петра Бормора).

В получивших широкое распространение в настоящее время массовых открытых онлайн-курсах (МООК) основной единицей учебного взаимодействия является традиционная лекция (как правило, состоящая из нескольких фрагментов по 10–15 минут), в полной мере подходящая передачи теоретических знаний. Для интерактивных авторских курсов разработана специальная форма, более соответствующая задачам практического овладения языком – интерактивный урок.

Интерактивность урока создается органичным методически целесообразным сочетанием использования специальных педагогических авторских приемов ведения занятия и применения компьютерных технологий обучения, предполагающих активное взаимодействие пользователя с электронным образовательным ресурсом [3].

В отличие от лекции МООК, которая представляет собой изложение преподавателем теоретического материала, интерактивный урок ориентирован на практическое использование учащимися имеющихся у него (и получаемых в процессе урока) знаний, формирование и совершенствование навыков и умений речевого общения на русском языке.

Поликодовый или мультимедийный/мультимодальный сценарий интерактивного урока в своей основной части представляет собой развернутый методический аппарат – комплекс вопросов и заданий в тестовом формате, последовательное самостоятельное выполнение которых приводят учащегося к достижению цели языкового занятия – интерактивного урока. Помимо методического аппарата поликодовый сценарий содержит указания на возможные мультимедийные способы и методы представления используемых в уроке объектов, процессов и др. [1].

Интерактивные уроки организованы так, что и преподаватель, и учащийся работают в привычной и комфортной для той и другой стороны обстановке, причем последний располагает достаточным временем для обдумывания ответа, принятия решения и др. Каждый урок строится на аудиовизуализации беседы учащегося и преподавателя, причем, преподаватель постоянно активизирует внимание своего собеседника и вовлекает его в активную речемыслительную деятельность, задавая вопросы и предлагая выполнить задания.

Формулировки заданий и вопросов, варианты ответов, реплики, сопровождающие правильные и неправильные ответы, а также комментарии даются

356 | в аудио-формате. Однако «присутствие» преподавателя на уроке обеспечивается не только «голосом за кадром», но и видеофрагментами, которые размещены в начале (приветствие) и конце (прощание) урока, а также в процессе прохождения урока. Например, преподаватель в начале урока чтения знакомит читателя с автором предлагаемого художественного текста, дает краткую информацию, которая может заинтересовать читателя и создать внутренний мотив деятельности, далее в начале каждой «сцены» (этапа сценария, соответствующего работе над фрагментом текста) читает художественный текст по фрагментам и/или целиком, вводит дополнительную информацию (если необходимо), в конце урока также дается видеофрагмент с подведением итогов урока, предложением продолжить размышления над прочитанным художественным текстом, намечается перспектива дальнейшей читательской деятельности учащегося и т. п.

Практика, нашедшая отражение в отзывах пользователей, показывает, что виртуальное присутствие преподавателя на уроке, доброжелательное (даже в случае неправильного ответа: «Ошибочка вышла!» или «А если подумать?»), непосредственное обращение к человеку по ту сторону экрана (например, «ты» или «Вы» в зависимости от предполагаемого возраста учащегося), использование разнообразных средств привлечения внимания, демонстрация преподавателем личного отношения к происходящему и заинтересованности в правильных ответах ученика, а также апелляция к своему (преподавателя) личному опыту обладает мощным эффектом: не только организует деятельность ученика, мобилизует на выполнение заданий, но и вызывает у него массу положительных эмоций. Таким образом решается задача воссоздания атмосферы реальных учебных занятий, послуживших прототипами для онлайн-уроков.

Каждый интерактивный урок представлен в двух вариантах (или версиях) – «Читателям» и «Учителям». Читатель, выбирая «свой» вариант, не может отклониться от заложенной в уроке траектории движения, например, не выполнить трудное (с его точки зрения) задание, сразу заглянуть в конец урока, чтобы узнать, чем закончилась история, и пр.

Вариант интерактивного урока «Учителям» с самого начала предлагает познакомиться со структурой урока: преподаватель видит последовательность работы над фрагментами текста (и их количество) и может войти в любой из них по своему желанию, а также вернуться назад к началу урока. Внутри каждой сцены (части сценария) ему доступны все задания и вопросы, а также свободный порядок их прохождения.

Участники профессиональных групп преподавателей-русистов в соцсетях (прежде всего, на Фейсбуке) уже оценили возможности, которые предоставляет интерактивный авторский курс по обучению чтению художественной литературы и охотно делятся своими впечатлениями об онлайн-уроках чтения, отмечая понравившиеся приемы и задавая вопросы:

«Большое спасибо! Мне очень понравились:

1) интерактивный режим, позволяющий ученику работать в удобном для него темпе;

2) визуальное оформление экрана: я могу Вас видеть и слышать, параллельно я могу видеть и портрет Солженицына, и задания, и выбор ответов, но все эти компоненты не перегружают и не утомляют зрение;

3) Ваш неторопливый, спокойный темп речи;

4) ВОПРОСЫ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ помогают задуматься, навести порядок в мыслях и ответить уже обдуманно, а не с бухты-барухты;

5) Ваша реакция на неправильные ответы: «А если подумать?»

Читать методическую литературу, безусловно, полезно. Но, как гласит народная мудрость, «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» (Yulia Pledger об уроке по крохотке «Утенок» А.И. Солжаницына).

В интерактивном уроке взаимодействие преподавателя с учащимся выстраивается как диалог, представляет собой как бы поочередные «высказывания». каждое такое «высказывание» производится с учетом предыдущих действий обоих «собеседников» [3].

Для простоты и удобства такого взаимодействия разработан дружелюбный (интуитивно ясный) интерфейс интерактивного онлайн-урока и реализованы оптимальные (минимально необходимые) способы выражения учащимся своей ответной реакции. Для реакций на предъявляемый по авторскому сценарию интерактивного урока аудиовизуальный ряд (ответов на вопросы и выполнения заданий) учащемуся достаточно «мыши» (и только левой ее клавиши).

В интерактивном авторском курсе «Уроки чтения – праздник, который всегда с тобой» используются следующие ответные действия учащегося (как наиболее соответствующие учебным целям данного курса):

– одиночный и множественный выбор из набора вариантов, представленных разными видами мультимедийных материалов;

– выбор в тексте заданного фрагмента.

Преподаватель со своей стороны задает последовательность и условия вывода на экран учебных материалов различных видов (текст/гипертекст, реалистическая и синтезированная графика, анимация, звук, видео). У него есть возможность синхронизировать появление материалов на экране со своей речью в видео или звуковом формате, определять вариативный или заданный порядок их вывода на экран, по-разному реагировать на действия учащегося и в зависимости от результатов выполнения им заданий по разным сценариям вести свой урок.

Таким образом, в интерактивных уроках широко используются активно-деятельностные формы взаимодействия учащегося с образовательным контентом, которые характеризуются достаточным числом степеней свободы, выбором последовательности действий, ведущих к учебной цели, необхо-

358 | димостью анализа на каждом шаге и принятия решений в определенном множестве вариантов.

Интерактивные уроки отличаются не только разнообразием способов организации обратной связи от пользователя, о чем уже было сказано, но и вариативностью методов представления объектов и процессов, иными словами, степенью мультимедийности. Учебный контент уроков представлен широким спектром материалов разных видов и типов, а также их комбинациями и композициями: текст и гипертекст, рисованная и реалистическая графика, видео и анимация и др. [1].

Для разработчиков интерактивного курса важно узнать мнение о ресурсах не только преподавателей, но и учащихся, для которых в конечном итоге и разрабатываются интерактивные уроки чтения. Вот только два письма: первое – студентки Национального Афинского университета Катерины Гула – переслала ее преподавательница Зинаида Войтович-Стамбулиди:

«Очень полезно, что стихотворение читается постепенно, по одной строке за раз. Еще важно, что инструкции упражнений читаются вслух и мы слушаем произношение слов. Есть сложные и простые вопросы. Это положительно, так как разные степени сложности делают урок более интересным. Выбор темы очень успешный, так как большинство греческих студентов русского языка слышали о русской поэзии, но глубину и подробно ее не знаем». (После онлайн-урока по стихотворению И. Бродского «Рождество»)

Второе письмо на адрес интерактивного курса ac@pushkin.institute студент-филолог Белградского университета Никола Янкович прислал сам после онлайн-урока по стихотворению Д.А. Пригова «Вот устроил постирушку»:

«Спасибо вам большое за замечательный проект! Мы посмотрели ваш видеоурок на уроке по современному русскому языку, и надо сказать, что большинству сокурсников все очень понравилось. К тому же это прекрасный способ ознакомиться с современными русскими писателями и поэтами, которые пока что малоизвестны в Сербии. Спасибо за все, что вы делаете для популяризации русского языка! Всем рекомендую!»

Важно, что интерактивные онлайн-уроки чтения доступны для пользователей на широком спектре компьютерных устройств: стационарных и планшетных, смартфонах и смарт-ТВ. Весь проект «Интерактивные авторские курсы Института Пушкина» является открытым, бесплатным, не имеющим аналогов. Он создает открытую образовательную русскоязычную среду для всех желающих: как изучающих русский язык, так и их преподавателей.

Разработка и реализация проекта «Интерактивные авторские курсы Института Пушкина» стали возможны благодаря уникальному авторскому коллективу, в который вошли филологи-русисты, имеющие большой опыт и собственные методики преподавания практического курса русского языка различным категориям учащихся, и профессиональная команда разработчиков

(программистов, веб-дизайнеров, художников и др.), имеющих за плечами ряд успешных проектов в области создания электронных образовательных ресурсов.

Литература

1. Кулибина Н.В. «Интерактивный онлайн-урок чтения как поликодовый текст (на материале интерактивного авторского курса «Уроки чтения – праздник, который всегда с тобой»)» // Русский язык за рубежом. 2018. № 1. С. 21–25.
2. Кулибина Н.В., Климова В.Н., Битехтина Н.Б., Виноградова Н.В., Дьяченко Т.Н., Ольховская А.И. «Интерактивные авторские курсы «Института Пушкина»: открытая образовательная среда для изучающих русский язык и их преподавателей. // Мир русского слова. 2018. № 1. С. 85–89.
3. Осин А.В. Мультимедиа в образовании: контекст информатизации. – М.: Агентство «Издательский сервис», 2004. – 320 с.
4. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. – Московский государственный лингвистический университет (русская версия), 2003.

Kulibina N.V.

Pushkin State Institute of Russian Language

INTERACTIVE LESSON AS A FORM OF LEARNING INTERACTION IN AN ELECTRONIC EDUCATIONAL RESOURCE

The article describes the structure and features of building an innovative educational electronic resource-an interactive author's course «reading Lessons-a holiday that is always with you»: a multimedia scenario, the specifics of organizing a virtual dialogue with students, an interactive lesson as a unit of educational interaction, etc.

Keywords: open educational environment; electronic resource; multimedia; interactive online lesson; teaching reading fiction.

Синтетичность и национальное своеобразие российской культуры

В статье рассматриваются характерные черты российской культуры, ее многообразие, синтетичность, полиэтничность. Автор обращает внимание на культурное взаимодействие народов России, исследует культурные влияния на российскую культуру западных и восточных цивилизаций.

Ключевые слова: культура, синтетичность, влияние, заимствование, традиции.

Российская культура уникальна. Это огромное целостное явление, которое требует многостороннего и глубокого рассмотрения. Ведь, как писал выдающийся российский ученый культуролог Д.С. Лихачев, именно культура «делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения – народом, нацией» [5].

С момента своего возникновения российское государство было уникальной площадкой, на которой встречались различные религии, исторические и национальные традиции. Это делало ее богаче, ярче и своеобразней.

Известно, что великие российские писатели, художники, музыканты, создававшие нашу культуру, принадлежали к различным национальностям. Так, художник Иван Айвазовский был армянином, композитор Ариф Меликов азербайджанцем, писатель Николай Гоголь – украинцем, художник Исаак Левитан – евреем. Если же более широко рассматривать этническое происхождение деятелей нашей культуры, то мы увидим еще более пеструю картину. Знаменитый историк Николай Карамзин и писатель Федор Достоевский имели татарские корни, драматург Александр Грибоедов, композиторы Михаил Глинка и Петр Чайковский – польские, поэт Михаил Лермонтов – шотландские, художник Карл Брюллов – французские, композитор Александр Бородин – грузинские, а создатель русского литературного языка А.С. Пушкин – африканские (его прадед — А.П. Ганнибал был выходцем из Африки). Однако их всех мы называем «деятели российской культуры». Все они осознавали свою принадлежность к России, приверженность к общенациональному русскому литературному языку, традициям и символам российской культуры. Собственно русская культура выступала как основной системообразующий элемент культуры многонационального Российского государства.

Российская культура с самого начала складывалась как синтетическая, т. е. находящаяся под влиянием различных культурных направлений и традиций. С одной стороны, многочисленным народам России удавалось сохранять собственные национальные культуры, с другой – единая российская культура объединяла и перерабатывала их, обогащаясь и получая новые источники развития.

Так, горский Кавказ, киргизские степи, экзотическая Средняя Азия, являясь окраинами империи, тем не менее, завораживали и привлекали представителей западной петербургской культуры. В живописи русских художников мы часто можем наблюдать их национальные орнаменты и колорит.

Например, художник Василий Верещагин долгое время изучал природу, быт, обычаи народов Туркестана, у него есть целая серия, посвященная людям, природе и истории этого края. В 1873 году Туркестанская серия Верещагина была показана на первой персональной выставке художника в Хрустальном дворце в Лондоне, где вызвала большой резонанс. А в 1874 году ее купил Павел Третьяков для своей галереи. То, что показал Верещагин было ново, оригинально, неожиданно: целый неведомый мир, представленный замечательно ярко в своей правде и характерности. Изумляли краски и новизна письма, техника, не похожая на технику русских современников. Как отмечал художник Иван Крамской, «... туркестанская серия знаменовала блестящий успех новой русской школы живописи и ее безусловное достижение, высоко поднимающее дух русского человека» [2].

Художник Павел Кузнецов, получивший известность как «русский Гоген», нашел свое вдохновение после поездки в Заволжские степи и Среднюю Азию. Интересно, что начинал он свою творческую деятельность как типичный представитель модерна. В определенный момент он начал переживать сильнейший творческий кризис и решил на время уехать подальше от цивилизации в степи, в Киргизию. А в 1911 году Кузнецов выставил свои первые восточные полотна, свою киргизскую сюиту, произведя настоящий фурор среди своих современников. «Быт их (киргизов) и костюмы чрезвычайно красочные и гармоничные при всей яркости цветов, чистота и прозрачность воздуха с его миражами, величественные лебеди степей верблюды, стада лошадей, разводимых на кумыс, бараны, пестрые ковры кошар, простодушный и гостеприимный народ, живущий натуральным хозяйством, – все это было столь неожиданно, превосходило все ожидания, давало столько материала для искусства...» [4]. Киргизский и среднеазиатский цикл картин стал высшим этапом его искусства. Краски и орнаменты, народное искусство Востока вдохновили его на создание собственного художественного почерка, принесли Кузнецову мировую славу.

Другой замечательный художник Мартирос Сарьян – армянин по национальности, родился в городке Новый Нахичевань близ Ростова-на-Дону,

362 | учился в Москве. Поездку на историческую родину он совершил уже будучи взрослым человеком и профессиональным художником. И если ранняя живопись Сарьяна вписывалась в общую концепцию позднего символизма, то после поездки в Армению его стиль изменился. Сарьян нашел там свои цвета, краски, сюжеты. И прославился он своей невероятно колоритной яркой и жизнерадостной живописью, оказав влияние на многих современников и потомков. К какой культуре отнести его творчество? В разных источниках пишут: «знаменитый армянский», «знаменитый советский», «знаменитый армянский и российский» художник. Это наше общее наследие.

Тема Кавказа проходит красной нитью в творчестве многих русских писателей и поэтов. Для них в понятие Востока входил не только арабский восток, Турция и Персия, но и Кавказ, который давал яркие и сильные ощущения, впечатления от своей природы, культуры, традиций. Так, пребывание Пушкина на Кавказе, его близкое знакомство с культурой и религией ислама нашло отражение в написании замечательного цикла стихотворений «Подражания Корану».

Влияние различных национальных культур явственно прослеживается в российской и советской музыке.

Так, родоначальник русской национальной оперы Михаил Иванович Глинка в 1823 г. посетил Кавказ. На композитора большое впечатление произвели красоты горных пейзажей и красочные картины народной жизни. “Я видел пляски черкешенок, игры и скачки черкесов” – писал он в воспоминаниях [3]. Память о них стала, источником вдохновения. Так, на основе азербайджанской народной песни «Галанын дибиндэ» композитор написал «Персидский хор» для своей оперы «Руслан и Людмила».

Армянские народные мелодии звучат в знаменитых балетах Арама Хачатуряна «Спартак» и «Гаяне», ставших классикой русского балета XX века. Без балета «Спартак» невозможно представить себе репертуар Большого театра. Так же, как и без балета «Легенда о любви» Арифа Меликова – советского и азербайджанского композитора, в музыке которого мы слышим национальные азербайджанские мотивы. Однако его музыка – это тоже часть нашей российской культуры.

Кроме того, российская культура является неотъемлемой частью общемировой культуры. На нее также, как и на остальные национальные культуры, оказывают влияние общемировые культурные факторы. При этом никогда не имело места слепое, механическое копирование. Полезной была лишь творческая переработка чужого, оригинальное усвоение и изменение применительно к российской специфике.

Как отмечал известный русский философ Н. А. Бердяев, в России сталкиваются два потока мировой истории – Запад и Восток [1]. Русская культура не может считаться ни чисто европейской, ни чисто азиатской: в ней соединились два начала – восточное и западное.

В разные периоды своего развития русская культура заимствовала обычаи, традиции, другие элементы культуры разных европейских народов. Например, при формировании российской государственности восточными славянами была заимствована дружинно-княжеская военная культура Скандинавии. Вспомним исторический эпизод призвания варягов на Русь. Первая княжеская династия на Руси была скандинавской. Имена первых русских князей – Рюрик, Олег (Хольгерд), Игорь (Ингвар), Ольга (Хельга) – это имена скандинавские. Принципы управления и некоторые социальные институты также были заимствованы. Например, русское Вече – народное собрание – являлось аналогом скандинавского тинга.

Огромное значение для русской культуры имело принятие христианства из Византии. Вместе с христианством из Византии к нам приходит письменность, традиции книжности, архитектуры и изобразительного искусства. Как известно, первые каменные храмы на Руси строили приехавшие из Византии греки, они же стали и первыми иконописцами на Руси. Хотя, безусловно, на Руси византийский стиль был преобразован в соответствии с национальными традициями и получил новое художественное наполнение и развитие.

Большое влияние на развитие российской архитектуры XVIII–XIX вв. оказали итальянцы. Приглашенные Иваном III итальянские архитекторы строили наш Московский Кремль (поэтому он так похож на Замок Сфорца в Милане). Появление в России шатровой архитектуры в 16 веке также связано с итальянцами: Петром Францисканом Анибале был построен первый в России шатровый храм – Церковь Вознесения в Коломенском. Как известно, итальянские архитекторы (Доменико Трезини, Франческо Растрелли, Карло Росси, Джакомо Кваренги и др.) принимали активное участие в формировании архитектурного ансамбля Петербурга. Да и российская живопись, начиная с 18 века, постоянно ориентировалась на Европу, перенимая все западные стили и направления.

При этом, нельзя отрицать наличие в российской культуре и азиатских черт, которые отчасти были привнесены в период более чем 200-летнего господства татаро-монголов, отчасти заимствованы у наших восточных соседей. С нашими соседями – Турцией, Персией, мы не только воевали, но и постоянно взаимодействовали, перенимая от них некоторые элементы культуры. Так, в Оружейной палате Московского Кремля находятся предметы декоративно-прикладного искусства 16–17 веков, в частности головные уборы наших царей, конные сбруи – сделанные в мастерских Топкапы в Стамбуле. Есть множество культурных и цивилизационных особенностей в политической, социальной, бытовой областях, в языке, которые сближают нас с Азией. Так, у многих русских слов тюркское происхождение. Да и в политической области для нас характерно стремление к сильной централизованной власти, как и у многих восточных держав. Патриархальные отношения в семье, обычай снимать обувь при входе в помещение – это тоже скорее восточные традиции.

Индия, Китай, Персия были источниками вдохновения для многих российских художников, поэтов и музыкантов. Восточные мотивы и темы мы можем наблюдать в живописи Л. С. Бакста, М.А. Врубеля, Н.К. Рериха. Например, у Н.К. Рериха буддизм и другие традиционные восточные религии стали предметом изучения и источником вдохновения. У него есть удивительная серия картин под названием «Знамена Востока». Героями этой серии Рерих сделал величайших подвижников, святых, пророков, религиозных реформаторов, философов, мыслителей и духовных учителей Востока. А в современной российской культуре буддийские традиции продолжает развивать и пропагандировать в своем творчестве бурятский скульптор Даши Намдаков – один из самых востребованных художников на Западе.

Обратимся вновь к словам Д.С. Лихачева: «Миссия России определяется... тем, что в ее составе объединилось до трехсот народов — больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Культура России сложилась в условиях многонациональности. Россия служила гигантским мостом между народами. Мостом, прежде всего, культурным» [6]. Таким образом, можно сказать, что российская культура обладает огромным сплачивающим людей потенциалом. Россия — великая страна, не только своей территорией или военной славой, но и своей тысячелетней культурой, давшей миру бессмертные произведения литературы, архитектуры, музыки и изобразительного искусства. По мнению Лихачева, эта «великость» России не может вызывать враждебности к ней, напротив великая культура примирительна по своей сути. И в этом ее всемирное значение.

Литература

1. Бердяев Н.А. Восток и Запад. Журнал «Путь» 1930, №23 // Электронная библиотека Одинцовского благочиния. – URL: <http://www.odinblago.ru/path/23/> (дата обращения: 22.02.2019).
2. Боткина А.П. Василий Верещагин и Павел Третьяков. // Жизнь и смерть Василия Верещагина. – URL: <http://veresh.ru/botkina.php> (дата обращения: 22.02.2019).
3. Дементьева Л.К. Михаил Иванович Глинка. // Проза.Ру. – URL: <https://www.proza.ru/2018/03/07/1980> (дата обращения: 22.02.2019).
4. Кузнецов П.В. Из автобиографии // Цит. по: Художественная энциклопедия: Павел Кузнецов. // Terminy.info. – URL: <http://www.terminy.info/literature/art-encyclopedia/kuznecov> (дата обращения: 22.02.2019).
5. Лихачев Д. С. Культура как целостная среда. // Новый Мир 1994, № 8. // Журнальный зал. – URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/8/lihach.html (дата обращения: 22.02.2019).

6. Лихачев Д.С. Мифы о России старые и новые // Российская газета. № 4233 // Livejournal. – URL: <https://philologist.livejournal.com/8816762.html> (дата обращения: 22.02.2019).

Kuprina Irina Viktorovna

Pushkin State Russian Language Institute

SYNTHETICS AND NATIONAL ORIGINALITY OF RUSSIAN CULTURE

The article deals with the characteristic features of Russian culture, its diversity, synthetics, polyethnicity. The author draws attention to the cultural interaction of the peoples of Russia, explores the cultural impact on the Russian culture of Western and Eastern civilizations.

Keywords: culture, synthetics, influence, borrowing, traditions.

Формулировки заданий в учебнике русского языка для начальной школы как отражение методических особенностей пособия: корпусное исследование

Статья предлагает результаты корпусного частотного исследования формулировок заданий в учебниках русского языка для начальной школы. Дана сравнительная характеристика двух параллелей учебников, соответствующих ФГОС: описаны количественные различия в лексическом составе формулировок заданий, приведена классификация и сравнительный анализ глагольных форм императива, входящих в формулировки заданий, описан опыт использования инструмента сравнения корпусов для поиска методических особенностей пособий того или иного коллектива авторов.

Ключевые слова: русский язык, учебник русского языка, корпус учебников, корпусный анализ, формулировки заданий, учебные действия.

Несмотря на то, что анализу учебной литературы уделяется большое количество внимания, формулировки заданий как часть аппарата учебника часто остаются без внимания. Так, например, в эрготребованиях к составлению учебников нет никаких специальных рекомендаций к составлению инструкций к заданию [6]. Между тем, эти тексты представляют очевидный интерес для методистов. Во-первых, они иллюстрируют, как расставлены методические акценты в том или ином учебнике, что требуется от учеников (в одних пособиях больше внимания уделяется письму, в других – развитию устной речи). Во-вторых, важно проследить, насколько четко сформулированы учебные инструкции, доступны ли они для понимания школьника.

Настоящая работа представляет собой первые шаги в комплексном изучении формулировок заданий учебников для младшей школы. Корпусное исследование лексического состава формулировок заданий представляет научный и методический интерес, так как оно позволяет сделать вывод об основных принципах, которыми руководствовались авторы при написании учебника. Конечно, для того чтобы учебник был рекомендован к использованию в школах, он должен соответствовать Федеральному государственному стандарту, в котором прописаны результаты освоения программы начального общего образования. Однако каждый авторский коллектив может выбирать

собственный путь достижения этих результатов, одним из главных инструментов которого являются учебные задания. Выполнение заданий способствует овладению навыками, прописанными в государственном стандарте. Соответственно, анализ формулировок заданий поможет выявить, что выходит на первый план в учебниках разных авторов с методической точки зрения, в каком объеме отрабатываются основные навыки.

Материал для данного исследования был получен благодаря более масштабному проекту по исследованию читабельности школьных учебников. В рамках этого исследования был собран корпус учебных текстов по русскому языку для начальной школы. Разметка текстов по аппарату учебника позволила создать коллекцию формулировок заданий и проанализировать их по интересующим нас параметрам.

В качестве иллюстрации возможностей корпусного подхода к анализу учебных пособий рассмотрим результаты сравнительного анализа двух популярных параллелей учебников русского языка с 1 по 4 класс, соответствующих ФГОС и широко использующихся в современных школах. Для удобства визуализации и описания данных здесь и далее мы обозначим параллель под ред. В.П. Канакиной и В.Г. Горецкого [3] как *Канакина* и параллель под ред. Н.А. Чураковой и М.Л. Каленчук [8] как *Чуракова*.

	Канакина	Чуракова
Всего формулировок заданий	4406	3042
Уникальных слов	2399	3390
Средняя длина формулировки (в словах)	13	24
Средняя длина слова	6.28	5.44
Среднее кол-во императивов на формулировку	0.8	0.6

Таблица 1. Объем анализируемых данных

Данные Таблицы 1 иллюстрируют первые количественные различия в лексическом составе формулировок заданий выбранных учебников: задания в параллели Канакиной обычно значительно короче (средняя длина формулировки у Канакиной составляет 13 слов, тогда как Чураковой – в 1,5 раза длиннее, 24 слова). При этом слова в среднем длиннее в учебниках Канакиной, и среди них встречается больше терминов. Уникальных слов в формулировках заданий также меньше у Канакиной, что может свидетельствовать о краткости и более выверенном понятийном аппарате учебника. Иными словами, формулировки Канакиной краткие, но насыщенные терминологией, у Чураковой же тексты инструкций к заданию больше по объему, но написаны более простым языком с меньшим количеством терминов и абстрактных слов.

Основной объем действий, предлагаемых ученику для освоения предмета, выражен в учебниках глагольными формами императива (спишите, прочитай, подумайте и т. д.). Таким образом, частотное лексическое исследование форм

368 императива в формулировках заданий учебника потенциально может служить иллюстрацией методической мысли авторов пособия, формированию каких навыков было отдано предпочтение в том или ином учебнике. В рамках данного исследования было проанализировано 11759 императивов, подготовка частотных списков была выполнена автоматически с помощью корпусной системы SketchEngine [9].

Первое, что стоит отметить при исследовании получившихся списков – воспроизводимость, повторяемость действий, которые требуются от ученика. Так, например, 30 самых частотных императивов составляют 91,29 % всех действий в параллели Канакиной и 79,63 % от общего числа императивов в параллели Чураковой: у этого коллектива авторов 197 из 288 императивов встречаются не чаще трех раз за параллель (см. примеры 1–2). Эта разница позволяет говорить как о большем разнообразии заданий в учебниках параллели Чураковой, так и о возможных трудностях в понимании задания.

(1) Расширь каждый пункт плана так, чтобы он превратился в тезис. [Чуракова, 4 класс]

(2) Сходи в Большой Музейный Зал. Разыщи там животных, в названии которых Ъ обозначает мягкость согласного звука на конце слова. [Чуракова, 1 класс]

Для дальнейшего анализа полученные частотные списки императивов можно объединить в следующие семантические группы по типам предлагаемой деятельности:

1. письмо и графика (*впиши, вставь, подчеркни*);
2. говорение (*повтори, скажи, ответь*);
3. чтение (*прочитай, зачитай, читай*);
4. аудиовизуальное восприятие информации (*послушай, рассмотри*);
5. мнемонические действия (*выучи, запомни*);
6. интеллектуальные действия (*исследуй, сделай вывод, подумай, озаглавь, докажи*);
7. вспомогательные действия (*открой, вернись*).

Частично такое деление было обусловлено необходимостью подсчета заданий на отработку различных видов речевой деятельности [1; 5]. С другой стороны, приведенные выше семантических группы пересекаются с классификацией учебных действий И.А. Зимней, которая выделяет в соответствии с психической деятельностью обучающегося мыслительные, перцептивные, мнемические действия, т.е. интеллектуальные действия, составляющие внутреннюю психическую деятельность субъекта [2, с. 190]. Помимо этого, отдельную группу составили вспомогательные действия, которые служат лишь для ориентации ученика в пособии.

Рисунки 1 и 2 представляют собой сравнение доли императивов приведенных выше семантических групп в анализируемых параллелях учебников с целью поиска общих закономерностей и различий в методических подходах.

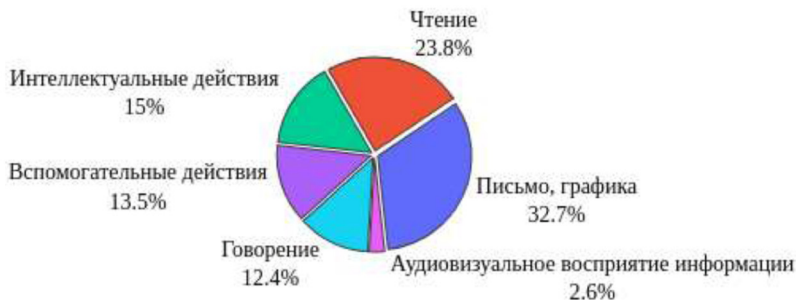

Рисунок 1. Доля семантических групп императивов в параллели под ред. Канакиной

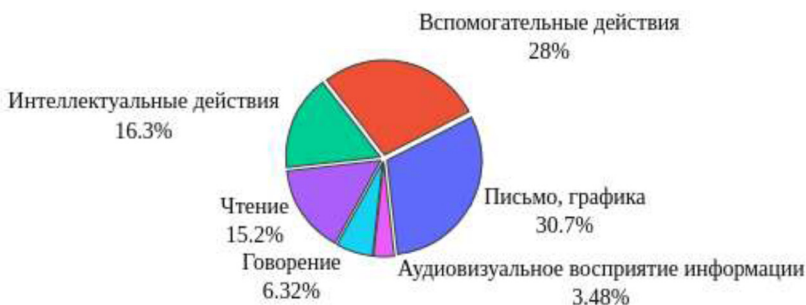

Рисунок 2. Доля семантических групп императивов в параллели под ред. Чураковой

Так, на графике видно, что параллель Канакиной в большей степени направлена на развитие навыков письма и говорения, чем параллель Чураковой. Кроме того, авторы учебника под редакцией В.П. Канакиной уделяют заметно больше внимания чтению – императивы этой семантической группы составляют 23,8 % от общего числа, в то время как у Чураковой – 15,2 % и говорению (разница в количестве заданий на этот тип деятельности в 2 раза.) Параллель под ред. Чураковой отличается значительно бóльшим количеством вспомогательных действий (найди, открой, вернись): это может свидетельствовать как о сильной метапредметной составляющей данной параллели (например, в тексте учебников содержатся ссылки на учебник «Окружающий мир»), так и о неоптимальности структуры учебника, требующей большого количества дополнительных действий (см. пример 3).

370 | (3) Вернись к упражнению 56 на странице 84. Перечитай первые два вопроса. [Чуракова, 2 класс]

Тем не менее, приоритеты обоих коллективов авторов по видам речевой деятельности распределяются схожим образом: в обеих параллелях больше всего внимания уделяется заданиям на развитие навыков письма, на втором месте задания на чтение, на третьем – говорение. Навыку аудирования внимание практически не уделяется – императивы *послушай, послушайте, прислушайся* и др., сопровождающие задания на развитие аудирования, встречаются не более 5 раз в обеих параллелях. Стоит отметить здесь некоторое несовпадение с рабочей программой по русскому языку [4, с. 7], где самими авторами учебника сформулировано требование в равной степени развивать все виды речевой деятельности (говорение, письмо, аудирование и чтение).

Еще одним эффективным способом анализа различий в методических решениях разных параллелей может стать частотное сравнение корпусов двух учебников. Мера расхождения рассчитывается здесь как отношение значений *ipm* (*item per million*) для выбранного слова по двум сравниваемым коллекциям текстов. Такой анализ позволяет выявить наиболее «непохожие» места в параллелях, чем больше ее значение – тем больше разница в частоте употребления слова в анализируемых пособиях.

лемма	параллель Канакиной, абс. частота	параллель Чураковой, абс. частота	мера расхожде- ния	пример контекста
списать	580	4	27.9	Спишите первое предло- жение.
составить	546	39	20.1	Составь предложение с од- ним из этих слов.
подготовиться	121	1	14	Подготовьтесь инсцениро- вать песенку.
по памяти	77	9	10.6	Запишите строки по памяти.
открыть	1	148	20.3	Открой обратный словарь на –b.
догадываться	2	63	3.9	Что помогло тебе дога- даться?
соглашаться	0	36	3.4	Ты соглашаешься с Машей и Мишей?
точка зрения	0	33	2.8	Докажи свою точку зрения.
постараться	0	37		Постарайся записать текст без ошибок.

Таблица 2. Сравнение корпусов параллелей под ред. Канакиной и Чураковой

Данные Таблицы 2 позволяют сделать предположение, что в параллели Ка-
накиной значительно больше внимания уделяется развитию письменной речи по
образцу, чем в параллели Чураковой, о чем свидетельствует явное преобладание
лемм *писать* и *по памяти*. Это предположение подтверждается и данными
Рисунков 1 и 2, приведенных выше. В то же время, преобладание лемм *дога-
дываться*, *соглашаться* и *зрение* (в контексте «точка зрения») и сравнительно
небольшое количество лемм *составить* в учебниках Чураковой свидетельствует
о том, что учебные задания этого автора направлены на стимулирование ученика
к самостоятельному поиску решения поставленной задачи, формирование спо-
собности ребенка выражать свое мнение, его готовности слушать собеседника
и вести диалог. С другой стороны, стоит отметить и некоторую абстрактность
требуемых от ученика действий в этой параллели: методика измерения успеш-
ности выполнения инструкции *подумай* или *постарайся* не ясна.

Безусловно, корпусные методы не способны выявить все трудности
или аномалии в текстах отдельных формулировок заданий. Так, например,
инструкция из примера 4 краткая, содержит всего один, весьма частотный
императив, остальная лексика также частотна и конкретна, однако, задание
все равно может вызвать трудности в понимании ученика и родителей.
Вероятно, такие нестандартные сочетания сможет выявить дальнейший
коллокативный анализ.

(4) *Спиши текст так, как будто это не стихи. [Чуракова, 2 класс]*

Тем не менее, корпусные методы представляются эффективным и быстрым
инструментом для составления общей картины лексического состава фор-
мулировок заданий в учебнике, выявления тенденций, тяготения учебников
параллели к тем или иным типам заданий, поиска уникальных методических
решений. Так, простейшие количественные подсчеты обратили внимание на
длину инструкций к заданию в параллели Чураковой; частотный анализ импе-
ративов показал значительную разницу в доле заданий на чтение, говорение
и вспомогательных действий между двумя анализируемыми параллелями;
сравнение корпусов учебников предоставило информацию об уникальных
заданиях, отличающих одну параллель от другой.

В качестве перспективных направлений дальнейшей работы стоит отме-
тить расширение коллекции учебников, более детальный анализ коллокаций
в формулировках заданий, поиск связи инструктивных глаголов с типами
учебных действий для поиска соответствий с требованиями образователь-
ных стандартов.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Современный словарь методических тер-
минов и понятий. Теория и практика обучения языкам. – М.: Русский язык.
Курсы, 2018. – 496 с.

- 372 | 2. Зимняя И.А. Педагогическая психология. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 480с.
3. Канакина В.П. Русский язык. Коллекция учебников 1–4 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций с прил. на электрон. носителе / В. П. Канакина, В. Г. Горецкий. 5-е изд. – М.: Просвещение, 2013–2014 гг.
4. Канакина В.П. Русский язык. Рабочие программы. Предметная линия учебников системы «Школа России». 1–4 классы: пособие для учителей общеобразоват. организаций / [В. П. Канакина, В. Г. Горецкий, М. В. Бойкина и др.]. – М.: Просвещение, 2014. – 340 с.
5. Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е. Урок иностранного языка. – М., 2010.
6. Педагогико-эргономические требования к средствам обучения. – СПб, М: Крисмас+, ИОСО РАО, 2000. – 64 с.
7. Приказ Минобрнауки России от 06.10.2009 N 373 (ред. от 31.12.2015) «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.12.2009 N 15785).
8. Чуракова Н.А., Каленчук М.Л. Русский язык. Коллекция учебников 1–4 класс: учебник / Н.А. Чуракова, М.Л. Каленчук, Т.А. Байкова, О.В. Маляховская – М.: Академкнига / Учебник, 2013–2017 гг.
9. Корпусная система Sketch Engine. URL: <https://www.sketchengine.eu/> (дата обращения: 23.02.2019).

Laposhina A.N., Kupreshchenko O.F.

Pushkin State Russian Language Institute

TASK INSTRUCTIONS IN RUSSIAN LANGUAGE TEXTBOOKS FOR PRIMARY SCHOOLS AS A REFLECTION OF METHODOLOGICAL PROPERTIES: CORPUS-BASED STUDY

This paper presents the results of a corpus study of the task instructions in Russian language textbooks for primary school. Comparative analysis of two series of textbooks included calculations of some basic text metrics of the tasks instructions, the proportion of different semantic groups of imperative verbs and finally, using the comparing corpora tool to find main distinctions in methodology between given textbooks.

Keywords: Russian language, Russian textbook, corpus of textbooks, corpus analysis, task instructions, learning activities.

Творческий процесс как необходимая составляющая инновационной деятельности преподавателя РКИ

В статье идет речь о востребованности в педагогическом процессе творческого потенциала преподавателя. Особое внимание обращается на то, что педагогическое творчество и использование методов и приемов театральной педагогики в контексте лично-ориентированного обучения и инновационных образовательных технологий повышает не только мотивацию учащихся, но и профессионально и творчески развивает самого преподавателя.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лично-ориентированное обучение, театральная педагогика.

В современной педагогике, в том числе методике преподавания РКИ, все больше утверждается мысль о том, что обучение из способа просвещения индивида должно превратиться в механизм развития творческой личности, ее индивидуальных способностей и дарований. Уже недостаточно эрудиции преподавателя, удачного выбора образовательной технологии, необходимо, чтобы учащиеся увидели в своем наставнике яркую, самобытную личность. Этому требованию в полной мере отвечает инновационная педагогическая деятельность, реализуемая в контексте идей лично-ориентированного обучения. Такой подход, обладая большим мотивационным потенциалом, позволяет комплексно формировать и развивать личность обучающегося, способствует развитию умений самостоятельно создавать принципиально новый продукт и быть открытым к новому, привносимому другими людьми. Достижение вышеуказанных целей невозможно без преподавателя, обладающего творческой индивидуальностью. Поэтому закономерным представляется тот факт, что среди характеристик, называемых в качестве необходимых составляющих профессиональной компетентности современного преподавателя РКИ, на передний план выходит творческий подход к педагогическому процессу.

Большой вклад в формирование научных представлений о творческой индивидуальности внесли представители зарубежной [10; 14] и отечественной науки [1; 2; 4; 5; 6; 7]. Ряд исследователей обращается к проблеме творческой личности на основе сопоставления специфики педагогической деятельности с другими видами творческой деятельности [6; 7; 11], что актуализирует

374 задачу разработки технологий развития творческой личности на основе идей театральной педагогики [12]. К.Д. Ушинский [13] в педагогической деятельности видел одну из форм практического искусства, которое требует от преподавателя высокоразвитого творческого мышления. Руководство процессами взаимодействия, коммуникации, общения в системе «учитель – учащиеся» не может быть ничем иным, кроме как делом педагогического искусства. Оно не терпит стандарта и шаблона, хотя масштабы творческих задач учителя, конечно, разные, начиная от внесения принципиальных инноваций в содержание, формы и методы учебно-воспитательной работы и кончая решением многообразных текущих вопросов, возникающих в различных ситуациях деятельности преподавателя: архитектура и композиция занятия, способы организации самостоятельной работы учащихся, контакты и нужный тон общения в тех или иных ситуациях образовательного процесса и т.п. Таким образом, творчество – наиболее существенная и необходимая характеристика педагогического труда.

Так какой же он – преподаватель как личность творческая? О.С. Булатова определяет понятие «творческая индивидуальность педагога» как «особое качество, уровень развития личности в целом», выделяя при этом внутреннюю сторону (самобытность и цельность всей личности) и внешнюю (оригинальность, яркое своеобразие и масштабность всех проявлений личности и деятельности преподавателя, выражающихся в самостоятельности действий) [6, с. 13]. Е.Г. Кашина в качестве основной характеристики творческой личности преподавателя указывает «наличие способностей к созидательной деятельности» [9, с. 5]. Т.Н. Щербакова указывает на широту сферы творчества в деятельности преподавателя и проявление этой составляющей как в подходе к учащимся, так и в отношении к своему предмету, к подаче учебного материала, к выбору методов и средств обучения [15, с. 23].

Творческое начало в деятельности преподавателя РКИ невозможно представить без такого компонента, как артистизм. Применительно к преподаванию иностранных языков в целом и РКИ в частности артистизм можно рассматривать как двустороннее единство: 1. Внутренний артистизм – черта личности преподавателя, ее своеобразие: способность перевоплощаться, непосредственность и внутренняя свобода, обаяние, способность нравиться, богатство жестов и интонаций, эмоциональность, экспрессия, игра воображения, образный путь постановки и решения проблем, ассоциативное видение, неожиданные яркие ходы на различных этапах занятия, самообладание в условиях публичности, уверенность в себе и др. 2. Внешний артистизм – умелая режиссура урока, искусство отбора наиболее яркой, а не только методически эффективной, смысловой информации; техника построения занятия, активно втягивающая обучающихся в процесс, ставящая их в его центр. Опыт работы автора в группах иностранных студентов дает основание утверждать, что

весьма эффективно данные критерии артистизма реализуются при применении инновационных продуктивных технологий (проблемной, проектной, театральной, экскурсионной и т.д.).

На помощь преподавателю РКИ, желающему в полной мере раскрыть творческий потенциал – свой и учащихся, приходят методы и приемы театральной педагогики. Многочисленные исследования свидетельствуют о тесной взаимосвязи театрального и педагогического искусства, о возможностях широкого привлечения системы К.С. Станиславского в учебный процесс по многим предметам и, в частности, в учебный процесс по иностранному языку [3; 5; 6; 7; 8]. Произведением театрального искусства является спектакль, произведением педагогического искусства – урок. Театральное искусство и педагогический процесс объединены стремлением с максимальной полнотой выразить себя через маску роли. Выстраивается определенная схема: спектакль – урок; маска – поведение в конкретной ситуации общения; виды представлений – виды урока; образы на сцене – роли учащихся на уроке. Маску надевает и преподаватель, входя в класс, если он артистичен, умеет импровизировать, исполнять самые разные роли в течение одного урока. Учащиеся, получая роли при подготовке к ролевой игре, перевоплощаются в соответствии с особенностями нового образа, который им предстоит воплотить в мини-спектакле с помощью своих психофизических данных, и в этом новом качестве сценического образа, действуя от лица последнего, предстают перед зрителями – учащимися группы, не задействованными в игре. Актерское и педагогическое искусство есть искусство перевоплощения. К.С. Станиславский неоднократно подчеркивал, что «единственный царь и владыка сцены – талантливый артист». Переноса этот тезис в педагогику, можно утверждать, что таковым является преподаватель, владеющий методическим мастерством, в котором значительное место занимает актерская техника, умение перевоплощаться. В профессиональной деятельности преподавателя иностранного языка перевоплощение занимает особое место. Маски роли меняются на уроке мгновенно: вводится новая лексика – преподаватель изображает предметы и действия, чтобы обеспечить произвольное запоминание материала учащимися. Отрабатывается грамматический материал – используется пантомима, наглядно демонстрирующая функцию того или иного грамматического явления [9, с. 45]. Как и в любом виде творчества, в педагогической деятельности своеобразно сочетаются нормативные (вытекающие из установленных законов, правил) и эвристические (создаваемые в ходе собственного поиска) элементы. Необходимо признать, что в работе преподавателя немало типового, повторяющегося, устойчивого, отраженного в уже выявленных психолого-педагогических законах, принципах и правилах. Но немало также изменчивого, вариативного, индивидуального. Педагогический процесс – и в проекте, и в действительном воплощении –

это авторский ход, хотя, конечно, у него есть и «соавторы»: составители учебников, коллеги, ученики и студенты. Особенно важным представляется присутствие творческого начала в профессии преподавателя иностранного языка. Театральная педагогика и методика преподавания иностранного языка являются с точки зрения семиотики знаковыми объектами: для них характерно семиотическое многоязычие; процесс обучения коммуникативен (он состоит из ряда взаимосвязанных коммуникативных процессов: преподаватель-студенты; преподаватель-коллеги); студенты общаются в собственном социуме; все участники учебного процесса активны; это интенсивная коммуникация, и она взаимообусловлена в плане ответной реакции участников иноязычного общения. Невербальные аспекты коммуникации усиливают восприятие и, следовательно, усвоение языкового материала. В условиях отсутствия естественного иноязычного окружения, социокультурного фона преподавателю приходится реализовывать все свои актерские, режиссерские возможности, чтобы создавать ситуации реального общения на уроке, поддерживать мотивацию к изучению языка, приближать процесс обучения к условиям реального общения. Преподаватель иностранного языка выступает партнером по общению, олицетворяет иноязычный мир со всеми его культурными реалиями, фоновыми знаниями, которые в том или ином объеме присутствуют в каждой семье (благодаря средствам массовой информации). Таким образом, реализация творческого подхода в методике преподавания иностранного языка приобретает решающее значение.

Каким же арсеналом средств театральной педагогики обладает современный преподаватель РКИ? Несомненно, что подход К.С. Станиславского к теории и практике театрального искусства может быть использован и в педагогике. В качестве эквивалента актерской техники могут быть модифицированы предметные методики с ориентацией на тон, стиль поведения, мимику и жесты. В преподавании РКИ наиболее эффективными представляются следующие средства театральной педагогики:

- Паралингвистические средства: голос (темп, громкость тембр, регистр), интонация, ритмика, тональность, мелодика, умение держать паузу.

Особого внимания заслуживают два таких элемента речи, без которых не получается языка как орудия общения: интонация и экспрессия. Выразительность речи преподавателя – это знак его эмоционального состояния, его отношения к происходящему в аудитории, это профессиональный прием воздействия на студентов. По голосу можно определить физическое и психоэмоциональное состояние человека, его намерения и некоторые черты характера. Именно благодаря голосу часто КАК сказано превращается в ЧТО сказано, существенно дополняя или даже замещая словесное содержание речи Ритмико-интонационное строение текста создается средствами супер-

сегментной фонетики: интонацией (мелодикой, движением тона), паузами, логическими ударениями, темпом.

- Экстралингвистические средства: смех, вздохи, касания, имидж преподавателя, выразительность и обаяние его поведенческих проявлений.

- Кинетические средства: жесты, мимика, пантомимика, позы, физическая позиция, физические действия, визуальный контакт. Мимика – наиболее изученный компонент невербальной коммуникации. Она, кроме базисных эмоциональных выражений, включает значительное количество так называемых «ролевых масок» («display rules») а также другие типы экспрессии. Классификация мимики может быть осуществлена по принципу «ролевой маски», соответственно выделяется столько ее типов, сколько существует масок [Кашина, 2006, с. 228].

- Проксемические средства: пространственные передвижения и расположение в пространстве, расстояние между участниками коммуникации.

Все эти средства играют существенную роль в естественном общении. Они позволяют: выразить то же, что и речь; предвосхитить то, что будет сказано; выразить значение, противоположное тому, что содержится в высказывании; акцентировать сказанное; заполнить молчание и объяснить его, либо сделать его значимым; заменить слово или фразу; привлечь и удержать внимание аудитории.

Поскольку главная задача преподавателя иностранного языка – формирование коммуникативной компетенции учащихся, то важность применения указанных выше средств на занятии трудно переоценить. От того, как преподаватель выглядит, говорит, жестикулирует, пользуется мимикой и пантомимикой, во многом зависит успех урока/занятия.

Таким образом, преподаватель иностранного языка, включающий в свою педагогическую деятельность театральные технологии, – это личность, способная к рефлексии и активной самокоррекции: в процессе сотворчества с учащимися он не только слышит, понимает, принимает идеи учебной группы, но и действительно меняется сам, растет не только в профессиональном, но и в творческом смысле.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Личность, субъект деятельности, индивидуальность. – М.: Директ-Медиа, 2008.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 258 с.
3. Бганко О.Д. Становление профессионально значимых умений и навыков будущих учителей средствами театральной педагогики: Спецкурс. – Оренбург: Изд-во ОГПИ, 1995. – 17 с.

4. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия» 2002. – 320 с.
5. Букатов В.М. Театральные технологии в гуманизации процесса обучения школьников: Дис. ... д-ра пед. наук – М., 2001. – 376 с.
6. Булатова О.С. Педагогический артистизм: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 240 с.
7. Ершов П.М., Ершова А.П., Букатов В.М. Общение на уроке, или Режиссура поведения учителя. – М.: МПСИ: Флинта, 1998. – 336 с.
8. Кан-Калик В.А. Учителю о педагогическом общении: Кн. для учителя – М.: Просвещение, 1987. – 190 с.
9. Кашина Е.Г. Традиции и инновации в методике преподавания иностранного языка. – Самара: Изд-во СГУ, 2006.
10. Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию: становление человека. – М.: Прогресс-Универс, 1994. – 480 с.
11. Савостьянов А.И. Общая и театральная психология: Учебное пособие для студентов вузов. – СПб.: КАРО. 2007. – 256 с.
12. Станиславский К.С. Работа актера над собой в творческом процессе переживания: Дневник ученика. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 512 с.
13. Ушинский К.Д. Русская школа. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 688 с.
14. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
15. Щербакова Т.Н. Творчество в деятельности современного педагога // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы научной конференции (г. Уфа, ноябрь 2013 г.). – Уфа: Лето, 2013. – С. 21–25.

Leshutina I.A.

Pushkin State Russian Language Institute

**CREATIVE ACTIVITY OF THE TEACHER OF RUSSIAN AS
A FOREIGN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF INNOVATIVE
EDUCATIONAL TECHNOLOGIES**

The article deals with the demand for the pedagogical process of the teacher's creative potential. Special attention is paid to the fact that pedagogical creativity and the use of methods and techniques of theatrical pedagogy in the context of personality-oriented learning and innovative educational technologies increases not only the motivation of students, but also professionally and creatively develops the teacher himself.

Keywords: Russian as a foreign language, personality-oriented learning, theatrical pedagogy.

Анализ преподавания русского языка как второго иностранного на фоне «пояс и путь»¹

С развитием инициативы «пояс и путь» в Китае растет спрос русско-язычных специалистов. В целях удовлетворения потребностей общества, большинство вузов Китая вводит преподавание русского языка как второго иностранного, и в связи с этим возникает ряд вопросов. Эти вопросы будут обсуждаться в данной статье.

Ключевые слова: пояс и путь, русский язык, преподавание, второй иностранный язык.

В последние годы с развитием инициативы «пояс и путь» в Китае растет спрос русскоязычных специалистов, а выпускники по специальности русского языка в вузах Китая не могут удовлетворить потребности общества, поэтому большинство вузов Китая вводит преподавание русского языка как второго иностранного.

Обучение русскому языку как второму иностранному заключается в том, чтобы за относительно короткий период с нуля научить говорить, читать и писать по-русски учащихся, владеющих первым иностранным языком. К учащимся мы прежде всего относим студентов и аспирантов, которые сдали в Китае государственный экзамен по первому иностранному языку (прежде всего английский язык) четвертого уровня (ГЭПЯ-4) и шестого уровня (ГЭПЯ-6), специальности «иностранные языки» (кроме специальности «русский язык»). За последние годы китайские вузы не строго требуются, чтобы студенты сдавали таких экзаменов. Это значит, что все студенты, в том числе аспиранты, имеют возможность выбирать свой второй иностранный язык. Поэтому растет сумма студентов по обучению русского языка как второго иностранного языка.

Организационные вопросы преподавания русского языка как второго иностранного в китайских вузах. В новой ситуации китайских реформ и открытости в преподавании русского языка как второго иностранного открываются новые перспективы. Студенты и аспиранты стремятся овладеть русским как вторым иностранным, чтобы, например, ознакомиться с новой

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Государственного комитета КНР по управлению фондом обучения за границей.

380 | техникой и получить новые знания из России, Беларуси, Украины и других стран Содружества. Большинство вузов Китая вводит преподавание русского языка как второго иностранного, и в связи с этим возникает ряд вопросов.

Во-первых, в определении содержания курса. Методические отделы китайских вузов не разъясняют требования, предъявляемые к курсу русского языка как второго иностранного, и не публикуют официальную учебную программу. Каждый университет по-своему ведет расчет учебных часов данного курса. Во-вторых, существует проблема учебно-методического обеспечения курса [2, с.219]. До сих пор еще используются старые учебники и старые методики преподавания.

Вопросы методики преподавания русского языка как второго иностранного. Преподавание русского языка как второго иностранного в китайских вузах имеет две основные особенности: контингент, владеющий первым иностранным языком, и небольшое по сравнению с первым иностранным языком количество учебных часов.

В своей практике преподавания русского языка (в том числе и русского языка как второго иностранного) автор отметил типологическую близость русского и английского языков. В произношении большинству русских букв (кроме *ъ, ь, р, щ, ы*) соответствуют английские буквы. В лексическом составе многие из русских слов имеют соответствующие (симметричные) слова в английском языке [1, с.105]. Например: университет – university; студент – student; лампа – lamp; продукт – product; телескоп – telescope; спорт – sport.

Такие факты особенно часто встречаются в научно-технической и экономической областях. В настоящее время в русском языке появляются новые слова, обозначающие новые понятия, заимствованные из английского языка. Например: компьютер – computer; саммит – summit; имплементация – implementation; чат – chat.

Чтобы студенты смогли понять эти слова, преподаватель должен научить их русским правилам транскрибирования (транслитерирования) английских слов.

Русский и английский языки помогают студентам получить новую информацию о событиях, происходящих в России, в Беларуси и других странах Содружества в Интернете. Для этого достаточно лишь выучить правила замены русских букв латинскими. Например, газету «Известия» можно написать *izvestia* по аналогии с наименованием сайта <http://www.izvestia.ru>

Таким образом, сопоставление английского и русского языков имеет большое значение для преподавания русского языка как второго иностранного в китайском вузе.

Литература

1. Гуо Хэин. Исследование преподавании русского языка как второго иностранного в китайских вузах. //еженедельное издание по экзамену. – 2014. – № 39. – С. 104–105. (на китайском языке)
2. Ли Юйлань. Немного о преподавании русского языка как второго иностранного языка. //Научно–техническая информации. – 2009. – № 5. – С. 219 (на китайском языке)

Li Hongqing*Wuhan University College of foreign languages and Literature***THE DISCUSSION OF TEACHING PROBLEMS IN RUSSIAN
AS SECOND FOREIGN LANGUAGE IN CHINA UNDER THE
BACKGROUND OF ONE BELT AND ONE ROAD**

With the development of One Belt and One Road, in China, the demand for inter-disciplinary talents of Russian language is increasing. Hence, numerous Chinese colleges set up Russian as second foreign language teaching to cope with this situation. However, there are a series of issues in the teaching of Russian as a second foreign language, this essay has preliminarily discussed these problems.

Keywords: One Belt and One Road, Russian, teaching, second foreign language

Цветовая картина мира в русском и китайском языках: на материале фразеологизмов с именами цвета

красный / 红

Данная статья посвящена описанию цветовой картины мира в русском и китайском языках. Освещаются когнитивный и лингвокультурологический аспекты изучения фразеологических единиц, включающих слова с лексическим значением 'красный цвет'. В статье приводится материал, подтверждающий частотность использования имени цвета *красный* / 红 в таких понятийных сферах, как «человек», «социум», «натурфакт», «артефакт». Предпринимается попытка выявить сходное и специфическое в формировании цветовой картины мира соотносимых (русской и китайской) лингвокультур.

Ключевые слова: цветовая картина мира, красный, понятийные сферы, лингвокультура, русский и китайский язык

Язык представляет собой один из самых главных инструментов для познания и восприятия внешнего мира, он дает возможность познакомиться с различными культурами, традициями и менталитетом народов. Посредством языка репрезентируется модель мира, трактуемая как такая «сетка координат», при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании [2, с. 30]. При этом имя цвета (далее ИЦ), характеризующее универсальностью и многозначностью, играет важную роль в категоризации действительности и конструировании мира.

Цвет принадлежит к зрительной категории и «занимает главенствующее место в ряду зрительно воспринимаемых сущностей, представляя собой качество, постоянно присущее объекту» [3: с. 51]. Цветовая картина мира, вербализованная лексемами и фразеологическими единицами с компонентом цветообозначений находится в центре внимания лингвистов на протяжении многих десятилетий. Повышенное внимание к изучению цветообозначений в различных аспектах обусловлено их богатством значений и ассоциативных связей, способностью указывать на материальные признаки и ментальный мир человека. В современной лингвистической науке существуют различные подходы к исследованию цветообозначений: исторический (Р. В. Алимпиева, Н. Б. Бахилина, Т. И. Вендина, Е. М. Иссерлин, И. С. Кузнецова, Ф. Н. Шемякин), семантический (Р. В. Алимпиева, Н. Б. Бахилина, А. П. Василевич,

А. Вежбицкая, В. Berlin, Р. Kay), когнитивный (А. Вежбицкая, В. Г. Кульпина, Е. В. Рахилина), лингвокультурологический (О. В. Евтушенко, И. А. Звонова), сопоставительный (А. П. Василевич, К. Вашакова, В. Г. Кульпина), психолингвистический (А. И. Белов, А. П. Василевич, Р. М. Фрумкина).

Причиной выбора имен цвета *красный* / 红 стали их широкие сочетательные свойства и древность происхождения. По мнению Б. Берлина и П. Кея, можно выделить VII стадий развития ИЦ: языки первой стадии развития имеют в своем составе всего два основных имени цвета (белый и черный), языки второй стадии – три основных (белый, черный и красный), на третьей, четвертой, пятой и т.д. стадиях развития появляются, соответственно, зеленый и желтый, синий, коричневый и т.д. цвета. Это указывает на актуальность исследования имен цвета *красный* / 红 как слов, сеть значений которых «обширна и охватывает многочисленные фрагменты внеязыковой действительности, проецируемой и интерпретируемой языковыми средствами» (цит. по: [6: с. 10]). Теперь подробно проиллюстрируем сферу-источник цвета *красный*, проявляющийся в таких различных областях референции (сферах-мишенях), как «человек», «социум», «натурфакт», «артефакт» в русском и китайском языках. Попытаемся через призму цветообозначений *красный* / 红 познакомиться с образом мира, представленным в языках.

Концептуальная сфера «человек» в русском и китайском языках.

Имена цвета *красный* / 红 используются как в описании внешности человека, так и в моделировании ментальной и речевой сферы жизни человека. Положительная оценка внешности человека запечатлена в значении единиц *красная девица, красная девушка* ‘красивая, прекрасная девушка (обычно как постоянный эпитет)’. В этом случае ИЦ *красный* уже не означает цвет одежды или цвет кожи девушки, а символизирует что-то красивое, выделяющееся в хорошем смысле.

Характеристика речи человека также определяется посредством *красный*. В русском языке есть такое выражение: *ради красного словца*. Красное слово в старину значило слово, написанное с красной строки четким красивым почерком. «В народном обиходе сочетания *красные речи, красные слова* употреблялись и для характеристики чего-то красиво и остроумно сказанного. Уменьшительная форма *словцо* во фразеологизме подчеркивает изящную, остроумную форму сказанного» [1: 532]. Образ фразеологизма включен в цветовую код культуры, где *красный* соотносится с оценочной, ценностной областью культуры, метафорически уподобляется красивому.

Использование ИЦ *красный* носит универсальный характер и присутствует в различных языковых картинах мира. Так, в китайском языке ИЦ 红 (*красный*) также используется для образного выражения и положительной оценки внешности человека, к примеру, 绿鬓红颜 [люй бинь хун янь] (букв. «черные волосы, красное лицо») ‘молодая девушка’; 白发红颜 [бай

384 | фа хун янь] (букв. «белые волосы, красное лицо») ‘о пожилом, но здоровом и энергичном человеке’. Однако, в отличие от русского языка, в китайском языке существуют фразеологизмы с компонентом красный, несущие в себе отрицательную коннотацию: 翠消红减 [цуй сяо хун цзянь] (букв. «зеленое приходит к концу, красное уменьшается») ‘женщина становится некрасивой с возрастом’; 红颜薄命 [хун янь бо мин] (букв. «красное лицо, несчастная судьба») ‘красивые женщины страдают от несчастной судьбы’.

ИЦ 红 (красный) задействовано при описании черт характера и нравственных качеств человека. К примеру, 暮翠朝红 [му цуй чжао хун] (букв. «вечером думают о зеленом, а утром о красном») ‘кто-л. рассеян и неверно относится к любви’; 偎红倚翠 [вэй хун и цуй] (букв. «прижиматься к нарумяненной щеке и касаться наведенных бровей») ‘вступить в интимную связь с публичной женщиной’; 见钱眼红 [цзянь цян янь хун] (букв. «[кто-л как] увидит деньги, глаза [сразу становятся] красными») ‘быть жадным, алчным к деньгам, богатству; 不分青红皂白 [бу фэнь цин хун цзао бай] (букв. «не интересоваться (не различать), что синее, что красное, что черное, что белое») ‘не разбираться в существе вопроса; без разбора, огульно’.

Концептуальная сфера «социум» в русском и китайском языке.

Историко-культурные факторы оказывают большое влияние на использование ИЦ красный в качестве материала для создания фразеологических единиц. После Октябрьской революции ИЦ красный пополняется новым значением, символизирующим коммунизм, революцию, советский социалистический строй и радикальную (левую) идеологию, поскольку красный цвет ассоциируется с цветом крови, с которой всегда связана революция. Таким образом, появляется много фразеологизмов с ИЦ красный. Например, Красная Армия ‘название Советской Армии в период 1918–1946 гг.’; Красный флот ‘название Советского Военно-Морского Флота в период 1918–1937 гг.’; Красное знамя ‘один из символов революционной борьбы’.

Использование слова с исходным значением ‘красный цвет’ в переносном смысле ‘относящийся к революции, коммунизму, перевороту’ также наблюдается в китайском языке: 红色根据地 [хун сэ гэнъ цзюй ди] (букв. «красная база») ‘места, откуда постепенно укреплялась и развивалась КПК (Коммунистическая партия Китая); 又红又专 [ю хун ю чжуань] (букв. «и красные и квалифицированные») ‘политически грамотный и профессионально подготовленный’.

Фразеологизмы с именами *красный* / *红* используются для передачи отдельных экономических представлений, причем цветообозначения развивают интенсификационные значения ‘самый высокий’, ‘много’: красная цена ‘самая высокая цена, которую можно дать за что-л.’, 贯朽粟红 [гуань сю ли хун] (букв. «гниет [несъеденное] зерно и преют веревки от [несчетных] связок чохов») ‘изобилие, всего вдоволь’.

ИЦ *красный* / 红 также используются в религиозной сфере. Всем известно, что в русских домах расположен красный угол ‘часть дома, в которой расположена божница с идолами или иконами и стоит стол; наиболее парадное и значимое место в жилище’. В китайском языке есть фразеологизм 看破红尘 [кань по хун чэнь] (букв. «разочароваться в красной пыли») ‘постигать бренность жизни; презреть мирскую суету’ (красный здесь ассоциируется с различными соблазнами в мире, символизирует стремление к жизни; раньше такое выражение использовалось исключительно в буддийской религии).

Концептуальная сфера «артефакт» в русском и китайском языках.

В русском языке есть фразеологические единицы красный товар ‘ткани’ и красный ряд ‘торговый ряд, где продавались ткани’. ИЦ красный здесь означает наилучший, драгоценный.

Кроме того, имя красный подразумевает что-либо ‘почетное, парадное’, что выражается в фразеологизмах красный двор, красные ворота.

Характеристика артефактов посредством имени цвета красный реализована в наименованиях предметов и в китайском языке, подчеркивая их яркость, но такая коннотация несет отрицательный характер, например, 穿红着绿 [чуань хун чжо люй] (букв. «одеться в красное или зеленое [платье]») ‘кричащая одежда; пышно разодетый’.

Однако в китайской культуре имя цвет 红 (*красный*) обычно символизирует счастье, и поэтому положительной оценкой имени цвета красный обладают многие фразеологические единицы: 花红 [хуа хун] (букв. «цветок красный») ‘свадебные подарки или свадебная одежда’; 牵红线 [цянь хун сянь] (букв. «протягивать красную нить») ‘заниматься сватовством; устраивать брачные знакомства’.

Концептуальная сфера «натурфакт» в русском и китайском языках.

Характеристика натурфактов посредством имени цвета реализована в описании признаков природных объектов для подчеркивания их яркости и светлости. Р. В. Алимпиева выделяет семантический дифференциальный признак ‘яркость’ как ядерный признак собственно красного цвета [1, с. 69]. Например, красное солнце; красный день красная заря. Кроме того, имя цвета красный ассоциируется с высоким сортом чего-либо или наиболее ценной породой. Это значение сохраняет положительную коннотацию и до сих пор: красная дичь, красная рыба, красный зверь в животном мире и красное дерево, красный лес в растительном мире.

В китайском языке также употребляется фразеологизмы с именем 红 для описания яркости солнца: 红日 [хун жи] (букв. «красное солнце») ‘яркое солнце’; 红装素裹 [хун чжуан су го] (букв. «красная одежда в белом наряде») ‘хорошая, солнечная погода после снега’. Кроме того, в китайском языке ИЦ 红 в составе фразеологических единиц используется для описания различных красивых цветов: 姹紫嫣红 [ча цзы янь хун] (букв. «очаровательные фиолетовые и красные [цветы]») ‘прекрасное разноцветие (о цветах)’.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод, что ИЦ с семантическим компонентом 'красный' выступают одним из важнейших источников в создании образных наименований и образных характеристик в русском и китайском языках. Сходство их использования заключается в том, что в обоих языках соотносимые ИЦ широко применяются в концептуальной сфере «социум», символизируя идеологию коммунизма и революционную борьбу. Далее, в обоих языках фразеологические единицы с исследуемыми ИЦ передают идею яркости обозначаемого артефакта и натурфакта. Различия, тем не менее, состоят в том, что в русском языке фразеологические единицы, включающие ИЦ красный, актуализуют идею чего-либо лучшего, высокого по стоимости в сфере «натурфакт» и «социум», чего не было выявлено по отношению к единице 红 в составе фразеологизмов китайского языка.

Литература

1. Алимпиева Р.В. Семантическая значимость слова и структура лексикосемантической группы (на материале прилагательных цветообозначений русского языка) / – Л.: Изд-во Ленинград. Ун-та, 1986. – 182 с.
2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
3. Лоренц К. По ту сторону зеркала // Эволюция. Язык. Познание. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 42–69. (Язык. Семиотика. Культура).
4. Фразеологический словарь имени Синьхуа / ред. Исследовательский центр словарей «shang wu yin shu guan». – Изд-во «Shang wu yin shu guan», 2002. – 1046 с.
5. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. Проф. А. Н. Тихонова / Сост.: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А.В. Корольков. Справочное издание: В 1 т. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 1655 с.
6. Фетисова С.А. Концептуализация имени цвета [Электронный ресурс]: Дис. ... канд. филол наук: 10.02.19. – М.: РГБ, 2005 (Из фондов Российской Государственной Библиотеки). – 174 с.

Li Jing

Pushkin State Russian Language Institute

COLOR PICTURE OF THE WORLD IN RUSSIAN AND CHINESE: ON THE MATERIAL OF IDIOMS WITH THE NAMES OF THE COLOR KRASNY / 红

This article is devoted to the description of the color picture of the world in Russian and Chinese. The cognitive and linguistic-cultural aspects of the study of phraseological units, including words with lexical meaning 'red', are highlighted. The article provides material confirming the frequency of using the name of the color *krasny* / 红 in such conceptual areas as «man», «society», «natural fact», «artifact». An attempt is made to identify similar and specific in the formation of the color picture of the world of the correlated (Russian and Chinese) linguocultures.

Keywords: the color picture of the world, red, conceptual areas, linguoculture, Russian and Chinese.

Лингводидактически значимые особенности языковой личности китайского учащегося начального этапа обучения

В статье посвящена выявлению и описанию лингводидактически значимых особенностей языковой личности (далее: ЯЛ) китайского учащегося, изучающего русский язык (РЯ) в довузовский период в условиях России (т.е. на начальном этапе обучения языку).

Ключевые слова: языковая личность, китайский учащийся, начальный этап.

Актуальность данной работы связана с социально-культурными и производственными потребностями китайского общества в высококвалифицированных кадрах. Данная задача для Китая решается, в том числе, и в условиях России. Так, в настоящее время среди иностранных учащихся российских вузов китайские студенты и слушатели по своей численности занимают второе место. Однако наши наблюдения показывают, что более половины китайских учащихся, поступающих на подготовительные факультеты (далее: ПФ) российских вузов не справляются с учебными программами, испытывают значительные трудности усвоения как русский язык (далее: РЯ), так и профильных предметов. В данной работе мы попытаемся рассмотреть социально и этнокультурно обусловленную языковую личность (далее: ЯЛ) китайского учащегося и определить трудности изучения РЯ (и профильных предметов), которые связаны с особенностями данной личности.

Поскольку наибольшие трудности испытывают китайские учащиеся в самый первый период обучения в российских вузах (т.е. на начальном этапе обучения), следовательно, в качестве объекта исследования мы выбираем учебный процесс начального этапа (далее: НЭ) обучения, а в качестве предмета исследования – социально и культурно обусловленную ЯЛ китайского учащегося, существенным образом влияющую на успешность/неуспешность ее учебного процесса.

В методике преподавания русскому языку как иностранному (РКИ) на сегодняшний день имеются национально ориентированные работы, посвященные обучению китайских учащихся на НЭ. Это работы И.А. Бобрышевой, Л.П. Мухаммад, Вэнь Яо, Ван Лися, Ян Цин и т.д. [1,2,3]. Однако эти работы написаны уже очень-очень давно [1] (и, в связи с этим, по многим параметрам

388 | уже не отражают специфику современного китайского учащегося), или показывают только 2–3 черты ЯЛ учащегося, имеющие отношение к обучению данной личности на НЭ [1]. Таким образом, цель исследования – определить особенности ЯЛ современных китайских учащихся, способствующие (или тормозящие) усвоение РЯ и профильных предметов по избранной специальности.

По мнению ученых, на НЭ обучения применительно к ПФ достигается «пороговый, или 1-й сертификационный уровень (РКИ-1) владения языком, предоставляющий учащимся удовлетворять основные коммуникативные потребности в реальных ситуациях общения с носителями языка в бытовой и социально-культурной сферах общения, а также участвовать в учебном процессе на русском языке» [4:45]. Как видим, цели НЭ обучения внушительны, а их достижение китайскими учащимися остается под вопросом. Чтобы понять причины этому, попытаемся определить некоторые черты ЯЛ современных китайских учащихся, приезжающих на обучение в Россию.

Как мы думаем, главными факторами, определившими содержание и структуру ЯЛ современного китайского учащегося, являются социальные и этнокультурные факторы. С одной стороны, в лингводидактике общеизвестны весьма положительные с точки зрения учебной деятельности черты личности, заложенные традиционной китайской культурой и конфуцианской системой образования. Это вежливость, воспитанность личности учащегося, сдержанность, скромность, умение слушать, способность к самостоятельной работе, опора на книгу как источник знаний. С другой стороны, в семидесятых годах прошлого века Китай был вынужден провести демографическую реформу, позволяющую семье иметь только одного ребенка. В связи с этим современный китайский молодой человек/девушка (в том числе и современные китайские учащиеся Китая и России), можно сказать, «ребенок» данной реформы, причем ребенок, осознающий себя «единственным» и неповторимым, «центром мироздания». Отсюда и его эгоцентричность. Это привело к тому, что даже в своей родной среде, в условиях Китая, китайская молодежь не отвечает тому «портрету», который обычно рисуют в отношении китайцев. Так, в настоящее время мотивация поведения молодых китайцев определяется, главным образом, прагматическими целями, постепенно вытесняя такие присущие конфуцианской культуре нравственные качества, как взаимопомощь, сочувствие, доброжелательность. Наряду с этим формируются такие отрицательные черты, как отсутствие приспособленности к повышенным психологическим нагрузкам; слабая ориентировка в новых условиях; ограниченный круг интересов, ориентированность на конкретный, опредмеченный, мир, затруднения в восприятии отвлеченных, абстрактных понятий и т. д.

Все эти, описанные выше, особенности современной ЯЛ китайского учащегося проявляются и в условиях России и отрицательно сказываются на их межкультурном общении, в том числе и учебном речевом взаимодействии.

Так, мы выделяем три группы трудностей, связанных с ЯЛ современного китайского учащегося: 1) трудности социального характера: коммуникативные барьеры, связанные с социальными, территориальными и этнокультурными различиями данных учащихся; несоблюдение культурных норм общения с ровесниками и старшими (в том числе и преподавателями); вузовские перегрузки, связанные с насыщенностью программ ПФ; отсутствие систематического контроля, к которому учащиеся привыкли в рамках отечественной школы и т. д.; 2) трудности психологического и психолингвистического характера, среди которых наиболее часто встречающимися являются: а) отсутствие достаточных волевых качеств в достижении результата; б) слабое произвольное внимание, мешающее учащемуся сосредоточиться на предмете учебного взаимодействия; 3) языковые проблемы, связанные: а) с содержанием и структурой ЯЛ учащегося; б) с отсутствием последовательной национально ориентированной педагогической стратегией, учитывающей вышеизложенные (и иные) особенности ЯЛ.

Безусловно, практика показывает, что существуют и чисто языковые трудности (фонетические, грамматические лексические), но это, как мы понимаем, является отдельной темой исследования.

Литература

1. Бобрышева И.А. Учет национальных лингвометодических традиций в обучении русскому языку как иностранному китайских учащихся в условиях русской языковой среды (начальный этап): Дис. ...канд.пед.наук: 13.00.02. – М., 1996.
2. Ван Лися, Л.П. Мухаммад. Описательный текст в учебном процессе китайских студентов-филологов (начальный этап обучения):// Российский научный журнал. – Москва, 2017. – № 4 (18).
3. Вэнь Яо. Специфика организации языкового материала при обучении китайских студентов-филологов (уровни A1–A2): магистерская диссертация. – М., 2014.
4. Шукин А.Н., Азимов Э.Г. Новый словарь методических терминов понятий. – М., 2009.

Lin Xiaoyue

The Pushkin State Russian Language Institute

LINGUODIDACTIC SIGNIFICANT FEATURES OF THE LANGUAGE PERSONALITY IN CHINESE STUDENT AT THE INITIAL STAGE OF TRAINING

The article is devoted to the identification and description of linguodidactic significant features of the language personality in Chinese student studying Russian in the pre-University period in Russia (i.e. at the initial stage of language learning).

Keywords: linguistic personality, Chinese student, initial stage of language learning.

Англицизмы в русской и французской рекламе: глобализация и языковая политика

Вопрос о влиянии английского на национальные языки является актуальным для многих стран мира уже более полувека. В попытке защитить своих граждан и язык отдельные страны, такие, как Россия и Франция, стараются регулировать использование иностранных языков на законодательном уровне. Цель данной статьи – установить эффективность данных языковых политик на примере анализа рекламных текстов, использующих англицизмы, а также определить причины все более частого их употребления.

Ключевые слова: рекламный текст, англицизм, языковая политика, русский язык, французский язык.

Языки, как и сообщества, говорящие на них, изменяются с течением времени. С появлением новых реалий и концептов появляется потребность в новых словах, которую языки часто удовлетворяют посредством заимствования. В результате усиления англо-американского влияния на мировую экономику именно английский язык приобрел статус основного языка-донора для большинства новых заимствований по всему миру [10], а стремительная глобализация конца XX – начала XXI века создала потребность в ускорении эволюции культур и языков стран мирового сообщества.

Лингвисты по всему миру задаются вопросом о том, является ли влияние английского на национальные языки попыткой насаждения чуждой культуры или естественной эволюцией. Отдельные страны, например, Россия и Франция, издают законы, направленные на ограничение использования иностранных языков в СМИ.

Речь, безусловно, не идет о запретах. Англицизмы уже давно и широко используются в сфере компьютерных технологий, экономики и организации производства, искусства (музыки, кино, игр), в интернет-общении, молодежном жаргоне и других [2, с. 137]; [4, с. 92–93]. Но как в России, так и во Франции среднестатистический обыватель имеет большой шанс столкнуться с англицизмом в рекламе: исследования французских ученых показывают, что человек может ежедневно столкнуться с 700–3000 рекламных объявлений [7, с. 36], и количество использований англицизмов (в широком их понимании [5, с. 45]) в них увеличивается с каждым годом.

Часто употребление в рекламе англицизмов и терминов, использующих латинский алфавит, необходимо и неизбежно для точной передачи информации о предлагаемых продуктах и услугах ввиду отсутствия в русском языке альтернативного перевода: Разгони интернет на даче до 4G! / 4G Wi-Fi роутер (реклама интернет-тарифа от Билайн); Мой новый бралетт с эффектом пуш-ап (реклама нижнего белья Intimissimi); QROOTO – кешбэк за продукты! (реклама приложения QROOTO).

Однако столь же часто можно встретить и такие случаи, когда англицизм имеет русский аналог, который отбрасывается ради стилистического эффекта от использования англицизма (далее выделения наши): Готовые квартиры / В Хамовниках / SALE вместо 'распродажа' (квартиры от ДонСтрой); трендовые оттенки вместо 'модные оттенки' (реклама косметики Mark); Шепчи, шерь, перемещайся целый месяц бесплатно вместо 'шепчи, делись' (реклама мобильного оператора Yota). То же самое встречается и во французской рекламе: Le Voyage by Kuoni (реклама турагентства Kuoni); les French days (попытка создания французского аналога черной пятницы); Showcase Marseille (реклама культурного мероприятия). Использование англицизмов (в случае с французской рекламой – непосредственно английского языка) в подобных случаях является маркетинговой стратегией.

Как известно, задача рекламного текста – привлечь и удержать внимание потенциального клиента, создать положительное отношение и интерес к бренду, мотивировать приобрести товар или услугу (маркетинговая модель, также известная на западе как IADA: Attention, Interest, Desire, Action, 'внимание, интерес, желание, действие'). Англицизмы играют важную роль в привлечении внимания и повышении престижа бренда: знание английского языка в современном обществе считается престижным. В свою очередь, рекламодатели, использующие в том или ином виде в рекламных сообщениях английский язык (английские слова, транслитерации, экзотизмы, композиты, аббревиатуры, графические и графические гибриды [3, с. 30]), хотят, чтобы рекламируемые бренды казались особо актуальными. При этом рекламодатели не ставят перед собой задачу сделать текст понятным (так, далеко не каждый носитель русского языка поймет слова шерить и бралетт): исследования показывают, что «странность» и «непонятность» иноязычных слов только усиливает уникальность и престиж рекламируемых товаров в глазах потенциальных покупателей [6, с. 49]. Представители французской рекламной индустрии также высказываются в пользу широкого употребления английского языка в рекламе. Так, французское отделение рекламной фирмы Ogilvy & Mather считает, что английский язык кажется более натуральным, более современным, более «сексуальным»; более того, он гораздо больше предрасположен к игре слов благодаря его подвижности, краткости и полисемии. Представители коммуникационного агентства Sidièse напоминают,

392 | что рекламные тексты всегда сильно ограничены в пространстве и времени и английский язык позволяет передать больше информации меньшим количеством слов. Директор креативного агентства *Hémisphère Droit* добавляет к этому, что высокая синтетичность английского языка позволяет создать более символические и многозначные слоганы и заголовки [8, с. 13–14].

Однако не все исследователи считают увеличивающееся влияние английского языка положительным. В России голоса защитников и противников англицизмов имеют сопоставимый вес: так, А.В. Кравченко, В.В. Кабакчи и другие считают, что проникновение англицизмов пагубно сказывается на русском языке, в то время как Е.А. Земская и Л.П. Крысин полагают, что речь идет скорее о преходящей тенденции; тем временем все больше исследователей приходят к мнению, что данное явление является частью эволюции языка в рамках системы «человек – общество – языковая среда» [1, с. 233].

Во Франции вопрос о защите национального языка стоит более остро: французский язык гораздо сильнее подвержен влиянию английского в силу уже имеющегося между языками сходства: оба языка используют латинский алфавит, имеют ряд схожих типологических признаков, а 40–56% процентов лексики английского языка имеет французское или латинское происхождение (точная цифра зависит от объема словаря, взятого при анализе). Все эти особенности уменьшают языковой барьер и облегчают процесс проникновения во французский язык заимствований, что вызывает беспокойство как у французских лингвистов, так и простых граждан. Так, борьба с *franglais* ('франгле', 'френглишем') ведется во Франции уже более полувека. Сам термин впервые появился в 1959 году и до сих пор продолжает широко использоваться не только в лингвистических очерках, но и в прессе, повседневном общении. Так, например, названия статей и публикаций по данной теме достаточно показательны: «Когда французский начинает говорить по-английски», «Англицизмы: Куда смотрит CSA [Высший совет аудио и видео]?», «Когда язык Шекспира зарится на язык Мольера», «Уничтожит ли франгле французский язык?». В противоположность этому, термин *рунглиш* не несет такой сильной отрицательной коннотации и используется скорее для обозначения фактических случаев смешения языков, нежели для критики современной эволюции языка.

В обеих странах использование английского языка в рекламе ограничено на законодательном уровне: в России в силу п.1 ч.5 ст.5 Федерального Закона «О рекламе» от 13 марта 2006 года в рекламе не допускается использование иностранных слов и выражений, которые могут привести к «искажению смысла информации». Поскольку знание английского языка не является обязательным для граждан РФ, считается, что его использование не позволяет каждому потребителю уяснить содержание рекламного сообщения полностью: любое использование иностранных языков (вплоть до вывесок

DISCOUNT) должно сопровождаться переводом (на практике суды не всегда требуют выполнения перевода буквами того же размера и цвета, но штрафуют рекламодателей, если перевод плохо видим или неправилен). Привлечение к ответственности считается правомерным даже в случае написания иностранных слов русскими буквами.

Это требование не распространяется на зарегистрированные фирменные наименования и товарные знаки. В соответствии с п.1 ч.4 ст.1474 Гражданского Кодекса Российской Федерации, юридическое лицо имеет право использования своего фирменного наименования в качестве средства индивидуализации. Таким образом, названия марок и компаний (а также сервисов и товаров, которые они предлагают) свободно используются в рекламе для создания контраста и привлечения внимания как при простом наименовании продукта или фирмы, так и в рамках языковой игры. Примером простых упоминаний могут служить такие рекламные объявления, как Звони, пиши, будь онлайн / с опцией / «Роуминг, Гудбай!» (реклама опции связи от МегаФон); Чай ТИ ТЭНГ / Гордость Цейлона!; SHISHEIDO / Ever Bloom / НОВЫЙ АРОМАТ (духи в сети магазинов Л'Этуаль). Языковая игра, тоже достаточно распространенная в современных рекламных текстах, обычно построена на созвучии названий фирм со словами, частями слов или словосочетаниями: Expostroy мечту (реклама ИДИ), GOOD'OK (опция мелодии вместо гудка от МТС), ЖК VAVILOVE (ЖК на улице Вавилова от ПАО INGRAD). Можно встретить случаи перестраховки: так, в рекламе бутилированной воды Vittel к слову ОжиVittelно! дается крупно напечатанная сноска «вымышленное слово, является художественным приемом».

Правовые акты, направленные на ограничение использования иностранных языков в рекламе, позиционируются как попытка защитить интересы российских потребителей от некачественной рекламы, однако во Франции данный вопрос поднимается в рамках защиты национального языка от иностранных влияний. Первый закон о запрете использований иностранных языков и заимствований был подписан уже в 1975 году; в 1994 ему на смену пришел закон «Relative à l'emploi de la langue française» ('об использования французского языка') – так называемый закон Тубона, – обязывающий рекламодателей давать перевод любых иностранных слов и выражений, даже если они являются частью фирменного наименования, слогана и т.п. Таким образом, можно констатировать схожесть языковой политики РФ и Французской Республики в отношении рекламы, особенно в контексте отсутствия аналогичных законов в большинстве европейских стран.

Информацию о действенности закона Тубона на территории Франции можно найти в отчетах ARPP (межпрофессиональной организации, занимающейся регулированием рекламы): процент нарушений закона в классических медиа колеблется в районе 4 % [8, с. 4], но поднялся до 4,8 %, когда в отчете

394 | 2018 года в анализ рекламы были включены социальные сети [9, с. 17]. При этом подавляющее большинство нарушений связано именно с использованием иностранных языков: в 2018 году 88,7% нарушений приходится на отсутствие перевода и 10,9% на его трудночитаемость. Из этого можно сделать вывод, что, с точки зрения рекламодателей, целевая аудитория рекламных текстов, содержащих иностранные (преимущественно англоязычные) вкрапления, не нуждается в переводе. Особенно это касается рекламы в интернете: 40,7% случаев отсутствия перевода приходится на социальные сети. К стандартному набору слов и выражений, часто остающихся без перевода (by, game, battle, goodies, drink, team, lover, welcome, let's go, hair design и др.) также добавились англоязычные акронимы (DIY, BAE, BFF и др.) и хэштэги (#coffee, #healthy, #loveframboise и др.), на которые закон Тубона также распространяется. Для активных пользователей интернета очевиден факт, что хэштэги и акронимы появились впервые не в 2018 году; напротив, они уже много лет являются неотъемлемым элементом интернет-коммуникации, однако растущий интерес к их использованию указывает, с одной стороны, на признание роли интернета как пространства для межличностного общения со стороны государственных структур (так, в силу технических затруднений французские исследования лингвистического разнообразия мировой паутины были приостановлены в 2007 и возобновились лишь в 2017 [11, с. 121]), и желания контролировать это пространство – с другой.

В заключение стоит сказать, что проникновение англицизмов в другие языки, ускорившееся в конце XX века, и их последующее появление в рекламных текстах объясняется, во-первых, потребностью в словах для именования новых реалий и, во-вторых, модой. Отдельные страны, такие, как Франция и Россия, стараются ограничить использование англицизмов на территории своих стран на законодательном уровне. Тогда как специалисты по маркетингу не согласны с данными требованиями и считают использование англицизмов полезным для бизнеса, среди лингвистов нет единого мнения о том, окажется ли влияние английского на национальные языки пагубным в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Бойко С.А. Англицизмы в современном русском языке: что и зачем заимствуется? // Известия БГУ. – 2012. – № 2. – С. 232–235.
2. Косенко Е.И. К вопросу об англицизмах в современном русском языке // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2015. – № 4. – С. 137–140.
3. Косенко Е.И. Функциональные особенности англицизмов в out-of-home-рекламе // Вестник ТГПУ. – 2016. – № 10 (175). – С. 28–31.

4. Магомедгаджиева П.Н. Заимствования и вопросы современной вербальной коммуникации // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. – 2017. – №1. – С. 91–94.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 28-е изд., переработ. / под общ. ред. профессора Скворцова Л.И. – М.: Мир и образование, 2017. – 1376 с.
6. Сагитова Р.Р., Федорова Д.С. Англицизмы в Российской рекламе // Казанский вестник молодых ученых. – 2018. – № 4 (7). – С. 49–51.
7. Berthelot-Guiet K. Analyser les discours publicitaires. – Armand Colin, 2015. – 99 p.
8. Bilan 2009 Publicité et Langue Française. – 2009. – URL: https://www.arpp.org/IMG/pdf/bilan_2009_new_logo-3.pdf (дата обращения: 25.01.2019).
9. Bilan 2018 Publicité et Langue Française. – 2018. – URL: <https://www.arpp.org/wp-content/uploads/2018/09/Observatoire-Publicit%C3%A9-langue-fran%C3%A7aise-2018.pdf> (дата обращения: 25.01.2019).
10. Crystal D. English as a global language. – Cambridge, UK New York: Cambridge University Press. – 2003. – 212 p.
11. Rapport au Parlement sur l'emploi de la langue française. – 2017. – URL: <https://www.ladocumentationfrancaise.fr/var/storage/rapports-publics/184000008.pdf> (дата обращения: 25.01.2019).

Litnevskaja O. A.

PhD student in Jean Moulin University Lyon 3

Gymnasium MSU Lomonossov

ANGLICISMS IN RUSSIAN AND FRENCH ADVERTISING: GLOBALIZATION AND LANGUAGE POLICIES

Abstract: The growing influence of English on national languages has been a topical issue for many countries for over half a century. Several countries, such as Russia and France, introduce language policies in an attempt to regulate the use of foreign languages. The goal of this article is to determine the efficacy of such policies through the analysis of advertising texts that use Anglicisms. Another goal is to discern the reasons behind their ever-growing usage.

Keywords: advertising, Anglicism, language policy, Russian, French.

Духовно-нравственное развитие современного ученика обычной школы

Статья о трудностях, проблемах и возможностях обучения и развития детей в маленькой школе. Мир вокруг школы нестабилен, сложен и недобр. Как сберечь и развить маленькую душу ребенка, приготовить его к выходу в большой мир? Этому помогают программа духовно-нравственного развития, уроки литературы и курсы внеурочной деятельности гуманитарного цикла.

Ключевые слова: духовность, нравственность, уклад школьной жизни, урок литературы.

Мы живем в нелегкое время, время перемен. Перемен во всех сферах жизни, и, в том числе, в сфере образования. Это время неопределенности и нестабильности, беззащитности человека и в новом виртуальном пространстве под названием Интернет.

Задача нашей МКОУ Аннинской СОШ № 6 – направить учебно-воспитательную работу на системное духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся, основанное на формировании морально-нравственного, личностно развивающего, социально открытого уклада школьной жизни.

Уклад школьной жизни сейчас очень важен для современного поколения. В мире, где происходят глобальные изменения, где царит многополярность, где взрослым трудно разобраться, ребенку необходима стабильность. Атмосфера, где он чувствует непоколебимые ценности добра, где он чувствует себя в безопасности, где ему комфортно, и где он может развиваться, находить себя, формироваться как самодостаточная личность среди таких же личностей. Но, конечно, это не замкнутая система. Участвуя в различных мероприятиях районного, регионального, всероссийского, международного уровня, школьники самоутверждаются в большом мире. И инновационные процессы должны приходить в школу, школьники и учителя должны меняться, идти в ногу со временем, развиваться, чтобы жить интересно.

Школа у нас обычная и маленькая. Но мы, небольшой коллектив педагогов, стараемся, чтобы все дети получали выбор интересной и разнообразной деятельности. Это и спортивно-оздоровительное направление (у нас хороший спортивный зал и замечательная летняя спортивная площадка), и общекультурное (прекрасный актовый зал, где проводятся все общешкольные праздники и мероприятия, театральные постановки не только школьные, но и районные), и социальное (под руководством опытного психолога школь-

ники адаптируются в новой среде при переходе из одного уровня обучения в другой и участвуют в социально значимых акциях), и общеинтеллектуальное (предметные декады, олимпиады разного уровня). Развивается волонтерское движение. Старшеклассники традиционно помогают младшим готовиться к смотру строя и песни в Месячник Защитника Отечества, пропагандируют здоровый образ жизни.

Участие в поездках с поздравлениями пожилых людей и ветеранов ВОВ в близлежащие села – очень значимая часть нашей воспитательной работы. Это – праздники «День матери», «День Победы». Школьники чувствуют искреннюю благодарность пожилых людей, и они получают духовное подтверждение значимости своей деятельности, ответственности перед старшими, что очень важно в наше время.

И, конечно, одна из составляющих этой работы – уроки русского языка и литературы, внеурочная деятельность в этой предметной области. Именно произведения, изучаемые в школьной программе, такие как «Муму» И.С.Тургенева, «Кавказский пленник» Л.Н. Толстого, «Алые паруса» А. Грина, «Конь с розовой гривой» В Астафьева и другие подобные рассказы и повести способствуют формированию духовных ценностей каждого ребенка. Вновь актуальны и ценны проблемы детства в произведении Л.Н. Толстого «Детство». Что было раньше, в детские годы моего поколения, естественным, как воздух: добро, любовь, забота, доверие, – сейчас удивляет, и многие дети, этого лишенные, агрессивны и жестоки, покрыты толстым защитным панцирем равнодушия. Именно уроки литературы заставляют почувствовать что-то другое, стать чуть-чуть доверчивее и добрее.

Меняется речь детей, ведь они мало разговаривают и общаются в реальности, очень много в виртуальном пространстве, где не требуется формулировать мысль. Она уже выдается сформулированной кем-то. Писать сочинения становится все трудней, ведь нужно размышлять и анализировать. Поэтому вводимое устное собеседование по русскому языку как допуск к основным экзаменам – нужное и своевременное дело. Иначе школьники потеряют мотивацию к формированию коммуникативной компетенции, иными словами, перестанут говорить на литературном языке.

Занятия в рамках внеурочного курса «Творческая мастерская» (5–7 класс), где обсуждаются и инсценируются маленькие эпизоды из жизни класса, маленькие рассказы, потом этот опыт транслируется в спектакль, который показывается для учеников, родителей нашей школы, на муниципальном Фестивале школьных театров. Участие в конкурсе чтецов «Живая классика» на разных уровнях (классный этап, школьный этап, региональный), формируют и духовное, и нравственное начало каждой личности ребенка, принимающих в них участие. В отсутствии детских передач, детских фильмов как на телевидении, так и на экранах кинотеатров, именно в школе звучащие произве-

398 | дения для детей пробуждают лучшие чувства в душах наших детей, которые скоро станут взрослыми – сопереживание, любовь, уважение, заставляют задуматься о важных семейных и личных проблемах, об ответственности друг за друга. Ничто пока не может заменить продуманное звучащее слово о важном. Душа ребенка отзывается на него, становится живой. Это тем более значимо, что детство у современных детей проходит как-то по-другому. Они очень рано становятся взрослыми, не прожив детство эмоционально, без детских игр, без детских передач, без собственной детской жизни. Родители или чрезмерно опекают детей, или оставляют их на попечение Интернета. Мало кто знает из родителей сейчас, что хорошо для его ребенка. Поэтому школа сейчас – именно маленькая и обычная для обычных детей – это их маленький мир, где они учатся жить в новом бесконечно меняющемся мире. Где ценности – вечные: добро, любовь, порядочность, ответственность. И бесконечное творчество: как сделать этот большой мир лучше!

Литература

1. Александрова, В. Г. Возрождение духовных традиций гуманной педагогики Педагогика. – 2008. – № 6. – С. 42–47.
2. Ахмедьянова, А. Г. Опыт, проблемы и перспективы духовно-нравственного воспитания школьников. А. Г. Ахмедьянова // Стандарты и мониторинг в образовании. – 2010. № 3. С. 38–42.
3. Буравова, О. С. Устное народное творчество в воспитании нравственной культуры школьников. О. С. Буравова // Начальная школа. – 2010. № 7. С. 24–25.
4. Ванслова, Е. Г. Как приобщить детей к культуре средствами музейной педагогики .Е. Г. Ванслова // Школьная библиотека. – 2008. – № 6–7. – С. 174–179.
5. Васильева, Т. Е. Музейная педагогика как средство формирования духовно –нравственных ценностей .Т. Е. Васильева, О. Г. Панченко // Воспитание школьников. 2011. – № 4. – С. 37–41.
6. Власова, Т. И. Духовно – нравственное развитие современных школьников как процесс овладения смыслом жизни .Т. И. Власова // Педагогика. – 2008. – № 9. – С. 108–113.

Lobova I. V.

Anninsky secondary school № 6

SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT OF A MODERN PUPIL OF AN ORDINARY SCHOOL

Article about the difficulties, problems and opportunities of education and development of children in a small school. The world around the school is unstable, complex and unkind. How to save and develop a small child's soul, to prepare him for the exit to the big world? This is helped by the program of spiritual and moral development, literature lessons and courses of extracurricular activities of the humanitarian cycle.

Keywords: spirituality, morality, and way of school life, the lesson of literature.

М. П. Погодин о детстве, воспитании и первых литературных опытах Н. М. Карамзина

В статье проанализирована работа М. П. Погодина «Детство, воспитание и первые литературные опыты Карамзина» (1866), имеющая непреходящую ценность для историков и литературоведов нашего времени.

Ключевые слова: М. П. Погодин, Н. М. Карамзин, история, русская литература XIX в.

М. П. Погодин воспринимал Н. М. Карамзина как своего учителя, наставника. В 1866 г., после долгих лет исследования творческого наследия Карамзина, М. П. Погодин издает книгу, которая остается до сих пор наиболее полным источником информации о жизни и творчестве писателя, «Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников» [2]. Взгляды Карамзина нашли отражение в ранних работах историка: «Взгляд на русскую историю» (1832), «Параллель русской истории с историей европейских государств относительно начала» (1845).

Однако, имя М. П. Погодина в отечественной науке оказалось преданным забвению. Его труды не переиздавались. Из нескольких сотен статей и книг Погодина, изданных в последние годы в виде двух однотомников и тома «Простая речь о мудреных вещах» [3] (без вариантов и дополнения), представлены, в основном его главные исторические и политические труды. Это достаточно для первоначального знакомства с наследием Погодина, но недостаточно для исследователей русской литературы и истории, и для понимания роли Погодина в литературном процессе XIX века. Одной из таких забытых статей является и рассматриваемая нами работа М. П. Погодина «Детство, воспитание и первые литературные опыты Карамзина» [1].

Говоря о Н. М. Карамзине, обычно упоминают его «Историю Государства Российского», «Письма русского путешественника» и «Бедную Лизу». М. П. Погодин же, не ограничиваясь зрелыми трудами историка, рисует его портрет, начиная с детских лет и первых шагов будущего знаменитого ученого на поприще литературы. Однако его работу о детских годах Карамзина исследователи незаслуженно оставляют без внимания. Во всяком случае она не фигурирует в списках литературы в работах по творчеству этого историка. В качестве примера приведем обнаруженную нами в сети Интернет школь-

400 | ную проектную работу 2012 года «Жизнь и творческая деятельность Н.М. Карамзина» (Шатохин Ю., ученик 8 «Б» класса, Пестеров А., ученик 8 «Б» класса. Руководитель проекта: Чикунов М.П., к.и.н., учитель истории) [4], в которой авторы пишут: «О детстве и юности Карамзина известно совсем немного — не сохранилось ни дневников, ни писем от родственников, ни юношеских сочинений. Принято считать, что некоторые впечатления об этом времени Карамзин оставил в своих литературных произведениях» [4]. Не упоминается названная нами статья и в более серьезных научных работах (М. Ю. Лотмана, Б. М. Эйхенбаума и др.), а также ни разу не переиздавалась с тех пор, как вышла в 1866 г. в сборнике «Утро».

Чем же интересна эта статья М. П. Погодина? На наш взгляд, ее особая ценность в том, что автор дает представление о детстве Карамзина, основываясь на документальных источниках (собранных им рассказах и письменных свидетельствах родственников Карамзина), а также представляет его первые литературные опыты с историей их создания. Например, интересно стихотворение юного Карамзина, обращенное к Волге (почти как у Н. А. Некрасова):

Дерзну ли я на слабой лире
Тебя, о Волга! величать

.....

Где в первый раз открыл я взор,
Небесным светом озарился,
И чувством жизни насладился;
Где птичек нежных громкий хор
Воспел рождение младенца;
Где я природу полюбил, —
Ей первенца души и сердца,
Слезу, улыбку посвятил,
И рос в веселии невинном,
Как юный мир в лесу пустынном. [1, с. 3–4].

Пребывание в Москве в 1785–1788 гг. также отразилось в карамзинских стихах (из послания к Дмитриеву, 1793²):

И я, о друг мой! наслаждался
Своею красною весной,
И я местами обольщался —
Любил с горячностью людей,
Как нежных братий и друзей;
Желал добра им всей душою;
Готов был кровию моею
Пожертвовать для счастья их,

² Многие поэты и писатели XIX в. в дружеских письмах писали друг другу стихи, выражая свои чувства и наблюдения.

И в самых горестях своих
Надеждой сладкой веселился
Небесполезно жить для них –
Мой дух сей мыслию гордился!
Источник радостей и благ
Открыл в чувствительных душах;
Пленить их истиной святою,
Ее нетленной красотой;
Орудием небесным быть;
И в памяти потомства жить,
Казалось мне всего славнее,
Всего прекраснее, милее!
Я жребий свой благословлял,
Любуясь прелестью награды –
И тихий свет моей лампы
С звездою утра угасал. [1, с. 54].

Такие философские по своему звучанию стихи, казалось бы, должны принадлежать зрелому человеку, а на самом деле они написаны юношей. М. П. Погодин отмечает, что будущему преобразователю русского литературного языка и начинателю нового периода русской словесности было всего 23 года.

М. П. Погодин в качестве важной вехи в истории русского слова отмечает первое письмо Карамзина с дороги, из Твери, от 18 мая 1789 г., особенно его концовку: «Все прошедшее есть сон и тень: ах! Где часы, в которые так хорошо бывало сердцу моему посреди вас, милые? Если бы человеку, самому благополучному, вдруг открылось будущее, то замерло бы сердце его от ужаса, и язык его онемел бы в самую ту минуту, в которую он думал назвать себя счастливейшим из смертных!..» [1, с. 56]. М. П. Погодин отмечает ясность, простоту, легкость, плавность и живость речи в этом письме, ранее русскому языку не свойственные, и восклицает: «Где Карамзин научился этому языку? Где нашел его образцы? Где – в своем чувстве, в своем сердце, в своем слухе, посредством долгого, неутомимого прилежания, посредством настойчивой, ревностной работы, внимательного, глубокого размышления» [1, с. 57].

Особенно интересен круг чтения юного Карамзина, отражающий читательские предпочтения его окружения и особенности воспитания. Ребенок, воспитывавшийся в деревне, начал читать рано, и читал, почти как Пушкинская Татьяна Ларина, романы. Из книг, читанных в детстве, «осталась у него в памяти Книга Язык, переведенная Сергеем Волчковым, по страшно тяжелому слогу» [1, с. 6]. Сергей Саввич Волчков (1707 — 1773) — переводчик, секретарь Академии наук, директор Сенатской типографии. Во время работы секретарем Академии наук С. С. Волчков переводил для «Санкт-

402 | Петербургских ведомостей» (с 1735 по 1739) и «Примечаний к Ведомостям» (с 1736 по 1741) сочинения профессоров академии, написанных на немецком языке. Имеется в виду книга Лорана Борделона (1653–1730) «Книга Язык» (Переведена с французского Сергеем Волчковым. – 2-м тиснением. – Санкт-Петербург: При Имп. Акад. наук, 1791. – [7], 312 с.). В аннотации к книге говорится, что она посвящена искусству разговора, беседы, полемики, а каждая глава ее характеризует язык людей разного типа (насмешника, спорщика, хвалящего, лжеца и т. д.).

Первой светской книгой, прочитанной Карамзиным, были басни Эзопа, которые он выучил наизусть. Далее упоминает М. П. Погодин такие книги, как «Даира, восточная повесть, Селим и Дамассина, Мирамонд, истории Лорда N», чтение которых Карамзин описывает в повести «Рыцарь нашего времени» (герой повести Леон – автобиографический персонаж). Даира – имеется в виду книга А.Ж.Ж.Л.Р. де Ла Поплиньера «Даира. Восточная повесть» в 4-х частях (М., 1766–1767). Селим и Дамассина – это книга Ле Живра де Ришбурга «Селим и Дамасина: Африканская повесть» (пер. с фр., СПб., 1786). Мирамонд – это книга Федора Александровича Эмина (1735–1770.) «Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда» (СПб., 1792). Истории Лорда N – по-видимому, как отмечает в комментариях к повести Карамзина Г. Макогоненко, имеется в виду роман «Приключение милорда, или Жизнь молодого человека, бывшего игральщиком любви» (СПб., 1771).

Также среди книг, прочитанных Карамзиным, упоминается Ролленева История. Шарль Роллен (1661–1741), французский историк и педагог, автор книг «Древняя история» и «Римская история», которые перевел на русский язык В. К. Тредиаковский (1752–1759).

Первым же печатным трудом Карамзина был «перевод Геснеровой идиллии «Деревянная нога» (1783)». Также он переводил Шекспира, учась в университете, и писал пьесу о Соломоне, о чем М. П. Погодин приводит эпистолярные свидетельства. Например, в одном из писем к Карамзину его товарищ Петров пишет ему: «... а с сформированною в голове твоей пьесою о Соломоне не осмеливайся показываться в публику...» [1, с. 25] и предупреждает, что нельзя начинать литературное поприще, плохо зная только что выученный чужой язык. По-видимому, Карамзин хотел написать пьесу на немецком языке.

Нужно отметить, что круг чтения Карамзина отражает состояние детской литературы его времени. Это были переводные просветительские произведения, вроде истории Роллена, а также энциклопедии и путешествия, детский журнал Н. И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума».

Таким образом, статья М. П. Погодина открывает перед читателем новые страницы жизни и творчества Н. М. Карамзина, рисует шаг за шагом, по документам и рассказам восстановленные ранние годы жизни великого историка и писателя, делая его более понятным и близким читателю. Пе-

реиздание этой статьи в составе полного собрания историко-филологических трудов М. П. Погодина, как мы надеемся, станет важным событием в литературоведческой и исторической науке.

Литература

1. Погодин М. П. Детство, воспитание и первые литературные опыты Карамзина // Утро. Литературный и политический сборник, издаваемый М. Погодиным. М., 1866. С. 1–58.
2. Погодин М. П. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1866. Т. 1 – 2. 509 с.
3. Погодин М. П. Простая речь о мудреных вещах. М.: Лепта Книга, 2009. 512 с.
4. Проектная работа на тему: «Жизнь и творческая деятельность Н.М. Карамзина» // сайт «Инфоурок». – URL: <https://infourok.ru/proektnaya-rabota-zhizn-i-tvorcheskaya-deyatelnost-nm-karamzina-1294728.html> (дата обращения: 27.01.2019).

Logvinova I. V.

Moscow state Institute of music. A. G. Schnittke

M. P. POGODIN ABOUT N. M. KARAMZIN'S CHILDHOOD, EDUCATION AND THE FIRST LITERARY EXPERIMENTS

The article analyzes the M. P. Pogodin's work "Childhood, education and the first literary experiments of Karamzin" (1866), which has an enduring value for historians and literary critics of our time.

Keywords: M. P. Pogodin, N. M. Karamzin, history, Russian literature of the XIX century.

Сопоставительный анализ концептов «ребенок» в русском языке и «孩子» в китайском языке

В данной статье из концептов «ребенок» и «孩子», а также путем анализа соответствующих фразеологизмов, пословиц и т.д., анализируются два концепта уникальной этнокультурной семантики слов, для реализации межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: концепт; ребенок; 孩子; фразеологизмы; пословицы

В статье методами антропоцентрической когнитивной лингвистики исследуются особенности образа «ребенок / 孩子», отраженные во фразеологизмах в концептах «ребенок» в русском языке и «孩子» в китайском языке, а также анализируются сходства и различия между концептами «ребенок / 孩子» в двух культурах путем сравнения устойчивых выражений в двух языках.

В российской лингвистике об антропоцентризме как основном принципе современной лингвистики писал Ю.С. Степанов, анализируя концепцию Э. Бенвениста: «Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться. Поэтому в своем главном створе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке» [3, с. 5]. В современной лингвистике при изучении взаимосвязи между языком и человеком на первый план выходит изучение концептов. Концепт воплощает в себе единство человеческого мышления, психологии и объективного бытия. Люди создают свои собственные представления об объективном мире, так что объективный мир с человеческим «лицом» формирует картину мира. По мнению Ю.С. Степанова, концепт – сгустки национально-культурных смыслов, «ячейки культуры». Изучение их помогает выявить особенности мировосприятия народа. [4, с. 46].

Рассмотрим определения слова «ребенок», которые можно найти в словарях, т.е. проанализируем понятийные характеристики данного концепта. Слово ребенок известно в русском языке с XVII в. С более раннего времени (с XV в.) *gabionek* известно в польском языке. Обратимся к «Историко-этимологическому словарю современного русского языка» П. Я. Черныха: **ребенок** – «младенец», «дитя», «мальчик и девочка от колыбели до отрочества». В русском языке слово ребенок (с начальным *pe-*) известно с начала XVIII в. В словарях *ребенок*, *ребячий* – с 1731 г. Из *ребенок*, сохраняющегося в гово-

рах (Даль, IV,78); форма *ребенок* возникла, по-видимому, до перехода *е* в *о*, либо в говорах, не знавших такого перехода. Изменение *ро-* в *ре-* – следствие межслоговой ассимиляции: сущ. *робенок* является производным от *робя* (<о.-с. **robe*, род. **gobete*), формы, известной в русском языке с XV в., но впоследствии вышедшей из употр. Ср. совр. чеш. *rode* – «дитя», «ребенок». Происходит от о.-с. корня **gob-* – «слабый», «беспомощный». [6, с. 102]. Приведенная выше интерпретация дает базовое объяснение «ребенок», а также время происхождения и изменения словообразования этого слова. В современном чешском языке внутренняя форма *ребенка*: «слабый», «беспомощный».

В словаре под редакцией Д. Н. Ушакова определяется так: **ребенок**, 1. (мн. ребята и дети). Мальчик или девочка в раннем детском возрасте. *Ребенок был резов, но мил. Пушкин. Грудной р. Грудные дети.* 2. (мн. дети). Сын или дочь. *У нас родился второй р. У нее двое детей.* 3. (мн. дети) перен. Тот, кто поступает по-детски, наивно, не рассуждая. – *Он настоящий р.* [5, с. 590]. Эта интерпретация слова «ребенок» имеет три значения: во-первых, основные характеристики; во-вторых, как неотъемлемая часть семьи; и, в-третьих, описывает людей с детскими чертами, в основном – взрослых.

В словаре С.И. Ожегова: **ребенок** – Мальчик или девочка в раннем возрасте, до отрочества. *Грудной р. Р. дошкольного возраста. В семье двое детей. Как маленький р. кто-н. (неопытен или наивен, доверчив). Он уже не р. (о том, кто повзрослел, взрослеет). Ребенку ясно (о чем-н. совершенно очевидном). Взять ребенка из детдома (усыновить). Дом ребенка (лечебно-профилактическое учреждение для содержания малолетних – до 3 лет – детей, лишенных возможности воспитываться в семье)* [2, с. 671]. Хотя конкретного разделения значения слова *ребенок* в данном толковании нет, но как в словаре Ушакова, из примеров интерпретации можно извлечь три значения, которые были выделены выше.

Концепт «孩子» в китайском языке, интерпретация в словаре Синьхуа: *孩/ребенок*, 1. 幼童 маленькие дети, то есть дети в раннем детском возрасте. 2. 子女 Сын и дочь. [7, с. 370].

Наиболее полный онлайн словарь китайского языка – Дом Цыхай «дом „море слов“» определяется так: 孩子, 1. Несовершеннолетние. 一群孩子围着小贩, 争买糖葫芦. '*Группа детей окружила торговцев и боролась за засахаренные ягоды.*' 2. сын и дочь. 尽管她已长大成人, 但在父母的心中, 她永远是最宝贝的孩子. '*Несмотря на то, что она выросла, она всегда будет маленьким ребенком в сердце своих родителей*' [8].

Как видно из интерпретаций этих двух словарей, первые значения отличаются (определение возраста ребенка по-разному), а вторые – идентичны: сын и дочь в семье.

Из лексикографической интерпретации мы узнаем основные характеристики слов «ребенок» и «孩子». Основное толкование одинаково, «ребенок/

406 | 孩子» в обоих языках является общим понятием. Но есть ли в их соответствующих национальных культурах смысл, который не существует в других культурах, и нам нужно продолжить наше исследование.

Национально-культурные особенности носителей языка отражают определенное видение мира в языковой картине мира. Языковая картина мира представляет собой продукт лингвокреативной деятельности человека, возникающий в результате взаимодействия мышления, познаваемого мира и языка. [1, с. 245]. Фразеологизмы, пословицы, поговорки, как кристаллы национальной культуры также отражают языковую картину мира, поэтому в данной статье в основном выбираются фразеологизмы, пословицы, поговорки, связанные с детьми, для анализа в русском и китайском языках, концепты «ребенок/孩子» в их соответствующих языковых характеристиках.

Дети, как продолжение человеческой жизни, которым было дано много символов надежды. В русском языке есть такое выражение:

Дети – наше будущее.

Воспитание ребенка – это вклад в будущее.

В китайском языке тоже есть фразеологизмы, которые выражают большие надежды родителей на своих детей:

望子成龙 ‘надеяться, что сын станет драконом, обр. надеяться на то, что дети добьются успеха в жизни’.

望女成凤 ‘букв. надеяться, что дочь станет фениксом; надеяться, что дочь преуспеет в жизни’.

Это значит, что современные родители надеются на то, что их дети добьются успеха в жизни. В китайском языке есть такое выражение: *Ребенок – это солнце в семь или восемь часов утра*. Сравнение ребенка с Солнцем значит, что он полон энергии, сияния и надежды, как солнце утром. В русском языке тоже есть коллокации, связывающие ребенка с Солнцем: *Сын да дочь – ясно солнце, светел месяц*. Последняя фраза означает, что дети мужского и женского пола представляют одинаковую ценность.

Дети нуждаются в уходе. Ср. русскую пословицу *Дети – цветы жизни*. Выражение сложилось на основе фразы «дети – живые цветы земли» из рассказа «Бывшие люди» (1897) писателя Максима Горького. Скорее всего – это сравнение происходит от того, что дети, как и цветы, нуждаются в тщательном уходе и заботе, внимании и любви. В Китае есть похожие выражения: ‘дети – это цветы Родины’. Но суть этой фразы в другом: ребенок – это надежда, будущее Родины, молодое поколение. Таким образом, учителя должны заботиться о воспитании детей.

Родители являются главными воспитателями детей. В России методы воспитания детей различны в зависимости от пола, той функции, которую им придется выполнять в обществе:

Сын – домашний гость, а дочь в люди пойдет.

Дочь – чужое сокровище.

Сына корми – себе пригодится, дочь корми – людям снадобится.

В мальчике с детства формируют силу, мужество, выносливость, стойкость, которые необходимы главе семьи и ее защитнику, а в девочке закладывается красота, нежность, мягкость будущей жены и матери. В то же время дочь всегда на виду, ее добродетели и пороки замечают все, в то время как недостатки сына малозаметны:

Дочерью красуются, сыновьями в почете живут.

Добрый сын всему свету завидище.

Любимого сына жезлом. Дал бог сыночка, дал и дубочка.

В китайских семьях, с древних времен, проблема воспитания детей тоже имеет большое значение. В Древнем Китае воспитание сыновей и дочерей было самым разным, например, в период чуньцю и период чжаньго мальчики ходили в школу, а девочки учились только дома. Во время династии Мин: «古者教必有方, 男子八岁而入小学, 女子十年而听母教» Это значит, что есть хороший способ получить образование в древние времена. Мужчина в возрасте восьми лет поступил в начальную школу, а женщина в возрасте десяти лет начала слушать учительницу. Для мальчиков, чтение и обучение этикета — основа для будущего, чтобы быть чиновником, в то время как для девочек изучение этики нужно, чтобы узнать, как быть хорошей женой. Под этим историческим влиянием сохранились более известные фразеологизмы, в основном связанные с воспитанием сына. Например:

画荻教子 ‘Рисование с камышом на земле учит сына читать. Для того, чтобы восхвалять мать, у которой есть способ научить сына’.

孟母三迁/三迁之教 Фразеологизм означает: ‘мать Мэнцзы, чтобы иметь действительно хорошую образовательную среду для Мэнцзы, кропотливо, переехала в три места, теперь иногда используется, чтобы указать, что родители стараются изо всех сил, чтобы воспитывать своих детей’.

С течением времени, в Китае во воспитании мальчиков и девочек и образовании произошли большие изменения, люди начали пропагандировать равенство между мужчинами и женщинами, поэтому сказанное выше может быть использовано не только для мальчиков, но и для девочек. Анализируя приведенные выше примеры, можно сделать вывод о том, что, хотя понятия детей являются общими понятиями в русском и китайском языках, существуют различия в культурной семантике, обусловленные историческими традициями. Порой люди используют внешне похожие метафоры, тем не менее, за ними стоят разные базовые значения.

Литература

1. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – 245 с.

2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд, дополненное. – М.: ООО «АТЕМП», 2006. – 671 с.
3. Степанов Ю.С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразования / вступ. ст. // Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: УРСС, 2002. – С. 5–16.
4. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е. испр. и доп. – М.: Академический Проспект, 2004. – 46 с.
5. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка, Д.Н. Ушаков – М.: «Аделант», 2014. – 590 с.
6. Черных П.Я. «Историко-этимологическому словарю современного русского языка» в 2. т. 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999. – 102 с.
7. 商务印书馆辞书研究中心编 《新华词典》（第六版）[Z]. 北京：商务印书馆，2004. – 370 с.
8. Cidian.ru Онлайн словарь. – URL: <http://www.cihail23.com/cidian/1076395.html> (дата обращения: 23.02.2019)

Liu Aihua

Pushkin State Russian Language Institute

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPTS «РЕ-БЕНОК» IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND «孩子» IN THE CHINESE LANGUAGE

In this article the concepts «ребенок» и «孩子», through the analysis of appropriate idioms, proverbs, etc., analyzed two of the ethno-cultural concept of the unique semantics of the words, for the realization of intercultural communication.

Keywords: concept; ребенок; 孩子; idioms; proverbs.

Логоэпистема как единица изучения лингвокультурологии и ее применение в описании семантики фразеологических единиц

В статье речь идет о единице изучения лингвокультурологии. Обоснована логоэпистема как эффективная единица для изучения лингвокультурологии, а также для описания семантики фразеологических единиц. В семантической структуре фразеологических единиц логоэпистема выступает как носитель фоновых знаний, некая «сингулярность», порождающих ФЕ. В преподавание РКИ актуальным стало включение логоэпистем, с помощью которых иностранные учащиеся могут удачно воспринимать и использовать ФЕ.

Ключевые слова: логоэпистема; лингвокультурологическая единица; фразеологические единицы; фоновые знания.

В изучении фразеологических единиц (ФЕ) для иностранных учащихся одна из трудностей состоит в том, что иногда смысл каждой ФЕ не складывается из значений составляющих ее слов. Для их правильного понимания и свободного употребления в речи невозможно обойти без понимания лингвокультурологической единицы, способной к выяснению семантики ФЕ. В этом прослеживается актуальность и практическая ценность исследования.

Целью нашего исследования является обоснование логоэпистемы как самой эффективной лингвокультурологической единицы в изучении семантики ФЕ. Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи: описание и сравнение существующих терминов для обозначения лингвокультурологически значимой единицы; определение связи логоэпистемы и фразеологического фонда языка; проведение лингвокультурологического анализа логоэпистемических ФЕ, а также их употребление и трансформация в дискурсионном пространстве носителей современного русского языка.

В современной русской лингвистике существует ряд терминов, обозначающих единицы изучения лингвокультурологии – концепт, лингвоконцепт, лингвокультурема, стереотип, логоэпистема, прецедентный феномен и др.

В настоящее время более широкое применение находит термин «концепт». Однако «концепт» переживает определенный методологический кризис. Это обусловлено, во-первых, тем, что определения термина «концепт» в лингвистике многочисленны. Почти у каждого лингвиста есть своеобразное толко-

410 | вание. Во-вторых, широкое использование данного термина привело к потере его четкого объема. Исследователи рассматривают в качестве логоэпистем самые разные понятия, порой частные, неактуальные, или не имеющие значимой культурной ценности («горячий – холодный», «джаз», «спорт», «самоубийство»). Таким образом, концептом стали называть чрезвычайно широкий спектр явлений. Почти любое слово стало возможно рассматривать как концепт. В этом плане объем и содержание концепта пересекается с содержанием терминов «слово», «понятие», «значение», и т.п.

Для описания культурообусловленных языковых единиц В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова предложили термин «логоэпистема», под которым понимается как «языковое выражение закрепленного общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культур» [7, с. 39].

Среди основных признаков логоэпистемы необходимо отметить ее отнесенность к конкретному языку; указание на некоторый когнитивный смысл – текст или ситуация, которые всегда стоят за логоэпистемой; воспроизводимость и видоизменяемость [6, с. 91]. Логоэпистема как единица семиотической системы требует осмысления на уровне языка и культуры. Она как знак обладает идиоматизированностью в плане выражения (означающее) и культурной ценностью в плане содержания (означаемое).

Термин логоэпистема происходит от греческих слов: *logos* (слово) и *episteme* (знание). Логоэпистема как обобщающий термин охватывает разноуровневые языковые единицы, от слова (Сусанин), словосочетания (тургеневская барышня), до предложения (Любови все возрасты покорны) или даже текста (стихотворение А.С. Пушкина), которые имеют в своей семантике дополнительное значение и следы культурной информации в языке; или воплощающие в своей семантике «топос» (нечто общеизвестное) [5].

Базовые логоэпистемы, которые могут представлять центральную ценность в аксиологической структуре человека, мы называем «телеономными». Телеономные, или экзистенциальные, логоэпистемы (от греч. заключение, совершение, цель + закон) понимается как высшие ценности, стремление к которым служит целью жизни, ради которого стоит жить и не жалко умереть [3, с. 26]. Это, например, такие единицы, как счастье, любовь, истина, свобода, справедливость, и т.д. Они являются значительным фрагментом картины мира, за которым стоят нравственный идеал, ценностные ориентации и особенности когнитивного процесса народа.

В отличие от остальных сопоставляемых единиц, большинство логоэпистем отсылают на породивший их текст или ситуацию, вследствие чего логоэпистемы могут «оказываются весьма часто чужеродно-непонятными, подчас смешными, неожиданными» [7, с. 43] для представителей других

культурно-языковых миров. Коммуникативный эффект достигается посредством «свернутого» текста. В то время другие термины чаще относятся к более общему базовому понятию. Если концепт и лингвокультурема представляют собой концентраты этнокультуры в сознании человека, то логоэпистема выступает как знак грамотности человека.

Кроме этого, логоэпистемы представляют актуальные культурообсловленные элементы для носителей русского языка. С одной стороны, логоэпистемами могут выступать не только давно закрепленные в культуре единицы, но и новые: «В чем сила, брат?» – исходная логоэпистема из текста кинофильма «Брат 2» (2000 г.); с другой, логоэпистемы характеризуются относительно временным существованием.

Мы считаем логоэпистему одной из самых эффективных единиц для изучения семантики ФЕ. Для понимания некоторых ФЕ следует возобновлять культурный фон из памяти. В этом плане логоэпистема выступает как «сигнал, благодаря которому в этнокультурной памяти человека активизируются и всплывают на поверхность сознания связанные с ним имплицитные фоновые знания» [1, с. 7].

Иными словами, логоэпистема как знание, хранящееся в языке, служит некой «сингулярностью», стимулом образования ФЕ; они способны целостному описанию семантики ФЕ. В то же время ФЕ являются одним из средств языковой репрезентации логоэпистем. При этом далеко не все ФЕ можно называть логоэпистемами, так как многие ФЕ могут не содержать фонового знания, или могут быть известны только узкому кругу лиц лингвокультурной общности.

Так, ФЕ «как зеницу ока» (хранить, беречь) употребляется в значении ‘очень сильно заботиться о сохранности чело-л. ценного, которое при утрате не может быть заменено ничем другим, как если бы это был жизненно важный орган человека’ [2, с. 191]. Эта фразеологическая единица обладает статусом логоэпистематической, так как в ней сохраняется фоновое знание, которое было сфокусировано в семантике ФЕ. Хранящий дополнительный смысл компонент заключается во фразе о семемах зеница, ока, образ которых связан с древней архетипической формой осознания мира, а именно с противопоставлением «свет – тьма» [9]. В семантической структуре данной ФЕ доминирует сема ценность, которая видится в сочетании соматических компонентов, обозначающих одну из самых важных ценностей в жизни человека – зрение. Кроме этого, образ данной ФЕ подчеркивает центральность зеницы (зрачок) как самой дорогой части глаз (ока). К ассоциативному потенциалу дополняют и сочетаемые с данной логоэпистемой глаголами (хранить, беречь), что обычно имеют положительную коннотацию.

В современном русском дискурсе данная ФЕ-логоэпистема употребляется для обозначения чего-то ценного для субъекта: Наш самый драгоценный

412 | капитал – кадры, люди, их и беречь надо как зеницу ока (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2. 1960) [8].

Употребление логоэпистем стало показательным явлением в текстах СМИ, в политических выступлениях, литературных произведениях, и в речи носителей языка. Являясь составляющими когнитивной базы носителей языка, логоэпистемы «обладают широким ассоциативным потенциалом и делают речь экспрессивной и эмоционально окрашенной» [4, с. 3].

Примечательно, что логоэпистемы в процессе употребления в дискурсе претерпевают разного рода трансформации, на их первоначальный смысл накладывается новый смысл, что часто приводит к комическому эффекту или украшению речи. Например, Секс и возраст. Да, ему, сексу, все возрасты покорны. Любовь может пройти, замениться дружбой, пониманием, согласием, а чувство и желание секса останется, ибо это как голод: если не ел с утра, – к вечеру, если нет никаких болезней, – хочется. (Владимир Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО (№№ 501–1001), 1999) [8] (Сексу все возрасты покорны – трансформация логоэпистемы Любви все возрасты покорны).

Таким образом, изучение логоэпистем наиболее актуально для практики преподавания РКИ, так как раскрыть содержащиеся в них смыслы можно только при условии знания самих исходных логоэпистем, которые носитель языка получает с молоком матери. Изучающий РКИ «должен войти в культуру страны изучаемого языка, усваивая культуру через язык, язык через культуру» [7, с. 66].

Рассмотрев взаимосвязь логоэпистемы и ФЕ, мы приходим к выводу о том, что при описании семантики ФЕ логоэпистема представляется нам адекватной единицей для выявления фоновых знаний, сохраняющихся в ФЕ. Логоэпистемы включают дискурс в общую культурную систему за счет интертекстуальности, когда содержание дискурса частично формулируется посредством ссылки на прецедентный факт. Логоэпистемы в современном дискурсе являются полифункциональными, что обусловлено сложностью значения логоэпистем, которые в контексте приобретают дополнительные смыслы. В преподавании РКИ фразеобразующие логоэпистемы могут стать эффективным звеном, связывающим языком и культурой, благодаря чему иностранные учащиеся могут удачно воспринимать и использовать ФЕ в речи.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеологические логоэпистемы: архетипы и символы // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2014. – № 13 (184), вып. 22. – С. 7–13.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. – М.: Эксмо, 2009. – 704 с.

3. Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика леономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели): Монография. – Волгоград: Перемена, 2003. – 164 с.
4. Канаева Е.Н. Текстовые функции логоэпистемы (на материале газетных заголовков): Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2007. – 27 с.
5. Киров Е.Ф. Начала концептуально-дискурсивной лингвистики // Система языка и языковое мышление: сб. науч. ст. / Под ред. Е.Ф. Кирова. – М.: «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 66–97.
6. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Логоэпистема как категория лингвокультурологического поиска // Лингводидактический поиск на рубеже веков. – М., 2000. – С. 88–96.
7. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. – СПб: Златоуст, 2001. – 72 с.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения – 18.12.2018).
9. Телия Е.Н. Фразеологический словарь русского языка, 2006 [Электронный ресурс]. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/index.htm> (дата обращения – 18.12.2018).

Liu Yu

Pushkin State Russian Language Institute

LOGOEPISTEME AS A UNIT FOR STUDYING LINGUISTIC CULTUROLOGY AND ITS USE IN DESCRIBING THE SEMANTIC OF PHRASEOLOGICAL UNITS

The article deals with a unit for studying linguistic culturology. The logoepisteme is substantiated as an effective unit for the study of linguistic cultural studies, as well as for describing the semantic of phraseological units. In the semantic structure of the phraseological units, the logoepisteme acts as a carrier of background knowledge generating phraseological units. In the teaching of Russian as a foreign language, the inclusion of logoepistemes, through which foreign students can successfully perceive and use phraseological units, has become topical.

Keywords: logoepisteme; linguocultural unit; phraseological units; background knowledge.

Мотив женской инициации в русской народной сказке «Василиса Прекрасная»

Статья посвящена особенностям развития мотива женской инициации в русской народной сказке «Василиса Прекрасная». Автор приходит к выводу о том, что в сказке нашли свое отражение представления, бытовавшие в те времена, когда мир женщин существовал не в подчинении у мужского мира, но рядом с ним, обладая равным статусом и независимой ценностью.

Ключевые слова: мотив, инициация, фольклор, сказка.

Под инициацией понимают довольно разнообразные системы ритуалов, которыми сопровождается изменение социального, полового или возрастного статуса человека. Иногда считают, что инициация как особый обряд характерна, главным образом, для первобытной культуры или для тех сообществ, в которых и по сей день сохранился родоплеменной строй. Действительно, инициация в том виде, в котором она будет описана ниже, ни в российской, ни в европейской культуре ныне не существует. К обрядам возрастной и социальной инициации современного российского юноши или девушки можно отнести получение паспорта, а также аттестата о среднем образовании (аттестата *зрелости*), что нередко происходит в торжественной обстановке, сопровождается напутственными словами старших, ритуальным приемом пищи. Подобным же образом проводится церемония бракосочетания.

Традиционная инициация имеет трехчастную структуру: на начальном этапе осуществляется разрыв с окружением и изоляция, затем – пребывание в промежуточном бесстатусном состоянии и, наконец, возвращение в общество в новом качестве. Распространенный сценарий инициации включает в себя символическую «смерть» посвящаемого с последующим возрождением в новом качестве. Смерть в обряде посвящения вообще играет важную роль. Испытания, которые вынужден был проходить неофит, были не столько трудны, сколько смертельно страшны и часто болезненны, причем важно было ничем не выдавать своего страха, вести себя безэмоционально, подобно мертвому [2]. Образы смерти так или иначе сопровождают традиционный ритуал посвящения, сообщая ему атмосферу зловещую, мрачную. Это считалось необходимым для полноценного перехода и выполняло, по-видимому, адаптационную психо-

логическую функцию: повседневные трудности и опасности взрослой жизни в сопоставлении с мучительной смертью выглядят уже не столь серьезными.

О том, как воспринималась инициация в более ранние эпохи существования человечества, мы узнаем из сказочных сюжетов. Образы мужской инициации раскрываются в волшебных сказках о путешествии героя – молодого человека (в русских народных сказках – Ивана-царевича, Иванушки-дурачка и др.). Женская инициация представлена в волшебных сказках, где главным действующим лицом является женский персонаж («Василиса Прекрасная», «Крошечка-Хаврошечка», «Морозко», «Перышко Финиста ясна сокола» и др.).

В «мужских» и «женских» сказках такого типа обнаруживаются общие черты, отмеченные еще В.Я. Проппом [4]. Как правило, герой или героиня отправляются в вынужденное путешествие, причем часто инициаторами становятся старшие родственники или их заместители. В «женских» сказках героиня часто идет в лес по произволу злой мачехи («Василиса Прекрасная»), а, например, в сказке «Перышко Финиста ясна сокола» виновницами ухода героини из дома становятся старшие сестры. Инициация всегда исходит от людей старших и более опытных; нередко при этом она выглядит как жестокий произвол и несправедливость.

Сказка «Василиса Прекрасная» сюжетно отчасти напоминает французскую «Золушку». Эта сказка интересна и множеством описываемых в ней событий, и типичностью сюжетных линий. Во многих сказках девушка-героиня остается без матери, и это печальное обстоятельство становится первым шагом героини к взрослению. Начало сказки представляет нам Василису Прекрасную в предпубертатном возрасте: «Когда мать скончалась, девочке было восемь лет» [1, с. 97]. Умирая, мать оставляет дочери вместе с благословением волшебную куклу и учит: «А когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у нее совета» [1, с. 97]. Иными словами, мать возлагает на куклу часть своих функций (функцию доброго советчика, опытного помощника). Заметим, что прежде мать кормила своего ребенка, теперь эта роль постепенно (через куклу, то есть через процесс игры) переходит к дочери: это своего рода намек на будущее материнство героини, обещание этого события и моральная подготовка к нему.

Перед нами пример трансформации архетипического образа матери в сознании взрослеющего человека: мать заботливая, добрая, мудрая, владеющая волшебством, отстраняется, отходит в сторону, оставляя лишь воспоминание о себе. Теперь она не всемогущее и милосердное божество, она просто кукла – не окончательно мертвая, однако, поскольку способна и есть, и говорить. То обстоятельство, что куколка «оживает» через кормление, идейно связано, возможно, с языческой практикой кормления мертвых предков, которая заключается в том, что в праздничные дни и дни поминовения возле могил или даже прямо на них оставляют ту или иную снедь.

Мы можем воспринять куклу шире – как материнский образ, аккумулирующий все переданные дочери знания и умения; советуясь с куколкой, девушка обращается к своему прошлому опыту общения с матерью: а что бы мама сделала в этой трудной ситуации? Согласно тексту сказки, куклу необходимо беречь, носить всегда при себе и никому не показывать. И это естественно – ведь переданный матерью опыт, во-первых, ценен, а во-вторых, предназначен только для конкретного человека и не рассчитан на посторонних.

На следующем этапе «добрая» мать уже подменяется «злой» мачехой, причем этот образ усиливается наличием у мачехи собственных дочерей-помощниц. Втроем они делают жизнь героини очень тяжелой, невыносимой: «Мачеха и сестры завидовали ее красоте, мучили всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а ветру и солнца почернела; совсем житья не было!» [1, с. 98].

Мачеха и сестры неоднократно посылают Василису в лес, где в избушке живет Баба Яга; но Василиса с помощью куклы возвращается невредимой. Наконец, жестокие сестры, сговорившись с матерью, придумывают повод отправить героиню непосредственно к Бабе Яге. В доме гаснет огонь, и обе девушки отказываются идти за ним. «Тебе за огнем идти, – говорят они Василисе. – Ступай к Бабе Яге!» [1, с. 99].

До инициации неопит часто не подозревает о том, что его ждет. Возможно, такая секретность обусловлена тем, что в ходе обряда он должен пережить настоящий, смертный страх. В сказке мы тоже видим полное неведение героини, мы, разумеется, сочувствуем ей и ненавидим бессердечных сестер, выталкивающих девушку прочь из дома. Заметим, что инициация всегда сопровождается изгнанием из привычного окружения – из «зоны комфорта», как сказали бы сейчас; в «домашних условиях» инициация невозможна, человек непременно должен выйти за пределы известного ему мира, который он считает своим. Он как будто бы еще раз покидает материнское лоно, чтобы войти в широкое и неизвестное внешнее пространство, освоиться в этом пространстве и решить в нем свои задачи. Это болезненный и тревожный процесс, но без него нет надежды на новую полноценную жизнь.

Василиса берет свою куколку и идет в темный лес, к избушке Бабы Яги. Здесь уже все недвусмысленно напоминает о смерти: «Забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские с глазами; вместо верей у ворот – ноги человечьи, вместо запоров – руки, вместо замка – рот с острыми зубами» [1, с. 100]. И Василиса, видя этот inferнальный антураж, тоже словно мертвеет: стоит как вкопанная, боясь сойти с места.

Вскоре появляется и сама хозяйка избушки. Баба Яга – интереснейший многоаспектный персонаж, одновременно и персонификация «злой» матери в ее крайнем пределе, и воплощение жреческих функций, связанных с переходными этапами человеческой жизни: взрослением, супружеством,

деторождением, умиранием. Оцените динамику развития сопровождающего героиню женского образа: добрая волшебница-мать; заменяющая ее волшебная кукла, помощница и советчица (образ мудрой мамы, который всегда с тобой); безжалостная и завистливая мачеха, а затем – ужасная, парализующая страхом старуха.

Баба Яга появляется в этой сказке своеобразно – как стихийное бедствие, в сопровождении шума и треска. Она не встречает героиню, как встречает обычно героя в «мужских» сказках; она вступает на двор вместе с Василисой, как бы задавая той направление: следуй за мной.

Баба Яга, выслушав девушку, разрешает ей остаться: «Поживи ты наперед да поработай у меня, тогда и дам тебе огня; а коли нет, так я тебя съем!» [1, с. 100]. Из многих восточнославянских сказок нам известно, что Баба Яга проявляет каннибалистические наклонности, угрожая съесть героя. Справедливости ради следует заметить, что ни в одной сказке ей это не удастся. Однако уже одно только это намерение создает жуткий образ «пожирательницы людей», славянской богини Кали. Кали одновременно и прародительница всего сущего, и кровожадная богиня-разрушительница. Образ Бабы Яги также амбивалентен: она несет несомненную угрозу жизни, но при этом может дать герою (героине) нечто очень важное, необходимое для дальнейшего жизненного пути.

Принимая Василису в услужение, Баба Яга, несомненно, демонстрирует героине свое расположение. И в дальнейшем хвалит ее: «Баба Яга все осмотрела, подосадовала, что не за что рассердиться, и сказала: – Ну, хорошо!» [1, с. 102]. Если бы хотела рассердиться, нашла бы, за что – кто из нас не знает этого на собственном опыте?

Василиса неплохо справляется с работой. Правда, если верить сказке, основную часть заданий Бабы Яги выполняет за героиню куколка, но нам уже ясно, что куколка – это не просто игрушка, а скорее полученные от матери навыки – в данном случае навыки ведения домашнего хозяйства. В ходе инициации девушка демонстрирует наличие умений, которые позволяют ей в будущем стать хозяйкой в собственном доме, заботливой женой и матерью. Одновременно она получает от Бабы Яги (жрицы) некие тайные знания, которые в сказке изложены скупо и туманно: Василиса спрашивает о трех всадниках, белом, красном и черном, получая ответ, что это соответственно ясный день, красное солнце и темная ночь. Можем предположить, что речь идет об устройстве мира или правилах жизни в этом мире. И немаловажный компонент сакрального знания передается косвенно: девушка не рискнула спросить о трех парах рук, помогающих Бабе Яге, и за это героиню тоже похвалили. Довольно прозрачный намек: женское любопытство имеет право на существование, но в безопасных границах, и некоторых вещей лучше, право же, не знать.

Когда инициация подходит к концу, Баба Яга находит формальный предлог, чтобы отправить Василису обратно домой. Услышав о благословении матери, помогающем выполнять заданную работу, Баба Яга гневается: «Так вот оно что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных» [1, с. 103]. После этого она гонит девушку со двора, одарив на прощание одним из черепов с горящими глазами.

Василиса возвращается к мачехе и сводным сестрам и удивляется произошедшей перемене в отношении к ней: «Впервые встретили ее ласково». А затем трансформация доводится до радикального финала: горящие глаза черепа испепеляют злую мачеху и ее жестокосердных дочек. Нужно ли говорить о том, что эта смерть носит метафорический характер? Когда, читая сказки Шарля Перро, многие удивляются жестокости положительных героев, уничтожающих своих антагонистов, следует помнить, что убийство в данном случае – скорее просто яркий образ, призванный подчеркнуть благотворные результаты пройденной инициации. Враг умер, то есть перестал быть врагом, утратил свою негативную значимость, свою подавляющую власть; отношения с ним изменились бесповоротно. Мачеха больше не страшна героине, даже в компании с дочками; Василиса обретает внутреннюю независимость от них – сама становится полноценным человеком.

Но далее, что небезынтересно, героиня переходит в дом некоей «безродной старушки» и живет там, дожидаясь возвращения уехавшего отца. Это на первый взгляд представляется странным. Отчего бы девушке не жить в отцовском доме, который принадлежит ей по праву? На самом деле мы наблюдаем в этом эпизоде последнее воплощение материнского архетипического образа. После того, как девушка окончательно повзрослела, мать для нее снова обретает положительные черты – из ревливой конкурентки вновь становится помощником и другом. Мать и сама проходит возрастной кризис, принимает свое неминуемое старение, взросление и сепарацию дочери, переходит на новый этап жизни.

Старуха покупает Василисе лен для пряжи, а позже несет в дар царю сотканное девушкой полотно – иначе говоря, выступает в качестве свахи. Белое полотно является символом невесты; в царских покоях происходит ритуал «купли-продажи»: у нас товар – у вас купец. Старушка не нахвалится своим «дикивинным» товаром: «Ему цены нет, царь-батюшка!» Кто же еще, если не мать, станет так рекламировать девушку? Кто еще, кроме матери, будет заботиться о ее «царском» будущем? Передавать девушку будущему мужу – родительская прерогатива, и «безродная старушка» здесь явно не такая уж посторонняя женщина. После замужества Василисы старушка остается жить с ней, так же, как и вернувшийся из поездки отец.

Василиса в заключительной части сказки уверенно и спокойно идет навстречу своей судьбе. Она не то чтобы предчувствует, но будто бы ясно

видит грядущие события и без колебаний отдается их потоку: «Василиса умылась, причесалась, оделась и села под окном. Сидит себе и ждет, что будет». После того, что она прошла, героиня обрела поистине магическую способность быть заодно с течением жизни.

В заключение отметим еще одно важное обстоятельство: на всем протяжении обряда инициации девушка переходит из одних женских рук в другие женские руки – до тех самых пор, пока не обретает, наконец, суженого. Отец героини самоустраняется от участия в процессе и возвращается в повествование только после свадьбы. Это дает возможность предположить, что в сказке нашли свое отражение представления, бытовавшие в те далекие времена, когда мир женщин существовал не в подчинении у мужского мира, но рядом с ним, обладая равным статусом и независимой ценностью.

Литература

1. Афанасьев Н.А. Народные русские сказки. – М.: Правда, 1982. – 576 с.
2. Балушок В.Г. Инициации древних славян: попытка реконструкции // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 4. С. 57–66.
3. Ляшенко Т.М. Языковые средства, формирующие мотив женской инициации в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Филология: научные исследования. – 2018. – № 4. – С. 341–351.
4. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2009. – 274 с.

T.M. Lyashenko

*Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology
named K.I. Skryabin*

THE MOTIVE OF FEMALE INITIATION IN THE RUSSIAN FOLK TALE «VASILISA THE BEAUTIFUL»

The article is devoted to the peculiarities of development of female initiation motif in the Russian folk tale «Vasilisa the Beautiful». The author comes to the conclusion that the fairy tale reflects the ideas that existed in those days, when the world of women did not exist in the subordination of the male world, but next to it, having equal status and independent value.

Keywords: motif, initiation, folklore, fairy tale.

Перевод и изучение произведений Д. Рубиной в Китае: состояние и перспективы³

Данная статья посвящена анализу существующего положения перевода и изучения произведений Д. Рубиной в Китае. В статье рассмотрен процесс развития изучения и перевода прозы Д. Рубиной в Китае, показаны положение и проблемы, выявлено направление развития изучения и перевода произведений Д. Рубиной в Китае.

Ключевые слова: Д. Рубина, творчество Д. Рубиной, изучение Д. Рубиной, современная русская литература.

Дина Ильинична Рубина – выдающаяся израильская писательница. Несмотря на свое гражданство и национальность, писательница с начала своей литературной деятельности писала на русском языке. Благодаря обширной тематике и особому творческому почерку Д. Рубина получила широкую популярность не только в России, но и во многих странах мира.

Д. Рубина начала писать в конце 60-х гг. XX в. В раннем периоде творчества она писала о любви, о семье, о различных эмоциях и чувствах людей. После эмиграции в Израиль Д. Рубина уделяла больше внимания описанию растерянного и незащищенного состояния человека в другом мире. Ее произведения данного периода привлекали внимание китайских переводчиков и исследователей. Повесть «Во вратах твоих» [4] была первым входящим в кругозор китайских переводчиков и литературоведов произведением Д. Рубиной. По словам китайского литературоведа Чжоу Цзичао, данная повесть родилась на фоне «новой русской литературы» и является «живописной картиной, характерной переплетением сознаний многочисленных персонажей» [9, с. 12]. Исследователь и переводчик Сунь Мэйлин отметила: «Писательница пишет с юмором, разумом и простотой, в описании обиходной жизни и репликах персонажей проявляют ее особые взгляды и глубокое понимание мира» [5, с. 53].

Однако перевод произведений Д. Рубиной в Китае не получил ожидаемого развития. Сегодня на китайский язык переведены лишь одна повесть и пять рассказов, в том числе повесть «Во вратах твоих», рассказы «Бессонница» [1] и «Голос в метро» [8]. В 2017 г. в журнале «Мировая литература» созда-

³ Работа выполнена при финансовой поддержке Государственного комитета КНР по управлению фондом обучения за границей, проект Лю Цзинь Я [2018]9039.

лась рубрика «Рассказы израильской писательницы Д. Рубина», в которой собраны три переведенных рассказа: «Высокая вода венецианцев» [11], «Душегубица» [6] и «Мастер-тарабука» [7]. По сравнению с другими современными русскими писателями, переводов произведений Д. Рубиной в Китае мало, это в значительной мере ограничило распространение произведений и исследование ее творчества в Китае.

С другой стороны, в последние годы все больше китайских исследователей пыталось найти ценность в творчестве Д. Рубиной. В работе Кун Сявэй представлены характерные черты произведений Д. Рубиной, и рассказан главный сюжет романа «На солнечной стороне улицы» [2]. Ученая Сун Сюймэй в своей статье осветила главный сюжет и важные роли в романе «Синдикат», проанализировала состояние общества евреев. Чэнь Фан, начиная с вопроса об идентичности русских писателей за рубежом, представила и оценила значимые произведения в разные периоды жизни писательницы, включая «Когда же пойдет снег?», «Во вратах твоих», «Вот идет мессия!», «Синдикат», «Синдром Петрушки» и т.д. Чэнь Фан пишет: «Настоящий писатель, независимо от того, где он живет, в какой бы стране ни происходили истории его произведений, исследует вопрос, который всегда имеет универсальное значение и является отражением вечной проблемы человечества. В этом смысле мы можем сказать, что Д. Рубина относится не только к русской литературе или к израильской литературе, но и к современной мировой литературе» [10, с. 123]. Между тем, опираясь на теорию семиотики культуры Ю.Т. Лотмана, Ли Нуань в статье рассмотрела религиозную коннотацию «кукол» как метафорический символ в романе «Синдром Петрушки», обобщила типичные характеристики женского дискурса в романе и взгляды писательницы по идентичности и ментальной дилемме эмигрантов [3].

В России творчество Д. Рубиной изучается с разных сторон в областях философии, лингвистики, лингвокультурологии, стилистики, литературоведения и т.п., однако в Китайском научном сообществе творчество Д. Рубиной не получило полноценного исследования. Ученые уделили больше внимания представлению жизни и романов писательницы, а не глубокому анализу. Причин несколько. Во-первых, переводов произведений Д. Рубиной в Китае совсем мало. В творчестве Д. Рубиной отражается гармоничное сливание различных культурных элементов и языковых особенностей, что в большей степени затруднило работу переводчиков. Во-вторых, творчество Д. Рубиной проявляет многообразие, уникальность и сложность. Богатый жизненный опыт писательницы придает ее творчеству изменчивость мотивов, сюжетов, тем и мыслей в разных этапах. Для комплексной интерпретации и понимания произведений писательницы исследователям необходимо обладать всесторонними фоновыми знаниями и прекрасным пониманием национального менталитета русских, евреев и эмигрантов. А для находящихся в другой

422 | культурной среде китайских ученых это представляет собой огромный вызов. В-третьих, творчество Д. Рубиной находится на стыке современной русской литературы, современной русской женской литературы и русской литературы зарубежья. Размытая принадлежность ее творчества предъявила исследователям еще более высокие требования. Чтобы четко и глубоко анализировать замыслы и характеристики творчества писательницы, следует уловить общие тенденции развития и характерные черты трех направлений литературы, одновременно и своеобразие творчества Д. Рубиной.

В общем говоря, на данном этапе опыт изучения состояния перевода и самих произведений Д. Рубиной в Китае нельзя назвать богатым. В научных работах использованные методы исследования оказались единообразными. По нашему мнению, чтобы продвинуть распространение и изучение творчества писательницы в Китае, которое давно уже стало неотъемлемой частью современной русской литературы, нам следует стараться по трем аспектам:

(1) Использовать интегрированные методы исследования. В существующих научных работах, посвященных интерпретации авторского замысла и темы в произведениях Д. Рубиной, преимущественно использованы литературоведческие методы, лингвистические аспекты и методы полностью игнорированы. В результате чего анализы языковых особенностей и функции, в том числе грамматических, стилистических и композиционных, отсутствуют. Ведь лингвистические характеристики – это составляющая часть творчества и стиля автора. Кроме лингвистических, существует много других методов. В дальнейших исследованиях интегрирование различных методов должно быть в центре внимания.

(2) Расширять сферу исследования, опираясь на концепцию единого целого и концепцию развития. Проводя анализ, нам необходимо учитывать тот факт, что творчество любого писателя – продолжительный процесс, который несет динамичный характер. Ввиду того при изучении следует положить отдельное произведение в весь процесс развития творчества Д. Рубиной. Хотя произведения писательницы в разные периоды проявляют отличающиеся особенности, при анализе связь одного произведения между прошлыми и будущими не должна игнорирована. В то же время Д. Рубина пишет на русском языке, и ее творчество относится к русской литературе, поэтому связь между творчеством писательницы и русской литературой не прервана. И влияние русской литературы на писательницу может служить базисом для комплексного и многостороннего исследования ее творчества.

(3) Осуществлять взаимодополняемость перевода и исследования. Перевод и исследование дополняют друг друга. В связи со сложностью языка и мысли в произведениях Д. Рубиной для полноценной передачи авторского замысла и скрытой под языком произведений подтекстовой информации, переводчикам необходимо обладать не только высокой языковой компетенцией

и крупными культурными фоновыми знаниями, но и глубоким пониманием мировоззрения автора. Важными вспомогательными материалами могут стать результаты исследования, при использовании которых переводчикам будет легче ориентироваться и найти подходящие варианты перевода. Обобщенные законы и опыт при переводе будут способствовать углублению изучения характеристик и стиля творчества Д. Рубиной.

Литература

1. Кун Сявэй. Бессоница (кит. пер.) // Усадьба рассказов. Сборник новых зарубежных рассказов. 2012–2013. – Пекин: Издательство Жэйминьвэньсюэ, 2015. – 321 с.
2. Кун Сявэй. Духовное путешествие в погоне за солнцем – роман Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы». – 2010. – № 2. – С. 19–20.
3. Ли Нуань. Бродячая кукла: марионеточные знаки и метафоры пространства в романе «Синдром Петрушки» // Новое в зарубежной литературе. – 2018. – № 5. – С. 22–29.
4. Сунь Мэйлин. Во вратах твоих (кит. пер.) // Сборник новых рассказов и повестей русских писателей. ред. Чжоу Цзичао. – Пекин: Куньлунь, – 1999. – С. 133–215.
5. Сунь Мэйлин. Развитие русской женской литературы // Русская литература и искусство. – 1995. – № 3. – С. 47–53.
6. Сюй И. Душегубица // Мировая литература. – 2017. – № 4. – С. 74–100.
7. Сюй И. Мастер-тарабука // Мировая литература. – 2017. – № 4. – С. 101–114.
8. У Шилэй. Голос в метро (кит. пер.) // Усадьба рассказов. Сборник новых зарубежных рассказов. 2008–2009. – Пекин: Издательство Жэйминьвэньсюэ, 2010. – 365 с.
9. Чжоу Цзичао. Предисловие // Сборник новых рассказов и повестей русских писателей. ред. Чжоу Цзичао. – Пекин: Куньлунь, – 1999. – С. 3–13.
10. Чэнь Фан. Рубина: Израильский русский писатель // Мировая литература. – 2017. – № 4. – С. 115–123.
11. Юй Сян. Высокая вода венецианцев (кит. пер.) // Мировая литература. – 2017. – № 4. – С. 6–73.

Ma Liang

Beijing Normal University, China

TRANSLATION AND STUDY OF D. RUBINA'S WORKS IN CHINA: PRESENT SITUATION AND PROSPECTS

This article is devoted to the analysis of the current situation of translation and study of the D. Rubina's works in China. The article describes the process of developing the study and translation of D. Rubin's prose in China, shows the current situation of studying in China and the existing problems in it, reveals the direction of development in China.

Keywords: D. Rubina, works of D. Rubina, study of D. Rubina, modern Russian literature.

К вопросу о методическом потенциале аутентичных телевизионных видеоматериалов при организации обучения студентов-иностранцев (уровень В2–С1)

В статье рассматриваются возможные варианты использования аутентичных телепрограмм в качестве моделей при обучении русскому языку иностранных учащихся уровня языковой подготовки В2–С1.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, аутентичные телевизионные материалы.

При обучении русскому языку как иностранному важнейшую роль играет использование аутентичных материалов, так как именно они помогают приобщить студентов к естественной языковой среде изучаемого языка.

Коммуникативно-функциональная ориентированность обучения русскому языку как иностранному предполагает обращение к языку в различных сферах его употребления. В этом случае активное использование сайтов телевизионных каналов дает новые возможности в обучении студентов-иностранцев.

Культурно-речевая адаптация иностранных учащихся в языковой среде зависит от возможности и уровня понимания ими речи носителей языка за пределами учебной аудитории. Если еще несколько лет назад наличие телевизора у студентов, которые приезжали к нам в страну на обучение, было одним из определяющих факторов для получения информации о жизни в России и за ее пределами, то сейчас с появлением в Интернете сайтов телевизионных каналов ситуация изменилась. В настоящее время возможность просмотреть телевизионные передачи существует практически в любом месте и в удобное для студента время. В этой ситуации и для преподавателя русского языка как иностранного расширились границы использования аудиовизуальных средств в дидактических целях. Материалы сайтов телевизионных каналов могут служить основой для совершенствования рецептивных навыков, таких как аудирование и чтение, и продуктивных – говорение и письмо. Технические возможности позволяют проводить такую работу как в аудитории, так и во внеаудиторное время в форме самостоятельной работы учащихся.

А как сами учащиеся относятся к работе с подобными материалами? К сожалению, некоторые из них, имея хороший уровень языковой подготовки, не работают с аутентичными материалами, считая, «что еще недостаточно хорошо знают русский язык». Создается ситуация, при которой учащийся, находясь в среде изучаемого языка, не использует ее возможности. Другие учащиеся, оказываясь в языковой среде, охотно совершенствуют свои знания в области русского языка, но испытывают естественные трудности при восприятии речи носителей языка, например, при просмотре телепередач. Задача преподавателя – снять психологические трудности (первая группа учащихся) и лингвистические (вторая группа учащихся), используя все методические приемы работы с подобными текстами, начиная от простых тренировочных заданий на подстановку и заканчивая творческими заданиями на трансформацию и реконструкцию предложений, научить понимать данного рода тексты, обучить алгоритму действий, которым в дальнейшем могут пользоваться учащиеся самостоятельно.

При отборе телевизионного материала преподаватель руководствуется актуальностью информации, которая влияет на мотивацию познавательной деятельности студентов, на потенциальную возможность преобразования этой информации с целью активизации речевой деятельности, а также на личностно значимый аспект. «Для комфортной и культурно насыщенной жизни в стране изучаемого языка иностранным студентам необходимы навыки уверенной коммуникации (частью которых являются развитые аудитивные навыки и умения) в ситуациях повседневного общения, экскурсионной программы, дискуссий на проблемные темы и получение актуальной новостной информации» [2, с. 35]. Исходя из этого в учебном процессе возможно использование разного рода аутентичных телевизионных программ: новостные, аналитические, документальные, интервью, ток-шоу и др., которые знакомят учащихся с актуальными общественно-политическими и социальными проблемами, историей страны, известными личностями – представителями политических, литературных, музыкальных, театральных и др. кругов, важными событиями в жизни России и россиян.

Методику работы над видеоматериалами представляется целесообразным строить по традиционной схеме, включающей в себя подготовительный этап (задания направленные на «развитие у учащихся навыков узнавания – понимания вводимой лексики на уровне графического, звукового, артикуляционного и изобразительного (стоп-кадр, фотография) образа ключевых для телематериала понятий и слов, а также установки на восприятие главной информации, содержащейся в тексте, лингвокультурологический комментарий, выполнение лексико-грамматических заданий и др.); задания, выполняемые при просмотре (ответы на разного рода вопросы и тестовые задания, направленные на общее и детальное понимание просматриваемого материала);

426 | после просмотрный этап (задания направленные на выявление языковых особенностей просмотренного: лексика, грамматика, синтаксические обороты и стилистические особенности речи телеведущих, корреспондентов, политиков)» [3]. Восприятие и понимание аутентичных материалов СМИ представляет значительную трудность для иноязычной аудитории, так как телевизионные материалы являются социально-речевым явлением и требуют сформированности у иностранных учащихся лингвистической, лингвокультурологической и коммуникативной компетенций.

В данной статье мы предлагаем некоторые формы работы с аутентичными телевизионными материалами, прошедшие апробацию при работе с иностранными учащимися уровня языковой подготовки B2–C1 в Институте русского языка им. А.С. Пушкина.

Знакомство иностранных учащихся с сайтами телевизионных каналов начинается на занятиях по дисциплине «Язык СМИ», на которых студенты получают полную информацию о специфике различных передач и их жанровых особенностях. Это в дальнейшем помогает им ориентироваться в виртуальном пространстве при выполнении заданий для самостоятельной работы. Видеоматериалы небольшие по объему, свободно комбинируются и могут быть включены в общую систему работы с определенной группой иностранных учащихся филологического профиля в рамках практического курса русского языка как иностранного: на занятиях по дисциплинам «Аудирование», «Фонетика и интонация», «Язык СМИ», «Практика речи», «Русская литература» и «Страноведение России». Преимущество материалов сайтов телеканалов еще в том, что их можно использовать на разных этапах занятия: введение в тему, в период ее изучения, на этапе закрепления, общения и систематизации полученных знаний. Методический потенциал этих материалов позволяет осуществлять обучение видам речевой деятельности в их взаимосвязанном варианте.

Например, отрывки из передачи «Война и мир. Читаем роман» (сайт: tvkultura.ru) послужили основой для повышения фонетической и орфоэпической грамотности иностранных студентов. Студентам предлагалось задание на интонационно-синтагматический анализ текста, озвученного профессиональным актером, упражнения на отработку артикуляции, интонационного и ритмического рисунка текста, упражнения на знакомство с особенностями русской интонационной модальности. Графическая версия предложенного отрывка расположена на сайте.

Тексты аудиовизуальных материалов служат основой и для совершенствования навыков говорения. Увиденная и услышанная информация вызывает у учащихся интерес и тем самым стимулирует речевые высказывания как репродуктивного, так и творческого характера. При этом информация должна иметь не только культуроведческую направленность, но и обеспечивать

мотивационную составляющую, стимулирующую учащихся к самостоятельному построению высказывания. То есть аудиовизуальный материал служит образцом и побуждающим мотивом для репродукции речи. Е.И. Пассов выделяет репродуктивную, конструктивную и дискурсивную речь: «Многие исследователи речи отмечали, что в ней всегда есть элементы репродукции: 1) полная репродукция структуры и содержания (фразы, даже высказывания) без изменений: а) в той же ситуации; б) в новой ситуации; 2) частичная репродукция, т.е. передача содержания несколькими фразами, изъятими из текста без изменений; 3) репродукция-трансформация, т.е. передача содержания в новых формах» [4, 483]. Эти положения учитывались при составлении заданий. Например, для развития навыков говорения в форме монологической и диалогической речи студентам предлагались следующие задания: посмотрите фрагмент фильма и составьте подробный рассказ по следующему плану: опишите ситуацию, действующих лиц, выскажите предположение о возникновении данной ситуации; вы участвуете в обсуждении проблемы ..., примите участие в беседе.

Продуцирование диалогической/монологической речи возможно на текстах разных жанров, в частности, интервью. При этом в зависимости от степени подготовленности студентов самостоятельно студентами или с помощью преподавателя формулируется тема беседы по проблемам, поднятым в интервью, и предлагается принять участие в беседе. Опыт работы показал, что жанр теленовостей оказался едва ли не самым сложным для восприятия студентов, что объясняется ускоренным темпом речи ведущего новостных программ (сравнить, например, с человеком, произносящим спонтанную речь медленнее в связи с необходимостью обдумывания и формулирования мысли: «в данной разновидности монолога возрастает роль логической стройности, ясной, убедительной аргументации. Эти особенности явно прослеживаются в ответах-монологах В.В. Путина») [5, с. 34]. При недостаточной подготовленности, а именно сформированности лингвистической компетенции студентов, необходима была предварительная целенаправленная работа с лексико-грамматическими единицами новостного текста. Затем студенты выполняли упражнения на понимание текста. И на завершающем этапе предлагались задания на развитие продуктивной деятельности: обсуждение новостного текста, дискуссия по содержанию, составление собственного новостного текста. Для лучшего понимания и восприятия студентов обязательно нужно познакомить с особенностями этого жанра, обратить их внимание на коммуникативные намерения журналистов: информирование о событии, эмоциональное воздействие на зрителя, оценка события, привлечение внимания.

Аудиовизуальные материалы могут служить основой для развития навыков письменной речи: создания описания, повествования, сочинения оценочного, критического характера, рецензии, разного рода сюжетных зарисовок,

428 эссе. Например, на сайте канала «Культура» есть рубрика «Архив кино», где представлены краткие описания художественных фильмов, и есть возможность выбрать (названия фильмов расположены в алфавитном порядке) и просмотреть какой-либо фильм. Преподаватель ориентирует студентов на просмотр фильмов на определенную тему, проводит предварительную работу и дает задание посмотреть один из предложенных фильмов и написать отзыв или рецензию.

Иностранные учащиеся могут выполнять письменные контрольные задания, проверяющие полноту восприятия текста, делать записи по ходу просмотра видео, чтобы использовать их в качестве опоры при выполнении коммуникативных заданий. Так, на продвинутом этапе обучения студентам можно предложить создать собственный текст репортажа, видеосюжета или озвучить увиденный. Задания подобного типа всегда вызывают интерес в иноязычной аудитории и позволяют повысить мотивацию к изучению иностранного языка. Ресурсы сайтов телеканалов содержат материалы различной функционально-стилевой направленности. В зависимости от целевой установки и адресата аутентичного текста в них могут воспроизводиться элементы официально-делового, разговорного, научного, художественного стилей, что позволяет использовать их в группах с различным уровнем языковой подготовки.

Сайты телеканалов расширяют возможности для проектной деятельности студентов: там можно найти необходимую для проекта информацию: о музеях и их экспонатах по всему миру – передача «Пешком» (канал «Культура»); о текущих событиях в разных уголках мира и реакцию людей на эти события – «Новости»; (на разных каналах); о национальных праздниках, традициях – цикл передач «По секрету всему свету», «Моя любовь – Россия» (канал «Культура»); о выдающихся деятелях искусства – цикл передач «Портреты» (канал «Культура») и т. п.

«Использование аутентичных телевизионных материалов на занятиях по РКИ способствует формированию и совершенствованию у иностранных учащихся языковой компетенции, связанной с укреплением знаний о грамматических правилах русского языка; лингвистической компетенции, связанной с накоплением знаний о единицах языка, выразительных средствах языка; обеспечивающей формирование у иностранных студентов представлений о русском языке как феномене культуры; речевой компетенции, связанной с наглядным представлением о видимых компонентах речи и представлением речевого поведения личности в разных коммуникативных ситуациях; культуроведческой компетенции, связанной с получением знаний о фактах и артефактах культуры российского народа через наглядные представления; филологической компетенции, связанной с формированием фонда знаний о русской литературе через экранные представления; коммуникативной

компетенции, обеспечивающей практическое применение культуроведческих, филологических, лингвистических знаний в процессе межкультурной коммуникации» [1, с.95].

Традиционно телевизионные программы служат аутентичным культурологическим материалом при обучении иностранному языку, что обусловлено их экстралингвистической функциональностью, которая заключается в доступности, тематическом и жанровом разнообразии и лингвистическом потенциале. Актуальность их использования в обучении РКИ с каждым годом возрастает и требует постоянного поиска новых эффективных форм.

Литература

1. Абдрахманова И.Э. Совершенствование русской речи иностранных студентов на основе восприятия российской аудиовизуальной культуры: Дис. ... докт. пед. наук. – М., 2010. – 375 с.
2. Андреева Н.В. Аудирование в условиях языковой среды (уровень В1–В2): отбор материала // Русский язык за рубежом: Международный аспирантский вестник. – 2017. – № 4. – С. 35–38.
3. Богомолов А.Н. Работа с аутентичными телевизионными материалами на уроках РКИ (средний и продвинутый этапы обучения) [Электронный ресурс] / Богомолов А.Н. Русский язык и культура – дистанционно. – 2007. – URL: www.dist-learn.ru. (дата обращения 01.02.19).
4. Пассов Е.И. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного/Е.И. Пассов, Н.Е. Кузовлева. – М.: Русский язык. Курсы, 2010. – 568 с.
5. Богатурова Л.А., Колеватова М.И., Страмнова Т.В. Слушаем, понимаем, говорим... (из опыта работы над информационными телепрограммами общественно-публицистического характера) // Методика преподавания РКИ: традиции и современность / Сборник материалов научно-практической конференции (Москва, 8 апреля 2015 г.). – М.: изд-во Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2015. – 268 с.

Makarova A.A.

Pushkin State Russian Language Institute Moscow

ON THE ISSUE OF THE METHODOLOGICAL POTENTIAL OF AUTHENTIC TELEVISION VIDEO MATERIALS WHEN ORGANIZING THE TRAINING OF FOREIGN STUDENTS (LEVEL B2–C1)

The article discusses possible options for the use of authentic television programs as models for teaching Russian language of foreign students the level of B2–C1 language training.

Keywords: Russian as a foreign language, authentic television materials.

Рекламный дискурс в аспекте диалога культур

Статья посвящена рассмотрению феномена межкультурной коммуникации в сфере рекламы в условиях диалога культур на примере рекламного дискурса. Автор приводит ряд примеров национально-культурной специфики рекламного дискурса, функционирующего в странах в США, странах Европы и Азии. Основная идея статьи заключается в необходимости учета особенностей родной культуры адресата того или иного рекламного дискурса, поскольку от этого напрямую зависит степень его эффективности. В соответствии с данной сентенцией в статье предлагаются рекомендации по предотвращению коммуникационных помех, обусловленных несовпадением лингвокультурного опыта коммуникантов.

Ключевые слова: реклама, диалог культур, национально-культурная специфика, лингвокультура, дискурс, адресат.

Полагаем, сегодня вполне уместно утверждать, что к наиболее динамично развивающимся процессам культурного взаимодействия в контексте диалога культур следует отнести в первую очередь коммуникацию в сфере рекламы. Это обусловлено тем, что реклама представляет собой своеобразное отражение культуры, ее воплощение со всем ее национальным колоритом, который любая лингвокультура старается, в той или иной степени сохранить и с целью сформировать позитивное представление о себе, транслировать в адрес других лингвокультур. При этом следует особо подчеркнуть – мир рекламы разных лингвокультур характеризуют разного рода отличия, причем нередко весьма множественные. В то же время нельзя игнорировать тот факт, что менталитет, традиции, обычаи, система норм и ценностей т.д. и т.п. представителей разных стран и народов, вовлеченных в процесс коммуникации, обуславливают разную реакцию на рекламу. Словом, мы полностью разделяем точку зрения, согласно которой «для межкультурной коммуникации актуальной является проблема соотношения интернационального и национального в рекламе. Учет лингвокультурной специфики позволяет более успешно адаптировать к «местным» условиям рекламные тексты и форматы» [2, с.80].

Поэтому далеко не случайно мы, исследуя данный феномен, в одной из своих работ отмечали: «Необходимость специального отбора и изучения языковых единиц, в которых наиболее ярко проявляется своеобразие национальной культуры, остро ощущается во всех случаях кросс-культурной

коммуникации. В рекламе языковые единицы с ярко выраженной национально-культурной семантикой, апеллируя к фоновым знаниям адресата, способствуют более эффективному воздействию на сознание потребителя. Для того чтобы обеспечить эффективность сбыта продукции, рекламные тексты адаптируются с учетом фоновых знаний потребителей того общества, на которое осуществляется воздействие» [3, с. 62].

По нашему мнению, на этапе кодирования рекламного дискурса специалисты в области рекламы, а это – в первую очередь копирайтеры, при разработке межкультурной стратегии должны учитывать все «оттенки палитры» национальной культуры адресата, которую формируют, как отмечалось выше, языковые единицы, в той или иной степени участвующие в созидании небезызвестного «рекламного образа».

И как нельзя актуально в данной связи воспринимаются сегодня слова М.И. Цветаевой: «Иные вещи на ином языке не мыслятся». А в развитие темы, уже нынешний собрат-исследователь, совершенно справедливо, на наш взгляд, замечает: «Не только мысли могут быть «подуманы» на одном языке, но и чувства могут быть испытаны в рамках одного сознания, но не другого. Иными словами, есть понятия фундаментальные для модели одного мира и отсутствующие в другом» [6, с. 119].

Итак, мы видим – сопоставительный анализ межкультурной коммуникации в сфере рекламы и в том числе в языковом аспекте, делает возможным экспликацию механизмов воздействия на адресата в зависимости от принадлежности последнего к той или иной лингвокультуре. А это, в свою очередь способно элиминировать определенные помехи при коммуникации, препятствующей достижению взаимопонимания между коммуникантами в процессе диалога культур.

По-видимому, неслучайно находящаяся в поле нашего зрения проблематика, в разное время находилась и находится сегодня в центре исследовательского интереса и других ученых-языковедов, в той или иной степени вносящих свой вклад в кросс-культурную парадигму. Это, прежде всего, труды Ю.А. Сорокина, Н.Н. Мироновой, Ю.Н. Караулова, В.Г. Костомарова, Н.Д. Бурвиковой, В.В. Красных, Д.С. Скнарёва, и ряда других.

Так, например, И.В. Привалова, рассматривая лингвокогнитивную составляющую процесса межкультурного взаимодействия на материале сопоставления двух лингвокультур – русской и американской, предлагает включить в исследовательский обиход такой термин, как «языковые маркеры национально-культурного сознания», который, по ее мнению: «позволяет исследовать не отдельную языковую единицу, отражающую особенности национальной культуры, но языковой феномен, под которым может подразумеваться и языковой знак, и целая языковая система» [5, с. 5].

Думается, нельзя с этим не согласиться, тем более, если обратиться к конкретным примерам, в частности русско-американских сопоставлений. Так

432 | в американском варианте английского языка русскому слову «деревенщина» соответствует «red neck» – «белый житель маленького городка или фермер, преимущественно из южных штатов, безразличный к политике, немного ханжа и консерватор, который ездит на маленьком грузовичке, хранит дома оружие (ружье) и готов им воспользоваться; он пьет американское пиво в больших количествах, является страстным болельщиком и носит джинсы и бейсболку» [1, с. 794]. Полагаем, комментарии в данном случае излишни.

Рекламный дискурс, как и любое, в частности, обращение связан с феноменом речевого этикета – установленным порядком речевого поведения, принятом в конкретном обществе. Как нам кажется, на общеизвестном феномене речевого этикета подробно останавливаться нет смысла, а вот сосредоточить внимание на ряде примеров, обуславливающих при создании рекламного дискурса необходимость учета многообразия и специфики человеческого общения, считаем целесообразным.

К примеру, в Монголии, вместо хрестоматийного «Здравствуйте» чаще можно услышать фразу «Здоров ли ваш скот?», так как еще с давних времен фундаментом благополучия монгола-скотовода являлось его стадо: и если животные были здоровы, то и семью ожидало благополучие. А если скот, паче чаяния болел, переживал падеж от бескормицы, то о каком благополучии речи идти не могло. Отсюда пожелание здоровья рогатым особям можно считать вполне соизмеримым с пожеланием здоровья самому человеку.

Так в Китае, Таиланде, Вьетнаме ряде других стран Азиатского континента при встрече принято задавать вопрос: «Ели ли вы сегодня?», «Что вы ели сегодня?». За этими неожиданными для любого русского вопросами стоят особенности жизненной философии, которой традиционно придерживаются многие народы – представители так называемых «далеких» культур. Отношение к еде у соответствующих популяций более ориентировано в ценностном плане и не выступает как ординарный способ обеспечения жизненных функций человеческого организма. Это своего рода ритуал, тесно связанный с некими общественными функциями пищи, одна из которых предназначена для укрепления и стабилизации связей, имеющих место внутри того или иного объединения. К слову, у папуасов в языке есть особое слово-концепт под названием «нгма», что означает «братство по еде».

Так, получивший свой кусок признается полноправным членом коллектива – посторонние к ритуалу не допускаются. Неслучайно об одном европейце, посетившем после Миклухо-Маклая деревню папуасов, его жители говорили, что он «чужой», хоть и хороший. Чужой – потому что не разделил братство по еде – совместную трапезу.

Как считают исследователи, с которыми мы полностью солидарны, с культурологической точки зрения в современном рекламном продукте имея в виду глобальный контекст, целесообразно выделять следующие «функционально-

художественные стили»: американский, английский, французский, немецкий и японский [7, с. 107–108]. Рассмотрим их особенности.

Итак, поскольку для покупателя-американца реклама – это прежде всего предложение покупки, языковые единицы, принимающие непосредственное участие в создании рекламного дискурса, осуществляют функцию выражения соответствующей интенции. Что же касается английской рекламы, то в основе ее текста всегда лежали и лежат этикетные нормы с их традиционной англо-саксонской сдержанностью, приверженностью традициям во главе угла, а также не без известной долей консерватизма в том, что касается языковых норм.

Касаясь французского стиля, небезынтересно отметить: отражающая его особенности реклама эксплицирует прежде всего типично национальные черты менталитета, психического склада, а также традиционный стиль, в первую очередь художественной культуры галлов. При этом отличаясь, вместе с высокопрофессиональным уровнем, своеобразием юмора, бесспорной, на наш взгляд, изысканностью и одновременно значительной долей чисто французского «романтизма». На наш взгляд, все это – следствие генерального принципа рекламного дела Франции – доминирование эмоциональной составляющей вкупе с высококачественной эстетической.

Немецкую рекламу можно считать образцом графичности, рационализма, известной степени сдержанности в использовании средств художественной выразительности в языковом плане и одновременно – преобладающего внимания непосредственно к дискурсу, где, как правило, ведущая роль принадлежит фактам и цифрам, призванным обеспечить неукоснительное соблюдение ведущего принципа, которым является принцип достоверности.

Японская реклама, наконец, бросается в глаза своими сдержанностью в эмоциональном плане, ярко выраженной повествовательностью, преобладанием конкретного образа. Словом, всем тем, что является логическим продолжением философии созерцательности, а точнее, самосозерцательности, в европейской культуре более известной под названием «рефлексия».

Естественно, все отмеченные выше особенности были выявлены в диалоге культур, позволяющем увидеть «свое» в зеркале «чужого» и, наоборот, в диалоге, в основе которого должен лежать строгий и неукоснительный учет ценностных ориентаций участников коммуникативного акта.

Далее позволим себе несколько подробнее остановиться на рассмотрении в сопоставительном аспекте примеров русской и вьетнамской рекламы – двух стран, в последнее время особенно активно взаимодействующих по всем направлениям общественной жизни: политическому, экономическому, культурному.

Так, по мнению вьетнамцев, через прошлое, историю, корни обществом выражается отношение к настоящему, ибо они считают – раз у всего есть

434 | свои корни, то именно прошлое является гарантом и настоящего, и будущего. В частности, во вьетнамской рекламе данная сентенция выражена следующим образом: «Молоко “Nutifood”» – слоган «За ум Вьетнама, за будущее Вьетнама» сопровождается следующим видеорядом: «Мальчик, сидящий на буйволе, высоко поднимает флаг из камыша. Мальчик стоит на вершине горы (напоминая битву народного героя Ле Лоя с китайскими войсками на вершине горы Чи Линь). Мальчик использует ручку, чтобы пробить дырки в бумажных кораблях (напоминая тем самым о славной победе героя Нго Куена над китайскими войсками на реке Бак Данг). «Каждый выдающийся человек был ребенком». Ле Лой – вьетнамский феодал, возглавивший народную войну против китайских завоевателей, пытавшихся поработить Вьетнам, и победивший в сражении на вершине горы Чи Линь; Нго Кюйен, вьетнамский император, национальный герой. В 939 году возглавил восстание, которое привело к изгнанию из страны китайских войск, известный своей победой на реке Бак Данг над войсками китайской династии Нам Хан.

С точки зрения носителей вьетнамского языка и культуры, для русской лингвокультуры характерно иное изображение исторических событий в рекламе, далекое от внушения уважения к своему прошлому, пусть даже и не всеми трактуемого однозначно. Так, в свое время на экране российского телевидения имел место лозунг торгового центра «Арбат Престиж» – «Великая Октябрьская революция цен». Подобный рекламный ролик, будь он показан в СРВ, не только бы не привлек внимания, но и вызвал бы резко негативное отношение к рекламируемому бренду. Следует подчеркнуть: в данной лингвокультуре непопулярен широко распространенный в мировом копирайтинге рекламный прием «игры слов» относительно единиц, связанных в той или иной степени, с историческими событиями.

Таким образом, анализ рекламных дискурсов – как русских, так и иных лингвокультур – с позиции учета национальной специфики дает рекламодателям представление об особенностях менталитета инофона, что необходимо учитывать с точки зрения критерия эффективности. Кроме того, это важно и для обучения русскому языку как средству межкультурной коммуникации с точки зрения более глубокого ознакомления с культурой другого народа. Поскольку тексты, в том числе рекламные, – хотим ли мы этого или нет, – плоть от плоти культуры, понимаемой нами как специфический способ человеческой жизнедеятельности.

Резюмируя сказанное, позволим себе ряд выводов-рекомендаций как для межкультурного копирайтинга, так и для практики преподавания русского языка как средства межкультурной коммуникации при вполне востребованном использовании рекламных текстов в качестве учебного материала.

1. Рекламный дискурс, как уже неоднократно отмечалось, требует обязательной адаптации к иной лингвокультуре, но не только и не столько

на уровне трансляции содержания слов, сколько на уровне трансляции идей, относящихся к понятию «дух народа».

2. При этом именно понимание значения особенностей национальной культуры – особенностей, являющихся неотъемлемой частью диалога культур в таких его разновидностях, как рекламное дело и изучение русского языка как средства межкультурной коммуникации, в наше время должно играть все большую роль.

3. Причины неэффективности рекламной коммуникации между представителями разных лингвокультур кроются в недопонимании, в недооценке расхождений в нормах, обычаях, ценностях, традициях и т.д. инолингвокультуры. Свою негативную роль способны играть и непонятные, неадекватно толкуемые архетипы, символы контактирующей культуры, приводящие к помехам.

4. Специалист, ориентированный на деятельность в области межкультурной коммуникации – будь то рекламоведение или лингводидактика, должен быть знаком с азами кросс-культурного анализа. Подобный курс в свое время читался автором настоящей статьи для копирайтеров на факультете рекламы Московского гуманитарного университета.

Литература

1. Американа: Лингвострановедческий словарь. – Смоленск, 1996. – 1187 с.
2. Дворникова А.Г., Жукова А.Г. Дискурс российских и американских телемагазинов: общее и культурно-специфическое // Пересекая границы. Межкультурная коммуникация в глобальном контексте. Сб. материалов. – М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. – 2018. – С. 80–81.
3. Мамонтов А.С. Номинативные единицы – афоризмы (поговорицы, поговорки) в аспекте сопоставительного лингвострановедения // Вестник МГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2002. – № 2. – С. 88–97.
4. Мамонтов А.С. Кросс-культурный анализ в аспекте рекламоведения // Знание. Понимание. Умение (Научный журнал Московского гуманитарного университета). – 2005. – № 1. – С. 111–116.
5. Мамонтов А.С. Лингвострановедческий аспект межкультурной коммуникации в сфере рекламы: Учебное пособие. – М., 2017. – 132 с.
6. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). – М.: ФЛИНТА: Наука, 2005. – 145 с.
7. Скарнев Д.С. Языковые средства создания образа в рекламном дискурсе: маркетинговый аспект: монография. – Челябинск: Издательский центр Юр ГУ, 2014. – 248 с.
8. Череднякова А.Б. Основы интегрированных коммуникаций. Реклама: Учеб. пос. Ч. 1. – Челябинск: Издательский центр Юр Гу, 2012. – 250 с.

9. Phan Ngoc. Van hoa VN va cach tiep can moi. – Hanoi: “Sack”, 1994.–150 tr.

Mamontov Alexander Stepanovich

A.S. Pushkin State Institute of Russian Language

ADVERTISING DISCOURSE IN THE ASPECT OF THE DIALOG
OF CULTURES

The article is devoted to the consideration of the phenomenon of intercultural communication in the field of advertising in a dialogue of cultures on the example of advertising discourse. The author cites a number of examples of the national-cultural specifics of the advertising discourse operating in countries in the USA, Europe and Asia. The main idea of the article is to take into account the peculiarities of the addressee's native culture of an advertising discourse, since the degree of its effectiveness directly depends on it. In accordance with this maxim, the article proposes recommendations for the prevention of communication hindrances caused by the discrepancy between the linguocultural experience of communicants.

Keywords: advertising, dialogue of cultures, national-cultural specificity, linguoculture, discourse, addressee

Рекламный дискурс как отражение национального менталитета (на примере российской социальной рекламы)

В статье рассматриваются такое лингвистическое понятие как дискурс, в частности – дискурс социальной рекламы, который является отражением определенных черт менталитета современного российского социума.

Ключевые слова: дискурс, реклама, социальная реклама, менталитет, текст.

Вовсе не секрет, что реклама в современном обществе – мощнейшее оружие, воздействующее на людей. Рекламные тексты во всем их многообразии окружают нас повсеместно. Выбираются разнообразные форматы и виды рекламы: печатная, аудио-визуальная, банерная, радио-реклама, тизерная и т.д. Мы можем не замечать, как рекламные тексты, будучи средством массовой коммуникации, запоминающиеся и актуальные, становятся частью нашей жизни, безусловно, влияя на нее.

В нашей статье будет рассматриваться российская социальная реклама как средство отражения национального менталитета. Нельзя не согласиться, что именно реклама является показателем стиля и культуры, системы ценностей и мировоззрения общества в конкретной стране.

Прежде всего, целесообразным будет обратиться к понятиям «дискурс», и конкретнее «рекламный дискурс». Говоря о дискурсе, мы обращаем внимания на неоднозначность данного понятия и большое количество трактовок.

Термин «дискурс» часто рассматривается в качестве эквивалента понятия «речь», как это делали представители Французской школы анализа дискурса (Э. Бенвенист, Ж. Курте, Г. Парре), но речь, вписанная в определенный коммуникативный контекст. Известное противопоставление Ф. де Соссюра языка и речи Э. Брюссанс как бы «разбавляет» понятием дискурса, делая его элементом-посредником между языком, являющимся системой знаков абстрактного характера, и речью – самим механизмом речевой деятельности, индивидуальным речевым актом, носящим психический характер [2, с. 245]. Таким образом, дискурс в данном определении представлялся как комбинация для использования языка говорящим. По мнению Н.Д. Артюновой, представляет собой «речь, погруженную в жизнь», речь, которая

438 | определяется социальными задачами участников диалога. Дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [1, с. 136].

«Дискурс» рассматривался лингвистами и с точки зрения его тесной связи с понятием «текст». Так, З. Харрис в своей статье «Дискурс-анализ» определил дискурс просто как отрезок текста, высказывания, точнее, последовательность высказываний [4, с. 4].

В данной работе еще одним важным звеном является определение понятия «социальная реклама». В качестве примеров мы будем обращаться к рекламным текстам, оформленным с помощью визуальных средств. Позволим себе напомнить, что социальная реклама представляет собой информацию для неопределенного, неконкретного круга лиц, направленную на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства.

Как отмечалось выше, предметом нашего исследования будет являться рекламный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами коммуникации: культурными, социолингвистическими, психологическими и т. п. [3, с. 11].

Отметим – социальная реклама, в отличие от коммерческой, не ставит своей целью продажи какого-либо продукта или услуги, она призвана привлекать внимание общества на актуальные проблемы социума, стимулировать его на изменение поведенческих привычек, формирование новых жизненных ценностей.

Посредством рекламы, в частности социальной, реализуется оценка национального мышления, лингвокультурной общности. Реклама, будучи социально средой, оказывает влияние на формирование и трансформацию индивидуальных ценностей человека, в свою очередь являясь отражением национального мировоззрения страны, ее культурной и ментальной системы.

Итак, обратимся к рассмотрению конкретных примеров социальной рекламы. Попутно заметим, что различная тематика социальной рекламы обусловлена кругом конкретных социальных проблем и задач.

Проблема загрязнения окружающей среды, мусора особенно актуальна в городском пространстве, поэтому неудивительно, что частотны призывы не загрязнять пространство, которые и реализуются в социальной рекламе. Например, рассмотрим рекламный текст: «Семья из 2-х банок снимет мусорный бак. Чистоту гарантируем». В конкретном случае олицетворение является убедительным за счет включения в контекст бытовых, жизненных тем для большинства людей, а именно: поиск жилья, аренда жилья, начало совместной жизни, будущего. Бытовые проблемы в стране стоят в центре внимания

людей, и именно они отражаются в рекламе-призыве жителей не мусорить. Текст «Подбрось до урны!» – еще одно доказательство предлагаемого нами вывода. В данном случае пустая бутылка – это тоже олицетворение человека, попавшего в обыденную ситуацию и теперь ищущего выход из нее. Обратим также внимание, что под обоими текстами надпись «У мусора есть дом», что еще раз подтверждает, что бытовые проблемы входят в круг главных у россиян.

Проблема помощи социально незащищенным, благотворительности также занимает отдельное место в кругу общественных ценностей. Рекламный текст по данной тематике «Старость не должна быть одинокой!» является примером проявления стереотипных представлений о жизни в целом. В данном случае перед нами некий «стандарт» мышления многих людей: старые люди всегда одиноки. Это является показателем того, что в обществе присутствуют негативные мотивы, которые и вызывают появление стереотипов. Из чего можно сделать вывод, что если такого рода стигматизация была призвана пропагандировать высокие ценностные установки, то во всем подтексте чувствуется проблематичность принятия нацией добрых мотивов; используются скорее отрицательные аспекты мышления. Подобного рода вывод может быть подтвержден еще одним рекламным текстом: «Каждый ребенок особенный, все дети равные. Подари будущее детям с инвалидностью». Складывается ощущение, что в первую часть текста на самом деле никто не верит, а вывод напрашивается сам собой – к детям с инвалидностью «особенно» отношение. Именно этот стереотип, по нашему мнению, раскрывается в данной социальной рекламе. То есть, то что то, к чему изначально стремились призвать было стерто стереотипом, который прочно закрепился в умах людей.

Проблема борьбы за здоровый образ жизни представляет собой широко распространенный блок, мотивационно направленный на осознание социально ответственности перед самим собой, своими близкими и обществом необходимости вести здоровый образ жизни. Здоровую привычку вырабатывать не просто, зато указать на пагубность вредной привычки помогает натуралистичность, прямолинейность. В этом нам помогают эмоционально окрашенные, призывные формулировки («Сорвись с крючка! Российский курильщик зависит от 6 570 сигарет в год», «Внимание к людям – внимание людей»), вопросно-ответные конструкции («Какой осмотр важнее? Пройди бесплатную диспансеризацию!», «Что будет с ним, если тебя не станет?», «Родите ли? Курение вызывает бесплодие»). Данные приемы реализуются как средства выразительности, направленные на призыв задуматься. Экспрессивность, безусловно, оказывает задуманный эффект на человека, успешного воспринять данный рекламный текст. Именно что провокационные выражения, апеллятивность, ярко выраженная экспрессия – не только текстуальная, но и в визуальном оформлении рекламы – являются тем «кнутом», который начинает работать на благо общества. Можно сделать вывод, что человек лучше

440 | начинает понимать и задумываться, когда использованы «жесткие» приемы борьбы за светлое будущее всей страны. Именно когда человек понимает таким образом свою значимость, когда задумывается над данностью, над собственной ответственностью, он начинает менять свои привычки и уклад жизни. К несчастью, вынуждены признать, что резкими и отчасти даже эпатажными способами сделать это оказывается куда действенней, чем через добродушие. Необходимость постоянного давления на совесть, на разум, на эмоции человека, чтобы донести социально значимую информацию – тоже можно считать проявлением национальных ментальных установок.

Таким образом, резюмируя, мы можем выделить некоторые особенности российского национального менталитета, которые выявляются через рекламу, в нашем случае – социальную рекламу, отражая и акцентируя внимание на насущные бытовые проблемы людей и как бы делая рекламу «приближенной» к каждому человеку. Нами были выявлены случаи стереотипизации, которая скорее носит отрицательную окраску. При этом наиболее значимым является то, что каждое общество имеет свою структуру ценностей и культурных ориентиров, в которых отражается уникальность и самобытность той или иной нации [3, с. 3–4]. Можно сказать, что менталитет нации является в одно и то же время и причиной, и средой существования рекламы. Социальная же реклама является ярким показателем социальных проблем общества, поэтому мы и можем сказать, что она отражает менталитет страны.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Лингвистический энциклопедический словарь / Н.Д. Арутюнова. – М.: СЭ, 1990. – С. 136–137.
2. Горбунова М.В. К истории возникновения термина «дискурс» в лингвистической науке / М. В. Горбунова // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 244–247.
3. Мамонтов А.С. Лингвострановедческий аспект межкультурной коммуникации в сфере рекламы: Учебное пособие / Мамонтов А.С. – М., 2017. – 132 с.
4. Прохорова С.Н. Рекламный дискурс: текст лекций / С.Н. Прохорова, П. Г. Демидова. — Ярославль: Яр ГУ, 2013. — С. 11.
5. Harris Z. Discourse analysis // Language. – 1952. – V. 28. – № 1. – P. 1–30.

Mamontov A.S., Markovich L.B.

Pushkin State Russian Language Institute

ADVERTISING DISCOURSE AS A REFLECTION OF NATIONAL MENTALITY (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN SOCIAL ADVERTISING)

The article deals with such important linguistic concepts as discourse, in particular – advertising discourse, that are necessary and important for the analysis of specific examples. The work will consider the texts of social advertising, which are a reflection of some features of the mentality of the country.

Keywords: discourse, advertising, social advertising, mentality, text.

Лингвопрагматические особенности субдискурса научно-технических стартапов

В данной статье рассматриваются особенности научного дискурса, определяются виды стартап-деятельности и выделяется как субдискурс научно-технических стартапов как особый вид дискурса или дискурс на стыке дискурсов.

Ключевые слова: дискурс, стартап, научно-технический дискурс, маркетинговый дискурс, текст, прагматика, лингвистика.

По мере развития технологий наблюдается увеличения роста интереса ученых к поиску новых траекторий для инновационного развития в России. Это обуславливается разными факторами, в числе которых и улучшение инвестиционного климата в РФ, и потребность в увеличении инновационной экономической составляющей, и развитие необходимой для науки инфраструктуры, и взаимодействие с иностранными фондами. Все это способствует диалогу ученых с инвестиционными организациями. В связи с этим ученые сталкиваются со следующей формулой: от того, насколько грамотно и доступно ученые излагают свои мысли, зависит достижение конечной цели, и что наиболее важно – размер инвестиций. Наиболее важной задачей является передача первичной идеи, которая на ранней стадии развития компании (т. е. стартапа) может заинтересовать инвесторов. В силу разных причин дискурс ученых (научный дискурс) отличается от дискурса инвесторов (финансовый дискурс). На стыке этих двух дискурсов появляется новый – дискурс научно-технических стартапов, который необходимо описать, а также выявить стратегические ошибки его построения с точки зрения прагматики.

Появившись в XVIII веке, термин «дискурс» обозначал диалогическую речь. С тех пор понятие претерпело изменения, сейчас этот термин имеет намного более широкое семантическое поле, нежели три века назад. На данный момент ученые относят к дискурсу все разновидности прагматически обусловленной речи. До недавнего времени не были разграничены понятия дискурса и текста, однако сейчас между данными терминами существует четкая граница: текст – это формальная, абстрактная конструкция, дискурс – актуализированный текст, воспроизведенный в устно-разговорной форме, обусловленный экстралингвистическими факторами и сконцентрированный около опорного концепта или нескольких концептов.

В.И. Карасик выделил три вида дискурса: прагмалингвистический, диалогический и культурологический. В данной работе основное внимание уделяется прагмалингвистическому виду дискурса. Основными текстообразующими категориями дискурса являются когезия и когерентность.

Научный дискурс отличается наличием когнитивных (графики, таблицы и т. д.), лингвистических (аббревиация, понятия, термины) и политических (запреты и предупреждения) элементов. Научному дискурсу характерны отсутствие эмоциональности, логичность изложения, завершенность, снижение имплицитных связей, расчет на эксплицитные формы выражения, избежание подтекстовых ситуаций. Синтаксис стремится к компрессии.

Финансовый дискурс в меньшей степени опирается на когнитивный аспект, чем научный. Для финансового дискурса характерно прагматическое воздействие, допускается эмотизация подаваемой информации, что способствует созданию метауровня. Финансовый дискурс изобилует эвфемизмами, что позволяет говорить о наличии эмоционального подтекста.

Текстовая прагматика теснейшим образом связана с семантикой, что в своих трудах доказывали ученые-лингвисты, однако в зависимости от семантического наполнения текста форма реализации прагматической составляющей может значительно отличаться. В связи с этим интересно рассмотреть специфику стартапа – бизнес-проекта, у которого отсутствует история производственной деятельности. Отличительным признаком стартапа следует признать своеобразие его модальности: стартапы – это временные структуры, находящиеся в поиске масштабируемой бизнес-модели.

Стартапы можно по-разному классифицировать, как правило, выстраиваются дихотомии: «клоны» – «оригиналы»; высокотехнологичные – традиционные.

«Клоны» копируют успешные иностранные примеры бизнес-моделей, адаптируя ее под российские реалии.

«Оригиналы» возвращают идею с нуля, продумывая уникальные отличительные черты и целевое преимущество перед уже созданными продуктами.

Высокотехнологичные стартапы нацелены на использование результатов научно-технического прогресса и высоких технологий.

Традиционные стартапы стараются достичь максимальной выгоды, используя давно известные технологии и стратегии.

Дискурс научно-технических стартапов уместнее считать субдискурсом, так как он включает в себя черты научного и финансового дискурсов.

Он изобилует терминами, специальными понятиями. Термины могут быть как специализированными (присущими исключительно дискурсу стартапов), так и общеэкономическими и общенаучными.

Также характерно множественное использование аббревиаций, которые позволяют сократить время изложения информации, что особенно актуально

при участии инноваторов в форумах, конференциях, на площадках технопарков, где время презентации регламентировано.

Использование лексических единиц с повышенной категоричностью преследует прагматические цели спикера. Сложная палитра эмотивности лексических единиц помогает воздействовать на слушателей. Разные части речи обладают свойством повышенной категоричности: от глаголов до наречий.

Важную роль в построении коммуникации играет структурно-семантическая модель высказывания. Среди базовых структурно-семантических моделей наибольшим смысловым потенциалом категоричности обладают предложения, конструируемые именными предикатами.

Наиболее важными текстообразующими категориями являются адресность, информативность и целостность.

Однако в субдискурсе научно-технических стартапов отсутствуют маркетинговые текстообразующие единицы. Отсутствуют прагматонимы, указывающие на успешные стратегии развития стартапа. Отсутствует успешная стратегия нейминга и рыночного мышления в целом.

Литература

1. Анашкина И.А. Прагматика текста и текстовых единиц. Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т им. М. Е. Евсевьева, 2011. – 409 с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М.: БРЭ, 1998.
3. Карасик В.И. Лингвистика текста и анализ дискурса. – Архангельск-Волгоград: Перемена, 1994. – 36 с.
4. Миронова Н.Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа. Т. – С. 54
5. Попова З.Д., Стернин, И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: «Истоки», 2003. – 191 с.
6. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. – М: Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 1998. – 291 с.

Markacheva P.A., Matrusova A.N.

Pushkin State Russian Language Institute

LINGUOPRAGMATIC FEATURES OF THE SUBDISCOURSE OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL STARTUPS

This article defines the concept of «discourse», discusses the features of scientific discourse, defines the types of startup entrepreneurship.

Keywords: discourse, startup, scientific and technical discourse, marketing discourse, text, pragmatics, linguistics.

Рекламный текст как разновидность медиатекста: лингвистические и социокультурные характеристики

Статья посвящена лингвистической и социокультурной специфике рекламных текстов. Рекламный текст рассматривается как разновидность медиатекста. Особое внимание в статье уделяется проблеме влияния рекламных посланий на формирование языковой личности.

Ключевые слова: медиатекст, коммуникация, лингвокультурология, языковая личность.

Начало нового столетия отмечено пристальным вниманием отечественного лингвистического сообщества к проблеме эволюции и функционирования медиатекста. Это внимание, на наш взгляд, вполне закономерно, поскольку в современной социокультурной и коммуникативной ситуации, медиатексты разного рода (газетная и журнальная публицистика, тексты сети Интернет, рекламные и PR-послания) оказывают значительное влияние на языковую культуру личности, на коммуникацию в социуме.

Появление новых гаджетов, максимально упрощающих доступ к информации, динамичное развитие сети Интернет, конкуренция во всех сферах жизни, порождающая значительное количество суггестивных сообщений, господство в пространстве коммуникации массовой культуры, нередко примитивизирующей и вульгаризирующей стиль коммуникативного взаимодействия наших соотечественников и современный русский язык – все это не только стало отправной точкой интереснейших лингвистических дискуссий, но и привело к появлению новой отрасли науки о языке. Речь идет о лингвокультурологии медиатекста.

Вопрос о развитии языка во все исторические периоды оставался вопросом о развитии культуры, поскольку язык и культура связаны экзистенциально. Рассматривая сегодня, в век супермобильной коммуникации, тенденции формирования языковой личности, исследователь закономерно задается вопросами, которые волновали его предшественников и пятьдесят, и сто лет назад. Проблема того, как развитие общества, совершенствование коммуникации влияет на эволюцию языка, порождая те или иные формы вербального самовыражения личности, относится к таким вневременным для лингвистики вопросам. При этом следует учитывать, что сегодня именно медиаречь ста-

новится важнейшим источником пополнения активного словарного запаса, что большинство окказионализмов и неологизмов приходят к нам именно из медиатекстов.

Рекламные послания, столь распространены в российском социуме, что можно без преувеличения утверждать: реклама, выполняя свою родовую функцию, формируя стратегию потребительского поведения личности, определяя стандарты социальной самореализации, оказывают значительное влияние на язык и стиль межличностной коммуникации. Можно не читать периодику, не смотреть телевизор и даже принципиально игнорировать сеть Интернет, но реклама с ее слоганами, суггестивными приемами, окказионализмами, помимо воли человека, будет входить в его жизнь, формируя сознание, мышление, поведение и что самое главное, определяя стиль вербального самовыражения. Закономерно, что язык рекламного текста, рассматриваемого как разновидность медиатекста, столь интересен для лингвокультурологов. В частности, Е.С. Кара-Мурза, исследуя внутреннюю дифференциацию современной русской рекламы, считает необходимым подчеркнуть: «Анализ показал, что реклама представляет собой макродискурс, который объемлет три субдискурса: рекламу коммерческую, политическую и социальную. Основания для классификации рекламы в лингвистике и семиотике взяты из рекламоведения: это дискурсивно значимые экстралингвистические факторы, главный из которых – маркетинговая, продвигающая функция и стратегия позиционирования. Коммерческая реклама внутренне дифференцирована на подвиды, релевантные как индустриально, так и лингвосемиотически» (2, с. 31).

В рекламной коммуникации, в текстах листовок, плакатов, статей, достаточно ярко отражаются черты современных медиатекстов, общие для всех видов медиаречи, характеристики, на которых необходимо остановиться более подробно.

Первая, родовая черта медиатекстов – это, конечно, их короткий срок жизни, сиюминутная актуальность. Писатель может трудиться для будущих поколений, рассчитывая на то, что его идеи будут восприниматься даже через столетия. У копирайтера совершенно иные задачи: не прочитанный и не воспринятый целевой аудиторией сегодня текст завтра перестает быть актуальным. Это же можно сказать о рекламе политической, о продвижении определенных социальных идей, стратегий и начинаний, весьма популярных сейчас, но быстро уходящих в историю. Отсюда сгущение красок, нагнетание ажиотажа, обилие эмоциональных восклицаний, призванных привлечь внимание целевой аудитории: «Последний шанс!», «Не упустите возможность!», «Только у нас, только для вас!», «Уникальная акция в период новогодних каникул!». Заголовки рекламных текстов пестрят словосочетаниями «лимитированная коллекция», «уникальное событие (предложение,

446 | начинание), «фантастические скидки». Такого рода конструкции призваны поднять ажиотаж, подтолкнуть потребителя к немедленным действиям.

Высокая конкуренция во всех товарных категориях порождает еще одну особенность рекламных текстов, в определенной степени присущую всем медиaposланиям. В данном случае речь идет о суггестивности. По сути рекламу можно определить, как суггестивную продающую коммуникацию, а рекламный текст как в высшей степени суггестивный лингвистический феномен. Суггестия, иными словами, внушение, – важнейший компонент алгоритмизации поведения потребителя, управления его сознанием и создания социальной установки. К наиболее распространенным приемам рекламной суггестии относят употребление глаголов в повелительном наклонении (приходите, выбирайте, покупайте), ссылки на данные научных исследований, свидетельства авторитетных для целевой аудитории лиц, риторические вопросы, цитирование крылатых фраз, пословиц, поговорок, языковую игру, рифму и поэтический ритм (известно, что поэтическая реклама запоминается гораздо лучше и быстрее срабатывает в момент принятия решения о покупке). Как правило, в одном рекламном послании может быть актуализировано несколько суггестивных приемов, например: «Знаете ли вы, что по результатам научных исследований, более 80 процентов жителей России регулярно испытывают нехватку витаминов и полезных для организма микроэлементов. Отсюда наша постоянная усталость, раздражительность, депрессивность. Хотелось бы Вам в любое время года оставаться бодрым и веселым. Если да, то не упустите уникальный шанс приобрести биологическую добавку «Промед» со скидкой в интернет-магазине».

Вместе с другими медиатекстами рекламные послания активно формируют информационное поле медийной языковой личности. А.В. Болотнов, определяет информационное поле медийной языковой личности как «пространство общения, индивидуальный дискурс, который складывается из дискурсивных практик в различных сферах коммуникации человека в процессе его профессиональной, творческой и личной жизни» (1, с. 12). Информационное поле медийной языковой личности формируется сегодня при активном участии самих коммуникантов, их самопрезентации в информационном пространстве, их влиянии друг на друга. Рекламная коммуникация в этом смысле не является исключением, поскольку одной из тенденций медиакommunikации стало самопродвижение личности в сети Интернет. Выделим далее наиболее популярные приемы саморекламы. К ним следует отнести:

– использование имплицатур: «Теперь, пройдя стажировку в Париже, я получил диплом мастера–колориста». Имплицатура данного высказывания весьма прозрачна: автор текста намекает, что и раньше был профессионалом высокого класса, а теперь его квалификация подтверждена международным документом.

– психологическая подстройка под собеседника в сети Интернет, при этом общение носит явно рекламный характер, когда автор текста утверждает: «Я знаю, что такое оказаться в похожей ситуации», «Мне понятны Ваши проблемы», «И я испытывал трудности». Далее следует предложение коммерческого свойства: известно, что многие популярные блогеры продвигают определенные товары и услуги.

– обобщение, актуализация фактов, которые невозможно доказать или опровергнуть: «За последние пять лет я помог избавиться от проблем со здоровьем нескольким тысячам пациентов», – утверждает народный целитель; «Обращайтесь ко мне, тогда ни один банк не откажет Вам в кредите», – обещает частный кредитный брокер. Адресатам таких посланий остается либо на деле проверить достоверность этих утверждений, либо отказаться от общения с авторами текстов.

Кроме того, для саморекламы в интернете характерно большое количество окказиональных образований, сниженный стиль речи и даже обценная лексика, которой нередко характеризуются конкуренты.

Изучение рекламного текста сегодня становится междисциплинарной проблемой, привлекающей внимание культурологов, социологов, психологов, лингвокультурологов. Рассмотрение лингвокультурологического аспекта рекламных посланий является одним из наиболее значимых исследовательских направлений в гуманитарном знании, поскольку оно сопрягает воедино представления о языке и культуре, позволяя исследовать эволюцию языка в мире, где важнейшей психологической потребностью человека становится немедленный доступ к информации.

Литература

1. Болотнов А.В. О некоторых ключевых понятиях формирующейся информационно-медийной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – вып.1. – С.112.
2. Кара-Мурза Е.С. Современная реклама и ее внутренняя дифференциация // Медиалингвистика. – 2015. 4. С. 31.

Matveeva Elena Olegovna

Moscow branch of St. Petersburg humanitarian University of trade unions

ADVERTISING TEXT AS A KIND OF MEDIA TEXT: LINGUISTIC AND SOCIO-CULTURAL CHARACTERISTICS

The article is devoted to the linguistic and socio-cultural specificity of advertising texts. Advertising text is considered as a kind of media text. Particular attention is paid to the problem of the influence of advertising messages on the formation of a linguistic personality.

Keywords: Media text, communication, linguoculturology, linguistic personality.

Проблемы передачи скрытых смыслов при переводе на русский язык (на материале названий фильмов)

Статья посвящена особенностям передачи скрытых смыслов названий фильмов при их переводе на русский язык. Выделяются типичные способы перевода, рассматриваются на примерах фильмов 2018 года частые виды ошибок. Основное внимание в работе акцентируется на том, какое влияние оказывает неверный перевод на зрителя.

Ключевые слова: перевод, переводчики-локализаторы, лакуны, адаптация названий.

В век цифровых технологий, когда всемирная сеть изобилует фильмами на любой вкус и цвет, нужно постараться, чтобы удивить потребителя. С целью заинтересовать как можно более широкую аудиторию маркетингологи иногда доходят до абсурда. Всем известно, что название картины – одна из ключевых деталей в создании фильма. От того, насколько «цепляющим» оно будет, зависит его успех в прокате. По этой причине зрителя, в той или иной степени знающего английский, может удивить разница между оригинальным названием и российским аналогом. В некоторых случаях замена успешна и обусловлена очевидными факторами, которые будут рассмотрены в данной статье. Однако есть названия, которые в корне меняют интерпретацию картины или вовсе искажают ее. Возможно ли передать скрытый смысл фильмов? Какие проблемы могут встать на пути к этой цели? Данной проблематике и посвящена наша научная статья.

Ключевым понятием этого исследования следует считать локализацию. В рамках настоящей работы под данным термином мы будем понимать адаптацию, переработку существующего языкового продукта с целью использования его в странах с другим языком. Именно переводчики-локализаторы создают новое название фильма, руководствуясь не только сюжетом, но и реалиями страны, на язык которой оно будет переводиться. Стоит отметить, что зачастую перед работниками данной сферы стоит непростая задача. Они должны перевести название фильма, не теряя краткости и емкости. Рассуждая на эту тему, нельзя не упомянуть проблему лакун. Данный термин подразумевает отсутствие лексических эквивалентов в одном из языков. Например, на

английский слова 'именинник' и 'сутки' невозможно перевести, используя только одно слово, так как в этом языке нет лексических аналогов. В первом случае перевод – person whose name day it is, во втором – twenty-four hours, соответственно. Для слова wallflower мы не найдем в русском языке аналога, который смог бы в полной мере передать семантическую тонкость, заложенную в языке оригинала. На русском языке перевод звучит так: «девушка, которая не пользуется популярностью». Перед локализатором стоит колоссальная проблема, требующая каждый раз оригинального решения...

Между тем, нередки случаи, когда по какой-либо причине переводчики трансформируют названия почти до неузнаваемости. Рассмотрим данный феномен более подробно на материале фильмов, вышедших в прокат в 2018 году. Для большей упорядоченности будем разделять перевод названий картин на три категории: калькирование, трансформация и замена. В первом случае – перевод прямой или дословный. При переводе таких названий обычно не возникает трудностей. Следующая категория – трансформация. Представляет собой незначительное изменение в заголовке. Например, перевод будет сопровождаться смысловой адаптацией, т.е. когда смысловая или жанровая недостаточность дословного перевода компенсируется дополнением или же опущением лексических элементов, связанных с сюжетом фильма. В случае последней из приведенных категорий – название фильмов невозможно передать при дословном переводе. Это может быть обусловлено, например, лакунами или же цензурой, так как часто та лексика, которая повсеместно используется в Англии или Америке является неприемлемой для жителей России.

Фильм Мага, вышедший на экраны под названием «Мара. Пожиратель снов», – пример трансформации. В данном случае переводчики-локализаторы позаботились о том, чтобы зрителю, просматривающему афишу, было понятно примерное содержание. Таким образом, данный подзаголовок содержит в себе функцию жанровой адаптации. После подобного дополнения к названию становится понятно, что фильм будет не об истории хрупкой девушки, а о каком-то чудовище. К сожалению, в погоне за объяснением массовому зрителю особенностей сюжета, переводчики иногда переходят грань между интригой и раскрытием основной идеи фильма. Так, например: The meg – «Мег: Монстр глубины» или 211 – «Ограбление: Код 211». Исходя из приведенных примеров, делаем вывод, что добавление подзаголовка – не всегда оправдано. Зачастую подобные трансформации могут привести к тому, что главная тема картины станет очевидной.

Рассмотрим следующий пример: Lizzie – «Месть Лиззи Борден». Данный случай можно отнести к категории замены. Этот пример схож с предыдущим. Разница заключается лишь в том, что в ситуации с трансформацией основное название фильма не меняется, происходит лишь дополнение в виде подзаго-

450 | ловка. В случае с заменой адаптированное название не просто привлекает внимание потенциального зрителя, а сразу рассказывает об основной идее фильма. Конечно, простор для фантазии потребителя оставлен, но небольшой. Подобную ситуацию видим в названиях таких фильмов, как Jonathan – «Дубликат», The nun – «Проклятие монахини».

Следующая тенденция – использование названий, которые содержат отсылку к уже существующим известным картинам. Вот лишь несколько примеров: Robin hood – «Робин Гуд: Начало». По аналогии с «Бэтмен: Начало» и «Гоголь. Начало». Рассмотрим ситуацию с фильмом: Wilding – «Сага о чудовище. Сумерки». Сага предполагает собой некую эпичность стиля или содержания, а также отношение к семейным историям нескольких поколений. Но речь скорее идет о девочке-оборотне и ее мироощущении, о том, как она приспосабливается к современному миру. Корректнее в данном случае будет именно дословный перевод – ‘Одичалая’. Но похоже на то, что, увидев оборотня в сюжете, переводчики решили, будто будет уместно название, отсылающее к истории о вампирах «Сумерки. Сага: Новолуние» и проч.

Нередки случаи, когда название и вовсе не переводят. Например, Rampage – «Рэмпейдж». Мы видим транслитерацию, причем ничем не обоснованную. О чем это может сказать зрителю? Вызывает только недоумение, ведь нет ничего странного в словах ‘буйство’ или ‘ярость’. Именно в них заключается основная идея фильма.

Разумеется, мы не утверждаем, что абсолютно все названия картин, которые выходят в России на большой экран, переведены с ошибкой. Однако их существует немалое количество. Зачастую переводчики-локализаторы таких фильмов либо игнорируют само содержание, либо пытаются максимально упростить для зрителя его понимание. К сожалению, это приводит к тому, что скрытый смысл названия теряется. Подобная ситуация чревата тем, что сюжет фильма будет не соответствовать названию, либо раскроет главную линию повествования.

Проблема передачи скрытых смыслов при переводе на русский язык – обширна и требует более детального анализа.

Литература

1. Академик. Словари и энциклопедии на Академике – [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 09.02.2019).
2. Бальжинимаева Е.Ж. Стратегия перевода названий фильмов / Улан-Уде: 2009. – 70 с.
3. КиноПоиск. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kinopoisk.ru> (дата обращения: 09.02.2019).
4. Левицкая Т.Р. Фитерман А.М. Проблемы перевода. / М.: Международные отношения, 1976.

5. Милевич И. Стратегии перевода названий фильмов // Рус. яз. За рубежом. – 2007. – №5. – 65 с. 451

Matrusova A.N., Kochetkova S.V.

Pushkin State Russian Language Institute

**TRANSMISSION OF HIDDEN MEANINGS IN TRANSLATION
TO RUSSIAN LANGUAGE (ON MATERIAL FROM THE TITLES
OF THE MOVIES)**

This article is focused on specific of transmission of hidden meanings in the titles of the movies in translation to Russian language. There are identified some typical ways of translation and discussed the most common mistakes based on movies of the 2018 year. Also, we focused attention on the influence of the wrong translation, which directed towards a target audience. This problem is under-researched. It's require further researches.

Keywords: translation of the movie titles, translators, lacuna, adaptation of the titles.

Особенности презентации основных культурных концептов в языке песен восточных и южных славян

В статье на материале текстов народных песен восточных и южных славян описываются особенности бытования основных ценностных концептов в культуре близкородственных народов. Авторы обращают внимание на трансформацию ценностных парадигм и на работу с ними в иностранной аудитории на основании аутентичного текста.

Ключевые слова: песенный текст, ценностная парадигма, преподавание РКИ, аутентичный текст.

Ценностная парадигма, существующая в любом обществе, постоянно претерпевает изменения. Это связано с историческими процессами, и в разное время эти изменения могут происходить быстрее или медленнее, а также некоторое время могут не происходить вообще. Однако следует отметить, что любое изменение ценностной (аксиологической) парадигмы находит свое отражение в языке, преимущественно в лексике, которая отражает все концептологические колебания в обществе. Для наблюдения над этими изменениями можно использовать разнообразный языковой материал, от фольклорных текстов до публицистических, но необходимо понимать, что тексты авторские могут концептуализировать не только текущую картину мира общества, но и воззрения конкретного автора. Использование же всего корпуса фольклорных текстов не представляется возможным ввиду огромного объема и невероятной разноплановости этих текстов. Представляется логичным обратиться к песенным текстам: в них наиболее прочно и долгосрочно фиксируются ценности нескольких поколений (на исключительно упрощенном уровне этот феномен можно проиллюстрировать тем фактом, что до сих пор молодежь слушает песни, возникшие в Советском Союзе – от этих песен слушателей уже может отделять более полувека, но они не теряют своей актуальности). Кроме того, являясь, с одной стороны, надежным фиксатором долгосрочной ценностной парадигмы, песни, с другой стороны, оказываются наиболее чувствительным зеркалом, отражающим сиюминутные

изменения в обществе (сравним песни, которые возникают в России после перестройки, с песнями предшествующих десятилетий).

Песня как источник знания о языке, традициях и верованиях, а, следовательно – и как источник знаний о ценностях славян активно начинает изучаться в XIX веке. Именно в это время начинают активно публиковаться сборники не только русских народных, но и южнославянских песен [4]. Первые критические отзывы на сборники песен, которые публикуются в XIX веке, посвящены преимущественно трем аспектам: грамматическому (в широком смысле этого слова) оформлению этих текстов, принципам их структурирования в сборниках и особенностям описанных в них исторических событий, обычаев и обрядов [1]. Однако уже на этом этапе можно говорить о том, что авторы этих обзоров понимают невероятный потенциал песенных текстов: информационный, кумулятивный, аксиологический (в современной терминологии), и даже методический. Именно на методическом потенциале мы и сосредоточимся в данной работе.

В европейской картине мира ценности и их описание довольно близки, и благодаря этому при преподавании РКИ в европейской аудитории мы можем говорить о некоем общем культурном фоне учащихся. Однако стоит отметить, что даже в близкородственных культурах, например, в славянских, ценности, которые кажутся сходными, могут отличаться. Особенно важно находить дифференциальные и интегральные признаки культурных ценностных концептов при преподавании РКИ на продвинутых уровнях изучения языка: от уровня B2 и выше, а также при преподавании РКИ в разноуровневых группах [6].

Рассмотрим лексическую репрезентацию ценностей славянского мира в песенном дискурсе восточных и южных славян.

Если говорить об основном наборе ценностей, которые представлены в народных песнях, первый «ряд» этих ценностей будет представлен традиционными концептами: любовь, верность, честь, материнство и т.д.

В русских песнях такая ценность, как любовь сопрягается с сопутствующими сложностями: отсутствие родительской воли на союз с милым или вовсе разлука. Рассмотрим ряд контекстов, в которых презентацию ценности варьируется от принятия до отрицания вплоть до смерти (примеры даны с соблюдением современных правил русской орфографии).

Где, где ты ау! ау!

Без тебя я здесь умру< ...>

Светик Аннушка дружок

Одна села на лужок.

Со травы цветы рвала,

К себе милого ждала.

Не успела скласть в пучечки,

Как выходит из-за речки

Светик Аннушкин дружок. <...>

Сердце сердцу покорилось,

Щечки альцем покрылись.

Парень девку полюбил.

Во высок терем вводил. [5, с. 25]

В противовес этой счастливой развязке находим в том же сборнике:

Встань ты, встань, друг, из могилушки.

Глянь на ягоды на красныя,

На свою ты разсударушку,

На мое лицо на белое.

Ах, не встать тебе, сердечный друг!...

Расступись же ты, сыра земля.

Дай хоть глянуть на милаго.

На его кости, на белыя. [5, с. 55]

Подобные контексты мы находим и в песнях других славянских народов.

Так, одна из известнейших народных болгарских песен «Хубава си, моя горо» повествует о некоем красивом лесе («гора» – по-болгарски – лес, т.е. мы имеем дело со стандартной для народной песни фитометафорой), от которого невозможно уйти, не тая в душе скорби, сербская народная песня «Расти, расти» рассказывает о тоске по любимому и о том, на что готова девушка ради того, чтобы наконец оказаться рядом, о том, как больно ранит даже мысль о потере любимого человека.

Концепты «любовь», «верность», «боль» презентуются соответствующими лексемами, не оставляя сомнений в ценностных приоритетах лирического героя.

Такие тексты могут быть использованы в преподавании РКИ, русского языка как инославянского и других славянских языков уже на уровне В1. Близость семантических полей, структурное сходство текстов допускает их использование и в разноуровневых славянских группах, начиная с уровня А1.

В XX веке мир и общество стремительно меняется и мы видим, как изменяется концептуализация вышеозначенных ценностей в песенных текстах. Если ранее потеря любимого, верность ему до смерти были однозначной ценностью, и в любви виделось только два возможных варианта развития события: или соединение с возлюбленной (возлюбленным), или смерть (в абсолютно однозначной лексической презентации этих исходов, которые, соответственно, также переходили в ценностную парадигму), то в XX веке появляется возможность новых исходов: от любимого можно уйти к другому, измену можно пережить, любовь может быть не одна, их может быть несколько, наконец, появляется ранее невозможный – нарушающий аксиологическую парадигму предшествующих веков – вариант связи без любви. Языковая репрезентация этих концептуальных сдвигов происходит

постепенно, если говорить о рамках одного века, и стремительно, если учитывать тот факт, что предыдущая ценностная парадигма не менялась на протяжении нескольких веков.

В работе с иностранными студентами использование текстов, иллюстрирующих изменения определенных (по сути, традиционных) ценностей общества, обладает высоким потенциалом – обсуждение не только конкретной ценности, но и сопряженных с ней изменений общества и языка может быть основой отдельной дискуссии или оформлено в проектную деятельность (на уровнях от В1 и выше).

Кратко указав на особенности языковой репрезентации основных ценностных концептов в песенных текстах XIX века (прямая лексикализация) и их изменения в XX веке (изменение ценностной парадигмы в целом) и возможности их использования в преподавании РКИ, отметим, что для дальнейшего исследования необходимы не только текстологические изыскания, но и проведение моделирования и анкетирования групп разных возрастов.

Литература

1. Дринова М. Несколько слов об языке, народных песнях и обычаях дебрских славян. – СПб. – 1888. – 61 с.
2. Матрусова А.Н. Язык песни: славянская коммуникативная парадигма // Русский язык за рубежом. – 2014. – № 6. – С. 73–78.
3. Матрусова А.Н. Формирование языковой картины мира через песенный дискурс // Русский язык за рубежом. – 2018. – № 3. – С. 56–59.
4. Обычаи и песни турецких сербов. – СПб., – 1886. – 498 с.
5. Полный народный песенник: Составитель Н. Лопатин. – М., 1885. – 275 с.
6. Соломонова А.А. Обучение РКИ в разноуровневых группах (на примере русской фантастики) // Русский язык за рубежом. – 2014. – № 6. – С. 16–29.
7. Соломонова А.А. Русская литература глазами иностранных учащихся // Русский язык за рубежом. – 2017. – № 1. – С 10–17.

Matrusova A.N., Rakić R., Solomonova A.A.

Pushkin State Russian Language Institute

LANGUAGE REPRESENTATION OF THE MAIN CULTURAL CONCEPTS IN THE SONGS OF EASTERN AND SOUTHERN SLAVS

The paper discusses the particular characteristics of main values (cultural concepts) as presented in Slavic songs. Authors pay attention to the changes in the value paradigms and teaching possibilities of songs usage in instruction of Russian as a foreign language.

Keywords: song text, the paradigm of values, Russian as a foreign language, authentic text.

Языковые средства для передачи «скрытых смыслов» переводных текстов в русском языке

В статье рассматривается система переводческих методов как отдельная структура, использующаяся различными издательствами при трансформации текста исходного языка на язык русскоговорящих читателей.

Ключевые слова: перевод, переводоведение.

Среди многочисленных сложных проблем, которые изучает современное языкознание, важное место занимает изучение лингвистических аспектов межкультурной речевой деятельности, которую называют «переводом» или «переводческой деятельностью».

Перевод оформился в самостоятельную науку лишь в начале XX столетия. В условиях расширения международных связей и обмена информацией переводоведение стремительно развивалось и в настоящее время пользуется статусом самостоятельной научной дисциплины со своей теоретической базой.

В переводоведении описан ряд методов, которые используют для передачи как явных, так и скрытых смыслов исходных текстов. Скрытые смыслы, проявляющиеся лишь при условии владения некоего кода, известного читателю заключают в себе семантику важную в ходе интерпретации авторского замысла. Рассмотрим эти приемы на примерах англо-русских соответствий цикла о Гарри Поттере Дж.К. Роулинг. Метод сокращенного перевода заключается в переводе отдельных частей оригинального текста, при котором они передаются коммуникативно равноценными отрезками речи, хотя оригинал воспроизводится частично [2]. Например, предложение из книги «Harry Potter and the Philosopher's Stone»

This boy was another good reason for keeping the Potters away; they didn't want Dudley mixing with a child like that [4].

Переводится упрощенной синтаксической конструкцией «они категорически не хотели, чтобы их Дадли общался с ребенком таких родителей». Не учитывается подтекст, присутствующий в английской версии: они не просто не хотели, они видели серьезную причину, скрытый смысл, который на русский язык не был передан. Также частотны методы транскрипции и транслитерации, при которых лексические единицы передаются с помощью букв языка

перевода. Таким образом, транскрипция передается звуковая форма, а при транслитерации его графическая форма (буквенный состав). Синтаксическое уподобление или же дословный перевод применяется в тех случаях, когда в языке оригинала и языке перевода существуют параллельные синтаксические структуры [2]. При данном способе пропуск артиклей, отсутствующих в русском языке, не затрагивает основной структуры предложения.

– The Potters, that’s right, that’s what I heard.

– yes, their son, Harry.

‘– Поттеры, все верно, именно так я и слышал.

– да, их сын, Гарри’.

Трансформация членения предложений, заключающаяся в преобразовании простого предложения оригинала в несколько самостоятельных предложений языка перевода или наоборот в объединении предложений, при котором несколько простых предложений оригинала соединяются в одно сложное языка перевода.

He couldn’t see how he and Petunia could get mixed up in anything that might be going on – he yawned and turned over – it couldn’t affect them...

‘Не хватало еще вляпаться в какую-нибудь историю, если есть куда вляпываться, конечно. Он зевнул и перевернулся на бок. Они тут совершенно ни при чем’.

Способ перевода, при котором грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу языка перевода с иным грамматическим значением, носит название грамматической замены. В частности, перевод с английского языка форм множественного числа единственным и наоборот.

...judging by the silver of his hair and beard

‘... судя по серебристым волосам и бороде’

Экспликация или описательный перевод представляется как лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица языка оригинала заменяется словосочетанием, дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на языке перевода. С помощью экспликации можно передать значение любого безэквивалентного слова в оригинале, то есть слов, содержащих в себе скрытые смыслы [2].

He turned to smile at the tabby... (полосатая кошка)

‘Он хотел было улыбнуться полосатой кошке’

Компенсация как способ перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе единицы языка оригинала, передаются в тексте перевода каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале. Таким образом, восполняется утраченный смысл, и, в целом, содержание оригинала воспроизводится с большей полнотой.

Nothing like this man had been seen on Privet Drive

‘Подобного человека Бирючинная улица еще не видывала’

Одной из наиболее сложных задач переводоведения является трансформация слов и лексических конструкций, несущих в себе скрытые смыслы, вызывающие в подсознании читателей некие аллюзии, ассоциации. Проблема состоит в том, что для каждого народа характерны собственные уникальные культурные коды, унаследованные поколениями и поколениями ранее. Для точной передачи целостного образа переводчику нужно обладать набором определенных техник для имплицитного выражения авторского замысла. При этом, каждый автор использует свой индивидуальный метод. Для сравнения можно сопоставить несколько переводов серии книг британской писательницы Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере. В частности переводы Игоря Оранского в обработке Марины Литвиновой и Марии Спивак. Приведем наиболее показательные примеры: фамилии и имена героев, названия факультетов, волшебных предметов и часть топонимов на языке оригинала имеющие скрытую коннотацию, понятную англоязычному читателю.

Улица, на которой проживает семья Дурслей в оригинале обозначена как – Privet Drive, что дословно переводится как ‘Бирючинная улица’, Игорь Оранский трансформирует данный топоним в ‘Тисовую улицу’, Мария Спивак же оставляет в своей версии дословный перевод. Здесь следует пояснить, что «бирючина» типичное для пригорода Лондона растение, аккуратно ограждающее многие английские сады. Любопытно, что в русском языке слово «бирюк» также несет в себе значение «одиноким человек, нелюдим», что придает добавление смысла для носителей языка перевода.

Слово дементор – существо бестиариума вселенной Гарри Поттера – в английском языке происходит от глагола to dement, что означает «сводить с ума», не находит соответствующего аналога ни в одном из вариантов перевода. В результате, не найдя подходящего способа адаптации, переводчики обращаются к методу транслитерации, опуская заложенный автором смысловой код. Таким образом, транслитерация представляет собой одно из языковых средств для передачи «скрытых смыслов» переводных текстов в русском языке. В связи с этим стоит заметить, что Мария Спивак использует фонетический метод транскрипции и графический метод транслитерации неоднородно, так в случае со словами Hogwarts, King’s Cross Мария Спивак пользуется первым способом, получая в итоге ‘Хогварц’, ‘Кингз Кросс’, а слова muggle, Dudley, Mr. Dursley в соответствии со вторым способом трансформируются как ‘мугл’, ‘Дудли’, ‘мистер Дурслей’ в противоположность версии Марины Литвиновой – ‘Хогвартс’, ‘Кингс Кросс’, ‘магл’, ‘Дадли’, ‘мистер Дурсль’.

Автобус, упоминающийся в третьей книги серии «Гарри Поттер и узник Азкабана», имеет дословный перевод ‘Рыцарский автобус’ – The Knight Bus [5] – переосмысливается в переводе Марии Спивак в ‘ГрандУлет’, Марина Литвинова же оставляет дословный перевод, добавляя прилагательное ‘ночной’.

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу, что в практике переводов ни один из методов не является приоритетным, наиболее логичным представляется комбинация различных переводческих стратегий для как можно более точного выполнения поставленной задачи. В данной статье были проанализированы языковые средства, содержащие «скрытые смыслы» и описаны проблемы, касающиеся их перевода.

Литература

1. Бреус Е.В. Теория и практика перевода с английского на русский. – М.: Изд-во УРАО, 2001. – 104 с.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
3. Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 3: Высокое искусство; Из англо-американских тетрадей. – М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. – 640 с.
4. Rowling J.K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. – London: Bloomsbury, 1999. – 333 p.
5. Rowling J.K. Harry Potter and the Chamber of Secrets. – London: Bloomsbury, 2000. – 333 p.

Matrusova A.N., Tszyan N.Y.

Pushkin State Russian Language Institute

LINGUISTIC TOOLS FOR «HIDDEN SENSES» OF TRANSLATED TEXTS IN RUSSIAN LANGUAGE

In the article the system of translation methods is considered as the distinct structure which is used by different publishers through transformation of original language to the language of Russian-speaking readers.

Keywords: translation; translation studies.

Особенности работы по подбору синонимов в иноязычной аудитории

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей работы по подбору синонимов в иноязычной аудитории. Автор предлагает ряд упражнений по предупреждению стилистических ошибок.

Ключевые слова: синонимы, словарно-стилистическая работа, упражнения, работа над словом.

Анализ письменной и устной речи инофонов, как правило, выявляет низкий стилистический уровень их грамотности. Одним из крупных недостатков является бедность словаря обучающихся, которая выражается в повторении одних и тех же слов в рядом стоящих фразах и даже в одной и той же фразе, в отсутствии внимания к стилистической окраске слов. Следует отметить, что словарно-стилистической работе уделяется меньше внимания, она проводится не в системе и носит эпизодический характер.

Вопросы работы над языком, особенно стилистической, с учениками-инофонами недостаточно освещены в методической литературе. Нам представляется возможным использовать богатство языка русских писателей для творческой работы учащихся, для развития языковой культуры школьника, для обогащения его словаря.

Стилистическая работа пробуждает языковое чутье, внимание и интерес к языку писателя, богатству его лексики и к системе словесных образов, воспитывает любовь к сокровищнице русской национальной культуры.

Все вышеизложенное побудило нас составить стилистические упражнения по лексике на основе русских литературных текстов. При составлении упражнений учитывались конкретные недочеты, обнаруженные в устной и письменной речи учеников-инофонов 9–11 классов Коломенского городского округа. Так, в своей устной и письменной речи они затрудняются в подборе синонимов к словам говорить, ехать, писать, видеть, думать и т. д. Мы полагаем, что систематические наблюдения над языком и стилем художественного произведения помогут ввести в активный словарь обучающихся целый ряд синонимов к наиболее употребительным словам и вызовут у школьников интерес к русскому языку.

Изучая тексты классиков русской литературы, полезно обратить внимание учащихся на богатство синонимов, на цели их использования, на многозначность слова, предложить школьникам различного рода творческие упраж-

нения: составление таблицы синонимов к указанному слову, составление предложений с определенными синонимами, диалогических отрывков и др.

Мы разработали для учащихся-инофонов некоторые виды словарно-стилистических упражнений, которые могли бы быть использованы и при изучении творчества отдельных писателей и поэтов. Приведем ряд упражнений, направленных на работу с синонимами к слову говорить.

Задание 1. В указанных предложениях выделить синонимы и синонимические обороты к слову говорить. Указать оттенки значения синонимов.

Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал...
...Имел он счастливый талант
Без принуждения в разговоре
Коснуться до всего слегка...
Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита
И был глубокой эконоом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.
...Другой лукаво улынулся,
И в голос все решили так,
Что он опаснейший чужак.
В любви считаясь инвалидом,
Онегин слушал с важным видом,
Как, сердца исповедь любя,
Поэт высказывал себя.
Под вечер иногда сходилась
Соседей добрая семья,
Нецеремонные друзья,
И потужить, и позлословить,
И посмеяться кой о чем.
Он был простой и добрый барин,
И там, где прах его лежит,
Надгробный памятник гласит:
Смиранный грешник, Дмитрий Ларин,
Господний раб и бригадир,
Под камнем сим вкушает мир.
Быть может (лестная надежда!),
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет

И молвит: то-то был Поэт!
Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалася с трудом
На языке своем родном.
Не ты ль, с отрадой и любовью,
Слова надежды мне шепнул?
Довольно; встаньте. Я должна
Вам объясниться откровенно.
Теперь беседуют друзья:
«Ну, что соседки? Что Татьяна?
Что Ольга резвая твоя?»
Потом, покорствуя природе,
Дружатся с ней, к себе ведут,
Целуют, нежно руки жмут,
Взбивают кудри ей по моде
И поверяют нараспев
Сердечны тайны, тайны дев... [1]

Задание 2. Из 3-й главы романа Пушкина «Евгений Онегин» подберите синонимы к слову говорить. Проанализируйте с этой целью строфы 4, 5, 6, 8, 10, 13.

Задание 3. В следующих предложениях выделите сочетание слов, которые употреблены вместо слова говорить. Составьте предложения, в которых слово говорить было заменено подобными сочетаниями, например: вести разговор, вести беседу, быть предметом рассуждений.

Меж ими все рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою чреду,
Все подвергалось их суду.
Текут невинные беседы
С прикрасой легкой клеветы.
С ней речь хотел он завести
И — и не мог. [1]

Задание 4. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова указаны следующие значения слова говорить. Продумайте эти значения и подберите, где это возможно, синонимы к отдельным значениям этого слова.

1. Владеть устной речью.
(Например: Ребенок начинает говорить на втором году от рождения).
2. Устно сообщать что-нибудь.

(Например: Он долго говорил о постройке нового торгового центра).

3. Высказывать, выражать мнение или суждение о ком-нибудь или о чем-нибудь.

(Например: О нем говорят, как о подающем большие надежды писателе).

4. Разговаривать, иметь общение с кем-нибудь.

(Например: Они не говорят уже несколько дней).

5. Свидетельствовать о чем-нибудь, указывать на что-нибудь, быть доводом в пользу чего-нибудь. [2]

(Например: Все говорит о том, что наша экономика переживает тяжелый кризис).

Задание 5. Какими синонимами и синонимическими оборотами можно заменить слово говорить в следующих предложениях.

1. Он свободно говорит по-французски.

2. Пушкин говорит, что всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства.

Задание 6. Выпишите из следующих предложений сочетания, которым передается слово говорить, укажите, каковы оттенки значений этих сочетаний и где более уместно их использовать.

1. Лясы точат, людей морочат.

2. Эти выражения были у меня на языке.

3. Никто тебя за язык не тянет.

4. У него язык хорошо подвешен.

5. Языком болтай, а рукам воли не давай.

6. Да, – процедил сквозь зубы собеседник.

Таким образом, вышеуказанные упражнения можно дать в процессе изучения текста в классе, как домашнее задание, использовать на занятиях внеурочной деятельности. Некоторые из них рекомендуется выполнять в классе, так как нужна и справочная литература, и соответствующая помощь учителя.

Литература

1. Пушкин А.С. Евгений Онегин. // Library.ru – URL: <https://ilibrary.ru/text/436/p.2/index.html> (дата обращения – 31.01.2019)

2. Толковый словарь Ушакова онлайн – URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения – 31.01.2019)

Metlikina L. S.

School № 24 G. O. Kolomna

FEATURES OF THE WORK ON THE SELECTION OF SYNONYMS IN A FOREIGN LANGUAGE AUDIENCE

This article is devoted to the peculiarities of the selection work of synonyms in a foreign-language audience. The author offers a lot of exercises to prevent stylistic errors.

Keywords: synonyms, dictionary and stylistic work, exercises, work with the word.

Структура современного урока русского языка в школах с таджикским языком обучения

В статье рассматриваются вопросы организации учителем-словесником разных видов учебной деятельности на уроке русского языка для учащихся таджикской школы в соответствии с требованиями, предъявляемыми новыми образовательными стандартами, в основе которых лежат компетентностный подход. Дана методическая разработка по организации наиболее эффективных видов деятельности ученика на уроке с целью развития метапредметных компетенций, которая составлена в соответствии с программой по русскому языку для 11-х классов общеобразовательных учреждений с таджикским языком обучения. Она способствует оптимальному построению уроков русского языка и учитывает требования, предъявляемые к современной системе образования с точки зрения применения современных методов и приемов организации учебного процесса в рамках компетентного подхода к обучению.

Ключевые слова: урок, русский язык, методическая разработка, компетентностный подход, школа с таджикским языком обучения.

Компетенция становится компетентностью только при определенных условиях, созданных учителем на уроке, главное из которых – включение приобретаемых учениками знаний в процесс употребления, использования в различных речевых ситуациях. Только в этом случае теоретические основы русского языка могут стать практическим средством объяснения жизненных явлений и решения типичных или нестандартных ситуаций и проблем. Не случайно в новых стандартах предполагается реализация коммуникативно-деятельностного подхода, отражающего акцент на способах деятельности в процессе обучения; умениях и навыках, которые необходимо сформировать; на опыте деятельности, который должен постепенно накапливаться и осмысливаться учениками; а также на учебных достижениях, которые выпускники должны продемонстрировать по окончании школы. Значит, современный урок русского языка должен рассматриваться, прежде всего, не как форма обучения (в центре внимания – деятельность учителя), а как форма учения (в центре внимания – деятельность ученика). Стратегия открытия – вот

что должно стать краеугольным камнем в методике урока. Перед учителем встает важнейшая задача – организация самостоятельной исследовательской деятельности учащихся, управление их познавательной активностью, дозированная помощь в овладении инструментарием познания для образования через всю жизнь.

Какой может быть структура урока при компетентностном подходе в обучении? Рассмотрим один из возможных вариантов урока для 11 класса школ с таджикским языком обучения (к учебнику М.Б.Нагзибекова и М.В.Мягкой «Русский язык») на тему: «Русский язык в моей жизни и жизни моего народа (предметно-проблемный урок по развитию устной и письменной речи – ТРР).

Компетенции:

– Личностные компетенции (далее –ЛК): умеет выбирать адекватные языковые средства для успешного решения коммуникативных задач (диалог, монолог, письменная речь) с учетом особенностей разных видов речи и ситуаций.

– Предметные компетенции (далее – ПК): владеет навыками продуктивной устной и письменной речи в ситуациях, которые могут возникнуть во время пребывания в стране изучаемого языка.

Цели:

– знает функционально-смысловые типы речи и их отличительные признаки (ЛК); знает речевые модели в отдельных ситуациях пребывания в России (ПК);

– умеет определять типы речи в художественном тексте, выстраивать композицию текста, составлять план, трансформировать текст (ЛК); умеет определять цели и задачи общения в возможных ситуациях в России (ПК);

– владеет навыками использования знаний о типах речи при анализе художественного текста (ЛК); владеет навыками продуктивной диалогической речи в стране изучаемого языка (ПК).

Программа:

– Речевая тема: «Русский язык в моей жизни и жизни моего народа».

– Грамматическая тема: грамматические средства связи предложений в текстах с разными типами речи.

Методика проведения:

I.Вступительное слово учителя.

1. Слово об авторе произведения «Путешествие из Бухары в Петербург» Ахмаде Донише.

2. Краткая историческая справка.

II.Анализ отрывка из текста «Путешествие из Бухары в Петербург» Ахмада Дониша.

1.Словарная работа.

– Познакомьтесь с переводом и толкованием незнакомых слов.

2. Чтение текста.

3. Беседа по тексту.

- О чем этот текст? Озаглавьте отрывок из произведения «Путешествие из Бухары в Петербург» Ахмада Дониша.
- Кто главный герой данного отрывка?
- Где происходят события?
- Что произошло с главным героем?
- Как разрешилась трудная для него ситуация?
- Прочитайте первый и последний абзацы текста. Как кольцевая композиция помогает понять основную мысль текста?

4. Определение типов текста анализируемого отрывка.

- Какие функционально-смысловые типы речи вы знаете?
- Назовите основные признаки повествования, рассуждения, описания.
- К какому типу речи относятся начало и конец текста?
- Какой тип речи преобладает в данном отрывке? Назовите основные признаки повествования.
- Найдите в тексте элементы описания, укажите их основные признаки.
- Какие части речи преобладают в повествовании и описании? Подтвердите примерами из текста.

Примечание

Учитель актуализирует знания учеников о типах речи, используя опорные таблицы и схемы.

5. Выразительное чтение.

- Прочтите диалогическую часть текста по ролям, начиная со слов «Не знаю, сам ли извозчик догадался...» до слов «...наконец-то ты привез меня».
- С каким чувством и интонацией произносят свои реплики каждый герой?

6. Составление плана прочитанного текста.

- Перескажите полилог от третьего лица, чтобы получился повествовательный текст.

– Разделите текст на смысловые части. Озаглавьте их.

– Запишите полученный план в рабочую тетрадь.

– Подготовьтесь к пересказу текста по плану.

7. Пересказ текста с опорой на план.

III. Итог урока.

– Какова основная мысль данного текста?

– Что бы вы делали в ситуации, в которой оказался главный герой?

IV. Домашнее задание.

1. Выполните упражнение № 8 на странице 10–11 в соответствии с заданием.

2. Напишите ответ на вопрос к тексту упражнения 9 на странице 11 (3–5 предложений).

Оценивание

Таким образом, использование различных видов и форм деятельности на уроке русского языка в школе с таджикским языком обучения создает необходимые условия для формирования и развития метапредметных, личностных и предметных образовательных компетенций учащихся, что способствует успешной реализации компетентностного подхода в обучении, а значит, достижению компетентностных результатов.

Литература

1. Нагзибекова М.Б., Ходжиматова Г.М. Методические разработки уроков русского языка. (с учетом компетентностного подхода для 3 класса средних общеобразовательных учреждений с таджикским языком обучения) – Душанбе: Маориф, 2016 – 252 с.
2. Нагзибекова М.Б., Мягкая Л.В. Русский язык. Учебник для 11 классов общеобразовательных учреждений с таджикским языком обучения. – Душанбе: Маориф, 2018. – 288 с.

Nagzibekova M. B., Khodzhimatova G.M.

Tajik National University

THE STRUCTURE OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE LESSON IN SCHOOLS WITH THE TAJIK LANGUAGE OF INSTRUCTION

The article deals with the organization of a language teacher of different types of learning activities in the Russian language lesson for students of the Tajik school in accordance with the requirements of new educational standards, which are based on the competence approach. learning. Given the methodical development of the organization of the most effective types of student activities in the classroom with the aim of developing metasubject competences, which is compiled in accordance with the program on the Russian language for the 11th grade of general educational institutions with the Tajik language of instruction. It contributes to the optimal construction of the lessons of the Russian language and the requirements for the modern education system from the point of view of applying modern methods and techniques for organizing the educational process in the framework of the competence-based approach to learning.

Keywords: lesson, Russian language, methodical development, competence-based approach, school with the Tajik language of instruction.

Явления «концептуальной синонимии» в языковой репрезентации концепта «патриотизм»

В работе исследуются отношения «концептуальной синонимии», в которые вступает лексема патриотизм как базовый репрезентант одноименного концепта в системе языка и в ее речевой реализации. Анализируются смысловые сближения этой лексемы со словами ура-патриотизм, ультра-патриотизм и др. Делается вывод, что парадигматические связи и отношения концептуально-синонимичных лексем могут выражать не только позитивное, но и негативно-оценочное восприятие концепта «патриотизм» в русском языковом сознании.

Ключевые слова: концепт «патриотизм», концептуальная синонимия, концептуальный анализ, лингвокультурология, русский язык.

В работе представлен очередной этап нашего исследования, посвященного комплексному лингвокогнитивному описанию концептуального содержания и языкового воплощения русского социально-значимого концепта «патриотизм» [7, с. 156–160]. В данном исследовании рассматриваются парадигматические связи и отношения, в которые вступает лексема патриотизм как базовый репрезентант одноименного концепта в системе языка и в ее речевой реализации.

Цель исследования – проанализировать отношения «концептуальной синонимии» в контексте образования значимых когнитивных признаков концепта «патриотизм». В качестве теоретической основы исследования выступают идеи языковой концептуализации мира, представленные в работах [1; 2; 9; 10; 13]. Использован метод концептуального анализа, разработанный учеными ННГУ им. Н.И. Лобачевского [3; 8; 12]. Исследование проводится на материале лексикографических источников, данных Национального корпуса русского языка и проведенного автором Интернет-мониторинга.

Под «концептуальной синонимией» и «концептуальной антонимией» (иногда используются термины «концептуальная квазисинонимия» и «квазиантонимия») в работах Т.Б. Радбиля понимаются отношения сближения и расхождения единиц на концептуальном уровне, которые проявляются в дискурсе, в речи, но при этом в языковой системе указанные единицы могут в качестве синонимов или антонимов не фиксироваться [11]. При этом еди-

ницы, являющееся синонимами на уровне языка, могут на концептуальном уровне антонимизироваться («концептуальная квазиантонимия»), и, наоборот, единицы, не являющиеся синонимами в языке, проявляют синонимические сближения в концептосфере, в языковой картине мира («концептуальная квазисинонимия»). С другой стороны, синонимия на концептуальном уровне может наследоваться единицами на языковом уровне, в этом случае синонимия языковая выступает как частный случай, как проявление синонимии концептуальной.

Концепт «патриотизм» относится к социально-значимым концептам русской культуры, которые отличаются повышенной идеологической маркированностью и могут являться инструментом актуальной политической борьбы. Поэтому в речевой практике носителей языка лексемы – репрезентанты этих концептов ведут себя как идеологемы, для которых, по мнению Т.Б. Радбиля, характерны следующие признаки: десемантизация, т.е. полная или частичная утрата прямой языковой семантики; повышенная оценочность первоначально внеоценочных концептов, которая поляризуется в употреблении одного и того же слова приверженцами разных идеологий [11]. Эти лексемы имеют свою специфику, связанную его терминологическим происхождением слова патриотизм, с его политизированным и идеологизированным характером; поэтому характер смысловых сближений и расхождений очень показателен в том плане, что может продемонстрировать специфику политических взглядов общества. Все это подтверждает и проведенное нами исследование «концептуальной синонимии» лексем, формирующих концепт «патриотизм».

В обследованном языковом и текстовом материале для лексемы патриотизм мы по структурному основанию выделяем три группы, с учетом того, что на концептуальном уровне в синонимические отношения со словами могут вступать и словосочетания-коллокации, обозначающие единое цельное нечленимое понятие:

(1) однокоренные синонимы: патриотичность, ура-патриотизм, ультра-патриотизм;

(2) разнокоренные синонимы: национализм, шовинизм, отчизнолюбие, отечестволюбие, верноподданство, верноподданность, верноподданничество;

(3) составные наименования: любовь к отечеству, любовь к отчизне, любовь к родине, преданность отечеству, преданность отчизне, преданность родине.

В плане возможного расширения и уточнения семантического наполнения анализируемого концепта «патриотизм» нас прежде всего интересует синоним патриотичность, который позволяет развести сходные, но не тождественные смыслы: патриотизм как социальное явление, идеология и нравственное чувство – и патриотичность как душевной настрой, как свойство или качество внутреннего мира человека. См. пример из Национального корпуса русского языка (НКРЯ): Думается, мы найдем больше честности, патриотичности,

470 | здорового смысла у русских промышленников и предпринимателей той эпохи, нежели у «новых» русских (НКРЯ – Елена Мочалова. Пережогин. История купеческой фамилии (2003) // «Наш современник», 2003.08.15)

Одна из важных граней концепта «патриотизм», проявляющаяся в концептуальной синонимии, является возможность негативно-оценочного восприятия патриотизма в ироничном ключе, которая отражена в лексеме ура-патриотизм, трактуемого словарями как: ‘безрассудно-самонадеянный, неосновательный, хвастливый, ложный патриотизм’ [6]; ‘показной и шумный патриотизм’ [5]. Ср. характерный контекст из Национального корпуса русского языка: Ура-патриотизм, конечно, спланирует нацию, но смерть молодых соотечественников вдали от родины нужно как-то оправдывать (НКРЯ – Олег ШЕВЦОВ, Максим ЧИЖИКОВ, Евгений УМЕРЕНКОВ, Андрей КАБАННИКОВ. Буш разворошил иракский «муравейник» // Комсомольская правда, 2004.03.22).

Эта лексема отражает гипертрофированное чувство любви к государству и своему народу и на концептуальном уровне синонимизируется с фразеологизмом квасной патриотизм, представляющим ироничное выражение в русском языке, обозначающее безусловное восхваление всего, что свое, «наше», противопоставленное яется подлинному патриотизму, допускающему неприятие отдельных эпизодов истории, исторических деятелей и тому подобного [6]: *На поверхность выходили показная демонстрация преданности Отечеству, квасной патриотизм, ложная, хвастливая оценка всех дел в стране* (Эльдар Рязанов. Подведенные итоги (2000))

Обобщенным выражением указанных когнитивных признаков является коллокация ложный патриотизм, которая также выступает как концептуальный синоним к лексеме патриотизм и – одновременно – как концептуальный антоним (противопоставление по признаку подлинность – ложность, мнимость): *Из всех щелей выползли клопы и собрались под знамя ложного патриотизма, ложного монархизма, ложного национализма, а на самом деле — под знамя подхалимства, наживы и хулиганства...* (С. М. Волконский. Мои воспоминания. Том 2 (1923–1924)).

Другое важное сближение на концептуальном уровне – со словом национализм: «1. Идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим. 2. Проявление психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости» [6]. Крайней степенью выражения национализма считается шовинизм – воинствующее выражение национализма.

Таким образом, другая грань концепта «патриотизм» – проявление гиперидентичности, идеи превосходства своей нации над чужими, что позволяет в ряде контекстов противопоставить истинный патриотизм и национализм (шовинизм), т.е. эти слова на концептуальном уровне могут выступать не только как синонимы, но и как антонимы: ...государство может воспитывать

ложный патриотизм – национализм, шовинизм. Подлинным же патриотизмом является лишь тот, который не приносит зла другим народам и государствам (Д.И. Руденко) (Интернет – SuperInf.ru: Информационная система для студентов. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1976).

Эта семантика характерна и для такого концептуального синонима, как ультрапатриотизм – любовь к отечеству в крайних, безрассудных формах, который трактуется в словарях как ‘идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим, подчиняющая общечеловеческие интересы и ценности национальным интересам; национализм’ [6]. Это отражается и в примерах из Национального корпуса русского языка: *Я никак не националист, русский «ультрапатриотизм» отвратителен, от эмиграции — первой, второй, третьей, какой угодно, — меня часто мутит* (А. Д. Шмеман. Дневники (1973–1983)).

Группа разнокорневых синонимов отчизнолюбие, отечестволюбие [4] носят явно устаревший характер и книжную окраску, они представляют собой словообразовательную экспликацию заимствованного по происхождению слова посредством исконных деривационных компонентов. И в Национальном корпусе русского языка все примеры датируются серединой XIX века: *Тогда решился он изучить свою родину основательно, и так как он принимался за все с восторгом, то и отчизнолюбие в нем загорелось бурным пламенем* (В. А. Соллогуб. Тарантас (1845)).

Что же касается концептуальной синонимизации лексемы патриотизм и коллокаций, то эта группа отражает, на наш взгляд, уточненную дефиницию, экспликацию семантики «патриотизм», и потому эти коллокации справедливо включаются в словарные толкования слова (любовь к отечеству, любовь к отчизне, любовь к родине, преданность отечеству, преданность отчизне, преданность родине). Иными словами, они представляют собой своего рода расшифровку концептуального содержания патриотизма.

И, наконец, еще одно концептуально-синонимическое сближение лексемы патриотизм представляет историческое смысловое наполнение этого концепта, связанное с идеей верноподданности, т.е. с самодержавием и монархическими идеалами русских людей: верноподданность – ‘соблюдение верности монарху, преданность монархическому строю» [5]. В контекстах XX и XXI вв. эта лексема чаще всего получает негативную оценочность: *Я боялся, что начав отвечать западным корреспондентам, я и от советских получу вопросы, предопределяющие либо сразу бунт, либо унылую верноподданность* (А. И. Солженицын. Бодался теленок с дубом (1967–1974)).

Приведенный анализ позволяет внести важное уточнение в специфику семантического наполнения концепта «патриотизм» с позиций особенностей концептуальной синонимии лексем – его репрезентантов. Носители русского языка в целом неоднозначно оценивают патриотизм, и язык отражает

472 | возможность его негативно-оценочного восприятия, связанного, с одной стороны, с идеей неприятия чего-то показного, афишируемого нарочито, т.е. ложного, мнимого, которая характерная для русской языковой картины мира в целом [см., например, 11], а с другой стороны – сопряженного с неприемлемой для русской системы ценностей чего-то чрезмерного, избыточного, аффектированного.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. От редактора: Вступительная статья // Логический анализ языка: Культурные концепты: Сб. научн. трудов / ИЯ АН СССР; Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991. – С. 3–5.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз; авт. вступ. ст. Е.В. Падучева. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.
3. Горшкова Т.М., Ручина Л.И. Изучение концептов в русской народной сказке (лингвистический аспект) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2003. – № 1. – С. 124–130.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1999. – Т.2. – 799 с.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2-х т. – М.: Русский язык, 2000. – Т. 2. – 1084 с.
6. Кузнецов С.А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка (БТСРЯ) / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
7. Наговицына Н.В. Смысловое наполнение и семантический объем концепта «патриотизм» в русском языке (по данным лексикографических источников) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. – № 3. – С. 156–160.
8. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: кол. монография / Т.Б. Радбиль, Е.В. Маринова, Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева, А.В. Шуმიлова, Е.В. Щеникова, С.Н. Виноградов; под ред. Л.В. Рацибурской. – М.: Флинта; Наука, 2014. – 304 с.
9. Радбиль Т.Б. «Семантика возможных миров» в языке Андрея Платонова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. – 1999. – № 13. – С. 137–153.
10. Радбиль Т.Б. Языковая аномальность в русской речи: к проблеме типологии // Русский язык в научном освещении. – 2006. – № 1 (11). – С. 77–100.
11. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 328 с.

12. Радбиль Т.Б., Сайгин В.В. Когнитивные признаки и языковая объективация концепта «добродетель» в современном русском языке // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2 (26). – С. 5968–5971.

13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Академпроект, 1997. – 989 с.

Nagovitsyna N.V.

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

**PHENOMENA OF “CONCEPTUAL SYNONYMY” IN LANGUAGE
REPRESENTATION OF THE CONCEPT “PATRIOTISM”**

The work considers relations of “conceptual synonymy” which are actualized in usage of the lexeme patriotism as basic representative of the concept “patriotism” in Russian language system and its speech realization. Some sense convergences of the lexeme with the words hurrah-patriotism, ultra-patriotism etc. are analyzed in the work. The findings are that paradigmatic connections and relations of conceptually synonymic lexemes are able to express not only positive but negative-evaluative reception of the concept “patriotism” in Russian language consciousness.

Keywords: concept “patriotism”, conceptual synonymy, conceptual analysis, linguo-culturology, Russian language.

Русское словесное ударение в лингводидактическом аспекте (фонетическая природа)

В статье поднимается вопрос о том, что проблема обучения иностранных студентов ритмической модели русского слова (фонетическая природа русского ударения, т.е. просодические признаки, лежащие в основе реализации русского ударения и сопутствующая редукция безударных гласных) в рамках вводно-фонетического курса так до сих пор еще не решена.

Ключевые слова: ритмическая модель русского слова, фонетическая природа русского словесного ударения, просодические признаки, редукция гласных.

Вспомним, что русское ударение как фонетическое явление является длительным (или количественным), динамическим (или силовым), т.е. ударный гласный и безударные противопоставлены по длительности звучания и по степени мускульного напряжения артикулирующих органов. Ударный гласный как наиболее длительный и интенсивный является отчетливым и с точки зрения воспроизведения, и с точки зрения восприятия. Безударные гласные как менее длительные и менее интенсивные зачастую изменяют свое качество. В связи с этим русское словесное ударение по своей фонетической природе правильно называть качественно-количественным. Указанные признаки фонетической природы ударения выступают в единстве, дополняют друг друга, но главенствующая роль (особенно это важно с позиции лингводидактики) отводится длительности. Следует также отметить, что русское ударение является сильно центрированным: ударный слог образует «вершину» слова, объединяет вокруг себя безударные слоги (гласные которых претерпевают количественные и качественные изменения). Безударные гласные, как уже было отмечено, изменяют свои количественные и качественные характеристики. Так, гласные верхнего подъема [и], [ы], [у] подвергаются преимущественно количественной редукции, неверхние гласные [е], [э], [о], [а] изменяют свои количественные и качественные характеристики, т.е. подвергаются в речевом потоке двуступенчатой редукции.

Приведенный выше материал позволяет говорить о том, что явление ударенности в русском языке требует такой же фонетической постановки (верное восприятие и воспроизведение), как и отдельные (не изолированные) звуки русской речи. С методической точки зрения этот вопрос требует дополни-

тельного рассмотрения. В литературе довольно часто встречается описание возможных ошибок в речи иностранных учащихся, связанных с нарушением ритмики русского слова: например, изменение места ударения в слове, отсутствие количественной и качественной редукции безударных гласных, изменение качества просодического признака русского ударения или замена его другим признаком и др. [2, с.25; 3, с.5; 4, с.35; 6, с.24]. Авторы говорят о необходимости одновременного изучения фонетических характеристик русского ударения и системы безударных гласных, что позволит учащимся лучше усвоить ритмическую структуру русского слова.

В свое время нами был проведен эксперимент: 4 студентам (страна – Палестина, ВУЗ – РУДН), изучающим русский язык разное по длительности время (6 месяцев, 5, 6 и 8 лет) был предложен список из 104 общеупотребительных русских слов в произвольной последовательности (место ударения обозначено не было). Чтение этих слов студентами было записано на магнитофонную ленту. Были намечены две цели: 1) проверить, редуцируют ли арабские учащиеся безударные русские гласные и, если редуцируют, то каким количественно-качественным изменениям подвергают эти гласные; 2) определить с помощью фонетической программы Praat 3.9.12 (www.praat.org) длительность и степень интенсивности ударных и безударных гласных русских слов, произносимых арабскими студентами, что позволит определить, какова же все-таки фонетическая природа русского ударения в речи арабских учащихся. Полученный материал был обработан, и были сделаны следующие выводы: 1) студенты часто ошибаются в определении места ударения в русском слове. Анализ ошибок в зависимости от частотности употребления слова, от морфологической структуры слова, от подвижности-неподвижности ударения не позволил выявить закономерности в расстановке ударения арабскими учащимися в русских словах. Звуковое сопровождение не только не улучшило, но даже ухудшило результаты эксперимента. Все свидетельствует о произвольном характере определения ударного гласного в слове (реакция: «Мне так кажется»); 2) нарушение арабскими студентами ритмики русского слова проявляется и в отсутствии верной количественной и качественной редукции безударных гласных. Закономерности в таком произношении безударного гласного также не удалось выявить; 3) арабские студенты могут изменять фонетическую природу русского ударения: во многих случаях в основе реализации фонетической природы русского ударения лежит или просодический признак длительности, или признак интенсивности (при прослушивании именно таких слов создается впечатление наличия второго ударения в слове); безударный гласный (и даже два безударных гласных) отличаются от ударного степенью интенсивности, которая намного превышает степень интенсивности ударного гласного. Сопоставление данных, полученных в результате проведенных разных серий опытов, не позволило выявить какую-либо зависимость

476 | неправильного определения местоположения ударения в русском слове от способа реализации фонетической природы русского ударения. Можно было предположить, что помимо неверного воспроизведения природы русского ударения, арабские студенты неверно и воспринимали ее. Доказательством служит тот факт, что во время проведения серий опытов студенты «использовали свой слух» при определении места ударения в русском слове: когда студенты должны были самостоятельно расставить ударение в предложенных словах, они повторяли шепотом или громко слова, чтобы «услышать» ударный гласный. Другой факт: во время проведения серии опытов при наличии звукового сопровождения один из информантов не смог определить место ударения в 25 словах из 104, а другой информант, который при самостоятельном определении места ударения в словах допустил только 1 ошибку, в 8 словах следующей серии опытов (когда было звуковое сопровождение) изменил место ударения с правильного на неправильное (см. подробнее [9]).

Результаты проведенного эксперимента еще раз подтвердили правильность и важность мысли (которая была озвучена еще во второй половине прошлого века) о необходимости обучать (восприятие и воспроизведение) иностранных студентов и просодическим признакам, лежащим в основе реализации фонетической природы русского словесного ударения, и безударным гласным, что в совокупности представляет ритмическую структуру русского слова.

Анализ существующей в настоящее время учебной литературы (прежде всего предназначенной для вводно-фонетических курсов, поскольку в корректировочных курсах [8] или курсах, которые могут выступать в качестве корректировочных [7], интересующий материал присутствует) показал, что упражнения, на основе которых можно было бы осуществлять обучение ритмической структуре русского слова, представлены очень ограничено: в основном в виде 2–3-х сложных ритмических структур слов с разным местом ударного слога для отнесения лексических единиц к той или иной группе. Ниже приводятся примеры таких упражнений из учебников и учебных пособий, часто используемых в настоящее время (объем статьи не позволяет привести все найденные упражнения, нами выбраны наиболее иллюстративные):

1) Антонова В.Е., Нахабина М.М., Сафронова М.В., Толстых А.А. Дорога в Россию. Учебник русского языка (элементарный уровень), используемый, например, в Государственном институте русского языка имени А.С. Пушкина [1, с. 28].

Слушайте, повторяйте, читайте.

	нож	то́же	журна́л	ко́мната	машина́	хорошо́
	шкаф	мо́жно	ре́зультат	пого́да	каранда́ш	
	шарф	шко́ла	заво́д	подру́га	молоко́	
	стол	ша́пка	стра́на			
	сын	за́втра				
	звук	за́втрак				

2) Соболева Н.И., Волков С.У., Иванова А.С., Сучкова Г.А. Прогресс. Элементарный уровень: Учебник русского языка, используемый в Российском университете дружбы народов [10, с.8].

13. Слушайте, читайте.

брат	группа	игра	комната	погода
друг	карта	окно		подруга
парк	утро	Антон		дорога
он	куртка	банан		работа
год	трудно	потом		
банк	город	когда		
кто	доктор	оно		
так	много	она		

3) Караванова Н.Б. Матрешка: Элементарный практический курс русского языка [5, с.23].

3. Слушайте слова, следите за ударением. Повторяйте.

лук	лампа	рука
пар	карта	урок
пол	полка	страна
брат	город[т]	луна
друг[к]	группа	роман [раман]
дорога [дарога]	молоко [малако]	комната
подруга [падруга]	потолок [паталок]	облако [облака]
работа		дорого [дорага]
болото [балота]		

Как видно из приведенных примеров, работа над ударением начинается с односложных слов. Студенты должны произносить ударный гласный прежде всего длительно. Затем вводятся модели тАта, татА, тАтата, татАта, тататА, в которых выделен ударный гласный. Однако такие модели не представляют полными и информативными для студентов, поскольку в них не находит отражения система безударного вокализма. И если находит (см. пункт 3), то предложенное произношение слов не соответствует нормам редуцирования гласных в заударной позиции и в позиции второго предударного слога (речь идет о гласных [а] и [о]). И это приводит к искажению ритмической модели русского слова в речи иностранных студентов.

Таким образом, вопрос об обучении иностранных студентов ритмической модели русского слова в рамках вводно-фонетического курса так до сих пор и не решен. В этом плане работа может быть продолжена.

Литература

1. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Сафронова М.В., Толстых А.А. Дорога в Россию. Учебник русского языка (элементарный уровень). 3-е изд., испр. – М.: ЦМО МГУ им. М.В. Ломоносова. – СПб.: Златоуст, 2006. – 344с.
2. Антонова Д.Н. Фонетика и интонация: корректировочный курс для зарубежных преподавателей. – М.: Рус. яз., 1988. – 176 с.
3. Антонова Д.Н., Щетинина М.И. Фонетика. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1982. – 112с. (Зарубежному преподавателю русского языка).
4. Дергачева Г.И., Кузина О.С., Малащенко Н.М., Нечаева В.М., Фролкина А.В. Методика преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе обучения. – М.: Русский язык, 1983. – 168 с.
5. Караванова Н.Б. Матрешка: Элементарный практический курс русского языка. 2-е изд., стереотип. – М.: Русский язык. Курсы, 2015. – 336 с.
6. Лебедева Ю.Г. Звуки, ударение, интонация (учебное пособие по фонетике русского языка для иностранцев). – 2-е изд., испр. – М.: Рус.яз., 1986. – 270 с.
7. Логинова И.М. Автоматизация навыков произношения русского слова. М.: УДН, 1981. – 71 с.
8. Науменко Ю.М. Корректировочный курс русской фонетики и интонации для иностранных студентов I курса бакалавриата. Учебное пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 80 с.
9. Науменко Ю.М. Ритмо–вокалическая структура русского и арабского слова в лингводидактическом аспекте. Диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20. – Москва, 2003. – 404 с.
10. Соболева Н.И., Волков С.У., Иванова А.С., Сучкова Г.А. Прогресс. Элементарный уровень: Учебник русского языка. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: РУДН, 2006. – 210 с.

Naumenko Yulia Mikhailovna

Pushkin State Russian Language Institute

THE RUSSIAN WORD STRESS IN THE ASPECT OF LINGUODIDACTICS (THE PHONETIC NATURE)

The article raises the question of not solving within the introductory course the problem of teaching the foreign students the rhythmical structure of the Russian word so far (the phonetic nature of the Russian stress, including the prosodic features of it and the reduction of unstressed vowels).

Keywords: rhythmical structure of the Russian word, phonetic nature of the Russian word stress, prosodic features, reduction of unstressed vowels

Речевой жанр «Интернет-отзыв туриста о Москве»

Статья посвящена рассмотрению речевого жанра «Интернет-отзыв туриста о Москве», возникшего на стыке туристического, оценочного и интернет-дискурсов. Автор описывает конституирующие признаки данного речевого жанра, которые позволяют выявить национально-культурную специфику речевого поведения русских и иностранных туристов.

Ключевые слова: туристический дискурс, интернет-дискурс, оценочный дискурс, интернет-отзыв туриста, речевой жанр, речевой жанр «Интернет-отзыв туриста о Москве».

В последнее время возрос интерес к изучению различных интернет-жанров туристического дискурса, в том числе и речевому жанру (далее – РЖ) «Отзыв туриста», который, в свою очередь, может иметь разновидности: «Отзыв туриста о Москве», «Отзыв туриста об отеле» и т. п.

Объектом рассмотрения в данной статье служит РЖ «Интернет-отзыв туриста о Москве».

Прежде чем перейти к решению поставленной задачи, представляется целесообразным дать определения понятий «речевой жанр», «дискурс», «туристический дискурс», «интернет-отзыв».

Под понятием «речевой жанр» мы, вслед за М.М. Бахтиным, понимаем «относительно устойчивый тип высказывания», в котором «тематическое содержание, стиль и композиционная структура» неразрывно связаны [1, с.159].

Как отмечает В.С. Григорьева, «четкого и общепринятого определения понятия «дискурс», охватывающего все случаи его употребления, не существует» [4, с.10]. В «Кратком словаре терминов лингвистики текста» Т.М. Николаевой «дискурс» характеризуется как многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных: 1) связанный текст; 2) устная разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная» [Николаева 1978: 467]. По мнению Н.Н. Мироновой, «к настоящему времени сформировались два основных понятия дискурса: 1) дискурс как текст, актуализируемый в определенных условиях и 2) дискурс как дискурсивная практика» [Миронова 1998: 12].

Н.А. Тюленева предлагает рассматривать туристический дискурс как «особый подвид и продвижение туристических услуг с помощью аргу-

480 | ментных стратегий, имеющих лингвокогнитивный характер» [11, с.23]. Л.Р. Сакаева и Л.В. Базарова отмечают, что «туристический дискурс обладает разговорным стилем, который позволяет достигнуть более доверительной атмосферы и близкого тона общения; включает в себя межкультурную коммуникацию, поэтому туристические тексты представляют определенную, своеобразную среду, где культивируются и отражаются сформировавшиеся представления и образы, касающиеся национального характера разных народов» [10, с. 159–161].

Интернет-отзыв представляет собой «размещенное в сети асинхронное речевое произведение, содержание которого составляет мнение автора о продукте или услуге» [2, с. 198–203]. Л.Ю. Говорунова определяет РЖ «Интернет-отзыв туриста» как оформленный тип текста, содержащий авторскую оценку путешествия и сопутствующих ему туристических услуг, размещенные в сети Интернет с целью обмена информацией между туристами [3, с.19–20].

Как отмечает Шмелева Т.В., любой РЖ обладает жанрообразующими или конституирующими параметрами: коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, тип диктумного содержания, вносящий ограничения в отбор информации о мире, и языковое воплощение [12, с.88–99]. Рассмотрим, как эти параметры могут быть применены к РЖ «Интернет-отзыв туриста о Москве».

Как пишет Егорова Д.И, по каналу коммуникации РЖ «Интернет-отзыв туриста о Москве» относится к Интернет-дискурсу. Данный РЖ (как и интернет-дискурс) является информационным (так как он содержит информацию об объекте, который оценивается), директивным (поскольку авторы интернет-отзывов влияют на решение читателей и побуждают их к следованию/ не следованию совету), фатическим (авторы интернет-отзывов могут вступать в простое общение с аудиторией в комментариях к отзыву), презентационным (авторы интернет-отзывов могут создавать свои собственные профили на сайте, которые будут показателем их имиджа путешественника) [5, с.137–141].

РЖ «Интернет-отзыв туриста о Москве» содержит следующие целевые ориентации:

1) Оценочная ориентация (автор отзыва выражает свое мнение и пытается повлиять на отношение читателей к оцениваемому объекту. Цель данных отзывов – оценить объект и как можно подробнее рассказать о его плюсах или минусах (особенно это актуально для таких подтипов рассматриваемого нами РЖ, как отзыв-совет и отзыв-предостережение). Например, *“Здравствуйте, сегодня хочу рассказать про поездку в столицу г. Москва. Ехала я на поезде 3-ое суток. Встретили меня на вокзале, отдохнули и следующий пункт был, посетить Красную площадь, уточню что я не первый раз в Москве, но чем больше находишься в этом городе, тем больше в него влюбляешься . Следующий был ГУМ, Мега и . т. д. Музеи, театры, выставки. Вообще*

м вдохновиться и все обойти, на мое уделение не устать. Москва-большой, развивающийся город. Он подойдет людям стремящимся достичь все цели, не сидящим на месте, активным! Потому что город постоянно в движении и иногда не успеваешь за его ритмом. Вообще если сомневаетесь до сих пор, ехать или нет, я однозначно говорю: – ДА!” [13].

2) Императивная целевая ориентация (автор отзыва побуждает читателя посетить или не посещать описываемый им туристический объект). Данная целевая ориентация также часто встречается в отзывах-советах и отзывах-предостережениях). Например, *“Всем привет! Хочу написать вам своё мнение по поводу Москвы. Ну-с, начнем! Родилась я в Москве, могу сказать, что с каждым годом этот город становится все лучше и лучше! Тут можно найти занятие по душе, хоть город не большой по площади, но здесь есть все, что нужно для души, кроме моря). Кинотеатры, парки, скейтпарки, бассейны, леса, катки, ну ооочень много всего! Добираться в любую точку Москвы очень удобно, так как есть метро. Да, есть одна проблема: для Москвы более 12 миллионов человек – это как никак много. Но с другой стороны, здесь есть всё, что нужно для развития. Я не жалею, что родилась в Москве! А если вы думаете приехать сюда, то, не думая, покупайте билеты и приезжайте/прилетайте сюда! Особенно тут очень красиво в новый год, когда наряжают всю Москву, и летом, когда можно погулять во всех парках Москвы!” [16].*

3) Эмоционально-экспрессивная целевая ориентация (автор данного отзыва выражает эмоции, вызываемые у него объектом). Например, *“Меня Москва покорила с первого взгляда. Я вообще-то очень не люблю многолюдные места, суетливый народ и уверена была в том, что Москва не мой город. Но приехав туда влюбилась. Красивая, большая, какая-то открытая. Очень много кафе магазинов ТЦ и всего всего интересного. Мне все интересно и красиво, но вот моя попутчица была крайне не довольна, постоянно бубнила, все не то и не так))) поэтому кому как. Метро очень быстрое передвижение как поездов так и людей, все ходят быстро никого не замечая вокруг, как зомби честно говоря. Народу оооочень много, очень шумно, конечно к этому привыкаешь, но все же. Транспорта тоже очень много, машины, автобусы и тд постоянное движение. Аэропорт Внуково большой, но все ведь в сравнении)) хоть и большой, но все ясно понятно, мы не блуждали. Красная площадь, ну тоже без эмоций))) Зоопарк хороший. ВДНХ тоже понравился, но половина зданий было на реставрации, даже больше половины. Да и если Вам не нравится многолюдность, можно ведь и в спальные райончики ездить)))” [14].*

4) Аналитическая целевая ориентация (автор отзыва старается осмыслить и проанализировать свой опыт, приобретенный в путешествии, сделать выводы и сравнить само путешествие со своими ожиданиями). Например,

482 “...В Москву в первый раз я приехала, будучи взрослой, по работе. Потом на протяжении нескольких лет ездила то по делам, то семинары. Каждый раз времени посмотреть Москву особенно не было, но чувство суетливости и мрачности этого города у меня присутствовало всегда. В этом году на каникулы мы решили съездить в Москву погулять. Хотелось показать ребенку столицу нашей Родины, Красную площадь, Кремль. Я надеялась, что если посмотрю на Москву без спешки, отдыхая, мое мнение о ней изменится. Съездили. Чуда не произошло, мнение о Москве, как о необоснованно дорогом, суетливом и недоброжелательном городе, сохранилось. Но особенно меня поразила архитектура. Кремль – да, безусловно красив. Очень красив и величественен храм Василия Блаженного и много чего другого” [17].

5) эстетическая целевая ориентация (автор пишет отзыв только ради эстетического чувства, ему важно красиво описать свое путешествие, не стараясь повлиять на чье-либо решение. Данная целевая установка характерна для отзыва-описания, поскольку он близок к рассказу). Например, “Москва – город, в котором я родился и вырос. Я хочу рассказать о районе Москвы, в котором я живу. Район Раменки – это один из красивых уголков Москвы. Название района напоминает о тех далеких временах, когда вся территория Москвы была покрыта лесами. В русском языке существует слово Раменье, что означает густой и дремучий лес. Большое количество людей приезжают, что полюбоваться Воробьевыми горами, МГУ, Мосфильмом, Поклонной Горой, уникальными зданиями, прекрасными парками, садами и аллеями. Современные Раменки возникли в 1987 год в результате объединения двух районов – Раменки и Мосфильмовский. На территории района располагаются 16 посольств иностранных государств. Достопримечательностью района является Храм Живоначальной Троицы в Троице – Голицинево. В районе есть Культурный центр МГУ, выставочный центр «Галерея Раменки», гольф-клуб, мотоцентр, физкультурно-оздоровительный комплекс. Мне нравится жить в Раменках, потому что это зеленый район Москвы, потому что в благоустройство района вложена душа многих людей. Для меня Москва – это всегда красивое место, где можно жить, работать и отдыхать” [15].

Стоит отметить, что такое деление достаточно условно, т.к. все эти целевые ориентации могут сосуществовать в одном отзыве туриста. Речь идет о доминировании той или иной целевой ориентации.

Каждый вид Интернет-отзыва характеризует определенный образ автора. Например, в отзыве-жалобе автор предстает перед нами в образе пострадавшего, в отзыве-совете – образе близкого друга, опытного советчика, в отзыве-репортаже – образе репортера. Кроме того, образ автора интернет-отзыва складывается исходя из его манеры написания, стиля письма, использования языковых средств, а также соблюдения/нарушения норм культуры речи. По-

пулярность отзывов конкретного автора на конкретном туристическом сайте напрямую зависит от вышеуказанных условий, а также от личного профиля автора на сайте. Каждый туристический сайт предоставляет пользователям возможность создавать личный профиль, в котором указывается статус автора, статистическая информация о количестве оставленных поездок и отзывов, его карта путешествий, а также фотоматериалы. Логично, что читатели доверяют отзывам, написанным автором с личным профилем на сайте, а не анонимным лицам.

Образ адресата также характерен для каждого типа Интернет-отзыва. Например, в отзыве-жалобе адресат появляется в образе уполномоченного принять меры.

Образ прошлого и образ будущего являются существенными параметрами РЖ «Интернет-отзыв туриста о Москве». Образ будущего предполагает дальнейшее развитие речевых событий, что приводит к появлению других РЖ на основе данного. Например, РЖ «Интернет-отзыв туриста о Москве» может перерасти в РЖ «Интернет-блог».

Языковое воплощение, по нашему мнению, является одним из основных жанрообразующих параметров РЖ «Интернет-отзыв туриста о Москве», поскольку интернет-отзывы – лучший способ выразить свое мнение с возможностью использования абсолютного любого языкового средства выразительности.

«Интернет-отзыв туриста о Москве» направлен на комплексное прагматическое воздействие на адресата [8, с. 26–34]. В этой связи исследование данного РЖ должно вестись в рамках коммуникативно-прагматического подхода [6, с. 103–109], который позволяет раскрыть весьма существенные особенности его семантики и прагматики, декодировать скрытые смыслы, содержащиеся в нем [9, с. 38–45].

«Интернет-отзыв туриста о Москве» как относительно новый РЖ, возникший на стыке туристического, оценочного и интернет-дискурсов, обладает характерными для русской лингвокультуры жанровыми признаками, реализация которых в речи позволяет выявить национально-культурную специфику речевого поведения русских и иностранных туристов.

Литература

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин, М. М. Собр. соч. – М., 1996. – Т. 5: Работы 1940–1960 гг. – С. 159–206.
2. Говорунова Л. Ю. Отзыв туриста как новый речевой жанр туристического интернет-дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. – No 1 (292). – С. 198–203.
3. Говорунова Л. Ю. Отзыв туриста как новый речевой жанр туристического интернет-дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. – No 1 (292). – С. 19–20.

4. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагматический и когнитивный аспекты : монография / В.С. Григорьева. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – С.10.
5. Егорова Д.И. Речевой жанр Интернет-отзыв туриста в англоязычном туристическом дискурсе // Вопросы филологии и межкультурной коммуникации. –Чебоксары : Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2017. – С. 137–141.
6. Нестерова Т.В. Актуальные проблемы коммуникативной лингвистики (к уточнению понятий «Коммуникативная категория», «Категория не прямой коммуникации», «категория косвенности») // Русский язык за рубежом. – 2016. – № 1. – С. 103–109.
7. Нестерова Т.В. Коммуникативно-прагматический аспект в описании и преподавании русского языка // Проблемы современного филологического образования: сб. научн. статей. – М.: Московский городской педагогический университет. 2017. – С. 119–126.
8. Нестерова Т.В. Косвенные речевые акты в обиходном общении русских // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2013. – Т. 2. № 6 (7). – С. 26–34.
9. Нестерова Т.В. Скрытые смыслы в поликодовых текстах // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2018. – № 4. – С. 38–45.
10. Сакаева Л.Р. Филологические науки. Вопросы теории и практики / Сакаева Л.Р., Базарова Л.В. – Тамбов: Грамота, 2014. – №6. – Ч. 1. – С. 159–161.
11. Тюленева Н.А. Лингвокогнитивные стратегии позиционирования и продвижения туристических услуг в российской и англо-американской рекламе. –Екатеринбург, 2008. – С. 23.
12. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // жанры речи. – 1997. — Вып. 1. – С. 88–99.
13. Отзыв: Город Москва (Россия) – Замечательный город, все в отзыве! // [Электронный ресурс] – URL: https://otzovik.com/review_7332034.html (дата обращения: 22.01.2019).
14. Отзыв: Город Москва (Россия) – Красавица // [Электронный ресурс] – URL: https://otzovik.com/review_7149208.html (дата обращения: 22.01.2019).
15. Отзыв: Город Москва (Россия) – Москва – место, в котором я живу // [Электронный ресурс] – URL: https://otzovik.com/review_95934.html (дата обращения: 22 января 2019г.).
16. Отзыв: Город Москва (Россия) – Полное несоответствие образа этого города с его реальной действительностью // [Электронный ресурс] – URL: https://otzovik.com/review_7271119.html (дата обращения: 22.01.2019).

17. Отзыв: Город Москва (Россия) – Я пыталась полюбить этот город, но не смогла // [Электронный ресурс] – URL: https://otzovik.com/review_3417036.html (дата обращения: 22.01.2019).

Vu Ngoc Long

Pushkin State Russian Language Institute

**SPEECH GENRE “INTERNET TOURIST
FEEDBACK ABOUT MOSCOW”**

The article is devoted to the consideration of the speech genre «Internet tourist feedback about Moscow», originated at the junction of tourist, evaluative and Internet discourses. The author describes the constitutive features of this speech genre, which allow to identify the national and cultural specifics of the speech behavior of Russian and foreign tourists.

Keywords: tourist discourse, Internet discourse, evaluative discourse, online tourist feedback, speech genre, speech genre “Internet tourist feedback about Moscow”.

О системах локативных наречий в русском и болгарском языках

В статье рассматриваются наречия локативной семантики и их способности выражать пространственные значения в русском и болгарском языках.

Ключевые слова: локативность, локализация в пространстве, системы локативных наречий.

Категория локативности является одной из базовых категорий, при помощи которых человек воспринимает и выражает языковыми средствами размещение предметов в окружающем его пространстве. Хорошо известно, что пространственные отношения выражаются в языке комплексом разнообразных по своему характеру и значению языковых средств: предлогами, наречиями, глаголами, именами существительными, прилагательными, фразеологизмами и др. Исследования целого ряда ученых показали, что при языковом восприятии и отражении пространства решающую роль имеет структура локативной ситуации, которая обычно состоит из следующих элементов: названий локализуемого предмета, ориентира, типа пространственного отношения между ними, субъекта действия или состояния, наличие наблюдателя, а также точка отсчета локализации.

Предлоги, как основное средство локализации наиболее детально передают ранообразные типы пространственных отношений, поскольку "падежные форм, в совокупности с предлогами выражают значительно больше вариантов отношения к локуму, нежели в случаях использования наречий" [7]. Конструкции с предлогами, как правило, содержат почти все элементы локативной ситуации.

По своим способностям выражать пространственные значения наречия занимают второе место по частотности употребления после предлогов. От остальных языковых единиц, обозначающих локализацию, наречия отличаются тем, что "выражают локативное значение более обобщенно и в тесной связи с речевой ситуацией и с позицией говорящего лица или наблюдателя. В конструкциях с ними отсутствует название ориентира и он становится ясным из ситуации и контекста" [10, с. 19].

Наречия являются основным средством локализации, когда речь идет об обобщенном, неопределенном или ситуативном указании на положение локализуемого предмета. Данную разновидность пространственных отношений

выражают указательные, определительные, неопределенные, отрицательные, вопросительные местоименные наречий.

Другая группа наречий обладает способностью как и предлоги, обозначать разные позиции расположения предмета к ориентиру. Этот способ локализации выражают различные типы знаменательных наречий, обозначающих расположение и движение предмета в близости или отдаленности, перед / за /над/ под точкой отсчета пространственного отношения.

Системы локативных наречий представлены в русском и болгарском языках в грамматиках и в целом ряде исследований. Следует отметить, что целостного специализированного описания этой разновидности наречия нет ни в одном из языков. Они или рассматриваются в ряду остальных средств выражения категории локативности [14], или рассматриваются в сопоставлении с другими языками, английским, испанским, французским, вьетнамским и др., или исследуются отдельные их разновидности [8, 9, 13]

Пространственные наречия в русском и болгарском языках традиционно делят на две большие группы: а) знаменательные, имеющие свое лексическое значение и выражающие определенные разновидности пространственных значений: далеко, вблизи, кругом и др.; б) местоименные (дейктические), не имеющие своего собственного значения и выполняющие анафорическую и дейктическую функции [1, 6].

В нашем исследовании локативных наречий мы опираемся на основные модели описания пространственных отношений, представленных в трудах М. В. Всеволодовой и В. Ю. Владимирского (о способах выражения именной локативности), И. Пете (о выражении пространственных отношений в русском и венгерском языках), А. Николовой (пространственные отношения в русском языке на фоне болгарского) [2, 10, 12]. Во всех этих работах реализуется функционально-семантический подход к описанию языка и в основном выделяются следующие разновидности локативных наречий:

1. Обозначения местонахождения предмета в пределах, в рамках ориентира или на его поверхности; 2. Обозначение движения предмета; 3. Обозначения местонахождения или движения предмета вне пределах ориентира, по отношению к различным его сторонам, 4. Расположения предмета между несколькими ориентирами. 5. Расположения предмета на некотором расстоянии от ориентира: в близости, в удалении и на конкретном расстоянии от ориентира. Вокруг этих значений выстраиваются функционально-семантические ряды, в которых участвуют все языковые средства, способные выражать отдельные варианты пространственных значений [10 с. 23–24]. Наречия занимают в них существенное место.

В русле функционально-коммуникативного синтаксиса свою концепцию о систематизации пространственных наречий в русском языке предлагает Ф. И. Панков. Он считает, что локативные наречия могут быть сгруппиро-

488 | ваны "в соответствии с семью рангами или уровнями разбиения, в качестве основания для которых служат определенные релевантные признаки. Учитывая эти признаки он выделяет около 20 синонимико-вариативных рядов локативных наречий" [11].

В нашем исследовании рассматриваются функционально-семантические комплексы (ФСК) русских локативных наречий на фоне их соответствий в болгарском языке. В русских грамматиках, словарях и других источниках приводится примерное количество около 70–80 наречий, выражающих пространственное значение [1]. В. Б. Евтюхин насчитывает около 125 таких единиц [7]; М. А. Стернина приводит цифру 96 пространственных наречий (цит. по [8]). Наблюдения над различными текстами показывает, что реальное количество локативных наречий превышает указанные цифры.

В морфологии современного болгарского языка издания БАН приводится около 70 наречий с локативным значением [5]. Наречия места как их называют в болгарских источниках, описываются в трудах ряда исследователей – чаще всего вместе с остальными типами наречий [4] или же в ряду остальных средств, выражающих концепты пространства [3].

При сравнении систем пространственных наречий в русском и болгарском языках, насчитывающих приблизительно одинаковое базовое количество слов, бросаются в глаза следующие различия:

1. Дифференциация русских локативных наречий по статике/динамике пространственной локализованности. Противопоставление локативных конструкций по признаку статики и динамики присутствует во всех описаниях категории пространства в русском языке. Статическая локализованность характеризует неизменность пространственного положения в пределах обозначенного наречием пространства (здесь, нигде, там, вдали и т. д.). Динамическая пространственная локализованность указывает на изменение положения в пространстве с дополнительной внутренней дифференциацией в зависимости от направленности движения, образуя следующую парадигму: исходный пункт движения – старт (отсюда, ниоткуда, оттуда, издали и т. д.) трасса движения и конечный пункт движения – финиш (сюда, никуда, туда, вдали и т. д.).

В болгарском языке оппозиция статика/динамика при выражении пространственных значений не является определяющей. Вследствие аналитизма в болгарском языке не дифференцируются как предложно-именные формы с пространственным значением, так и наречия: стоя на площадь и ела на площадь; сидя тут (сиджу здесь) и ела тут (иди сюда). Болгарские пространственные наречия выполняют двойную функцию, т. е. большинство наречий может обозначать и местоположение и направление движения – в зависимости от глаголов, с которыми они употребляются. Например, наречие тут в статическом аспекте чаще всего используется при глаголах местонахождения,

состояния и др. типа: сидя тук, спя тук, работя тук, тук почивам и т. д. но в то же время оно сочетается и с глаголами движения – пристигнах тук.

2. Отсутствие специальной динамической формы компенсируется тем, что болгарские наречия могут присоединять к себе различные приставки, фиксирующие разную направленность локализации: тук – дотук – затук – оттук – натук; вън – навън – отвън – занавън – изотвън и др. Это значительно увеличивает количество наречных форм. Приставочные формы наречия тук имеют свои собственные значения: дотук – обозначает, как правило, предел движения, "до этого места".

3. Наблюдения над списками локативных наречий в обоих языках показывает также, что ряд пространственных значений, выражаемых в болгарском языке при помощи наречий, не имеют в русском языке прямого наречного аналога. Наречие другаде, например обозначает в другом месте. При переводе на русский язык используется предложно-падежная форма: Другаде не може да спи – В другом месте ему не спится. Те са обърнати насам – Они смотрят в нашу сторону. Русское наречие восвояси не имеет прямого аналога в болгарском языке, поэтому перевод обычно его не отражает: – Берсенов отправился восвояси, очень довольный успехом своего предложения – Берсенов си тръгна, много доволен от успеха на своето предложение (Тургенев, Накануне).

4. Описание конкретных функционально-семантических рядов в обоих языках показывает различие в количестве наречных слов, способных выражать одно и то же значение. Например, русскому наречию внутри/внутрь соответствует целый ряд болгарских наречий: вътре, навътре, отвътре, изотвътре.

5. Наблюдения над текстами переводов показывают также, что многие болгарские наречия или не переводятся, или же получают в русском языке в качестве соответствия какую-либо другую локативную форму.

Литература

1. АГ-1954. Грамматика русского языка. АН СССР, – М., 1952–1954.
2. Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском литературном языке. – М.: Русский язык, 1982.
3. Вътова М. Представи за пространство, време и движение в българския език. Монография, Велико Търново 2012 г.
4. Георгиев Ст. Българска морфология. – Велико Търново, 1991.
5. Граматика на съвременния български литературен език, Т. 2. Морфология – София, БАН 1978.
6. Грамматика 1980 : Русская грамматика 1980. В 2-х т. Гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – 710 с.

7. Евтюхин В. Б. О наречии как части речи // От значения к форме и от формы к значению. Сборник статей в честь 80-ти летия члена-корресподтента РАН А. В. Бондарко, Москва, Языки славянских культур, 2012, с. 167–178.
8. Корнева В.В. Наречие как специализированное средство объективации испанской пространственной картины мира : диссертация доктора филологических наук : 10.02.05 / Корнева Валентина Владимировна; – Воронеж, 2008. – 376 с.
9. Маляр Т. Н. Концептуализация пространства и семантика английских пространственно-дистанционных предлогов и наречий: Автореф. дис. д-ра филол. наук. М.: 2002
10. Николова А. Функциональная грамматика. Выражение пространственных отношений в русском языке (на фоне болгарского). Шумен, 1997
11. Панков Ф. И. Функционально-семантическая категория адвербиальной локативности и система значений пространственных наречий в русском языке // Язык. Культура. Человек: Сб. научных статей к юбилею заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова М. В. Всеволодовой / МАКС Пресс, 2008. С. 269–292.
12. Пете И. Способы выражения пространственных отношений в русском языке в зеркале венгерского языка / *Dissertationes slavicae*, 1X, Сегед, 1978.
13. Тханг. Ли Тоан К вопросу о пространственной ориентации во вьетнамском языке в связи с картиной мира. ВЯ, 1989, № 3.
14. Федосеева Л. Н. Категория локативности в современном русском языке. Автореф. дис. докт. филол. наук. Тамбов, 2013

Natalia Nedyalkova

Konstantin Preslavsky University of Shumen, Shumen, Bulgaria

ON THE SYSTEMS OF LOCATIVE ADVERBS IN THE RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGES

The article deals with the adverbs of locative semantics and their ability to express trans-regional meanings in the Russian and Bulgarian languages.

Keywords: locativity, localization in space, locative adverbs systems.

Транспонированное употребление этикетных речевых актов с интенцией благодарности в поликодовых текстах

В статье раскрывается содержание понятий «транспозиция», «контекстуально-ситуативный косвенный речевой акт», «поликодовый текст», анализируются примеры транспонированного употребления прямых речевых актов благодарности в сфере повседневной русскоязычной интернет-коммуникации (поликодовые тексты).

Ключевые слова: этикетный речевой акт благодарности, повседневная коммуникация, интернет-коммуникация, транспозиция, косвенный речевой акт, контекстуально-ситуативный косвенный речевой акт, поликодовый текст.

Прагмалингвистическая категория косвенности является одной из важнейших коммуникативных категорий, изучение которой может быть отнесено к наиболее актуальным направлениям языкознания. Она обнаруживается на всех уровнях коммуникативной структуры дискурса: от высказывания (речевого акта – далее РА) до гипержанровых форм коммуникации [9]. В данной статье речь идет о транспонированном употреблении этикетных речевых актов (далее – ЭРА) с интенцией благодарности (они описаны в работах по речевому этикету, см., например: [1; 18]), при этом их основная интенция может сохраняться, но «уходить на второй план» или элиминироваться, уступая место другим интенциям [8, с. 158]. Транспозиция – это «использование одной языковой формы в функции другой формы – ее противочлена в парадигматическом ряду. В широком смысле транспозиция – перенос любой языковой формы, например транспозиция времен (использование настоящего времени вместо прошедшего или будущего), наклонений (употребление императива в значении индикатива или условного наклонения), коммуникативных типов предложения (употребление вопросительного предложения в значении повествовательного) и др.» [5]. Речевой репертуар русских богат такими транспонированными формами («Здравствуйте!», «Спасибо!», «Извините!», «Поздравляю!», «Соболезную!» и др.). Подвергаясь транспозиции ЭРА, переходят в разряд контекстуально-ситуативных косвенных РА (далее – КСКРА) – высказываний, которые в изолированном от контекста виде не распознаются носителями языка со стороны того интенционального значения, ради которого они произведены [7; 8; 14] и могут

492 | выражать упрек, насмешку, иронию, становится шутливыми РА. Многие из них реализуют сразу несколько интенций, являясь полиинтенциональными РА [см. подробнее: 6–13].

В качестве материала исследования нами выбраны поликодовые тексты, распространенные в повседневной интернет-коммуникации (мемы и демотиваторы), вербальной составляющей которых выступают транспонированные ЭРА благодарности. Мы разделяем точку зрения тех лингвистов, которые термины «креолизированный текст» и «поликодовый текст» считают синонимичными. «К поликодовым текстам в широком семиотическом смысле должны быть отнесены случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т. п.)» [4, с. 107], это тексты, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [15, с. 180]. К вербальным компонентам можно отнести различные языковые и речевые средства, а к невербальным – жесты, мимику, схемы, рисунки, фотографии, мемы, эмблемы, иконки и т. д. Большинство таких текстов содержит побудительную модальность [11, с. 40].

Сложность исследования поликодового текста заключается в том, что декодировать скрытые смыслы, содержащиеся в нем, адресат может только при совместном восприятии всех его компонентов, опираясь на фоновые и текущие прагматические знания (различные типы пресуппозиций) и осуществляя при этом логическую операцию импликации [11, с. 43]. На сегодняшний день фундаментальной научной проблемой является изучение когнитивных и нейропсихологических механизмов языка и речи, в первую очередь законов восприятия и декодирования текстов, характерных для дисплейной коммуникации [2; 3; 11].

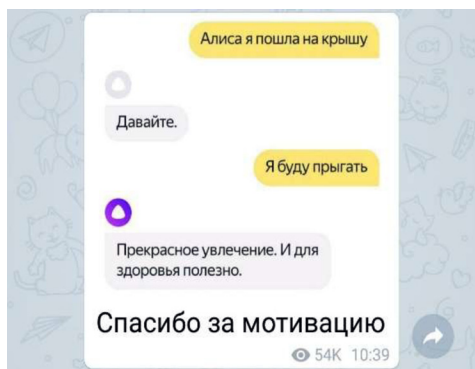
Поскольку в рамках одной статьи не представляется возможным описать все транспонированные реализации ЭРА благодарности, мы ограничимся анализом лишь нескольких примеров (они обнаружены нами в ленте одного из развлекательных каналов мессенджера Telegram [1]).

Пример № 1.

В РА «Спасибо, теперь намного лучше...» реализуется интенция иронического упрека. Адресант, используя контактив (прямой РА благодарности) и репрезентатив (констатация изменения ситуации в лучшую сторону), иронизирует над действиями работников коммунальных служб (бессмысленность установки только одной направляющей пандуса вместо двух). Здесь следует

обратить особое внимание на визуальный компонент поликодового текста, поскольку без данного изображения КСКРА «прочитывается» как обычная благодарность. КСКРА содержит двойную косвенную адресацию: первый адресат – работники коммунальных служб, второй – интернет-аудитория (обобщенный адресат).

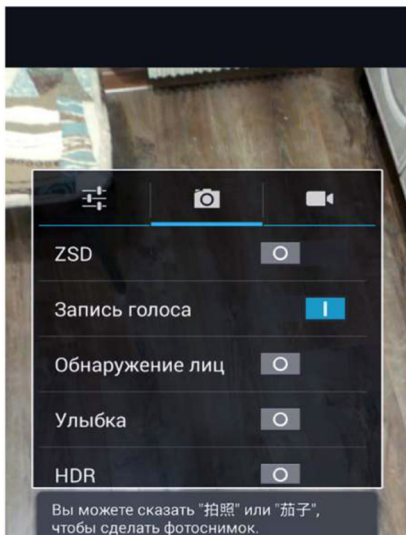

Пример № 2.

Комментарий создателя поликодового текста «Спасибо за мотивацию» содержит шутливую иронию. Голосовой помощник «Алиса» неправильно распознала намерения адресанта (покончить жизнь самоубийством, прыгнув с крыши), отреагировав на его реплики РА одобрения («Прекрасное увлечение. И для здоровья полезно»). В КСКРА «Спасибо за мотивацию» представлена

двойная косвенная адресация: индивидуальный квазиадресат – голосовой помощник (бот), обобщенный адресат – интернет-аудитория.

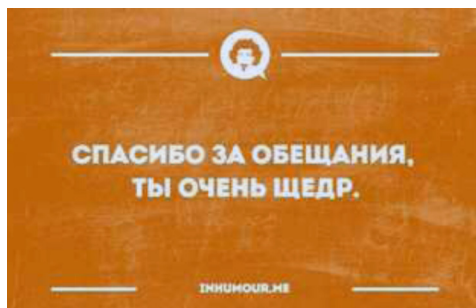
О! Спасибо, телефон! Так гораздо удобнее!

Пример № 3.

Данный поликодовый текст связан с комической ситуацией: справка в смартфоне, задачей которой является помощь в решении возникшей проблемы, оказывается совершенно бесполезной для пользователя, поскольку ему неизвестно значение иероглифов, которые в ней употреблены, и он не в состоянии воспользоваться данным советом. Вербальные составляющие поликодового текста (междометие «О!» (восклицание, выражающее восхищение), РА благодарности «Спасибо, телефон!», РА одобрения, похвалы «Так гораздо удобнее!») употреблены транспонированно, т.е. используются в качестве средств создания шутливой иронии, и содержат

двойную косвенную адресацию: индивидуальный квазиадресат (телефон), обобщенный косвенный адресат – интернет-аудитория.

Пример № 4.

«Щедрым называют человека, который охотно делится с другими людьми своими средствами, имуществом и т. п., не жалеет денег на что-либо /.../. Если какой-то человек, по вашему мнению, щедр на обещания, то это означает, что он больше обещает, чем делает» [17]. В данном поликодовом тексте

с помощью РА благодарности «Спасибо за обещания» и РА комплимента, похвалы «Ты очень щедр», которые здесь употреблены транспонированно (действия адресата не соответствуют ожиданиям адресанта), реализуется интенция иронического упрека. В качестве адресата данного поликодового текста может выступать как конкретное лицо, так и интернет-аудитория (обобщенный косвенный адресат).

Пример № 5.

В вербальной составляющей данного поликодового текста – транспонированный РА благодарности «Спасибо тебе, Почта России», адресованный компании «Почта России», которая занимается доставкой товаров. Изображение дорогостоящего планшета, предположительно деформированного в результате перевозки, и данная надпись способствуют созданию интенция иронического упрека (КСКРА) (отрицательные эмоции недовольства, возмущения). Обобщенным косвенным адресатом является интернет-аудитория.

Спасибо тебе, Почта России

Пример № 6.

Понимание скрытого смысла, заключенного в данном поликодовом тексте, требует наличия у адресата фоновых знаний об историческом прошлом Колымского края – печально известного региона, где располагалась значительная часть трудовых лагерей ГУЛАГа. В этом случае РА «Спасибо, лучше вы к нам» является шутивно-ироническим КСКРА отказа на приветствие-приглашение

«Добро пожаловать на Колыму – золотое сердце России!» (двойная косвенная адресация – авторы данного плаката и интернет-аудитория). Здесь также возникает ассоциация с известной сценой из комедии «Бриллиантовая рука» (режиссер Л.Гайдай), которая нашла отражение в другом поликодовом тексте:

Исследование поликодовых текстов в рамках коммуникативно-прагматического подхода позволяет раскрыть существенные особенности их семантики и прагматики, декодировать скрытые смыслы, содержащиеся в них [10; 11]. Рассмотренные нами случаи транспонированного употребления ЭРА благодарности представляют лишь небольшой фрагмент достаточно объемной научной работы, посвященной этой теме. Данные коммуникативные единицы требуют дальнейшего изучения. Результаты такого описания могут быть применены в практической деятельности преподавателей, занимающихся проблемами общения и преподавания языка (в том числе и русского языка как иностранного).

Литература

1. Балакай А.Г. Толковый словарь русского речевого этикета. – М.: Астрель АСТ, Транзиткнига, 2004. – 681 с.
2. Горбачева А.В., Варламов А.А. О гипотетической модели восприятия и понимания поликодовых текстов // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. – 2018. – № 4. – С. 66–73.
3. Горбачева А.В., Пучкова А.Н., Осадчий М.А. О принципах понимания и семантических правилах интерпретации знаков в изобразительной части поликодовых текстов // Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»». – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – Т. 27. – С. 53–57.
4. Ейгер Г.В. К построению типологии текстов / Г.В. Ейгер, В.Л. Юхт // Лингвистика текста: материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореза. Ч. I. – М., 1974. – С. 103–109.

5. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой [Электронный ресурс]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/413a.html> (дата обращения: 11.01.2019).
6. Нестерова Т.В. Транспонированное употребление этикетных РА коммуникативно-семантической группы «Извинение» // Вопросы языка в современных исследованиях. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIV Кирилло-Мефодиевские чтения. – Москва–Ярославль: РЕМДЕР, 2013. – С. 61–66.
7. Нестерова Т.В. Косвенные речевые акты в обиходном общении русских // Современная коммуникативистика. — 2013. — № 6 (7). — С. 26–34.
8. Нестерова Т.В. Непрямая коммуникация в обиходной сфере (русская-язычное общение) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 5 (47): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 156–162.
9. Нестерова Т.В. Актуальные проблемы коммуникативной лингвистики (к уточнению понятий «Коммуникативная категория», «Категория не прямой коммуникации», «категория косвенности») // Русский язык за рубежом. – 2016. – № 1. – С. 103–109.
10. Нестерова Т.В. Коммуникативно-прагматический аспект в описании и преподавании русского языка // Проблемы современного филологического образования: сб. научн. статей. – М.: Московский городской педагогический университет. 2017. – С. 119–126.
11. Нестерова Т.В. Скрытые смыслы в поликодовых текстах // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2018. № 4. – С. 38–45.
12. Мартышко Т.В., Нестерова Т.В. Транспонированное употребление этикетных речевых актов с интенцией "поздравление" в обиходном общении русских // Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения» в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2018. – С. 207–212.
13. Нестерова Т.В. Шутливые речевые акты в повседневной русскоязычной коммуникации (статья) // В сборнике: Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований Материалы XIV международной научно-практической конференции. – North Charleston, USA, CreateSpace, 2017. – С. 88–91.
14. Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 195–222.
15. Сорокин Ю.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990. – С. 178–187.

16. Telegram. [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/paperpublic> (дата обращения: 12.01.2019).
17. Толковый словарь русского языка Дмитриева. Д. В. Дмитриев. 2003. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/5952/%D1%89%D0%B5%D0%B4%D1%80%D1%8B%D0%B9> (дата обращения: 09.02.2019).
18. Формановская Н. И. Речевой этикет в русском общении. Теория и практика – М.: ООО ВК, 2009. – 334 с.

Nesterova T.V., Martyshko T. V.

Pushkin State Russian Language Institute

**TRANSPONATED USE OF LABELING SPEECH ACTS WITH
AN INTENSITY OF GRATITUDE IN POLYCODE TEXTS**

The article reveals the content of the concepts “transposition”, “contextually-situational indirect speech act”, “policode text”, analyzes examples of transposed use of direct speech acts of gratitude in the sphere of everyday Russian-language Internet communication (polycode texts).

Keywords: etiquette speech gratitude act, everyday communication, Internet communication, transposition, indirect speech act, contextual-situational indirect speech act, polycode text.

Американизмы в поликодовых текстах (молодежный дискурс)

Статья посвящена рассмотрению поликодовых текстов (стикеры), содержащих американизмы, в молодежном дискурсе (интернет-коммуникация).

Ключевые слова: молодежный дискурс, интернет-коммуникация, поликодовый текст, стикеры, американизмы.

Интернет-коммуникация во всем многообразии ее видов (обмен сообщениями по электронной почте, в блогах, на форумах, в чатах и т. д.) играет большую роль в жизни современного общества, все чаще вытесняя традиционные формы контактов [4]. Это связано с появлением новых мультимедийных технологий и массовой компьютеризацией различных областей институционального и неинституционального общения. Вместо того чтобы позвонить по телефону, люди пишут текстовое сообщение, — это экономит их время. Так, по данным компании Apple за 2014 год, ее клиенты за один день отправили 40 млрд. сообщений и совершили только 20 млн. звонков [9]. Мессенджеры ускоряют и упрощают нашу коммуникацию, позволяя использовать в качестве сообщений готовые тексты, картинки, видео, стикеры, мемы и т.п. В такой дистантной опосредованной коммуникации мы имеем дело с синкретичными сообщениями, основывающимися на комбинации разных знаковых систем, — так называемыми «поликодовыми текстами», которые в последнее время активно проникают в различные сферы нашей жизни.

Поликодовый текст — это текст, в котором сообщение закодировано семиотически разнородными средствами — вербальными (языковые единицы разных уровней, тексты) и невербальными компонентами (мимика, жесты, рисунки, фотографии, схемы, эмблемы, иконки, смайлики, мемы, мотиваторы, демотиваторы, стикеры, цвет и т.п.), объединение которых представляет собой определенную структуру, характеризующуюся проявлением взаимозависимости этих составляющих как в содержательном, так и в формальном аспектах [7]. «К поликодовым текстам в широком семиотическом смысле должны быть отнесены случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т.п.)» [3, с. 107]. Такой текст является необходимым компонентом жизни современного общества и каждого человека в отдельности и может интерпретироваться как способ коммуникации. В этом случае можно говорить о «поликодовой

коммуникации» [1]. Особенно активно осваивает эти формы взаимодействия молодежь, для которой в ряде случаев сетевое опосредованное общение начинает превосходить по объему и по значимости все другие [4].

На сегодняшний день мы наблюдаем активное проникновение англицизмов и американизмов в речь молодежи. «Хэй!», «Хэлп ми, плиз!», «Си ю!», «Оставил фидбэк», «В фэшн-индустрии это популярно» – эти и другие речевые акты (далее – РА) являются достаточно частотными для русскоязычного молодежного дискурса. Иноязычные элементы здесь используются для номинации новых явлений, выражения эмоций, как дань моде, в целях экономии времени и т.д. Одни из них постепенно включаются в состав активной лексики, другие становятся менее частотными, уходят на периферию лексической системы.

Предметом рассмотрения в данной статье являются поликодовые тексты (стикеры), содержащие американизмы, типичные для молодежного дискурса (интернет-коммуникация). Речь идет о таких вербальных составляющих, которые понятны широкому кругу лиц и активно употребляются в речи коммуникантов, имеющих общие интересы. Стикеры (англ. stickers — «наклейки») — изображения, предназначенные для отправки в чат [10]. Они тематически объединены и, как правило, связаны с определенным персонажем или событием (например, изображения животных, персонажей фильмов и мультфильмов, известных политиков, журналистов, блогеров и т.д.). Проанализированным нами поликодовым текстам, в состав которых входят американизмы, присущи следующие характеристики: ситуативность (они «привязаны» к определенным обстоятельствам РА), оценочность, эмоциональность, экспрессивность. Такие стикеры могут употребляться как в репликах-акциях, так и в репликах-реакциях коммуникантов.

Так, стикер из серии «Тимоша» (розовая свинка), содержащий текст «онли ююю...», отсылает нас к известной лирической композиции группы The Platters «Only you» (см. ниже). Данный поликодовый текст используется в общении близких людей:

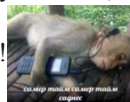
«– Кстати, спасибо за подарок! [8].

В этом контексте стикер дополняет РА благодарности и становится выражением признательности, любви адресанта сообщения к адресату.

Стикер – изображение грустной обезьяны в наушниках с текстом «самер тайм самер тайм саднес» из песни «Summertime sadness» Ланы Дель Рей (см. ниже) – стал показателем депрессивного состояния человека. Он связан с напряженной, драматичной ситуацией в жизни коммуниканта, которая может повторяться:

Например: «Сегодня опять не прошла собеседование! [8].

Несмотря на то, что вербальная составляющая стикера имеет отношение к лету («Летнее время, летняя грусть»), его используют в любое время года.

Помимо поликодовых текстов, содержащих строки песен, в молодежной среде также популярны стикеры с известными, ставшими крылатыми фразами блогеров или реперов, например Николая Соболева («Лови хайп», «Хайпа жор», «Ты че, хейтер?») или Марьяны Ро («Хайпим»):

Данные стикеры находят применение в ситуациях, связанных с уровнем популярности человека в социальных сетях. Так, «Хайпим»

или «Лови хайп» (молодежный сленг) имеют значения «лови ажиотаж, будь популярен». Однако эти РА могут использоваться в шутливо-иронических контекстах.

Например: «— Ого, на твоём последнем посте столько лайков. Тридцать! А не семь, как обычно! » [8].

В молодежном дискурсе активно употребляется выражение «Лooooл» (сленг) («смеяться в голос»), например в стикерах «Скелетоха» (изображение смеющегося до слез скелета) (см. ниже). Данный поликодовый текст может иметь несколько значений.

«— Видела это ужасное платье у нее?

— Да. лooooл » [8].

В данном примере стикер имеет значение «Ха-ха-ха! Ужас!/Кошмар!/Мрак!», «Ха-ха-ха! Это нечто!», «Ржу не могу!!! (Ржунимагу!!!)» (жарг.) и т.п.

Он может использоваться в ситуации, демонстрирующей беспокойство, смятение, отчаяние человека, пытающегося сохранять оптимизм, или находящегося «на грани истерики»: «— Вы знаете, что на завтра еще 50 страниц надо законспектировать? — лooooл » [8] (в значении — «Ужас!», «Кошмар!»,

«Катастрофа!»+ нервный смех в состоянии стресса).

Надо отметить, что в большинстве ситуаций стикер «Лooooл» является эквивалентом междометия «Ха-ха-ха» и маркером громкого смеха (как в репликах-акциях, так и в репликах-реакциях коммуникантов).

В молодежном дискурсе активно употребляются стикеры, содержащие бинарные оппозиции: «лайк – репост», «дизлайк – отписка». Изначально они появились на видео-платформах (Youtube.com), а затем перешли в обиход. Русскими эквивалентами этих конструкций являются РА «Класс!», «Мне нравится!» или «Ужасно!», «Плохо!», т.е. они передают

одобрение или неодобрение создателем данного сообщения действий партнера по коммуникации. Например:

« – Вчера все-таки сходила на тренировку. – Стикер «лайк – репост» (см. выше) – выражение одобрения, похвалы, проявление уважения [8].

В повседневной дружеской коммуникации стикер «дизлайк – отписка» может приобретать дополнительные прагматические оттенки значения: неодобрение, укор, упрек (русские эквиваленты – «Ай-я-яй», «Ну ты даешь...», «И не стыдно?» и т.п.). Например: «– Хотела выложить пост, но мне лень. – Стикер «дизлайк-отписка» (см. выше)» [8].

Коммуникант может оценить ситуацию с помощью стикера, содержащего вербальный компонент «Изи» (здесь используются изображения мыши, пингвина, акулы и т.д.) Например: «– Ну, как тест? – » [8].

В данном диалоге он используется в значении «Это было просто/легко», «Тест легкий».

«Изи» может сочетаться с другими словами, например Easy Real Talk («Изи, изи, рил ток»), «Изи катка» и др. Так, надпись на стикере «Изи, изи, рил ток» означает «Правда», «Реально», «Действительно», «Это так», «В натуре» (жарг.). Он используется, когда необходимо подтвердить чьи-то слова, согласиться с мнением адресанта:

« – Нам срочно нужно куда-нибудь съездить, пока не закончилась виза. Что думаешь? – » [8].

Существует версия, что сочетание «Изи катка» первыми стали использовать геймеры. Слово «катка» связано с глаголом «раскатать» (жарг.), то есть «уничтожить, победить противника». «Изи катка» может использоваться как в ситуации победы (в значении «Победа далась легко»), так и в ситуации поражения, когда адресант сообщает о том, что быстро проиграл, и признает свое поражение:

«– Ну, как там контрольная? – » [8].

Следует отметить, что данный стикер был популярен несколько лет назад, сейчас он практически не употребляется.

Стикер с вербальной составляющей «Think about it» («Сынк эбаут ит») (дословный перевод «Подумай об этом») используется для того, чтобы заставить собеседника задуматься над сказанными ранее словами:

«– Я же говорю тебе, не нужно было спорить со мной! [8].

Показателем положительной оценки какого-то явления, события может служить стикер «топ» (см. ниже). Он заменяет РА «Отлично!», «Здорово!», «Классно!» и под.

Например:

« – Как погода? Как отдых? – » [8];

« – Оказалось, что в понедельник можно не приходить на консультацию.

– » [8].

Поликодовый текст с вопросительным РА «Все ок?» (см ниже) применяется в диалогах типа:

«– Вызвали в деканат сейчас из-за пропусков...

– » [3].

В ответной реплике адресата – запрос информации + выражение беспокойства за адресанта.

Стикер с надписью «Лузер» (см. ниже) («неудачник, проигравший» (жарг.); «человек, которому не везет ни в чем, нет удачи» [11]), несмотря на достаточно агрессивное изображение, в дружеской коммуникации не является оскорблением, употребляясь, скорее, в значении «бедолага», «страдалец», «горемыка» (русские жаргонные эквиваленты – «Невезуха!», «Облом!»).
Например:

«– Сегодня два раза автобус уехал перед моим носом! – » [8]

«– Опять больше всех баллов за тест у нее, а не у меня! – » [8].

Стикер «Это вин!» (см. ниже) также может быть связан с ситуацией неудачи, невезения. Само слово «Win» переводится как «победа», однако в нашем контексте оно имеет противоположное значение:

«– Сегодня проспал, не успел распечатать документы и опоздал на электричку. – » [8].

С помощью данного поликодового текста адресат выражает сочувствие адресанту (русские жаргонные эквиваленты – «Жесть!», «Невезуха!», «Облом!»).

Как видим, поликодовые тексты, содержащие американизмы, – достаточно распространенное явление в молодежном дискурсе. Сложность исследования поликодового текста заключается в том, что декодировать скрытые смыслы, содержащиеся в нем, возможно только при совместном восприятии всех его компонентов (вербальных и визуальных) [2; 7]. Кроме этого, в ходе проведенного исследования мы обнаружили, что в разных ситуациях обиходного общения вербальные составляющие стикеров (как прямые, так и косвенные РА [5; 7]) приобретают дополнительные прагматические компоненты значения, которые нуждаются в подробном описании. В данной статье мы

рассмотрели лишь некоторые примеры такого употребления. Исследование поликодовых текстов в рамках коммуникативно-прагматического подхода позволяет раскрыть существенные особенности их семантики и прагматики, декодировать скрытые смыслы, содержащиеся в них [6; 7].

В заключение отметим, что множественность кодов – неотъемлемая черта обиходной (и шире – повседневной) опосредованной интернет-коммуникации. В этой связи исследование данных коммуникативных единиц в молодежном дискурсе (русскоязычная и межкультурная коммуникация) представляется нам весьма перспективным.

Литература

1. Вашунина И.В., Егорова Л.А., Рябова М.Э. Поликодовый гипертекст в мультязычном дискурсе межкультурных коммуникаций // Фундаментальная наука вузам. «Преподаватель XXI век». – 2017. – №3 [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/polikodovyy-gipertekst-v-multiyazychnom-diskurse-mezhkulturnyh-kommunikatsiy> (дата обращения: 09.02.19).
2. Горбачева А.В., Пучкова А.Н., Осадчий М.А. О принципах понимания и семантических правилах интерпретации знаков в изобразительной части поликодовых текстов // Сборник научных трудов «Ученые записки УО “ВГУ им. П.М. Машерова”». – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – Т. 27. – С. 53–57.
3. Ейгер Г.В. К построению типологии текстов / Г.В. Ейгер, В.Л. Юхт // Лингвистика текста: материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М.Тореза. Ч.1. – М., 1974. – С. 103–109.
4. Мичурин Д.С. Прецедентный поликодовый текст в вербально-изобразительной коммуникации интернет-сообществ (на материале русскоязычных имидж-форумов): Дис. канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2014. – 162 с.
5. Нестерова Т.В. Косвенные речевые акты в обиходном общении русских // Современная коммуникативистика. — 2013. — № 6 (7). — С. 26–34.
6. Нестерова Т.В. Коммуникативно-прагматический аспект в описании и преподавании русского языка // Проблемы современного филологического образования: сб. научн. статей. – М.: Московский городской педагогический университет, 2017. – С. 119–126.
7. Нестерова Т.В. Скрытые смыслы в поликодовых текстах // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2018. – № 4. – С. 38–45.
8. Социальная сеть «ВКонтакте». [Электронный ресурс]. – URL: <http://vk.com/> (дата обращения: 08.02.19)
9. Статистика сервисов iMessage и Facetime. [Электронный ресурс]. – URL: <https://yablyk.com/40-mlrd-soobshhenij-i-20-mln-zvonkov-ezhednevno-statistika-servisa-imessage/> (дата обращения: 08.02.19).

- 504 | 10. Стикеры. [Электронный ресурс]. – URL: <http://wikireality.ru/wiki/Стикеры> (дата обращения: 08.02.19).
11. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – URL: <http://endic.ru/ozhegov/Neudachnik-18562.html> (дата обращения: 08.02.19).

Nesterova T.V., Serovskaia D.V

Pushkin State Russian language Institute

AMERICANISMS IN POLYCODE TEXTS (YOUTH DISCOURSE)

The article is devoted to the consideration of polycode texts (stickers) containing Americanisms in the youth discourse (Internet communication).

Keywords: youth discourse, Internet communication, polycode text, stickers, Americanisms.

Специфика адаптации и ассимиляции единиц сферы ИТ

В статье прослеживается самый длительный и самый важный процесс – ассимиляция ИТ-единиц в русском и болгарском языках, осуществляющийся посредством адаптационных подэтапов. Процессы адаптации и ассимиляции разграничиваются автором и воспринимаются как двунаправленное взаимодействие между контактирующими языками. На примере термина селфи демонстрируется отсутствие четких правил и последовательности адаптационных процессов во время ассимиляции, что не является причиной их дальнейшей интеграции в исследуемых языках.

Ключевые слова: адаптация, ассимиляция, селфи, ИТ-сфера.

Исследователи формальной стороны процесса ассимиляции иноязычных терминов (Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина, С. В. Гринев) связывают ее с генетическим родством или типологическим сходством контактирующих языков. По мнению Д. Митева, русский и болгарский языки выражают свое генетическое сходство почти во всех участках их структуры – в наличии лексики индоевропейского и общеславянского происхождения, в выделяемых лексико-грамматических классах и разрядах слов, в характере семантики и в формальном выражении таких категорий, как род и число существительных, вид и залог глагола и т. д. [8, с. 64].

При анализе этапов развития компьютерной лексики в русском и болгарском языках, устанавливаются различия в активности процесса заимствования. При внедрении компьютерной отрасли в русскую и болгарскую действительность, наблюдается активное использование собственных средств для отображения научных понятий, а в болгарской терминосистеме, в то же время (до начала 90-х гг.), обнаруживается ощутимое влияние русского языка. Характерной чертой данного этапа развития являются громоздкие многосоставные термины, полученные при помощи описательного перевода, сложные для запоминания и употребления. На рубеже XX–XXI веков, вместе с началом политических перемен в обществах, выделяется новый этап в развитии национальных лингвокультур исследуемых языков. Особенностью данного периода является интенсивный темп заимствования как образов, так и языковых средств англо-американской лингвокультуры, быстрое заполнение словарного состава новейшими единицами. Этот процесс связывается с нарастанием экономических, культурных и межъязыковых контактов,

506 | возрастающей ролью компьютерных (в т.ч. коммуникативных) технологий и интернета, которые способствуют быстрому распространению терминов, номинирующих новинок в сфере ИТ [9].

Целью данной статьи является анализ процессов адаптации и ассимиляции в контексте существенно измененных условий межъязыкового взаимодействия, влияющих на структуру языков и их лексику.

В настоящий момент продолжается активный процесс внедрения различных англо-американизмов, связанный с процессом развития сферы ИТ. Проблема адаптации заимствованной лексики приобретает особую актуальность в связи с особенностями процесса заимствования. Беспрецедентное вторжение иноязычных единиц, их быстрое укоренение в языке и речи обуславливают специфические особенности различных видов адаптации данных единиц (графической, грамматической, лексико-семантической).

Процесс заимствования лексических единиц состоит из трех основных этапов: процесс вхождения единицы в новую языковую среду, процесс ассимиляции и процесс интеграции в языке-приемнике. Из перечисленных этапов, самым длительным и самым важным является процесс ассимиляции заимствованных единиц, который осуществляется посредством адаптационных подэтапов. Именно во время данного этапа происходит двунаправленное взаимодействие между контактирующими языками. С одной стороны, чужой элемент оказывает воздействие на принимающий язык своими фонетическими, произносительными и семантическими особенностями, с другой стороны, язык-приемник приспособливает данную единицу к своим языковым нормам, обрабатывая ее по собственным существующим моделям [подробнее см. 10].

При транслитерации или транскрипции утрачиваются характерные грамматические особенности английской единицы, как „немой Е“, который исчезает или заменяется другим гласным, как: русск./болг. – archive – архив, arcade – аркада, attribute – атрибут, byte – байт, cache – кэш / кеш, case – кейс (в жарг.), certificate – сертификат, interface – интерфейс, code – код, console – консоль / конзола, cookie – куки (жарг.), diskette – дискета, drive – драйв (проф.), favorite – фаворит, file – файл, frame – фрейм, freeware – фривар (жарг.), game – гама / гейм (жарг.), like – лайк (жарг.), line – линия, offline – оф(-)лайн / офлайн, page – пага (жарг.), selfie – се(э)лфи / селфи и др. Таким образом, данная замена оказывает влияние на родовую принадлежность монологемных единиц в исследуемых языках и их парадигму склонения в русском языке.

Сравнительно недавно проникший термин селфи ‘снимок самого себя камерой или фотоаппаратом, чтобы отправить фото друзьям в социальной сети’, прошел быстро фонетическую и графическую адаптацию, благодаря частому употреблению в масс-медиа, смартфонов и других ИТ-технологий пользователями разного возраста. Как и у остальных не освоенных, но ши-

роко употребляемых терминов, используется вариативное – оригинальное и кириллическое написание в обоих исследуемых языках selfie – русск. се(э)лфи / болг. селфи, а в русском языке замечается колебание в графическом оформлении при употреблении е и э.

Важнейшим и самым сложным этапом ассимиляции является грамматическая адаптация, которая предусматривает включение заимствованной единицы в грамматическую систему языка (русского или болгарского) путем его подчинения грамматическим нормам и законам соответствующего языка. Признаками грамматической адаптации являются: стабилизация родовой отнесенности, склоняемость в русском языке, деривационный потенциал и образование словообразовательных гнезд.

Проблемной продолжает оставаться грамматическая адаптация в системе русского языка. Наблюдается колебание и затруднения, в частности, при определении родовой принадлежности, и селфи не является исключением (первый селфи, прекрасная селфи, уникальное селфи). Несмотря на то, что в русском языке традиционно несклоняемые неодушевленные имена существительные иноязычного происхождения, оканчивающиеся на -и (такси, жюри), относятся к среднему роду, селфи демонстрирует принадлежность к м.р, ж.р, ср.р. Данное колебание можно связать с синонимами – автопортрет, самострел – м.р, фотография, себяшка – ж.р., самофото, фото – ср.р. По всей вероятности, данная проблема будет преодолена после фиксации термина в словарях и закрепления в форме среднего рода, согласно языковой норме (в 2016 г. данное слово зафиксировано в «Словарь языка интернета.ru» М. А. Кронгауза, но словарная статья не содержит грамматической информации). Категория числа, как и у остальных несклоняемых существительных данного типа, выражается синтаксическим способом (мне нравятся твои селфи).

В болгарском языке, данный термин тоже не зафиксирован в словарях. Болгарские лингвисты пытались ввести болгарский эквивалент самоснимка, по аналогии давно использованного термина в фотографии самоснимачка (автопуск) ‘устройство, вградено във фотоапаратите, за направа на фотографии без непосредствено участие на фотограф’. Вопреки этому, такие колебания как в русском языке не наблюдаются. Данную единицу относят к классу существительных среднего рода, оканчивающихся на -и, -у, -ю, иноязычного происхождения (селфи, селфито и образующих форму множественного числа селфита, селфитата), а в зависимости от синтаксической функции и получающих, характерный для болгарского языка, определительный артикль.

Несмотря на грамматическую неосвоенность, данный термин понятен специалистам и пользователям ИТ и используется в образовании сложных, составных, гибридных слов и словосочетаний в русском и болгарском языках, как: русск./болг. селфимания / селфи мания, селфи-палка / селфи стик, селфи-кольцо / селфи ринг, селфи-монопод / селфи монопод, селфи-камера

508 (селфи камера) / селфи камера, селфи фильм / селфи филм, онлайн селфи / онлайн селфи, селфи-принтер / селфи принтер, селфи-студия / селфи студия, 3D-селфи / 3D селфи, экстрим-селфи / экстремно селфи, селфи-поза / селфи поза, селфи-дрон / селфи дрон селфи вход, селфи регистрация, селфи log in и др. Как видно из приведенных примеров, термин селфи активно участвует в образовании новых понятий и употребляется как неизменяемое существительное, а также как неизменяемое прилагательное в русском и в болгарском языках.

Последним этапом, свидетельствующим об освоенности терминов и их интеграции в языковых системах, является семантическая адаптация, т.е. приспособление семантической структуры заимствованного термина к системе заимствующего языка. По словам Е. В. Мариновой, лексическое значение «новозаимствованного слова формируется, уточняется, отшлифовывается по мере того, как слово включается в синтагматические и парадигматические связи со словами принимающего языка» [7, с. 266]. Свидетельством семантических процессов являются расширение значения, сужение значения и сдвиги значения, при которых на основании определенных аналогий и ассоциаций происходит перенос значения с одного предмета на другой [5, с. 225]. В принципе, семантическая адаптация представляет собой последнюю ступень в процессе заимствования, когда термин уже прошел фонетическую, графическую и грамматическую адаптацию, т.е. он ассимилировался полностью или частично. Свидетельством семантической адаптации термина селфи является наличие синонимических отношений или изменения в значении: русск. себяшка, самка, самочка, самострел, селка, фотка, автопортрет, фотография, самофото / болг. автопортретна снимка, фотоавтопортрет, селфак, селфи пръчка и др. Словосочетание селфи пръчка используется в болгарском молодежном жаргоне. В данном сочетании селфи изменяет свою семантику, совмещая в себе два понятия село и селфи, и означает 'селска пръчка (в зн. девушка деревенского происхождения), която се снима'.

В ряде случаев заимствованный термин претерпевает семантическую модификацию или получает новое значение в языке-приемнике. Полученные лексемы становятся базой для новых номинативных процессов, обусловленных коммуникативной необходимостью и развитием терминосистемы.

Особенно интенсивная словообразовательная активность термина селфи наблюдается, в русском языке – селфист, селфистка, селфик, селфшик, селфизм, селфанутый, селфический, селфить, заселфшть, селфиться. В болгарском языке обнаруживается только жаргонизм селфак и селфвам се, селфим се. С точки зрения семантики интересными являются: русск. селфиться и болг. селфвам се, селфим се. Данные единицы являются возвратными глаголами в обоих языках, но если проследить семантику английского термина, то устанавливается семантическая тавтология: в русском и болгарском языках

self означает ‘сам, самого себя’ и данное значение указывается в самой дефиниции ‘снимок самого себя’, а в данных возвратных глаголах используется транскрибированный термин, от которого, при помощи словообразовательных средств образовались глаголы в обоих языках – русск./болг. селфить / селфвам, и дальше присоединяется постфикс – ся (в русск.) и возвратная частица се (в болг.).

На основании данного анализа, можно сделать вывод, что во время ассимиляции отсутствуют четкие правила и последовательность адаптационных процессов. Иногда, некоторые адапционные процессы протекают одновременно, и что характерно для лексики ИТ-сферы, новые номинации интегрируются сразу в системах принимающих языков на всех уровнях, что приводит к специфической вариативности данных единиц. Однако сложность нового слова, популярность, модность и краткость, и не на последнем месте интернациональность транскрибированного варианта, способствуют быстрому утверждению термина в принимающих языках. Данный факт является демонстрацией специфики современной лингвокультурной ситуации.

Литература

1. Аксенова А.Т. Англо-американские лексические заимствования как отражение тенденций к изменению национально-культурных стереотипов в российском обществе // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2011. – № 1.
2. Богословская В.Р., Долгенко А.Н., Косырева М.С. От «selfie» к «сел-фи»: пути адаптации англицизмов в современном русском языке // Известия ВГПУ. – 2015. – № 9–10 (104). – С. 125–129.
3. Димитрова Н. Ассимиляция и адаптация лексических заимствований (на материале терминологии транспортного экспедирования). // Юбилейная международная научная конференция «РУСИСТИКА – ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА», посвященная 50-летию Дружеству русистов в Болгарии и 50-летию МАПРЯЛ, София, 2017. – С. 81–88.
4. Димитрова Н. Заимствованные моноксемные термины в терминологии транспортного экспедирования. // Русистика сегодня: традиции и перспективы. / Юбилейная международная научная конференция. София: Издателска къща «Тип-топ прес», 2017. – С. 127–135.
5. Кохан Н.А. Предпосылки семантического усвоения заимствований лексики в современном английском языке // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2011. – № 2. – С. 221–228.
6. Кронгауз М.А., Литвин Е.А., Мерзлякова В.Н., Пиперски А.Ч., Сомин А.А., Черненко Ю.А. Словарь языка интернета.ru! Под. ред. М. А. Кронгауза. – М.: АСТ–ПРЕСС КНИГА, 2016. – 288 с.

- 510 | 7. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования: дисс. ... д. филол. н. – М., 2008. 509 с.
8. Митев Д. Очерки по сопоставительной грамматике русского и болгарского языков (морфология). Велико Търново: ИВИС, 2012. – 319 с.
9. Николова Д. К вопросу о становлении компьютерной терминологии. // Исследовательская деятельность в образовательном пространстве регион / Материалы IV Региональной научно-практической конференции (4–9 апреля 2016 г.). ИЦФКубГУ, Славянск-на-Кубани, 2016. – С. 246–254.
10. Николова Д. Лингвокультурный аспект современной компьютерной терминологии (на материале русского и болгарского языков): дисс. ... канд. филол. наук. – Шумен, 2018. – 304 с.

Nikolova D. G.

Shumen university Episkop Konstantin Preslavsky

**SPECIFICITY OF ADAPTATION AND ASSIMILATION
OF IT SPHERE UNITS**

The article traces the longest and most important process – the assimilation of IT units in the Russian and Bulgarian languages, carried out through adaptation substeps. The processes of adaptation and assimilation are delimited by the author and are perceived as a bidirectional interaction between contacting languages. The example of the term *selfie* shows the absence of clear rules and the sequence of adaptation processes during assimilation, which is not the reason for their further integration in the languages being studied.

Keywords: adaptation, assimilation, *selfie*, IT.

Роль языкового пуризма в формировании современного болгарского и современного русского языков

В статье анализируется пуристический аспект языковой ситуации в двух славянских странах в период формирования их национальных литературных языков – болгарского и русского. Основное внимание уделяется типу пуристических замен в пуристской деятельности в период, который характеризует пуризм как архаизирующий, этнографический и элитарный. Таким образом, болгарский пуризм можно охарактеризовать как архаизирующий, а русский – как этнографический.

Ключевые слова: пуризм, болгарская языковая ситуация, русская языковая ситуация, архаизирующий, этнографический и элитарный пуризм.

Известно, что в болгарском языке произошли серьезные структурные изменения, которые превратили его из языка синтетического в аналитический. Период окончательного становления изменений (XV–XIX вв.) совпал с периодом несамостоятельности государства, когда отсутствие единого культурного центра и государственной языковой политики оказывает сильнейшее влияние на литературное формирование языка. В период формирования болгарской нации⁴, символом которой позднее стал новоболгарский литературный язык, уже назревала необходимость адекватных изменений языка, этого требовали особенности коммуникации в новом обществе. С одной стороны, литературный болгарский язык, сформировавшийся во второй половине XVIII века, является бесспорным наследником древнеболгарского литературного языка. С другой – в условиях чужой власти болгарским возрожденческим книжникам было трудно принять решение, прежде всего, относительно языковых инноваций в разговорной речи (их оценки, функционирования, отнесения к определенной коммуникативной сфере). Необходимо было принять решение, как поступать с устаревающей или уже устаревшей языковой формой письменных текстов. Обновление

⁴ В болгарской исторической науке под нацией понимается устойчивая общность людей, характеризующаяся сознанием единой исторической и культурной принадлежности, объединенная общим языком, обитающая на общей территории и организованная в государство. Создание европейских наций является сопутствующим процессом при формировании буржуазно–капиталистического хозяйства.

512 | языковой нормы в течение всего национального периода предстандартизации требовал решения вопроса первостепенного значения: какой должна быть структурная ткань формирующегося новоболгарского литературного языка – должна ли она сохранить архаическую основу, или же приблизиться к новому, разговорному типу. Дух Просвещения нового времени недвусмысленно диктовал второй путь формирования, который не мог быть осуществлен без решения важных проблем. Напротив, этот вопрос требовал радикального вмешательства, которое вызывало споры в течение десятилетий.

К этому следует прибавить еще одну деталь: если болгарский язык во время османского владычества был ограничен в пространственном и функциональном отношении исключительно административной сферой, то в остальных сферах он доминировал или существовал параллельно с турецким. Это обстоятельство порождает характерную черту истории новоболгарского литературного языка в указанный период: господствующий этнос его не оспаривал, носителям языка не приходилось доказывать его существование, как и то, что на этом языке могут создаваться тексты, соперничающие с языком колонизатора. Отсутствие угрозы языкового насилия на институциональном уровне, эксплицитного и декларативного противопоставления турецкому языку в значительной степени отражается на факторе временного периода формирования новоболгарского литературного языка – отсутствуют форсирование решений и навязывание норм непроверенных практикой. Все это накладывает специфический отпечаток на языковую деятельность, что, несомненно, получает отзвук в наши дни и отражается на принципах принятия кодификационных решений и языкового строительства в целом.

Обращение исследователя к прошлому не является самоцелью, этот опыт позволяет понять и то, почему в наше время мы поступаем, так или иначе. Наши стереотипы, подход к одной или другой проблеме литературного языка, даже если мы используем инновационные подходы, несомненно, представляет собой продукт уже выработанной в прошлые времена рефлексии. В качестве примера можно привести воссоздание пуристической идеи, которая практически представляет собой вид нормотворческого и кодификационного акта (как дескриптивного, так и прескриптивного). Намерение создания литературного языка в эпоху национализма тесно связано с идеей общества – необходимостью очищения языка идеей, занимавшей умы нескольких поколений европейских филологов. Очищение языка отражает не только идеологизированное отношение пользователей того или иного языка, а нечто более серьезное: практический шаг к нормализации литературного языка нового типа, призванного обслуживать иную общественную формацию – нацию.

В современной болгарской лингвистике соблюдение чистоты языка традиционно считалось более широким понятием, чем пуризм. Наблюдения над проявлениями пуризма в эпоху Болгарского Возрождения показывают,

что очищение языка представляет собой лишь часть важной идеи пуризма, призванной возродить и модернизировать литературный язык (Николова 2016). В этом смысле идея чистоты языка, как одна из репрезентаций этнической чистоты, проявляющейся и на лексическом, и на грамматическом уровнях в выборе лексики, форм и синтаксических конструкций – исконных, своих – представляет собой одну из форм пуризма. В болгарском варианте из-за значительного разрушения архаической грамматической структуры, лексика не стала единственным объектом усилий пуристов и поэтому не смогла полностью завладеть вниманием создателей литературного языка. Наряду с пуристическими заменами, их усилия были направлены на создание новых литературных норм на всех грамматических уровнях. Характерным для пуризма, постепенно трансформировавшегося в идею чистоты языка, стало стремление к его охране законом, забота о приоритете его употребления при соперничестве с другими языками в государственно-административной сфере, его защита и прославление с воспитательной целью в тех случаях, когда он был не застрахован. Таким образом, специфика проявлений доктрины пуризма находилась в зависимости как от идейно-лингвистической зрелости общества и языковой политики, так и от этапов языковой стандартизации.

Определение пуризма, воспринятое в настоящей работе как наиболее подходящее, было сформулировано Дж. Томасом в его основополагающем сочинении „Linguistic Purism”. „Пуризм – это проявление (манифестация), – пишет он, – желания данной языковой общности (или ее некоторой части) защитить язык или освободить его от очевидно чужих элементов, т.е. элементов, которые рассматриваются как нежеланные (включая элементы, относящиеся к группе диалектизмов, социолектов или функциональных стилей того же языка). Пуризм может охватывать все уровни языка или быть направленным только на его словарный запас. Прежде всего, пуризм представляет собой вид кодификации, культивирования и планирования стандартного языка” (2, с. 12, цит. по 3, с. 3). В предложенном определении налицо универсальность, т.к. кроме идеи очищения языка оно включает в более широком аспекте целостное культивирование языкового стандарта и кодификацию языка, что являлось особенно важным в период, начиная с середины XVIII до конца XIX в., т.е. в период, когда формируются национальные европейские славянские языки.

Пуризм, отождествляющийся с борьбой за чистоту языка или включающий его в свои границы, превращает язык из субъекта, который изменяется, оказывает либо претерпевает воздействие, т.е. занимает элементы, – в объект заботы и манипуляции. И это вполне естественно в тот период существования литературного языка (нового или традиционного), когда возникает необходимость соответствия требованиям новой, различной общности – нации. Именно на этом этапе – на переднем плане оказываются символические функции языка: интегрирующая, дифференцирующая и престижная. И по-

514 | сколько идея чистоты языка может объединить данное общество и отграничить его от обществ, говорящих на других языках, а использование чистого языка является патриотическим актом и вопросом чести – постольку пуризм присутствует в истории многих европейских языков эпохи национализма.

Обстоятельства и факторы, под воздействием которых формируется языковой пуризм, различны – как специфические интралингвистические, так и экстралингвистические – исторические, культурные, социально-политические, идеологические, и даже географические. Но лишь две основные языковые ситуации провоцируют его появление: языковой контакт и стандартизация этнического языка (во всех ее фазах – предстандартизации и фактической стандартизации (2, с. 116, цит. по 4, с. 100). Следовательно, пуризм, как явление, сопутствующее стандартизации определенного языка, – это вполне естественное явление, т.к. ее начальная фаза (т.н. предстандартизация), которая характеризуется синкретизмом ее двух символических функций литературного языка – дифференцирующей и интегрирующей, связывается с их осмыслением как основополагающим фактором национальной идентичности.

Пуристические акты могут быть охарактеризованы с точки зрения трех аспектов: в зависимости от вида замен, в зависимости от направлений пуристической деятельности и в зависимости от ее целей. В настоящей работе внимание направлено на вид замен. Пуристическая замена (или субституция) – это один из основных терминов, используемых при исследовании пуризма. Так, в зависимости от вида замен, пуризм может быть архаизирующим (1) – в тех случаях, когда заимствованные элементы языка замещаются архаическими, и этнографическим (2) – когда вместо иноязыковых используются употребляющиеся в речи диалектные и разговорные элементы. Пуризм может быть и элитарным, когда образованная, элитная часть общества воздерживается от диалектных и/или архаических элементов и предпочитает заимствования. За небольшим исключением, этот третий вид (называемый еще „обратным пуризмом”) не характерен для славянских языковых ситуаций.

Замысел данного изложения покоится на представлении, что по своей сути пуризм является нормотворческим фактором. Для доказательства гипотезы используется материал двух литературных типологически различных славянских языков – болгарского и русского, во многих отношениях полезных для сравнения. Таким образом, внимание исследователя будет направлено на пуристические идеи и их проявления в соответствующих славянских языковых ситуациях по двум линиям: архаизирующей и этнографической.

Уже в своих первых актах болгарский пуризм проявляет свою архаизирующую линию⁵. Известно, что уже на заре Болгарского возрождения о. Паисий Хилендарский, поднимая вопрос о языке в своей Истории славяно-

⁵ Следует отметить, что здесь и далее, определение линий не абсолютизируется..

болгарской, не придерживается последовательно использования актуальных, или только архаических средств языка. Прилагая усилия пробудить у болгар самосознание, как народа с героическим прошлым, он убедительно доказывает существование коллективного языкового сознания путем приписывания языку символических, т.е. социальных функций (выражение „род и язык“, повторяется более 15 раз); престижности („что же ты стыдишься называть себя болгаринот“), формирования установки лояльности и гордости за счет пренебрежения коммуникативными функциями текста истории и его искусственной архаизацией. У о. Паисия на первом месте – защита этнического языка, а его архаическое украшение необходимо для того, чтобы приблизить его к классическому идеалу – архаическому этническому языку. Таким образом, еще в самом начале пуристическая идея носила архаизирующий характер. Однако было бы нелепо и неуместно относить Паисия к пуристам, а его историю считать проявлением пуризма. В Истории Паисия отсутствуют такие послы и ему нельзя вменять идеи, к которым болгарское общество было еще не готово. Он не вербализирует свое негативное отношение к языковым средствам других языков или к их влиянию на болгарский язык, не отрицает конкретные единицы языка. Но он определяет врага – это культурный агрессор (греческий язык), тот, кто может отнять наиболее яркий различительный признак нации – общий для людей одной крови (рода) культурный язык. Не случайно, что в течение десятилетий после Паисия до 30-х гг. XIX в. болгарские книжники ратуют за литературный язык, понимаемый как антитеза греческому, независимо от того будет ли это архаический язык и насколько, или же основой литературного языка станет актуальный язык. Тот факт, что Паисий и его последователи формулируют оппозицию „болгарский язык ~ чужой язык и разрешают ее, представляет собой первый шаг в борьбе за культурное главенство – отвергается чужой язык и утверждается этнический как язык, который может (поскольку ранее он мог) играть роль литературного языка. Если подобные признаки характерны для начала пуризма в других европейских языковых ситуациях, следует ожидать, что они будут характерны и для болгарской. Это утверждение, по моему мнению, могло бы объяснить регрессию в языке Истории Паисия. Созданием своей языковой концепции он готовит ту платформу, на которой позднее начнет создаваться установка на очищение языка от инородных элементов.

В сущности, попытки регрессии при формировании новоболгарского литературного языка сопутствуют всему периоду его формирования – в любых формах – как украшение текста престижной патиной архаического языкового вещества, либо путем создания направления (Церковно-славянская школа), либо путем поиска арбитражного опорного столба для многообразных диалектов, либо воплощения в форме этимологической кодификации (орфографической, грамматической и/или словообразовательной). Причиной

516 | этому является тот факт, что при его модернизации преобладает фактор престижности – ведь еще с IX в. болгары располагают литературной формой, а естественный, т.е. разговорный болгарский язык создавался позже. Фактор престижности оказался ведущим еще и потому, что престижность представляет собой одну из трех символических функций, сопутствующих формированию литературных языков.

Позднее, в 30-е и 40-е годы XIX в., к архаизирующей линии параллельно прибавляется этнографическая. Обе линии воплощаются в т.н. борьбе за основу литературного языка, которая традиционно интерпретируется тремя направлениями в период этих десятилетий: славяноболгарское, новоболгарское и церковнославянское. Будучи в своем начале контраверсными, они постепенно создают симбиоз, в котором в литературном языке одобряется и закрепляется разговорная субстанция, пропущенная через фильтр традиции. Публикации практически всех авторов эпохи Возрождения изобилуют доказательствами изложенному факту: труды д-ра П. Берона, Неофита Рильского, Р. Поповича, К. Фотинова, Хр. Павловича, И. Богорова, В. Априлова, Н. Герова, Й. Груева, Г. Крыстевича, Д. Войникова, В. Друмева, И. Блыскова, И. Момчилова, Н. Михайловского, Г. С. Раковского, П. Р. Славейкова, Г.Р. Жинзифова, Гр. Пырличева, братьев Миладиновых, М. Дринова и многих других, более или менее известных творцов слова.

Активное отношение болгарских книжников к чистоте литературного языка приводит к важному следствию: его формирование происходит путем отталкивания от устных форм и путем включения тех языковых средств, которые были общими для всех пользователей этнического языка и тождественными или сопоставимыми с престижным древнеболгарским литературным языком, а также путем исключения тех средств, которые специфичны единственно для устной речи.

Специфическими для устных форм оказываются как новые структурные черты грамматики, так и узко диалектные, а также значительная часть иноязыковых средств. Обе формации вступают во взаимодействие и, в то время как устная определяет судьбу фонетической и морфологической структуры нового литературного языка (происходит т.н. колоквиализация), письменная форма начинает воздействовать на устную на лексическом и, в какой-то мере, – на грамматическом уровне (происходит т.н. интеллектуализация). Постепенно, обогащенная таким образом устная форма эмансипируется относительно письменной, по признаку престижность, и интеллектуализируется, что приводит к естественной замене как нестабильной турецкой, так и диалектной лексики (в той мере, в какой в ней присутствуют средства для выражения понятий тематических полей современного общества) литературной, почерпнутой из различных источников: собственных (древнеболгарских и церковно-славянских) и чужих (международных, западноевропейских).

Эмансипация приводит к осуществлению языковой политики средствами пуристической доктрины – как это было до борьбы между тремя направлениями в 30 – 40-е гг. (Славяноболгарским, Новоболгарским и Церковно-славянским), так и к конкуренции нормативных моделей в 50 – 70-е гг. XIX в. (Пловдивской, Шуменской, Тырновской моделей и моделей Каравелова и Дринова). Иноязыковые средства, особенно пришедшие из непрестижного языка (турецкого), или престижного, но в то же время сильного и опасного (греческого), оценивались при формировании литературного языка как инородное тело, если вместо них могли быть использованы тождественные им, но собственные единицы языка. Можно легко заметить, что в течение всего периода формирования литературного языка болгарские книжники пытаются заменить чужие языковые средства архаическими (даже после Освобождения, например, в терминологии), что предопределялось высокой престижностью архаического болгарского языка (включительно в церковно-славянском варианте).

Проявления пуризма в эпоху Возрождения, когда болгарский литературный язык начинает обновляться, показывают, что они находятся в соответствии с характером пуризма в большей части европейского языкового пространства. Вполне логично они начинаются с прославления родного языка, с патриотического отношения к нему и с негативной оценки чужого языка, после чего следует неприятие греческого и турецкого языков в сфере образования и коммуникации и утверждение болгарского путем доказательства его качеств: способности играть роль литературного языка, быть полноценным средством для языкового общения во всех сферах народной жизни. Этот этап характеризуется ярко выраженной творческой направленностью – появляется много произведений, которые имплицитно или эксплицитно воплощают сознание полноценности литературного языка.

Русский язык – это единственный славянский литературный язык, который создавался, совершенствовался и развивался в условиях собственной государственности, в которой он был языком, обслуживающим все публичные сферы (без религиозной), где он выполнял социальные, коммуникативные и эстетические функции, присущие одному языковому стандарту. Русский язык, испытавший исключительно сильное влияние древнеболгарского языка (после первого и второго южнославянского влияний), несет в своей лексической системе следы того времени, когда церковнославянский язык в обязательном порядке обслуживал русскую интеллигенцию в официальных коммуникативных сферах.

В XVII в., в соответствии с наиболее распространенным мнением в русской стандартологии, начинается формирование национального литературного русского языка, которое окончательно было завершено в первой половине

518 XIX в. – этот процесс, был наиболее убедительно иллюстрирован в творчестве А. С. Пушкина (5, с. 148). В XVIII в. нарастает протест общества против механического копирования западноевропейской лексики, формируются пуристические течения, которые набирают силу особенно в 40-е гг. Важно отметить, что наступление пуристов направлено главным образом на западноевропейскую лексику, а не на заимствования из древних классических языков (в том числе из древнеболгарского), которые не подлежат пересмотру. Они воспринимаются как языки, которые обогащают русский язык и присутствуют в словаре по необходимости. С другой стороны, русские ученые, во главе с великим русским энциклопедистом и филологом М. В. Ломоносовым, считают использование международной научной терминологии необходимостью, т.к. европейская глобализация языка науки содействует научному общению. „Пуризм превращается в приоритет языковой политики на протяжении всей второй половины XVIII в. до начала XIX в. Позиции умеренного пуризма в борьбе с иноязычными излишествами занимают почти все известные писатели – В. Тредьяковский, А. Сумароков, М. Ломоносов, М. Чулков, В. Лукин, В. Майков, Н. Новиков, А. Радищев, Д. Фонвизин, И. Крылов, Г. Державин, Н. Карамзин” (5, с. 171).

В качестве образца в истории русского литературного языка в основных чертах послужил французский язык. Н. М. Карамзин напрямую руководствовался примером французских лингвистов: не диалекты, не язык народа, который являлся объектом сатиры, а узус русской аристократии призван стать основой русского литературного языка. Карамзин „формулирует и пропагандирует принцип приближения разговорной речи к уровню функций литературного языка, т.е. литература должна опираться на естественные нормы и употребления (*usus loquendi*), а не на искусственные книжные, т.е. церковнославянские нормы (*usus scribendi*)” (6, с. 94).

О том, что пуризм остается до конца XVIII в. господствующим направлением в русской языковой ситуации, свидетельствует характер отражения заимствований в первом нормативном словаре русского литературного языка – „Словаре Российской академии” (1789–1794). Этот словарь носит также название Словарь Дашковой – по имени близкой приятельницы Екатерины Великой – княгини Екатерины Дашковой, первой женщины-президента Российской академии наук (1783–1796). Основной задачей Академии являлось усовершенствование и возвеличение русского языка, путем составления русской грамматики и словаря. В параграфе 2 Устава Академии поставлена цель – изучение русского языка, очищение и обогащение русского слова (7, с. 85), а также составление правил⁶, которые „избавили бы от необходимости употребления иностранных слов и понятий вместо русских, более

⁶ Представляет интерес факт, что именно по предложению Дашковой в русскую азбуку вводится буква ё вместо сочетания букв io.

выразительных” (цит. по 7). Шеститомный словарь Российской академии не включает многие широко употребляемые иноязычные слова, т.к. в соответствии с оценкой составителей „Словаря русского языка XVIII века”, это противоречило пуристическим тенденциям эпохи (9, с. 5). Словарь практически законодательно закрепляет русский пуризм. За исключением небольшой части интеллигенции, которая придерживалась крайних форм пуризма, для русской языковой ситуации, в целом, крайний пуризм оказался непродуктивным. Таким образом, русский пуризм можно охарактеризовать как этнографический, но не эгалитарного типа, подобно сербскому и словацкому, а аристократического типа, т. к. он приближается к разговорной форме русского высшего общества.

Обзор обеих пуристических линий в рассмотренных языковых ситуациях хорошо иллюстрирует формы проявления пуризма. Болгарская языковая общность располагает неактуальной, но престижной отечественной книжной формой, и значительная часть книжников путем использования архаических форм пытается вернуться к классическому языку или утвердить его в качестве литературного – как это произошло, например, в Греции и Чехии, однако, без достижения подобных результатов. В болгарском случае отсутствуют разговорные формы аристократического типа (как, например, во Франции, Италии или России), но с другой стороны, поиск путей для создания литературного языка эгалитарного типа (как, например, в Сербии или в Словакии) нетипичен: выбран баланс между архаически-элитарным и разговорным. Были отвергнуты некоторые языковые инновации, в том числе артикли (членные формы), как результат иноязычного влияния (как, например, в Словении). Самыми заметными и обсуждаемыми в обществе стали конкретные проявления чистки на лексическом и грамматическом уровнях; в литературный язык не включались отдельные слова, формы и конструкции как продукт иноязычного влияния.

Наоборот, русская языковая общность располагает архаическими формами, которые, однако, оцениваются как инородные или ретроградные и отвергаются как неприсущие русскому языку и „ненародные”. Русский пуризм характеризуется гравитацией к разговорным формам аристократического типа. Самыми заметными и обсуждаемыми в обществе (поскольку они находились на поверхности) стали конкретные проявления чистки на лексическом и грамматическом уровнях. Чистке подвергались отдельные слова, формы и конструкции как продукт влияния чужого языка. Вместо них предлагались традиционные, колоквиальные средства, неологизмы, кальки, заимствования из родственных „приемлемых” языков, оцениваемых с положительным знаком.

Литература

1. Николова, Н. Пуризмът в епохата на Българското възрождане. Series Academica. 18. Шумен: Еп. Константин Преславски, 2016.
2. Thomas, G. Linguistic Purism. London: Longman, 1991.
3. Langer, N., W. V. Davies. An Introduction to linguistic purism. // In: Langer, N., W. V. Davies. Linguistic Purism in the Germanic languages. Berlin, New York: De Gruyter, 2005, p. 1–19.
4. Geers, M. A Comparative Study of Linguistic Purism in the History of England and Germany. // In: Langer, N., W. V. Davies. Linguistic Purism in the Germanic languages. Berlin, New York: De Gruyter, 2005, pp. 97–104.
5. Горшков, А. И. Теория и история русского литературного языка. Москва: Высшая школа, 1984.
6. История на новобългарския книжовен език. Отг. ред. Е. Георгиева, С. Жерев, В. Станков. София: БАН, 1989.
7. Куцаров, И. Увод в славянската филология. Първа част. София: Св. Климент Охридски, 1980.
8. Ганичева, М. Екатерина Романовна Дашкова. Женские образы России. – <<http://www.voskres.ru/school/ganitsheva.htm>> (последно отворен 12.02.2019).
9. Словарь русского языка XVIII века. Гл. ред. Сорокин, Ю. С. Ленинград: Наука, 1984, с. 4–7. – <<http://feb-web.ru/feb/sl18/sl/sl0/sl0-004-.htm?cmd=p>> (последно отворен 12.02.2019).

Nadka Nikolova Nikolova

Konstantin Preslavsky Shumen University

THE ROLE OF LANGUAGE PURISM FOR FORMING THE CONTEMPORARY BULGARIAN AND CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE

This paper is an analysis on the puristic aspect of the language situations in two Slavic countries in the period of forming their national literary languages – Bulgarian and Russian. The focus is on the type of puristic substitutions in the purist activity of this period which characterizes the purism as archaizing, ethnographic and elitist. Thus, Bulgarian purism can be described as archaizing, while Russian – as ethnographic.

Keywords: purism, Bulgarian language situation, Russian language situation, archaizing, ethnographic and elitist purism

Виртуальная языковая среда, реальная языковая среда и языковая личность

В статье говорится о влиянии языковой среды на формирование вторичной языковой личности изучающих русский язык как иностранный.

Ключевые слова: виртуальная языковая среда, реальная языковая среда, речеповеденческие тактики.

С давних пор ученые задавались вопросом, что является главным инструментом в освоении языка. На первых шагах ребенок осваивает язык на имитационном уровне, и основными источниками освоения языка являются его родители и ближайшие родственники. По мере взросления реципиента круг источников освоения языка расширяется: появляется школа, друзья, «авторитетные взрослые», лингвокультурное окружение. Все это образует языковую среду, которая является базой для формирования языковой личности.

Исследователи по-разному трактуют понятие «языковая личность». Современная лингводидактика представляет языковую личность как многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности. К необходимости изучения языковой личности как целостного феномена в последние годы приходят специалисты разных областей науки [И.А. Зимняя, Е.С. Кубрякова, В.В. Морковкин, Ю.Е. Прохоров, Ю.Н. Караулов, Г.И. Богин]. Это закономерно, поскольку глубокое исследование именно языковой личности как целостной системы координат формирует новое отношение и подходы изучения и описания самых различных объектов: семантики, стилистики, языка детей, устройства лексикона человека, антропного словаря и т. д.

Степень сформированности языковой личности определяется уровнем владения языком. Если первичная языковая личность формируется в естественных условиях и «впитывает с молоком матери» язык и культуру, не подвергая их сомнению, то в тезаурусе вторичной языковой личности этот процесс идет несколько иначе. Элементы вербально-семантического уровня, культурологический опыт накладываются на уже имеющиеся родные, идет ассимиляция, адаптация, компарация, преодоление межъязыковой интерференции. Таким образом, вслед за И.И.Халеевой, мы понимаем вторичную языковую личность как систему иноязычных лингвистических и социокультурных знаний, умений, готовностей к совершению речевых действий. Одним из определяющих факторов формирования языковой личности, на наш взгляд, является языковая среда.

В случае отсутствия языковой среды падает мотивация использования изучаемого языка, процесс освоения осложняется недостаточным количеством речевых образцов и социокультурных реалий. По этой причине без контакта реципиента с языковой средой, на наш взгляд, невозможно говорить о формировании полноценной вторичной языковой личности. В то время как в языковой среде формирование вторичной языковой личности отчасти подобно формированию первичной языковой личности носителей языка. К этим выводам мы пришли в ходе эмпирических наблюдений и опытного обучения.

В языковой среде у инофонов активизируется механизм имитации и самоконтроля. Кроме того, мы констатируем гипермотивацию к изучению языка. Под гипермотивацией мы понимаем симбиоз духовных и утилитарных потребностей. По мнению П.Я.Гальперина, в основе внутренней мотивации лежат духовные потребности, специфика которых состоит в том, что они обеспечивают познавательный интерес, творческое отношение к усваиваемым знаниям. По мнению А.Н.Щукина, внешняя мотивация зависит от окружающей среды, которая предлагает решения коммуникативных, образовательных и других задач; причем, качество и решение этих задач напрямую зависит от уровня владения языком. Такой симбиоз внутренней и внешней мотивации возможен только в условиях языковой среды.

Под языковой средой мы понимаем естественный, исторически конкретный лингвокультурный социум, представляющий собой сферу функционирования русского языка во всех его формах и разнообразии стилей и средств выражения [Орехова 2003: 54]. Мы оперируем термином реальная языковая среда, акцентируя внимание на том, что язык изучается не в отрыве, а внутри системы его функционирования, окружающей реципиента. Такое уточнение является необходимым для разграничения понятий реальная и виртуальная языковая среда.

В связи с интенсивным развитием электронных технологий в современном мире возросла роль виртуальной языковой среды. Она стала, с одной стороны, существенным компонентом реальной языковой среды, а с другой – самостоятельным инструментом формирования языковой личности. Это отдельное поле для исследования. Мы же в силу ограниченности во времени предполагаем остановиться на обучающем потенциале именно реальной языковой среды.

Мы выделяем шесть обучающих атрибутов языковой среды. Это естественный достоверный видеоряд, естественный достоверный аудиоряд, естественный речевой ситуативный ряд, насыщенный ряд фоновых знаний обучающая стихия язык. Отличие их от учебной наглядности состоит в полном соответствии с реальной картиной языка. Использование их в учебном процессе повышает мотивацию изучения языка снимает страх неуспеха коммуникативного акта.

Наличие объективных обучающих атрибутов предполагает методические приемы их использования в учебном процессе. В качестве таковых мы номинируем следующие: пошаговая система упражнений, адресованных на выполнение в языковую среду; антиципация ареалов приобретения фоновых знаний; создание школы дидактических менторов; методическое использование стихийных менторов; методическое управление стихией языка. Следует пояснить, что под дидактическими менторами мы понимаем коммуникаторов, носителей русского языка специально подготовленных преподавателем общению с инофонами. Стихийные же менторы – это люди, которые волею судеб оказались в коммуникационном поле иностранного реципиента.

Кроме того, многолетние наблюдения и эксперименты привели нас к убеждению, что в период погружения в языковую среду изучаемого языка и в процессе формирования вторичной языковой личности обучаемыми эксплицируются одинаковые рече-поведенческие тактики: лингво-культурный шок, лингво-культурная индифферентность и лингво-культурная эйфория. При первой тактике реципиент находится в подавленном состоянии и явно недооценивает свои возможности, при второй тактике он ко всему привык и потерян эффект новизны, а при третьей, как правило, переоценивает свои компетенции. Протяженность действия каждой тактики зависит от многих субъективных и объективных причин: срока пребывания в языковой среде, национальной ментальности, психотипа группы, наконец от географического положения родной страны. Каждая тактика требует купирования, проработки, формулировки целевых установок. Это отдельная тема для исследования, которое мы провели и описали в своих публикациях.

Таким образом, наш взгляд в период обучения в языковой среде прослеживается система формирования вторичной языковой личности. Ее особая ценность состоит в том, что именно в среде функционирования изучаемого языка разрыв между первичной и вторичной языковой личностью значительно сокращается. Система распадается на следующие компоненты: обучающие объективные атрибуты языковой среды, методические приемы управления языковой средой, обучающая стихия языка, насыщенный ряд фоновых знаний, а также механизм имитации, самоконтроля, объективной оценки знаний.

Методически целесообразное использование этой системы в итоге значительно расширяет лингво-культурную компетенцию обучаемых, что равноценно развитию языковой личности, а также повышает мотивацию изучения языка и значительно ускоряет процесс его изучения.

Литература

1. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. – Л., 1984.

2. Богомолов А.Н. Виртуальная среда обучения русскому языку как иностранному: лингвокультурологический аспект: Монография. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 320 с.
3. Взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности / Григорьева В.П., Зимняя И.А., Мерзлякова В.А. и др. – М.: Рус. яз., 1985. – 116 с.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
5. Клобукова Л. П. Лингвометодические основы обучения иностранных студентов-нефилологов гуманитарных факультетов речевому общению на профессиональные темы : автореф. дис. ... докт. пед. наук/ Л. П. Клобукова ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1995. – 45 с.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — Рос. академия наук. Ин-т языкознания. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
7. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. РКИ /Ю. Е. Прохоров – Москва : Гос.ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2003.– 266 с.

Orekhova I.A.

Pushkin State Institute of Russian Language

**THE INFLUENCE OF LANGUAGE ENVIRONMENT ON THE
SECOND LANGUAGE PERSONALITY**

The article depicts the influence of language environment on the second language personality.

Keywords: language environment, language personality

Лингвострановедческий потенциал образа Золотого кольца и его использование в практике преподавания РКИ

В статье рассматривается лингвострановедческий потенциал Золотого кольца как одного из основополагающих культурных концептов России, знакомство с которым необходимо иностранным обучающимся для формирования у них межкультурной компетенции. В статье приводятся типы и непосредственные примеры заданий, способствующих наиболее эффективному усвоению лингвострановедческой информации о Золотом кольце России.

Ключевые слова: Золотое кольцо, лингвокультурология, межкультурная компетенция, русский язык как иностранный.

Золотое кольцо России – очень популярный среди иностранцев туристический маршрут. Его города ежегодно посещают около 18 млн туристов [2]. Можно сказать, что он является одним из символов России, привлекающим в нашу страну путешественников со всего мира.

Интерес иностранных туристов к Золотому кольцу позволяет рассматривать этот маршрут как достаточно актуальную тему для изучения на занятиях по РКИ. С одной стороны, близость городов Золотого кольца к Москве, столице, куда часто в первую очередь стремятся приехать иностранцы и где многие из них проходят обучение, делает этот маршрут одним из самых удобных для туризма. В связи с этим иностранные обучающиеся, работая с материалами по Золотому кольцу, будут иметь повышенную мотивацию. Для них задания, связанные с Золотым кольцом, станут не только способом развития языковых навыков, но и источником полезной информации о возможном направлении для путешествия. С другой стороны, культурологические знания о городах Золотого кольца важны для формирования у иностранных обучающихся межкультурной компетенции. Населенные пункты, вошедшие в Золотое кольцо, известны каждому россиянину, поэтому обладание базовыми знаниями о них необходимо для предотвращения возможных коммуникативных неудач.

Наиболее удобным способом подачи информации о Золотом кольце России на уроках РКИ представляется лингвострановедческое изучение связанных с этим маршрутом слов и понятий. Термин «лингвострановедение» был предложен Е.

526 | М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым в 70-х гг. XX в. Под ним исследователи предложили понимать «аспект преподавания русского языка иностранцам, в котором с целью обеспечения коммуникативности обучения и для решения общеобразовательных и гуманистических задач лингводидактически реализуется кумулятивная функция языка и проводится аккультурация адресата, причем методика преподавания имеет филологическую природу» [1, с. 37].

Лингвострановедческий подход к обучению РКИ строится на ознакомлении иностранных студентов со словами и именами, обладающими широким лексическим фоном. Касательно Золотого кольца России такими словами и понятиями являются собственно название маршрута, наименования городов, входящих в него (Сергиев Посад, Переславль-Залесский, Ростов Великий, Ярославль, Кострома, Иваново, Суздаль, Владимир), имена основателей этих городов и важных для их истории личностей (Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Сергей Радонежский, Иона Сысоевич и др.), названия промыслов (ростовская финифть, ивановский текстиль, палех, владимирская гладь и др.), символов и достопримечательностей городов (медведь, Ростовский кремль, Троице-Сергиева лавра, расписанный Андреем Рублевым Успенский собор во Владимире и др.) и многие другие подобные лексемы.

Первичное знакомство с Золотым кольцом на уроках РКИ подготавливает у иностранных обучающихся почву для дальнейшего расширения знаний о нем на экскурсиях. Более того, экскурсии по Золотому кольцу и отдельным его городам могут быть использованы как одно из методических средств для закрепления полученной информации.

Рассмотрение лингвострановедческой информации, связанной с Золотым кольцом, можно связать с подготовкой экскурсии либо по всем, либо по отдельным городам, входящим в данный культурно-исторический маршрут. Смурова Т.В. предлагает начинать подготовку к учебной экскурсии со вступительной беседы, которая «должна сосредоточить внимание учащихся на смысловом содержании, дать установку на восприятие определенного материала. Рассказ преподавателя о будущей экскурсии сопровождается показом фотографий, видеосюжетов, но не всех, а лишь нескольких, ключевых. Они помогают учащимся войти в предлагаемую тему, создают психологический настрой» [3, с. 103]. На наш взгляд, на начальном этапе целесообразно также представить для самостоятельного поиска по словарю с последующим заучиванием ряд ключевых слов, знание которых поможет обучающимся воспринимать тексты лингвострановедческой тематики, связанные с Золотым кольцом России. Например, для усвоения обзорного материала, связанного с историей Золотого кольца, можно предложить обучающимся найти в словаре и выучить значения следующих слов: маршрут, промысел, очерк, колокольня, купол, устойчивое выражение визитная карточка (в значении 'характерная, узнаваемая черта чего-либо'); при обращении к теме «Ярославль» можно предложить для изучения

и запоминания слова: поселение, разбойник, мирный, рыцарь, купец, устойчивое выражение медвежий угол; при обращении к теме «Ростов Великий»: ремесло, митрополит, башня, священник, поп, перезвон, кремль, шкатулка.

Следующим этапом подготовки экскурсии является работа с текстами. Тексты могут быть предложены для прослушивания в аудитории или для самостоятельного чтения дома. Они являются как источником страноведческой информации по теме, так и основой для лексико-грамматической работы, предваряющей высказывание учащихся. Тексты должны быть информативными, связанными с темой, насыщенными определенным лексико-грамматическим материалом, а также доступными и обладать небольшим объемом (не более пятисот слов). Они могут содержать «знакомые синтаксические конструкции, наполненные новой лексикой, или, наоборот, знакомую лексику, включенную в новые синтаксические конструкции» (см. подробнее [там же]). Предложим несколько примеров текстов, посвященных разным темам, связанным с «Золотым кольцом»:

Текст 1. Золотое кольцо России

Россия богата красивыми и интересными городами. Москва, Санкт-Петербург, Сочи, Казань, Калининград... В каждом из этих городов есть что посмотреть. Но ни один из них не расскажет об истории и культуре страны так много, как туристический маршрут Золотое кольцо России.

Золотое кольцо объединяет восемь городов, расположенных северо-восточнее Москвы, – Сергиев Посад, Переславль-Залесский, Ростов Великий, Ярославль, Кострому, Иваново, Суздаль и Владимир. Путешествие по ним всего за несколько дней знакомит туристов с древнерусской архитектурой, народными промыслами и удивительной природой центральной России.

Название и сам маршрут Золотого кольца придумал советский искусствовед Юрий Бычков. В 1967-м году он написал несколько очерков о своем путешествии по восьми старинным русским городам. Общим названием для очерков стало словосочетание «Золотое кольцо». Идея назвать кольцевой маршрут золотым пришла к Юрию Бычкову во время прогулки по Москве. Он шел мимо колокольни Ивана Великого и увидел ее золотые купола. Тогда Бычков понял, что прилагательное золотое очень хорошо подходит для описания кольца городов, в которых он побывал.

Сегодня Золотое кольцо России – один из самых популярных маршрутов для путешественников. Его можно назвать визитной карточкой России. Туристические фирмы организуют разные варианты путешествий по этому маршруту. Например, некоторые компании предлагают поездки по Большому и Малому Золотым кольцам. Малым Золотым кольцом называют маршрут, который придумал Бычков, а в Большое Золотое кольцо вместе с восьмью основными городами входят Александров, Гусь-Хрустальный, Муром, Мышкин, Палех, Рыбинск, Углич и многие другие города.

Текст 2. Город Ярославль

Маршрут Золотого кольца проходит через один из самых древних русских городов – через город Ярославль. Он был основан в 1010 году князем Ярославом Мудрым на месте поселения Медвежий угол. По легенде, жители Медвежьего угла были разбойниками. Князь предложил им стать мирными людьми и принять христианство, но они отказались. Разбойники разозлились на Ярослава и выпустили на него медведя. Князь победил страшного зверя и приказал построить на месте Медвежьего угла Ярославль – город Ярослава.

Имя князя дало городу название, а медведь стал его символом. Медведи в Ярославле повсюду! В центре города туристов встречает рычащий памятник косолапому, а в Ярославском музее-заповеднике живет медведица Маша. В музее «Мой любимый мишка» можно посмотреть на коллекцию игрушечных и сувенирных медведей. Хозяева музея даже разрешают брать экспонаты в руки и фотографироваться с ними. На улицах города стоят скульптуры, изображающие самых разных медведей: медведя с герба Ярославля, медведя-рыбака и даже медведя-нефтяника.

Ярославль называют столицей Золотого кольца. Город заслужил это своей удивительной архитектурой. Многие здания Ярославля входят в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. Это и Спасо-Преображенский монастырь, и Городской театр имени Волкова, и Церковь Святого Ильи Пророка. Под охраной ЮНЕСКО находится весь исторический центр города.

Еще одно название Ярославля – русская Флоренция. В прошлом этот город был важной торговой точкой. Он находился на пути от главного портового города России Архангельска к Москве. Ярославские купцы и торговцы были известными и богатыми, и многие из них становились меценатами: строили школы, больницы и отдавали деньги на развитие наук и искусств.

Историческое прошлое и яркое настоящее Ярославля привлекают туристов со всего мира. В этом городе есть что посмотреть любому: активные туристы смогут погулять и изучить городскую архитектуру, а ценители спокойного отдыха на природе – посетить ярославские парки.

Текст 3. Ростов Великий

На берегу таинственного озера Неро находится город Ростов Великий. Эпитет Великий он получил еще в древние времена, когда был одним из крупнейших городов Древней Руси. Свое богатство – прекрасную архитектуру и ремесленные традиции – Ростов Великий сохранил до сегодняшнего дня.

Главная достопримечательность Ростова Великого – Ростовский кремль. Он был построен в семнадцатом веке по плану митрополита Ионы Сысоевича. Митрополит хотел, чтобы кремль был похож на рай – дивный сад и пруд внутри кольца белых стен и башен. В центре Ростовского кремля должен был стоять Успенский собор, построенный еще в начале шестнадцатого века. Сейчас внутри Ростовского кремля находятся семнадцать архитектурных

памятников, а сам он имеет одиннадцать башен. Его здания можно увидеть в известном советском фильме «Иван Васильевич меняет профессию», а перезвон ростовских колоколов звучит в экранизациях «Войны и мира», «Братьев Карамазовых» и «Петра Первого».

Ростов Великий знаменит своими мастерами финифти. Финифть – это роспись по эмали, тонкому прозрачному покрытию металла. Этот промысел появился в Ростове в восемнадцатом веке. Финифтью украшают серьги, кольца, посуду, иконы, шкатулки и многое другое. Произведения ростовских мастеров хранятся в Музее финифти, который входит в состав Ростовского музея-заповедника.

С Ростовом Великим связан знаменитый герой русского фольклора Алеша Попович, младший из трех самых известных русских богатырей. Он родился в семье ростовского священника. Отчество Алеши – Попович – означает, что он был сыном попа. Главные черты Алеши – ловкость и сообразительность. О нем и его подвигах можно узнать из былин «Алеша Попович и Тугарин Змеевич» и «Алеша Попович едет в Киев».

После самостоятельного изучения текстов, посвященных Золотому кольцу, целесообразными методами закрепления знания является выполнение послетекстовых заданий, целью которых является проверка понимания текста, стимулируется его понимание в реальном процессе коммуникации, активизируется текстовый материал. Смурова Т.В. предлагает распределение послетекстовых заданий по следующим типам: описательные; вопросно-ответные; ситуативно-проблемные; беседы-дискуссии (см. подробнее [там же, 104]).

В качестве описательных послетекстовых заданий, посвященных Золотому кольцу России, можно предложить описать архитектурные памятники Золотого кольца (церковь Ильи Пророка в Ярославле, здания, составляющие ансамбль Ростовского кремля). Традиционные задания по описанию исторических достопримечательностей городов Золотого кольца можно предварить предложением описать панораму этих городов, открывающихся при первом к ним приближении (предложить в группе и поодиночке продолжить фразы типа «Когда я подъезжаю к Ярославлю, я вижу... / Когда я подъезжаю к Ростову я вижу...» и т. д.).

В качестве вопросно-ответных послетекстовых заданий можно предложить традиционные вопросы, активизирующие знания об основных достопримечательностях городов Золотого кольца и истории формирования этого культурно-исторического маршрута: «Что такое Золотое кольцо России?»; «Какие города входят в Золотое кольцо России?»; «Кем был Юрий Бычков?»; «Как появилось название маршрута?»; «Чем отличается Большое Золотое кольцо России от Малого?»; «Кем и когда был основан город Ярославль?»; «Что такое Медвежий угол?»; «Как медведь стал символом Ярославля?»; «Какие архитектурные памятники есть в Ярославле?»

В качестве ситаутивно-проблемных послетекстовых заданий к традиционной ситуации «Представьте, что вы ведете экскурсию по Ярославлю / Ростову...» можно присоединить более острое и проблемное послетекстовое задание «Представьте, что вы заблудились в Ярославле / Ростове...», предполагающее работу по карте того или иного города Золотого кольца с активизацией пространственных предлогов и различных глаголов движения.

В качестве беседы-дискуссии по городам Золотого кольца можно предложить для обсуждения темы «Почему Ярославль называли «русской Флоренцией»?», «Почему в Золотое кольцо не может войти Санкт-Петербург?» и т.д.

На наш взгляд, при усвоении лексического материала следует больше внимания уделять методам и приемам семантизации (см. подробнее [4, с. 167–168]), в частности, таким методам как развернутое толкование лексического материала на русском языке и использование лексем и фразеологизмов в контексте (второй метод наиболее эффективен при изучении фразеологизмов, поскольку он учит отличать фразеологизмы от свободных словосочетаний).

Метод развернутого толкования лексического материала может реализовываться в виде вопросов, позволяющих обучающимся истолковывать непонятные им слова и выражения: «Что такое купол?»; «Что такое колокольня?»; «Кто такой поп?» и т.д. В качестве способа, позволяющего активизировать изучаемый лексический материал, можно предложить обратный метод подбора слов к дефинициям, также реализующийся в вопросно-ответной форме: «Как называется древний рассказ об историческом событии?»; «Как называется музей под открытым небом, в который входят здания и природа вокруг них?»; «Как одним словом можно назвать древние времена; то, что было до настоящего?»; «Как назвать богатого человека, который поддерживает ученых, актеров и художников?».

Метод использования слов и фразеологизмов в контексте при изучении фразеологизмов позволяет научить их отличать от омонимичных свободных словосочетаний. В качестве примера можно предложить задание по определению и составлению предложений со словосочетаниями, включающими слово золотой: золотой зуб, золотые руки, золотой человек, золотая монета, золотой возраст, золотое кольцо, Золотое кольцо.

Эффективными могут быть также задания, сочетающие методы использования слов и фразеологизмов в контексте с методом развернутого толкования лексического материала. В качестве примера приведем следующее развернутое толкование выражения бить баклуши, позволяющее попутно активизировать ряд новых глаголов:

Недалеко от Ростова Великого есть поселок Семибратово. В этом поселке можно _____ (заглянуть) в очень интересный музей – Музей баклуши. Он _____ (предлагать) своим посетителям посмотреть на коллекцию деревянных ложек и познакомиться с процессом их изготовления. Но как

связаны с деревянными ложками баклуши? Все просто: раньше это слово _____ (обозначать) кусочки расколотого полена, из которых потом _____ (делать) ложки.

В русском языке _____ (сохраниться) выражение бить баклуши. Сейчас оно _____ (иметь) значение бездельничать. Почему же это выражение приобрело такое значение? _____ (считаться), что бить баклуши – очень простая работа. С таким делом мог справиться кто угодно. Поэтому выражение бить баклуши сначала _____ (обозначать) несложную работу, а потом и вовсе _____ (стать) называть безделье.

Закрепить лингвострановедческий материал целесообразнее всего в виде теста (в том числе – и с использованием ошибочных ответов), в качестве примера которого можно привести следующий тест:

- Город Ростов получил эпитет Великий, потому что был столицей Древней Руси.
- Успенский собор внутри Ростовского кремля был построен по заказу Ионы Сысоевича.
- В Ростовском кремле снимались сцены из фильмов «Иван Васильевич меняет профессию», «Война и мир», «Братья Карамазовы» и «Петр Первый».
- Ростовской финифтью украшают деревянные изделия.
- Родина Алеши Поповича – Ростов.

Таким образом, освоение лингвострановедческого материала предполагает комплексное использование различных методов. Оно должно быть направлено на формирование у обучающихся глубоких и устойчивых знаний по культуре и истории страны изучаемого языка с обязательным привлечением и активизацией нового лексического и фразеологического материала.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1990. – 246 с.
2. Ежегодно города «Золотого кольца» принимают около 18 млн туристов. М., 2017 // Инфогруппа «ТУРПРОМ.ru». – URL: <https://www.tourprom.ru/news/35793/> (дата обращения: 20.02.2019)
3. Смурова Т.В. Некоторые методические приемы формирования коммуникативной компетенции у учащихся в процессе преподавания русского языка как иностранного // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – М.: Научно-информационный издательский центр и редакция журнала "Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук", 2018. – С. 102–106.
4. Тельпов Р.Е., Нгуен Х.Ж. Приемы преподавания фразеологизмов во вьетнамской аудитории (на материале фразеологизмов тематической группы

532 | «Ум-глупость») // Образование и наука: современные тренды: коллективная монография / гл. ред. О.Н. Широков. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2018. – С. 167–175.

Telpov R. E., Ostryakova A. G.

Pushkin State Russian Language Institute

**LINGUOCULTURAL POTENTIAL OF THE IMAGE OF THE
GOLDEN RING AND ITS USE IN THE PRACTICE OF TEACHING
RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

The article deals with the linguistic and cultural potential of the Golden Ring as one of the fundamental cultural concepts of Russia, which is necessary for foreign students to form their intercultural competence. The article presents the types and direct examples of tasks that contribute to the most effective assimilation of linguistic and cultural information about the Golden Ring of Russia.

Keywords: Golden Ring, linguoculturology, intercultural competence, Russian as a foreign language.

Наглядность в преподавании православной культуры

Статья посвящена вопросам отбора наглядного материала для уроков православной культуры.

Ключевые слова: преподавание православной культуры, наглядность.

Наглядность в преподавании православной культуры – неотъемлемая сторона общего развития методической базы православной педагогики.

Многие учителя жалуются на то, что не имеют на руках необходимых наглядных пособий, им нечего показать на интерактивной доске во время урока православной культуры. Они вынуждены искать образцы в интернете самостоятельно. Что касается учебников, то большинство из них в иллюстративной части имеют серьезные эстетические проблемы. Очень часто иллюстрации не соответствуют классическим потребностям стиля учебника или не связаны с текстами, лишены семантической нагрузки. Между тем успешность и качество уроков православной культуры во многом зависит от подачи материала, не только от его доступности, но и наглядности.

С одной стороны, преподаватель не должен находиться в полной зависимости от мультимедийных технологий и компьютерных презентаций. Не каждая тема православия нуждается в большом количестве иллюстраций, и многие уроки можно проводить с выключенным компьютером. Наглядность урока православной культуры не ограничивается использованием интерактивной доски. Можно, как и раньше, до появления проекторов, приносить в класс репродукции и предметы, связанные с темой, например, иконописи: современную написанную икону небольшого размера, баночки с краской, инструменты иконописания, чтобы дети подержали их в руках, передали по рядам. Но всемирно известное произведение нельзя дать в руки школьникам и пустить по рядам, и поэтому мы используем экран проектора.

Каждый урок православной культуры снабжать видеороликами недопустимо. Медиа-виртуальные материалы не должны вытеснять собственно педагогику. Когда мы включаем наглядный видеоролик с голосом за кадром, который, как нам кажется, лучше нас объяснит тему урока, мы отдаем нашу детскую аудиторию в чужие руки.

Школьника сегодня не удивить видеороликом. Но на уроках православной культуры этого делать порой и не нужно. В преподавании православной

534 | культуры вовсе не обязательно следовать голливудским стандартам медийной подачи материала. Характер нашей работы иной, и подача православного учебного материала требует созерцательности, вдумчивости, неспешности, культуры речи и грамотности самого педагога. Без этого никакие инновационные интерактивные технологии не помогут. Отказ от традиционного типа урока-беседы станет постепенным упрощением и приведет к деградации методики преподавания православной культуры. Нужно не забывать традиционные методы и приемы обучения.

На уроках православной культуры лучше всего применять репродукции картин, гравюр, книжных миниатюр, фотографии реликвий, святынь, географические карты, портреты исторических деятелей, фотографии интерьеров храмов. Эти фотографии должны в свою очередь быть максимально выразительными, заранее отредактированными так, чтобы все в них было хорошо видно. Произведение искусства дает нам возможность, рассматривая его, погружаться в нужную тему, помогает лучшему раскрытию темы и лучшему взаимопониманию с учениками.

В курсе православной культуры есть темы, в которых необходимо показать изображения. На основании схожести главных тем значительной части разных учебных пособий сегодня вполне возможно и даже необходимо создание универсального наглядного цифрового пособия. Это цифровое наглядное пособие на много порядков обогатит наши уроки православия, улучшит запоминаемость тем и фактов. Темами православной культуры, крайне нуждающимися в ясных и четких наглядных пособиях являются ниже перечисленные:

1. Первые храмы. Римские катакомбы. Невозможно говорить о них и не показывать их. Эта тема интересна школьникам, они всматриваются в подземные лабиринты римских катакомб, видят там замечательные христианские фрески, подписанные гробницы великих мучеников. Это все очень запоминается и мыслью приближает нас к далекой эпохе ранних мучеников.

2. Византийские базилики. Крестово-купольные храмы.

Эти темы обязательно должны быть иллюстрированы фотографиями ранних христианских храмов, схемами и художественными реконструкциями несохранившихся храмов. И здесь наглядные пособия помогают понять детям, как зарождалась церковная архитектура, а также осознать простую логику движения архитектурной мысли.

3. Храм Святой Софии в Константинополе как образ наивысшей точки развития и красоты византийского искусства. Весь урок школьники могут записывать основные сведения об этом великом творении и рассматривать красоты храма, каменную резьбу капителей, мрамора, смальты и золотые мозаики апсид. Этот урок должен быть особенно наглядным. Как можно говорить о красоте христианской архитектуры, если в учебном пособии

школьники видят репродукцию интерьера огромного храма, напечатанную размером со спичечный коробок! Когда школьники увидят проецируемые во всю стену класса интерьеры византийского чуда архитектуры, то им легче будет понять знаменитые слова послов святого князя Владимира.

4. Архитектура Киевской Руси. Сегодня имеются реконструкции, планы и схемы Десятинной церкви и Софии Киевской, которые позволяют даже школьнику проследить связь архитектурных элементов этих ранних храмов Руси и их схожесть с Софией Константинопольской. В этих фотографиях школьник может ясно и четко рассмотреть тип древнеримской кладки плинфяных кирпичей.

5. Архитектура Великого Новгорода. В этом городе сохранилось больше всего древнерусских церквей, и знакомство с храмами Великого Новгорода с неповторимой и интересной историей каждого из них может стать запоминающейся увлекательной экскурсией для школьника.

6. Храмы Московского Кремля. Тема сложная даже для взрослого, многие путают названия храмов ансамбля. Но школьники участвуют в олимпиадах, где встречаются вопросы о храмах Кремля, колокольне Ивана Великого, дате постройки Успенского собора. А как школьники могут подготовиться к участию в олимпиадах, когда на уроках православной культуры они не видят храмы Московского Кремля, а для подготовки им дают распечатки интернет ссылок, по которым они якобы могут почитать нужные статьи. Чтобы дети не путали Архангельский собор с Благовещенским и Успенским, им просто необходимо рассмотреть в хорошем качестве фотографии этих храмов с разных сторон, разглядеть особенности их архитектуры, детали фасадов, формы куполов.

7. Храм Христа Спасителя – важнейший урок. История создания и гибели храма отражает сложные процессы и перемены в культуре и жизни русского народа. Эта тема помогает школьнику лучше понять трагизм исторических событий отечественной истории и церкви первой половины двадцатого века.

Кроме того, к темам, требующим при их изучении использования подробных наглядных пособий, относятся:

8. Христианские Таинства.

9. Православные праздники.

10. Апостолы, мученики, святители, преподобные.

11. Деревянное зодчество, книги и миниатюры, лицевое шитье и утварь.

12. Традиции иконописи.

Все представленные темы нуждаются в достаточном объеме качественных иллюстраций. Отбор иллюстраций должен совершаться по критериям действительно высоких эстетических качеств. Это должны быть шедевры мировой художественной культуры. Иначе говоря, принципом отбора иллюстраций должен быть принцип классичности.

Но если с наглядностью при рассказе о храмах все довольно просто, то особенную сложность представляет наглядное сопровождение библейских уроков. Сюжеты библейской истории нашли отражение во всех областях мирового и церковного искусства: живописи, скульптуре, иконописи, и все лучшие произведения помогут нам на уроках выявить прочные культурологические взаимосвязи искусства и библейской истории.

Особого внимания требует вопрос демонстрации икон в ходе изучения православной культуры. Отношение к иконам, когда их проецируют на интерактивную доску должно оставаться благоговейным. Нужны большая осторожность и чуткость при подборе рядом стоящих слайдов, чтобы не создать отношения к иконе как всего лишь к иллюстрации. Икона — это святыня, которая символическим языком отражает опыт церковной мысли, веры и молитвы. Поэтому при рассказе о библейской истории, если нам нужно просто проиллюстрировать этот рассказ соответствующими образами, лучше начинать с гравюр, картин, причем так, чтобы в качестве иллюстраций использовалась в первую очередь высокоэстетичная религиозная реалистическая живопись русская или западная. Отбор этих картин должен осуществляться очень тщательно, с пониманием вкуса и духа произведения, важно понимать, благочестива ли та или иная интерпретация сюжета. И после показа картин гравюр, фотографий, реликвий и карт местности как завершение формирования образа евангельского события можно благоговейно показать икону, на которой данное событие изображено уже каноническим иконографическим языком церковного искусства. Такая рядоположенность будет логичной и правильной.

Среднее количество слайдов для одного урока должно быть от 25 до 30. Слайдов, показанных за один урок, не должно быть 50: это очень много для одного урока. Но, как показывает практика, если тема урока единая, например, интерьер Храма Христа Спасителя, то в единой теме можно показать слайдов все-таки больше, даже 45, потому что речь идет о едином пространстве. Когда же речь идет о нескольких храмах, нескольких смысловых блоках, то показ больше 45 слайдов превысит допустимую меру.

И все-таки нужно всегда помнить, что при всей важности наглядных материалов, главная наша работа проходит не в визуальной сфере. Главная наша работа состоит в системном, грамотном словесном преподнесении адаптированных тем с записями в тетрадях дат, имен, определений, краткого описания исторических событий и явлений православной культуры.

Литература

1. Горшкова С.Е., Бабушкина Т.В., Иванов П.С., Гурин А.Б. Православные святыни Тверской земли: Методические рекомендации: учебное пособие для общеобразовательных учреждений: в 3 ч. — М.: «Русское слово». — 2012. — 152 с.

2. Дивногорцева С.Ю. Теоретическая педагогика учебное пособие. М. – 2004. – 195 с.
3. Закон Божий для семьи и школы со многими иллюстрациями / составитель прот. Серафим Слободской. Издание четвертое. – Нижний Новгород. – 2002.
4. Золотов В. 54 картины из Священной истории Ветхого Завета. Репринтное издание. – М. – 1990. – 58 с.
5. Колпакова Г.С. Искусство Византии. Поздний период. – М.: Азбука, 2004. – 320 с.
6. Колпакова Г.С. Искусство Византии. Ранний и средний периоды. – М.: Азбука, 2005. – 528 с.
7. Колпакова Г.С. Искусство Древней Руси: Домонгольский период. – М.: Азбука, 2007. – 600 с.
8. Борытко Н.М. Моложавенко А.В. Соловцова И.А. Методология и методы психолого-педагогических исследований» – М.: «Академия». – 2007. – 320 с.
9. Мутер Р. Всеобщая история живописи. – М.: Эксмо, 2009. – 960с.
10. Яковлева Н.А. Русское иконописание. Благодатный образ на Руси и в России – М. – 2004. – 478 с.

Hieromonk Paisiy (Novozhenov)

The Staritsa Holy Dormition Monastery

The monastic children's spiritual and educational center "Obraz"

VISIBILITY IN THE TEACHING OF ORTHODOX CULTURE

The article is devoted to the selection of visual material for the lessons of Orthodox culture.

Keywords: teaching of orthodox culture, visualization.

Вербальные и визуальные средства межкультурной коммуникации: русское изобразительное искусство как инструмент обучения профессиональному языку иностранных студентов-медиков

В статье рассматриваются способы использования материалов по страноведению как средства обучения профессиональной речи иностранных студентов-медиков.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, страноведение, лингвокультурологическая адаптация, межкультурная адаптация, живопись, русские художники, портрет, научный стиль речи, язык медицины.

Как известно, одним из актуальных направлений в современной системе Российского образования является смена знаниевой парадигмы на культуросообразную. В этой связи в педагогическом сообществе обсуждаются кризисные моменты, связанные с аксиологическими основами образования, проблемами «включения» в культуру обучающихся – всем тем, что окажет поддержку, положительное влияние на утверждение человека в мире посредством реализации природных, социальных и духовных сил. Особенно актуальны эти рассуждения в контексте обучения русскому языку как иностранному.

Многие ученые продолжают идеи философа В.С. Библера о «человеке культуры», отказывающегося от присвоения готовых истин, свободного и самоопределяющегося. «Человек культуры» не «мыслит в единственной парадигме» [3, с. 291], он способен выйти за пределы готовых ответов на вопросы бытия, он ищет собственные, личностные решения в диалоге с уникальными культурными собеседниками. «XX век выявил необходимость общения уникальных, несводимых, но диалогически обращенных друг к другу культур, – каждая из которых всеобща и бесконечно богата потенциальными смыслами, – античная, средневековая, нововременная, современная культуры, культуры Запада и Востока» [2, с. 37].

Знакомясь с художественным наследием русского народа в процессе изучения РКИ, обучающиеся погружаются в мир символов и смыслов, накопленных в искусстве и культуре на протяжении всего исторического развития

и передаваемых различными вербальными и невербальными средствами. Таким образом осуществляется лингвокультурологическая, межкультурная адаптация, которая, наравне с активным приспособлением индивида к формам социокультурной организации, является процессом «освоения «чужой» культуры, присвоения инокультурным субъектом новой для себя системы релевантных сведений» [9, с. 14].

В процессе лингвокультурологической коммуникации видение мира возникает «сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности», осуществляется диалог.

Для выдающегося ученого-философа М.М. Бахтина, быть – «значит, общаться диалогически» [1, с. 294].

Согласно М.М. Бахтину, диалог в своем универсальном философском значении может быть понят как формат познания и существования, в котором постигается человек и его бытие.

Диалог разных культур, видов искусства и даже таких, казалось бы, несовместимых отраслей знания, как медицина и живопись, содержит определенный образовательный потенциал для иностранных студентов, обучающихся русскому языку, в особенности, студентов-медиков. Живописный материал может выступать как основа для разработки методических средств, направленных на закрепление навыка владения профессиональной лексикой научного стиля и умения вести диалог врача с больным.

Известно, что наглядность – один из основополагающих педагогических принципов. При этом в настоящее время зрительная информация наиболее доступна для межэтнического понимания посредством Интернета, вместе с тем привычна и интересна для поколений, сформировавшихся в цифровую эпоху. Более того, характеризуя социокультурную среду, в которой живет человек начала XXI века, психологи определяют ее именно как зрительно ориентированную [6, с. 27].

Но вместе с тем существует также «культурное зрение» – деятельность, «опосредованная одновременно как физиологическими и оптическими законами, так и процессами рецепции, обогащенными культурной компетенцией субъекта и коннотациями его социального опыта» [11, с. 61].

Знание культурных кодов в вербальных и невербальных текстах становится условием взаимопонимания. «Чем больше я понимаю нечто, скажем, иную культуру (трагедию Эсхила; „Гамлета“ Шекспира; „Блудного сына“ Рембрандта; „Критику чистого разума“ Канта), тем более я выявляю, что мне непонятно, но насущно, предельно необходимо для моего бытия, для моей духовной определенности» [4].

Русское живописное искусство является одной из доминант национальной культуры. Поэтому в рамках лингвострановедения иностранные студенты Волгоградского государственного медицинского университета изучают наравне

540 | с другими материалами по страноведению тему «Третьяковская галерея». Они знакомятся с одним из крупнейших художественных музеев мира. Целью изучения является формирование первичных знаний о русских живописцах, И.Е. Репине, В.И. Сурикове, В.М. Васнецове, В.А. Серове, К.П. Брюллове и т.д., и их самых известных работах. Однако использовать художественные визуальные тексты, которые представляют студентам-иностранцам шедевры Третьяковской галереи, основные сюжеты и образы, лежащие в основе картин, можно с практической для будущих медиков целью – освоения профессиональной речи врача, ведь «наиболее эффективно адаптируются к языку другого народа те, кто овладевает им в контексте других знаний, предпочтительно профессиональных» [13, с. 89].

С одной стороны, студенты изучают известные примеры русского живописного искусства, составляющие культурный код страны, с другой – совершенствуют качество ведения профессионального диалога врача, в компетенцию которого входит «не только владение знаниями, умениями и навыками, необходимыми для осуществления практической деятельности, но и уровень речевой культуры» [12, с. 408].

Интересно заметить, что, по утверждению Леонида Ивановича Дворецкого, московского врача-терапевта, профессора Первого МГМУ им. И.М. Сеченова, медицина и изобразительное искусство тесно переплетены в истории человечества. «Исторически медицина и живопись оказались связаны с незапамятных времен. Изображения врача появляются уже в наскальной живописи эпохи палеолита, хотя это были не врачи в их современном образе, а скорее целители с функциями жрецов, осуществлявших ритуалы с неоднозначными лечебными эффектами» [8, с. 7]. «Не случайно, а скорее символично, что первым медиком и живописцем был святой апостол и евангелист Лука, запечатленный Эль Греко» [8, с. 8].

У живописи есть уникальная возможность, связанная с отражением не только художественного видения личности изображаемого человека, его душевного состояния, но также с запечатлением различных видимых телесных недугов и патологических изменений со стороны многих систем органов. Это представляет особый интерес для врача, который может рассматривать картину как историю болезни персонажа.

В ряде случаев художник на полотне пытался отразить видимые телесные дефекты человека: изменения кожи, лица, шеи, опорно-двигательного аппарата – запечатлеть то, что поддается визуальному анализу и визуальной диагностике. «Перед нами разворачиваются картины, глядя на которые скрупулезный специалист и исследователь может почерпнуть немало информации. Так, например, в сценах придворной жизни или на портретах правителей можно оценить не только мастерство художника, но и увидеть... пациента» [8, с. 7].

Вспомним также, что изучение анатомии человека с эпохи Ренессанса стало компонентом обучения художников, пример тому – великий Леонардо да Винчи, его современники и последователи. И напротив, в системе меди-

цинского образования обязательной частью домашнего задания по анатомии и гистологии является рисунок (клеток, костей, суставов, сосудов и т.д).

Л.И. Дворецкий приводит пример русского терапевта Г.А. Захарьина, который ставил диагноз с удивительной точностью по внешнему виду, и гениального врача-хирурга Н.И. Пирогова, составившего атлас «Лицо больного» и утверждавшего, что каждое заболевание оставляет характерный след на лице человека. Подобные методы получили особенно широкое распространение в странах Востока. «Так, японцы обычно делят лицо на три зоны: верхнюю (лобная часть) – она отражает состояние тела и духа, среднюю (от бровей до кончика носа) – по которой видно психическое состояние человека и нижнюю (от верхней губы до подбородка) – отражающую характер человека» [8, с. 28].

Лицо человека в культуре многих народов понимается как явление духовного, психического, физического здоровья. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля лицо человека – «представитель высших духовных даров: лоб – небесная любовь; глаза – разуменье, разумное созерцанье; уши – пониманье и послушанье; нос – постиженье добра; щеки – постиженье духовных истин; рот – мысль и ученье; губы – духовная хвала; борода – внешность ученья» [7, с. 2686].

Для опытного диагноста важно учитывать состояние кожи лица, ее цвет, влажность, сосудистый рисунок, расположение и глубину морщин. Внимание физиогномистов направлено еще и на состояние пяти «жизненных черт»: бровей, глаз, носа, рта, ушей. «При анализе автопортретов Рембрандта израильские специалисты по пластической хирургии пришли к заключению, что выражение лица художника на его ранних автопортретах может свидетельствовать о наличии у него депрессии» [8, с. 29].

В рамках изучения темы «Третьяковская галерея» студенты знакомятся с портретами известных русских писателей, композиторов и ученых, которые могут рассмотреть также и профессионально – с физиологической точки зрения.

Терапевт Л.И. Дворецкий, описывая автопортрет Карла Брюллова, анализирует нездоровый вид художника. «В „Автопортрете“ он изобразил себя полулежащим с откинутой назад головой. Бледное худое лицо несет отпечаток болезни. Под внешней неподвижностью кроется напряженная работа мысли. Итог раздумий. Лихорадочно горят глаза. Брови, напряженно сведенные в глубокие складки, тоже выражают работу ума страстную, мучительную. Особенно обращает внимание цвет лица – бледность с сероватым оттенком. Такой цвет, обозначавшийся врачами как „cofe au lait“ (кофе с молоком), описывался у больных с инфекционным эндокардитом (инфекционным поражением клапанов сердца)» [8, с. 30].

К.П. Брюллов страдал тяжелым заболеванием сердца, которое привело к смерти в молодом возрасте. Предположение врачей связано с мнением о том, что у него вполне мог быть инфекционный эндокардит.

В связи с этим можно составить медицинскую карту, используя лексику и синтаксические конструкции научного стиля речи. Например, части лица, части тела, строение черепа, связать с известными студентам заболеваниями, визуально определяемыми симптомами: различными деформациями, цветом кожных покровов, вызванных нарушением микроциркуляции, отеками, гиперемией, выражением лица.

Таким образом, студенты-медики «одновременно проникают в новую национальную культуру, получают огромное духовное богатство, хранимое изучаемым языком» [5, с. 5], и в сферу профессиональной коммуникации, закрепляя знания научного стиля речи, необходимого в рамках изучения медицины и прохождения врачебной практики, то есть осваивают русский язык «не только в его коммуникативной функции, но и в кумулятивной (студент владеет фоновыми знаниями)» [13, с. 93].

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979. – 320 с.
2. Библер В.С. Из «заметок впрок» // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 15–45.
3. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в XXI век. – М.: Политиздат, 1991. – 413 с.
4. Библер В.С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. – М., 1997. – 440 с.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
6. Виноградов П.Н. Визуальная культура личности: генезис, структура и функции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 136. – С. 27–39.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 7602 с.
8. Дворецкий Л.И. Живопись и медицина. – М.: Медиа Медика, 2010. – 312 с.
9. Жукова И.Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедев, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзefович; под ред. М.Г. Лебедева и З.Г. Прошиной. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 632 с.
10. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: Р-Валент, 2011. – 408 с.
11. Лавлинский С.П. О двух стратегиях художественной репрезентации зримости. К проблеме визуального в литературе // Дискурсивность и художественность: К 60-летию Валерия Игоревича Тюпы: Сборник научных трудов. – М.: Изд-во Ипполитова, 2005. – С. 60–70.

12. Фатеева Ю.Г. Овладение навыками профессиональной речи на уроках русского как иностранного (для студентов медицинских вузов) // Международное образование и сотрудничество. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. МАДИ. – 2017. – С. 480–483.

13. Фомина Т.К. Социокультурные параметры процесса обучения в российских высших учебных медицинских учреждениях (обучение иностранных граждан). – Волгоград: ВолгГМУ, 2003. – 188 с.

Panchenko Daria Vladimirovna

Volgograd State Medical University

VERBAL AND VISUAL MEANS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION: RUSSIAN ART AS A TOOL FOR TEACHING PROFESSIONAL LANGUAGE TO FOREIGN MEDICAL STUDENTS

The article discusses ways of using materials on country studies as a means of teaching professional speech of foreign medical students.

Keywords: Russian as a foreign language, country studies, linguocultural adaptation, intercultural adaptation, painting, Russian artists, portrait, scientific style of speech, the language of medicine.

Образ оппозиционера в романе Захара Прилепина «Санька»

Статья посвящена осмыслению образа героя в прозе Захара Прилепина. С помощью детального разбора установлены важнейшие свойства, характеризующие "нового героя".

Ключевые слова: оппозиционер, герой, роман, современная проза.

Одним из наиболее ярких прозаиков XXI века является Захар Прилепин. Он не только медийная личность и писатель, но и политический деятель (в 1990–2000-х гг. был участником национал-большевистской партии). В его прозе осмысливается актуальная проблематика современной России, ее прошлого и настоящего, жестокие реалии, которые не всегда принимают героя, одинокого, оторванного от корней.

Резонансный «Санька» – роман о молодой оппозиции и революции, о молодежной неприкаянности и ненужности, о стремлении погибнуть всерьез.

«В их поведении просматривалось нечто обреченное, словно они пришли сюда из последних сил и желают здесь умереть» [1]

Оппозиция – общественные силы, выступающие против господствующего движения или мнения, поддерживаемого большинством.

Повествование ведется от третьего лица, и это не умаляет динамичности и насыщенности романа, который открывается лозунгами «Ре-во-лю-ци-я!», «Любовь и война!».

Прилепин грамотно выстраивает сюжетную линию, показывая главного героя с разных сторон. Во время митинга он предстает шалопаем и бунтарем, в следующей главе он примеряет на себя образ непутевого сына, когда оставляет матери записку «Мам, все хорошо» и уезжает, так и не дождавшись ее. Посчитав, что безопаснее будет пересидеть в глухой деревне, он приезжает к бабушке с дедом, которые и называют его «Санька» на деревенский манер. Там герой ходит на места, где они отдыхали летом с отцом, которого уже нет в живых, общается со стариками, но это все как-то мимоходом и мельком. Эти сцены свидетельствуют о наличии родовых связей, но почти неуловимых и еле заметных, что от этого становится страшно, ведь рано или поздно они истончатся еще сильнее и вообще исчезнут.

Автор настолько реалистично передает картины быта и вообще в целом атмосферу России, что у читателя невольно подкатывает ком к горлу на сце-

нах с вымирающей деревней, совсем сдающими стариками. Да и в принципе сопереживаешь герою, который наедине со своими проблемами и не может высказаться: отец умер, а мать не поймет, дед с бабкой тем более.

Нужно отдельно отметить состав «Союза Созидających». Эсэсовцы (так их называют в народе) – молодые парни примерно 17–23 лет, с проблемами в семье, некоторые росли без отцов. Они сбиваются в такие группы, чтобы был хоть какой-то авторитет, чтобы была хоть какая-то цель в жизни. Апологеты своей теории, для всех остальных – экстремисты.

Идеальный человек, по мнению «союзников», – это идейный революционер, нигилист, отрицающий «новые» российские ценности. С одной стороны, они ведут себя как Базаров, а с другой стороны, им необходим тот же Костенко, чтобы был ориентир и идеал. Эти метания и приводят их к внутреннему конфликту. Они не знают, куда себя деть. От этого и бегут с горящими глазами на любую протестную акцию. Они отчетливо осознают, что борьба может кончиться гибелью, и поэтому, вернувшись в город, Саша в составе эсэсовцев начинает предпринимать решительные действия, продумывая дальнейшие планы по смене власти. Они горят идеей революции и дальнейшего, наверное, «города солнца», пытаются всячески привлечь внимание общества. Прилепин мастерски показывает растущий градус агрессии. В начале книги показаны хулиганские итоги митинга: разбитые в угаре машины, убегания от милиции и разбитые витрины цветочных магазинов, в конце же – вооруженный захват мэрии.

Саша Тишин предан идее, не сдает своих (Яна и Матвей), терпит истязания и побои. Сцена с избиением во многом определяет становление героя, который осознает, что он тоже вправе безнаказанно пытаться и избивать, по крайней мере, такая возможность у него всегда есть. Насилие – действенное оружие, но, чтобы стать таким жестоким, необходимо разорвать все связи с близкими, с теми, кого любишь и боишься потерять.

Для Тишина это Яна (девушка из партии, в которую он влюблен) и, конечно, мама: «Если ты меня любишь – не мешай мне...», сказал он матери когда-то. Но она мешала, и он перестал ей говорить что-либо, скрывая почти все. Но она догадывалась, конечно».

Также в романе происходит несколько идеологических столкновений. Саша сталкивается с представителями либерализма, радикалами, коммунистами, коммунофашистами. У каждой из развенчиваемых теорий в «Саньке» есть свой представитель, выражающий идею с предельной полнотой – тип, лишенный индивидуальной многоплановости. Образы «союзников» же, напротив, живые и индивидуальные. Про них нельзя сказать, что они типичные нацболы.

Саша – своеобразный «герой» начала «нулевых», юноша из глубинки с радикальными политическими взглядами, чье поведение социально детерминировано. Он – мученик, романтик, но вместе с тем свирепый предста-

546 | витель партии. Позиция его бескомпромиссна и однозначна: «Бог есть. Без отца плохо. Мать добра и дорога. Родина одна».

Литература

1. Колобродов А. Захар. М.: АСТ, 2015. – 512 с.
2. Прилепин З. Санька. М.: АСТ, 2012. – С. 9.
3. Пустовая В. Пораженцы и преображенцы. О двух актуальных взглядах на реализм // Октябрь. – 2005. – № 5. – С. 20–34.
4. Шаргунов С. Отрицание траура // Новый мир. – 2001. №12. – С. 32–38.

Pashkov A. V., Ilkina E. A.

Pushkin State Russian Language Institute

THE IMAGE OF THE OPPOSITIONIST IN THE NOVEL ZAKHAR PRILEPIN "SANKYA"

The article is devoted to understanding the image of the hero in the prose of Zakhar Prilepin. With the help of a detailed analysis of the most important properties that characterize the "new hero".

Keywords: oppositionist, hero, novel, modern prose.

Семантика удаления в языковой картине мира в контексте преподавания РКИ

В статье рассматриваются аспекты языковой интерпретации семантики удаления в русской языковой картине мира, связанные со случаями межъязыковой асимметрии, требующие специального внимания в контексте преподавания РКИ в болгарской языковой среде.

Ключевые слова: языковая картина мира; перемещение в пространстве; семантика удаления.

В умозрительной картине мира перемещение в пространстве – одно из основных свойств материального мира, которое реализуется в трех ипостасях: движение, перемещение и позиционирование [4:163]. При этом в пространственной картине мира русских и болгар ‘удаление’ и ‘приближение’ формируют динамический аспект типовой ситуации дистантности.

В плане отражения данного отрезка объективной реальности в обоих языках прослеживается много общих черт. В обоих языках информация относительно каузированного / некаузированного характера процесса удаления является обязательной. И в русском, и в болгарском языках каузативные глаголы удаления связаны с обозначением каузатора, каузата, инструмента или средства каузации перемещения, исходной и/или конечной пространственной позиции. В речевых построениях эти элементы могут содержаться имплицитно, но могут также актуализироваться, получая эксплицитное выражение. (см. например [3]). Значительная общность прослеживается и в средствах морфемного обозначения отдельных элементов ситуации каузированного и некаузированного удаления, которые не будут предметом настоящего изложения.

Наряду с этим, существует ряд случаев межъязыковой асимметрии, которые на фоне доминирующей семантической аналогии приводят к частым ошибкам, вызванным языковой интерференцией.

В виду ограниченности объема отметим только некоторые из этих случаев.

1. В русском языке стихийный тип каузатора удаления располагает специфической синтаксической формой выражения – обусловленной синтаксемой Тв. п. без предлога при акциональных глаголах в безличной форме: Лодку унесло течением, Крышу отнесло ветром, Сквозняком сдуло

548 | пыль и др. Согласно А.Ф. Лосеву, грамматические безличные конструкции данного типа являются отражением уровня мышления более древнего этапа, когда человек осознавал себя объектом воздействия со стороны таинственных сил, какого-нибудь субъекта-агенса, который мыслится „слепо-чувственно, животное-инстинктивно, недифференцированно, который все еще остается на ступени чувственно-воспринимаемого предмета, еще не отражается полностью в мышлении” [Лосев 1982: 315]. К группе глаголов, употребляющихся чаще всего в конструкциях непреднамеренного действия (согласно [1: 69–70]), относятся: вымыть/вымывать, отнести/относить, поднимать/поднять, разнести/разносить, разрывать/разорвать, сбить/сбивать, сбросить/сбрасывать, смыть/смывать, сорвать/срывать, стащить/стаскивать, унести/уносить. В болгарском языке стихийный характер каузированного перемещения не выходит за рамки лексической семантики, не получает системного грамматикализованного выражения. Передача речевых конструкторов данного типа на болгарский язык связана с обязательной конверсией элементов структуры высказывания и их формальных синтаксических характеристик, напр.: Крышу дома отнесло ветром. – Вятърът отнесе покрива на къщата; Лодку унесло течением. – Течението отнесе лодката.

2. Сопоставительный анализ показывает, что в глаголах, совмещающих значения удаления и отсоединения, наряду с общими для обоих языков префиксами от- и раз- (например, рус. разомкнуть, раздернуть, разнять, разжать; отомкнуть, оторвать, отпаять, отпороть, отстегнуть; болг. разделям, разтварям, разшивам, разлепвам, разкъсвам; отстранявам, отмествам, откъсвам, отлепвам, откопчавам и др.) русский язык использует префикс с-, например: сорвать, сбросить, спихнуть, снять, скинуть, сдуть. В болг. языке префикс с- не применяется в данном функциональном контексте.

3. Информация относительно инструмента или способа устранения не относится к обязательным элементам семантики каузативных глаголов удаления, но она легко различима в значительной части глаголов, совмещающих значение устранения со значением отсоединения и нарушения целостности. К языковым формам рассматриваемого типа следует отнести и русские глаголы движения, которые, как правило, обязательно маркируют использование или неиспользование средства передвижения в пространстве, ср. : нести/носить, с одной стороны, и везти/возить, с другой стороны, а также их префиксальные дериваты унести и увезти, отнести и отвезти, разносить и развозить, перенести и перевезти и т.д. Подобные коррелятивные глагольные пары встречаются и в болгарском языке, напр.: отнасям и откарвам, разнасям и разкарвам, пренасям и превозвам, изнасям и извозвам, но они не грамматикализованы.

4. Направление перемещения у глаголов удаления связывается с 1) движением по вертикали в вариантах вверх и вниз и 2) с движением по

горизонтали, где маркируются: а) удаление в отношении исходной позиции и б) отклонение от намеченной линии передвижения или координатной оси.

В группе русских глаголов каузивированного и некаузивированного перемещения вверх по вертикали активно используется префикс *вз-/воз-*. Болгарский язык не использует этот префикс, и сами глаголы *вздымать*, *всклудить*, *взметнуть* не имеют болгарских соответствий на уровне лексики.

В обоих языках существует также семантическая зона, образованная глаголами, обозначающими каузивированное и некаузивированное удаление по нисходящей: *уронить*, *снять*, *спустить*, *опустить*, *рассыпать*, *сбросить*, *скатить*, *скинуть*, *спуститься*, *скатиться*, *сехать*, *слететь*, *сойти* и др.; *смьквам*, *изпускам*, *снемам*, *разсипвам*, *изливам*, *слизам*, *спускам се*, *стоварвам се*, *падам*, *изпадам* и др. Следует отметить высокую фреквентность префикса *с-* при передаче данного значения в русском языке. Проанализированные автором лексикографические источники фиксируют 56 форм рассматриваемого типа. Болгарские глаголы, передающие данную семантику, однако значительно уступают в количественном отношении русским вербальным формам.

5. Среди глаголов, акцентирующих внимание на исходной точке перемещения, в русском языке выделяются глаголы с приставками *у-*: *унести*, *увезти*, *утащить*, *убрать*; *уйти*, *убежать*, *удалиться*, *ускользнуть* и *вы-*: *выбросить*, *выслать*, *вынести*, *вытащить*, *вынуть*, *выбраться* и т.д., которые не употребляются в болгарском языке в данном семантическом контексте. Общим для обоих языков является префикс *от-*: *оттолкнуть*, *отбросить*, *отвести*, *оттеснить*, *отогнать*, *отодвинуть*, *откинуть*; *отскочить*; *болг.отхвърлям*, *отблъсквам*, *отпращам* и др.

Специфика глаголов с префиксом *от-* состоит в том, что исходной точкой перемещения, обозначаемого ими, всегда является позиция каузатора перемещения, т.е. удаление интерпретируется именно с точки зрения его позиции в пространстве (кстати, в болгарском языке *от-* имеет ту же семантическую функцию, например *отпътувам*, *отлитам*, *отправлям се*, *отблъсквам*, *отстранявам* и др.).

6. Специфической особенностью болгарского языка является представление перемещения с акцентом на исходной точке с помощью глаголов с префиксом *за-*: *заминавам* / *да замина*, *захвърлям* / *да захвърля*; *запращам* / *да запратя*, *запилявам се* / *да се запиля* и др. Русский префикс *за-* не маркирует данный аспект пространственной динамики. Скорее в данном случае можно говорить о межъязыковой словообразовательной омонимии, поскольку русские префиксальные глаголы с формантом *за-*: *забежать*, *заехать*, *залететь*, обозначают отклонение от намеченного маршрута, обозначаемого в болгарском языке специализированной вербальной формой *отбивам се* / *да се отбия* (обычно ненадолго). Префиксом, обозначающим начало движения, а следовательно и удаления от исходной точки, в русском языке является *по-*:

550 | поехать, поплыть, полететь, побегать, покатиться и т.д. Данное употребление префикса маркирует словообразовательную языковую лагуну в болгарском языке, что сильно затрудняет передачу речевых структур, включающих формы из рассматриваемого семантического ряда, хотя их смысл понятен болгарскому языковому сознанию. Оказывается, что перевод столь понятного на первый взгляд выражения Мальчики поплыли на другой берег может затруднить даже опытного болгарского переводчика.

7. К глаголам, ставящим акцент на конечной точке перемещения в русском языке относятся глаголы с префиксом *от-*, типа *отнести / отнести и отвезти / отвезти*, которые в отличие от своих коррелятов *унести и увезти*, подсказывают наличие у говорящего информации относительно конечной точки перемещения. В высказываниях с этими глаголами позиции *куда и/или кому* всегда заполнены. Ср. *Мой брат унес ключи с собой – Мой брат отнес ключи маме*. В болгарском языке реализация рассматриваемой семантической функции префикса *от-* связывается чаще всего с употреблением приставки *за-* (*Занеси багажа в таксито; Занеси тези цветя на мама; Закарай децата на кино*), которая не входит в системную корреляцию с другой глагольной приставкой.

8. Анализ префиксальных глаголов пространственной семантики в русском языке отражает случай довольно специфического употребления русских глаголов с префиксом *за-*. Речь идет о речевых контекстах, описывающих передвижение *вглубь, внутрь пространства ориентира, с пересечением какой-нибудь невидимой границы, которую не принято или опасно пересекать*, например: *Дети заплыли далеко в море, Самолеты залетели в тыл противника, Туристы зашли далеко в лес*. Эти конструкции чужды болгарскому языковому сознанию, которое не использует специализированный словообразовательный маркер для отражения данного семантического результата перемещения в пространстве.

9. Болгарский язык проявляет склонность к более обобщенному представлению ситуации перемещения с точки зрения способа его осуществления, ввиду чего в нем наблюдается частое употребление глагольных форм, типа: *заминавам, тръгвам, отпътувам, отивам*, напр.: *Следващата седмица заминавам за София; Тръгваме си след няколко дни; Отивам на гости на сестра си*. Русский язык намного более конкретен при обозначении данного смысла, что, кстати, можно почувствовать и в лексикографических фиксациях двуязычных словарей. Например, значение болгарского глагола *отивам* передается на русский язык с помощью таких форм, как *иду, еду, ухожу, улетаю, лечу* и др.

10. Русские глаголы с префиксом *у-*: *удалить, удалять, удалиться и удалиться*, совмещают в себе все три аспекта удаления по горизонтали: 1) удаление по прямой линии от исходной точки; 2) удаление в виде отклонения от предварительно намеченной, обычной или необходимой трассы и 3)

устранение. На болгарский язык каждое из значений передается отдельным глаголом, что превращает визируемые глагольные формы в типичный случай системной конкретизации при переводе: удалять – отдалечавам, отклонявам, отстранявам; удалить – отдалеча, отклоня, отстраня; удалиться – отдалечавам се, отклонявам се, отстранявам се; удалиться – отдалеча се, отклоня се, отстраня се.

Итак, болгарская и русская лексические системы располагают богатым набором вербальных форм, маркирующих удаление в пространстве, что говорит о семантической активности этого аспекта интерпретации пространственных отношений и необходимости включения данной проблематики в программу преподавания РКИ болгарским студентам-русистам с особым акцентом на случаях межязыковой асимметрии.

Литература

1. Величко А.В., Чагина О.В. Система работы над русским предложением в иноязычной аудитории. На материале некоторых семант. классов структур / А.В. Величко, О.В. Чагина. – М.: Рус. яз., 1987. – 149 с.
2. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. – М.: Изд. Московского университета, 1982. – 480 с.
3. Петкова-Калева Ст. Семантика удаления в русской и болгарской языковой картине мира. // Служение слову. Т.3. – Шумен: УИ „Епископ Константин Преславски“, 2015. – С. 148–163.
4. Тошович Б. Глаголы каузации положения в пространстве. // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Школа «Языки русской культуры», 2000. – С. 163–179.

Stefka Yancheva Petkova-Kaleva

Konstantin Preslavsky University of Shumen

SEMANTICS OF 'DISTANCING' IN THE LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE WORLD IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TO BULGARIANS

The article looks into some aspects of the language interpretation of the semantics of distancing in the Russian linguistic representation of the world, related to cases of language asymmetry, which requires special attention in teaching Russian as a foreign language to Bulgarians.

Keywords: linguistic representation of the world, motion in space, semantics of distancing.

Роль семантического калькирования в пополнении лексики русского языка

В статье рассматривается диахрония процесса заимствования лексических единиц в русском языке на примере механизма семантического калькирования.

Ключевые слова: семантическая калька, заимствования, русский язык, английский язык, немецкий язык, межкультурная мотивированность.

Рубеж XX–XXI веков в русском языке невозможно рассматривать вне контекста событий глобальной культурной интеграции или, иными словами, глобализации, которые приводят к росту числа заимствований. Данный экстралингвистический фактор способствует расширению базы контактов как между целыми группами, так и между отдельными индивидами; увеличению объема накопленной информации, а также способствует взаимовыгодному обмену ресурсами, в том числе языковыми.

Наличие таких экстралингвистических факторов как: высокий темп жизни, обусловленность языковых контактов, и т. п. — не отменяет важности внутриязыковых причин появления заимствований. А. К. Казенова в монографии «Онтология заимствованного слова» (2014) задается вопросом: «Зачем языку нужны заимствования в том или ином виде при наличии собственных номинативных возможностей?». Причинами употребления заимствованных слов могут считаться экономность и оперативность лексических единиц, вызванные тем, что «большая социальная престижность заимствованного слова, по сравнению с исконным, вызывает иногда явление, которое может быть названо повышением в ранге. Слово, которое в языке-источнике именуется обычным объектом, в заимствующем языке прилагается к объекту, в том или ином смысле более значительному, более престижному» [1, с. 153]. К примеру, появившиеся на рубеже XX–XXI веков как следствие технологического прогресса существительные — «дедлайн» (англ. *deadline* — крайний срок, к которому поставленная задача должна быть выполнена), «фейк» (англ. *fake* — ложный, фальшивый) и т.п. Или заимствования петровской эпохи XVII–XVIII вв.: «армия» (фр. *armee* — вооружать, снаряжать), «вахта» (нем. *wachta* — сторожить, стража).

Эти заимствованные слова имеют особенность — «отмеченность иноязычного слова не только в языке, но и в сознании говорящего» [2, с. 76]. Другими словами, заимствование в языке, оформленное семантически, имеет

выделенное значение для говорящего, которые непосредственно связывает данную единицу с языком-прототипом. Поскольку «иноязычность слова может осознаваться так же, как, к примеру, могут осознаваться другие языковые свойства – эстетика звучания (благозвучие), стилистическая окраска и т.д., которые сознательно используются для выразительной речи, языковой игры и т.п.» [3, с. 131], то функционально оправданное воспроизведение слова в языке-реципиенте воспринимаются и выделяются в сознании говорящего также осознанно. Подобную характеристику исследователи определяют как межязыковая мотивированность.

Механизм заимствования и межязыковую мотивированность описывает Сандор Пот: «When a speaker of language X uses a form of foreign origin in notes on-the-spot borrowing from language Y, but because he has heard it used by others in X-utterances, then this borrowed element can be considered, from descriptive viewpoint, to have become a part of language X» [4, с. 91] («Когда носитель языка X использует форму иностранного слова не в качестве заимствования из языка Y, а потому, что услышал его использование от остальных X-говорящих, тогда такой заимствованный элемент может считаться частью языка X») – прим. ред.).

Семантическое калькирование на рубеже XX–XXI веков рассматривалось уже как если не исключенное из ряда заимствований, то как минимум обособленное в системе, получившее особый статус. «Семантическое калькирование – это не только переосмысление, но и любое применение слова по иноязычному образцу, являющееся переводом калькированного объекта» [5, с. 64]. Интересны кальки и тем, что они являются гибридами – т.е. оболочка, используемая в языке, является «своим» языковым материалом, а номинация – «чужим», иностранным. Э. Ф. Володарская отмечает: «Лингвистическая значимость калек заключается в обогащении ими словарного запаса без внедрения иностранной оболочки, а также в сближении образов мышления двух народов и их восприятия языковой картины мира» [6, с. 100].

Калькирование – явление очень активное и агрессивное. Кальки менее заметны, чем прямые заимствования. «Это, так сказать, тайный переодетый враг, а не явный грабитель, который ломится в дом» [7, с. 122].

Семантические калькирования – следуя замечанию Л. П. Крысина – пополняют лексический состав русского языка через «сферы дипломатии, политики, медицины, спорта» [8, с. 31–32]. В медико-биологической терминологии примером такого пополнения лексики может служить термин «блокада».

Блокада (блокада сердца, лечебная блокада, диагностическая блокада, хирургическая блокада, психотерапевтическая блокада, анестезирующая блокада) – 1) ухудшение или полная утрата способности того или иного отдела функционировать; 2) современный метод терапии болевого синдрома и других клинических проявлений заболеваний, основанных на введении лекарственных веществ непосредственно в патологический очаг, ответственный

554 | за формирование болевого синдрома. – мед. – био. Термин [9, с. 15]. Одним из первых случаев употребления является система блокад, разработанная в 1941 г. Советским хирургом Александром Васильевичем Вишневским, составленная на основе работ в области изучения блокады пораженного нервного ствола французского физиолога Анри Мари Рене Лериша

Изначально «блокада» – заимств. в начале XVII в. из нем. *blockade* – «закрывать, заграждать» [10, с. 45] в значении «окружение с помощью вооруженных сил неприятельской территории, города, крепости, порта, военной базы с суши, моря или воздуха с целью изоляции противника от внешнего мира, а также система мер, направленных на изоляцию какого-либо государства в политическом или экономическом отношении, чтобы оказать на него давление» [11, с. 36]. Заимствовано из немецкого языка (ср. польский аналог *blokada*) в эпоху Петра I, как и большинство лексики, связанной со сферой военного ремесла.

Помимо вышеупомянутых сфер языка, механизм семантического калькирования активно проявляет себя в слэнговой лексике.

Торчок – от англ. «acidhead» – someone who enjoys taking drugs a lot. Ex.: «That acidhead knows that LSD isn't addictive, he just like taking it anyway» [12, с. 135]. Производное от «торчать» – «что-нибудь торчащее, выдающееся вперед, вверх» [11, с. 149] произошло от болг. «стърча» «торчу, выдимаюсь» или же чеш. «trceti» «торчать»; дальнейшая связь прослеживается в латышском «terglis» «своенравный, сварливый человек» [10, с. 96].

Таким образом, семантические кальки являются практическим способом пополнения лексического пласта русского языка через более «престижные» сферы других языковых систем. При семантическом калькировании слово может оформляться характерными для русской морфологической системы аффиксами, обеспечивающими его включение в соответствующие грамматические парадигмы, в результате чего появляются морфологические варианты («торчка», «блокады» и т.д.). Заимствуется не столько само слово, сколько инокультурный смысл, для которого подбирается средство выражения среди уже имеющихся в распоряжении заимствующего языка единиц.

Литература

1. Крысин Л.П. О русском языке наших дней. / Изменяющийся языковой мир. – Пермь, 2002.
2. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия 2-е издание. – М. 2000.
3. Маринова Е.Р. Иноязычная лексика современного русского языка: учеб. пособие. – М. 2012.
4. Rot S. Language Contact / S. Rot – Frankfurt am Main [u.a.]: Lang. 1991. Ефремов Л.П. Основы теории калькирования. – Алма-Ата, 1974.

5. Володарская Э.Ф. Заимствования как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. – 2002.
6. Земская Е.А. Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования // Русский язык в научном освещении. – 2001.
7. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М. 2000.
8. Словарь иноязычных заимствований в медицине. Составители: Е.В. Бекишева, Г.И. Потапова, Э.Б. Остапенко, Л.Н. Пивоварова, Т.В. Рожкова. – Самара, 2013.
9. Этимологический словарь русского языка / Авт.-сост. Н.М. Шанский. — М.: Издательство Московского университета, 1963.
10. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. Б.М. Волин, Д.Н. Ушаков (т. 2—4); сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935–1940.
11. Словарь молодежного сленга: (на материале английского, немецкого, французского и русского языков) / [Л.Н. Ребрина, Д.С. Алексеенко, Е.Р. Анепир и др.]; под общей редакцией доктора филологических наук, профессора Н.Л. Шамне, доктора филологических наук, доцента Л.Н. Ребриной ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Волгоградский государственный университет", Институт филологии и межкультурной коммуникации, Научно-образовательный центр "Дискурсивная организация современного коммуникативного пространства региона". – Волгоград: Вол. ГУ, 2017.

Pozhidaeva Elena Valerievna, Osaulenko Nikita Alekseevich

Pushkin State Russian Language Institute

THE ROLE OF SEMANTIC CALQUING IN THE REPLENISHMENT OF THE VOCABULARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

The article deals with the diachrony of the process of lexical borrowing in the Russian language on the example of the mechanism of semantic calculus.

Keywords: semantic calquing, loan translation, borrowings, Russian language, English language, German language, cross-language motivation.

«Литература родного края» как отражение единства полиязычного сообщества

Анализ фрагментов художественных текстов из учебника-хрестоматии «Литература Приднестровья» («Литература родного края») для учащихся 7–9 классов организаций образования с русским языком обучения доказывает идею языкового и культурного равноправия многонационального сообщества. Она поддерживается данными лингвистических словарей русского языка. Делается вывод о языковом и культурном взаимодействии народов разных национальностей, объединенных русским языком – основным в полиязычной коммуникации.

Ключевые слова: язык, литература, полиязычие, коммуникация

В многонациональном сообществе – Приднестровской Молдавской Республике – и законодательно на уровне нормативных документов, и в практической жизни людей реализуются принципы равенства народов и языков, на которых они общаются. Официальными языками в Приднестровье являются русский, молдавский и украинский. Вместе с этими языками распространены болгарский, гагаузский, белорусский и другие. Одной из показательных в отношении реализации принципов полилингвизма и поликультурности в приднестровском обществе является сфера образования. В республике функционируют организации образования с русским, молдавским и украинским языками обучения, где все учебные дисциплины преподаются, соответственно, на этих языках. Вместе с тем в каждой организации образования введен предмет «Официальный язык», то есть учащиеся, кроме родного для них языка (языка обучения в школе, например, русского), обязательно изучают один из двух языков – (например, либо молдавский, либо украинский).

В учебный процесс организаций образования включен предмет «Литература родного края». В данной статье описаны материалы из учебника-хрестоматии «Литература Приднестровья» («Литература родного края») [1], который используется с 7 по 9 классы в процессе обучения (в рамках регионального компонента учебного плана) в приднестровских общеобразовательных школах с русским языком обучения.

Цель статьи – представить языковые факты, называющие реалии и отражающие культурный фон народов, проживающих на территории Приднестро-

вья, в аспекте их полилингвистического и поликультурного взаимодействия. Использование в текстовых материалах названного учебника (в отрывках из прозаических произведений, стихотворениях, эпиграммах, колядках и других текстах), написанных приднестровскими авторами, слов из русского, молдавского и украинского языка свидетельствует о понимании читателями разных национальностей этих текстов, предназначенных для изучения в организациях образования с русским языком обучения.

Проиллюстрируем эту мысль следующими примерами.

В ряде контекстов представлены фонетические дублеты одного слова. Например, в стихотворении П. Крученюка «Сыновья» (1) и в рассказе Л. Стойловой «Жених» (2). Ср.:

(1) В селах встречных крынка молока

Женщины выносят за ворота [1, с. 96]

(2) Бабка ушла и скоро вернулась с кринкой воды [1, с. 15]

Проанализируем фонетические дублеты кринка – крынка. Лексическое значение – ‘расширяющийся книзу удлинённый глиняный горшок для молока’ [4]. Попутно заметим, что в толковых словарях не представлена коннотативная информация об этих двух вариантах одного слова в этом значении, лишь один источник фиксирует между ними разницу. Это словарь К.С. Горбачевича, ср.: ‘кринка и устаревающее крынка’ [5].

Обращение к этимологической стороне анализируемой леммы показывает, что явного указания на происхождение слова кринка / крынка нет, ср., например, информацию в словаре Фасмера: ‘кринка – крýнка "кувшин для молока", укр. крýновка "сковорода", ст.-слав. криница». По происхождению связывается со словом криница, ср.: «криница – диал. крýнїца (курск., орл.) "родник; небольшая яма с водой; колодец на водяной жиле, куда вставляется бочка, чан" (Даль), укр. крїнїця, кїрнїця "колодец"» [8].

Слово криница «вошло в словарь украинского (криница) и белорусского (крынїца) языков. Это слово имеет несколько этимологий. Его происхождение точно не определено», – такова точка зрения О.Е. Ольшанского [3]. Отсюда следует, что если слова криница и кринка – родственные, то несколько этимологий имеет и слово кринка («орфогр. вариант крынка, тоже областн.» – О.Е. Ольшанский), поскольку его происхождение точно не определено. Этот исследователь склонен полагать, что слово криница (а значит, и кринка / крынка) «информанты, даже филологи, ошибочно относят... по происхождению к украинским» [3]. В данном вопросе мы отнесем описание анализируемого слова кринка / крынка к номинациям с украинской этнической составляющей в силу того, что синтагматические условия его реализации в контекстах произведений приднестровских авторов характеризуют его как украинизм, – в частности в рассказе Л. Стойловой «Жених». Ср.: Бабка ушла и скоро вернулась с кринкой воды... [1, с. 15].

Характерно, что толковые словари (начиная со словаря В.И. Даля и заканчивая современными толковыми словарями) фиксируют в семантической структуре данного слова сему 'молоко', то есть это сосуд для хранения молока и простокваши, топления молока в русской печи. В представленном контексте из рассказа Л. Стойловой видим иную сочетаемость – кринка воды. Таким образом, налицо расширение синтагматических свойств данной лексемы.

Мы проверили по Национальному корпусу русского языка (далее – НКРЯ) сочетаемость слова кринка (всего отмечено 26 текстов с этим вариантом слова), и обнаружили, что наиболее распространена сочетаемость данной лексемы с существительным молоко, вместе с тем в этом же ряду находятся лексемы простокваша, сметана; в единичных случаях зафиксирована сочетаемость с существительными варенье, земляника, масло [2].

Использование варианта кринка зафиксировано в 31 контексте. И здесь типичной сочетаемостью характеризуется существительное молоко. Вместе с тем обнаружена сочетаемость и с другими существительными: простокваша, сало, картошка, масло.

Как видим, сочетаемость вариантов кринка / кринка в зафиксированных в НКРЯ контекстах с существительным вода не отмечена. По всей видимости, приднестровский автор Л. Стойлова в рассказе «Жених» использует нетрадиционную сочетаемость слова кринка в силу того, что описывается жаркое время года (май), трое ребят-подростков вскапывают старой бабушке огород. «Холодненькой воды попейте, вишь, как к маю распогодилось, жарко!» – говорит бабка Майка. Кринка – символ деревенской жизни и натуральной пищи, но в голодное послевоенное время, описываемое в рассказе, молоко не всегда и не у всех можно было достать. Поэтому старая бабушка угостила ребят холодной водой. Таким образом, содержание рассказа обуславливает выбор языковых единиц и их сочетаемость.

Следующая «полилингвистическая» особенность текстов в анализируемом учебнике связывается с тем, что в них функционируют слова, которые не представляется возможным доказательно отнести к какой-либо конкретной культуре. Этимологические разыскания приводят к выводу о том, что они ведут свое начало из разных языков, следовательно, могут быть отнесены к разным культурам. К примеру, лексемы: торба и кушак. Ср.:

Торба – 'зап., южн. диал. "мешок с овсом, надеваемый лошади на морду" (Даль), также "морда, напр. выдры", олонецк. (Кулик.), укр. *tórba* "мешок". Через польск. *torba* "сумка, мешок" или непосредственно из тур., крым.-тат., азерб. *torba* "мешок, котомка"» [6].

Как можно заметить, происхождение лексемы торба связывается как со славянской культурой (из польского, украинского языков), так и с восточной культурой (из турецкого, крымско-татарского регионов). Важно, что словарное определение представляет два лексико-семантических варианта этой лексемы:

‘мешок с овсом, надеваемый лошади на морду’ и ‘сумка, мешок’. В контекстах изучаемых произведений (например, в рассказе П. Данича «Голоса из глубины веков») функционирование лексемы *торба* связывается со вторым семантическим компонентом – ‘сумка, мешок’. Ср.: Когда Вася накинуд торбу на плечи, он остановился на пороге своего дома и обратился к матери [1, с. 129].

Именно в приведенном значении эта лексема употребляется в устной речи представителей разных национально-языковых групп, проживающих на территории Приднестровья, о чем свидетельствует языковой опыт автора этой статьи.

Лексема *кушак* также уходит своими корнями в разные лингвокультурные области, ср.: ‘Кушáк – род. п. -á, др.-русск. кушакъ (Домостр. Заб. 29, 89, 175 и сл.; Хожд. Котова 95 и сл.), укр. кушáк. Из тур., крым.-тат. kuşak – то же, kuşamak “подпоясывать”’ [7].

Как видим, происхождение слова *кушак* соотносится и с украинским, и с турецким, и с крымско-татарским культурным фоном. Сегодня элемент одежды, называемый словом *кушак*, используется мужчинами в разных странах. Вместе с тем сведения из другого этимологического словаря приводят конкретное указание на язык-источник для слова *кушак*, ср.: Кушáк. Это иное название пояса было заимствовано из тюркских языков. В татарском находим *кушак* — «пояс, кушак» [9].

В рассказе «Цыганка», написанном приднестровским автором О. Сизовой, анализируемая лексема *кушак* в сочетании с прилагательным *красный* используется в описании героя-цыгана. Словари русского языка в иллюстративных примерах к данному слову также приводят этот контекстный распространитель, ср.: ‘КУШÁК -á; м. [тюрк. кушак] Пояс (обычно из широкого куска ткани или связанный из шнура). Красный к. Ямщицкий к.’ [4].

Отметим, что именно такое сочетание *красный* (алый, кумачовый) *кушак* употребляется и в художественных текстах русских (и современных российских) авторов наиболее часто (о чем свидетельствует выборка контекстов из НКРЯ: из 212 контекстов более чем в половине представлено сочетание *красный кушак*).

Вместе с тем, как показывают иллюстративные примеры из НКРЯ, лексема *кушак* может иметь сочетаемость и с прилагательными другой цветовой гаммы: *зеленый, голубой, черный, белый, золотой, синий, рудо-желтый, желтый, яхонтового цвета, розовый, серебряный*.

Из словарного определения следует, что *кушак* – деталь мужской одежды. Однако нам встретились единичные контексты, из которых явствует, что *кушак* – это принадлежность и женской одежды, ср.: Ардальон Поляров вывесил на свою скомканную войлочную шляпу широкую синюю атласную ленту, которой хватило бы на целый длинный *кушак* женского платья. [В. В. Крестовский. Панургово стадо (Ч. 1–2) (1869)].

Кушак может быть даже цветным, ср.: Дворянин Иван Бегичев в армяке нараспашку, под армяком потертый scarлатный кафтан, запояска, цветной кушак. [А. П. Чапыгин. Гулящие люди (1937)].

Как видим, лексемы торба и кушак «перешагнули» границы своего функционирования в разные языки и культуры.

Таким образом, на примере ряда проанализированных слов, функционирующих в текстах приднестровских авторов, которые предназначены для использования в организациях с русским языком обучения, можно сделать вывод о межъязыковых и межкультурных связях народов разных национальностей, объединенных русским языком как основным в полиязычной коммуникации. При этом некоторые слова расширили свою синтагматику, что связано с содержанием текстов, обуславливающих выбор языковых единиц и их сочетаемость.

Литература

1. Литература Приднестровья (Литература родного края). Учебник-хрестоматия. 7–9 классы. Учебник для организаций общего образования / Авт.-сост.: Т.А. Арабаджи, И.Л. Павловская. – Тирасполь: ПГИРО, 2011. – 188 с.
2. Национальный корпус русского языка. // – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 29.11.2018).
3. Олышанский О.Е. Криница. // – URL: <http://slovo.dn.ua/krinica.html> (дата обращения: 03.12.2018).
4. Словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, М., 1992. // – URL: <http://ru-dict.ru/slovar-ozhegova.html> (дата обращения: 09.12.2019).
5. Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке. – СПб.: "Норинт". К.С. Горбачевич. 2000. // – URL: https://diffc_ru.academic.ru/3051 (дата обращения: 11.12.2018).
6. Этимологический словарь русского языка М. Фасмера. // – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/vasmer/49029/торба> (дата обращения: 15.12.2018).
7. Этимологический словарь русского языка С.А. Крылова // – URL: <https://gufo.me/dict/krylov/кушак> (дата обращения: 07.12.2018).

Polezhaeva S. S.

Pridnestrovian state University. T. G. Shevchenko

"LITERATURE OF NATIVE LAND" AS A REFLECTION OF THE UNITY OF THE MULTILINGUAL COMMUNITY

The analysis of fragments of literary texts from the textbook-anthology "Literature of Pridnestrovie" ("Literature of native Kara") for pupils of 7–9 classes of educational institutions with the Russian language of education proves the idea of linguistic and cultural equality of the multinational community. It is supported by the data of linguistic dictionaries of the Russian language. The conclusion is made about the linguistic and cultural interaction of the peoples of different nationalities, United by the Russian language – the main in the multilingual communication.

Keywords: language, literature, multilingualism, communication.

Поэзия города в творчестве В. Брюсова⁷

Взгляды поэта – символиста В. Брюсова на современный город. Развитие темы города в поэтическом творчестве. Интерес поэта к точным наукам. Прогнозирование будущего, архитектурно – социальные утопии.

Ключевые слова: символизм, архитектура, урбанизм, будущее.

Поэт Валерий Яковлевич Брюсов в своем творчестве отличался привязанностью к городу, к зданиям, улицам, камням и ступеням, самым различным проявлениям городской жизни. Поэт говорил В.А. Гиляровскому в ответ на приверженность «дяди Гиляя» степному простору: «А мы вот без города не можем. Город для нас все» [2, с. 433]. В 1898 г. в поэтическом отделе «В стенах» Брюсов писал:

«Я люблю большие дома
И узкие улицы города,
В дни, когда не настала зима,
А осень повеяла холодом.

Пространства люблю площадей,
Стенами кругом огражденные, –
В час, когда еще нет фонарей,
А затеплились звезды смущенные.
Город и камни люблю,
Грохот его и шумы певучие...»

Увлечение символизмом отразилось на творчестве поэта; в частности, В. Брюсов руководил редакцией журнала «Весы».

На всю жизнь, как отмечал в «Краткой автобиографии» сам поэт, он сохранял большой интерес к естественным наукам, к астрономии и математике. Брюсов был одним из первых поэтов, которые воспевали город. Поэт мечтал о городе, пел ему дифирамбы и возмущался противоречиями городского быта.

В. Брюсов осязаемо обозначал некие конструктивные элементы зданий, в то же время он сохранял трепетную романтичность и предчувствие перемен. В первофевральском, 1900 года стихотворении «В неконченном здании» читаем:

⁷ Статья выполнена при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (РФФИ), проект № 19-012-00310 «Погодин М. П. Полное собрание историко-филологических трудов. В 9 томах. Т. 1 – 3».

«Мы бродим в неконченном здании
По шатким, дрожащим лесам,
В каком-то тупом ожидании
Не веря вечерним часам.

.....
Оконные встретив пробоины,
Мы робко в пространство глядим:
Над крышами крыши надстроены,
Безмолвие, холод и дым.

.....
Здесь будут проходы и комнаты!
Здесь стены задвинутся сплошь!
О думы упорные, вспомните!
Вы только забыли чертеж!» [1, с. 117]

В 1901–1903 гг. в сборнике «Urbi et orbi» («Граду и миру») Брюсов писал стихи, в которых творчески развивал темы города, сохранял тенденции символизма, фантазию.

В начале XX века в России было построено много новых необычных городских зданий: универмагов, пассажей, вокзалов и других домов, сочетавших в себе новые строительные технологии, конструкции и материалы, так непохожие на прежние здания и их убранство. Брюсов решительно расставался со старым патриархальным двором и домом его детства, с купеческим укладом семьи: «Картинки в рамках на выцветшей стене, старинные скамьи и прочные конторки...», а также старый пыльный двор, где «стеной и вывеской кончался кругозор» [1, с. 153].

Изменения в архитектуре и строительстве происходили довольно быстро:
«Недавно я прошел знакомым переулком
И не узнал заветных мест совсем.
Тот, мне знакомый, мир был тускл и нем –
Теперь сверкало все, гремело в гуле гулком!
Воздвиглись здания из стали и стекла,
Дворцы огромные, где вольно бродят взоры...» [1, с. 154]

Поэт видел тревожные призраки будущего города:
Вот стены – призракам подобны,
И вот на башнях – шпилей нет...

.....
Весь город тусклой тенью станет
И, рухнув, в пропасть соскользнет.
И алчно примет пасть пучины
За храмом храм, за домом дом...

И вот – лишь две иль три руины
Вещают смутно о былом.» [1, с. 176]

Знаток города, Брюсов подмечал изменения, происходившие в Москве: «Когда еще был жив тот «город», где героев Островский выбирал...», а потом «На месте флигельков восстали небоскребы, И всюду запестрел бесстыдный стиль – модерн...» [1, с. 560].

Брюсов восхищался «стеклянно-бетонной» архитектурой; в его цикле «В городе» (1907 г.) читаем:

«Стальной, кирпичный и стеклянный,
Сетями проволоки обвит,..

.....

А по твоим железным жилам
Струится газ, бежит вода». [1, с. 301]

Большим потрясением для поэта стала первая мировая война 1914 г. В годы этой войны Брюсов служил корреспондентом от газеты «Русские ведомости»; одним из первых был в освобожденном Пшемисле (городе-крепости). В 1915 году Варшавский университет был эвакуирован в г. Ростов-на-Дону (ныне это одна из важных составляющих частей Южного Федерального университета). Взгляды Брюсова на историческую роль России изложены в стихотворении 1914 года «Старый вопрос» [1, с. 408–409].

Брюсова привлекали открытия в области науки и техники, новые технологии. Друг Брюсова, поэт К.Д. Бальмонт (1867–1942), наоборот, не принимал индустриального города: «В мучительно тесных громадах домов живут некрасивые бледные люди, окованы памятью выцветших снов, забывши о творческом чуде».

Если В. Брюсов – «поэт города», то М. Добужинский – «художник города». В иллюстрациях тех лет есть портрет «Человека в очках» на фоне беспорядочно застроенной промышленной городской окраины.

В 1922–1924 гг. Брюсов пишет «Мир электрона», «Штурм неба», «Мир измерений», где проявилось давнее увлечение поэта астрономией и математикой, стремление проникнуть «...с земли в зыбь звезд, междупланетный аэро» [1, с. 539].

В. Брюсов создавал свои литературные архитектурно-социальные утопии, которые внимательно изучали архитекторы 20–30-х годов XX века.

В «Земле молодой» В. Брюсов писал еще в 1913 году:

«Здания громадные стройте,
Бросьте над башнями башни,
Сводом стеклянным закройте
Свободные пашни;
Солнцами солнце затмите,
Реки замкните гранитом,

Полюсы соедините
Тоннелем прорытым;
Правьте движенье планеты, –
Бегом в пространстве небесном,
Бросьте сигнальные светы
Мирам неизвестным...» [1, с. 386]

Поэт-урбанист, он мечтал о будущем планеты:

Единый Город скроет шар земной,
Как в чешую, в сверкающие стекла,
Чтоб вечно жить ласкательной весной,
Чтоб листьев зелень осенью не блекла;
Чтоб не было рассветов и ночей,
Но чистый свет, без облаков, без тени;
Чтоб не был мир ни мой, ни твой, ничей,
Но общий дар идущих поколений». [1, с. 249]

Литература

1. Брюсов В.Я. Всемирная библиотека поэзии. – Ростов н/Д.: Феникс, 1995. – 576 с.
2. Гиляровский В.А. Москва и москвичи. – М.: Московский рабочий, 1968. – 528 с.

Pjavchenko E.V.

Southern Federal University

CITY POETRY IN V.BRYUSOV'S CREATIVITY

The views of the symbolist poet V.Bryusov on the modern city. The development of the theme of the city in poetic creativity. The interest of the poet to the exact sciences. Forecasting the future, architectural – social utopias.

Keywords: symbolism, architecture, urbanism, the future.

Окказионализмы на базе неолексемы *хайп* в контексте проблемы словообразовательного освоения инокультурных концептов

В работе на примере окказиональных дериватов на базе неолексемы *хайп* освещаются словообразовательные признаки культурной апроприации инокультурных концептов в современном русском культурном пространстве. Концептуальное освоение концепта «хайп» в современном русском языковом сознании осуществляется по исконно-русским моделям языковой концептуализации мира. При этом особенности функционирования дериватов свидетельствуют об определенных изменениях в картине мира значительной части носителей русского языка.

Ключевые слова: неолексема «хайп», окказиональная деривация, культурная апроприация заимствований, лингвокультурологическая интерпретация, русский язык.

В работе на новом языковом материале развивается концепция «культурной апроприации заимствований, предложенная в наших предыдущих исследованиях [4, с. 4–10; 7, с. 107–115]. В данном исследовании дается лингвокультурологическая интерпретация особенностей функционирования окказионализмов на базе заимствованной неолексемы *хайп* как зримой приметы активных лексико-семантических и словообразовательных процессов в современной русской речи.

Целью исследования является анализ окказиональных дериватов на базе лексемы *хайп* как рефлексов словообразовательного освоения русским культурным пространством соответствующего инокультурного концепта. Предлагаемые в данной работе принципы лингвокультурологической интерпретации заимствований согласуются с общими принципами анализа «языка национальной культуры», изложенными в работах [1; 2; 3; 5; 9], и с конкретной методикой описания концептов, разработанной нижегородскими учеными [6; 8]. Материал для исследования – данные проведенного нами Интернет-мониторинга Национального корпуса русского языка и проведенного автором.

В соответствии с излагаемой нами концепцией культурной апроприации заимствований для русского языка как отражения типично русского спосо-

566 | ба смотреть на вещи характерно своего рода «переиначивание» семантики и оценочной сферы заимствованных слов как знаков «чужих» ценностей или инокультурных моделей поведения. «Знаковые» в каком-либо отношении заимствованные слова (реалии новой действительности, термины, идеологемы, аксиологемы и пр.) в дискурсивных практиках современных носителей языка подвергаются обязательной культурной апроприации в духе исконно русских моделей языковой концептуализации мира [4; 7]. Триумфальное шествие лексемы хайп и ее дериватов по новейшему русскому культурному пространству полностью вписывается в изложенную выше концептуальную схему культурного инкорпорирования изначально чуждых ему форматов знания, ценностных приоритетов и речеповеденческих установок в дискурсивные практики современных носителей русского языка.

Ранее мы выделили четыре уровня, на которых могут проявляться разнообразные рефлексии концептуального освоения иноязычных лексем: лексико-семантический, словообразовательный, грамматический и коммуникативно-дискурсивный. В настоящей работе мы подробнее остановимся на словообразовательных признаках аккультурации заимствований. Языковым механизмом словообразовательного освоения заимствований является вхождение иноязычного элемента в типично русские модели словообразования, главным образом экспрессивного, которые как бы элиминируют изначально чужеродность инокультурной номинации, приобщая ее к русскому фонду способов концептуализировать действительность посредством языка.

Неолексема хайп, восходящая к английскому *hype* 'навязчивая реклама; шумиха, ажиотаж', в настоящее время употребляется в следующих значениях: (1) 'агрессивная и навязчивая реклама, целью которой является формирование предпочтений потребителя'; (2) 'неол., сленг. искусственно создаваемый ажиотаж вокруг какой-либо темы'; (3) 'неол., сленг. объект временной, сиюминутной моды, дешевой популярности'; (4) 'неол., сленг. крайняя степень эмоционального возбуждения по поводу ч.-л. или к.-л. (общеоценочное значение).

Однако уже сам факт включения данной неолексемы в активные словообразовательные процессы свидетельствует о значительном потенциале ее аккультурации. В современной русской речи слово хайп имеет разветвленное словообразовательное гнездо, включающее существительные, прилагательные и глаголы, которые не имеют аналогов в языке-источнике (это чисто русские новообразования). Прежде всего следует отметить глагол хайпить / хайпиться в значении 'разводить шумиху, ажиотаж, в том числе вокруг своей персоны' (= пиарить / пиариться): Роман Супер-ру хайпит. Как сказали бы ровесники Ромы, пиарится на имени Собчак (URL: https://www.facebook.com/mediasrachi/photos/хайпит./135429570469_8649/); Человек хайпится на горячих темах, а сам по себе – пустышка (URL: <https://chervonec-001.livejournal.com/2017207>).

html?page=2&cut_expand=1). Также глагол, кроме вышеуказанного значения, развил и еще одно дополнительное значение 'тусоваться в престижном или модном месте, весело проводить время на людях': Некоторые, например, один классик в своем произведении, употребляют слово «хайпить», имея в виду «разводить шум; тусить» — с акцентом на второе (URL: <https://thequestion.ru/questions/102775/chto-oznachaet-slovo-khaip>).

В свою очередь глагол хайпить / хайпиться также порождает целую «гроздь» глагольных новообразований по словообразовательным моделям исконно русских способов глагольного действия, аналогам которых в принципе нет в языке-источнике:

– похайпить / похайпиться: «Антихайп» решил похайпить на Virtus.pro. В твиттере разгорелся настоящий скандал — между рэперами и Virtuspro. Из-за чего все произошло? (URL: киберспорт.рф/dota2/antihajp-reshil-pohajpit-na-virtus-pro/); Максакову обвинили в желании похайпиться на горе в Кемерово (URL: <https://news.rambler.ru/starlife/39461328-maksakovu-obvinili-v-zhelanii-pohajpitsya-na-gore-v-keмерово/>);

– захайпить / захайпиться: У меня даже не было мыслей срубить на этом денег или "захайпить", как сейчас говорят. Именно это, наверное, помогло мне сохранить здравый смысл... (URL: <https://thequestion.ru/.../kak-nabrat-celevuyu-auditoriyu-dlya-pablika-vkontakte>); — А если есть люди, которые хотят на тебе захайпиться, то это их проблемы», — рассказала блогер (URL: oblako-media.ru/novosti/anya-mej-rasskazala-o-zavisti-drugix.../index.html);

– отхайпить / отхайпиться: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:862vqMmEda8J:celebrity-moscow.mirtesen.ru/blog/43823721006/next+&cd=6&hl=ru&ct=clnk&gl=ru&client=opera> Могу только предположить, что в ее жизни после проекта не все так удачно складывается, раз она пытается отхайпить на таких низкочастотных темах (URL: celebrity-moscow.mirtesen.ru/blog/43823721006/next);... а это кто, поклонники ученики Якова, или очередные самозванцы, пытающиеся на такой же теме отхайпиться? Непонятно (URL: live.domvideo.org/onlain/smotretj_M203X0lxQ2JXVE0);

– расхайпить / расхайпиться: Как же он старается расхайпить самого себя, прям из кожи вон лезет (URL: <https://forum.tera-online.ru/post/1483267/>); Понимаю их желание расхайпиться после Дудя, но просмотры говорят об обратном (URL: https://tvrain.ru/teleshov/...s.../ponimaju_ih_zhelanie_rashajpitsja_posle_dudja-444978/);

– подхайпить / подхайпиться: Есть мнение у меня, что таким образом можно "искусственно" подхайпить немного (URL: <https://twitter.com/sleepsomewhile/status/9762095656698224640>); Ну и в какой-то момент я узнаю о том, что девушка мало того, что отписалась от нас, так уже решила подхайпиться к более мощной компашке (URL: https://vk.com/wall-97385648_4107762?ofset=last&f=replies).

568 | Кроме этого, нами зафиксированы следующие именные окказиональные экспрессивно-оценочные дериваты:

(1) Приставочные субстантивы псевдохайп, минихайп, антихайп, суперхайп, гииперхайп, мегахайп:

Людам некогда индустриализовываться, образовываться, продукт шлифовать – надо ж очередной псевдохайп обсудить (URL: <https://yvision.kz/post/777715>);

@кухар понятно, организовал такой себе мини-хайп, который долго не протянул. наверное, надеялся, что больше народу подтянется (<https://crypto.pro/topic/4774/partnersкое-soglashenye-mezhdu-uchastnykamy-foruma/23516>);

Хайп – это зло. Антихайп – тоже беда (URL: <https://lezhnev-sergey.livejournal.com/80709.html>);

Это даже не хайп – это суперхайп! О Марадоне в Бресте пишут по всему миру... (URL: <https://by.tribuna.com/tribuna/blogs/socialfootball/1700523.html>);

Я подчеркиваю не пиар, а именно гиперхайп. Они только и делали, что пиарили себя и своих чемпионов (URL: <https://forum.overclockers.ua>); С чего этот мегахайп? Не такая уж я известная личность (URL: <https://books.google.ru/books?isbn=5040932928>);

(2) Экспрессивные субстантивные суффиксальные новообразования хайпище, хайпушка, хайпишко, хайпишка:

Хайпище... Твое имя. Kimi no na wa (URL: <http://summer-breath.com/tagged/хайпище>);

Хайпушка Сергея Грачева. Продолжение следует (URL: <https://www.drive2.ru/l/512004083222053457/>);

А теперь представьте – дамочка, которая сегодня покусала кота, завтра вполне может покусать вас. Ей ведь, по ходу, хайпишко-то нравится... (URL: <https://demkristo.livejournal.com/2166894.html>);

... так оно и есть, НО МММ это не рядовой хайпишка, ни один хайп не вовлекал столько народу и такие денежные потоки... (URL: www.basmanbank.ru/2012/05/blog-post_3755.html).

(3) адъективы хайповый и хайповатый (и отадъективное хайповость) – в значении ‘стильный, модный на данный момент’:

Какое-то время хайповым шмотом считались вещи российского дизайнера Гоши Рубчинского... (URL: www.ellegirl.ru/articles/chto-takoe-hayp-i-kak-pravilno-haypit/);

Неуместный, хайповатый, мерзкий по своему содержанию пост (URL: <https://tgstat.ru/channel/@hellnot/182>);

Сычев объясняет — хайповость картинки определяют сами интернет-пользователи (URL: <https://360tv.ru/news/obschestvo/v-peterburge-pojavilsja-universitet-memologii/>).

Примерно подобную разветвленную «гроздь» окказиональных дериватов, оформленных по типично русским моделям деривации и не имеющие семантических аналогов в языке-источнике, несколько раньше мы наблюдали для иноязычного концепта «гламур» (гламурище, гламурщица, гламурчик, гламуренький, гламурье и пр.). Применительно к дериватам от хайп нетрудно заметить, что уж совсем не по-английски звучат и значат такие производные неузualmente лексемы, как хайповатость, хайпушка, недохайпиться и под.

Как же в целом мы можем оценить рассмотренные выше явления? С одной стороны, под влиянием инокультурных речеповеденческих моделей происходят определенные изменения ценностных приоритетов в картине мира определенной части носителей языка: это любовь к шумихе, к нездоровому ажиотажу, склонность к самовосхвалению (самопиару), и пр., т.е. все, что традиционно оценивалось как пошлость. Об этом свидетельствует мена первоначальной иронически-сниженной, отрицательной оценочности, закреплённой за этими словами, на положительную. Позитивная оценочность проявляется, например, в возможности неиронического «серьезного» употребления глагола хайпить в I л. ед. ч.: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:dH_pTY46aDkJ:https://folloart.com/tags/%25D0%25A5%25D0%25B0%25D0%25B9%25D0%25BF%25D0%25BB%25D1%258E+&cd=22&hl=ru&ct=clnk&gl=ru&client=opera Хайплю в тренажерном зале (URL: <https://folloart.com/tags/Хайплю>). Но с другой стороны, хайп и его дериваты можно рассматривать как в чем-то соответствующие и таким исконно русским культурным доминантам, как склонность к категорическим моральным суждениям («моральная страстность», по А. Вежбицкой [2]), любовь к крайностям, установка на повышенную эмоциональность в отношении к людям и к миру в целом и пр.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. От редактора: Вступ. статья // Логический анализ языка: Культурные концепты: Сб. научн. трудов / ИЯ АН СССР; Отв.ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991. – С. 3–5.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз; авт. вступ. ст. Е.В. Падучева. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.
3. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 456 с.
4. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: кол. монография / Т.Б. Радбиль, Е.В. Маринова, Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева, А.В. Шуმიлова, Е.В. Щеникова, С.Н. Виноградов; под ред. Л.В. Рацибурской. – М.: Флинта; Наука, 2014. – 304 с.

- 570 | 5. Радбиль Т.Б. «Семантика возможных миров» в языке Андрея Платонова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. – 1999. – № 13. – С. 137–153.
6. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 328 с.
7. Радбиль Т.Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2017. – Т. 13. – С. 107–115.
8. Радбиль Т.Б., Сайгин В.В. Когнитивные признаки и языковая объективация концепта «добродетель» в современном русском языке // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2 (26). – С. 5968–5971.
9. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Академпроект, 1997. – 989 с.

Radbil T.B.

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)

**OCCASIONALISMS ON THE BASE OF THE NEO-LEXEME
KHAIP (HYPE) IN THE CONTEXT OF PROBLEM OF WORD-
FORMATIVE ASSIMILATION OF ALIEN-CULTURAL CONCEPTS**

The work describes word-formative features of cultural appropriation of alien-cultural concepts in contemporary Russian cultural space (occasional derivatives on the base of the neo-lexeme khaip (hype) as an example. Conceptual assimilation of the concept khaip (hype) in contemporary Russian language consciousness is implemented according to primordially Russians ways of language conceptualization of the world. Nevertheless the analyzed peculiarities of functioning of derivatives reflect certain modifications in a lot of Russian native speakers' picture of the world.

Keywords: neo-lexeme khaip (hype), occasional derivation, cultural appropriation of loanwords, linguo-culturological interpretation, Russian language.

Грузинский код поэзии Сергея Есенина и Бориса Пастернака

Статья посвящена теме Грузии в поэзии Сергея Есенина и Бориса Пастернака, литературно-творческим связям русских и грузинских поэтов.

Ключевые слова: Сергей Есенин, Борис Пастернак, Грузия, литературно-творческие связи.

Несмотря на обширный пласт исследований последнего времени, посвященных проблеме «Борис Пастернак и Грузия» [1], [5], [8], и гораздо меньший – «Сергей Есенин и Грузия» [2], проблема грузинского кода в поэзии Есенина и Пастернака не становилась темой специального исследования. (Статья является фрагментом большой работы «“Голубые роги” Есенина и Пастернака»). Если не считать Маяковского, связанного с Грузией местом своего рождения, наиболее тесно с нею связаны два русских поэта XX века – Сергей Есенин и Борис Пастернак.

Когда в стихотворении «На Кавказе», опубликованном в тифлисской газете «Заря Востока» (1924, № 681, 19 сентября), Есенин говорит «здесь» («И Грибоедов здесь зарыт, / Как наша дань персидской хмари. / В подножии большой горы / Он спит под плач зурны и тари») [4, т. 2, с. 108], – это «здесь» обращено не к Кавказу вообще, а именно к Грузии, еще точнее – к Тифлису, у подножия Мтацминды которого покоится А.С. Грибоедов. Есенин ждал от своего посещения Грузии творческого вдохновения и обязан ей многими лирическими шедеврами, среди которых не только «На Кавказе», но и «Поэтам Грузии», и «Батум».

Если Баку 1920-х – филологическая столица Закавказья, то Тифлис – несомненно, его поэтическая столица. Бакинский университет был укомплектован высококвалифицированными учеными (на историко-филологическом факультете преподавали Вяч. Иванов, заведовавший кафедрой классической филологии, Григол Робакидзе, читавший курс лекций по немецкому романтизму, профессора А.В. Багрий, А.Б. Селиханович, Е.И. Байбаков и др.), О Бакинском университете и его «энтузиастических русских студентах» Вяч. Иванов писал С.Л. Франку 3 июня 1947 г.: «...Независимый от Москвы университет с хорошим профессорским составом, <...> ибо туда тянулись профессора, не желавшие под разными наименованиями дисциплин преподавать единый и единоспасающий марксизм и исторический материализм...» [3, с. 36]. Как признанную поэтическую столицу Закавказья воспринимал

572 | Тифлис Паоло Яшвили: «Хочу у ворот солнцеликого града / Стихами – горячею кровью – пролиться. / Мильноноголосый, любовь и отрада, / Тбилиси, не ты ли – поэтов столица?» (перев. Яна Гольцмана) [10, с. 67].

Знакомство и дружба Есенина с грузинскими поэтами относится к 1920-м гг., тесная связь с ними же Пастернака – это уже 1930-е гг.: грузинские поэты открыли для себя личность и творчество Пастернака, уже имея опыт общения с Есениным. В жизни не близкие друг другу, Есенин и Пастернак дружили с одними и теми же грузинскими поэтами, членами литературного объединения символистского типа «Голубые роги» (которое упоминается Есениным в стихотворении «На Кавказе», созданном в Тифлисе в сентябре 1924 г.): Паоло Яшвили, Тицианом Табидзе. Любопытно, что ни акмеизм, ни футуризм (получивший интересное развитие в соседней Армении), ни последующие по времени литературные течения – имажинизм, конструктивизм и т.д. – в Грузии не прижились. Однако грузинский символизм, появившись в Кутаиси, продолжал быть довольно влиятельным в грузинской литературе вплоть до опубликования 23 апреля 1932 г. Постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций».

В стихотворении Есенина «Поэтам Грузии», опубликованном на страницах тифлисской газеты «Заря Востока» осенью 1924 г. (№ 735, 23 ноября), образы грузинских друзей поэта не конкретизированы. В отличие от есенинского, стихотворение Пастернака «За прошлого порог...» имеет конкретного адресата: Паоло Яшвили, и хотя автор обращается к адресату на «Вы», – ему адресованы пронзительно нежные строки, в которых заключено важное признание: «<...> Вы были всем...». Важно подчеркнуть: стихотворение Пастернака как раз и является воплощением того, что являлось столь важным для Есенина, который когда-то в разговоре с Вольфом Эрлихом учил того поэтическому мастерству: умением «улыбнуться в стихе, шляпу снять, сесть» и заключал: «Вот тогда ты мастер!..» [9, с. 321]: «За прошлого порог / Не вносят произвола. / Давайте с первых строк / Обнимемся, Паоло! // Ни разу властью схем / Я близких не обидел, / В те дни вы были всем, / Что я любил и видел» («Запрошлое порог...» – «Из летних записок») [6, т. 2, с. 16].

«Я вас люблю, как шумную Куру, / Люблю в пирах и разговорах», – обращался Есенин к грузинским поэтам в одноименном стихотворении («Поэтам Грузии») [4, т. 2, с. 111]. Концепт «пиры» наполнен особым смыслом и в поэзии Пастернака. В сознании многих читателей поэты противопоставлены («анархичный» Есенин – «дисциплинированный» Пастернак), между тем и в творчестве последнего (прежде всего раннем – 1910–1920-е гг.) явственно присутствует богемный мотив – мотив «пиров», сближающий Пастернака с Есениным времен «Стойла Пегаса», с тем лишь отличием, что у Пастернака богема не поэтическая, а художественная. В пастернаковских «Пирах» прочитывается авторская самооценка: «Исчадья мастерских, мы трезвости не терпим.

/ Надежному куску объявлена вражда. / Тревожный ветр ночей – тех здравец виночерпьем, / Которым, может быть, не сбыться никогда» [6, т. 1, с. 58].

Есенин надолго запомнит тифлиские и батумские духаны и духанчики с их «янтарным вином» и неповторимой шумной, многоголосой, вечно праздничной атмосферой, где роги для вина являлись атрибутом праздничного застолья. Изготовленные из рогов горного козла, украшенные накладками из серебра с богатым декором, объемные, вместительные, нередко емкостью в несколько литров, они предназначались для того, чтобы продемонстрировать выносливость гостя в разгар праздника. Осушить рог до дна – значило подтвердить свое уважение хозяевам.

В отличие от Есенина, Пастернак связывали романтические отношения пламенной дружбы не только с самими грузинскими поэтами, но и с членами их семей: в первую очередь это относится к особо близкой ему духовно («слишком близкой», по его определению) Нине Табидзе, отвечавшей ему «поразительными, перегруженными душой и кровью сердца» [6, т. 5, с. 503] письмами. «Ах, вы оба такие родные! – восклицает Пастернак в письме Тициану и Нине от 8 декабря 1934 г. и продолжает: – Но ведь мы столько еще увидим в жизни общего и столько раз еще и так сильно будем жить друг другом, не правда ли?» [6, т. 5, с. 351].

В своих письмах грузинским друзьям, называя их «близкими, родными, равными, душевно-понятными» (и добавляя: «...Это не пустые слова и не праздные») [6, т. 5, с. 352], Пастернак более открыт, чем Есенин. В свою очередь, в одном из ответных писем Пастернаку Тициан Табидзе признавался: «Встречи с Вами для меня чистилище – я только тогда возвращаюсь к поэзии; признаться, я давно не испытывал такого чувства, что бывает в ранней юности, в горячке первой любви» [7, с. 245].

Любопытно отметить, что «связующим звеном» между грузинскими поэтами и Пастернаком нередко являлась в 1930-е гг. «милая и несравненная», по определению последнего, С.А. Толстая-Есенина, не однажды привозившая из Грузии семье поэта тифлиские гостинцы в корзинке, заботливо собранной руками Нины Табидзе (непреренно фрукты и вино), как это явствует из благодарного письма Пастернака его грузинским друзьям от 1 сентября 1936 г. из Переделкина.

Для Пастернака Грузия – не только «красота всегда бездонная и везде ошеломляющая» (из его письма П. Яшвили от 30 июля 1932) [6, т. 5, с. 326]. Она настолько завладела сердцем и умом поэта, что в некоторые свои письма русским друзьям (например, Н.С. Тихонову) он вставляет словечки, написанные по-грузински [6, т. 5, с. 345]. Грузия становится для Пастернака его духовной родиной, а сближение с ее культурой – по его собственным словам, «творческим освобождением».

И Есенин, и Пастернак не только полюбили Грузию – они прочувствовали ее, схватили в ней самое главное. Лирическому герою Пастернака открывается

574 | вид Тифлиса, и необычность этого города, вытянутого к небу по вертикали, домишки которого карабкались по откосам, совершенно обворожила его: «Я видел, чем Тифлис / Удержан по откосам, / Я видел даль и близь / Кругом под абрикосом. // Он был во весь отвес, / Как книга с фронтисписом, / На языке чудес / Кистями слив исписан. // По склонам цвел анис, / И, высясь пирамидой, / Смотрели сверху вниз / Сады горы Давида» («Я видел, чем Тифлис...» – «Из летних записок») [6, т. 2, с. 17].

Интересна звукопись пастернаковского текста. Последние звуки названия Тифлиса, этого древнего города (Тифлис – ИС), положены в основу звукописи стихотворения с его ассонансами и аллитерациями на «ис/из/ыс» (ТифлИС–блИЗь–фронтИСпис–кИСтями–ИСПИСан–анИС–вЫСясь–внИЗ). Подобная звукопись здесь как нельзя более уместна, поскольку и название литературной группы «Голубые роги» по-грузински включает те же ассонансы и аллитерации: «цИСпериканцеби».

На Грузинской студии научно-популярных и короткометражных фильмов в 1975 г. был снят фильм «Есенин в Грузии» (режиссер Сергей Страхов). В прошедшие за тем четыре десятилетия прежние связи с Грузией, ее культурой и великой литературой претерпели серьезные изменения. Это досадно, потому что исторически русская и грузинская культуры всегда были сообщающимися сосудами. Однако в 2015 г. в Тбилиси была проведена конференция «Борис Пастернак и Тициан Табидзе: дружба поэтов как диалог культур», организованная в рамках празднования Государственным литературным музеем 125-летнего юбилея Бориса Пастернака. Подобного рода конференции дают возможность – уже на современном уровне – постижения того, как личные отношения больших поэтов влияют на развитие культурных связей между русской и грузинской литературами.

Литература

1. Абуашвили А. Пастернак и Грузия: Диалог поэтов // Вопросы литературы, 1998. № 1. С. 336–345.
2. Богомолов И. Сергей Есенин и Грузия // Наш современник. 1975. № 10. С. 170–179.
3. Грановская Л.М. Иванов Вячеслав Иванович – русский поэт-символист, филолог, переводчик // Русский язык и литература в Азербайджане. Баку. 2003. № 1. С. 35–47.
4. Есенин С. ПСС: В 7 т., 9 кн. / Ин-т мировой литературы РАН / Гл. ред. Ю.Л. Прокушев. Т. 2. – М.: Наука – Голос, 1997.
5. Иванов В.В. Хронотопы творческой биографии Б.Л. Пастернака. «Любовь пространства...»: Поэтика места в творчестве Бориса Пастернака / Отв. ред. В.В. Абашев. – М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 13–36.

6. Пастернак Б. Собр. соч.: В 5 т. / Под ред. А.А. Вознесенского, Д.С. Лихачева и др. М.: Художественная литература, 1992.
7. Табидзе Т. Статьи, очерки, переписка. – Тбилиси: Изд-во «Литература да хеловнеба», 1964.
8. Филина М. Борис Пастернак в Грузии. – Тбилиси: Русский клуб, 2014. – 51 с.
9. Эрлих В.И. Право на песнь // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и коммент. А.А. Козловского. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1986.
10. Яшвили П. Тбилиси // Дружба народов. 1999. № 3.

Savchenko Tatiana

Pushkin State Russian Language Institute

**THE «GEORGIAN CODE» IN THE POETRY OF SERGEI
YESENIN AND BORIS PASTERNAK**

The article is devoted to the subject of Georgia in the poetry of Sergei Yesenin and Boris Pasternak and the literary connections in the works of the two poets.

Keywords: Sergei Yesenin, Boris Pasternak, Georgia, literary connections.

Языковое воплощение концепта «искупление» в контексте взаимодействия религиозной и светской традиции в национальной культуре

В работе на примере концепта «искупление» развиваются идеи о взаимодействии религиозного и светского начал в языковой репрезентации концептов, формирующих концептуальное поле «грех» в русской культуре. Описаны особенности языковой объективации и дискурсивного варьирования лексем – репрезентантов концепта «искупление» в аспекте антиномии православно-христианского и внерелигиозного содержания на материале лексикографических источников, данных Национального корпуса русского языка и Интернет-мониторинга.

Ключевые слова: концепт «искупление», концептуальное поле «грех», концептуальный анализ, лингвокультурология, русский язык.

В работе на примере концепта «искупление» развиваются обсуждавшиеся нами в предыдущих исследованиях идеи о взаимодействии религиозного и светского начал в языковой репрезентации концептов, формирующих концептуальное поле «грех» в русской культуре [6; 7]. Концепт «искупление» в русском национальном сознании изначально является одним из ключевых, определяющих важнейшую, духовную и ценностную, сферу народного мировидения. Не случайно в мировой культуре сложилась неписаная традиция относить русское православие к так называемым «религиям Искупления».

Цель исследования – описать особенности языковой объективации и дискурсивного варьирования лексем – репрезентантов концепта «искупление» в аспекте антиномии религиозного и светского содержания на материале лексикографических источников, данных Национального корпуса русского языка и проведенного автором Интернет-мониторинга. Теоретической основой исследования являются принципы анализа языковой концептуализации мира, изложенные в работах [1; 3; 4; 9]. Использована методика комплексного поуровневого описания концептов, принятая в Нижегородской научной школе концептуального анализа [2; 5; 6].

Как и для других базовых структурных компонентов указанного концептуального поля «грех» – концептов «грех», «покаяние» и «добродетель»

/ «порок», для рецепции концепта «искупление» в современной русской национальной культуре характерна определенная двойственность: с одной стороны, наблюдается значительная активизация религиозно-православной составляющей в его концептуальном содержании, связанная с возрождением роли православной церкви в современной российском обществе; с другой стороны, языковое воплощение слов – репрезентантов данного концепта в обыденном употреблении отражают тенденцию его несколько обытовленного, десакарализованного восприятия. При этом наблюдается определенная асимметрия в соотношении религиозных и внерелигиозных компонентов, последний значительно преобладает как в языковой объективации, так и в дискурсивном варьировании лексем – репрезентантов концепта «искупление».

Так, уже на уровне анализа данных по словарным толкованиям лексемы искупление – базового репрезентанта одноименного концепта в одной из наших предыдущих работ из выявленных восьми базовых когнитивных признаков (КП) концепта нами было отмечено только два КП: ‘искупительная жертва Иисуса Христа – восстановление поврежденной грехом человеческой природы и примирение человека с Богом’ и ‘избавление от греха отдельного человека посредством молитвы и праведной жизни’ – можно соотнести с культурными смыслами, связанными с христианским пониманием; остальные шесть КП отражают внерелигиозное бытование этого концепта в языковом сознании: ‘выкуп’, ‘приобретение чего-л. в обмен на что-л., ценой чего-л.’, ‘освобождение, избавление от бедствий, несчастий’, ‘получение прощения за содеянное ценой чего-л.’, ‘заглаживание, исправление проступка, вины’, ‘возмещение, возмездие, расплата’ [8, с. 33–34].

В сфере речевой реализации лексем – репрезентантов концепт «искупление» также наблюдаются разнообразные контексты, в которых актуализуются когнитивные признаки, представляющие как религиозные, так и светские компоненты его концептуального содержания. Об этом свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка.

Так, религиозный КП ‘искупительная жертва Иисуса Христа – восстановление поврежденной грехом человеческой природы и примирение человека с Богом’ отражен в следующих контекстах:

Ничего они не слышали о том, какой ценой Он купит это искупление человечества и мира, они только слышали о том, что может выпасть на их долю ценой Его креста: Тебе крест, нам слава (Мк 10: 32–40) (митрополит Антоний (Блум). Вера Божия в человека (1991));

Ты же слышал: «Единственное, что может спасти человека — Евангелие, радостная весть о спасении через Иисуса Христа и искупление на Голгофе» (Андрей Кураев. Протестантам о православии (1997));

Также послушать, что говорят Лица Пресвятой Троицы: «Сотворим искупление рода человеческого»; наконец, что говорят Ангел и Пресвятая Дева

578 | (А.И. Осипов. Ищущему спасения. Советы и предостережения // Церковь и время, 2005).

Религиозный КП 'избавление от греха отдельного человека посредством молитвы и праведной жизни' отражен в следующих примерах:

Грехи, которые совершал ветхозаветный человек, так и оставались на его совести, а жертвы, приносимые во искупление грехов, были символическими (Пути к небесному блаженству (2004) // «Журнал Московской патриархии», 2004.09.27);

Но тогда искупление человека состоит также и в его искуплении как члена семьи, в восстановлении самой жизни как семьи: «...все мы братья» (Мф.) (Протопресвитер Александр Шмеман. Водой и духом (1986)).

Однако в Национальном корпусе русского языка широко представлены и контексты, реализующие светское понимание искупления. Чаще всего это отражение такого КП, как 'заглаживание, исправление проступка, вины':

Что до военно-медицинского начальника (по отзывам, человека компетентного и эффективного), хотя официально он был освобожден от должности из-за «недостаточных темпов работы ГВМУ по целому ряду направлений», ясно: полковника уволили во искупление нескольких смертей, недавно случившихся в Вооруженных силах (Александр Гольц. Типичная пневмония // «Огонек», 2013).

– или 'возмещение, возмездие, расплата': Поэтому в пособии по безработице можно увидеть не только механизм целевой государственной поддержки, но и воплощающееся в денежном эквиваленте коллективное искупление вины, испытываемой обществом перед безработным (Илья Калинин. Человек бездействующий // «Неприкосновенный запас», 2010).

– или 'освобождение, избавление от бедствий, несчастий':

Если, таким образом, личность человеческая есть нечто большее, чем природа, и власть природы над нею зависит от самой этой личности, то есть самая воля человека, обращенная на природу, связывает человека с этой последней и ведет к злу, обману и страданию, то освобождение или искупление от власти и господства природы есть освобождение от собственной природной воли — отречение от нее (В.С. Соловьев. Чтения о Богочеловечестве (1878));

Искупление от прошлого, от рабства пред законом и законами, которыми одними это прошлое держится (Л.И. Шестов. Афины и Иерусалим (1938)).

– или 'возмещение, возмездие, расплата':

Долго в цепях нас держали, / Долго нас голод томил, / Черные дни миновали, / Час искупленья пробил (Л.П. Радин. «Смело, товарищи, в ногу!...» (1896)).

Внерелигиозная трактовка искупления находит свое выражение в контекстах, где лексема искупление выступает в функции предиката, потому что эти контексты показывают, какие явления, действия или состояния говорящий считает искуплением:

Недаром утверждают, что человечество им искупает «первородный грех», свое роковое несовершенство, — «радикальное зло» (Кант). Прогресс есть прежде всего искупление. Вот почему он катастрофичен. .. (Н.В. Устрялов. Под знаком революции (1927));

Кажется, доклад должен был стать искуплением очередной моей вины, шлейф которых тянулся за мной вдоль всей школьной жизни до самых выпускных экзаменов... (Дина Рубина. На солнечной стороне улицы (1980–2006));

Нет, хотел этого — и завтрак казался искуплением своей непонятной вины (Олег Павлов. Асистолия // «Знамя», 2009).

Характерными в плане «обмирщения» понимания искупления являются объекты искупления, т.е. за что предполагается искупление:

Для меня публикация этих писем — именины сердца и, если хотите, оправдание и искупление за всю остальную гламурность (Ксения Махненко. Обращение (2002) // «Домовой», 2002.10.04).

(Возможно, это было пожизненное искупление за мучения несчастных, лысых, лишенных иммунитета мышей) (Дина Рубина. Высокая вода венецианцев (1999)).

Не менее репрезентативны в этом плане и контексты, описывающие действия субъекта, совершаемые им во искупление вины:

Про Швыдкую: на Новом рынке хочет во искупление грехов уборную ставить (В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. Ч. 1–2 (1983)).

Также дискурсивная реализация лексемы искупление демонстрирует существенное расширение ее сочетаемости, которое также свидетельствует о преобладании внерелигиозной трактовки этого концепта. Так, искупление переосмысливается в терминах экономической или финансовой области:

А 7 % эфемерного экономического роста — чем не искупление? (Иван-дурак и миллиардер Шахновский (2003) // «Завтра», 2003.08.22);

Если эта гипотеза верна — и я не намерен заниматься сейчас ее опровержением, — то, не забывайте, бухгалтерия искупления всегда двойная (Александр Пятигорский. Древний Человек в Городе // «Октябрь», 2001).

Искупление включается, например, в сферу товарообмена, товарно-денежных отношений:

Как есть большие и мелкие грехи, есть дорогие и дешевые искупления (И.Г. Эренбург. Необычайные похождения Хулио Хуренито (1921)).

Все приведенные выше примеры дискурсивного варьирования лексемы искупление свидетельствуют о том, что в этом концепте в целом органично сосуществуют религиозный и внерелигиозный пласты его концептуального содержания, что объясняется наличием у них общего смыслового компонента: ‘избавление от чего-то негативного путем целенаправленного совершения каких-либо действий’, который по-разному преломляется в христианском мировоззрении и в обычном сознании носителей языка.

Но при этом возникшие расхождения в религиозном и светском понимании концепта порождают значительные концептуальные различия, которые гораздо более существенны, чем изначальное смысловое сходство. Так, в светском понимании происходит известная «механизация», отчасти даже «дегуманизация» крайней степенью выражения которой является возможность приписать семантический предикат искупление неодушевленному субъекту. См. характерный в этом плане пример из Интернета: Как всемирно известные бренды могут искупить грехи перед обществом? ((Клуб директоров: Официальный сайт. URL: <https://dirclub.ru/vsemirno-izvestnye-brendy-iskuplenie/>). Все это вполне соответствует тенденции к десакрализации религиозно-православных концептов русской культуры, описанной нами в наших предыдущих работах [6; 7; 8], как к общему понижению стилистического регистра для «высоких» понятий, вообще присущему современным дискурсивным практикам.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. От редактора: Вступительная статья // Логический анализ языка: Культурные концепты: Сб. научн. трудов / ИЯ АН СССР; Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991. – С. 3–5.
2. Горшкова Т.М., Ручина Л.И. Изучение концептов в русской народной сказке (лингвистический аспект) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2003. – № 1. – С. 124–130.
3. Радбиль Т.Б. «Семантика возможных миров» в языке Андрея Платонова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. – 1999. – № 13. – С. 137–153.
4. Радбиль Т.Б. Языковая аномальность в русской речи: к проблеме типологии // Русский язык в научном освещении. – 2006. – № 1 (11). – С. 77–100.
5. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 328 с.
6. Радбиль Т.Б., Сайгин В.В. Когнитивные признаки и языковая объективация концепта «добродетель» в современном русском языке // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2 (26). – С. 5968–5971.
7. Сайгин В.В. Семантическое наполнение концепта «искупление» и его языковая объективация в русском языке // Язык, культура, коммуникация: изучение и обучение: Мат-лы I Межд. науч.-пр. конф. – Орел: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2016. – С. 257–262.
8. Сайгин В.В. Десакрализация концептов русской традиционной культуры в современной русской речи // Актуальные вопросы изучения мировой культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток: Мат-лы Межд. науч.-пр. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодей-

стве. XVIII Кирилло-Мефодиевские чтения». – М., – Ярославль: РЕМДЕР, 2017. –С. 33–38.

9. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Академпроект, 1997. – 989 с.

Saygin V.V.

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)

LANGUAGE EMBODIMENT OF THE CONCEPT “ISKUPLENIE” (“REDEMPTION”) IN THE CONTEXT OF INTERACTION OF RELIGIOUS AND SECULAR TRADITION IN NATIONAL CULTURE

The work develops the ideas of interaction of religious and secular components in language representation of the concepts forming the conceptual field “grekh” (“sin”) in Russian culture (the concept “iskuplenie” (“redemption”) as an example). The features of language objectification and discursive variation of the lexemes – representatives of the concept “iskuplenie” (“redemption”) in the aspect of antinomy of orthodox-Christian and non-religious content on the material of lexicographic sources, the data of Russian National Corpus and Internet-monitoring are described in the work.

Keywords: concept “iskuplenie” (“redemption”), conceptual field “grekh” (“sin”), conceptual analysis, linguo-culturology, Russian language.

Письменные упражнения в русской гимназии: история вопроса

Статья рассматривает виды письменных упражнений, принятых в исторической модели русской гимназии начала XX века. Письменные упражнения (сочинения), относясь к основной форме работы над письменной речью учащихся на уроках словесности, имели в то же время метапредметные цели. Они не привязывались жестко к историко-литературному материалу и включали в себя исторический, географический, автобиографический и историко-культурный материал.

Ключевые слова: письменные упражнения, темы сочинений, метапредметные цели.

Анализ трудов русских методистов XIX века, посвященных письменным упражнениям школьников, свидетельствует об определенных трудностях, с которыми сталкивались в процессе работы над ними не только начинающие учителя, но и опытные преподаватели русского языка и словесности. Методические проблемы школьного сочинения, не в последнюю очередь, были обусловлены их сложной, объемной тематической иерархией [См. 1, 4, 8]. Широкое распространение в этот период имели темы сочинений, не связанные напрямую со школьным историко-литературным материалом и, в то же время, являющиеся важной тематической составляющей письменных упражнений в общем пространстве гимназического предмета «словесность». В методических трудах последних десятилетий XIX века темы сочинений такого рода причислялись к «отвлеченным», основанным на историческом, географическом, культурологическом, автобиографическом материале. В современном контексте подобные темы сочинений мы бы назвали «нелитературными», публицистическими.

Какие общие задачи актуализировались методистами в 80–90-х гг. XIX века при написании сочинений, независимо от их литературной или «нелитературной» (публицистической) тематики? М.Н. Ольшамовский в книге «Руководство к ведению письменных упражнений в гимназиях» выделял следующие задачи:

- формулирование наиболее полезных видов гимназических письменных упражнений;
- определение последовательности, в которой должны следовать один за другим виды письменных упражнений;

- работа над способами и приемами преподавания, ведущими ученика к успешному и целесообразному выполнению письменных работ [См.: 4, с. 3].

По убеждению ученого, «объяснение поэтических произведений» (т.е. анализ литературного текста), должно было быть почти исключительно устным упражнением.

Это высказывание по-новому актуализирует важность публицистической составляющей в письменных упражнениях школьников.

Итак, «нелитературная» тематика сочинений была важной частью литературного образования последних десятилетий XIX века. Какую связь должны были иметь «нелитературные» ученические сочинения с различными предметами гимназического курса? В решении этого вопроса в методике не прекращалась полемика. К.Ф. Якубович подчеркивал «связь сочинений частью с русской словесностью, частью – с вопросами из области нравственности» [8, с.12]. Е.В. Белявский делил число всех тем сочинений в старших классах гимназий на две равные части: одна половина бралась из разряда отвлеченных, а другая половина делилась между историческими и литературными темами [1, с. 39]. М.Н. Олышамовский предлагал для учеников старших классов гимназий отвлеченные, литературные и исторические темы [4, с. 3]. Методист настаивал на том, что сочинения-рассуждения должны иметь широкий круг ассоциаций с другими учебными дисциплинами: быть в связи с историей, географией, русской и западноевропейской литературой, с произведениями греческих и римских классиков, читаемых на уроках древних языков. Целесообразность этого, с позиций ученого, определялась тем, что преподаватель не мог ограничить содержание письменных рассуждений старшеклассника одной областью, например, литературной или нравственной, он находился в ситуации, когда темы из истории, географии, литературы, древних авторов становились неотъемлемой частью тематики письменных упражнений по словесности. Эти выводы ученого, на наш взгляд, трансформируют сочинение в рамках предмета «словесность» в сочинение метаметодического характера. Рекомендации М.Н. Олышамовского имеют надпредметное значение: «тема должна удовлетворять следующим условиям: а) в ней должно быть единство; б) она должна быть интересна; в) она должна представлять выражение краткое, точное и определенное, так, чтобы ученику не приходилось блуждать в стороне от вопроса» [4, с. 66]. О надпредметной основе дисциплины «словесность» в этот же период писал К.Ф. Якубович: «Объединение всей суммы школьных знаний и сосредоточение их вокруг одного общего центра, в настоящее время является лишь идеалом воспитывающего обучения. Но и теперь отечественная словесность, пользуясь для своих выводов данными из всех школьных наук, служит до некоторой степени связующей нитью между разнородными данными общего и в частности реального образования» [8, с. 14].

В методических пособиях этого периода распределение тем «нелитературного» характера по различным содержательным направлениям отличалось широтой и разнообразием [См.: 6, 7]. Возвращаясь к книге М.Н. Ольшамовского «Руководство к ведению письменных упражнений в гимназиях» (1880), отметим, что в его классификации содержится более десяти рубрик, к которым относятся отвлеченные («нелитературные») темы. Представленная ниже классификация М.Н. Ольшамовского дополнена нами формулировкой одной из тем, содержание которой ученый отождествлял с данной рубрикой:

1. Образование («Кого мы называем образованным человеком»);
2. Знания, ученье, книга, путешествия («Знания – высшее богатство»);
3. Труд и праздность («Причины праздности»);
4. Счастье, несчастье, беда («Где правда, там и счастье»);
5. Бедность, богатство, скупость, бережливость («Бедность не порок»);
6. Различные отношения человека к самому себе («Познай самого себя»);
7. Взаимные отношения между человеком и природой («О влиянии человека на природу»);
8. Взаимные отношения между людьми («Человеколюбивый и эгоист»);
9. Взаимные отношения между человеком и его действиями («Что такое лицемерие»);
10. Жизнь человека, города, государства («Значение рек и морей»);
11. Слово и письмо («Слог есть сам человек») [См.: 4, С. 83–92].

Методист подчеркивал, что предлагаемое им распределение не является чем-то жестким и закреплённым, в то же время отвлеченные темы для него являлись неотъемлемой частью сочинений-рассуждений. При обучении сочинению-рассуждению методист настаивал на том, чтобы первыми сочинениями-рассуждениями, предлагаемыми школьникам в средних классах, были темы отвлеченного характера [См.: 4, С. 64]. К.Ф. Якубович, учитель-словесник, чьи труды оставили заметный след в истории методики, в своей речи «Значение русской словесности в системе реального образования» (1895) также подчеркивал надпредметную природу дисциплины «словесность»: «само собою разумеется, что, вторгаясь поневоле в область других учебных предметов, преподавание русской словесности не может считать своею задачей расширение и обобщение сведений учащихся по истории, географии, математике и естественным наукам, что оно не может также обнаруживать также притязаний стать какой-то школьной философией – синтезом разнородных данных учебного курса» [8, с. 13]. В то же время, прибегая к понятиям современной методики и делая вывод о надпредметности тематических формулировок сочинений в конце XIX века, следует подчеркнуть их очевидную эвристическую направленность. Эвристический метод определяется как «половина пути» от репродуктивного к продуктивным методам обучения. «Литературное развитие учащихся, – пишет современный методист, – состоится, если двигаться по-

степенно – от репродукции знаний (багаж состоявшихся уроков литературы) к частично-поисковому пути в новой учебной ситуации. Если мы, из благих побуждений, минуем частично-поисковую зону, одновременное усложнение задачи (новая учебная ситуация, усиленная методом учебного исследования) может ослабить динамику литературного развития» [2, с. 72]. Если пользоваться логикой современного методиста, то работу над «нелитературными» темами сочинений в исследуемый нами период XIX века, можно отнести к частично-поисковой, эвристической деятельности. Объяснить это можно следующим образом: в темах «нелитературного» характера требовалось лишь литературное изложение публицистического, автобиографического, исторического материала, не сопровождающееся литературоведческим анализом художественного текста, который, безусловно, имел уже характер учебного исследования. Таким образом, литературное изложение публицистического материала являлось посильной (не исследовательской, а частично-поисковой) задачей для большинства учащихся. Подтверждение нашей мысли мы находим в характеристике школьных хрестоматий по словесности, данной

К.Ф. Якубовичем: «Кроме поэтических произведений в хрестоматиях для младшего и даже для старшего возраста помещаются и исторические рассказы и географические очерки, и характеристики всех видов и форм всех царств природы и, наконец, доступные учащимся образцовые научные рассуждения. В младших классах разнородные статьи хрестоматии читаются, конечно, с исключительной целью обогатить речь учащихся и приучить их сознательно относиться к книге, а в высших – для того, чтобы ознакомить их с важнейшими приемами литературного изложения (курсив мой – А.С.) [8, с. 12]. В то же время, как мы подчеркивали в своей предыдущей работе на эту тему, «значительное количество тем социально-культурной направленности сохранялось и в курсе словесности старших классов гимназии, где заканчивался курс грамматики и начиналось непосредственное изучение русской классики» [5, с. 136]. Такое положение определялось в известной степени тем, что общие цели изучения словесности в школе связывались, прежде всего, с овладением стилистическими и грамматическими нормами русского языка, а не с исключительно литературным анализом, как это случилось впоследствии в XX в.

На наш взгляд, приобретение навыка литературного изложения, пожалуй, определяющая цель сочинений «нелитературного» характера в русской школе конца XIX века. Современный методист Е.В. Гетманская пишет о том, что «на сегодняшний день школа достаточно оснащена «ребрами жесткости» предметных методик. Но для того чтобы представить ученикам культурологическую и мировоззренческую основу общества, необходимы методические обоснования более широкого захвата, чем рамки отдельного предмета» [3, с. 261]. Подобную задачу (формирование мировоззрения школьника) российская

586 методика в период 80 – 90-х годов XIX века успешно решала, используя темы сочинений надпредметного характера. Опираясь на анализ методических трудов того периода, можно говорить о том, что, благодаря формирующейся «нелитературной» тематике школьного сочинения постепенно складывалась метаметодическая модель литературного образования, а в рамках методики преподавания словесности развивались эвристические методы и приемы.

Литература

1. Белявский Е.В. Метод ведения сочинений в старших классах гимназий // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. №4. С. 29–41.
2. Гетманская Е.В. Двойная функция эвристического метода обучения // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 9 (43). С. 69–73.
3. Гетманская Е.В. Эвристический метод: генезис и современное функционирование // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 2. С. 261–268.
4. Ольшамовский М.Н. Руководство к ведению письменных упражнений в гимназиях. Москва: тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1880. 104 с.
5. Самсонова А.В. Социокультурная тематика гимназических сочинений рубежа XIX–XX веков // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 2–1. С. 136–141.
6. Холевиус И. Темы и планы для сочинений. Кн. Вторая. С практическим руководством для составления сочинений в письмах к молодому другу того же автора. Пер. с нем. М. Белявской. М. Изд. В.В. Думнова. 1912. 214 с.
7. Шумиловский Л.И. Руководство к самостоятельному составлению ученических сочинений. Пособие для учащихся, экстернов, для самообразования и для подготовки к конкурсным экзаменам в специальные высшие учебные заведения. Спб.: Изд. П.К. Шмулевича, 1910. 232 с.
8. Якубович К. Ф. Значение русской словесности в системе реального образования: Речь, произнес. 19 нояб. 1895 г. на торжеств. акте Киев. реал. уч-ща учителем рус. яз. и словесности К.Ф. Якубовичем. Киев: тип. И.И. Чоколова, 1896. 45 с.

Samsonova A.V.

Secondary school № 5

WRITTEN EXERCISES IN RUSSIAN GYMNASIUM: THE HISTORY OF THE QUESTIOT

The article considers the types of written exercises adopted in the historical model of the Russian gymnasium of the early twentieth century. Written exercises (essay), referring to the main form of written speech of pupils at lessons of literature, had at the same time interdisciplinary purposes. They are not attached rigidly to the historical-literary material and included historical, biographical, autobiographical and historical-cultural material.

Keywords: writing exercises, essay topics, interdisciplinary purposes.

Сочетаемость наречия *крайне* в современном русском языке

В языке новейшего периода обнаруживается тенденция к расширению сочетаемости наречия *крайне*, которое все более активно употребляется в контекстах с обозначениями: а) неопределенных признаков, располагающиеся в зоне больших величин (*крайне сильный*); б) явлений, имеющих положительную оценку (*крайне успешный*). Преодоление прежних сочетаемостных границ порождает проблему отношения к новым синтагмам в плане их приемлемости / неприемлемости с точки зрения языковой нормы.

Ключевые слова: интенсификатор, предельный и неопределенный признак, положительная и отрицательная оценка, синтагматика, языковая норма.

Слово *крайне* относится к числу наречий степени, которые служит лексическим средством выражения интенсификации [7, с. 84–93; 9, с. 178]. Синтагматика этого наречия подчиняется закономерностям семантической и лексической сочетаемости, в совокупности образующим набор разрешений и запретов, которые не всегда носят строгий характер, что осложняется действующей сейчас тенденцией к размыванию сочетаемостных границ.

Название каждого свойства (действия) принимает свой набор интенсификаторов, ср.: *безопасный* – совершенно, абсолютно; *далекий* – очень, чрезвычайно, совсем, слишком, чересчур и под. Избирательность проявляется, в частности, в том, что одни интенсификаторы тяготеют к положительно-оценочным, а другие – к отрицательно-оценочным характеристикам, ср.: *обаятелен, красив* – неотразимо (положительная оценка); *назойлив, ворчлив* – несносно, непереносимо (отрицательная оценка). Многие интенсификаторы образуют идиоматические словосочетания: *кофе – крепкий, необходимость – острая, оторвать – напроц*. Наречие *крайне* не столь идиоматично, однако его сочетаемость частично лексикализована и задается списочным составом слов. Например, обычно говорят: *крайне некрасиво*, но не говорят: **крайне красиво*. И наоборот, говорят *крайне важное дело*; но обычно не говорят: *крайне *неважное дело*.

Кра́йне сочетается с такими грамматическими и семантическими классами слов, как качественные прилагательные и наречия, предикативные наречия (в частности с модальным значением), глаголы (главным образом со значе-

588 | нием эмоциональных состояний, ментальных действий). Наиболее частотна сочетаемость с прилагательными и наречиями, семантический диапазон которых очень широк, и основные требования к их значению сводятся к качественности и градуируемости называемых свойств. Стилистически крайне воспринимается как более книжное по сравнению с синонимом очень, но менее книжное – по сравнению с весьма. Характерно тяготение к названиям абстрактных признаков. Если у прилагательного есть значение свойства физического мира и метафорическое абстрактное значение, то интенсификатор чаще принимается именно вторым. Ср.: крайне низкий культурный уровень, но не *крайне низкая изгородь; крайне слабые знания, но не *крайне слабый узел; крайне острая проблема, но не *крайне острый наконечник; а также скорее крайне болезненная тема, чем крайне болезненный фурункул. Причины такой избирательности можно видеть в том, что, во-первых, крайне как интенсификатор характеризуется антропоцентричностью, а во-вторых, контексты с абстрактными именами стилистически более соответствуют книжности самого наречия.

Наречие «крайне» на градационной шкале интенсификации

Рассматривая особенности интенсификации оценки, Е.М. Вольф пришла к выводу о таких свойствах градационной шкалы, как недискретность (континуальность) и неопределенность: «... нельзя определить интервалы между степенями признаков и установить их относительное порядковое место» [4, с. 53]. Эта мысль в полной мере относится и к адвербиальным интенсификаторам. Так, невозможно соотнести меру признака и определить локализацию относительно друг друга для слов удивительно, поразительно, потрясающе, страшно, ужасно, пугающе, чудовищно и др.

Определение точного места наречия крайне на градационной шкале интенсивности представляет проблему. Яркая внутренняя форма указывает на «крайнюю», то есть самую высокую, максимальную степень признака. Это наводит на мысль, что данное наречие должно входить в ряд таких слов, как совсем, совершенно, абсолютно, полностью. Однако крайне в толковых словарях толкуется не как ‘совершенно, абсолютно’, а как ‘очень, чрезвычайно’, см. [БТС]. Следовательно, по значению оно вписывается в ряд интенсификаторов не максимальной (абсолютной), а высокой степени, наряду со словами очень, весьма, чрезвычайно, а также экспрессивами удивительно, поразительно, ужасно, чудовищно и др.

Двойственный характер слова крайне отражен в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка». О слове крайне говорится в 2 словарных статьях: «Совершенно, абсолютно, совсем» и «Очень, весьма, сильно» [5; 6]. С.А. Григорьева пишет: «... предельно и крайне предполагают, что имеющая место степень свойства достигла предела и не может быть превышена» [5, с. 256]. Тем самым они наиболее близко примыкают к ряду совершенно,

абсолютно, совсем [6, с. 318]. С другой стороны, С.А. Григорьева рассматривает предельно и крайне в числе наречий, которые «указывают на очень высокую степень некоторого признака» [5, с. 256]. В электронном словаре Г.И. Кустовой «Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени», созданном на основе Национального корпуса русского языка, дается однозначная интерпретация наречия крайне. Автор различает такие семантические классы интенсификаторов, как «высокая степень», «полнота / предел», «величина», и слово крайне относит к первому классу [8].

Итак, семантически наречие крайне ближе всего к словам очень, весьма, чрезвычайно, причем воспринимается как более высокая степень, чем очень и весьма. К значению 'очень, чрезвычайно' добавляется семантический признак некоторой точки на градационной шкале, которую говорящий выделяет как не просто очень высокую, но «крайнюю» степень, предел для описываемой ситуации. При этом «крайность» имеет смысл не собственно градуальный, а скорее эмоциональный. Так, во фразе Студент Иванов крайне ленив содержится эмфатическое указание на «крайность», хотя вовсе не имеется в виду, что невозможно быть еще ленивее, чем этот студент. При этом эмоциональность наречия крайне более сдержанна, чем слов удивительно, потрясающе, ужасно, и носит по сравнению с ними более книжный характер.

Предельность интенсифицируемого признака

Семантическим признаком прилагательного или наречия, релевантным для сочетаемости с интенсификаторами, считается предельность / непредельность, см. [2; 8] и др. В языковой картине мира одни свойства представлены как предельные, другие – как непредельные. Предельным является «прилагательное, обозначающее такое градуируемое свойство, которое имеет максимальную степень (предел)» [2, с. 44]. К предельным относятся прилагательные цвета, размера и др. (здоровый, короткий, низкий). Непредельным является прилагательное, если оно обозначает либо неградуируемое свойство (вечный), либо такое градуируемое свойство, которое не имеет максимальной степени (длинный, высокий, глубокий, далекий).

Интенсификаторы максимальной (абсолютной) степени обычно определяют предельные свойства, но не сочетаются с непредельными, ср.: совсем короткий при невозможности *совсем длинный; совершенно глуп при невозможности *совершенно умен. Для интенсификаторов высокой степени предельность / непредельность свойства безразлична: очень короткий, очень умен.

Сочетаемость наречия крайне представляет собой сложное явление, обнаруживающее, как и его семантика, черты амбивалентности. В целом, наречие крайне ведет себя аналогично интенсификаторам максимальной степени. Близость к ним проявляется в тяготении к предельным признакам. Например, возможно сказать крайне глупый, но невозможно *крайне умный; возможно крайне малый, но вряд ли *крайне большой. Таким образом,

590 можно говорить о закономерности, состоящей в том, что интенсификатор крайне сочетается с признаками, лежащими в зоне «малых величин», и не принимается «большими величинами» (которые обычно проявляют свойство неопределенности). Однако эта закономерность проявляется не столь жестко, как у интенсификаторов максимальной степени. Часто наречие крайне лишь отдает предпочтение предельному свойству, сочетаемость же с неопределенным возможна, хотя менее привычна и малочастотна. Так, например, крайне бедный выглядит более привычно, чем крайне богатый. Например: Олонец крайне бедный город. (А.В. Никитенко. Дневник. 1834.) [НКРЯ]. Но контексты с крайне богатый все же встречаются: Я человек... крайне богатый. (М. Булгаков. Адам и Ева. 1931.) [НКРЯ].

Для интенсификаторов максимальной степени признака подобная сочетаемость вообще невозможна: *совсем, абсолютно богатый; *совсем, совершенно подробный.

Отрицательная оценка явления

Наречие крайне обычно определяет названия явлений, имеющих отрицательную оценку, что отмечается в [5; 6]. Например, более естественно сказать крайне враждебный, чем *крайне дружелюбный; крайне болезненный, чем крайне здоровый; крайне эгоистичный, чем *крайне альтруистичный. Аналогично в других парах слов, выражающих семантическую и оценочную противоположность, наречие крайне в норме изберет сочетаемость с первым, отрицательно-оценочным, ср.: пассивный – активный, уродливый – красивый, скупой – щедрый, консервативный – прогрессивный. Показательна сочетаемость с прилагательными и наречиями с приставкой не-, ср.: крайне неблагоприятный, неприглядный, непрофессиональный, неустойчивый. В сочетаемости с приставочными образованиями сходятся 2 закономерности: характеристика предельного и отрицательно-оценочного признаков.

Расширение сочетаемости

В русском языке периода конца XX–XXI в. происходит развитие средств интенсификации, что находит проявление как в пополнении класса интенсификаторов новыми единицами, так и в расширении функциональных возможностей имеющихся интенсификаторов. Класс интенсификаторов расширяется в результате развития количественного значения у ряда прилагательных и наречий. Все активнее употребляются как средства выражения высокой степени слова фантастически, космически, астрономически, нереально и др., о чем подробнее в нашей статье [10].

Синтагматика наречия крайне в языке новейшего периода очевидно трансформируется в сторону повышения его сочетаемостных возможностей. Расширение сочетаемости является показателем непрерывного развития слова, усложнения и обогащения его семантики [11, с. 9]. На современном этапе «наблюдается расширение сочетаемости слов без видимых ограниче-

ний» [1, с. 284], что может привести к созданию синтагм, не согласующихся с традиций употребления и противоречащих нормативным установкам.

Материалы НКРЯ наглядно иллюстрируют эти изменения. Прежде всего, наречие приобретает возможность сочетаться с неопределёнными признаками зоны «больших величин». Например, в контекстах НКРЯ, относящиеся к периоду конца XX – начала XXI вв., встречаются словосочетания: крайне дорогая цена, крайне конкурентный рынок, крайне самобытная древняя цивилизация и др. Ср. также: ...Голова его подобна человеческой... руки крайне длинны... (И. Игнатов. В поисках хозяина леса. «Вокруг света». 1992.) [НКРЯ].

Еще более показательна тенденция к выходу за пределы сферы отрицательной оценочности. Крайне все активнее характеризует явления и свойства, оцениваемые положительно. В НКРЯ в изобилии встречаются контексты типа: крайне надежный, чистоплотный, порядочный, талантливый и др. Ср.: И подбор авторов для ответа на вопросы о кипении оказался крайне удачным. (К. Мильчин. Оттолкнулись от дна. «Русский репортер». 2012.) [НКРЯ]. «Роллинги» вообще известны своими крайне успешными турами... (Известия. 07. 05. 2002.) [НКРЯ].

Встречаются даже словосочетания с прилагательными и наречиями общей оценки. Ср.: ... На динамику этого сегмента крайне позитивно влияет развитие страхования... (Е. Обухова. Год сжатия. «Эксперт». 2015.) [НКРЯ]. Разгуливать под руку с мичманом да по Приморскому бульвару – страшный грех, даже если это хорошо знакомый, крайне положительный субъект... (Е. Завершнева. Высотка. 2012.) [НКРЯ]. Билеты... продавались крайне хорошо. (Известия. 07. 05. 2002.) [НКРЯ].

Итак, расширение сочетаемости наречия крайне приводит к изменению конфигурации границ фразеологической связанности, к снятию ряда сочетаемостных запретов. Язык обогащается новыми синтагмами, необычность которых повышает их экспрессивные возможности. Но многие из таких словосочетаний ощущаются как нарушение сложившихся традиций и языковой нормы, в связи с чем активизация их употребления требует внимания к наречию крайне в аспекте культуры речи.

Литература

1. Авина Н.Ю. Трансформация сочетаемости слов в аспекте культуры речи: региональные особенности // Вопросы культуры речи. Вып. XI / Отв. ред. А. Д. Шмелев. – М.: Языки русской культуры, 2012. – С. 284–289.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.

- 592 | 3. Большой толковый словарь русского языка / Ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2001.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
5. Григорьева С.А. Очень // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск / Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская и др. / Под общим рук. Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 256–261.
6. Григорьева С.А. Совершенно // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск / Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская и др. / Под общим рук. Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 318–321.
7. Ермакова, О. П. Семантические категории в лексике и грамматике русского языка: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2015. 96 с.
8. Кустова Г.И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени» [Электронный ресурс] // – URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (дата обращения: 12.01.2019).
9. Панова Г.И. Морфология русского языка: Энциклопедический словарь-справочник. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 448 с.
10. Сандакова М.В. Семантическая оппозиция реального и нереального в современной речи // Вестник ВятГГУ. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. № 3. – С. 106–110.
11. Складаревская Г.Н. Введение // Толковый словарь русского языка XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складаревской. – СПб.: Изд-во «Фолио-Пресс», 2000. – С. 7–35.

Sandakova Marina Vsevolodovna, Ibo Natalia Evgenievna

Nizhniy Novgorod State Technical University

COMPATIBILITY OF THE ADVERB EXTREMELY IN MODERN RUSSIAN

In the language of the newest period, there is a tendency to expand the compatibility of the adverb extremely, which is more and more actively used in contexts with the following symbols: a) unsaturated signs located in the zone of large quantities (extremely strong); b) phenomena with a positive assessment (extremely successful). Overcoming the previous compatibility boundaries raises the problem of attitude to new syntagmas in terms of their acceptability / inadmissibility from the point of view of the language norm.

Keywords: intensifier, limit and non-limit sign, positive and negative assessment, syntagmatics, language norm.

Тенденция преодоления «центризма» литературного языка. Хорошо или плохо?

В статье затрагивается проблема языковой вариативности, преодоления «центризма» литературного языка; учитываются подходы ведущих лингвистов к вопросу о динамике и развитии языковой нормы; рассматриваются критерии языковой нормы.

Ключевые слова: языковая норма, языковая вариативность, коммуникативно-деятельностный подход, литературная традиция, кодифицированность.

В лингвистической литературе последних двух десятилетий достаточно активно используется термин «ортология». В настоящее время речь уже идет о выделении самостоятельной лингвистической дисциплины с таким названием.

Не вызывает сомнения тезис о том, что объектом лингвистической дисциплины "ортология" является языковая норма. Следовательно, теоретической основой ортологии должна являться теория языковой нормы.

Пока рано говорить о создании цельной и непротиворечивой общей теории нормы (многие принципиальные теоретические вопросы остаются дискуссионными), однако основы такой теории в науке уже заложены в работах С.И. Ожегова, Л.И. Скворцова, А. Едлички, В.С. Шварцкопфа, К.С. Горбачевича, А.И. Горшкова, В.А. Ицковича, Л.К. Граудиной и других лингвистов.

В литературе последних лет наблюдаются коммуникативно-деятельностные тенденции ортологии, например, в работах Л.П. Крысина, Е.Н. Ширяева, О.Б. Сиротининой, Т.В. Матвеевой, О.П. Ермаковой, Е.А. Земской, А.Г. Жуковой.

При таком подходе критерием правильности выступает уже не единственный вариант, однозначно предписываемый ортологическими словарями, а как коммуникативное задание данного типа речевых произведений в данных коммуникативных условиях. Соответствие коммуникативному заданию — и есть главная, инвариантная, норма. Таким образом, согласно коммуникативно-деятельностному подходу норма регулирует выбор одного из возможных вариантов, предоставляемых языком говорящему.

Понятие уместности выбора сегодня приходит на смену запрету и жесткому предписанию, формируется понимание толерантного отношения к стилистическому разнообразию вариантов: каждый из них потенциально уместен

594 | в определенных коммуникативных ситуациях. Многими представителями коммуникативно-деятельностного подхода развивается положение М.В. Панова о том, что в настоящее время усиливается личностное начало, диалогичность, стилистический динамизм, «норма становится не столько системой запретов, сколько выбором языкового средства» [8, с. 15].

Наблюдается тенденция преодоления «центризма» литературного языка, дающего единственно правильный вариант. Диапазон вариативности становится все более широк. Признание вариативности норм как естественного и необходимого состояния языка, их неизбежного перекрещивания в речи влечет за собой усиление объективистского подхода. И с этим трудно не согласиться.

Сосуществование языковых вариантов — более или менее равноправных (бАржа и баржА, мУскулистый и мускулистый, начЕркать и начеркАть, рОженица и роженИца, прОсек и прОсека, боржОм и боржОми) и неравноправных (манЕвры и доп. манЕвры, договОр и доп. дОговор, в Отпуске и доп. в отпускУ) — с одной стороны, осложняет языковую систему, с другой — «содействует плавному преобразованию литературной нормы», «обеспечивает менее резкий и болезненный переход от старой нормы к новой» [2, с. 88].

Как было сказано выше, коммуникативно-деятельностный подход приветствует существование большого количества языковых вариантов. Но не будет ли это способствовать расшатыванию языковой нормы, стиранию границ между «правильно» и «неправильно», так как в общепринятом понимании языковая норма — это единообразное, образцовое написание, произношение, словоупотребление и т.д. Ведь именно норма обеспечивает единство литературного языка во времени и, таким образом, способствует сохранению культурных традиций.

То или иное языковое явление, тот или иной языковой вариант, чтобы стать узаконенным, должно соответствовать критериям нормы.

Первый важный критерий — это соответствие узусу, то есть общепринятой современной речевой практике. Сформулировать данный критерий можно проще: «сейчас так говорят все — значит это правильно». Вместе с тем «языковая норма — это не статистическое явление, ибо распространенной и часто повторяющейся в языке может быть, как известно, и ошибка» [6, с. 259], например, дОговор (вм. лит. договОр), свеклА (вм. лит. свЕкла), ново-рОжденный (вм. лит. новорождЕнный).

Язык, как и любая живая система, всегда находится в состоянии неустойчивого равновесия. Узус порождает новации, одни из которых закрепляются в речи, а другие отвергаются. Закрепившиеся в речи новшества со временем могут получить кодификацию. Однако необходимо учитывать, что всеобщая распространенность речевого явления и даже употребление его отдельными представителями культурной элиты еще не означает его нормативности. На

речи крупнейшего советского лингвиста академика В.В. Виноградова всю жизнь сказывалось диалектное фонетическое влияние. В.В. Виноградов провел детство в подмосковном Зарайске, где служил священником его отец, репрессированный в 1930 г. В непринужденной обстановке он мог, например, сказать палкими вместо палками. Академик Д.С. Лихачев признавался, что никак не может отказаться от неправильного произношения буквенных сочетаний чт и чн. Он говорил в соответствии с петербургской произносительной нормой что [что]. Во второй половине XX в. произношение старопетербургской интеллигенции [ч,] на фоне [ш] московской нормы, утвердившейся в качестве общелитературной, стало восприниматься как отклонение от нормы.

Вторым критерием является авторитетность носителя языка, «который в своей речи употребляет данный вариант, а не другой» [5, с. 36]. К авторитетным источникам относятся произведения художественной литературы, лучшие образцы публицистики и прессы, материалы научной и деловой речи. Грамматики и словари строятся в основном на данных, собираемых из этих источников, и подтверждаются примерами, взятыми из них. Н.С. Валгина полагает, что «в настоящее время центр нормообразования переместился в средства массовой информации (телевидение, радио, периодическая печать)» [1, с. 42]. Живая публичная речь «стала выполнять в обществе образовательную функцию» [3, с. 68].

Брать за основу нормообразования только произведения художественной литературы не всегда является оправданным шагом. С одной стороны, произведения классиков литературы — это пример глубокого знания языка и его возможностей. Проникновение великих писателей в семантику языка, его грамматический строй, стилистическую систему настолько глубоко, что писатели такого масштаба способны литературно организовывать и тем самым преобразовывать язык, создавать неповторимые авторские словесные образы и смыслы.

Но, с другой стороны, язык писателей не свободен от нарушения нормы и ошибок. Художественные произведения — это не руководства по грамматике, стилистике, словоупотреблению и т. д., а пример творческого использования языковых средств в художественном и эстетическом отношении. С этой целью писатель может употреблять диалектную, узкопрофессиональную, жаргонную, просторечную, даже ненормативную лексику для речевой характеристики персонажей и реалистического изображения жизни.

Третий важный критерий — это соответствие литературной традиции. Норма опирается на традиционные способы использования языка и necessarily относится к языковым новшествам. «Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет», — писал известный лингвист А.М. Пешковский. Он так объяснял это свойство и литературной

596 нормы, и самого литературного языка: «Если бы литературное наречие изменялось быстро, то каждое поколение могло бы пользоваться лишь литературой своей да предшествовавшего поколения, много двух. Но при таких условиях не было бы и самой литературы, так как литература всякого поколения создается всей предшествующей литературой. Если бы Чехов уже не понимал Пушкина, то, вероятно, не было бы и Чехова. Слишком тонкий слой почвы давал бы слишком слабое питание литературным росткам. Консервативность литературного наречия, объединяя века и поколения, создает возможность единой мощной многовековой национальной литературы» [6, с. 55]. Однако консерватизм нормы не означает ее полной неподвижности во времени. Изменение норм происходит гораздо медленнее, чем развитие национального языка в целом. Чем более развита литературная форма языка, чем лучше обслуживает она коммуникативные нужды общества, тем меньше она изменяется от поколения к поколению людей, пользующихся этим языком.

И последним критерием является кодифицированность. Это закреплённость норм в словарях, грамматиках, справочных пособиях. Кодификации подвергается не весь национальный язык, а только те его системы, которые наиболее важны в социальном и коммуникативном отношении. Откуда лингвисты черпают сведения при кодификации норм языка? Во-первых, право на кодификацию имеет пять организаций: Институт русского языка РАН им. В.В. Виноградова, Институт языкознания РАН, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет и Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы. В основе кодификации лежат такие признаки, как: соответствие структуре языка; массовая и регулярная воспроизводимость в процессе речевой деятельности большинства говорящих; общественное одобрение и признание.

Не будет ли способствовать толерантное отношение к большому количеству появляющихся вариантов (а главное их кодификация) легализации безграмотности? К чему мы придем, если будем кодифицировать речь неграмотного населения, речь людей, которые нарушают нормы литературного языка? Не исключено, что при таком подходе через два-три года нормой будет звОнит, квАртал, зачОт через «о» и т.д. Сначала эти формы появятся в словарях в качестве вариантов с пометой «доп.», затем как равноправные и, как результат, в качестве основных. Как мы будем обращаться с языком, таким он и будет.

Нельзя не согласиться с тем, что во многих ситуациях «словари предлагают не «вместо», а «наряду», не императивный единственно правильный вариант, а возможность выбора» [7, с. 10]. Но здесь же В.В. Химик отмечает, что договор с ударением на первом слоге является «стилистически окрашенным вариантом, свидетельствующим о принадлежности говорящего к сфере деловой бюрократизированной коммуникации, т.е. вариант ограниченной

дескриптивной нормы», а кофе в форме среднего рода «еще долго будет маркером несколько обиходно-разговорной речи не вполне образованного человека» [7, с. 10]. Но если эти варианты употребляют не вполне образованные люди, то зачем же их кодифицировать и ставить выбор между традиционным вариантом и вариантом, который функционирует в речи не совсем грамотных людей?

Язык сейчас меняется очень быстро, и ортология, ортологические словари должны как-то этому воспрепятствовать. Необходим некий баланс, гармония между толерантным отношением к этим изменениям и пуристическими тенденциями. Иначе наши потомки не смогут воспринимать законы построения текстов своих предков, и нам не удастся сохранить современный русский язык, и тем более язык Пушкина и Толстого.

Литература

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. – М., 2001. – 304 с.
2. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. На Материале современного русского языка. – Л., 1978. – 240 с.
3. Коньков В.И., Потсар А.Н., Сметанина С.И. Язык СМИ: современное состояние и тенденции развития // Современная русская речь: Состояние и функционирование. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2004. – С. 67–81.
4. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М., 1996. – 207 с.
5. Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М., 1974. – 352 с.
6. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А.М. Избранные труды. – М., 1959. – 250 с.
7. Химик В.В. Языковая норма как проблема русской культуры // Русский язык и литература в современном гуманитарном образовательном пространстве. – СПб.: СПГУТД, 2010. – С. 7–13
8. Ширяев Е.Н. Типы норм и вопрос о культурно-речевых оценках // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000. – 379 с.

T.V.Satina

Financial University under the Government of the Russian Federation

THE TENDENCY TO OVERCOME THE "CENTRISM" OF THE LITERARY LANGUAGE. GOOD OR BAD?

The article touches upon the problem of language variability, overcoming the "centrism" of the literary language; takes into account the approaches of leading linguists to the question of the dynamics and development of language norms; considers the criteria of language norms.

Keywords: language norm, language variability, communicative-activity approach, literary tradition, codification

А.М. Селищев: изучение исторических языковых процессов в Македонии

В статье обращается внимание на македонский аспект исследований известного славяноведа Афанасия Матвеевича Селищева, который собрал диалектологический материал в Македонии и классифицировал македонские говоры.

Ключевые слова: А.М. Селищев; Македония; македонские говоры.

Научная деятельность известного советского языковеда Афанасия Матвеевича Селищева была чрезвычайно разнообразна. В этой связи показательно обращение ученого к изучению исторических языковых процессов, происходивших в Македонии.

На начальном этапе своей творческой деятельности Селищев определил тему научного исследования, связанную с говорами Македонии. Афанасий Матвеевич скрупулезно изучал разные аспекты жизни и языка данной территории.

Изучая македонско-болгарскую группу языков, Афанасий Матвеевич 19 мая 1912 г. отправляет письмо в Софию редактору журнала «Болгарская Сбирка» с просьбой выслать ему номера издания с 1894 года по 1902 год и книгу восьмую за 1905 г. Ответ на почтовой карточке он получает в июне 1912 г.

Казань. Славянской филологии при Императорском Казанском университете из Софии, 5 июня, 1912 г., ул. Славянская, 22.

Милостивый Государь!

Согласно Вашему письму от 19 мая с.г. мы отправили в 6 бандеролях все номера «Болгарской Сбирки» (1894–1902) и отдельную книжку (8-я, 1905 г.) (1-й книги отдельно не имеется). На почтовые расходы по этим маловесным посылкам... истрачено 11 фр. 40 сант. Посему просим выслать не 55, а 60 франков.

С совершенным почтением: Редактор журнала «Болгарская Сбирка» [2, с. 1].

В 1914 году Афанасий Матвеевич едет в заграничную научную командировку на Балканский полуостров и большую часть времени проводит в Македонии с целью изучения македонских говоров. Материал, который предполагалось собрать, предназначался для использования в магистерской диссертации.

Так, научный интерес А.М. Селищева к глубоким и широким взаимным связям отдельных языковых групп реализовался на Балканах. Используя данные памятников письменности второй половины XVIII в. и собранный

им диалектологический материал, ученый дал свою классификацию македонских говоров.

В 1918 году издается диссертация А.М. Селищева «Очерки по македонской диалектологии» (Казань, 1918). Работа получила высокую оценку в русской и зарубежной славистике.

Профессор Парижского университета (он был также секретарем французского общества научной связи с СССР) А. Мазон, анализируя работы по изучению Македонии, обратил внимание и на «Очерки по македонской диалектологии» А.М. Селищева, отметив, что «эта работа имеет двойное значение: по отчетливой классификации многочисленных фактов и по общим выводам наших введений о македонских говорах» [1, с. 14].

Профессор А. Мазон в первой части сборника, посвященной характеристике языка славянского населения южной Македонии, активно опирается на ссылки «Очерков по македонской диалектологии» А.М. Селищева, считая их «очень полезным трудом» [1, с. 4–5].

Высоко оценивает данную работу и профессор университета в Лейдене Н. Ван-Вейк: «Эти очерки являются весьма ценным обозрением» [2, с. 27].

Результаты исследований общественно-языковых воздействий среди балканских народов (среди греков, албанцев, аромун, болгар) признаны одним из известных и авторитетных знатоков балканских языков профессором Копенгагенского университета Кр. Сандфельдом, который тоже делает ссылки на «Очерки по македонской диалектологии».

Предметом исследования был обозначен язык македонско-болгарской группы. В работе, над которой А.М. Селищев трудился несколько лет, отражен языковой характер всех областей Македонии.

А.М. Селищева влекла к Македонии необходимость исследования языка славянского населения, их языковых связей с соседями. В предисловии к «Очеркам по македонской диалектологии» Афанасий Матвеевич писал:

«Глубокого интереса полна для исследователя славянская языковая область восточных Балкан и в особенности Македонии: богатство языковых процессов, многообразное скрещивание разных диалектических черт, ряд любопытнейших параллелей с соседними балканскими неславянскими языками заманчиво влекут к себе внимание слависта... Славянские говоры Македонии в течение последних 50 лет были объектом политических и публицистических споров и кровавых распрей, но не были в полном их объеме предметом научного исследования» [3, с. 256].

Афанасий Матвеевич называл Македонию «колыбелью и старой, и новой болгарской письменности, колыбелью болгарского возрождения» [3, с. 256]. Он считал, что именно в Македонии возникли «будители» болгарского народа, там были написаны первые книги на «простейшем языке, не книжном», для того, чтобы народ мог их активно использовать.

В болгарской типографии, в Солуне, печатались некоторые из этих книг. В монастырях Македонии существовала славянская письменность и во времена турецкого ига, когда были явные различные угнетения со стороны турок и фанаристов, когда было разбойничество арнаутов.

В Македонии живут славяне, греки, турки, албанцы, евреи, вlahи (аромуны), цыгане, черкесы и небольшое число других народностей, языки которых представляют собой совершенно разные группы.

А.М. Селищев приходит к выводу, что взаимоотношения разных народностей на Балканском полуострове вызвали некоторые общие языковые черты – балканизмы, объединяющие в той или иной степени новогреческие, болгарские, аромунские, албанские языковые группы. Тем не менее остаются отдельные языковые группы – новогреческая, болгарская, албанская, вlahская (в отдельных их частях). Понятно, что македонские греки говорят по-гречески, македонские вlahи (аромуны) – по-вlahски, македонские албанцы – по-албански, турки – по-турецки и т.д.

Многочисленная славянская часть населения в Македонии по этнографическим и лингвистическим чертам, по мнению А.М. Селищева, представляет собой одну из болгарских групп. «Это не есть особая славянская этническая группа. Историческая этнография и диалектология свидетельствуют, что македонские славяне и в давнее и в более новое время переживали процессы того же содержания, что и славяне во Фракии и в Мизии. Но издавна были и областные процессы, свойственные Македонии» [3, с. 256]. А.М. Селищев часто называл их в своих работах македонизмами.

А.М. Селищев глубоко погружен в историю изучения предмета своего исследования: «Само славянское население в Македонии всегда называло себя болгарами. Так оно называло себя и в давнее, и в новое время, и в наши дни. Первые памятники славянской письменности на юге написаны были на языке славян, живших в Солуни. Язык этих памятников по своим чертам – язык староболгарский» [3, с. 259].

Исследователи болгарской письменности начала XIX века, происходившие из Македонии и действовавшие там, пишут книги на местном их родном диалекте и называют язык своих книг «простым» или «простейшим языком» болгарским. Определение «простой» они употребляют в противоположность «высокому» греческому или «словенскому» (церковнославянскому) языку. Болгарами называют себя все последующие работники среди славянского населения Македонии – работники национального и революционного движения в Македонии.

Афанасий Матвеевич считает нелишним отметить следующее: члены революционной «Внутренней Македонской организации» в 90-х и 900-х годах называли себя болгарами, они враждебно относились к верховистам – к сторонникам объединения Македонии с Болгарией, последняя из которого должна

была занять главное руководство. Они отстаивали тезис «Македонию для македонцев» – для всех народностей, которые живут в Македонии. «Болгарами называют славянское население Македонии, и нынешние представители революционного движения в Македонии – члены ВМРО (объединенной), их печатный орган «Македонско Дело» (Вена) стоит на платформе программы компартии. Для македонских масс «Македонско Дело» в настоящее время является единственным глашатаем революционной борьбы и свободы» – об этом свидетельствует газета в Америке, являющаяся органом коммунистической партии» (Детройт, 1931, № 18) [3, с. 260].

Селищев использует газетные статьи, чтобы убедительнее оформить свои высказывания. По наблюдениям ученого, газета «Македонско Дело» представляет интересы македонцев, борется за их революционное освобождение, за свободную Македонию для македонцев, но если речь идет о какой-нибудь отдельной народности Македонии, то эта народность называется своим этническим именем: греки, турки, албанцы и др. Славянское население Македонии называется в этом печатном органе «болгарами».

Например: статья о македонском революционере П. Толеве по случаю 19-летия его убийства начинается так: «Он принадлежал также к группе так называемых “вагабонтов”, то есть к той небольшой группе из нескольких человек молодых македонских болгар (македонски болгари), которые, к большой неожиданности, проявили жадность к добыче софийских лжепатриотов, и посвятил всю свою жизнь делу не великоболгарского завоевательного национализма, а единственно и исключительно делу интересов македонского народа, без различия его вероисповедания, языка и народности. Эта маленькая группа первая выбросила лозунг “Македония для македонцев”, и первая наметила пути, средства и тактику македонской освободительной борьбы» («Македонско Дело», № 138, 1931 г.) [3, с. 260].

В большой статье т. Клисурова «Борьба за национальное освобождение Македонии» (печатается в ряде номеров) говорится, например, так о славянском населении:

«К концу 18-го и к началу 19-го века Македонию населяли преимущественно болгаре и греки. Турки не представляли такой массы, какую встречаем позднее, вследствие появления здесь переселенцев с Кавказа, из Болгарии, из Боснии, Герцеговины и др. Небольшое число влахов (влаши) были разбросаны по стране и огречивались...» («Македонско Дело», № 128, 1930 г.) [3, с. 260, 261].

А.М. Селищев, когда говорил о раннем периоде болгарской книжности в послесловии, указывал, что изучению писаний на простейшем языке болгарском одного из македонских книжников – пером Кирилла Пейчиновича... посвящена основная часть второго тома его работы. Он отмечал: «Нигде, ни в одном слове нет намека на мою склонность к спорящей буржуазии, бол-

602 | гарской и сербской. Если бы Македония осталась бы под турецкой властью или если бы ее захватила Болгария, как захватила Греция и Сербия (позднее Югославия), – тот или иной захват этой страны не изменил бы ни выводов моих изучений, ни моих отношений к Македонии. Мои изучения посвящены Македонии как таковой. Славянское население – одна из болгарских групп. Эта группа имеет ряд своих особенностей, македонизмов, как я часто говорю во всех своих работах, относящихся к Македонии. Такую же отдельную группу составляют говоры Прибалканского болгарского населения» [3, с. 262].

В 1932 году вышла книга А.М. Селищева «Славянское население в Албании» (260 с.). В этой книге исследуются общественные и языковые отношения в Македонии и Албании. Здесь есть и карта. Самый положительный отзыв этой книге дал лучший албаниолог, профессор Венского университета Norbert Joke: «Все ваши работы отличаются глубоко основательным методом, пронизательностью и глубокими познаниями...» [3, с. 264].

Таким образом, исследование Македонии и соседних областей является главным направлением в научной деятельности Селищева.

Литература

1. Российский государственный архив литературы и искусства // Фонд № 2231. Опись № 1. Единица хранения № 105. – 14 с.
2. Российский государственный архив литературы и искусства // Фонд № 2231. Опись № 1. Единица хранения № 137. – 15 с.
3. Российский государственный архив литературы и искусства // Фонд № 2231. Опись № 1. Единица хранения № 143. – 299 с.

Sviridova T.M.

Elets state I.A. Bunin university

A.M. SELISHCHEV: STUDY OF THE HISTORICAL LINGUISTIC PROCESSES IN MACEDONIA

The article pays attention to Macedonian aspect of the famous Slavonic scholar Afanasiy Matveevich Selishchev's research; the scholar collected dialectological material in Macedonia and made a classification of Macedonian accents.

Keywords: A.M. Selishchev; Macedonia; Macedonian accents.